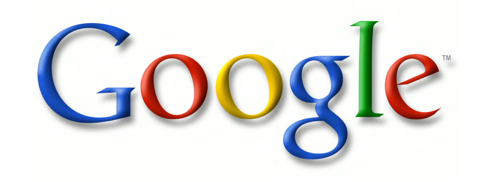
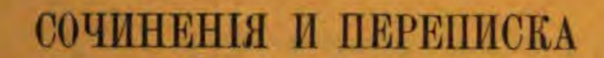


TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA



СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА

П. А. ПЛЕТНЕВА.

ПО ПОРУЧЕНІЮ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ИЗДАЛЪ

Я. ГРОТЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1885.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА

П. А. ПЛЕТНЕВА.

ПО ПОРУЧЕНІЮ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ИЗДАЛЪ

Я. ГРОТЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь, 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛЕТНЕВА.

Томъ II.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ [1]).

1845.

I.

9-го ноября 1844 года Россія лишилась человѣка, незабвеннаго для нея. Скончался *Иванъ Андреевичъ Крыловъ*. Достаточно этого имени, чтобы выразить вполнѣ, чтó утратили Русскіе всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, люди съ высшимъ образованіемъ и люди едва грамотные, лица, занимающія важнѣйшія должности, и неизвѣстныя частныя лица, блестящіе таланты, воспитатели, наставники—и всѣ, кому еще предстоитъ въ жизни, въ какой бы то ни было степени, умственное развитіе. Едва понятно, какъ могъ этотъ человѣкъ, одинъ, безъ власти, не обладавшій ни знатностію, ни богатствомъ, жившій почти затворникомъ, безъ усиленной дѣятельности, какъ онъ могъ проникнуть духомъ своимъ, вселиться въ помышленіе милліоновъ людей составляющихъ Россію, и остаться навѣкъ присутственнымъ въ ихъ умѣ и памяти. Но онъ дошелъ до этого легко, тихо, свободно и самъ едва сознавая необъятность и высоту своего безпримѣрнаго успѣха.

Богъ ниспослалъ ему *благодать слова*. Все могущество, доступное на землѣ человѣку по отношенію къ равнымъ ему, заключено въ этомъ неизъяснимомъ дарѣ. Мы всѣ постигаемъ, чув-

---

1) *Современникъ*. XXXVII, стр. 33—77.

ствуемъ и мыслимъ, а вслѣдствіе того и говоримъ, или пишемъ— только не всѣ равно. Слово есть полный образъ духовности въ человѣкѣ. Силы духа неисчислимо разнородны и разнообразны. Въ полнотѣ совершенства своего, по какой-то чудесной способности, онѣ все создаютъ въ такомъ дивно-прекрасномъ видѣ, въ такой гармоніи съ обще-человѣческою духовностію, какъ сама Природа. Міръ внѣшній, окружающій человѣка, вмѣщается въ его душу, гдѣ мы называемъ его внутреннимъ міромъ. Первый существуетъ въ одномъ неизмѣнномъ образѣ. Другой, по различію воспріемлющихъ, до безконечности разновиденъ. Поэтому слово, будучи полнымъ образомъ, какъ я сказалъ, духовности въ человѣкѣ, всегда показываетъ внѣшній міръ согласно не съ подлинникомъ, а съ принятыми имъ въ душѣ особенностями.

Въ Крыловѣ мы видѣли передъ собою вѣрный, чистый, совершенный образъ Русскаго. Его индивидуальную духовность всего точнѣе можно уподобить слитку самороднаго золота, нигдѣ не проникнутаго даже песчинкой посторонняго минерала. Эту, можетъ-быть, единственную въ своемъ родѣ натуру воспитаніе, обстоятельства жизни, связи и отношенія, влеченіе вкуса, и— безъ сомнѣнія, всего болѣе—ясный умъ образовали такъ полно, твердо и высоко, что во всѣхъ явленіяхъ, даже въ каждомъ элементѣ ея дѣятельности, все типически выражало Русскій міръ. До чего ни прикасалась, на что ни взглядывала, чѣмъ ни отзывалась духовность человѣка, такъ счастливо образовавшагося и окрѣпшаго въ убѣжденіяхъ, все въ ея могучемъ словѣ являлось истиннымъ, точнымъ и полнымъ. Внутренній міръ Крылова до такой степени хранилъ тождество съ внѣшностію, окружавшею его; художническій умъ его въ такой тонкости постигалъ легчайшіе оттѣнки и особенности русскаго смысла, положеній, привычекъ, языка, звуковъ, красокъ, ощущеній и духа, что слово его съ появленія въ головѣ до послѣдней обстановки въ поэтическомъ созданіи, каждымъ движеніемъ, каждою чертою, въ совершенствѣ выполняло свое призваніе.

II.

Всѣмъ извѣстно, что Крыловъ не отвергалъ отъ себя общаго достоянія людей мыслящихъ—знаній и счастливыхъ произведеній, обработанныхъ на другихъ языкахъ. По своимъ понятіямъ, сужденіямъ, по своей жизни, привычкамъ и прекрасно-очищенному вкусу, по любви къ талантамъ и личнымъ успѣхамъ въ нѣкоторыхъ художествахъ (наприм.: въ рисованіи, музыкѣ), онъ былъ равенъ всѣмъ самымъ образованнымъ людямъ высокаго разряда. Еще болѣе скажу: природа надѣлила его способностію быстро и легко усвоивать другіе языки. Слѣдовательно онъ, подобно всѣмъ современникамъ, находился подъ тѣмъ вліяніемъ иноземнымъ, которому не безъ основанія мы приписываемъ частое отсутствіе въ насъ самобытности и народности. Между тѣмъ онъ духомъ своимъ такъ былъ крѣпокъ и неодолимъ; умъ его такъ былъ строгъ и вмѣстѣ гибокъ, что на соображеніяхъ и исполненіи его не осталось и слѣда подчиненности или увлеченія, ни пріема заимствованнаго и отзывающагося смѣшеніемъ разнородныхъ движеній, а напротивъ каждое вызываемое имъ лицо и складъ его мыслей облекались самымъ разительнымъ образомъ въ русскую физіономію. Народность его произведеній заключается не въ одномъ прекрасномъ употребленіи чисто-русскаго языка, народныхъ поговорокъ, не въ одномъ вѣрномъ описаніи костюмовъ, быта русскаго, нравовъ, привычекъ, добрыхъ и дурныхъ нашихъ качествъ, нѣтъ: въ его словѣ живо обрисованы полныя сцены нашей духовной жизни съ зародыша идеи, или съ перваго взгляда, молчаливо остановившагося на предметѣ, до конца умственной работы, или до послѣдняго явленія въ дѣйствіи. Наружное положеніе, самый ходъ внутреннихъ ощущеній, столкновенія съ побочными препятствіями, напряженіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, улыбка удачи и грубое восклицаніе промаха выставлены на судъ и наслажденіе зрителя не въ общихъ, или только приблизительныхъ чертахъ, а въ яркой недѣлимости, которую учено-геніальной кистію всю сорвалъ живописецъ съ русскаго натурщика.

Однѣ природныя способности, безсознательно устремленныя на искуство, объемлющее столько разнородныхъ матеріаловъ и для каждаго изъ нихъ требующее столько гибкости, и утонченности всѣхъ эстетическихъ силъ, не могли бы вынести Крылова на ту высоту, которой онъ, по общему, единогласному признанію, достигнулъ какъ народный русскій писатель, если бы онъ свѣтлымъ и независимымъ своимъ умомъ, со всею истиною и точностію, не опредѣлилъ для себя гармонически теоріи своего искуства. Но теорія его, въ каждомъ созданіи, въ каждомъ стихѣ, даже въ каждомъ выраженіи высказывающаяся явственно, неуловима для исполненія. Она, какъ органическая жизнь въ природѣ, всегда будетъ возбуждать любознательность, изумленіе; но по ея законамъ никто самъ не создастъ творенія, равнаго тому, которое изучаетъ.

III.

2-го февраля 1838 года исполнилось Крылову семьдесятъ лѣтъ отъ рожденія. Торжественно и умилительно выразилось въ это время чувство всеобщаго уваженія къ его несомнѣннымъ заслугамъ отечеству. Юбилей, празднованный здѣсь въ тотъ день, когда исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ появленія въ печати первыхъ его стихотвореній, конечно на всѣ послѣдніе годы его жизни оставилъ въ душѣ его сладостнѣйшія воспоминанія. Дань любви, признательности и почтенія выразилась такъ свободно, единодушно и полно, что въ честь частнаго человѣка едва ли бывалъ когда подобный праздникъ.

Есть небольшая біографія Крылова, напечатанная въ январѣ 1844 года (*Звѣздочки* ч. IX, стран. 34—60). Тамъ подробно описано все бывшее на юбилеѣ. Эта біографія очень замѣчательна. Ее составила одна дама, много вывѣдавшая подробностей о дѣтствѣ Крылова, какъ видно, изъ разговоровъ съ нимъ. Сердце умной и любящей женщины понимало, на чемъ всего занимательнѣе остановить вниманіе. «Часто спрашивала я нашего несравненнаго Ивана Андреевича (говоритъ сочинительница его біографіи) о дѣтскихъ

его склонностяхъ, о томъ, проявлялся ли въ младенчествѣ его геній; но онъ мнѣ всегда отвѣчалъ:—И, матушка, я былъ дитя какъ и всѣ, игралъ, рѣзвился, учился не отлично, иногда меня даже и сѣкали.—«На тринадцатомъ году своей жизни (продолжаетъ она) Иванъ Андреевичъ лишился отца. Мать сдѣлалась для него земнымъ провидѣніемъ, какъ бываютъ всѣ матери для дѣтей своихъ. Она съ материнскою проницательностью открыла способности своего сына, и старалась развить ихъ не смотря на ограниченность своихъ средствъ. Андрей Прохоровичъ (отецъ Крылова) не оставилъ послѣ себя почти никакого состоянія, но оставилъ нѣсколько книгъ, которыя собиралъ въ продолженіе своей жизни. Эта библіотека лежала не въ богатыхъ шкафахъ, но въ полуразвалившемся сундукѣ, въ пыли и безпорядкѣ. Марья Алексѣевна (мать поэта) вывела на свѣтъ эти спрятанныя сокровища, и сама себѣ составила планъ образованія своего сына. Желая пріохотить его къ ученію, она обѣщала давать ему награду, когда онъ прилежно будетъ читать съ нею въ положенные часы. Маленькому Крылову понравилось это распоряженіе. Онъ охотно принимался за книги, усердно читалъ, и каждый разъ получалъ гривну или двѣ—мѣди. Тогда деньги были очень дороги; тогда ими очень дорожили. И когда маленькій Крыловъ сдѣлался владѣтелемъ капитала въ нѣсколько рублей, то онъ считалъ себя богачемъ. Мать его, чтобы не пріучить его къ корыстолюбію, къ желанію копить деньги, или къ другой крайности—тратить ихъ на пустяки, придумала очень хорошее средство: она замѣчала ему, что у него изорваны перчатки, старъ картузъ, и совѣтовала на свои деньги купить и то, и другое. Молодой Крыловъ радовался, что могъ самъ доставать себѣ необходимыя вещи, выбиралъ хорошія свѣтлыя перчатки, щегольской картузъ—и все это очень берегъ, потому что мы всегда какъ-то болѣе дорожимъ тѣмъ, что пріобрѣтаемъ своимъ трудомъ, нежели тѣмъ, что намъ достается даромъ.—Мать его хотѣла и съ французскимъ языкомъ употребить то же средство, которое такъ хорошо удалось съ русскимъ. Она, не зная ни слова по-французски

(между тѣмъ мальчикъ успѣлъ ознакомиться съ этимъ языкомъ, поучившись нѣсколько у гувернера-француза, жившаго у губернатора: это происходило въ Твери, гдѣ служилъ передъ кончиною своею отецъ поэта), заставляла сына читать на этомъ языкѣ въ положенные часы, и давала награды. Но французская грамота не такъ легко давалась Крылову, какъ своя родная. Онъ рожденъ былъ человѣкомъ чисто-русскимъ, и потому-то къ его природѣ не легко прививалось что-нибудь иностранное. Ему скучно было читать на языкѣ мало знакомомъ. Онъ бѣгло повторялъ слова и фразы, которыя зналъ наизусть, перевертывалъ листы, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда пройдетъ положенный часъ. Марья Алексѣевна можетъ-быть и догадывалась, на какія хитрости подымался ея сынокъ; но она дѣлала видъ, будто ничего не замѣчаетъ, и продолжала давать ему положенное награжденіе. Ему стало скучно бормотать безъ связи и толку заученыя фразы, да и совѣстно обманывать добрую свою мать. Онъ рѣшился читать съ пользою и понимать, чтó читаетъ. Вотъ для того онъ взялъ лексиконъ, началъ пріискивать каждое незнакомое слово, и такимъ образомъ скоро научился по французски.

IV.

Приведенные мною разсказы драгоцѣнны. Они такъ близко знакомятъ читателя съ дѣтствомъ поэта. Все, чѣмъ бы захотѣлось въ этомъ родѣ теперь пополнить дальнѣйшія событія жизни Крылова, уже невозможно. Только самъ онъ изъ устъ своихъ могъ снабдить женскую любознательность подобными подробностями. Не менѣе занимательно тамъ же разсказано и о первыхъ опытахъ авторства Крылова, о первыхъ его знакомствахъ послѣ переѣзда съ матерью изъ Твери въ Санктпетербургъ (напр.: съ Дмитревскимъ, Брейткопфомъ), о началѣ его службы, о кончинѣ матери его и проч. Не думаю, чтобы въ бумагахъ Крылова нашлись «Записки о жизни его». Онъ былъ, какъ я и сочинительница біографіи согласно замѣтили, *по преимуществу русскій чело-*

вѣкъ. А Русскіе ничему въ себѣ не удивляются, ничего не признаютъ въ собственныхъ дѣлахъ за чрезвычайное и любопытное. Только особенныя и слишкомъ рѣдкія обстоятельства при воспитаніи или въ первой молодости выводятъ нѣкоторыхъ изъ этого *смиренномудрія.* По смерти своей великіе люди наши оставляютъ въ достояніе исторіи только три наслѣдства: послужной списокъ, нѣсколько анекдотовъ—и то, если случайно переживутъ ихъ ближайшіе изъ современниковъ, — и гласныя дѣла свои. Всякій согласится со мною, чѣмъ можно поживиться изъ послужного списка Крылова? Самый продолжительный періодъ его службы прошелъ въ Императорской Публичной библіотекѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ отдѣленіемъ русскихъ книгъ. Историческія дѣла его — это *Басни Крылова.* Тутъ конечно есть надъ чѣмъ поработать и грамматику, и филологу, и поэту, и историку, и критику высшихъ совершенствъ поэзіи, и даже критику вообще изящныхъ искуствъ. Но всѣ труды ихъ войдутъ только въ область верховнаго человѣковѣдѣнія, а не въ біографію. Басни же Крылова, просто какъ дѣла его, всѣ уже знаютъ наизусть. Мнѣніе свое о литературныхъ его заслугахъ я изложилъ за нѣсколько передъ симъ лѣтъ (*Современника* т. IX [1]). Въ изложеніи своемъ я разсматривалъ его въ трехъ отношеніяхъ отдѣльно: 1, какъ *поэта вообще*, т. е. художника, который все, доступное обработыванію душевныхъ силъ, лучшими орудіями языка пересоздаетъ въ ясные, полные и живые образы, представляющіе изъ области своей какъ бы *вторую* природу со всѣми вѣчными ея законами; 2, какъ *баснописца*, т. е. спеціальнаго поэта, который на всякую свою мысль набрасываетъ легкій, прозрачный покровъ аллегоріи; который въ каждомъ существѣ чувствуетъ проявленіе чего-то человѣческаго, подобно жителю Индіи, вѣрующему въ переселеніе душъ; однимъ словомъ, поэта, которому въ одно и то же время съ одной стороны всякая вещь говоритъ о человѣкѣ, а съ другой всякое о немъ помышленіе принимаетъ какой-нибудь

---

[1]) См. Томъ I настоящаго изданія, стр. 340—349.

изъ чувственныхъ образовъ, населяющихъ вселенную; наконецъ 3, какъ *русскаго писателя*, т. е. автора, который явленія русской жизни со всѣми частностями, прикосновенными къ этой идеѣ, изображалъ въ русскихъ стихахъ съ поэтическою вѣрностію, поразительно и неизгладимо; который въ душѣ своей хранилъ такую симпатію ко всѣмъ окружающимъ его явленіямъ, что, говоря о нихъ, прямо и удивительно мѣтко попадалъ на выраженія, обороты рѣчи, разстановку словъ, даже на самые звуки, исключительно отличающіе нашъ языкъ отъ языковъ иностранныхъ; автора, у котораго человѣкъ и его дѣйствія, мысль и слово, образъ и его очертаніе не иначе возникали въ умѣ и воображеніи, какъ подъ неизмѣннымъ типомъ народности нашей.

Трудно найти человѣка, котораго жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событіями, какъ жизнь Крылова. По своему характеру, привычкамъ и образу жизни онъ безпрестанно подвергался тѣмъ случаямъ, въ которыхъ выражаются рѣзкія особенности ума, вкуса, добродушія или слабостей. Если бы можно было собрать въ одну книгу всѣ эти случаи и сопровождавшія ихъ явленія, она составила бы въ нѣкоторомъ смыслѣ энциклопедію русскаго быта и русскаго человѣка—въ видѣ Крылова. Къ сожалѣнію, Гнѣдичъ, вѣрнѣе всѣхъ хранившій въ памяти своей лучшее изъ этой любопытной энциклопедіи, все унесъ съ собою въ могилу, маленькую только часть оставивъ въ наслѣдство друзьямъ своимъ, изъ которыхъ иные тоже умерли, а другіе *странствуютъ далече*...

V.

С. Н. Глинка, по кончинѣ Крылова, прислалъ мнѣ небольшую о немъ выписку изъ своихъ «Записокъ». Я изъ нихъ приведу здѣсь то, что сколько-нибудь послужитъ къ пополненію будущей біографіи поэта. С. Н. Глинка только тремя годами моложе Крылова. Итакъ на его сказанія положиться можно. «Иванъ Андреевичъ (написано у него) гласно сталъ заниматься литературою въ

осьмидесятыхъ годахъ. Съ капитаномъ гвардіи Рахмановымъ началъ онъ тогда издавать *Почту Духовъ.* Съ 1792 года имя его сдѣлалось извѣстнѣе. Съ Клушинымъ и другими товарищами онъ сдѣлался редакторомъ *Санктпетербургскаго Зрителя.* Здѣсь между прочимъ напечатана остроумная повѣсть его въ прозѣ: *Каибъ.* Сочиненіемъ басень онъ занялся послѣ поѣздки въ Москву, гдѣ Дмитріевъ, прочитавъ первые опыты его въ этомъ родѣ поэзіи, присовѣтовалъ ему не оставаться при одной попыткѣ. Тамъ князь Шаликовъ въ это время (1805), подъ покровительствомъ Дмитріева, приступилъ къ печатанію журнала: *Московскій Житель.* Въ немъ, въ одно и то же время, помѣщены были: *Письмо* Дмитріева о цѣли, духѣ и направленіи повременныхъ изданій, и басня Крылова: *Разборчивая Невѣста.* Съ этой эпохи Иванъ Андреевичъ писалъ почти исключительно басни. Первое изданіе ихъ явилось въ 1809 году. Жуковскій въ *Вѣстникѣ Европы* произнесъ о нихъ замѣчательное свое мнѣніе, которое перешло въ послѣдствіи времени и въ полное собраніе сочиненій его. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* также замѣчено было издателемъ о басняхъ Крылова, что въ разсказѣ есть новыя и живыя выраженія. Не вхожу здѣсь (продолжаетъ С. Н. Глинка) ни въ какой разборъ: басни Крылова *разобрала* цѣлая Россія. Упомяну только о моемъ свиданіи съ нимъ, когда онъ жилъ еще въ домѣ Императорской Публичной библіотеки. При входѣ моемъ онъ лежалъ на софѣ съ книгою въ рукахъ. То былъ греческій Эзопъ. «Вы снова перечитываете Эзопа?» сказалъ я. — Учусь у него,—возразилъ Иванъ Андреевичъ. «Это удѣлъ генія», прибавилъ я: «умъ обыкновенный встрѣчаетъ предѣлъ; геній идетъ впередъ, далѣе, мечтая о совершенствѣ. Виргилій завѣщалъ, чтобы сожгли его Энеиду; хорошо сдѣлали, что не послушались его. Латинская словесность лишилась бы вѣнца славы своей. Впрочемъ и нашъ Державинъ сказалъ: «Учиться никогда не поздно».

Знаете ли что Лафонтенъ и Дмитріевъ и вы упустили самую разительную, или, какъ нынче говорятъ, *геніальную* черту въ баснѣ Эзопа: Дубъ и Трость?» — Какъ это? — спросилъ Иванъ

Андреевичъ. «А вотъ какъ», отвѣчалъ я: «въ паденіи дуба Эзопъ представилъ паденіе гордыни, спеси, презорства; въ торжествѣ тросточки торжество кротости, скромности, смиренія. Лафонтенъ почти піитическою трубою передалъ эту басню. У него дубъ простоналъ. Прекрасно разсказана эта басня и у Дмитріева и у васъ. Но дубъ только палъ. Спесь, падая тихомолкомъ, въ удаленіи отъ зрителей, кое-какъ утѣшится. Но что дубъ палъ къ стопамъ смиренной тросточки, вотъ что больно спеси и гордынѣ». Крыловъ привсталъ, подалъ мнѣ трубку и сѣлъ. Я закурилъ и продолжалъ: «Лафонтенъ правду сказалъ, что Эзоповы басни драма во ста дѣйствіяхъ. Онъ вывелъ въ нихъ всю природу отъ кедра до иссопа. И въ нихъ каждый въ чемъ-нибудь себя узнаетъ, и что-нибудь найдетъ для себя. Я говорю это о сущности вымысловъ; но въ поэзіи и Лафонтенъ и Дмитріевъ и вы побѣдители. У васъ, Иванъ Андреевичъ, въ басняхъ своя жизнь, свое неотъемлемое достоинство. Замѣтили, и я повторяю, что вы всѣмъ дѣйствователямъ вашихъ басенъ передали во всемъ самобытность русскую. Переводчикъ вашихъ басень, г. Маклэ, человѣкъ очень умный и знающій вполнѣ русскій языкъ, не достигъ своей цѣли. Переводъ его не имѣлъ успѣха за границею. Снова повторяю: жизнь вашихъ басенъ—въ русскомъ словѣ и въ вашей поэзіи». Поговоривъ еще немного, я всталъ, а Иванъ Андреевичъ сказалъ: — Сергѣй Николаевичъ! насъ, старыхъ знакомыхъ, теперь немного осталось. — «Да,» отвѣчалъ я: «и старикъ Шатровъ умеръ». Это было послѣднее мое свиданіе съ Крыловымъ. Я познакомился съ нимъ еще въ прошедшемъ столѣтіи, у московскаго сибарита, любителя словесности и гостепріимца всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ и вообще писателей, Ф. Г. Карина. Я пережилъ ихъ всѣхъ; грустно! Но Крыловъ не умеръ: геній не умираетъ. Басни его сдѣлались общимъ народнымъ сокровищемъ. Онъ первый изъ русскихъ писателей (заключаетъ С. Н. Глинка) увѣнчался торжествомъ юбилея — и это перейдетъ въ исторію Императора Николая Перваго».

VI.

Съ поэтическимъ талантомъ, въ раннемъ еще дѣтствѣ открывшемся (опера *Кофейница* написана авторомъ 15-ти лѣтъ), Крыловъ отъ природы получилъ самый твердый, самый ясный, самый здравый умъ. Обстоятельства жизни ему не позволили систематически во - время образовать эти рѣдкія дарованія. Онъ принужденъ былъ начать службу ребенкомъ и проводить лучшія лѣта за дѣлами и между людьми, гдѣ ничего не было общаго съ его наклонностями и назначеніемъ. Но изъ положенія, такъ сказать, безплоднаго, тягостнаго и даже насильственнаго, душа его умѣла вынести на жизнь много полезнаго. Онъ лицомъ къ лицу ознакомился съ мыслящею нуждою; разглядѣлъ, постигнулъ и оцѣнилъ людей на разныхъ ступеняхъ гражданскихъ; онъ проникнулся стихіями народности не изъ книгъ, не изъ разсказовъ, а вдыхая ихъ самъ въ себя какъ участникъ и дѣйствователь. Эта съ одной стороны опытность, прикоснувшаяся не ко многимъ изъ самыхъ извѣстныхъ писателей нашихъ, съ другой стороны врожденная способность понимать до тонкости всѣ оттѣнки поступковъ и мнѣній людей, занимающихъ высшій слой общества, способствовали Крылову съ равнымъ успѣхомъ вполнѣ нравиться во всякомъ кругу. Онъ не былъ чуждъ ничему, принятому людьми. Я помню, что одинъ изъ умнѣйшихъ случайныхъ людей отзывался о немъ такъ: «Я больше всѣхъ писателей люблю Крылова; съ нимъ можно и поговорить о дѣлѣ, и поболтать, и съ удовольствіемъ пообѣдать, и даже въ карты поиграть». Послѣдняя забава, въ молодости его, едва не обратилась въ его страсть. Гнѣдичъ разсказывалъ, что нѣкогда для нея онъ готовъ былъ всѣмъ жертвовать. Увѣряли даже, будто покойный Государь Александръ Павловичъ, благодѣтельствовавшій ему столько же, какъ и нынѣ царствующій Императоръ [1]), узнавъ о томъ, сказалъ: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если

---

[1]) Писано въ 1845 году.

онъ проиграетъ талантъ свой». Удивительно ли, что человѣкъ, который успѣвалъ работать для журналовъ, для службы, для театра, который былъ веселымъ товарищемъ въ разгульномъ собраніи и умѣлъ одушевить, даже украсить самый блестящій кругъ удивительно ли, что онъ сдѣлался любимцемъ высшей въ С.-Петербургѣ аристократіи? Передавая нѣкоторыя біографическія черты гр. Александра Сергѣевича Строганова (*Соврем.* т. XXXI, см. въ этомъ изд. т. I, стр. 503), я упомянулъ уже, въ какомъ отношеніи Крыловъ находился къ его дому. Точно такъ же онъ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ во многихъ другихъ семействахъ значительныхъ людей. Но, какъ всѣмъ конечно памятно еще, вполнѣ душой и сердцемъ принадлежалъ онъ дому А. Н. Оленина.

Наступаетъ время, съ котораго говорить о Крыловѣ становится мнѣ удобнѣе, потому что многое изъ того удалось самому мнѣ видѣть. Это 1811 годъ. Меня привезли тогда въ С.-Петербургъ—и хоть изъ казеннаго заведенія, въ которое помѣстили меня, трудновато было находить доступъ къ свѣту, но мнѣ посчастливилось посмотрѣть на Крылова въ одну изъ лучшихъ для него эпохъ. Послѣдовало открытіе Императорской Публичной библіотеки. Нѣсколько лѣтъ ежегодно праздновали это событіе торжественнымъ публичнымъ собраніемъ—и каждый разъ учреждалось тутъ чтеніе новыхъ сочиненій замѣчательнѣйшихъ въ то время литераторовъ. Въ первый разъ увидѣлъ я Крылова, когда онъ читалъ въ этомъ собраніи только-что написанную имъ басню: *Похороны*. Никто лучше его не умѣлъ дать чтеніемъ всей прелести, выразительности и разнообразной игры чуднымъ красотамъ его басенъ. Онъ не читалъ, а въ полномъ смыслѣ разсказывалъ, не напрягая нисколько силы голоса, не прибѣгая никогда къ искуственному протяженію звуковъ или къ эффектности въ ихъ окончаніи. Тогда Крылову было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Но отъ излишней полноты и обыкновенной у него во всемъ небрежности онъ казался гораздо старѣе. Совершенную съ нимъ противоположность представлялъ Гнѣдичъ, какъ методою чтенія, такъ и всею своею наружностію. Онъ до изысканности любилъ все щего-

леватое, стараясь соблюдать въ строгости пріемы и движенія свѣтскаго человѣка изъ лучщаго общества. Жёлая сообщить художническую выразительность чтенію своему, Гнѣдичь соразмѣрялъ высоту или пониженіе голоса съ пространствомъ самаго мѣста, заранѣе готовилъ движенія, смотря по смыслу стиховъ; нѣкоторыя изъ нихъ выговаривалъ медленно, нараспѣвъ, другіе глухо и едва слышимо. Нельзя однакоже отнять у него справедливости, чтобы онъ не достигалъ цѣли своей; часто отъ его чтенія, особенно Омеровскихъ экзаметровъ, начинало невольно что то шевелиться въ груди слушателя и движеніе крови измѣнялось. Онъ читалъ въ упоминаемомъ собраніи свою небольшую поэму: *Рожденіе Омера.*

VII.

Съ 1805 года до поступленія въ библіотеку Крыловъ писалъ преимущественно для театра. Въ это время имъ сочинены комедіи: *Модная лавка*, *Урокъ дочкамъ* и опера: *Илья богатырь.* А. Н. Оленинъ умѣлъ соединить на службѣ при библіотекѣ многія извѣстныя лица изъ литераторовъ. Кромѣ Крылова и Гнѣдича тамъ же были: знатокъ славянской филологіи А. Х. Востоковъ, переводчикъ нѣкоторыхъ трагедій Расина М. Е. Лобановъ, первый въ Россіи библіографъ В. С. Сопиковъ; а впослѣдствіи времени: поэтъ баронъ А. А. Дельвигъ и—тогда только еще писатель для театра—М. Н. Загоскинъ. Домъ Оленина всегда оставался центромъ соединенія писателей русскихъ. Изъ Москвы переселившись въ сѣверную столицу, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ и—по выходѣ изъ лицея—Пушкинъ тамъ встрѣчались другъ съ другомъ часто, или ужь по крайней мѣрѣ по воскресеньямъ. Знаменитые иностранцы (наприм.: баронъ А. Гумбольдтъ), пріѣзжая въ С.-Петербургъ, тутъ находили лучшее русское общество литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Оленинъ былъ президентомъ и Академіи художествъ. Кромѣ просвѣщеннаго и радушнаго хозяина, тамъ было существо—олицетворенная доброта и участіе, Е. М. Оленина, урожденная Полторацкая. Чело-

вѣкъ безсемейный и необремененный дѣлами, Крыловъ привыкъ почитать этотъ домъ родственнымъ для себя. Его любили и даже баловали тамъ какъ ребенка. Всѣ свои привычки и прихоти онъ находилъ у нихъ предупрежденными. Когда лѣта, соединившись съ его поэтическою лѣностью, отучили его отъ разсѣянности и многочисленныхъ посѣщеній, онъ выѣзды свои изъ дома ограничилъ единственно семьею Олениныхъ и англійскимъ клубомъ, который сохранилъ надъ нимъ права свои до послѣднихъ годовъ его жизни. Крыловъ, при сознаніи великаго таланта своего, всегда скромный и самые блестящіе успѣхи свои чистосердечно приписывавшій счастливымъ обстоятельствамъ своей жизни, трогательно, не разыгрывая театральной роли, во всеуслышаніе высказалъ въ одномъ изъ стихотвореній своихъ сердечную, можно сказать, безпримѣрную признательность передъ А. Н. Оленинымъ за его неизмѣнную любовь къ нему. Посылая экземпляръ басенъ своихъ одного изъ безчисленныхъ изданій, вотъ что ему написалъ онъ и послѣ напечаталъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ:*

Прими, мой добрый меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, можетъ-быть, инымъ я страненъ покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что, на меня
Щедротъ монаршихъ лучь склоня,
Лѣнивой Музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?

При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими жъ мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается.

VIII.

Бо́льшая часть служащихъ при библіотекѣ помѣщается близь нея въ особомъ домѣ, почти противъ угла Гостинаго Двора. По одной лѣсницѣ надобно было всходить къ Крылову и Гнѣдичу, изъ которыхъ первый жилъ во второмъ этажѣ, а другой въ третьемъ. Библіотекари и помощники ихъ обязаны по очереди наблюдать по службѣ дежурство не только на цѣлый день, но и на всю ночь. Никогда никто изъ нихъ не искалъ для себя льготы или исключенія. Напро́тивъ: эти дни, проводимые въ богатѣйшемъ книгохранилищѣ, принадлежали къ пріятнѣйшимъ для нихъ. Только лѣтомъ иногда тяготился Гнѣдичъ. Онъ, въ отсутствіе посѣтителей, выходилъ на обширный, нынѣ уже застроенный дворъ, и мѣрно тамъ расхаживалъ, освѣжаясь тѣнью главнаго зданія. На вопросъ являвшагося къ нему пріятеля: не дежурный ли онъ? молча показывалъ пальцемъ красную ленточку на галстукѣ своемъ и только прибавлялъ иногда серьёзно: «Вѣдь ты видишь». Крыловъ не любилъ движенія. Онъ принималъ всѣхъ, оставаясь на диванѣ и читая какой-нибудь старинный романъ, хоть бы это были: *Письма Эрнеста и Доравры*. Съ лѣтами и дородностію онъ болѣе и болѣе погружался въ недѣятельность. Но чтобы избавиться скуки, онъ, безъ малѣйшаго участія въ разсказываемомъ, провожалъ глазами страницу за страницей — и чѣмъ былъ романъ глупѣе, тѣмъ онъ, по собственному его признанію, оставался имъ довольнѣе. Случалось, что такимъ образомъ одну и ту же книгу въ разное время перечитывалъ онъ по нѣскольку разъ. Въ отдѣленіи русскихъ книгъ помощникомъ Крылова былъ Сопиковъ, уже старикъ, но крѣпкій здоровьемъ, проведшій какъ книгопродавецъ бо́льшую часть жизни за систематическою раскладкою книгъ и

обогащенный свѣдѣніями по русской библіографіи. Это былъ кладъ для Ивана Андреевича. Русскихъ книгъ поступаетъ въ библіотеку несравненно болѣе, нежели на другихъ языкахъ. Но Сопиковъ успѣвалъ все устраивать, какъ нельзя лучше — и Крылову оставалось только любоваться исправностію по обязанности, на немъ лежавшей.

Но когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, и въ помощники одного поэта явился другой, не менѣе его по природѣ лѣнивый, то нерѣдко приходилось и Крылову озабочиваться. Баронъ Дельвигъ не чуждался должности. Онъ даже съ пристрастіемъ полюбилъ ее — но не для водворенія системы, или составленія каталога, а для обогащенія себя знаніями. Здѣсь онъ въ недолгіе годы пріобрѣлъ эту удивительную начитанность, которая его ввела какъ современника во всѣ эпохи нашей литературы. Я сошелся съ Дельвигомъ при самомъ началѣ его и моего вступленія въ свѣтъ и въ литературу. Отъ лицейскаго порога до самой кончины его это соединеніе сохранило одинъ, ровный, чистый характеръ. Мнѣ свѣдомы были каждое въ немъ ощущеніе и каждая мысль. Въ отношеніи къ Крылову, онъ былъ, какъ и всѣ, искреннимъ почитателемъ его таланта и всей душою любилъ его какъ человѣка. Несмотря на неудобства по общей ихъ службѣ, чтó могло бы другихъ рассорить, они всегда оставались въ лучшихъ отношеніяхъ, потому что Крыловъ никогда не былъ холоденъ къ истинному таланту въ другомъ. Они, сколько могли, старались нести тяготы другъ друга. Крыловъ придумалъ тогда картонные въ видѣ толстыхъ книгъ футляры, въ которые по авторамъ и вкладываются многочисленныя брошюры (преобладающая отрасль русской словесности). Между тѣмъ библіотека попрежнему наполнялась ежедневно посѣтителями, изъ которыхъ едва ли не бóльшая часть приходила туда для бесѣды съ кѣмъ-нибудь изъ замѣчательныхъ лицъ, ей принадлежавшихъ. Въ это время и я могъ примкнуть себя къ безчисленному сонму людей, которымъ удалось войти въ ряды знакомыхъ Ивана Андреевича. Что касается до него, онъ рѣдко могъ похвалиться, чтобы хорошо кого-нибудь помнилъ. Это и не

удивительно. Со всѣхъ сторонъ, иностранцы и соотечественники, писатели и читатели, безпрестанно являлись къ нему, кто съ тетрадію, кто съ книгою, кто съ письмомъ, кто съ фразою — и всѣмъ имъ онъ долженъ былъ показывать видъ, что съ участіемъ будетъ хранить память о столь пріятномъ знакомствѣ. Никогда не забуду забавной сцены, какую представляли одинъ передъ другимъ — Крыловъ, отъ кого-то получившій передъ тѣмъ экземпляръ идиллій, и элегическій поэтъ, въ первый разъ къ нему явившійся. Ивану Андреевичу пришло на умъ, что онъ видитъ своего идиллика (именъ не помнилъ онъ), а потому и поспѣшилъ благодарить его за пріятный подарокъ, котораго сладость будто бы онъ уже успѣлъ вполнѣ вкусить. Другой, исполненный совершеннаго неуваженія къ этому сочиненію, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и внутренно страдалъ отъ мысли, за кого его принимаютъ. Короче познакомясь съ Крыловымъ, въ послѣдствіи времени, я иногда шутилъ надъ притворствомъ его, къ которому онъ долженъ былъ прибѣгать, кланяясь, или отвѣчая множеству незнаемыхъ имъ людей. Онъ скромно отшучивался и со всею серьёзностію всякій разъ изъяснялъ мнѣ, что не онъ одинъ, а всѣ вообще люди въ подобномъ отношеніи состоятъ къ другимъ, и что на долю каждаго изъ насъ всегда приходится больше такихъ, которые знаютъ насъ нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ.

IX.

У Крылова нельзя было не замѣтить самаго тонкаго чувства и быстраго соображенія, когда онъ судилъ о произведеніяхъ литературы и вообще о каждомъ предметѣ. Получивъ первое изданіе Ламартина *Méditations poétiques*, баронъ Дельвигъ и я показали эту новость Ивану Андреевичу, бывшему съ нами въ библіотекѣ. Онъ внимательно просмотрѣлъ во многихъ мѣстахъ разныя пьесы, прочелъ нѣсколько изъ нихъ вполнѣ — и, отдавая книгу, сказалъ: *«да, стихи довольно густы»*. Въ самомъ дѣлѣ, сравнительно съ предшественниками, Ламартинъ русскому чита-

телю болѣе всего на первый разъ могъ кинуться въ глаза только полнотою стиховъ, звуковъ и картинъ — но не болѣе. Еще прежде него мы наслаждались высокою поэзіею Жуковскаго, который и точнѣе, и глубже, и возвышеннѣе его. Крыловъ сознавалъ въ Жуковскомъ талантъ независимый и энергическій. Онъ постоянно сохранялъ къ нему въ душѣ своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая съ нимъ, онъ бывалъ пріятно-остроуменъ. Разъ, на вечерѣ у Жуковскаго, Крыловъ чего-то искалъ въ бумагахъ на письменномъ столѣ. — Что вамъ надобно, Иванъ Андреевичъ? — спросили его. «Да вотъ какое обстоятельство», отвѣчалъ онъ: «надобно закурить трубку; у себя дома обыкновенно я рву для этого первый попадающійся мнѣ подъ руку листъ; а *здѣсь* нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ». Есть очень любопытная картина, представляющая кабинетъ Жуковскаго, когда онъ жилъ въ томъ отдѣленіи Зимняго дворца, которое называлось Шепелевскимъ. Тамъ видишь группы людей въ разныхъ положеніяхъ. Это портреты литераторовъ и другихъ лицъ, собиравшихся у него. Всѣхъ замѣтнѣе и живописнѣе тутъ Крыловъ рядомъ съ Пушкинымъ. Кромѣ эстетическаго сужденія, у Ивана Андреевича объ авторахъ были соображенія другого рода. Онъ въ каждомъ изъ нихъ желалъ найти *достоинство человѣческое*, т. е. такія правила, такую жизнь, которыя бы не только не стыдили авторской гласности, но и благопріятствовали бы ей. Онъ говорилъ, что отдѣленіе дарованія отъ нравственнаго достоинства въ одномъ и томъ же лицѣ несовмѣстно съ гражданскою жизнію. Поэтому онъ не входилъ безъ разбора въ близкія литературныя связи, оказывая впрочемъ всякому, по всегдашней скромности своей, вѣжливость и привѣтливость. Но онъ любилъ быть въ обществѣ людей, имъ искренно уважаемыхъ. Онъ тамъ бывалъ веселъ и вмѣшивался въ шутки другихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ, зимой, разъ въ недѣлю, собирались у покойнаго А. А. Перовскаго, автора *Монастырки*. Гостепріимный хозяинъ, при концѣ вечера, предлагалъ всегда гостямъ своимъ ужинъ. Са-

дились немногіе; въ числѣ ихъ всегда бывалъ Иванъ Андреевичъ. Зашла рѣчь о привычкѣ ужинать. Одни говорили, что никогда не ужинаютъ, другіе, что перестали давно, третьи, что думаютъ перестать. Крыловъ, накладывая на свою тарелку кушанье, промолвилъ тутъ: «А я, какъ мнѣ кажется, ужинать перестану въ тотъ день, съ котораго не буду обѣдать».

Для своихъ литературныхъ мнѣній Крыловъ не искалъ подпоры въ журналахъ. Впрочемъ однажды и онъ бросилъ публикѣ эпиграмму на несправедливаго критика. Это было при появленіи *Руслана и Людмилы.* Иванъ Андреевичъ безъ сомнѣнія лучше другихъ умѣлъ цѣнить высокій талантъ Пушкина. Прочитавъ какой-то скучный и ошибочный разборъ первой его поэмы, онъ напечаталъ четыре стиха:

Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

Если утонченный умъ, достоинство и особенное чувство приличія такъ неизмѣнно сопровождали Крылова во всѣхъ его частныхъ сношеніяхъ, можно вообразить, до какой степени онъ былъ внимателенъ къ своимъ поступкамъ въ случаяхъ болѣе серьёзныхъ. Онъ имѣлъ счастіе пользоваться, какъ я упомянулъ, личнымъ благоволеніемъ двухъ монарховъ и взысканъ былъ ласками всѣхъ особъ Императорской Фамиліи. При его погребеніи всѣ присутствовавшіе видѣли на груди его букеты цвѣтовъ, которые, при жизни, какъ святыню хранилъ онъ, когда ихъ удостоивала присылать ему Государыня Императрица Александра Феодоровна. Подобное благорасположеніе оказываемо было ему покойною Государынею Маріею Феодоровною. Ея Величество часто изъявляла желаніе видѣть его у себя въ Павловскѣ. Вмѣстѣ съ нимъ тамъ бывали и другіе изъ тогдашнихъ почетныхъ литераторовъ нашихъ. Извѣстно, что покинутое теперь обыкновеніе

пудриться нѣсколько лѣтъ сохранялось при жизни Императрицы Маріи Феодоровны. Крыловъ, являясь къ Ея Величеству, никогда не забывалъ убираться въ пудру. Государыня, обращаясь къ нему, часто встрѣчала его слѣдующею шуткою: «вы, можетъ быть, пріѣхали и не совсѣмъ для меня, но (показывая на его напудренную голову) это я ужъ беру прямо на свой счетъ». Памятникомъ его пребыванія въ Павловскѣ и свидѣтельствомъ глубочайшаго чувства признательности къ вѣнценосной Благотворительницѣ осталась для насъ его басня: *Василекъ*, которую однажды Ея Величество, по отъѣздѣ его, нашла въ одномъ изъ альбомовъ, разложенныхъ для удовольствія посѣтитетей въ *Розовомъ Павильйонѣ*.

X.

Пушкинъ напечаталъ анекдотъ о Крыловѣ, какъ надъ его головою нѣсколько лѣтъ висѣла большая картина, сорвавшаяся съ одного гвоздя и чуть только державшаяся на другомъ, угрожая неминуемымъ паденіемъ на диванъ, гдѣ сиживалъ Иванъ Андреевичъ, и какъ онъ не безпокоился объ этомъ въ увѣренности, что рама, въ случаѣ паденія картины, непремѣнно должна описать косвенную линію и миновать его голову (Сочиненія А. Пушкина; т. XI, стр. 159) [1]). Разсказъ Пушкина знакомитъ нѣсколько читателя съ характеромъ жилища, съ безпечностію и вмѣстѣ съ математическимъ умомъ Крылова. Много было оригинальнаго въ этомъ человѣкѣ, въ его взглядѣ на вещи и въ его привычкахъ. Спокойствіе, доходившее до неподвижности, составляло первую его потребность. Читая, или просто сидя въ размышленіи (я не заставалъ его ни разу за работою у письменнаго стола, котораго и не было у него), или принимая у себя посѣтителей, онъ обыкновенно курилъ, прекомодно расположившись на диванѣ. Сигара его, во время разговоровъ, потухала безпрестанно. Тогда онъ звонилъ. Входила служанка съ зажженною малень-

[1]) По изданію Анненкова, т. V, стр. 53.

кою восковою свѣчкой, которую приносила безъ подсвѣчника. На овальный столъ краснаго дерева, передъ нимъ находившійся, она накапывала воску и ставила передъ нимъ свѣчку, чтó повторялось почти ежеминутно. Послѣ изобрѣтенія химическаго способа доставать огонь онъ уже никого не безпокоилъ. Все вокругъ него, столы, стулья, этажерки, вещи на нихъ, покрыто было пылью, такъ что не безъ затрудненія надобно бывало ухитриться, чтобы сѣсть передъ нимъ, не давъ ему почувствовать непріятнаго своего ощущенія. Лѣтомъ у него всегда была открыта форточка, въ которую влетали съ Гостинаго Двора голуби, располагаясь на шкапахъ его, на окнахъ, за книгами, въ вазахъ, какъ въ собственныхъ гнѣздахъ. Соръ, перья, пухъ дополняли картину домашняго его опрятства. Разговаривая, безпрестанно мысли свои онъ пояснялъ вамъ апологами, для чего находилъ содержаніе въ каждомъ предметѣ, въ каждомъ человѣкѣ, въ окно попадавшемся ему на глаза. У него была до конца жизни свѣжая память. Въ числѣ разсказовъ, которые передавалъ онъ съ одушевленіемъ, особенно помню я воспоминанія его о пожарахъ. Его такъ всегда занимали они, что не было ни одного изъ нихъ (разумѣется, когда доходила до него вѣсть о томъ), на который смотрѣть не отправлялся бы онъ, хоть съ постели. Особенно врѣзалось въ его памяти единственное зрѣлище, когда на Невѣ близъ взморья горѣли камели. Думаю, что по этой причинѣ и описанія пожаровъ въ его басняхъ такъ поразительно точны и оргинально хороши.

Въ числѣ множества воспоминаній Крылова были драгоцѣнныя для его сердца. Однажды лѣтомъ шелъ онъ гдѣ-то по улицѣ, на которой передъ домами разведены садики. Онъ замѣтилъ, что недалеко отъ него за отгородкою играли дѣти и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, Иванъ Андреевичъ случайно оглянулся туда — и видитъ, что дама брала на руки дѣтей поочередно, поднимала ихъ надъ заборчикомъ и глазами своими показывала на него каждому изъ нихъ. О другомъ случаѣ, пославшемъ Крылову какъ автору и неожиданное удовольствіе и неожиданный урокъ смиренія, уже расказано было мною въ *Co-*

временникъ (т. XXII, стр. 43, *первой нумераціи* [1]). У него въ самый большой расплохъ всегда оставалось довольно присутствія духа, чтобы поправиться. Какъ-то выпросилъ онъ у А. Н. Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время кампаніи Наполеона. Поутру, за своимъ кофе, усѣвшись на придѣланномъ подлѣ окна возвышеніи, гдѣ стоялъ маленькій столикъ, Крыловъ положилъ на него книгу и, поддерживая ее рукою, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ стулъ его покачнулся. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, второпяхъ онъ схватился рукою за блюдечко; чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ тоже мгновеніе Крыловъ бросился въ кухню, отдѣлявшуюся узенькимъ коридорчикомъ отъ залы, гдѣ случилось несчастіе, схватилъ ушатъ съ остававшеюся въ немъ водою, вташилъ его въ залу — и, кинувъ разогнутую книгу на полъ, сталъ ведромъ поливать ее изъ ушата. Служанка, видѣвшая все это изъ кухни и коридора, опрометью бросилась наверхъ къ Гнѣдичу, призывая его на помощь и давая намеками чувствовать. что Иванъ Андреевичъ не въ своемъ умѣ. Гнѣдичъ, пересказывая объ этомъ, театрально говаривалъ такъ: «Вхожу; на полу море; Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я въ ужасѣ кричу. Онъ продолжаетъ». Наконецъ, опорожнивъ ушатъ, Крыловъ изъяснилъ Гнѣдичу, что безъ воды не было никакаго способа вывести пятна кофе изъ книги, на которой, въ самомъ дѣлѣ, когда она просохла, ничего не осталось замѣтнаго кромѣ желтой полоски на краяхъ страницъ.

XI.

О замѣчательной способности Крылова къ иностраннымъ языкамъ я замѣтилъ уже выше. Когда-то разговорились у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ язы-

---

[1]) См. ниже въ отдѣлѣ мелкихъ статей, помѣщенныхъ авторомъ въ *Современникѣ*, въ статьѣ «Новости русской литературы» (1841 г.).

ковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и оспаривалъ его противъ Гнѣдича. Желая представить когда-нибудь несомнѣнное доказательство своихъ словъ, онъ дома шутя принялся за греческій языкъ. Безъ помощи учителя, въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ узналъ всѣ грамматическія правила. Послѣ, съ лексикономъ, прочиталъ онъ нѣкоторыхъ авторовъ, менѣе трудныхъ; наконецъ, восходя отъ легкаго все выше и выше, онъ уже не затруднялся въ чтеніи Омера. Тогда, къ изумленію и радости Алексѣя Николаевича, онъ предложилъ въ обычномъ обществѣ воскресныхъ друзей, чтобы Гнѣдичъ проэкзаминовалъ его по Омеру. Опытъ оказался въ полной мѣрѣ удовлетворительнымъ. Замѣчательно, что Крыловъ, съ дѣтства и до старости, чувствовалъ странную антипатію къ языку латинскому — и никогда бы не рѣшился (какъ самъ говорилъ мнѣ) посвятить ему столько трудовъ, сколько въ старости положилъ онъ на греческій, безъ всякой цѣли, кромѣ удовлетворенія минутной прихоти. Дѣйствительно, онъ прочиталъ все, что дошло до насъ любопытнаго на греческомъ языкѣ — и не увлекся ничѣмъ для перевода на русскій. Его даже не соблазнила Одиссея. Между тѣмъ онъ способенъ былъ побѣждать трудности. Напрасно воображаютъ, что легкіе стихи его сами текли съ пера. Кто сравнитъ басню его: *Дубъ и Трость*, какъ она первоначально имъ переведена была изъ Лафонтена и какъ онъ напослѣдокъ принудилъ себя передѣлать ее, тотъ убѣдится, что счастливые стихи его стоили ему долговременной работы. Эту басню десять разъ онъ передѣлывалъ, принося перечитывать ее къ Гнѣдичу, который, въ подобныхъ случаяхъ, бывалъ неумолимъ, такъ что баронъ Дельвигъ разъ сравнилъ его съ извѣстнымъ тогда въ Петербургѣ щеголемъ, заставлявшимъ своего портного перешивать одно и то же платье по нѣскольку разъ. Собраніе греческихъ классиковъ уложилъ Крыловъ все на полу подъ своею кроватью, доставая оттуда, по надобности, того или другого автора, когда, нѣжась въ постелѣ, сбирался читать по-гречески. Достигнувъ цѣли своей, онъ уже никогда не протягивалъ руки подъ кровать, гдѣ толстый слой

пыли наконецъ совсѣмъ покрылъ священную древность. По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, однажды, вспомня о своей греческой библіотекѣ, онъ протянулъ-было туда по привычкѣ руку, но ничего тамъ не нашелъ, кромѣ маленькаго остатка разрозненныхъ томовъ. Служанка его, замѣтивъ, что эти пыльныя книги валяются безъ нужды, придумала имъ полезное назначеніе: каждый разъ, когда приходила топить печку подлѣ кровати Ивана Андреевича, она разрывала по книжкѣ и подкладывала листы подъ дрова, чтобы они скорѣе разгорались.

XII.

Не одинъ Кантъ достигнулъ всемірной славы, проведши цѣлую жизнь только въ томъ городѣ, въ которомъ онъ родился. То же можно сказать и о Крыловѣ. Поѣздки его въ Москву и Ригу ничего не значили въ сравненіи съ тою неизмѣнною осѣдлостію, которая владѣла имъ въ продолженіе бóльшей и замѣчательнѣйшей части жизни. Почти съ 1805 до кончины своей онъ не покидалъ С.-Петербурга. Даже лѣтомъ предпочиталъ онъ оставаться въ городѣ, изрѣдка посѣщая друзей на ихъ дачахъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ онъ по нѣскольку недѣль у Олениныхъ въ Пріютинѣ, которое даже воспѣто было стихами (*Стихотворенія Гнѣдича*, стр. 91). Денежныхъ средствъ у него всегда было достаточно для умѣренныхъ прихотей. Со времени перваго изданія своихъ басенъ онъ пользовался постоянно хорошими доходами сверхъ того, чтó было жалуемо ему отъ монаршихъ щедротъ. Періодъ обильнѣйшій появленіемъ новыхъ его басенъ были годы существованія *Бесѣды Любителей Русскаго Слова*, т. е. съ 1811 по 1816. Въ каждой изъ напечатанныхъ Обществомъ книжекъ встрѣчаешь непремѣнно по нѣскольку новыхъ басенъ Крылова.

Поѣздка за границу однажды явилась-было и къ нему какъ искушеніе, какъ болѣзнь бóльшей части достаточныхъ у насъ людей. Выгодно продавши одно изъ своихъ изданій на чистыя

деньги, онъ увидѣлъ себя обладателемъ порядочнаго капитала, который, какъ лишнюю вещь, захотѣлось ему промотать, что говорится, по-барски. Но въ дальній и чуждый край на старости пуститься Крылову одному — это было невозможно. Онъ обратился къ сосѣду и другу своему Гнѣдичу, подговаривая его на замышленное странствованіе. Поэтъ отвѣчалъ поэту прекрасными стихами, которые дошли до сердца и защитили друзей отъ *добровольнаго креста*, какъ называлъ В. Г. Тепляковъ страсть къ путешествіямъ. Вотъ эти достопамятные стихи Гнѣдича:

Надежды юности, о милыя мечты,
Я тщетно васъ въ груди младой лелѣялъ!
Вы не сбылись: какъ лѣтніе цвѣты
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ.
Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній!
Куда жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
Чтó годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась, назадъ не прилетаютъ.
Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не Аріель,
Эѳира легкій сынъ, весны любимецъ вѣчной.
Отъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ:
Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,
Завидное существованье!
Какъ златокрылая пчела
Кружится Аріель весны въ благоуханьѣ;

Онъ пьетъ амврозію цвѣтовъ,
Перловыя Авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
Прильнетъ и спитъ на лонѣ юной розы.
Но лишь приблизится ночей осеннихъ тьма,
Но лишь дохнетъ суровая зима,
Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ улетаетъ;
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые, счастливые края —
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
Но намъ ее въ какой искать странѣ?
Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнію мы снова разцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ —
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ
И счастье душъ прямое.

XIII.

Деньги, не истраченныя на поѣздку въ чужіе края, безпокоили Крылова. Онъ предался новой фантазіи. Если нельзя, или уже поздно разъѣзжать ему бариномъ по Европѣ, такъ зачѣмъ не жить ему по-барски въ Петербургѣ? Вотъ онъ заказываетъ лучшему мастеру во всѣ свои три комнаты богатую мебель и обиваетъ ее шелковою матеріею. Повсюду ставятъ ему изъ магазиновъ серебро, бронзу, фарфоръ, алебастръ и хрусталь. Полы покрываются прекрасными англійскими коврами. Буфетъ принимаетъ въ себя модные сервизы и прочія принадлежности богатыхъ столовъ. Устроившись такимъ образомъ, Крыловъ назначаетъ день и проситъ къ себѣ на обѣдъ семейство Олениныхъ съ избранными

общими ихъ друзьями. Всѣ въ восхищеніи отъ каждой вещицы у Ивана Андреевича. Удовольствовавшись первымъ и единственнымъ опытомъ суетности, онъ тутъ же понялъ, что это не прибавило ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе и поэтическая лѣнь. На всю новую свою роскошь набросилъ онъ покрывало добраго, стараго невниманія, замкнулъ буфетъ — и уже ни разу съ тѣхъ поръ никого не звалъ пялить глаза на суету суетъ. Въ гостепріимную форточку попрежнему налетѣли голуби и украсили матомъ дружбы своей всѣ блестящія издѣлія столичныхъ мастеровъ. Пепелъ сигаръ разсыпался съ его халата на диваны и ковры. Въ позднее однакоже время и померкшій этотъ кабинетъ Крылова сохраненъ для потомства искусною рукою художника. Великая княгиня Марія Николаевна приказала для себя перенести его на картину.

Такъ онъ доживалъ въ библіотекѣ мирные дни свои. Старость его не привела съ собою немощей. Онъ отяжелѣлъ, но не одряхлѣлъ. Еще безъ насилія себѣ онъ принималъ приглашенія новаго поколѣнія литераторовъ, въ которыхъ сознавалъ и таланты и человѣческое достоинство. Друзья Жуковскаго всегда оставались и его друзьями. Таковы были постоянныя сношенія его съ княземъ П. А. Вяземскимъ и Баратынскимъ. Въ послѣдніе годы я встрѣчалъ его на обѣдахъ у графини Е. П. Ростопчиной и на вечерахъ у князя В. Ф. Одоевскаго. Онъ сохранялъ всю свою любезность и веселость, принимая съ трогательною признательностію самые легкіе оттѣнки вниманія къ его привычкамъ и вкусу. Онъ особенно любилъ настоящія русскія кушанья, которыми и старались угощать его. Ни одинъ органъ чувствъ не измѣнилъ ему. Хоть зрѣніе и ослабѣло, но съ помощію очковъ онъ могъ читать все, кромѣ собственнаго почерка, что́ впрочемъ происходило отъ удивительной и всегдашней его неразборчивости. Года за полтора до кончины его, я пришелъ къ Ивану Андреевичу попросить его автографъ. Близъ него въ комнатѣ мы ни лоскутка не нашли его почерка. Служанка принесла съ чердака цѣлую корзину басенъ, его рукою переписанныхъ. Выбравъ для меня ли-

стокъ, онъ въ очки разсмотрѣлъ заглавіе, написанное довольно крупно, но стиховъ и по догадкѣ не могъ разобрать.

XIV.

Подъ конецъ жизни своей, кажется, года за четыре передъ симъ, оставилъ онъ службу въ библіотекѣ, и переселился на Васильевскій островъ, гдѣ въ 1-ой линіи нанялъ очень покойную квартиру въ домѣ купца Блинова противъ 1-го кадетскаго корпуса. Рѣже началъ выѣзжать онъ, даже и въ Англійскій клубъ. Но все у него была пара прекрасныхъ лошадей и самая модная откидная англійская карета. Ближайшимъ сосѣдомъ его сдѣлался избранный имъ въ послѣдствіи времени и въ его душеприкащики Я. И. Ростовцовъ, который чаще всѣхъ сталъ навѣщать поэта. Дни его были однообразны. Но никогда онъ не жаловался на одиночество и скуку. Уже прошло семь лѣтъ, какъ онъ пересталъ писать басни, изъ которыхъ послѣднею была: *Вельможа*. Вотъ что говоритъ объ этой эпохѣ сочинительница біографіи, изъ которой я уже заимствовалъ нѣсколько подробностей о дѣтствѣ Крылова. «Теперь ему 75 лѣтъ. Онъ усыновилъ семейство одной своей крестницы, благотворитъ ему и печется о немъ. Его окружаютъ малютки; они любятъ и ласкаютъ его, какъ бы желая возблагодарить за пользу, которую онъ приноситъ всѣмъ дѣтямъ на Руси. Онъ же особенно любитъ изъ дѣтей своей крестницы одну маленькую дѣвочку, Наденьку, которую самъ научилъ читать и которою особенно занимается». Въ самомъ дѣлѣ, онъ и мнѣ много разсказывалъ о необыкновенной понятливости этого ребенка и замѣчательной его способности къ музыкѣ. Приходя къ нему послѣ полудня или вечеромъ, я заставалъ его съ этими дѣтьми за обѣдомъ или за чаемъ.

8 февраля 1844 года С.-Петербургскій университетъ праздновалъ первое свое двадцатипятилѣтіе. Крыловъ, почетный членъ университета съ его основанія, получилъ приглашеніе на праздникъ, который долженъ былъ происходить во вторникъ. Часу въ одиннадцатомъ утра, наканунѣ этого дня, входитъ въ комнату ко

мнѣ Иванъ Андреевичъ въ мундирѣ. «Что это значитъ»? — Ахъ, усталъ! дайте отдохнуть. Высоко всходить къ вамъ. — Я усадилъ его и узналъ, что онъ, взглянувъ не очень внимательно на печатное приглашеніе, ошибся днемъ. Еще къ бо́льшему огорченію моему я услышалъ отъ него, что онъ на тротуарѣ передъ главнымъ подъѣздомъ поскользнулся и упалъ. «Вы ректоръ; такъ будьте свидѣтелемъ усердія моего къ университету», продолжалъ Иванъ Андреевичъ, — черта всегдашней его вѣжливости и уваженія общественныхъ приличій. Я упросилъ его, чтобы не безпокоился онъ пріѣзжать завтра, тѣмъ болѣе, что холодъ доходилъ тогда до 20 градусовъ. Мнѣ однако посчастливилось въ тотъ же Великій постъ еще разъ принять его у себя въ домѣ. Онъ явился въ университетскую залу на концертъ, который ежегодно устраиваютъ изъ своего артистическаго круга наши студенты. Тотъ концертъ, о которомъ я говорю, былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ въ прошедшую зиму, потому что въ немъ участвовала знаменитая Віардо-Гарція. Крыловъ, какъ знатокъ музыки и нѣкогда самъ отличный музыкантъ, былъ въ восторгѣ. Изъ залы онъ прошелъ ко мнѣ, чтобы еще потолковать о пріятномъ вечерѣ и вмѣстѣ напиться чаю. Къ большому удовольствію своему Крыловъ тогда сошелся у меня съ княземъ Г. П. Волконскимъ, тоже истиннымъ музыкантомъ и въ душѣ и на дѣлѣ. Вечеръ этотъ у всѣхъ насъ сохранился живо въ памяти — и послѣ едва ли кто изъ насъ видѣлся съ Иваномъ Андреевичемъ.

XV.

Предсмертная болѣзнь его, послѣдовавшая отъ несваренія пищи въ желудкѣ, продолжалась нѣсколько дней. То, что въ этой старости прекратило жизнь, въ прежнее время конечно прошло бы благополучно. На ужинъ себѣ (сбылось предсказаніе его объ этихъ ужинахъ) онъ приказалъ подать протертыхъ рябчиковъ и облилъ ихъ масломъ. Помощь врачей оказалась недѣйствительною. Я. И. Ростовцовъ не оставлялъ его въ эти дни. Крыловъ,

въ полной памяти, не оказавъ никакого знака малодушія, покорился волѣ судьбы. За нѣсколько часовъ до кончины, разговаривая съ Яковомъ Ивановичемъ, онъ еще по привычкѣ вводилъ апологи въ свои рѣчи — и шутя сравнилъ себя съ крестьяниномъ, который, наваливъ на возъ непомѣрно большую поклажу рыбы, никакъ не расчитывалъ излишне обременить своей немощной лошади, только потому, что рыба была сушеная. Наконецъ Яковъ Ивановичъ, желая приготовить его къ исполненію христіанскаго долга, спросилъ его какъ бы случайно: — Не мнительны ли вы, Иванъ Андреевичъ? — «Я»? отвѣчалъ онъ: «а вотъ я вамъ разскажу, какъ я не мнителенъ. Давно какъ-то, лѣтъ сорокъ назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю доктору. Онъ спрашиваетъ меня, какъ вы: не мнителенъ ли я? — Нѣтъ, говорю. — Такъ у васъ, продолжалъ онъ, будетъ параличъ. — Да нельзя ли помочь? спросилъ я. — Можно: вамъ надобно всю жизнь не ѣсть мясного и быть вообще очень осторожнымъ». — Какъ же вы поступили? перервалъ его Яковъ Ивановичъ. — «Мѣсяца два я исполнялъ предписаніе доктора». — А потомъ? — «А потомъ, какъ видите, до сихъ поръ все ѣмъ. Вотъ какъ я не мнителенъ», заключилъ Крыловъ.

Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ онъ отца своего духовнаго и съ благодарностію принялъ все, что́ утѣшительнаго предлагаетъ христіанину религія. Вѣсть о кончинѣ его опечалила каждое русское сердце. Кто только могъ, всѣ пришли проводить его до тихаго пристанища. Но, посреди столь торжественнаго и общаго свидѣтельства истины, что Крыловъ есть народный писатель, разсказываютъ, будто какой-то невѣрующій Нибуръ тутъ же подвергалъ и этотъ фактъ сомнѣнію.

Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить высочайшее соизволеніе на сооруженіе памятника въ Санктпетербургѣ великому человѣку Россіи.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА [1]).

1845.

I.

Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными. Геній его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ неровностей въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удивлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ. Судьба не благопріятствовала Крылову въ дѣтствѣ и лишила его тѣхъ пособій къ постепеннымъ успѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, которыми другихъ надѣляютъ рожденіе, воспитаніе и образованіе. Но онъ, какъ бы наперекоръ счастію, въ послѣдствіи времени пріобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливо-рожденнаго молодого человѣка. Побѣдивши первыя препятствія къ благополучію и удовольствіямъ жизни, онъ на время ослабилъ дѣятельность свою въ расширеніи знаній и съ непонятнымъ равнодушіемъ провелъ нѣсколько лѣтъ почти безъ дѣла. Наконецъ снова и почти безсознательно принялся Крыловъ за тотъ родъ поэзіи, которому нынѣ обязанъ безсмертіемъ своимъ.

Удивительнѣе всего, что ему суждено было начать славное свое поприще въ такія лѣта, когда многіе перестаютъ писать сочиненія въ стихахъ, предпочитая имъ прозу. Между тѣмъ остался ли хоть легкій слѣдъ на этихъ трудахъ, что авторъ не во́-время приступилъ къ нимъ? Нѣтъ: разсматривая ихъ живость и красоты,

---

[1]) Напечатано въ началѣ I-го тома *Полнаго собранія сочиненій И. Крылова*. Спб. 1847.

получаешь убѣжденіе, что это тѣ неувядающіе цвѣты поэзіи, которыми юность украшаетъ генія. И вотъ Крыловъ достигнулъ тогда истинной славы, всеобщаго уваженія, самой чистой къ нему привязанности тѣхъ, которые были къ нему близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастіе вознаградило его за всѣ лишенія молодости. Онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Казалось, передъ любознательнымъ, тонкимъ и свѣтлымъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора. Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искуство не влекло его къ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды и безопасность положенія своего, и не оказалъ ни одного покушенія разширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинъ успѣхъ и счастіе усыпили въ немъ всѣ силы духа! Въ своемъ праздномъ благоразуміи, въ своей безжизненой мудрости онъ похоронилъ, можетъ-быть, нѣсколькихъ Крыловыхъ, для которыхъ въ Россіи много еще праздныхъ мѣстъ. Странное явленіе: съ одной стороны геній, по слѣдамъ котораго уже итти почти некуда; съ другой — недвижный умъ, шагу не переступающій за свой порогъ.

II.

Легкость, съ которою мы успокоиваемся на первой удачѣ, обнаруживаетъ въ насъ какое-то равнодушіе къ земнымъ благамъ, но вмѣстѣ и хладнокровіе къ общественнымъ интересамъ. Такъ какъ природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, то и игра ихъ въ его образѣ поражаетъ насъ болѣе, нежели въ комъ-нибудь другомъ. Какъ писатель, онъ прямо русской своей природѣ былъ обязанъ тѣмъ превосходствомъ въ постиженіи духа нашей жизни и нашего языка, которое въ этомъ отношеніи поставило его у насъ на первомъ планѣ. Никого изъ нашихъ писателей нельзя поставить на одной съ нимъ линіи. Онъ придумывалъ разсказы столь естественные, столь простые и каж-

дому понятные, столь несомнѣнные и очевидные, столь согласные съ нашей жизнію, обыкновеніями и привычками, что въ ихъ составѣ не оставалось и тѣни искуства, сочиненія или подготовленія. Видишь, чувствуешь, какъ дѣло начинается и происходитъ. На мысль не придетъ, что сочинитель повторяетъ старинную басню, извѣстную уже всѣмъ народамъ, и прикрываетъ ею общую истину. Разсказываемый имъ случай, повидимому, только и могъ подобнымъ образомъ произойти у насъ. Онъ проникнутъ духомъ нашей жизни и рѣчи.

Предметы національные часто обработываемы были у насъ и другими писателями. Въ нихъ есть мѣста, не менѣе счастливыя, какъ и у Крылова. Особенно нѣсколько описаній русскаго быта удалось Кантемиру. Ничего нѣтъ совершеннѣе въ этомъ родѣ его описанія крестьянина, который сначала жаловался на судьбу свою, желалъ попасть въ солдаты, и потомъ исчисляетъ невыгоды новаго состоянія своего, куда завелъ его случай. Но достоинство сочиненія опредѣляется совершенствомъ цѣлаго, а не успѣхомъ нѣсколькихъ частей. Иногда усиліе, иногда удача могутъ довести одно мѣсто до желаемаго совершенства. Но тутъ еще нѣтъ вполнѣ прекраснаго произведенія, и все очарованіе исчезаетъ при переходѣ читателя на другую сторону созданія. Одинъ Крыловъ въ каждой баснѣ своей выдерживаетъ съ начала до конца ровный характеръ оригинальнаго русскаго поэта, не сбиваясь на подражаніе или переводъ ни тономъ разсказа, ни ходомъ событія, ни украшеніями слога, ни отдѣлкою стиховъ. Въ его самобытно-русской душѣ, независимо отъ литературъ иностранныхъ и даже отечественной, возникнула въ истинномъ видѣ та часть поэзіи, въ которой онъ явился совершеннѣйшимъ образцомъ. Созрѣла она и вылилась изъ-подъ его пера также во всей оригинальности. Но всѣ стихіи, изъ которыхъ такъ прекрасно образовалось это чудное явленіе, ежеминутно носятся передъ нашими глазами въ жизни русскаго народа. Остается тайною, отчего другіе писатели наши въ свои созданія не перенесли ихъ въ надлежащей чистотѣ, соразмѣрности и въ художественной прелести?

Больше всего у насъ бросались на подражаніе простонародному языку. Дѣйствительно, это едва ли не существенная принадлежность сочиненія, когда желаютъ сообщить ему характеръ народности. Языкъ есть полное выраженіе жизни народа. Надобно только въ совершенствѣ овладѣть имъ, чтобы рѣзко и вѣрно отразились въ сочиненіи всѣ отличія, всѣ красоты специальной народной жизни и поэзіи. Безчисленные опыты доказали между тѣмъ, что искуственный подборъ простонародныхъ словъ такъ же далекъ отъ простонароднаго языка, какъ словарь отъ книги. Языкъ повинуется умопредставленію, дѣйствію воображенія, ощущеніямъ, памяти, навыку чувствъ, ходу размышленія, склону страстей, словомъ — языкъ есть та же душа народа, та же народная жизнь, которою поэтъ проникается для изображенія дѣйствій, или характера народа. Чтобы заимствованный простонародный языкъ сохранилъ въ сочиненіи всѣ принадлежности органической своей природы, сочинителю надобно прежде принять въ душу свою и въ сердце ясный образъ самаго народа. Въ какое бы вы ни вставили сочиненіе цѣлую сцену, разсказъ или описаніе, употребивъ простонародный языкъ, никто не почувствуетъ не только неприличія, даже рѣзкой перемѣны въ рѣчи вашей, если только будутъ въ ней чувствовать присутствіе истины. Это всѣ знаютъ по той изумительно-художнической сценѣ Пушкина, которую внесъ онъ въ Бориса Годунова и гдѣ такъ поэтически является простонародный языкъ въ устахъ хозяйки постоялаго дома, ушедшихъ изъ монастыря людей и самого самозванца. Крыловъ обладалъ неизъяснимымъ искуствомъ сливать этотъ языкъ съ общею нашею поэтическою рѣчью. Всѣ подобные оттѣнки у него не раздѣлялись замѣтно, а составляли одно цѣлое. Можно подумать, что для него не было сословій, и онъ въ умѣ своемъ представлялъ только Россію, однимъ духомъ движимую, поражающую воображеніе своею огромностію, величиною частей своихъ, красками своими, и дѣйствующую какъ одно существо въ гиганскихъ размѣрахъ. Отличія рѣчи, выставляющіяся въ стихахъ его, бросаются въ глаза не такъ, какъ что-то оторванное отъ цѣлаго, а какъ красивыя

части, природою утверждаемыя на своемъ мѣстѣ, здоровыя, сильныя и привлекающія къ себѣ вниманіе крѣпкимъ организмомъ, связывающимъ ихъ съ другими.

III.

Поэтъ, которому литература наша обязана окончательнымъ усовершенствованіемъ одной изъ ея отраслей, родился позже перваго русскаго баснописца ровно пятьюдесятью годами. Сумароковъ въ 1718, а Крыловъ въ 1768 (2 февраля). Трудно попасть на вѣрную цифру, которая, подобно представленной нами, опредѣлила бы съ точностію художественное разстояніе между ихъ баснями. Это — земля и небо. По серединѣ пространства между ними стоитъ Хемницеръ (р. 1744 [1]), баснописецъ, получившій отъ природы самое счастливое дарованіе къ своему искуству, но мало успѣвшій въ стихотворствѣ. Только осьмью годами ранѣе Крылова родился Дмитріевъ, которому суждено было вызвать на одно съ собою поприще еще не опаснаго тогда соперника, показать ему образцы, исполненные прелестей искуства, вкуса и тонкаго ума — и наконецъ уступить ему первенство въ творчествѣ, красках и народности. Всѣ упомянутые здѣсь писатели были счастливѣе Крылова въ дѣтствѣ. Они получили правильное образованіе и тѣ средства, съ которыми человѣку болѣе или менѣе легко итти впередъ самому. Въ обществѣ они рано поставлены были на хорошую дорогу. Имъ оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами, а не бороться съ искушеніями и препятствіями.

Всѣхъ ихъ дѣятельнѣе былъ Сумароковъ. Онъ какъ будто торопился занять всѣ пути къ славѣ. Соперничествуя съ Ломоносовымъ, онъ не сознавалъ въ немъ геніальнаго человѣка, а видѣлъ только ученаго. Одно это обстоятельство указываетъ уже на недостатокъ въ немъ художнической воспріимчивости, потому

---

[1]) Вѣрнѣе, въ началѣ 1745. См. *Сочиненія и письма Хемницера*, изданныя Академіею Наукъ. 1873.

что истинный талантъ скорѣе прочихъ людей постигаетъ въ другомъ присутствіе дарованія. Для Сумарокова искуство было какъ бы что-то ограниченное извѣстными формами и условіями. Онъ не подозрѣвалъ его свободнаго развитія и связи съ народнымъ духомъ. Въ самыхъ подражаніяхъ его избраннымъ образцамъ не видно сочувствія съ ихъ внутренними красотами. Онъ неутомимый говорунъ и пересказчикъ. Съ художнической модели онъ наскоро и грубо срываетъ верхнюю оболочку, и думаетъ, что тутъ схватилъ и всю поэзію. Такъ обращался онъ и съ языкомъ. Не только у Ломоносова, даже у Кантемира гораздо болѣе умѣнья вести рѣчь, пользоваться богатствами языка и прибирать различныя краски, нежели у Сумарокова. Хемницеръ изумителенъ сочувствіемъ души своей съ внутреннею красотой поэзіи. Оттого не нуждался онъ въ напряженіи. Его простыя, легкія формы до сихъ поръ привлекаютъ вниманіе къ баснямъ его. Чуждаясь пестроты и многословія предшественника своего, онъ почти возвратился къ единству и краткости древнихъ, которые въ басняхъ никогда не были вполнѣ художниками, а только моралистами. Согласно съ характеромъ поэзіи внутренней, и стихъ его обработался только въ безыскуственности, къ сожалѣнію, переходящей иногда въ прозаическую холодность и медленность. Но, судя и по тому, сколько простодушія и пріятности успѣлъ онъ сообщить нашей баснѣ, можно было ожидать отъ него дальнѣйшаго въ ней усовершенствованія, если бы онъ не слишкомъ рано скончался, именно сорока лѣтъ: это возрастъ, въ какой послѣ Крыловъ только началъ писать басни. Дмитріевъ, родившійся пятью годами ранѣе Карамзина, какъ землякъ его и другъ, долго шелъ съ нимъ ровнымъ шагомъ. Они вмѣстѣ открыли славный періодъ литературы нашей, ознаменовавшейся благотворнымъ вліяніемъ на образованіе всѣхъ сословій въ государствѣ. Дмитріевъ писалъ не однѣ басни. Его лирическія стихотворенія, сказки, сатиры и разныя мелкія пьесы обнаруживаютъ талантъ вѣрный, гибкій и прекрасно направленный. Онъ первый изъ нашихъ поэтовъ началъ дорожить художественною стороною сочиненій. Такимъ образомъ и въ

басню онъ принесъ живыя краски, поэтическій тонъ и оживленный расказъ. Это былъ баснописецъ образцовый по благородной игрѣ ума, по обработкѣ стиховъ, по живымъ описаніямъ, по мастерскому разсказу и по господствующему во всемъ вкусу.

Тогда недоставало только стремленія къ частнымъ красотамъ, которыми должны быть отличены и всякая мѣстность и всякая эпоха. Крыловъ глубоко проникъ въ эту идею, хотя ни предшественники его, ни тогдашняя наука, ни самый запасъ свѣдѣній, вынесенный имъ на жизнь изъ первоначальнаго образованія, не могли ему указать на нее. Она составляетъ плодъ его самобытно-поэтической природы. Вызвавъ искуство на его лучшее, совершенно еще новое у насъ поприще, онъ не чувствовалъ надобности оглядываться на своихъ предшественниковъ и только болѣе и болѣе обнималъ разныя стороны поэзіи, такъ глубоко имъ постигнутой.

IV.

Отецъ Крылова былъ бѣдный армейскій офицеръ, по обязанности службы часто перемѣнявшій мѣсто жительства своего. Когда родился нашъ баснописецъ, отецъ его жилъ въ Москвѣ. Скоро однакоже, по случаю безпокойствъ, возникшихъ отъ Пугачева (1773), онъ принужденъ былъ отправиться въ Оренбургъ. Любопытны нѣкоторыя о немъ извѣстія, переданныя потомству Пушкинымъ въ *Исторіи Пугачевскаго бунта.* «Къ счастію, въ крѣпости (Яицкой)», говоритъ онъ, «находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряжеиія». Далѣе, описывая неудачу Пугачева на приступѣ подъ ту же крѣпость, Пушкинъ прибавляетъ: «Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ». Надобно поэтому думать, что Андрей Прохоровичъ Крыловъ (отецъ бас-

нописца) принадлежалъ въ свое время къ числу людей замѣчательныхъ. Затрудненіе, въ какомъ тогда чувствовали себя многіе даже изъ начальствовавшихъ тамъ лицъ, не отняло у него ни присутствія духа, ни распорядительности, ни самаго успѣха. Нельзя не предполагать, что природный умъ его украшенъ былъ по возможности и нѣкоторыми знаніями. Все, что Крыловъ помнилъ и самъ разсказывалъ о матери своей, несомнѣнно говоритъ въ пользу ея мужа. Женщина, дорого цѣнившая хорошее воспитаніе сына своего и собственными соображеніями находившая средства къ его образованію, конечно, приготовлена была къ тому замужствомъ съ человѣкомъ не грубымъ, не пустымъ, но дѣльнымъ и чему-нибудь учившимся. По смерти Андрея Прохоровича, Крыловъ получилъ въ наслѣдство цѣлый сундукъ книгъ, собранныхъ отцомъ. У человѣка, который принужденъ всегда жить по-походному, это большая рѣдкость.

Капитанъ Крыловъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій противъ мятежника и сообщниковъ его, перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ коллежскаго асессора и получилъ въ Твери мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата. Здѣсь оставался онъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 1780 году. Заботы о первоначальномъ обученіи сына преимущественно занимали его жену. Марья Алексѣевна, мать поэта, придумывала разные способы, чтобы заохотить ребенка учиться чтенію. Когда онъ порядочно просиживалъ весь урокъ, мать каждый разъ, въ награду, давала ему по нѣскольку копеекъ. Привычка прятать накопляемыя деньги могла у ребенка обратиться со временемъ въ корыстолюбіе. Благоразуміе матери умѣло предупредить и это послѣдствіе. Она указала сыну, какъ можно пользоваться деньгами, удовлетворяя нѣкоторымъ потребностямъ жизни. И онъ охотно на собственный счетъ покупалъ разныя вещи, необходимыя для его неприхотливаго наряда. Такимъ образомъ ребенокъ, благодаря умной распорядительности матери, и учился хорошо, и одѣтъ былъ прилично на однѣ и тѣ же деньги. Но Марья Алексѣевна не въ состояніи была сама обучать его французскому языку, чего не могла не желать, такъ

какъ и въ тогдашнее время онъ составлялъ уже одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ воспитаніи русскихъ дѣтей. Въ домѣ тверскаго губернатора находился французъ-учитель, которому позволено было къ его урокамъ допускать и постороннихъ мальчиковъ. Къ нему началъ ходить и Крыловъ нашъ. Только успѣхи его съ иностраннымъ учителемъ не такъ были счастливы, какъ съ матерью, которая и здѣсь рѣшилась употребить съ пользою первоначальное свое средство. Она заставляла его читать по-французски при себѣ, давая обыкновенную награду за терпѣніе и прилежаніе. Сперва онъ только наружно исполнялъ ея желаніе, выговаривая слова и не заботясь о томъ, что ничего не понимаетъ. Напослѣдокъ доброе сердце его взяло верхъ надъ легкомысліемъ: онъ принялся за лексиконъ, старался узнать смыслъ прочитываимаго и скоро началъ понимать книгу. Никогда однакоже Крыловъ не позаботился о томъ, чтобы вполнѣ овладѣть языкомъ французскимъ. Въ послѣдствіи времени, правда, онъ хорошо понималъ писателей, даже могъ и самъ писать по-французски, но у него недоставало привычки говорить свободно.

V.

При смерти отца, Крылову было одиннадцать лѣтъ. Теперь еще менѣе представлялось возможности заниматься его воспитаніемъ. Вдова съ ребенкомъ своимъ, оставшись безъ состоянія, не получала и пенсіи. Но мальчикъ видимо обѣщалъ нѣкогда сдѣлаться ея подпорою. Умственныя способности развивались въ немъ замѣтно. Книги, найденныя послѣ отца, привлекли къ себѣ все его вниманіе. Онъ безъ разбору перечитывалъ ихъ и предавался игрѣ воображенія своего. На дѣтей, родившихся съ поэтическими способностями, обыкновенно первое и самое сильное впечатлѣніе производятъ драматическія сочиненія. Такъ было и съ Крыловымъ. Въ головѣ его, наполненной героями древней Греціи и Рима, составлялись разные планы театральныхъ пьесъ. Но, не находя пособій въ свѣдѣніяхъ своихъ къ образованію чего-нибудь опре-

дѣленнаго и полнаго, никакъ не умѣлъ онъ приготовить сноснаго сочиненія изъ этихъ матеріаловъ. Вѣроятно, какая-нибудь старинная русская опера послужила для него образцомъ и успокоила воображеніе его. На пятнадцатомъ году онъ написалъ свою оперу *Кофейницу*. Это сочиненіе никогда не было напечатаннымъ. Въ послѣдствіи времени, Гнѣдичъ выпросилъ себѣ у Крылова, какъ драгоцѣнность, рукопись дѣтскаго его произведенія и хранилъ у себя до смерти, завѣщавъ ее по духовной, вмѣстѣ съ библіотекою своею, Полтавской гимназіи, гдѣ переводчикъ Гомера началъ свое образованіе.

Родители, сами не получившіе тщательнаго воспитанія и у которыхъ недостаетъ средствъ къ содержанію себя и семейства, у насъ, обыкновенно, спѣшатъ дѣтей своихъ помѣстить въ службу, едва успѣвши порядочно выучить ихъ грамотѣ. Ничтожное жалованье, назначаемое ребенку за переписку бумагъ, они считаютъ великимъ пріобрѣтеніемъ, зная, что оно естественно будетъ увеличиваться съ ихъ успѣхами въ работѣ. У нихъ будущее дальше этихъ предѣловъ не простирается. Такъ случилось и съ Крыловымъ. По недостатку празднаго мѣста въ губернскомъ городѣ, мать записала сына своего подканцеляристомъ въ калязинскій уѣздный судъ. Это происходило въ слѣдующій годъ по кончинѣ отца его. Въ исходѣ того же года, мальчика, по просьбѣ матери, переписали канцеляристомъ въ тверской магистратъ, гдѣ нѣкогда служилъ и отецъ его. Къ счастію, нужда такъ сильно преслѣдовала вдову, что она рѣшилась отправиться въ Санктпетербургъ, гдѣ надѣялась выхлопотать себѣ пенсію и найти для сына выгоднѣйшее мѣсто. Здѣсь можно сказать, что несчастіе работало въ пользу нашу. Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилась судьба Крылова безъ этого переѣзда! Пятнадцатилѣтній поэтъ кончилъ теперь все, что надобно было заплатить дѣтству и бѣдности. Но не съ одними безсвязными вымыслами въ душѣ прибылъ онъ въ столицу. Онъ привезъ съ собою жажду къ дѣятельности и знаніямъ. Чѣмъ менѣе удалось ему развить ихъ въ первые годы, тѣмъ настоятельнѣе за ними онъ пустился въ новомъ своемъ мѣстопребываніи.

Было и еще важное пріобрѣтеніе въ юной душѣ его, котораго онъ тогда не сознавалъ, а слѣдовательно не могъ оцѣнить. Оставаясь столько времени въ темномъ и тѣсномъ кругу, онъ ближе другихъ писателей разглядѣлъ черты и выраженіе коренной русской жизни. Кто рано поднимается въ нашъ верхній слой общества, тотъ принужденъ бываетъ только издалека всматриваться въ бытъ народный, не воспитываясь его духомъ и ощущеніями. Самый языкъ чисто-русскій не легко усвоить человѣку, который съ дѣтства привыкаетъ думать и составлять фразы по образцу или разговору иностранному. Раннія впечатлѣнія, утвердившись въ душѣ геніальнаго человѣка, сохранились вѣрными и чистыми до той эпохи, въ которую принялся онъ обработывать ихъ въ художническихъ своихъ созданіяхъ.

VI.

Время прибытія Крылова въ Санктпетербургъ замѣчательно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, касавшимся драматическаго искуства въ Россіи, предмета, на который тогда устремлена была вся умственная дѣятельность будущаго великаго нашего баснописца. Правда, что первый указъ объ учрежденіи въ здѣшней столицѣ русскаго театра послѣдовалъ еще въ 1756 году; но это было учрежденіе, которымъ, не взнося платы за посѣщеніе его, преимущественно пользовались придворные и люди чиновные. Но только съ 1782 года начались приготовленія къ устройству общенароднаго русскаго театра, который открытъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году. Такимъ образомъ Крыловъ прибылъ сюда въ эпоху перваго любопытнѣйшаго движенія на сценѣ нашей.

Въ молодой головѣ Крылова образовался планъ извлечь какія-нибудь выгоды изъ перваго его сочиненія. Въ Санктпетербургѣ жилъ иностранецъ Брейткопфъ, происходившій изъ извѣстнаго тогда въ Лейпцигѣ книгопродавческаго дома. Онъ содержалъ здѣсь типографію, торговалъ книгами и занимался музыкою, какъ страстный ея любитель и знатокъ. Къ нему рѣшился обратиться

Крыловъ съ своею *Кофейницею.* Опера, которой слова сочинены ребенкомъ, показалась доброму Брейткопфу любопытнымъ явленіемъ. Онъ согласился купить ее и предложилъ автору въ вознагражденіе за трудъ 60 рублей. Крыловъ не соблазнился деньгами: онъ взялъ отъ него столько книгъ, сколько ихъ приходилось за эту сумму. Любопытенъ былъ выборъ. Крыловъ, отказавшись отъ Вольтера и Кребильйона, предпочелъ имъ Расина, Мольера и Буало. Это было основаніе библіотеки его и руководство для будущихъ его трудовъ. Въ подражаніе первому, онъ увлекся героями Греціи и Рима; вторые развили его направленіе сатирическое, которое преобладало въ немъ надъ прочими внушеніями природы. Въ числѣ русскихъ писателей, современныхъ ему, но упредившихъ его славою, какъ драматическій поэтъ всѣхъ знаменитѣе былъ въ Санктпетербургѣ Княжнинъ. Въ это время (1784) явилась патріотическая трагедія его. Дмитревскій, представлявшій *Рослава,* на театрѣ доставилъ сочиненію успѣхъ необыкновенный. Хотя Крыловъ былъ моложе Княжнина двадцатью шестью годами и не могъ тогда пріобрѣсти еще никакой извѣстности, однакоже онъ отважился представиться творцу *Дидоны,* соединявшему въ талантѣ своемъ также сатирическій характеръ и драматическое стремленіе. Недостаточное состояніе, пріискиваніе службы и литературныя знакомства не остановили любимыхъ занятій Крылова. Его взглядъ на расположеніе драмы и дѣйствія героевъ получилъ, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторую опытность, а вспомогательныхъ знаній и еще больше накопилось. Тогда-то успѣлъ онъ написать первую свою трагедію *Клеопатру.*

VII.

Княжнинъ доставилъ Крылову знакомство съ Дмитревскимъ. Несмотря на разность лѣтъ, званій и самыхъ занятій, они должны были близко сойтися нѣкогда. Въ самомъ дѣлѣ, эти два человѣка рождены были понимать другъ друга вполнѣ. Дмитревскій былъ старше Крылова тридцатью двумя годами. Хотя и ему, какъ нашему поэту, не привелось въ дѣтствѣ учиться основательно и

постоянно, однакоже онъ, по прибытіи изъ Ярославля въ Санктпетербургъ, отданъ былъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ ознакомился съ нѣкоторыми науками и иностранными языками. Еще въ 1765 г. Дмитревскій ѣздилъ во Францію, чтобы довершить свое артистическое образованіе, а въ самый годъ рожденія Крылова вторично отправлёнъ былъ въ Парижъ для принятія въ здѣшнюю труппу нѣкоторыхъ французскихъ актеровъ. Все это между тѣмъ, какъ и въ Крыловѣ, не сгладило ни съ характера его, ни съ его ума, ни даже съ его привычекъ тѣхъ рѣзкихъ признаковъ, по которымъ легко видѣть коренного Русскаго человѣка, защитившагося отъ владычества иноземнаго воспитанія. Дмитревскій, не ослѣпленный успѣхами своими и славою, доступенъ былъ каждому молодому человѣку, который желалъ воспользоваться совѣтами его и замѣчаніями касательно театральныхъ сочиненій. Какъ лицо общественное, онъ все достоинство свое, всю свою честь полагалъ въ томъ, чтобы опытностью своею споспѣшествовать общественной пользѣ. Къ довершенію всего, онъ былъ артистъ геніальный. Ему были понятнѣе, нежели обыкновенному человѣку, первые опыты другого генія. Неудивительно, что два человѣка, получившіе отъ природы столько общаго, послѣ сближенія другъ съ другомъ, навсегда остались между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ другомъ возрастѣ, въ лучшихъ обстоятельствахъ, Крыловъ приходилъ къ Дмитревскому, какъ въ домъ родственника своего. За сытнымъ обѣдомъ, всегда состоявшимъ изъ однихъ чисто-русскихъ блюдъ, въ халатахъ (если не было посторонниxъ), они роскошничали по своему, и послѣ стола оба любили, по обычаю предковъ, выспаться порядочно.

По этому поводу можно разсказать забавный случай, выпавшій Крылову. Разъ какъ-то очень долго не видался онъ съ Дмитревскимъ и совсѣмъ не зналъ, что пріятель его живетъ уже на новой квартирѣ. Они гдѣ-то встрѣтились. Дмитревскій зазвалъ Крылова къ себѣ обѣдать и заранѣе очаровалъ воображеніе разсказомъ, какъ онъ попотчуетъ его щами, кулебякою, поросенкомъ подъ хрѣномъ въ сметанѣ, гусемъ съ груздями, кашею и проч.

Поэтъ въ назначенный день является на знакомую ему квартиру. Слуга объявляетъ ему, что баринъ еще не возвратился домой. «Я подожду, братецъ». Спокойно, черезъ пріемную комнату и кабинетъ, добравшись до спальни, онъ раздѣлся и, для освѣженія силъ, легъ заснуть на кровати. Квартиру Дмитревскаго, въ это время занималъ женатый чиновникъ. Къ обѣденному времени, ранѣе мужа, прибыла жена. Каково было ея удивленіе, когда она увидѣла на кровати въ своей спальнѣ незнакомаго ей мущину, дюжаго, полнаго и беззаботно спящаго. Можно представить, до какой степени, когда разбудили Крылова, смѣшался онъ, вообще застѣнчивый и не очень ловкій!

Кончивъ свою *Клеопатру*, ребяческое подражаніе французскимъ трагедіямъ, которыя успѣлъ Крыловъ перечитать, онъ, изъ Измайловскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ матерью, отправился на Гагаринскую пристань къ Дмитревскому. Актеръ принялъ его ласково и сказалъ ему, что желаетъ предварительно прочитать пьесу одинъ. Крылову вообразилось, что у Дмитревскаго не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія трагедіи его, и потому онъ почти каждый день навѣдывался о судьбѣ своего дѣтища. Надобно же было случиться, что въ теченіе не только нѣсколькихъ дней, но и нѣсколькихъ. мѣсяцевъ, будущіе друзья не могли свидѣться. Чего не передумалъ сочинитель въ этой пыткѣ! Наконецъ Дмитревскій принялъ его и объявилъ, что намѣренъ читать трагедію вмѣстѣ съ авторомъ. Чтеніе было необыкновенно продолжительно, потому-что критикъ не пропустилъ безъ замѣчанія ни одного дѣйствія, ни одного явленія, даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностію показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отъ чего дѣйствіе незанимательно, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ. Это можно назвать первымъ курсомъ словесности, который Крылову удалось выслушать и гдѣ примѣры ошибокъ брали на каждое правило изъ его трагедіи. Онъ почувствовалъ, что легче было написать новую, нежели исправить старую, чтó присовѣтовалъ ему и Дмитревскій. Такимъ образомъ этотъ опытъ остался навсегда въ неизвѣстности.

VIII.

Содержаніемъ новой трагедіи послужило для Крылова миѳологическое преданіе древней Греціи о *Филомелѣ*. Таковъ былъ вкусъ времени. Поэты не могли вытти изъ заколдованнаго круга. Этою трагедіей и начинается въ нынѣшнемъ изданіи та часть сочиненій Крылова, въ которой собраны драматическія произведенія его. Всѣ условія, по тогдашнимъ понятіямъ необходимыя для трагедіи, соблюдены въ *Филомелѣ* строго. Въ ней пять дѣйствій, александрійскіе риѳмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь русскаго съ церковно-славянскимъ, при герояхъ наперсники, превышающіе ихъ догадливостію въ крайнихъ случаяхъ, страсти благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ — все, что, казалось, непремѣнно должно быть, кромѣ художнической истины и жизни съ ея красками страны и эпохи. *Филомела* служитъ намъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что и великій поэтъ, которому суждено преобразовать искуство, остается нѣкоторое время подъ властію вѣка своего. Въ безостановочномъ стремленіи къ успѣху онъ долго принужденъ падать, пока не созрѣютъ собственныя его силы. Примѣры и приговоры общества до такой степени увлекаютъ его по ложному пути, что отъ въ ослѣпленіи сочувствуетъ и не согласному съ его душою. Новая трагедія окончена была авторомъ въ 1786 году. Надобно думать, что Дмитревскій и ее осудилъ на забвеніе: иначе она явилась бы на тогдашнемъ русскомъ театрѣ, еще не богатомъ пьесами. Отвергнутая разборчивымъ вкусомъ знаменитаго актёра, она, впрочемъ, съ того же года, какъ была написана, перешла въ достояніе русской литературы. Императорская Академія наукъ, усиленная въ способахъ ученой дѣятельности благоразумными распоряженіями директора своего, княгини Е. Р. Дашковой, приступила тогда къ печатанію книги, теперь очень любопытной по рѣдкости своей и которой примѣромъ у насъ не пользовались послѣ. До 1795 года, въ теченіе почти десяти лѣтъ, печатались Академіею въ одномъ

изданіи всѣ пьесы на русскомъ языкѣ, писанныя для сцены. Изъ нихъ составился сборникъ въ 43 частяхъ, подъ названіемъ *Россійскаго Θеатра*. Какъ книга для чтенія, этотъ сборникъ конечно утомителенъ, потому что издатели и не думали о выборѣ занимательнѣйшаго. Но, представляя въ себѣ почти всѣ матеріалы драматической русской литературы того времени, онъ для исторіи навсегда останется памятникомъ важнымъ и, къ сожалѣнію, единственнымъ. Здѣсь нашла себѣ мѣсто и *Филомела* Крылова, чтó безъ сомнѣнія доставило много огня отроческимъ его восторгамъ

Ежели поэтъ утѣшался произведеніями своими, то мать его еще больше должна была радоваться въ это время: сыну ея дали мѣсто въ здѣшней казенной палатѣ съ жалованьемъ въ годъ по 25 рублей. Чтобы постигнуть, какъ могли жить они при этихъ средствахъ, надобно представить всю бережливость бѣдныхъ людей, ограниченность ихъ желаній и бывшую тогда дешевизну во всемъ. О послѣдней можно приблизительно судить по одному: Крыловъ разсказывалъ, что мать его платила тогда за прислугу женщинѣ 2 рубля въ годъ. Недолго, впрочемъ, Марья Алексѣевна утѣшалась милымъ своимъ сыномъ. Ему суждено было одному прокладывать себѣ дальнѣйшую дорогу къ счастію: въ 1788 году онъ лишился матери, о которой никогда не могъ вспоминать безъ сердечнаго умиленія.

IX.

Природа надѣлила Крылова умомъ дѣятельнымъ, острымъ и даже колкимъ. Въ молодости онъ увлекался всякою первою мыслію. Двадцати лѣтъ оставшись полнымъ властелиномъ судьбы своей, онъ, какъ по службѣ, такъ и въ литературныхъ предпріятіяхъ, безпрестанно гонялся за новостію. Это было причиною, что, быстро расширивъ кругъ знакомствъ и пользуясь извѣстностію въ кругу писателей, онъ ничему не предавался постоянно и долго оставался безъ существенныхъ успѣховъ на поприщѣ гражданской службы и на поприщѣ литературномъ. По смерти матери,

въ томъ же году, онъ опредѣлился на службу въ Кабинетъ ея императорскаго величества, откуда, по истеченіи двухъ лѣтъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ провинціальнаго секретаря. Ему казалось, что періодическими изданіями и заведеніемъ собственной типографіи можно пріобрѣсти все: независимость, извѣстность и деньги, что это положеніе спасетъ его отъ пожертвованій, сопряженныхъ съ службою. Обольстившись мечтательнымъ расчетомъ, Крыловъ съ 1789 по 1801 годъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, оставался безъ должности, работалъ для своихъ журналовъ, хлопоталъ по содержанію типографіи и ревностно обогащалъ театръ новыми пьесами своими.

Молодому человѣку, который чувствовалъ врожденную потребность въ умственныхъ трудахъ и находилъ въ себѣ рѣшительныя способности къ исполненію заманчивыхъ предпріятій, трудно было усидѣть хладнокровно за скучными дѣловыми бумагами въ эту эпоху, когда вся Россія, вдохновенная Екатериною, была — новая жизнь и поэзія. До восшествія императрицы на престолъ у насъ было только одно періодическое изданіе (ежели не считать *Трудолюбивой Пчелы* Сумарокова, одинъ годъ выходившей). Академикъ Миллеръ, не знавшій порядочно по-русски, основалъ его въ 1755 году, подъ названіемъ: *Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія*. Теперь являлись безпрестанно новыя, такъ что предпріятіе Крылова было едва ли не сороковымъ. Къ умственному движенію, обнаружившемуся такъ рѣзко, наиболѣе содѣйствовалъ указъ 1783 года, доставившій право всѣмъ частнымъ лицамъ заводить типографіи, бывшія до тѣхъ поръ исключительною принадлежностію правительственныхъ мѣстъ и казенныхъ учрежденій. Кому не знакомо имя Новикова, представителя тогдашнихъ журналистовъ, типографщиковъ и даже книгопродавцевъ? «Онъ (какъ прекрасно выразился Киреевскій) не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Память о немъ почти исчезла. Участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности. Многихъ уже нѣтъ. Но дѣло, ими совершенное, осталось. Оно

живетъ. Оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности потомства». Надобно полагать, что этотъ человѣкъ, въ началѣ разсматриваемаго здѣсь десятилѣтія покинувшій Санктпетербургъ и поселившійся въ Москвѣ съ обширными своими предпріятіями, гдѣ онъ образовалъ изъ друзей своихъ типографическую компанію, принявшую въ свой избранный кругъ только-что явившагося Карамзина,—надобно полагать, что онъ отчасти служилъ примѣромъ для Крылова. Новиковъ былъ ровесникъ Хемницера, слѣдовательно двадцатью четырьмя годами старше нашего поэта. Его успѣхами всѣ умы еще заняты здѣсь были. Сатирическое изданіе его *Живописецъ* уже четыре раза было перепечатываемо. Какое искушеніе для молодого писателя, движимаго честолюбіемъ, бѣдностію и даромъ насмѣшливости!

Въ 1789 году Крыловъ соединился съ капитаномъ гвардіи Рахманиновымъ чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ. Ровно за двадцать лѣтъ до нихъ, донынѣ еще забавляющій насъ романическими похожденіями своими и во всѣхъ родахъ литературными предпріятіями, *Федоръ Эминъ*, по рожденію полякъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Турціи магометаниномъ и янычаромъ, перекрестившійся въ Лондонѣ у русскаго посланника въ православіе и окончившій жизнь въ Санктпетербургѣ за сочиненіемъ книги: *Путь ко спасенію*, издавалъ здѣсь журналъ подъ названіемъ *Адская почта*. Его заглавіе понравилось новымъ журналистамъ, которые и явились въ публику съ *Почтою духовъ*.

X.

Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ. Онѣ составляютъ одну картину, въ которой остроумный писатель рѣшился нарисовать поражавшіе его пороки, слабости и рѣзко-смѣшныя стороны своего вѣка. Тогда въ литературѣ господствовало обыкновеніе сатирическую

работу передавать какимъ-нибудь духамъ, такъ какъ имъ легче человѣка всюду проникнуть, все увидѣть, вездѣ поспѣть, принять какой угодно видъ и нигдѣ не подвергнуться никакой бѣдѣ за опасное ремесло. Такая мысль могла остротою своею забавлять общество только разъ; именно, въ книгѣ человѣка, которому она первому пришла въ голову. Къ сожалѣнію, это не былъ Крыловъ. Онъ и здѣсь заплатилъ дань вѣку своему, набросивъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора, Буристона* и *Вѣстодава* къ волшебнику *Маликульмульку*. Нельзя читать безъ удивленія писемъ этихъ, когда сравнишь съ ними сочиненія прочихъ писателей нашихъ въ прозѣ, относящіяся къ одному съ ними времени, и когда подумаешь, что ихъ писалъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ, выросшій въ провинціи, не получившій ни воспитанія, ни даже обыкновенныхъ школьныхъ знаній. Разнобразіе предметовъ, до которыхъ онъ касается, выборъ точекъ зрѣнія, гдѣ становится какъ живописецъ, изумительная смѣлость, съ какою онъ преслѣдуетъ бичемъ своимъ самыя раздражительныя сословія, и въ то же время характеристическая, никогда не покидавшая его иронія, рѣзкая, глубокая, умная и вѣрная — все и теперь еще, по истеченіи слишкомъ полустолѣтія, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что передъ вами группы, постановка, краски и выразительность геніальнаго сатирика. Крыловъ этимъ однимъ опытомъ юмористической прозы своей доказалъ, что, навсегда ограничившись впослѣдствіи баснями, онъ опрометчиво сошелъ съ поприща счастливѣйшихъ нравоописателей. Тутъ онъ и языкомъ Русскимъ далеко опередилъ современниковъ. Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ извѣстныя выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ. Но въ прозѣ ни отъ кого независимъ онъ. Кромѣ легкаго, правильнаго и сильнаго языка, изумляютъ читателя новыя мысли, безъ малѣйшей натяжки связываемыя съ шутками въ разговорахъ. Въ одномъ мѣстѣ *Буристонъ* умышленно оскорбляетъ актера, назвавши его народнымъ шутомъ. «Лучше (отвѣчаетъ актеръ) заставлять на-

родъ смѣяться, или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками, Есть шуты (продолжаетъ артистъ), которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ. А мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей по мѣрѣ нашего дарованія и прилежанія, а не по проискамъ и не по знатности покровителей. Сверхъ того мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку публичной лести. Мы (заключаетъ онъ) и передъ самими царями говоримъ хотя не нами выдуманную, однако жъ истину, между тѣмъ какъ вельможи, не смѣя передъ ними раскрывать философическихъ книгъ, читаютъ имъ только оды и надутыя записки объ ихъ побѣдахъ.»

Главною цѣлію изданія, какъ нельзя не догадаться по господствующему въ немъ направленію, было патріотическое содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, особенно языка, уже и тогда тѣснимаго французскимъ въ высшемъ кругу общества. Вотъ одно замѣчательное мѣсто о послѣднихъ двухъ предметахъ въ письмѣ *Зора*. «Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей, и толковали имъ только о томъ, чтобы были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. Къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились Французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ

не говорятъ ни слова о томъ, что̀ есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство». Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, Крыловъ, въ каждомъ періодѣ литературной жизни своей, обращался къ развитію темы, заключающейся въ приведенныхъ строкахъ. Ей посвятилъ онъ, какъ увидимъ послѣ, двѣ комедіи: *Модная лавка* и *Урокъ дочкамъ*, и три басни: *Крестьянинъ и Змѣя*, *Бочка* и *Воспитаніе льва*.

Періодическое изданіе его *Почта духовъ*, раздѣленное первоначально на двѣ части, выходило ежемѣсячно. По истеченіи года онъ прекратилъ его, вѣроятно, почувствовавши, что для журнала недостаточно однохарактерныхъ статей. Къ чести прежнихъ читателей надобно прибавить, что *Почта духовъ* сохранила свою цѣнность какъ книга. Ее перепечатали въ 1802 году въ четырехъ частяхъ.

XI.

Протекло два года (1790 и 1791), на которыхъ не осталось слѣда литературныхъ занятій Крылова. Изъ нихъ послѣдній ознаменовался появленіемъ въ свѣтъ *Московскаго журнала* Карамзина. Предназначенные судьбою возвысить нѣкогда успѣхами своими русскую литературу, эти писатели и родились почти въ одно время. Только тремя годами [1]) Карамзинъ старѣе былъ Крылова. Но въ дѣтствѣ много преимуществъ досталось исторіографу предъ баснописцемъ. Воспитаніе, образованіе и общество, посре-

[1]) Если вспомнить, что Карамзинъ, какъ теперь убѣдились, родился 1 декабря 1766, а Крыловъ 2 февраля 1768 года, то разница не составитъ и двухъ лѣтъ.

ди котораго Карамзинъ выросъ, рано развили его умъ, его вкусъ и направили любознательность его на прекрасную дорогу. Крыловъ все пріобрѣталъ случайно. Счастливыя способности помогли ему, между прочимъ, выучиться рисовать и играть на скрипкѣ. Въ числѣ мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ здѣсь, есть стихи къ *Елизаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ*. Онъ сочинилъ ихъ, посылая къ ней написанный имъ перомъ на образецъ гравировки портретъ императрицы Екатерины II. Лучшіе наши живописцы въ послѣдствіи времени, выслушивали сужденія его о своихъ работахъ съ довѣренностію и уваженіемъ. Какъ музыкантъ, онъ, въ молодыя лѣта, славился въ столицѣ игрою своей на скрипкѣ и обыкновенно участвовалъ въ дружескихъ квартетахъ первыхъ виртуозовъ. Неизмѣнная страсть къ театру дополняла его практическое образованіе.

Прекративъ изданіе перваго журнала, Крыловъ удержалъ типографію за собою и за своими въ ней участниками. Она доставляла имъ доходъ, а въ скоромъ времени понадобилась и для собственнаго его предпріятія. Съ 1792 года онъ приступилъ къ составленію новаго журнала подъ названіемъ: *Зритель*. Подобно первому, и это было ежемѣсячное изданіе, но раздѣленное на три части. Преобладающее направленіе его явно показывало, что журналомъ завѣдываетъ редакторъ *Почты духовъ*. *Зритель* издавался (заимствуемъ подлинныя слова изъ Введенія къ нему), «чтобы порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла собою читателя». Крыловъ здѣсь разнообразнѣе. Онъ мѣняетъ предметы своихъ изслѣдованій, переходитъ отъ одной формы сочиненія къ другой, и шуточныя статьи отдѣляетъ отъ серьёзныхъ. Восточная повѣсть его *Каибъ*, хотя своими красками, тономъ, даже планомъ и напоминаетъ многочисленное племя подобныхъ сочиненій, бывшихъ въ большомъ ходу у писателей XVIII столѣтія, однако и до сихъ поръ не утратила достоинства своего какъ сатира многосторонняя, умная и живописная. Очень оригинально и необыкновенно тонко въ одномъ мѣстѣ этой повѣсти вос-

точный стихотворецъ изъясняетъ различіе между одами и сатирами. «Мнѣ удивительна способность ваша (говоритъ сочинителю одъ другое лицо) хвалить тѣхъ, въ комъ, по вашему жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ». «О, это ничего (отвѣчаетъ поэтъ), повѣрьте, что это бездѣлица! Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода—какъ шелковый чулокъ, который всякій старается разстягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на кого изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, которому онъ болѣе подверженъ. Но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя мелочи, чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ. Можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно — и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы». Въ прочихъ статьяхъ авторъ, не прикрываясь ни аллегоріею, ни калифатомъ, даетъ волю неистощимому сарказму своему и прямо уже описываетъ низкія страсти, развратъ, глупости и ничтожество современнаго ему общества.

Мелкія стихотворенія Крылова, напечатанныя въ *Зрителѣ*, еще не сбросили съ себя чопорнаго убранства прошедшаго вѣка. Молодой поэтъ, какъ и другіе изъ товарищей его, покушался на все, начиная съ переложеній псалмовъ и сочиненія высокихъ одъ до пѣсней и слезныхъ элегій. Ломоносовъ и даже Сумароковъ передъ всѣми носились тогда какъ живые. Знаменитая ода Ломоносова, начинающаяся стихомъ:

«Заря багряною рукою»,

видимо одушевляла Крылова, когда онъ сочинялъ слѣдующую строфу въ своей одѣ *Утро:*

«Заря торжественной десницей
Снимаетъ съ неба темный кровъ
И сыплетъ бисеръ съ багряницей

Предъ освѣтителемъ міровъ.
Врата, хаосомъ вознесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереяхъ своихъ скрипятъ;
Но разъяренны кони Феба
Чрезъ верхъ сапфирныхъ сводовъ неба,
Рыгая пламенемъ, летятъ».

XII.

Изъ числа современниковъ по литературѣ самое близкое лицо къ Крылову въ это время былъ драматическій писатель Клушинъ (ум. 1804). Онъ участвовалъ и въ содержаніи типографіи его, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго (нынѣ Е. И. В. принца Ольденбургскаго), и въ наполненіи *Зрителя* статьями. Это былъ человѣкъ съ несомнѣннымъ комическимъ дарованіемъ. Крыловъ даже въ старости своей вспоминалъ о немъ съ удовольствіемъ и отзывался всегда съ похвалою. Прекративъ изданіе *Зрителя*, они рѣшились, съ 1793 года, печатать въ общей ихъ типографіи новый журналъ: *Санктпетербургскій Меркурій*, и означить на немъ имена обоихъ редакторовъ. Крыловъ, съ каждымъ преобразованіемъ періодическихъ трудовъ своихъ, видимо стремился къ совершенствованію ихъ занимательностію содержанія, расширеніемъ программы и сближеніемъ съ потребностями публики. Въ Клушинѣ нашелъ онъ сотрудника ревностнаго и полезнаго. Одарены будучи умомъ тонкимъ и гибкимъ, молодые литераторы не берегли ни остроты, ни насмѣшекъ. Здѣсь Крыловъ помѣстилъ, между прочимъ, двѣ свои статьи, исполненныя ѣдкихъ нападеній на празднолюбцевъ и на бездарныхъ писателей, одну подъ названіемъ: *Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ*; другую—*Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей*. Клушинъ трудился не только для журнала, но въ то же время и для театра. Первая изъ комедій его, написанная стихами, называется *Смѣхъ*

и горе. Она тогда же представлена была на театрѣ. Крыловъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы изложить въ журналѣ своемъ отзывъ о новой пьесѣ. Онъ, въ объясненіе разныхъ видовъ критики, говоритъ: «Я не намѣренъ ни ослѣпить автора ласкательною похвалою, ни огорчить его грубымъ и бранчивымъ сужденіемъ. Словомъ: я поступлю такъ, какъ бы желалъ, чтобы поступлено было со мною въ таковыхъ же обстоятельствахъ, и какъ бы должно было поступать со всякимъ новымъ авторомъ. Пристрастная и чрезмѣрная похвала изнѣживаетъ и разслабляетъ дарованія; колкая брань и насмѣшка ихъ повергаетъ въ отчаяніе и задушаетъ въ самомъ рожденіи. Но безпристрастное сужденіе очищаетъ вкусъ—и, указывая на погрѣшности одною рукою, увѣнчиваетъ другою красоты. Такое сужденіе не утушаетъ и не ослѣпляетъ самолюбія, но оставляетъ его въ той степени, какая нужна для воспламененія дарованія.» Изложивъ содержаніе комедіи, онъ со всѣмъ безпристрастіемъ и достоинствомъ указываетъ на ея недостатки. Другая комедія Клушина, въ этомъ же году представленная, написана прозою и называется: *Алхимистъ*. И объ ней Крыловъ напечаталъ свой отзывъ въ *Санкпетербургскомъ Меркуріи*. Вотъ одно изъ его замѣчаній, обнаруживающее знатока дѣла. «Разговоры въ комедіи ведены всѣ очень остро, но они по большой части отдалены отъ содержанія комедіи и наполнены эпизодами, которые ничуть не служатъ къ исправленію *Вскипятилина*, чтó бы, кажется, долженъ былъ имѣть авторъ въ виду.» Изданіе *Санктпетербургскаго Меркурія* продолжалось, какъ и прежніе журналы Крылова, только одинъ годъ. Клушинъ отправился тогда за границу. Въ послѣдствіи времени написалъ онъ для нашего театра еще три пьесы: комедію *Худо быть близорукимъ*, оперу *Американцы* (обѣ 1800 г.) и комедію *Услужливый* (1801). Крыловъ навсегда покинулъ изданіе журналовъ. Только въ 1835 году, по просьбѣ Смирдина, не принимая никакого участія въ журналѣ, для шутки онъ позволилъ напечатать въ объявленіи о *Библіотекѣ для Чтенія*, будто онъ взялся быть въ томъ году ея редакторомъ.

Театръ еще долго привлекалъ къ себѣ все вниманіе Крылова и подстрекалъ его дѣятельность. Отъ сочиненія трагедій отказался онъ во-время. Но тѣмъ сильнѣе пристрастился теперь къ комедіямъ въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою. Къ 1793 году относятся двѣ его пьесы: комическая опера *Бѣшеная семья* и комедія *Проказники*, обѣ тогда же представленныя и послѣ напечатанныя въ *Россійскомъ Өеатрѣ*. Трудно изъяснить теперь, отчего комедіи Крылова, и особенно первоначально имъ писанныя, такъ мало выказываютъ поэтическаго въ немъ таланта. Нѣтъ въ нихъ ни русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни характеровъ сословія, изображаемаго сочинителемъ, ни даже той общей истины въ дѣйствіяхъ, которая понятна уму, хотя бы онъ и не находилъ около себя хорошихъ образцовъ для руководства въ сочиненіи. Видно, напротивъ, что дурные образцы мало-по-малу получаютъ власть надъ самымъ умнымъ человѣвѣкомъ. Въ комической оперѣ: *Бѣшеная семья*, ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія. Все доведено до самой грубой каррикатуры. Двусмысленныя рѣчи заступаютъ мѣсто шутокъ. Въ языкѣ какая-то неблагородная изысканность. Это самая вѣрная копія пустыхъ, давно забытыхъ пьесъ того времени, когда она была писана. Нисколько не лучше и *Проказники*. Къ недостаткамъ первой пьесы здѣсь прибавлено еще столько излишнихъ сценъ и скучныхъ разговоровъ, что представленіе ея должно было утомить самыхъ неприхотливыхъ зрителей. Между тѣмъ ровно за десять лѣтъ уже была напечатана безсмертная комедія Фонвизина: *Недоросль*. Уже ли ея чтеніе не открыло глазъ Крылову на искуство? Или она еще такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія красоты ея не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?

Обильно было это время и мелкими стихотвореніями Крылова. Множество напечатано ихъ въ *Санктпетербургскомъ Меркуріи*. Со всею игривостію и жаромъ молодого человѣка, въ разныхъ видахъ, часто съ увлеченіемъ и оригинальностію, описывалъ онъ любовь своего пылкаго сердца. Ему только что испол-

нилось двадцать пять лѣтъ. Предметомъ этихъ страстныхъ стиховъ вездѣ является тогда прославленная имъ *Анюта*. Вотъ какъ поэтъ описываетъ самъ періодъ своей юности:

Изъ всѣхъ наукъ тогда одна
Казалась только мнѣ важна—
Наука, коя вѣчно въ модѣ
И честь приноситъ всей природѣ;
Которую въ пятнадцать лѣтъ
Едва ль не всякій узнаетъ,
Съ пріятностью лѣтъ тридцать учитъ;
Которою никто не скучитъ,
Доколѣ самъ нескученъ онъ;
Гдѣ милъ, хотя тяжелъ законъ;
Въ которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умомъ силенъ слегка;
Гдѣ трудность всякая сладка;
Въ которой даже слезы милы,
Тѣ слезы съ смѣхомъ пополамъ,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмѣлясь стать счастливой,
Она даетъ блаженство намъ;
Наука нужная, пріятна,
Безъ коей трудно вѣкъ пробыть;
Наука всѣмъ равно понятна:
Умѣть любить и милымъ быть.
Вотъ чѣмъ тогда я занимался,
Когда съ Анютой повстрѣчался;
Изъ сердца мудрецовъ прогналъ,
Въ немъ мѣста ей одной лишь далъ—
И отъ ученья отказался.

Въ числѣ мелкихъ стихотвореній 1793 года одно напечатано подъ заглавіемъ: *Къ Счастью*. Оно явно показываетъ, что молодой авторъ испытывалъ силы свои и въ подражаніи первому лирику

Екатерининскаго вѣка. Сравнивъ эти стихи съ извѣстною одою Державина: *На счастіе,* сочиненною въ 1789 году, нельзя не чувствовать этого. Въ начальной строфѣ и въ окончательной, Крыловъ повторяетъ мысли образца своего, даже удерживаетъ отчасти и форму его, какъ напримѣръ въ послѣдней:

Послушай, я не кинусь въ слезы:
Мнѣ шутка всѣ твои угрозы.
Что я стараюсь пріобрѣсть,
То не въ твоихъ рукахъ хранится;
А чѣмъ не можешь подѣлиться,
Того не можешь и унесть.

Между тѣмъ сколько разности въ цѣломъ! Державинъ исполненъ лирическаго движенія и картинъ, а подражатель остается при однихъ нравоучительныхъ, холодныхъ стихахъ, хотя и не лишенныхъ ѣдкости сатиры.

XIII.

Сочинитель въ прихожей, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, написанная прозою, разыграна была въ 1794 году и послѣ напечатана въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*. Волокитство и мотовство, основы старинныхъ у насъ комедій, составлявшихся по французскимъ образцамъ, господствуютъ и въ театральныхъ пьесахъ Крылова, которыя относятся къ разсматриваемому нами времени. Герой комедіи, *Графъ Дубовой*, такъ ослѣпленъ своею любовью къ кокеткѣ *Новомодовой,* что во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ онъ выходитъ на сцену, нѣтъ у него другихъ рѣчей кромѣ разсказовъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ и подаркахъ невѣстѣ, которая только и годится, чтобы дать понятіе о глупѣйшей и самой низкой развратницѣ. Оба они мыслятъ и дѣйствуютъ по указаніямъ слуги и служанки, какъ это было въ обыкновеніи у всѣхъ прежнихъ театральныхъ героевъ. Не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорятъ они, что ни пред-

принимаютъ, о чемъ ни шутятъ, за что ни сердятся, такъ чуждо общества, жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомою намъ планетою, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ. Тамъ между людьми, которые впрочемъ отличены одинъ отъ другого названіями должностей, очень и между нами извѣстныхъ, никакого нѣтъ различія: у нихъ побужденія, привычки, страсти, языкъ — все такъ подведено подъ одну и ту же форму, что, долго оставаясь въ ихъ обществѣ, потеряешь воспоминаніе о дѣйствительной жизни. Сочинитель, какъ бы отвращая всякое подозрѣніе, что онъ своею сатирою мѣтитъ на чью-нибудь личность, съ намѣреніемъ все изображаетъ такъ, какъ у насъ и быть не можетъ. Послѣ этого удивительно ли, что слова: *лгать* и *сочинять* употребляютъ у насъ нерѣдко какъ синонимы, и что между дѣйствительностію и представляемыми на сценѣ происшествіями никто не думалъ искать соотношенія?

Для оживленія пьесы, сочинитель вывелъ въ этой комедіи *Рифмохвата*, лицо равнымъ образомъ неестественное, по крайней мѣрѣ небывалое, родъ *комическаго идеала*. По *Рифмохвату* можно составить одно заключеніе, что Крыловъ презиралъ глупыхъ и низкихъ стихокропателей, для которыхъ и роли выдумывалъ самыя отвратительныя. Еще въ прежней своей комедіи: *Проказники*, онъ наложилъ руку на этотъ постыдный классъ людей, изобразивши въ такой же каррикатурѣ *Рифмокрада* и жену его *Таратору*. Въ эти портреты, для насъ теперь нѣмые, полинялые, вѣроятно попадали черты жизни, тогда кому-нибудь внятныя; но онѣ такъ мелки посреди грубой живописи небывальщины, что напрасно занялся бы кто разложеніемъ картинъ на разнородныя части. *Рифмохватъ*, во всей пьесѣ почти не покидающій сцены и слѣдовательно очень надоѣвшій зрителю своими глупостями, въ одномъ только мѣстѣ разсмѣшитъ его. Онъ разсказываетъ служанкѣ *Новомодовой* о своемъ несчастіи, случившемся въ то время, когда хотѣлось ему поднести *Графу Дубовому* тетрадь стихотвореній. «Да вотъ, сударыня: я желалъ поднести его

сіятельству графу книгу моего сочиненія, и увидѣлъ я его бѣгущаго къ своей каретѣ. Я поклонился; однакоже онъ не догадался и сѣлъ въ карету. А я былъ такъ неостороженъ, что протягивая къ нему руку съ этою тетрадью, уронилъ ее подъ колесо—и оно всю ее перемяло. Ну, вотъ такая досада, что лучше бы это проклятое колесо мнѣ по животу переѣхало!»

Есть между напечатанными нынѣ мелкими стихотвореніями Крылова многія, подъ которыми издатели не могли выставить времени, когда онъ написалъ ихъ. Они отысканы въ разныхъ тетрадяхъ между бумагами автора. Видно, поэтъ рано и самъ почувствовалъ, какъ они маловажны для публики. Онъ въ поэзіи шелъ тогда за другими. Таковы переложенія въ стихи псалмовъ. На стихотвореніе Дмитріева: *Къ младенцу* тоже встрѣчаемъ здѣсь подражаніе, подъ заглавіемъ; *Къ спящему дитяти*. У перваго сказано:

Вступишь въ возрастъ ты другой:
Рокъ и страсти ополчатся—
И прости твой вѣкъ златой!
Ахъ, я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ и проливаю!
Сколько муки перенесъ!
Смерть родныхъ и сердцу милыхъ
Страсти, немощь, хладъ друзей...

Другой подобную мысль выражаетъ по-своему:

Придетъ время, что сонъ твой
Такъ не будетъ безмятеженъ:
Золотой твой вѣкъ пройдетъ;
Вѣкъ тебя желѣзный ждетъ;
Ждутъ тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждутъ развраты и пороки,
Чтобъ тебѣ погибель сплесть.

Такого рода заимствованія попадаются въ разсматриваемыхъ теперь пьесахъ очень часто. Они напоминаютъ разныя стихотворенія даже Карамзина, Капниста и другихъ. Молодое сердце, живо принимая лучшія впечатлѣнія, наполняется ими и какъ бы усвояетъ ихъ. Есть однакоже въ этомъ отдѣленіи стихи, можетъ быть, сочиненные и позже приведенныхъ. Они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прекрасны по отдѣлкѣ языка, по движенію мыслей, и явно показываетъ самобытность таланта Крылова. Это—посланіе къ Елисаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ, на которое указано было выше. Особенно оригинальны и граціозны его начало и окончаніе.

Махнувъ рукой, перекрестясь,
Къ тебѣ свой трудъ [1]) я посылаю —
И только одного желаю,
Чтобъ это было въ добрый часъ.

. . . .

Прими его почтенья въ знакъ,
И, не цѣня ни такъ ни сякъ,
Чего никакъ онъ не достоинъ,
Поставь смиренно въ уголку—
И я счастливымъ нареку
Свой трудъ, и буду самъ спокоенъ.
Пусть видятъ недостатки въ немъ;
Но, критику оставя строгу,
Пусть вспомнятъ то, что часто къ Богу
Мы съ свѣчкой денежной идемъ.

XIV.

Съ 1795 по 1801 годъ Крыловъ какъ бы исчезаетъ отъ насъ. Ни на одномъ изъ его сочиненій не осталось замѣтки, по которой бы можно было отнести его къ этому шестилѣтію. Самъ онъ не былъ тогда въ службѣ. Литераторъ уже съ извѣстнымъ

[1]) Говорится о портретѣ Екатерины II, писанномъ Крыловымъ.

именемъ, молодой человѣкъ, успѣвшій образовать въ себѣ нѣсколько талантовъ, за которые такъ любятъ въ свѣтѣ, драматическій писатель, вошедшій въ дружескія сношенія съ первыми артистами театра, журналистъ, съ которымъ были въ связи современные литераторы — Крыловъ и самъ не могъ замѣтить, какъ ускользалъ отъ него годъ за годомъ посреди развлеченій столицы. Онъ участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ, прекрасно играя на скрипкѣ. Живописцы искали его общества какъ человѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ дополненіе пособій по литературѣ, Крыловъ выучился по-итальянски и свободно на этомъ языкѣ читалъ книги. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, гдѣ въ прежнее время такъ радушно принимались люди съ талантами. Между тѣмъ увлеченія молодого сердца, естественно, требовали жертвъ, стоившихъ и траты времени и частаго удаленія отъ серьёзныхъ занятій. Хладнокровіе и благоразуміе не удѣлъ юнаго поэта. По крайней мѣрѣ, Крыловъ, повинуясь призыву любви, умѣлъ защититься отъ страсти буйной. Нравственная грація во всю жизнь сопровождала движенія его сердца.

Къ сожалѣнію, въ немъ развилась другая страсть, которая заставила его много погубить времени. Онъ завлекся игрою въ карты. Какъ ни разбирай, картежная игра во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ въ себѣ что-то недостойное благоразумнаго человѣка. Вотъ почему ея начало всегда современно легкомысленной молодости каждаго. Принять ли ее даже какъ отдохновеніе отъ трудовъ и простое средство къ необходимому развлеченію — надобно предположить удивительную пустоту души, способной для того оставаться въ сферѣ подобной дѣятельности. Не упоминая о музыкѣ, или дружескихъ бесѣдахъ, о прогулкахъ и вообще о всякомъ механическомъ занятіи, самое бездѣйствіе полезнѣе и даже благороднѣе игры. Въ защиту нравственной стороны ея обыкновенно приводятъ мысль, что здѣсь непринужденное, равномѣрное бореніе партій. Но кто не убѣжденъ, что въ игрѣ весь успѣхъ только и зависитъ отъ неравномѣрности либо характе-

ровъ, либо соображеній. Это обстоятельство, всѣми сознаваемое, и низкая цѣль уничтожаютъ достоинство соперничества. Пушкинъ говаривалъ, что сильную игру надобно отнести въ разрядъ тѣхъ предпріятій, которыя, касаясь съ одной стороны близкой гибели, а съ другой блистательнаго успѣха, наполняютъ душу самыми сильными ощущеніями, всегда увлекательными для людей необыкновенныхъ. И это изъясненіе нисколько не облагороживаетъ приверженцевъ къ игрѣ. Подчиниться властительнымъ порывамъ во время дѣлопроизводства мелкаго, сухого, безжизненнаго, не соблазняющаго никакою поэзіею, кромѣ чужихъ денегъ — къ этому способны развѣ самые обыкновенные люди, уже успѣвшіе изсушить въ себѣ всѣ стремленія къ чему бы то ни было поэтическому. Гораздо легче сказать, и это справедливѣе будетъ, что недостатокъ истинно-хорошаго воспитанія, отсутствіе въ душѣ правилъ строгой нравственности, привычка къ развлеченіямъ внѣшнимъ, примѣръ общества и его испорченные нравы незамѣтно роднятъ насъ съ этимъ унизительнымъ препровожденіемъ времени и постепенно разжигаютъ въ насъ другія страсти, удовлетворяемыя выигрышемъ. Какъ бы то ни было, но Крыловъ заплатилъ дань и этой слабости. Онъ отыскивалъ сборища, въ которыхъ предавались игрѣ съ самозабвеніемъ. Онъ готовъ былъ съѣздить въ другой городъ, ежели узнавалъ, что тамъ найдутся товарищи по игрѣ. Никто не замѣчалъ конечно, чтобы Крыловъ жаденъ былъ къ деньгамъ. Онъ былъ вообще безпеченъ и нерасчетливъ. У этихъ людей, вмѣсто истиннаго сребролюбія, иногда проглядываетъ что-то похожее на безсмыслицу. «Отправляясь со мною вмѣстѣ куда-нибудь въ гости (разсказывалъ Гнѣдичъ), Крыловъ никакъ не соглашался заплатить хорошему извозчику столько же, сколько платилъ я, и считалъ это мотовствомъ. Половину дороги онъ шелъ пѣшкомъ; и наконецъ, усталый, бывалъ принужденъ сѣсть на самый дурной экипажъ, и за половину дороги платилъ почти столько же, сколько просили съ него при началѣ. Это называлъ онъ бережливостью.» Вотъ образчикъ расчетливости поэта, имъ же изображенной въ баснѣ: *Мельникъ*. Отъ привычки

къ игрѣ освобождаются не вдругъ. Съ Крыловымъ было то же. Извѣстно, что слухъ объ этой страсти его въ послѣдствіи времени дошелъ до императора Александра Павловича. Государь тогда произнесъ многозначительныя слова: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой.»

XV.

Бездѣйственная жизнь наскучила наконецъ Крылову. Вступить въ службу вновь ему теперь уже не было трудно. Въ немъ готовы были принять участіе самыя значительныя лица. Въ 1801 году онъ удостоился покровительства вдовствовавшей императрицы Маріи Феодоровны. Государыня изволила поручить его рижскому военному губернатору князю Сергію Федоровичу Голицыну. Тогда Крылову было 32 года. Многіе въ эти лѣта пользуются уже значительностію по службѣ. Поэтъ занялъ мѣсто секретаря при новомъ своемъ начальникѣ. Живши въ городѣ, который былъ для него иностраннымъ, могъ бы онъ пристраститься къ дѣламъ службы; но привычка къ занятіямъ литературнымъ, а еще болѣе къ игрѣ въ карты, не оставила его и здѣсь. Разсказываютъ, что, въ послѣднемъ отношеніи, на нѣкоторое время онъ былъ даже очень счастливъ, выигрывая много денегъ, которыя, какъ это обыкновенно оканчивается, онъ скоро всѣ проигралъ. Насмѣшливый умъ его отозвался въ Ригѣ шуткою-каррикатурой, извѣстною только въ рукописи, подъ названіемъ трагедіи: *Трумфъ*[1]). Основаніемъ каррикатуры служитъ смѣшной выговоръ русскихъ словъ, произносимыхъ Нѣмцами. Впрочемъ, Крыловъ никогда и не думалъ пустить пьесу въ извѣстность. Она огласилась такъ же, какъ и все, недоступное печати.

На другой годъ новой службы своей Крыловъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а на третій еще разъ покинулъ

---

[1]) Она напечатана въ *Русской Старинѣ* 1871 года за февраль, подъ заглавіемъ: *Подщипа, шуто-трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* Ср. *Русск. Ст.* того же года за май.

службу. Правда, ему больше и дѣлать было нечего въ Ригѣ. Князь Голицынъ, испросивъ себѣ увольненіе отъ должности, тамъ занимаемой имъ, отправился къ себѣ въ деревню Саратовской губерніи. Привыкнувъ къ Крылову и полюбивъ его, онъ уговорилъ поэта переселиться съ нимъ въ новое его мѣстопребываніе. Безъ родства, ничѣмъ не связанный, мало заботясь о будущемъ, можетъ-быть и любопытствуя взглянуть на деревенскую жизнь вельможи, поэтъ охотно принялъ его предложеніе. Тамъ оставался Крыловъ три года. Его положеніе, несмотря на дружеское къ нему отношеніе князя, нельзя было назвать совсѣмъ пріятнымъ. Въ многолюдномъ домѣ знатнаго человѣка никакъ не избѣгнешь мелкихъ досадъ, случайныхъ столкновеній съ такими людьми, которые, не умѣя вполнѣ оцѣнить достоинство писателя, смотрятъ на него какъ на безполезнаго нахлѣбника. Впрочемъ, Крыловъ нашелъ способъ отвратить отъ себя всякій упрекъ въ тунеядствѣ. Время, остававшееся празднымъ послѣ деревенскихъ забавъ, собраній и гастрономическихъ занятій, онъ употреблялъ въ пользу дѣтей князя, обучая ихъ тому, въ чемъ чувствовалъ себя свѣдущимъ. Такимъ образомъ поэтъ нашъ вкусилъ сладости званія домашняго учителя. Съ маленькими князьями воспитывался тамъ и чужой мальчикъ, сынъ одного русскаго дворянина, по происхожденію носившаго финляндскую фамилію [1]). Крылову тогда и въ голову не приходило, что этотъ ребенокъ нѣкогда удивлять будетъ лучшее наше общество своимъ остроуміемъ, своенравіемъ своимъ, ипохондріею, и приготовитъ для потомства любопытнѣйшія Записки, въ которыхъ читатели найдутъ нѣсколько желчныхъ страницъ и о деревенскомъ саратовскомъ учителѣ. Изъ нихъ видно, что въ деревнѣ Крыловъ дѣйствительно не былъ какъ у себя. Онъ описанъ человѣкомъ уклончивымъ, тонкимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, чтó подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи и доказываетъ гибкій, проницательный умъ его, рано постигнувшій

[1]) Филиппъ Филипповичъ Вигель.

истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ: *Трудолюбивый Медвѣдь*. Такъ прошли для Крылова первые годы того славнаго въ исторіи Россіи двадцатипятилѣтія, на скрижаляхъ котораго сіяетъ и его имя. Въ 1806 году онъ отправился, черезъ Москву, къ старымъ пріятелямъ своимъ и къ старымъ занятіямъ въ Санктпетербургъ, дружески распростившись съ княземъ Голицынымъ, который и самъ на слѣдующій же годъ долженъ былъ покинуть деревню, избранный въ главнокомандующіе третьей области земскаго войска.

XVI.

Въ Москвѣ русская словесность тогда процвѣтала. Не только Дмитріевъ и Карамзинъ, преобразователи языка нашего и вкуса, влекли къ образцамъ своимъ молодое поколѣніе, но и Жуковскаго имя уже пріобрѣло извѣстность. Крылову, который остановился въ Москвѣ, не менѣе какъ и другимъ, пріятно было общество этихъ литераторовъ, которые жили только для успѣховъ ума и вкуса. Онъ особенно сблизился съ Дмитріевымъ. Желая войти съ нимъ въ такія сношенія, которыя бы касались предмета, для нихъ обоихъ равно занимательнаго, Крыловъ, въ свободное время, перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: *Дубъ и Трость* и *Разборчивую Невѣсту*. Дмитріевъ, прочитавъ ихъ, нашелъ переводъ Крылова очень счастливымъ и достойнымъ прелестнаго подлинника. Тогда онъ началъ уговаривать будущаго соперника своего не покидать этого рода поэзіи, который, по его мнѣнію, болѣе другихъ удался ему и можетъ со временемъ составить его славу. Крыловъ послѣдовалъ совѣту законнаго судіи въ этомъ дѣлѣ — и въ Москвѣ же перевелъ еще изъ Лафонтена: *Старикъ и трое молодыхъ*. Двѣ первыя басни Дмитріевъ немедленно послалъ къ Князю Шаликову для напечатанія въ № 1 его журнала: *Московскій зритель* (1806). Передъ ними была надпись переводчика: *С. Б. Бкндрфвой* (Бенкендорфовой). Издатель припечаталъ къ нимъ свое слѣдующее примѣчаніе: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И* И* Д* (Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую по-

хвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. Имя любезнаго поэта обрадуетъ конечно и читателя моего журнала такъ, какъ обрадовало меня». Во 2-мъ № *Московскаго* же *Зрителя*, опять съ именемъ переводчика, напечатана и третья его басня. Итакъ почти за тридцать девять лѣтъ до своей кончины Крыловъ былъ поставленъ судьбою на ту дорогу, которая должна была привести его къ безсмертію:

По возвращеніи своемъ въ Санктпетербургъ, Крыловъ попрежнему предался страсти къ театру. Вѣроятно, три его новыя пьесы для сцены, всѣ напечатанныя въ 1807 году, подготовлены были уже прежде. Обѣ комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ*, выражаютъ сильное негодованіе поэта на слѣпое пристрастіе Русскихъ къ Французамъ и ихъ языку. Можно подумать, что жизнь въ провинціи подняла всю его желчь. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ недуги столицъ выказываются отвратительнѣе. Что здѣсь только смѣшно или глупо, то въ провинціи, какъ въ искривленномъ зеркалѣ, становится гадко и нестерпимо. Многіе изъ писателей нашихъ, начиная съ Княжнина, вооружались сатирою противъ этого общественнаго недуга. Но пользы оказалось мало, даже нисколько. Подъ защитою господствущей моды, никто не чувствуетъ боли, какую повидимому должны бы произвести острыя стрѣлы насмѣшки. Есть и еще обстоятельство, спасающее порокъ общества. Сатирики изображаютъ его въ такомъ неестественномъ, въ такомъ искаженномъ видѣ, что ни одному человѣку и въ голову не придетъ приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается какъ въ баснѣ Крылова же: *Зеркало и Обезьяна*. Хотя новыя комедіи его несравненно выше прежнихъ движеніемъ и правдоподобіемъ событія, очертаніемъ характеровъ, указаніями на мѣстность и современные нравы, самымъ языкомъ, довольно естественнымъ, довольно разнообразнымъ; но въ подробностяхъ дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго—и отъ того цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Такъ въ *Мод-*

ной Лавкѣ Сумбурова, для которой написана вся комедія, нисколько не возбуждаетъ въ насъ того чувства, которое должно оттолкнуть отъ ея гадкаго ничтожества, потому что оно перешло границы правды. Въ *Урокѣ Дочкамъ* всѣ сцены, гдѣ разговариваютъ Фекла и Лукерья съ Велькаровымъ, отзываются этимъ же недостаткомъ. Между тѣмъ здѣсь есть явленія, исполненныя высокаго комическаго достоинства. Ничего нельзя представить живѣе, увлекательнѣе и граціознѣе VII явленія, XI; XV и XVI. Эти простосердечныя глупости барышень врѣзываются въ памяти— и одинъ намекъ на какую-нибудь подобную сцену вызоветъ краску на лицо виновныхъ въ той же слабости.

Всего труднѣе разгадать, чѣмъ соблазнился Крыловъ при сочиненіи волшебной оперы своей: *Илья Богатырь*, явившейся тоже въ 1807 году въ печати и на театрѣ. Изъ современныхъ ей и однородныхъ съ нею оперъ публику восхищала *Русалка*, Краснопольскимъ переведенная съ Нѣмецкаго. Крылову показалось, что пьеса, основанная на отечественномъ преданіи, еще большее произведетъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Илья-Богатырь, Соловей-Разбойникъ, могли увлечь воображеніе поэта. Между тѣмъ исполненіе идеи доказало, что для поэзіи необходимы краски времени и мѣста, что недостатка ихъ нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь, что частности жизни должны быть заимствованы изъ народныхъ разсказовъ, которыхъ обработка требуетъ знанія древностей. На исторической почвѣ самый счастливый талантъ, самое плодовитое воображеніе мало помогаютъ поэту безъ вѣрныхъ, обильныхъ и уже готовыхъ матеріаловъ. Итакъ неудивительно, что Сѣдырь, Торопъ, Зломѣка и другія лица, смѣшно выдуманныя авторомъ, никого теперь не забавляютъ.

XVII.

Въ 1808 году Крылову было отъ роду уже сорокъ лѣтъ. Онъ вошелъ въ это время опять въ службу при монетномъ дворѣ. Вскорѣ, по высочайшему повелѣнію, онъ произведенъ былъ въ титу-

лярные совѣтники. Въ Санктпетербургѣ издавался тогда журналъ подъ названіемъ: *Драматическій Вѣстникъ*. Въ немъ является нѣсколько новыхъ басень Крылова и одно стихотвореніе, довольно оригинальное по содержанію своему и тѣмъ еще замѣчательное, что оно было послѣднею данію его другимъ родамъ поэзіи, кромѣ басень, за исключеніемъ двухъ-трехъ коротенькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ имъ уже гораздо позже въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* по дружбѣ его къ барону Дельвигу. Стихи, на которые указано выше, названы: *Посланіе о пользѣ страстей*. Гораздо прежде него Карамзинъ, въ извѣстномъ своемъ *Разговорѣ о счастіи* (1797 г.), явился панегеристомъ страстей. Новыя мысли, и особенно выступающія основаніемъ своимъ изъ ряда такъ называемыхъ *общихъ мѣстъ*, сильно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателей, а впослѣдствіи, хотя мы о томъ даже и не думаемъ, являются въ нашихъ собственныхъ сочиненіяхъ. Такъ случилось и съ Крыловымъ. Но онъ больше Карамзина развилъ идею въ своемъ посланіи, посвященномъ ей исключительно. Онъ изъ каждой мысли составилъ картину. Еще замѣчательно: онъ здѣсь, говоря о значеніи страстей, какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое названо: *Пушки и паруса*. Стихи посланія, во многихъ мѣстахъ, такъ обработаны и крѣпки, такъ игривы и блестящи, что достойны имени знаменитаго автора. Возьмемъ изъ нихъ отрывокъ.

Какъ встарь живалъ нашъ праотецъ Адамъ?
Подъ деревомъ, въ шалашикѣ убогомъ,
Съ праматерью не пекся онъ о многомъ.
Виньойль ему не страивалъ палатъ:
Онъ подъ ноги не стлалъ ковровъ персидскихъ,
Ни жемчуговъ не нашивалъ бурмитскихъ;
Не изсѣкалъ онъ яшму и агатъ
На пышные кубки для винъ превкусныхъ;
Не зналъ онъ рѣзьбъ, альфресковъ, позолотъ,

И на стѣнахъ не выставлялъ работъ
Рафаэлей и Рубенсовъ искусныхъ;
Восточныхъ онъ не нашивалъ парчей.
Когда къ нему ночь темна приходила,
Не замѣнялъ онъ люстрами свѣтила,
Не превращалъ въ дни ясные ночей;
Онъ, кромѣ яствъ, не зналъ столу уборовъ,
И не ѣдалъ съ фаянсовъ и фарфоровъ.
Когда изъ тучъ осенній дождь ливалъ,
Подъ кожами зубъ-объ-зубъ онъ стучалъ—
И, твердо знавъ премѣнчивость природы,
Какъ стоикъ ждалъ конца дурной погоды,
Иль въ ближній лѣсъ за легкимъ тростникомъ
Ходилъ нагой—и вѣрно босикомъ.
Потомъ, расклавъ хворостнику беремя,
Онъ сиживалъ съ женой у огонька,
И проводилъ свое на свѣтѣ время
Въ шалашикѣ, не лучше Калмыка.

Никто не усомнится, что авторъ такихъ стиховъ, печатавшихся почти за 40 лѣтъ до нашего времени, долженъ былъ обратить на себя вниманіе, не говоримъ *публики*, для которой иногда равны писатели, стоящіе на противоположныхъ концахъ художническаго поприща, лишь бы имена ихъ часто мелькали передъ ея глазами, но вниманіе тѣхъ, для которыхъ Жуковскій издавалъ нѣкогда книжки свои подъ заглавіемъ: *Для немногихъ*. Безъ сомнѣнія, еще болѣе въ ихъ душѣ утвердилось пріятныхъ надеждъ при появленіи въ *Драматическомъ* же *Вѣстникѣ* значительнаго числа басень его. Онѣ представляли собою такія произведенія поэзіи, которыми удовлетворялись вдругъ и требованія литературной критики и ожиданія національнаго чувства. Патріотическое стремленіе къ самостоятельной, независимой поэзіи, видѣло въ нихъ залоги для своей эпохи. Въ числѣ образованнѣйшихъ

людей того времени, принимавшихъ ближайшее, непосредственное участіе въ успѣхахъ отечественной словесности и художествъ, были графъ А. С. Строгановъ и А. Н. Оленинъ. Домъ и семейство каждаго изъ нихъ сосредоточивали все, что̀ являлось въ столицѣ замѣчательнаго по литературѣ и изящнымъ искуствамъ. Тамъ не покровительствовали только, а любили таланты, участвовали въ ихъ занятіяхъ, входили во всѣ подробности трудовъ ихъ и возбуждали ихъ дѣятельность не только совѣтами, но и нѣжнѣйшею дружбою. Писателю, какъ и другому человѣку, необходимо общество. Ежели по происхожденію своему принадлежитъ онъ къ такъ называемому среднему кругу людей, то не совершитъ и половины своего назначенія, оставшись въ немъ навсегда. Умъ его, образованность и вкусъ не могутъ быть удовлетворены мелочными потребностями, тѣсною рамою жизни средняго круга. Его общество должны составлять люди, чуждые неотступныхъ заботъ, принужденія, недовѣрчивости, ограниченныхъ сужденій и скучныхъ разговоровъ. Ему необходимъ открытый и ясный взглядъ на общество, на жизнь. При немъ все должно быть свободно, искренно и высоко занимательно. Изъ такого общества писатель возвращается въ свое уединеніе съ новыми мыслями, съ новыми знаніями. Онъ соображаетъ свои труды съ дѣйствительными нуждами людей, а не съ ничтожными жалобами невѣжества и себялюбія. Всѣ писатели, коихъ имена и сочиненія составляютъ народную славу, оправдали эту истину. Такой удѣлъ достался теперь и Крылову. Тѣснѣйшею дружбою онъ былъ соединенъ съ домомъ А. Н. Оленина, гдѣ всѣ тогдашніе русскіе литераторы находили радушіе и участіе. Душою ихъ общества, кромѣ образованнаго хозяина, была супруга его, Е. М. Оленина, урожденная Полторацкая, существо кроткое, исполненное любви къ прекрасному и его понимавшее сердцемъ. Это семейство и домъ графа А. С. Строганова составляли какъ бы одно, избранное общество, въ которомъ созрѣвали знаменитости вкуса, принадлежащія вѣку Александра I.

XVIII.

По соображеніи всего, что въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ созналъ свое назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростію. Съ этихъ поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли. И вотъ въ 1808 же году вышло первое изданіе его басень, въ числѣ 23— блистательный годъ въ русской литературѣ. По истеченіи одиннадцати лѣтъ[1]) она должна отпраздновать его вторымъ Крыловскимъ юбилеемъ. Слава Санктпетербурга отозвалась въ Москвѣ. Тамъ Жуковскій былъ редакторомъ *Вѣстника Европы*. Онъ помѣстилъ въ немъ прекрасный разборъ, только-что вышедшихъ въ свѣтъ басень Крылова. Совершеннѣйшія изъ нихъ, по отзыву критика—слѣдующія пять: *Два Голубя, Разборчивая Невѣста, Стрекоза и Муравей, Пустынникъ и Медвѣдь* и *Лягушки, просящія царя*. Разсуждая о баснѣ вообще и прилагая свои выводы къ Лафонтену, Жуковскій говоритъ: «Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясна: Лафонтенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно-стихотворныхъ картинъ, ни того характера *простоты*, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность заимствованное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтену; а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное». Критикъ прибавляетъ далѣе, что въ большей части тогдашнихъ басень Крылова вымыслы и разсказъ заимствованы у Лафонтена. Несмотря на то, Жуковскій называетъ нашего баснописца поэтомъ тоже оригинальнымъ. «Не опасаясь никакого возраженія (говоритъ онъ), мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не на-

[1]) Т. е. въ 1858 году. Статья эта печаталась въ 1847.

писалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ; переводчикъ *въ стихахъ* — соперникъ». Наконецъ, вотъ ближайшая характеристика Крылова какую составилъ Жуковскій, разсматривая его басни: «Слогъ басень его вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно, и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ воображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ, или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи. Имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя. Каждое дѣйствующее въ баснѣ его лице имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные. Читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ».

Понятно какія новыя черты внесъ бы въ свой отчетъ критикъ, если бы нынѣ говорилъ о Крыловѣ, когда все получило въ его басняхъ окончательное совершенство, когда имъ поэтъ сообщилъ независимость тона, колорита, выраженія, когда обнялъ онъ собственною мыслію русскую жизнь въ главныхъ ея оттѣнкахъ и краскахъ, изобразилъ ея рѣзко и вѣрно, наполнилъ созданія свои философіею, сатирою и поэзіею того народа, котораго былъ представителемъ, и когда въ языкѣ своемъ такъ гармонически, такъ художнически слилъ всѣ стихіи разнообазной отечественной рѣчи. Всѣхъ Крылова басень теперь 197. Изъ этого числа (по его собственному показанію въ изданіи 1843 года) только 30 такихъ, которыхъ содержаніе заимствовалъ онъ у другихъ поэтовъ, а 167 принадлежатъ собственно ему и по вымыслу и по разсказу.

XIX.

Со времени перваго изданія басень Крылова до поступленія его на службу въ Императорскую Публичную библіотеку прошло четыре года. Изъ нихъ два послѣдніе онъ провелъ въ отставкѣ.

Къ театру началъ онъ охладѣвать, чтó съ лѣтами становилось замѣтнѣе. Прежній сценическій писатель, другъ Дмитревскаго, постоянный посѣтитель каждаго на театрѣ представленія, пришелъ къ тому, что на конецъ по десяти лѣтъ сряду не заглядывалъ въ храмъ Мельпомены и Таліи. Теперь онъ принадлежалъ кругу лучшихъ литераторовъ. Его талантъ вполнѣ цѣнилъ самъ Державинъ. Въ 1810 году, въ домѣ пѣвца Фелицы устроилась *Бесѣда любителей русскаго слова*. Всѣ извѣстные въ Санктпетербургѣ литераторы, всѣ любители и покровители наукъ приняли участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Бесѣда образована была на подобіе какого-нибудь судилища. Она раздѣлялась на четыре разряда. Въ каждомъ изъ нихъ находился предсѣдатель, дѣйствительные члены и сотрудники. Сверхъ того было четыре попечителя и неопредѣленное число почетныхъ членовъ. Одинъ разъ въ мѣсяцъ происходили публичныя засѣданія, куда собирался такъ называемый цвѣтъ общества. Въ домѣ Державина, замѣчательномъ своею архитектурою, что на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста, отдѣлана была великолѣпная зала для этихъ литературныхъ собраній. Тамъ въ первый разъ читаны были экзаметры Гнѣдича, который первоначально вздумалъ-было продолжать послѣ Кострова переводъ Иліады александрійскими стихами, но—благодаря совѣтамъ и настоянію С. С. Уварова (нынѣ графа, министра народнаго просвѣщенія)—рѣшился приступить къ новому труду съ первой пѣсни и взять размѣръ, подобный подлиннику. Въ 1811 году избранъ былъ въ дѣйствительные члены Бесѣды и Крыловъ. Его новыя басни возбуждали общій восторгъ въ каждомъ чтеніи. Ежемѣсячно издавалась особая книжка, въ которой печатано было все, прочитанное и одобренное въ Бесѣдѣ. Лирикъ Державинъ помѣстилъ тамъ, кромѣ послѣднихъ стихотвореній своихъ, Разсужденіе о лирической поэзіи. Съ 1811 до 1816 (годъ кончины Державина, послѣ чего и собранія Бесѣды прекратились) вышло девятнадцать книжекъ.

Такъ-какъ большею частію литераторы, участвовавшіе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, были члены Россійской ака-

деміи, то въ концѣ 1811-го же года и Крыловъ избранъ въ академики. По смерти А. А. Нартова, въ 1813 году, президентомъ назначенъ А. С. Шишковъ. Блистательный періодъ существованія Россійской академіи уже прошелъ. Своею славою она обязана Екатеринѣ II, непосредственно участвовавшей въ ея занятіяхъ, и первому президенту своему княгинѣ Дашковой, умѣвшей постигнуть глубокую мысль великой основательницы академіи. Крыловъ не нашелъ въ ученыхъ засѣданіяхъ той занимательности и возбужденія, которыя бы сообщили новый полетъ его генію. Онъ рѣдко посѣщалъ академію, и то развѣ въ торжественныя собранія. Таковы вездѣ бываютъ отношенія геніальныхъ людей къ прозаическимъ офиціальныхъ совѣщаніямъ. Разсказываютъ, будто разъ при разсужденіи о способахъ, какъ обезопасить доходы академіи, въ припадкѣ простодушной веселости своей, Крыловъ предлагалъ купить землю подъ овощные огороды, съ которыхъ доходъ самый прибыльный и самый вѣрный. Впрочемъ, и для Россійской академіи была еще впереди эпоха, когда на нѣсколько времени ожила ея знаменитость. Въ 1818 году ея лѣтописи украшены были именами Карамзина и Жуковскаго. Академическія собранія, какъ обыкновенныя, такъ и публичныя, оживлены были присутствіемъ и участіемъ лицъ, привлекавшихъ къ трудамъ своимъ всеобщее вниманіе. Отрывки изъ *Исторіи Россійскаго Государства* публично въ первый разъ читаны были въ академіи. Крыловъ, Жуковскій и Гнѣдичъ тутъ же являлись съ новыми своими произведеніями.

XX.

Открытіе Императорской Публичной библіотеки послѣдовало въ 1812 году. Ея директоромъ назначенъ А. Н. Оленинъ. Должности библіотекарей и помощниковъ ихъ поручены лицамъ, преимущественно извѣстнымъ въ литературѣ, чтó и послѣ соблюдаемо было нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ здѣсь соединились: переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, знатокъ славянской филологіи

Востоковъ, первый въ Россіи библіографъ Сопиковъ, переводчикъ Ифигеніи и Федры Расина Лобановъ. Въ этотъ же кругъ введены были послѣ баронъ Дельвигъ и Загоскинъ. Сюда Оленинъ пригласилъ и Крылова. Сопиковъ, прежде нѣсколько лѣтъ занимавшійся книжною торговлей, какъ человѣкъ опытный и знавшій все, что касалось до русскихъ книгъ, назначенъ былъ библіотекаремъ по русскому отдѣленію, а Крыловъ помощникомъ его. Давній поощритель музы поэта, Брейткопфъ, котораго жена была начальницею санктпетербургскаго училища ордена св. Екатерины, также поступилъ на службу въ библіотеку. Удивились и обрадовались другъ другу старые знакомцы, нежданно очутившись за однимъ дѣломъ. Въ первыхъ своихъ воспоминаніяхъ они воскресили прошлое. Дошла очередь и до *Кофейницы*. Крылову любопытно было взглянуть на рукопись дѣтства своего. Къ счастію, Брейткопфъ сохранилъ эту драгоцѣнность. Онъ въ цѣлости передалъ ее знаменитому автору. Для жительства служащихъ отведены квартиры черезъ домъ главнаго зданія библіотеки. Съ этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ 1816 году, когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, умершій въ 1818, Крыловъ занялъ его должность и квартиру (въ среднемъ этажѣ, на углу, что къ Невскому проспекту). Тутъ прожилъ онъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ. Украшеніемъ пріемной комнаты былъ портретъ его, во весь ростъ масляными красками, написанный тоже въ 1812 году профессоромъ Академіи художествъ Волковымъ на 44 году жизни поэта.

День учрежденія библіотеки долгое время празднованъ былъ публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній русскихъ литераторовъ. Въ первый годъ Крыловъ прочиталъ здѣсь для публики свою басню *Водолазы*. Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработываніи одного рода поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ

прочихъ писателей и утвердилъ за собою общее, выгодное для себя мнѣніе. Въ первый годъ службы его въ библіотекѣ императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1,500 р. ас. пенсіи изъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Спустя восемь лѣтъ, эта монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

Одна и та же лѣсница, мимо Крылова, вела на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и равныя отношенія къ гостепріимному дому Олениныхъ тѣсно связали поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и неопрятною, пріемыми простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это впрочемъ не мѣшало каждому изъ нихъ сознавать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другого и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичъ выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіе долголѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича экзаметры его текли изъ устъ медленно, глухо, размѣренно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна, ни противоестественна. Она обличала въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искуство на высо-

кую степень обработанности. Крыловъ же басни свои какъ бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безъискуственности. Въ голосѣ его слышались всѣ переливы самыхъ предметовъ, такъ-что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до тѣхъ поръ свое общество.

XXI.

Всѣ мы убѣждены, что здѣсь назначеніе наше—дѣятельность. Она источникъ самосовершенствованія, безъ котораго человѣкъ становится виновнымъ и передъ людьми и передъ своимъ Создателемъ. Умственная, нравственная, политическая, какая бы ни была, даже просто физическая дѣятельность доставляетъ человѣку то, чѣмъ онъ возводитъ свое достоинство выше и выше. Съ этой точки зрѣнія разсматривая Крылова, нельзя не обвинять его во многомъ. Теперь жизнь его, вставленная въ рамки, которыя пришлись по мѣркѣ, улеглась неподвижно. Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и не головоломной, кромѣ выѣздовъ къ обѣду въ Англійскій клубъ (гдѣ онъ послѣ игралъ нѣкоторое время по привычкѣ въ карты, а подъ конецъ только дремалъ) и на вечеръ иногда къ Оленинымъ, Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы, особенно старинные, читалъ не для пріобрѣтенія новыхъ идей, а чтобы убить только время. Можно одну сторону найти въ этомъ хорошую. Онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе, чиновническое или писательское, не общая у насъ слабость. Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отсторонился отъ людей, можетъ-быть не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними. Но онъ и тутъ не былъ позабытъ ни въ какомъ отношеніи. Начиная съ чина коллежскаго асессора, пожалованнаго ему государемъ въ 1814 году «въ уваженіе отличныхъ дарованій въ Россійской словесности» (какъ сказано въ имян-

номъ высочайшемъ указѣ по этому случаю), Крыловъ, постепенно подымаясь, въ 1830 году получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, награжденный еще прежде крестами владимірскимъ и анненскимъ.

Новыя изданія басень его, которыхъ число годъ отъ году возрастало, являлись очень часто. Второе вышло въ 1816 году и раздѣлено было на пять книгъ. Въ послѣднемъ, которое предпринято и кончено самимъ авторомъ въ 1843 году, находится уже девять книгъ. Изъ прочихъ изданій замѣчательнѣе другихъ явившіяся 1825 и 1834. Одно предпринято было Слёнинымъ и украшено очень хорошими гравюрами, другое Смирдинымъ, гдѣ почти при каждой баснѣ есть по литографированной картинкѣ, которыя съ удивительнымъ успѣхомъ всѣ исполнены Сапожниковымъ.

Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому ни принадлежалъ бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки. Въ баснѣ *Безбожники* представлена картина, до такой степени разительная и согласная съ очевидностію, что вслѣдъ за нею всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію. Его *Водолазы* рѣшатъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія. *Конь и Всадникъ* есть отвѣтъ на политическіе толки. *Листы и Корни* утверждаютъ законныя отношенія между сословіями. Въ *Мірской Сходкѣ* изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій. Крыловъ представилъ собою писателя, не увлекавшагося ни современными соблазнами, ни одностороннимъ направленіемъ. Для общества онъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, происки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя. Его нравоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости. Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики,

на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Вникнувъ мыслію въ тайный смыслъ его басень: *Огородникъ и Философъ*, *Червонецъ*, *Музыканты*, *Любопытный*, кто не почувствуетъ, что по его системѣ педанство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ? Крыловъ умѣлъ выразить собственное мнѣніе въ самыхъ щекотливыхъ случаяхъ противъ людей сильныхъ и даже опасныхъ. Не было бича язвительнѣе басни его на спесь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе. Достаточно для этого вспомнить басни: *Апеллесъ и Осленокъ*, *Булыжникъ и Алмазъ*, *Оселъ и Соловей*, *Парнасъ*. Какіе уроки заключилъ онъ въ *Бритвахъ, Голикѣ* и во множествѣ другихъ разсказовъ! Словомъ: книга его басень составляетъ основу истинъ общечеловѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, по какой бы ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни. Въ отношеніи къ Россіи это лучшая галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностію не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи.

XXII.

Характеръ и движеніе литературныхъ отношеній въ Санктпетербургѣ замѣтно измѣнились въ тотъ же 1816 годъ, когда послѣдовала кончина Державина. Много было до этихъ поръ преимуществъ на сторонѣ Москвы, гдѣ жили Карамзинъ и Жуковскій, одушевители молодого поколѣнія писателей. Они переселились теперь въ сѣверную столицу. Около нихъ начали между собою соединяться люди, чувствовавшіе призваніе къ литературѣ и понимавшіе важность благородныхъ умственныхъ занятій. Нигдѣ успѣхъ не возможенъ безъ сосредоточенности силъ. Великій писатель не только служитъ образцомъ вкуса, но и сообщаетъ стройность обществу литераторовъ, которые съ довѣрчивостію и любовію принимаютъ его идеи и сообразуются съ нимъ въ правилахъ жизни.

Карамзинъ только и жилъ для безсмертнаго труда своего, отъ котораго никто не могъ отвлечь его днемъ. За то каждый вечеръ отдавалъ онъ своему обществу. Люди государственные и писатели, всѣ, кто искалъ только бесѣды наставительно-пріятной, соединялись у него. Тогда литература занимала въ понятіи образованнаго общества высокое мѣсто. На ней сосредоточивались интересы и ожиданія первыхъ умовъ. Удивительно ли, что въ обществѣ Карамзина воспитали свое мышленіе не только другіе первоклассные писатели наши, но и тѣ, которымъ предназначено было преобразовать и усовершенствовать разныя отрасли гражданскаго вѣдѣнія? Куда спѣшили князь Вяземскій, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Пушкинъ, тамъ же, между графомъ С. Румянцовымъ, Сперанскимъ, Оленинымъ, сидѣли Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ. Это самое общество, разъ въ недѣлю, по суботамъ, собиралось на вечеръ къ Жуковскому. Сфера идей, тонъ сужденій, краски языка естественно согласовались съ понятіями, стремленіями и умомъ лицъ, соединенныхъ въ собраніи.

Здѣсь и Крыловъ являлся какъ общій другъ. Его практическій умъ и тонкое соображеніе находили для себя много пищи независимо отъ пріятнаго развлеченія, представляемаго разнообразіемъ гостей, любившихъ его одинаково. Еще замѣтнѣе отдавался онъ игрѣ своего остроумія и любезности по суботамъ у Жуковскаго, гдѣ отсутствіе дамъ, чтеніе литературныхъ новостей и большая свобода въ отношеніяхъ развязывали его всегдашнюю осторожность. Между лучшими русскими писателями, со временъ Ломоносова до смерти Пушкина, всегда замѣтно было искреннее дружелюбіе. Ни тѣни той взаимной зависти, въ которой обвиняютъ соперниковъ. Это низкое чувство никому незнакомо было въ ихъ кругу, всегда оставаясь только въ низшемъ слоѣ литературномъ. Крыловъ сознавалъ въ Жуковскомъ талантъ независимый и энергическій. Онъ постоянно сохранялъ къ нему въ душѣ своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая съ нимъ, Крыловъ бывалъ особенно пріятенъ. Разъ, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, онъ сталъ искать чего-то въ бумагахъ на

письменномъ столѣ. «Что вамъ надобно, Иванъ Андреевичъ?» спросили его. «Да вотъ какое обстоятельство», сказалъ онъ: «хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попадающійся мнѣ подъ руку листъ; а здѣсь нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ». Есть очень любопытная картина, представляющая кабинетъ Жуковскаго, когда послѣ онъ жилъ въ той части Зимняго Дворца, которая называлась Шепелевскимъ домомъ. На ней видишь группы людей въ разныхъ положеніяхъ. Это портреты литераторовъ и другихъ лицъ, собиравшихся у него. Всѣхъ замѣтнѣе и живописнѣе тутъ Крыловъ рядомъ съ Пушкинымъ.

XXIII.

Иностранцы почти такъ же, какъ и Русскіе, чувствовали достоинство таланта Крылова. Басни его, особенно тѣ, въ которыхъ болѣе національной прелести, переводимы были на разные европейскіе языки. Но никогда поклоненіе генію его не доходило до такой торжественности, какъ было въ 1823 году въ Парижѣ. Извѣстно, что это была эпоха новыхъ литературныхъ идей во Франціи. Тогда Вильменъ открылъ курсъ лекцій своихъ, которыхъ неотразимая истина, изумительная ученость и мужественное краснорѣчіе произвели переворотъ въ понятіяхъ слушателей. Во Франціи убѣдились, что и за предѣлами ея, даже подъ сумрачнымъ небомъ, разцвѣтая благоухаетъ иногда цвѣтъ поэзіи. Многіе перешли въ какую-то крайность и начали думать, будто у Французовъ до тѣхъ поръ не было еще поэзіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово въ Англіи и въ Германіи. Существенное пріобрѣтеніе отъ лекцій Вильмена состояло въ томъ, что преграда, столько вѣковъ останавливавшая эстетическое сближеніе Французовъ съ другими народами, наконецъ была разрушена. Любознательность повлеклась въ разныя страны за невѣдомыми, но уже сознаваемыми сокровищами ума и вкуса. Въ это время

жилъ въ Парижѣ соотечественникъ нашъ графъ Григорій Орловъ, авторъ «Записокъ о Неаполитанскомъ королевствѣ» и «Исторіи музыки и живописи въ Италіи», только что приготовлявшій къ печати еще сочиненіе: «Путешествіе въ полуденную Францію». У него въ домѣ собирались всѣ извѣстнѣйшіе ученые и литераторы. Графиня Орлова, урожденная графиня Салтыкова, хотя давно не пользовалась хорошимъ здоровьемъ, оживляла однакоже это собраніе тѣмъ очаровательнымъ умомъ, который выражается въ участіи, въ любезности и вкусѣ. Естественно, что въ эту пору всего чаще разговоръ касался соединенія въ одну общую собственность того, что находится лучшаго въ иностранныхъ литературахъ. Графиня обратила вниманіе гостей на предметъ давняго поклоненія своего. Она имъ предложила мысль о новомъ, лучшемъ переводѣ Крылова на французскій языкъ. Единодушно изъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ всѣ знаменитые тогдашніе литераторы. Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ. Въ домѣ Орловыхъ открылся какъ бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно. Наконецъ, сколько можно русской природы внести во французскую рѣчь, они сдѣлали все—и тогда-то облеклись лучшія Крылова басни въ стихи игривые и блестящіе, можетъ быть едва узнавая себя въ этой щегольской одеждѣ, съ такою торжественностью для нихъ приготовленной въ столицѣ вкуса. Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басень переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ темы: по крайней мѣрѣ большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Напримѣръ, герцогъ Бассано, въ баснѣ *Червонецъ*, вмѣсто 38 стиховъ Крылова помѣстилъ въ 69 стиховъ разсказъ о крестьянинѣ и о какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ *Троеженецъ*, болѣе 20 стиховъ сочинилъ, чтобы перевести два первые стиха

подлинника. Русская простота имъ повидимому непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное.

Несравненно выше, спустя нѣсколько времени, оказана была почесть баснописцу въ его отечествѣ. Въ 1831 году, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ числѣ подарковъ своихъ на Новый годъ Великому Князю Наслѣднику, изволилъ прислать его высочеству бюстъ Крылова. Можно вообразить, что почувствовало сердце поэта, когда до него дошло о томъ извѣстіе. Правда, онъ съ давняго времени имѣлъ счастіе пользоваться большимъ благоволеніемъ къ себѣ особъ Императорскаго Дома, которому обязанъ былъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Но въ выраженіяхъ милостей и благорасположенія есть неуловимые оттѣнки. Здѣсь, въ безмолвномъ явленіи высказалось все: и любовь, и урокъ, и почесть. Въ 1834 году, по Высочайшему повелѣнію, пенсія—три тысячи рублей, получаемая Крыловымъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, удвоена была суммою изъ государственнаго казначейства, «въ уваженіе заслугъ», какъ сказано въ указѣ, «оказанныхъ имъ отечественной словесности». Во всѣ остальные годы жизни, отношенія Крылова къ царскому Семейству были самыя завидныя. Въ какое время и гдѣ бы ни встрѣчался съ нимъ поэтъ, оно неизмѣнно привѣтствовало его восхитительными изъявленіями ласковости и дружелюбія. Всѣмъ памятно еще, что во время отпѣванія тѣла Крылова, на груди его лежали засохшіе цвѣты. Это букеты, которые при жизни своей имѣлъ онъ счастіе получать въ разныя, незабвенныя для него эпохи отъ Государыни Императрицы Агександры Феодоровны. Онъ какъ святыню хранилъ ихъ у себя до самой своей кончины.

XXIV.

Служащіе въ Императорской Публичной библіотекѣ обыкновенно дежурятъ поочереди, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того, и конечно былъ въ правѣ

не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго библіотекаря въ лѣтніе жары, когда ни читателей, ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичъ видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположеніе духа. Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Ежели изъ знакомыхъ приходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный ли онъ, Гнѣдичъ не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на Аннинскій свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ. Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванѣ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя однакоже сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенія и безостановочной выдачи брошюръ, которыхъ въ русскомъ отдѣленіи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книгъ, Крыловъ придумалъ футляры въ формѣ толстыхъ книгъ, и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучія издѣлія книжной промышленности. Особенно началъ хлопотать онъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельвигъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышлености и трудолюбію Сопикова. Это однакоже не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они коё-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.

Домашняя жизнь Крылова еще болѣе выказывала въ немъ особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопре-

бываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ, сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя, иногда съ пѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи на нихъ стоявшія и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 г. Ѣдучи поутру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ объ его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отправляться обѣдать въ Англійскій клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ постороннимъ посѣтителямъ, съ которыми не былъ связанъ искренне, литераторы ли были то, или другого рода люди, Крыловъ вообще оказывалъ большую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ входить въ споръ, хотя бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со всякимъ, чтó бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя нелѣпыя начинанія. Между тѣмъ проницательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать первый разъ Ламартина *Meditations poétiques*, онъ долго ихъ листовалъ, перечитывалъ, въ иныхъ мѣстахъ останавливался— и наконецъ произнесъ сквозь зубы: «Да, стихи довольно густы». При появленіи въ свѣтъ Пушкина *Руслана и Людмилы* почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы —
        Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

То, что у насъ называется находчивостью ума, Крыловъ часто показывалъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ. Разъ выпросилъ онъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время кампаніи Наполеона. Поутру за своимъ кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сѣлъ у окна на стулѣ, который вмѣстѣ съ столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собой огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ,

а другая на окнѣ, онъ, поддерживая лѣвой рукою корешекъ, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его стулъ покачнулся, какъ-будто соскользнувши съ возвышенія. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ второпяхъ схватилъ правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе онъ бросился въ кухню, которая только узенькимъ коридоромъ отдѣлялась отъ залы, гдѣ произошла бѣда. Схвативъ ушатъ съ бывшею въ немъ водою, онъ втащилъ его въ залу—и, кинувъ на полъ разогнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата. Служанка, все это видѣвшая, но ничего не понявшая, опрометью бросилась наверхъ къ Гнѣдичу, призывая его къ Крылову и давая чувствовать намеками, что баринъ ея не въ своемъ умѣ. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ Гнѣдичъ, немножко всегда театральный. «Вхожу. На полу море. Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ». Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившейся бѣдѣ и изъяснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

XXV.

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ. Онъ, при всей осторожности своей и наружномъ хладнокровіи, съ большимъ чувствомъ и какъ бы съ умиленіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ. Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ—и видитъ, что дама брала дѣтей поочередно на руки, поднимала ихъ надъ заборчикомъ, и глазами своими указывала

на Крылова каждому изъ нихъ. Изъ другого происшествія, которое сначала польстило его самолюбію, а послѣ укололо его, онъ всегда выводилъ нравоученіе, какъ смѣшно полагаться на свою извѣстность. Крыловъ зашелъ когда-то въ лавку Королева, что прежде была подъ Англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ, и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***. Расплачиваясь за устрицы и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на слово, такъ какъ теперь у него недостаетъ нѣсколько денегъ, чтобы все заплатить по ихъ счету. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести знать его и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: «Вотъ если угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю». — А какъ же меня знаешь ты? — спросилъ Крыловъ. «Помилуйте, Иванъ Андреевичъ (отвѣчалъ добродушно лавочникъ), да васъ, я думаю, всякій мальчишка на каждой улицѣ знаетъ». Возвращаясь домой, Крыловъ зашелъ передъ окнами своей квартиры въ лавку Гостинаго двора, чтобы купить нотной бумаги. «За деньгами, сказалъ онъ, пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двухъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я Крыловъ». — Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ (проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу): много живетъ здѣсь народу. —

Свою извѣстность Крыловъ по скромности изъяснялъ и тѣмъ, что у всякаго изъ насъ въ обществѣ гораздо болѣе (какъ говорилъ онъ) такихъ людей, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ. Въ собраніяхъ, на прогулкахъ, въ библіотекѣ, даже у себя на дому, часто онъ принужденъ былъ улыбаясь раскланиваться, или говорить по-пріятельски съ такими людьми, которыхъ конечно когда-нибудь видалъ, но ни имени, ни мѣста службы совсѣмъ онъ теперь не помнилъ. При свиданіяхъ съ иными сочинителями онъ благодарилъ ихъ за присылку сочиненій, между тѣмъ, какъ приношенія послѣдовали совершенно отъ другихъ

лицъ. Иногда, казалось, онъ и не вѣрилъ въ свое великое призваніе, приписывая успѣхи свои стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ посланіи своемъ къ Оленину, написанномъ 1826 г., онъ отъ полноты души говоритъ:

Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь,
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ —
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.

Крыловъ не бывалъ за границею. Если бы пришлось ему покороче ознакомиться съ новою жизнію, какъ знать, удержалъ ли бы онъ неизмѣнное настроеніе ума своего, который всегда стремился къ пріобрѣтенію только практической мудрости, и который такъ легко отклонялъ крайности, вѣрно усматривая вездѣ златую средину? Поѣздка въ чужіе края разъ и его едва не соблазнила. Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басень своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговаривать Гнѣдича собраться съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіе. Но другъ отсовѣтовалъ ему на шестомъ десяткѣ жизни подвергаться хлопотамъ дальней дороги и разлукѣ съ милою родиной. Въ стихахъ Гнѣдича, по этому случаю написанныхъ, много истины, меланхоліи и граціи. Крыловъ согласился остаться дома. Но имъ овладѣла другая прихоть. Онъ рѣшился издержать лишнія деньги на убранство своихъ комнатъ. И вотъ онѣ украшены богатою мебелью и разными дорогими тканями. Изъ магазиновъ и съ фабрикъ наставили ему вездѣ серебра, бронзы, фарфору, хрусталю и алебастровыхъ вещей. Англійскіе ковры разо-

стланы на полу. Въ буфетѣ очутились модные сервизы и прочія принадлежности роскоши. Устроившись, Крыловъ назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ семейство Оленина съ общими ихъ друзьями. Удовольствовавшись первымъ и послѣднимъ опытомъ суетности, Крыловъ почувствовалъ, что это не прибавило ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе и поэтическая лѣнь. Онъ безъ вниманія и заботливости оставилъ дорогія свои вещи. Голуби попрежнему стали располагаться въ обновленныхъ его комнатахъ, и всему сообщили видъ знакомаго имъ жилища. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, кабинетъ Крылова рукою искуснаго художника сохраненъ для потомства. Великая Княгиня Марія Николаевна приказала перенести его на картину, которая и находится у Ея Высочества.

XXVI.

Безпечность и праздполюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Впослѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было некому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ средней комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ—и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что же отвѣчалъ Крыловъ, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось головѣ его отъ картины? «Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію, и слѣдовательно она минуетъ мою голову». Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ

не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года, у Оленина же, онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичъ долженъ произвесть ему въ греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье—и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу: онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постели приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ-было подъ кровать руку за Эзопомъ,—но тамъ уже не осталось никого изъ Грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить печь въ спальнѣ. Она-то ихъ и перевела. Замѣчательно, что Крыловъ, самъ собою свободно выучившійся по-гречески, чувствовалъ во всю жизнь отвращеніе отъ латинскаго языка—и всегда говорилъ, что ни изъ чего бы не рѣшился когда-нибудь учиться по-латыни.

Тяжело подымаясь съ мѣста на какое-нибудь дѣло и по большей части проводя время въ неподвижности, Крыловъ бывалъ

всегда проворенъ и даже съ постели вскакивалъ одѣваться, когда ему сказывали, что гдѣ-нибудь виденъ пожаръ. Это было для него занимательнѣйшее зрѣлище. Онъ не пропустилъ ни одного изъ большихъ пожаровъ въ городѣ, и о каждомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Въ разсказахъ объ этихъ случаяхъ онъ былъ живъ и даже краснорѣчивъ, особенно когда вспоминалъ о пожарѣ, бывшемъ здѣсь близь взморья на Невѣ, гдѣ горѣли камели. Безъ сомнѣнія, отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно-точны и оригинально-хороши.

XXVII.

Менѣе всего благоразуменъ былъ Крыловъ въ употребленіи пищи. За нѣсколько лѣтъ до послѣдней болѣзни своей испытавши припадокъ паралича, правда, онъ въ остальные годы строго наблюдалъ, чтобы не ѣсть много разныхъ кушаньевъ, но и при двухъ-трехъ блюдахъ умѣренность не была его добродѣтелью. Извѣстно, что Императрица Марія Феодоровна всегда покровительствовала Крылова и оказывала ему всѣ знаки благоволенія. Онъ лѣто проводилъ чаще въ городѣ, нежели на дачѣ, выѣзжая только развѣ гостить недѣли на двѣ въ Пріютино къ Оленинымъ. Государыня нерѣдко изволила приглашать его въ Павловскъ. Крыловъ, являясь къ Ея Величеству, никогда не забывалъ любимаго Императрицею стариннаго обыкновенія, чтобы мущины пудрились. Часто, принимая поэта, Государыня встрѣчала его слѣдующею шуткою: «Вы, можетъ быть, пріѣхали и не совсѣмъ для меня; но это (показывая на его пудреную голову) я ужъ беру прямо на свой счетъ». Въ Павловскѣ онъ написалъ свою басню *Василекъ*, оставивъ ее, какъ свидѣтельство глубочайшаго чувства признательности къ вѣнценосной благотворительницѣ, въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ *Розовомъ павильонѣ* разложены были для удовольствія посѣтителей. Однажды, за обѣденнымъ столомъ у Императрицы, другой поэтъ Нелединскій шепнулъ Крылову: «Ты

ѣшь за десятерыхъ: откажись хоть отъ одного блюда. Развѣ ты не замѣчаешь, что Государыня поминутно на тебя взглядываетъ, желая попотчевать»? —Ну, а если не попотчуетъ?—отвѣчалъ онъ, продолжая угощать себя.

Особенно весело было Крылову, когда на званомъ обѣдѣ или ужинѣ приготовляли для него русскія кушанья. Это обыкновенно и дѣлали всѣ изъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. За нѣсколько лѣтъ до того, какъ Крыловъ покинулъ службу въ библіотекѣ, на вечера по пятницамъ литераторы собирались у А. А. Перовскаго. Хозяинъ каждый разъ приказывалъ подавать гостямъ ужинъ. Садились немногіе: въ числѣ ихъ всегда бывалъ Крыловъ. Разъ, во время толковъ о привычкѣ къ ужину, одни говорили, что никогда не ужинаютъ, другіе, что давно перестали, третьи, что намѣрены перестать; Крыловъ же, накладывая на свою тарелку кушанье, примолвилъ тутъ: «А я, какъ мнѣ кажется, потеряю привычку ужинать въ тотъ день, въ который перестану обѣдать». Послѣдніе изъ многолюдныхъ литературныхъ обѣдовъ бывали у В. И. Карлгофа. Въ его домѣ Крыловъ видѣлъ особенное, непритворное къ себѣ радушіе хозяина и хозяйки. Хотя изрѣдка, являлся наконецъ онъ на обѣды къ графинѣ Е. П. Растопчиной, а на ужины къ князю В. Ф. Одоевскому. Впрочемъ, не было человѣка менѣе спесиваго на зовъ, какъ нашъ поэтъ. Переживъ столько поколѣній литераторовъ и оставшись въ искренней дружбѣ только съ малымъ числомъ первоклассныхъ писателей, онъ почиталъ себя въ отношеніи къ другимъ какою-то общею, законною добычею.

XXVIII.

2-го февраля 1838 года, со дня рожденія Крылова, должно было исполниться ровно семьдесятъ лѣтъ. Хотя еще слишкомъ за годъ передъ тѣмъ совершилось пятидесятилѣтіе со времени появленія его *Филомелы* въ печати, но вспомнили о томъ только по случаю приближавшагося дня его рожденія. Всѣ литераторы

оживились, обрадовавшись случаю отпраздновать юбилей знаменитаго русскаго баснописца. По докладѣ о томъ Государю Императору, министръ народнаго просвѣщенія далъ знать, что Его Величество соизволяетъ на общее желаніе. Изъ лицъ, къ поэту ближайшихъ по дружбѣ, составленъ былъ комитетъ для учрежденія праздника. Подъ предсѣдательствомъ Оленина тамъ были: Жуковскій, князь Вяземскій, Плетневъ, Карлгофъ и князь Одоевскій. Предположили, въ день рожденія Крылова, дать обѣдъ въ залѣ Дворянскаго собранія, чтó было въ домѣ г-жи Энгельгардтъ. Гостей соединилось около 300 человѣкъ. Въ Санктпетербургѣ не было ни одного таланта, въ какомъ бы онъ родѣ искуства ни получилъ извѣстность, который бы не поспѣшилъ присоединиться къ торжеству, родственному для всей Россіи. Передъ обѣдомъ Плетневъ и Карлгофъ поѣхали за Крыловымъ. До него не могли не дойти слухи о приготовляемомъ праздникѣ, но онъ ничего не зналъ опредѣлительно. Впрочемъ, депутація нашла его уже одѣтымъ. «Иванъ Андреевичъ», сказалъ ему Плетневъ, «сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ вы явились посреди русскихъ писателей; они собрались провести вмѣстѣ этотъ день, достопамятный для нихъ и для всей Россіи, и просятъ васъ не отказаться быть съ ними, чтобы этотъ день сдѣлался для нихъ навсегда незабвеннымъ праздникомъ».—Знаете что, отвѣчалъ онъ: я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними; боюсь только, не придумали бы вы чего лишняго: вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ оттого только и бѣды не случалось, что онъ не хаживалъ далеко въ море. — По прибытіи ихъ въ собраніе, Оленинъ привѣтствовалъ Крылова: «Иванъ Андреевичъ! Русскіе литераторы сѣверной нашей столицы, художники и любители отечественной словесности собрались въ день вашего рожденія, чтобъ единодушно праздновать пятидесятилѣтніе ваши успѣхи на поприщѣ русской словесности. Примите по сему случаю искреннее наше поздравленіе и нелицемѣрное желаніе, чтобы многіе еще годы вы украшали знаменитыми, полезными и пріятными вашими тру-

дами русскую нашу словесность». Министръ народнаго просвѣщенія прочиталъ слѣдующій высочайшій рескриптъ на имя Крылова: «Отличные успѣхи, коими сопровождались ваши долговременные труды на поприщѣ отечественной словесности, и благородное, истинно-русское чувство, которое всегда выражалось въ произведеніяхъ вашихъ, сдѣлавшихся народными въ Россіи, обращали на себя Наше постоянное вниманіе, въ ознаменованіе коего жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны. Николай». Украсивъ звѣздою грудь поэта, министръ пригласилъ его въ особенную залу, куда Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили прибыть для поздравленія Крылова. Всѣмъ этимъ онъ уже до слезъ былъ растроганъ.

Начался обѣдъ. Помѣщеніе гостей такъ было устроено, что они отовсюду могли видѣть общаго любимца. Противъ него, на другой сторонѣ залы, поставленъ былъ столъ, прекрасно освѣщенный и убранный цвѣтами, гдѣ стоялъ въ лавровомъ вѣнкѣ бюстъ его и лежали разныя изданія всѣхъ сочиненій Крылова, какія только могли собрать тогда. На хорахъ помѣстились дамы, желавшія присутствовать при торжествѣ. Крыловъ сидѣлъ между Оленинымъ и министромъ народнаго просвѣщенія. По обѣ стороны отъ нихъ заняли мѣста прочіе министры, почтившіе своимъ присутствіемъ юбилей народнаго писателя. Между ними находился и графъ Канкринъ, особенно любившій поэта и дружески принимавшій его у себя. Передъ Крыловымъ сидѣли всѣ пять членовъ комитета, распоряжавшаго празднествомъ. За обѣдомъ провозглашено было четыре тоста: Оленинымъ за здравіе Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамиліи. Музыка заиграла въ это время извѣстные Жуковскаго стихи: *Боже, Царя храни!* Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ тостъ

за здоровье Ивана Андреевича Крылова и сказалъ ему: «За здоровье Ивана Андреевича Крылова — да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современныхъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству! Я считаю однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни день, въ который удостоился я быть посреди васъ, мм. гг., орудіемъ всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора къ нашему незабвенному Крылову, и на этомъ праздникѣ русской словесности представителемъ Его державнаго благоволенія къ ея трудамъ и успѣхамъ»! Вслѣдъ за его словами Петровъ запѣлъ стихи князя Вяземскаго, на этотъ случай написанные:

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ—всѣ мы сватья!
И не къ чему таить вину:
Всѣ заодно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный:
Самъ Фебъ его благословилъ!
Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти—славныя ребята!
И дѣти всѣ умны въ отца.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искуствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,

И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-Русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы золотой
Онъ дожилъ до алмазной свадьбы
Съ своей столѣтнею женой.
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Жуковскимъ предложенъ былъ тостъ за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи русской словесности, при чемъ онъ произнесъ: «Любовь къ словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы отечества, соединила насъ здѣсь въ эту минуту. Иванъ Андреевичъ, мы выражаемъ эту намъ общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собрались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и вы, отъ насъ немногихъ, услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ, во

первыхъ, за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за Русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы. Но, выражая предъ вами тѣ чувства, которыя всѣ, находящіеся здѣсь, со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ недостаетъ двухъ, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ нашемъ сердцѣ. Одинъ, знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное отечеству имя; другой, едва расцвѣтшій и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ отечествѣ его геніемъ. Воспоминаніе о Дмитріевѣ и Пушкинѣ само собою сливается съ отечественнымъ праздникомъ Крылова. Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести, ибо они обратились въ народныя пословицы; а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ».

Наконецъ кн. Одоевскій предложилъ тостъ за здоровье присутствовавшихъ, присоединивъ слѣдующія слова: «Я принадлежу

къ тому поколѣнію, которое училось читать по вашимъ баснямъ и до сихъ поръ перечитываетъ ихъ съ новымъ, всегда свѣжимъ наслажденіемъ. Мы еще были въ колыбели, когда ваши творенія уже сдѣлались дорогою собственностію Россіи и предметомъ удивленія для иноземцевъ: отъ раннихъ лѣтъ мы привыкли не отдѣлять вашего имени отъ имени нашей словесности. Существуютъ произведенія знаменитыя, но доступныя лишь тому или другому возрасту, бóльшей или меньшей степени образованности; не много такихъ, которыя близки человѣку во всѣхъ лѣтахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни. Ваши стихи во всѣхъ концахъ нашей величественной родины лепечетъ младенецъ, повторяетъ мужъ, воспоминаетъ старецъ; ихъ произноситъ простолюдинъ какъ уроки положительной мудрости, ихъ изучаетъ литераторъ какъ образцы остроумной поэзіи, изящества и истины. Примите же дань благодарности отъ лица младшихъ дѣлателей на томъ поприщѣ, которое вы проходите съ такою честію для васъ и для русскаго слова; пусть долго, долго вашъ примѣръ будетъ намъ путеводителемъ; пусть новыми вашими твореніями вы обогатите, если не славу вашу, то по крайней мѣрѣ сокровище тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя порождаются въ людяхъ только произведеніями высокаго искуства. Голосъ нашей признательности исчезаетъ въ общемъ голосѣ нашихъ соотчичей; но это чувство въ насъ тѣмъ живѣе, что для насъ прелесть старины и младенческихъ воспоминаній возвышается наслажденіемъ видѣть въ лицо знаменитаго современника, быть очевидными свидѣтелями его нравственной доблести; для насъ память ума соединяется съ памятью сердца».

Бенедиктовъ сочинилъ для этого праздника помѣщаемые здѣсь стихи, которые были прочитаны Блудовымъ:

День счастливый, день прекрасный —
Онъ насталъ, и полный клиръ,
Душъ отверзтыхъ клиръ согласный
Возвѣстилъ намъ праздникъ ясный,
Просвѣщенья свѣтлый пиръ.

Небесамъ благодаренье
И владыкѣ русскихъ силъ,
Кто въ родномъ соединеньѣ
Старца чуднаго рожденье
Пировать благословилъ.

Духомъ — юноши моложе,
Онъ предъ нами—славы сынъ!
Витыхъ локоновъ пригожѣй,
Золотыхъ кудрей дороже
Серебро его сѣдинъ.

Не сожмутъ сердецъ морозы;
Въ насъ горятъ къ нему сердца:
Онъ предъ нами—сыпьтесь, розы;
Лейтесь, радостныя слезы
На листы его вѣнца!

Общаго одушевленія и радости столь непритворной, столь живой, кажется, не бывало еще въ такомъ многолюдномъ собраніи. Между тѣмъ выраженіе, которое постоянно оставалось на лицѣ Крылова, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на мыслящаго человѣка. О немъ въ *Современникѣ* тогда было напечатано: «Крыловъ, окруженный многочисленными почитателями своими, въ эти минуты занималъ каждаго какъ первый изъ тѣхъ талантовъ, которые созидаютъ неисчезающее величіе націй. Но что выражало его полувеселое и полузадумчивое лицо? О, къ его душѣ, вѣрно, тѣснилось все прошедшее—одно, что не измѣняется никогда въ своей прелести. Онъ вѣрно проходилъ мыслію по этому чудному пути, который указало ему тайное Провидѣніе, чтобы темное, заботамъ и трудамъ обреченное дитя увѣнчано было въ старости по единодушному отзыву всего отечества» [1]). Когда Крыловъ, вставъ изъ-за стола, проходилъ близъ хоръ, на него посыпались цвѣты и лавровые вѣнки. Онъ съ чувствомъ благодарилъ дамъ за ихъ трогательное вниманіе къ нему — и,

[1]) См. томъ I настоящаго изданія, стр. 349.

взявъ одинъ изъ вѣнковъ, роздалъ изъ него по листку друзьямъ своимъ. Въ заключеніе празднества, по приглашенію предсѣдателя его, всѣ присутствовавшіе согласились участвовать, чтобы въ память этого событія выбита была медаль съ изображеніемъ Крылова. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ напечатано было въ *Коммерческой газетѣ* объявленіе: «Его Императорскому Величеству благоудно было, въ воспоминаніе совершившагося пятидесятилѣтія литературнаго поприща И. А. Крылова, изъявить высочайшее соизволеніе не только на выбитіе на счетъ казны медали съ его портретомъ, но и на открытіе подписки для учрежденія стипендіи подъ названіемъ: *Крыловской*, чтобы проценты съ собранной суммы были употребляемы на взносъ въ одно изъ учебныхъ заведеній для воспитанія въ немъ, смотря по суммѣ, одного или нѣсколькихъ молодыхъ людей. Сообразно съ сею высочайшею волею министръ финансовъ приглашаетъ желающихъ почтить знаменитаго нашего баснописца, принявъ участіе въ дѣлѣ, которое съ подвигомъ благотворительности связуетъ одно изъ любезнѣйшихъ для всякаго Русскаго именъ». Послѣ учрежденія стипендіи Крыловъ пожелалъ, чтобы ею воспользовался мальчикъ Степанъ Кобеляцкій, сирота безъ отца и безъ матери, сынъ подпоручика Алексѣя Степановича Кобеляцкаго, бывшаго помѣщика Черниговской губерніи Нѣжинскаго уѣзда. Его помѣстили въ 3-ю Санктпетербургскую гимназію. Въ 1845 году молодой человѣкъ уже поступилъ въ Императорскій Санктпетербугскій университетъ по юридическому факультету и теперь слушаетъ лекціи во 2-мъ курсѣ.

Въ 1839 году И. А. Крыловъ избралъ въ свои стипендіаты еще молодого человѣка, который опредѣленъ былъ во 2-ую санктпетербургскую гимназію. Это сынъ главной надзирательницы при Сиротскомъ институтѣ санктпетербургскаго Воспитательнаго дома Анны Федоровны Оомъ, вдовы учителя Морскаго кадетскаго корпуса, которая до замужства своего жила въ домѣ А. Н. Оленина. Крыловъ, знавшій ее почти съ ея дѣтства, до смерти своей сохранилъ къ ней то уваженіе и дружбу, которыя

внушаются прекрасными качествами сердца, высоко-образованнымъ умомъ и наилучшимъ воспитаніемъ. Молодой человѣкъ, сынъ ея, Федоръ Оомъ, въ іюлѣ 1846 года, изъ гимназіи поступилъ въ санктпетербургскій университетъ, гдѣ нынѣ слушаетъ лекціи въ 1-мъ курсѣ юридическаго факультета по камеральному отдѣленію.

XXIX.

Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу. Высочайше предписано было производить ему пенсіи изъ Государственнаго казначейства по 5,700 р. асс., что съ пенсіею, которую получалъ онъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, составляло 11,700 р. ас. Онъ переѣхалъ жить на Васильевскій островъ въ домъ купца Блинова, что въ первой линіи. Отсюда еще менѣе сталъ выѣзжать онъ въ свѣтъ. Даже въ Англійскомъ клубѣ видали его рѣдко. Изъ его короткихъ знакомыхъ жили съ нимъ по сосѣдству только двое: въ первомъ кадетскомъ корпусѣ Я. И. Ростовцовъ и въ университетѣ Плетневъ. Они еще навѣщали его. Онъ какъ будто отяжелѣлъ. Впрочемъ, тучность издавна одолѣвала его. Онъ самъ очень мило подшучивалъ надъ нею. Въ блистательномъ маскарадѣ, бывшемъ у Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ всѣ характерные костюмы подобраны были съ такимъ вкусомъ и разнообразіемъ, Крыловъ, нарядившись музой Таліею, произнесъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ стихи, и между прочимъ сказалъ:

Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать—
Все лучше-таки ихъ немножко унимать.
Однакожъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему; а это жаль—безъ дѣла
Я, право, ужъ боюсь, чтобы не потолстѣла.

Послѣднюю изъ басень своихъ (*Вельможа*) написалъ онъ еще въ 1835 году. Онъ ее читалъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ также въ маскарадѣ, бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ

Крыловъ одѣтъ былъ кравчимъ, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанной сѣдой бородою. Отъ стихотвореній въ другихъ родахъ отказался онъ давно. Были однакоже случаи, при которыхъ онъ брался за перо. Такъ, еще въ 1824 году, написалъ онъ анакреонтическую оду свою *Три поцѣлуя*, въ воспоминаніе самой пріятной для него шутки трехъ молоденькихъ почитательницъ его таланта. Послѣ обѣда у Оленина онъ сѣлъ въ кресла и заснулъ. Не зная, какъ учтивѣе разбудить его, эти Граціи сговорились поцѣловать его поочередно одна за другою. Въ послѣдній разъ сидѣлъ онъ надъ рифмою черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего юбилея. Это было одно изъ самыхъ грустныхъ для него событій: 3-го іюня 1838 года скончалась Е. М. Оленина. Онъ почтилъ ея прахъ эпитафіею, которая и вырѣзана на ея надгробномъ камнѣ. Замѣчательно, что Крыловъ отдѣлкою языка въ лучшихъ басняхъ своихъ нисколько не напоминаетъ блестящей школы Жуковскаго. Есть что-то, такъ сказать, увѣсистое въ стихахъ его какъ въ немъ самомъ. Однакоже тутъ нѣтъ и того, что̀ называется недоконченностію обработки. Напротивъ, ни на одномъ словѣ не задумываешься и не пожелаешь перемѣны его или перестановки. Эти стихи не доставались Крылову такъ легко, какъ думаютъ. Онъ иногда десять разъ совершенно по-новому передѣлывалъ одну и ту же басню. Особенно пришлось ему помучиться надъ баснею *Дубъ и Трость*. Конечно, главною тутъ причиной былъ превосходный образецъ Дмитріева. Совершенно выправленныя басни Крыловъ любилъ начисто переписывать самъ, на особомъ листкѣ каждую. Только старинный почеркъ его былъ такъ неразборчивъ, что иныя изъ своихъ рукописей подъ конецъ никакъ не могъ онъ разобрать и самъ.

Въ отшельнической жизни своей Крыловъ нашелъ забаву, обучая дѣтей грамотѣ и прослушивая ихъ уроки музыки. Онъ усыновилъ семейство крестницы своей (см. выше стр. 85), которое и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Ему весело было, когда около него играли дѣти, съ которыми дома обѣдалъ онъ и чай

пилъ. Дѣвочка, по имени Наденька, особенно утѣшала его. Ея понятливость и способности къ музыкѣ часто выхвалялъ онъ какъ что-то необыкновенное. Въ сношеніяхъ своихъ съ обществомъ, когда явно требовало того приличіе, онъ попрежнему оставался человѣкомъ совѣстливо-внимательнымъ. 8 февраля 1844 года Санктпетербургскій университетъ праздновалъ торжественнымъ актомъ первое свое двадцатипятилѣтіе. Крыловъ съ 1829 года былъ почетнымъ членомъ университета. Отъ ректора [1]) онъ получилъ приглашеніе на приготовлявшійся ученый праздникъ, который долженъ былъ происходить во вторникъ. Наканунѣ этого дня въ комнату ректора Крыловъ является въ мундирѣ. «Что это значитъ, Иванъ Андреевичъ?» — Ахъ, какъ я усталъ, отвѣчаетъ онъ. Дайте отдохнуть. Высоко всходить къ вамъ. —Усѣвшись и отдохнувъ, онъ разсказалъ ректору, что по разсѣянности своей непростительно ошибся, читая приглашеніе, и пріѣхалъ на актъ вмѣсто вторника въ понедѣльникъ. Тогда же и другая бѣда случилась съ нимъ. Выходя изъ экипажа у подъѣзда, онъ поскользнулся на тротуарѣ и упалъ. «По крайней мѣрѣ, будьте свидѣтелемъ, прибавилъ онъ, что я цѣню дорого вниманіе ко мнѣ университета. Завтра ужъ я могу и не пріѣхать». Ректоръ не могъ не упрашивать его о томъ же, такъ какъ холодъ доходилъ тогда до 20 градусовъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ онъ снова явился въ университетской залѣ, привлеченный всегдашнею любовію къ музыкѣ и славою Віардо-Гарціи. Она пріѣхала пѣть въ одномъ изъ университетскихъ концертовъ, ежегодно устраиваемыхъ студентами въ пользу тѣхъ изъ своихъ товарищей, которымъ нужно денежное вспомоществованіе для окончанія ученія. Крыловъ изъ концерта зашелъ на вечеръ къ ректору, чтобы потолковать о знаменитой пѣвицѣ и вообще о музыкѣ. Онъ нашелъ тамъ знатока и страстнаго любителя музыки князя Г. П. Волконскаго, бывшаго тогда попечителемъ здѣшняго учебнаго округа. Кажет-

---

[1]) П. А. Плетнева.

ся, это было послѣднее свиданіе Крылова съ островскимъ его сосѣдомъ, которому онъ двадцать пять лѣтъ оказывалъ неизмѣнное дружелюбіе.

XXX.

Во всю жизнь Крыловъ пользовался завиднымъ здоровьемъ, благодаря той простотѣ, въ которой онъ выросъ и которая навсегда такъ много доставляетъ выгодъ и преимуществъ бѣднымъ людямъ надъ богатыми. Неумѣренность въ пищѣ и сидячая жизнь не могли ослабить физической его крѣпости, захваченной имъ въ дѣтствѣ. Правда, еще задолго до послѣдней болѣзни своей, онъ два раза, въ разныя эпохи, чувствовалъ легкіе припадки паралича. Но и они, миновавъ безъ гибельныхъ послѣдствій, не заставили его озаботиться что-нибудь перемѣнить въ образѣ жизни. Съ удивительнымъ спокойствіемъ, даже съ какою-то непонятною шутливостію, передъ самой смертію своей, говорилъ онъ о бывшемъ у него параличѣ, когда Я. И. Ростовцовъ, желая пригласить къ нему отца его духовнаго, спросилъ, какъ бы невзначай, не мнителенъ ли Иванъ Андреевичъ. «А вотъ я что-то раскажу вамъ, и вы узнаете, отвѣчалъ онъ, мнителенъ ли я. Давно какъ-то, ужъ не помню, сколько лѣтъ тому назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю ее доктору и спрашиваю, чтó бы это значило? Вотъ какъ вы же, онъ напередъ и вывѣдываетъ у меня, не мнителенъ ли я. Нѣтъ, говорю. Такъ съ вами, сказалъ онъ, можетъ сдѣлаться параличъ. Да нельзя ли какъ отвратить эту бѣду? Можно: вамъ надобно во всю жизнь не ѣсть мясного и быть вообще очень осторожнымъ.» — Вы, безъ сомнѣнія, спросилъ Я. И. Ростовцовъ, строго исполняли это?—«Да; исполнялъ мѣсяца два».—А потомъ?—«А потомъ нисколько и не думалъ объ этомъ, какъ сами, конечно, замѣтили. Вотъ какъ я не мнителенъ», заключилъ Крыловъ. Равнодушіе и безпечность еще замѣтнѣе сдѣлались въ немъ въ послѣднее время жизни. Случилось, что открылся пожаръ въ домѣ, смежномъ съ его квартирою. Торопливо увѣдомивъ о томъ Крылова, люди его бросились

спасать разныя вещи отъ видимой опасности и неотступно просили, чтобы онъ поспѣшилъ собрать тѣ изъ своихъ бумагъ и дорогихъ вещей, которыхъ потеря необходимо разстроитъ остатокъ жизни его. Но онъ, противъ обыкновенія, не спѣшилъ и на пожаръ взглянуть. Не обращая вниманія на крикъ и слезы, онъ не одѣвался, приказалъ готовить себѣ чай—и, выпивъ его не торопясь, закурилъ еще сигару. Кончивъ это все, началъ онъ одѣваться какъ бы нехотя. Потомъ, вышедши на улицу, поглядѣлъ на горѣвшее зданіе—и, какъ знатокъ дѣла, сказалъ только: «не для чего перебираться». Онъ возвратился въ свою комнату и скоро улегся спать. Незадолго до его послѣдней болѣзни, изъ Парижа присланы были къ нему для поправки листы, на которыхъ печаталось его жизнеописаніе для біографическаго словаря достопамятныхъ людей. «Пускай пишутъ обо мнѣ, что хотятъ», сказалъ онъ откладывая бумаги—и, только уступивъ усильнымъ просьбамъ бывшихъ при этомъ свидѣтелей, внесъ туда нѣсколько замѣтокъ.

XXXI.

Предсмертная болѣзнь Крылова произошла отъ несваренія пищи въ желудкѣ. Разъ, вечеромъ, по всегдашнему обыкновенію своему, для ужина приказалъ онъ приготовить себѣ протертыхъ рябчиковъ въ видѣ каши, и облилъ ее масломъ. Это тяжелое кушанье въ прежнее время не оказалось бы для него вреднымъ; но на 77 году жизни его вышло противное. Помощь врачей не спасла поэта. Онъ и въ эти минуты сохранялъ, сколько могъ, спокойствіе и даже нѣкоторую веселость. Разговаривая о чемъ бы то ни было, онъ всегда пояснялъ свои мысли апологами, для которыхъ въ памяти своей или даже въ предметахъ, имъ тутъ же видимыхъ, мгновенно находилъ матеріалы. Такъ и про случившееся теперь съ нимъ послѣднее несчастіе онъ разсказалъ Я. И. Ростовцову слѣдующую басню: «Мужикъ собрался отвезти на продажу возъ сушеной рыбы. Лошаденка у него была измученная и слабая. Несмотря

на то, онъ навалилъ поклажи столько, сколько можно было увязать. Глядѣвшіе на все это сосѣди смѣялись надъ нимъ и предсказывали, что быть бѣдѣ съ его лошадью. А мужикъ имъ въ отвѣтъ все одно: да вѣдь рыба-то сушеная. Но дорóгою убѣдился онъ, что непомѣрная тяжесть должна свалить лошаденку, хоть и сушеною рыбой надсадишь ее. Вотъ и со мною вышло то же. Не обременятъ желудка рябчики, подумалъ я: вѣдь они протертые. А лишекъ-то все не хорошъ, какъ его ни возьми.»

Когда опасность усилилась, Крыловъ пожелалъ исполнить христіанскій долгъ. Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ онъ глазами отца своего духовнаго и съ сердечною благодарностію принялъ утѣшеніе святой Вѣры. Передъ самою кончиною онъ попросилъ перенести себя въ кресла, но, почувствовавъ тоску, сказалъ: «тяжело мнѣ»—и снова пожелалъ лечь на постелю. Тамъ скоро произнесъ онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ: «Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои.» Послѣдовавшій за тѣмъ глубокій вздохъ былъ послѣднимъ въ его жизни. Онъ скончался утромъ въ четвергъ въ $^3/_4$ 8 часа 9 ноября 1844 года (который былъ високосный), 76 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 7 дней отъ-роду.

У Крылова не осталось родственниковъ, кромѣ усыновленнаго имъ семейства крестницы его Савельевой. Душеприказчикомъ, по духовному его завѣщанію, назначенъ Я. И. Ростовцовъ. Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ Академіи наукъ и университету принять участіе въ печальномъ сопровожденіи покойнаго въ церковь Исакіевскаго собора и при погребеніи его на кладбищѣ Александроневской лавры. Крыловъ въ академіи былъ дѣйствительнымъ членомъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, а въ университетѣ, какъ выше означено, почетнымъ. Государь Императоръ, въ изъявленіе высочайшаго вниманія своего къ литературнымъ заслугамъ Крылова, повелѣть соизволилъ исчисленную на погребеніе сумму 9 т. р. ас. отпустить изъ Государственнаго казначейства. Церковь Св. Исаакія Далматскаго едва могла вмѣщать собравшихся туда на послѣднее прощаніе съ народнымъ баснописцемъ. Викарій Санктпетер-

бургскій, преосвященный Іустинъ совершалъ литію, а надгробное слово произнесъ протоіерей Исакіевскаго собора А. И. Маловъ. Первые сановники государства несли гробъ изъ церкви. На траурныхъ принадлежностяхъ, вмѣсто герба, находилось изображеніе медали, выбитой въ память пятидесятилѣтняго юбилея Крылова. Студенты Санктпетербургскаго университета поддерживали балдахинъ и несли ордена покойнаго. Народъ, столпившійся при погребальномъ шествіи, занялъ весь Невскій проспектъ. Въ Александроневской лаврѣ, послѣ божественной литургіи, обрядъ отпѣванія совершалъ высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ Новгородскій, Санктпетербургскій, Эстляндскій и Финляндскій, съ Афанасіемъ, епископомъ Винницкимъ и Викаріемъ Іустиномъ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ въ день юбилея. Передъ закрытіемъ гроба министръ народнаго просвѣщенія положилъ туда медаль, поднесенную поэту въ воспоминаніе 2 февраля 1838 года. Крыловъ погребенъ на такъ называемомъ новомъ кладбищѣ, подлѣ Гнѣдича, откуда видна и Карамзина гробница съ умилительною надписью: «Блажени чистіи сердцемъ.»

На другой день по кончинѣ Крылова болѣе тысячи особъ въ Санктпетербургѣ получили по экземпляру басень его, которыя, начавъ печатать въ 1843 году и кончивъ изданіе подъ собственнымъ надзоромъ, онъ не успѣлъ еще пустить въ свѣтъ. Всѣ эти книги разосланы были въ траурной оберткѣ съ слѣдующими словами, припечатанными на первомъ заглавномъ листѣ: «Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санктпетербургъ, 1844. 9-го ноября. $^3/_4$ 8-го утромъ». Драгоцѣнный этотъ подарокъ дѣйствительно предназначаемъ былъ самимъ Крыловымъ въ изъявленіе благодарности лицамъ, участвовавшимъ въ составленіи юбилейнаго для него торжества. Онъ не успѣлъ удовлетворить желанія сердца своего. Ревнуя къ чести его и доброй о немъ памяти, вѣрный каждой его мысли, душеприказчикъ прекрасно исполнилъ его намѣреніе.

XXXII.

Утрата, которую живо почувствовали всѣ, мгновенно обратила мысли къ одному предмету — увѣковѣчить для Россіи память Крылова видимымъ образомъ. Единодушное желаніе предупредило всякій холодный судъ въ этомъ дѣлѣ. И можно ли усомниться въ правахъ Крылова на памятникъ? Онъ, безъ власти, не достигнувшій знатности, не обладавшій богатствомъ, жившій почти затворникомъ, безъ усиленной дѣятельности, наполнилъ собою помышленія милліоновъ людей, вселился въ ихъ душу и навѣкъ остался присутственнымъ въ ихъ умѣ и памяти. О немъ-то должно повторить, чтó древніе сказали про Гомера: «онъ каждому, и юношѣ и мужу и старцу, столько даетъ, сколько кто взять можетъ». Есть люди, которые видятъ въ Крыловѣ только поэта для дѣтей. Правда, ни изъ чьихъ сочиненій дѣти не извлекутъ столько пользы, какъ изъ его басень. Но мыслящій человѣкъ почерпнетъ и еще болѣе. Есть мудрость, доступная всѣмъ возрастамъ. Но, во всей глубинѣ своей, она можетъ быть постигнута только умомъ зрѣлымъ. То, что составляетъ самое существенное достоинство сочиненій Крылова, не можетъ потерять цѣны своей отъ измѣненій вкуса, языка и требованій времени. На него никогда не пройдетъ мода, потому что успѣхъ его отъ нея никогда и не зависѣлъ. Никто не откинетъ Крылова, кто читаетъ для того, чтобы окрѣпнуть умомъ и обогатиться опытностію.

Его Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на исполненіе общаго желанія. Комитетъ, составленный для приведенія въ дѣйствіе высочайшей воли, немедленно напечаталъ свое объявленіе о памятникѣ Крылову, въ проектѣ написанное членомъ Комитета княземъ П. А. Вяземскимъ. Оно помѣщается здѣсь, потому что въ жизнеописаніе Крылова вноситъ прекрасную характеристику.

«По всеподданѣйшему докладу господина министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ благоволилъ изъявить всемилостивѣйшее согласіе на сооруженіе памятника Ивану Андрее-

вичу Крылову и на повсемѣстное по имперіи открытіе подписки для собранія суммы, потребной на исполненіе сего предпріятія.

«Вслѣдъ за тѣмъ, съ высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ Комитетъ для открытія подписки и всѣхъ распоряженій по этому дѣлу.

«Памятники, сооружаемые въ честь знаменитымъ соотечественникамъ, суть высшія выраженія благодарности народной; въ нихъ освящается и увѣковѣчивается память прошедшаго; въ нихъ преподается назидательный и поощрительный урокъ грядущимъ поколѣніямъ.

«Правительство, въ семейномъ сочувствіи съ народомъ, объемля просвѣщеннымъ вниманіемъ и гордою любовію всѣ заслуги, всѣ отличія, всѣ подвиги знаменитыхъ мужей, прославившихся въ отечествѣ, усыновляетъ ихъ и за предѣломъ жизни, и возноситъ незыблемую память ихъ надъ тлѣнными могилами смѣняющихся поколѣній.

«Историческія эпохи въ жизни народа имѣютъ свои памятники. Димитрій Донской, Ермакъ, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ, Петръ Великій, Александръ Благословенный, Суворовъ, Румянцовъ, Кутузовъ, Барклай, въ нѣмомъ краснорѣчіи своемъ, повѣствуютъ о своей и нашей славѣ: въ неподвижномъ величіи стоятъ они на стражѣ независимости и непобѣдимости народной. Но и другія дѣянія и другіе мирные подвиги не остались также безъ вниманія и безъ народнаго сочувствія. Памятники Ломоносова, Державина, Карамзина краснорѣчиво о томъ свидѣтельствуютъ. Сіи памятники, сіи олицетворенія народной славы, разбросанные отъ береговъ Ледовитаго моря до восточной грани Европы, знаменіями умственной жизни и духовной силы населяютъ пространство нашего необозримаго отечества. Подобно Мемноновой статуѣ, сіи памятники издаютъ, въ обширныхъ и холодныхъ степяхъ нашихъ, краснорѣчивые и жизнодательные голоса подъ солнцемъ любви къ отечеству и нераздѣльной съ нею любви къ просвѣщенію.

«Подобно тремъ поименованнымъ писателямъ, и Крыловъ неизгладимо врѣзалъ имя свое на скрижаляхъ русскаго языка.

«Русскій умъ олицетворился въ Крыловѣ и выражается въ твореніяхъ его. Басни его—живой и вѣрный отголосокъ русскаго ума съ его смѣтливостью, наблюдательностью, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостью и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ. Стихи его отразились живымъ впечатлѣніемъ въ умѣ читателей его. И кто же въ Россіи не принадлежитъ къ числу его читателей? Всѣ возрасты, всѣ званія, нѣсколько поколѣній съ нимъ ознакомились, тѣсно сблизились съ нимъ, начиная отъ воспріимчиваго и легкомысленнаго дѣтства до охладѣвшей и разсудительной старости, отъ избраннаго круга образованныхъ цѣнителей дарованія до низшихъ степеней общества, до людей мало доступныхъ обольщеніямъ искуства, но одаренныхъ природною понятливостью, и для коихъ голосъ истины и здраваго смысла, облеченный въ слово животрепещущее, всегда вразумителенъ и привлекателенъ.

«Крыловъ, нѣтъ сомнѣнія, извѣстенъ у насъ многимъ и изъ тѣхъ, для коихъ грамота есть таинство еще недоступное. И тѣ знаютъ его по-наслышкѣ, затвердили нѣкоторые стихи его съ голоса, по изустному преданію, и присвоили ихъ себѣ какъ пословицы, сіи выраженія общей народной мудрости. Грамотная, печатная память его не умретъ; она живетъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ басней его, которыя перешли изъ рукъ въ руки, изъ рода въ родъ; она будетъ жить въ несчетныхъ изданіяхъ, которыя въ теченіе времени передадутъ славу его дальнѣйшему потомству, пока останется хоть одно русское сердце—и отзовется оно на родной звукъ русскаго языка. Крыловъ свое дѣло сдѣлалъ. Онъ подарилъ Россію славою незабвенною. Нынѣ пришла очередь наша. Недавно праздновали мы пятидесятилѣтній юбилей его литературной жизни. Нынѣ, когда его уже не стало, равномѣрно отблагодаримъ его достойнымъ образомъ: сотворимъ по немъ народную тризну, увѣковѣчимъ благодарность нашу, какъ онъ увѣковѣчилъ даръ, принесенный имъ на алтарь отечества и просвѣщенія. Кто изъ Русскихъ не порадуется, что русскій Царь,

который благоволилъ къ Крылову при жизни его, благоволитъ и къ его памяти? Кто не порадуется, что Онъ, милостивымъ, живительнымъ словомъ, разрѣшаетъ народную признательность принести знаменитому современнику возмездіе за жизнь, которая такъ звучно, такъ глубоко отозвалась въ общественной жизни нѣсколькихъ поколѣній? Нѣтъ сомнѣнія, что общій голосъ откликнется радушнымъ отвѣтомъ на вызовъ соорудить памятникъ Крылову—и поблагодаритъ правительство, которое угадало и предупредило общее желаніе.

«Заботясь о томъ, чтобы вполнѣ осуществить сіе желаніе и сдѣлать исполненіе его доступнымъ всѣмъ и каждому, Комитетъ постановилъ себѣ первымъ правиломъ принимать всякое приношеніе, начиная отъ щедрой дани богатаго ревнителя отечественной славы до скромнаго и малозначительнаго пожертвованія смиреннаго добродателя. Кто захочетъ опредѣлить границу благодарности? И тѣмъ болѣе, кто возьмется установить крайнюю цѣну ея, ниже чего ей и показаться нельзя? Благодарности и добровольному выраженію ея предоставляется полная свобода. Крыловъ принадлежитъ всѣмъ возрастамъ и всѣмъ званіямъ. Онъ болѣе, нежели литераторъ и поэтъ. Въ этомъ выраженіи есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногихъ; но кругъ дѣйствія его былъ обширнѣе и всенароднѣе. Слишкомъ смѣло было бы сравнивать письменныя заслуги, хотя и блистательныя, съ историческими подвигами гражданской доблести. Но, вспомня Минина, который былъ *выборный человѣкъ отъ всея Русскія земли*, нельзя ли, безъ всякаго примѣненія къ лицамъ и событіямъ, сказать о Крыловѣ, что онъ *выборный грамотный человѣкъ всей Россіи*? Голосъ его раздался и будетъ раздаваться въ столицахъ и селахъ, на ученическихъ скамьяхъ дѣтей, подъ сѣнью семейнаго крова, въ роскошныхъ палатахъ и въ храминахъ науки и просвѣщенія, въ лавкѣ торговца и въ трудолюбимомъ пріютѣ грамотнаго ремесленника. Пусть и голосъ благодарности отзовется отовсюду.

«Памятникъ Крылова воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ.

И гдѣ же быть ему, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіею. Не былъ ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, и онъ же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ петербургскихъ жителей не зналъ его по крайней мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ, широкимъ лицомъ, на коемъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучею, обросшею сѣдыми волосами львиною головою, не даромъ приданную баснописцу, который также повелитель звѣрей, этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи Богатыря? Кто, и незнакомый съ нимъ, встрѣтя его, не говорилъ: *вотъ дѣдушка Крыловъ!* и мысленно не поклонялся поэту, который былъ близокъ каждому Русскому.

«Художнику, призванному увѣковѣчить изображеніе его, не нужно будетъ идеализировать свое созданіе. Ему только слѣдуетъ быть вѣрнымъ истинѣ и природѣ. Пусть представитъ онъ намъ подлинникъ въ живомъ и, такъ сказать, буквальномъ переводѣ. Пусть явится передъ нами въ строгомъ и вѣрномъ значеніи слова вылитый Крыловъ. Тутъ будетъ и дѣйствительность и поэзія. Тутъ сольются и въ стройномъ цѣломъ обозначатся общее и высокое понятіе объ искуствѣ и олицетворенный снимокъ съ частнаго самобытнаго образца, въ которомъ рѣзко и живописно выразились черты Русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни.

«Всѣ суммы, которыя будутъ собраны по подпискѣ, до приступа къ исполненію предположенія, должны храниться въ казначействѣ министерства народнаго просвѣщенія. Пожертвованія можно обращать прямо въ министерство; принимаются также гг. губернскими предводителями дворянства и градскими главами, отъ которыхъ всѣ сборы по губерніямъ будутъ сосредоточиваться у гг. гражданскихъ губернаторовъ. По вѣдомству ми-

нистерства народнаго просвѣщенія порученіе это возложено, подъ распоряженіемъ гг. попечителей учебныхъ округовъ, на директоровъ училищъ въ губерніяхъ». Подписали:

Президентъ Академіи наукъ *С. Уваровъ.*
Почетный членъ Академіи наукъ графъ *Д. Блудовъ.*
Вице-президентъ Академіи наукъ князь *Дондуковъ-Корсаковъ.*
Дѣйствительный членъ Академіи наукъ князь *П. Вяземскій.*
Ректоръ С.-Петербургскаго университета *П. Плетневъ.*
Душеприказчикъ И. А. Крылова *Я. Ростовцовъ.*

ТАРАНТАСЪ,

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА[1]).

1845.

I.

Графъ В. А. Соллогубъ къ заглавію новаго сочиненія своего прибавилъ другое: *Путевыя впечатлѣнія.* Но читатели не должны думать, что въ книгѣ идетъ рѣчь о собственныхъ впечатлѣніяхъ автора. Приключенія, разговоры, сужденія, словомъ — все, введенное въ книгу, принадлежитъ двумъ вымышленнымъ лицамъ: помѣщику *Василью Ивановичу* и возвратившемуся изъ-за границы молодому человѣку *Ивану Васильевичу.* Зналъ ли авторъ подобныхъ имъ людей, или вся исторія чистый вымыселъ — это его тайна. Только надобно помнить, что изъ книги, изображающей посторонніе характеры и дѣйствія, несправедливо относить къ собственному лицу сочинителя и самыя легкія черты. Въ противномъ случаѣ столько выйдетъ несообразностей, даже противо-

---

[1]) *Современникъ* 1845, т. XXXVIII, стр. 197—247.

рѣчія между высокою цѣлію нравоучительныхъ сочиненій и приводимыми умствованіями лицъ дѣйствующихъ, что авторъ явится какимъ-то разрушителемъ лучшихъ своихъ помысловъ. Для поясненія мысли моей приведу одно мѣсто изъ разбираемой книги

«Путники ѣдутъ (говоритъ авторъ на 107 стран.) по большой дорогѣ. Дорога песчаная. Тарантасъ тянется шагомъ. «Признаюсь», сказалъ зѣвая и потягиваясь Василій Ивановичъ, «скучненько немного, и виды по сторонамъ очень незанимательны. Налѣво гладко. Направо гладко. Вездѣ одно и то же. Хоть бы придумать чѣмъ-нибудь позаняться». Чтеніемъ, напримѣръ, сказалъ Иванъ Васильевичъ. «Пожалуй, хоть бы и чтеніемъ. Я очень люблю иногда, какъ дѣлать нечего, книжечки читать. Очень иногда забавныя исторіи пишутъ. Да кстати, коли смѣю спросить, вы, можетъ-быть, сами сочиняете»? Нѣтъ-съ. «И хорошо, братъ, дѣлаешь. Дворянину неприлично итти въ писаки. И потомъ», прибавилъ вздохнувъ значительно Василій Ивановичъ, «не всякому данъ talent...тъ». Для нынѣшней словесности ненужно таланта, сказалъ Иванъ Васильевичъ. «Не всякому дано дарованье». Не нужно дарованья. Василій Ивановичъ взглянулъ на Ивана Васильевича. Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Василій Ивановича. Да, продолжалъ Иванъ Васильевичъ: теперь не нужно дарованья—нужна одна смышленость. Теперь словесность—ремесло, какъ ремесло сапожника, или токаря. Писатели не что иное, какъ литературныхъ дѣлъ мастера, и скоро подѣлаютъ они себѣ вывѣски, какъ въ кандитерскихъ и булочныхъ. «Ну, ужъ позволь», прервалъ Василій Ивановичъ: «это ты ужъ просто, кажется, аллегорію говоришь». Нѣтъ, я говорю правду. Неужели вы не знаете, какіе жалкіе и мелкіе расчеты скрываются подъ громкими названіями? Вы еще вѣрите, когда вамъ говорятъ, что словесность—выраженіе народнаго духа и бытія; вы вѣруете въ высокое ея призваніе научать людей, исправлять пороки и направлять душу къ чистымъ наслажденіямъ. Все вѣдь это вздоръ. Словесность есть одинъ изъ тысячи способовъ добывать себѣ

деньги—и всѣ прекрасныя чувства, всѣ глубокія мысли, которыми наполнены теперь книги, можно исчислить на ассигнаціи и серебро. Уничтожьте продажу книгъ—и словесность исчезнетъ. Въ наше продажное время поэзія разлагается на акціи и восторгъ берется на откупъ. Скоро заведутъ сочинительскія фабрики—и готовыя мысли и чувства будутъ продаваться по таксѣ, смотря по достоинству, какъ продаются теперь у портныхъ фраки и панталоны. «Въ прошедшемъ году», замѣтилъ Василій Ивановичъ, «я купилъ себѣ на Кузнецкомъ мосту фланелевый сюртукъ. Какъ бы вы думали? никуда не годился. Французъ-мошенникъ обманулъ». Такъ обманываютъ васъ тѣ, которыхъ вы читаете съ удовольствіемъ какъ добрый и честный человѣкъ. Вы съ довѣрчивостію покупаете кафтанъ, а кафтанъ вашъ сшитъ изъ тряпокъ, и то на живую нитку. Теперешніе портные, или литераторы, славно себѣ набили руку для выкройки.——«Такъ-съ», сказалъ Василій Ивановичъ. «Вы любите нашу русскую литературу?» Сохрани меня Богъ! съ живостью прервалъ его товарищъ. Я не говорилъ такой глупости. И къ тому же о какой литератутѣ вы говорите? Ихъ у насъ двѣ. «Какъ двѣ»? Да! одна даровитая, но усталая, которая показывается въ люди рѣдко, смиренно, иногда съ улыбкой на лицѣ, а всего чаще съ тяжкою грустію на сердцѣ. Другая наша литература напротивъ кричитъ на всѣхъ перекресткахъ, чтобъ только ее приняли за настоящую русскую литературу, и не узнали про настоящую. Эта литература приводитъ мнѣ всегда на память крикливыхъ сидѣльцевъ Апраксина двора, которые чуть не хватаютъ прохожихъ за горло, чтобы сбыть имъ свой гнилой товаръ. Признаюсь, я ни видалъ ничего смѣшнѣе, удивительнѣе, уродливѣе и отвратительнѣе этой подложной литературы. «Отчего это»? Оттого, что въ самомъ дѣлѣ литературы тутъ нѣтъ, а одно только названіе. Оттого, что наши даровитые писатели всегда удалялись и теперь удаляются отъ ея прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ ея странную дѣятельность; оттого, что она, теперь въ особенности, не что иное, какъ жалкой наростъ на народной

почвѣ; отъ того, что у нея нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Впрочемъ, если хотите, у насъ есть многое множество такихъ литературъ: нѣсколько петербургскихъ, нѣсколько московскихъ, нѣсколько губернскихъ—и въ каждой литературѣ есть нѣсколько партій, которыя въ муравьиныхъ кучкахъ двигаются и хлопочутъ и суетятся какъ Лиллипуты Гулливера. Ревностные члены разрозненнаго тѣла, они угощаютъ святую Русь стишками на манеръ Ламартина, драмами на фасонъ Шиллера, повѣстями—жалкими пародіями заграничныхъ и безъ того каррикатурныхъ повѣстей, и наконецъ той чудовищной неблагопристойностію, которую называютъ, *съ позволенія сказать*, журнальной критикой».

Такъ Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ разговариваютъ о нынѣшней русской литературѣ. Подобнымъ образомъ передаютъ они другъ другу *впечатлѣнія свои* о множествѣ предметовъ, болѣе или менѣе важныхъ въ государствѣ. Я познакомлю читателей съ содержаніемъ бесѣдъ путешественниковъ, выписавъ здѣсь названія всѣхъ двадцати главъ, составляющихъ книгу. Поѣздка направлена изъ Москвы въ Казань. Глава 1 представляетъ встрѣчу нашихъ героевъ, 2 отъѣздъ, 3 начало путевыхъ впечатлѣній, 4 станцію, 5 гостиницу, 6 губернскій городъ, 7 простую и глупую исторію, 8 цыганъ, 9 перстень, 10 нѣчто о словесности, 11 русскаго барина, 12 Печерскій монастырь, 13 помѣщика, 14 купцовъ, 15 нѣчто о Василіи Ивановичѣ, 16 нѣчто объ Иванѣ Васильевичѣ, 17 сельскій праздникъ, 18 чиновниковъ, 19 Востокъ и 20 сонъ. Непринужденно, безъ приготовленія, какъ всегда бываетъ въ дорогѣ, пріятели обсуживаютъ вышеозначенные предметы, кто какъ умѣетъ. Ни за вкусъ ихъ, ни за мораль, ни за философію, ни за политику авторъ нигдѣ не отвѣчаетъ. Оттого и вышло, что на предметъ, самый близкій къ сердцу сочинителя—на словесность—дорожные смотрятъ какъ-то неблагосклонно. Самоотстраненіе автора въ судѣ ихъ показываетъ, что онъ понимаетъ обязанность историка—общее названіе, которымъ надобно обозначать писателя, выводящаго на сцену не себя, а постороннія дѣйствующія лица.

Самое же несомнѣнное доказательство самоотстраненія здѣсь графа В. А. Соллогуба видно особенно изъ того, что онъ въ наше время одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ русскихъ литераторовъ.

II.

Первое собраніе сочиненій графа В. А. Соллогуба вышло въ свѣтъ 1841 года, подъ названіемъ: *На сонъ грядущій, отрывки изъ вседневной жизни.* Вотъ что было сказано тогда мною о характерѣ его литературныхъ произведеній.

«Если молодой авторъ, начиная свое поприще, уже такъ вѣрно постигаетъ первыя совершенства разсказа и разговора (*Соврем.* т. XXII)—безыскуственность выраженій, смѣлую подвижность предметовъ, своеобразіе идей и мнѣній дѣйствующихъ лицъ, отстраненіе всего чуждаго ихъ духу и настроенію; если авторъ уже теперь умѣлъ высвободить себя изъ-подъ тяжести современнаго слога, преобладающаго и у насъ, и у другихъ европейскихъ народовъ: то можно до нѣкоторой степени опредѣлить, какъ счастливо и какъ надежно будетъ развиваться и совершенствоваться его талантъ! Мы убѣждены, что онъ, оставаясь неизмѣнно при нынѣшнемъ своемъ направленіи, въ состояніи будетъ изъ себя образовать писателя, столько же замѣчательнаго въ Россіи, какъ и въ Европѣ. Всѣхъ повѣстей пять. Не всѣ онѣ равнаго достоинства по объему сценъ и ихъ занимательности. Но въ нихъ есть сторона, съ которой онѣ всѣ представляются равно любопытными и— какъ художественное произведеніе—равно совершенными. Авторъ не теряется въ исчисленіи подробностей, не перемѣшиваетъ существеннаго съ мечтательнымъ, не вымышляетъ противорѣчащаго жизни. Его талантъ воспользовался тѣмъ, что́ самая жизнь ему доставила. Можетъ-быть, и чаще встрѣчалось бы въ нашей литературѣ это согласіе жизни съ созданіями фантазіи—необходимое условіе для успѣха каждаго писателя,—если бы всѣ могли и умѣли изучать собственными ощу-

щеніями то, чего нерѣдко сочинители должны доискиваться въ книгахъ или въ своихъ вымыслахъ».

Съ тѣхъ поръ графъ В. А. Соллогубъ участвовалъ литературными трудами своими въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ. Въ одно время съ *Тарантасомъ* вышелъ литературный сборникъ: *Вчера и сегодня*, имъ же составленный изъ произведеній разныхъ писателей, гдѣ помѣщена его повѣсть: *Собачка*. Новыя его повѣсти, подобно какъ и прежнія, всѣмъ нравятся непринужденностію разсказа, натуральностію разговоровъ, простотою плановъ, нерѣдко истиннымъ остроуміемъ мыслей и языкомъ, не лишеннымъ красокъ. Особенно удачно исполняетъ онъ сцены высшаго общества. Есть, правда, въ нѣкоторыхъ созданныхъ имъ характерахъ стороны невѣрныя и въ подробностяхъ доведенныя до отсутствія правдоподобія, какъ наприм. въ повѣсти, названной имъ: *Медвѣдь*. Но это объясняется нашею эпохою, изъ-подъ власти которой немногіе освобождаются совершенно. Еще замѣчу: у него не довольно рѣзко выражается духовное направленіе; нѣтъ рѣшительнаго убѣжденія въ избранныхъ началахъ жизни, окончательно характеризующихъ каждаго самобытнаго писателя. Въ повѣстяхъ, наприм., Лермонтова или Павлова, чувствуешь, чѣмъ проникнута ихъ собственная душа. Изъ-подъ всѣхъ украшеній искуства, несмотря на разнообразіе характеровъ, положеній, привычекъ дѣйствующихъ лицъ, выказывается что-то преобладающее въ драмѣ бытія и ощущеній, что-то усиливающееся подчинить себѣ волю читателя, что-то постоянно уловляющее нашъ умъ и сердце. Этого высшаго единства еще не замѣтно въ произведеніяхъ разсматриваемаго мною автора. Онъ, такъ сказать, еще играетъ своимъ талантомъ, обращая полетъ его то въ одну, то въ другую сторону. Ему часто такъ же забавна дума мыслителя, какъ смѣшны перемѣнчивыя желанія свѣтской щеголихи. Онъ съ одинаковою веселостію разсказываетъ о неловкости простодушнаго провинціала и о плутняхъ опытнаго ябедника. Между-тѣмъ въ сущности своей не все то смѣшно, о чемъ смѣшно разсказать можно. Впрочемъ рѣдко

бываетъ, чтобы въ первыхъ опытахъ писателя вдругъ раскрылось это сознаніе ученія, имъ самимъ воспитываемаго, или принятаго отъ другихъ. Графъ В. А. Соллогубъ, въ промежутокъ, отдѣляющій первыя его повѣсти отъ *Тарантаса*, замѣчательнѣе всего обработалъ формы языка своего и общія соображенія излагаемыхъ разсказовъ. Его рѣчь теперь сдѣлалась крѣпче и естественнѣе. Въ ней больше красокъ, которыя и хороши и часто очень вѣрны. Въ постановкѣ явленій много свободы и въ то же время истины и занимательности. Однимъ словомъ, онъ не остановился, что̀ въ нашей литературѣ замѣчательная рѣдкость.

III.

Тарантасъ, по идеѣ своей, входитъ въ разрядъ сатирическихъ сочиненій, являющихся въ формѣ то собственно такъ называемыхъ сатиръ, то комедій, то романовъ и повѣстей, то даже басень и пр. Въ русской словесности этотъ родъ ведетъ начало свое отъ князя Кантемира. Послѣ разныхъ нововведеній въ Россіи со временъ Петра I, тогда общественное мнѣніе раздѣлилось. Были ревностные защитники новаго порядка; была въ то же время (говоря моднымъ языкомъ) и оппозиція. Поэтъ, какъ лицо съ высшимъ умомъ и съ разностороннею образованностію, стоялъ въ ряду первыхъ. Онъ рѣшительно дѣйствовалъ въ защиту преобразованія, вводимаго правительствомъ. Являющіяся въ сатирахъ князя Кантемира оппозиціонныя лица: *Критонъ, Сильванъ, Лука, Медоръ* (сатир. I), *Евгеній* (сатир. II) осмѣяны имъ и поражены со всѣми ихъ ложно-патріотическими понятіями. Въ другихъ сатирахъ своихъ поэтъ нападаетъ на пороки, на злоупотребленія и на прочія дурныя стороны людей въ общежитіи. Какъ въ оппозиціонныхъ, такъ и въ безнравственныхъ лицахъ, имъ изображаемыхъ, отразились всѣ признаки времени и мѣста; жизнь эпохи удержала до сихъ поръ свои краски. Намъ ясно, отчего поэтъ въ негодованіи, что̀ онъ любитъ и предлагаетъ. Его художническія созданія въ такомъ согласіи съ потребностями мысля-

щихъ современниковъ, что я готовъ вѣрить благотворному вліянію этого голоса на совершенствованіе общества.

Пропускаю всѣ опыты въ этомъ родѣ до появленія *Недоросля*. Онъ въ такомъ же отношеніи къ предшествовавшимъ ему сатирическимъ сочиненіямъ, какъ исторія Курбскаго къ лѣтописямъ. Фонвизинъ вывелъ на зрѣлище сокровеннѣйшія сцены домашней жизни, запечатлѣвъ ихъ въ памяти народа всею силою и точностію выраженій, до которыхъ прежніе русскіе писатели, исключая однакоже князя Кантемира, не осмѣливались и дотрогиваться. Это историческое событіе совершилось въ такое время, когда распространялось ученіе филантропіи, когда личное достоинство человѣка противопоставлялось старымъ общимъ понятіямъ объ отношеніяхъ людей. Современный вопросъ былъ уже не политическій, а философскій. Ученіе и оппозиція его шли молча, не поддерживаемыя гласно ни правительствомъ, ни партіями въ сословіяхъ. Поэтъ и мыслитель по призванію и образованности, остроумный, даже до язвительности колкій писатель, художникъ самобытный и первый въ то время знатокъ русскаго языка, Фонвизинъ составилъ такія положенія, вывелъ такіе характеры, которые однимъ появленіемъ своимъ должны были возбудить омерзѣніе къ понятіямъ, противоположнымъ распространявшемуся ученію. Невѣжественнымъ презрѣніемъ къ достоинству человѣка онъ наполнилъ душу и жизнь женщины, которая, въ безсмысленной любви къ идолу своему—сыну, жертвуетъ спокойствіемъ цѣлаго семейства и всѣхъ къ нему прикосновенныхъ. Смотря на эту картину, унизительную для человѣчества и гражданскаго общества, невозможно было не перейти на сторону поэта, если и не по убѣжденію, то по крайней мѣрѣ изъ приличія.

Въ современныхъ намъ комедіяхъ два автора съ полнымъ совершенствомъ развили идею сатирическихъ твореній. Они подвергнули своему изслѣдованію характеръ нашего общежитія— естественный вопросъ, слѣдующій за политикою и философіею. Грибоѣдовъ представилъ картину спеціальную, въ которой мѣстные пороки, глупости и провинціальные обычаи явились со всѣмъ

ихъ безобразіемъ. Понятія и взаимныя отношенія частныхъ лицъ разсмотрѣны въ ихъ источникахъ. Самое основаніе господствовавшаго ученія—давность – было сбито энергіею сатиры. Одинъ *Чацкій* нѣсколько повредилъ полному успѣху поэта. Этотъ представитель стороны разумной столько выказываетъ въ себѣ готовыхъ началъ для новой сатиры, что безпристрастный зритель остается въ недоумѣніи, выиграетъ ли общежитіе, если запоздалыя пошлости свои замѣнитъ оно неуживчивостію, самонадѣянностію, насмѣшливостію. Гоголь въ *Ревизорѣ* также разоблачилъ отношенія частныхъ лицъ, но не столько одного изъ нихъ къ другому, сколько къ общественнымъ обязанностямъ, такъ что вопросъ предшественника его, обособясь еще болѣе, превратился какъ бы въ семейный. Я замѣтилъ, что *Чацкій* не помогъ поэту довершить убѣжденіе въ истинѣ. Подобное дѣйствіе давно уже приписано *Правдину* и *Стародумову* въ *Недорослѣ*. Гоголь, по расчету, а можетъ-быть и въ слѣдствіе особенности таланта, остался при одномъ главномъ своемъ изслѣдованіи. Рѣшимый имъ общежительный вопросъ надобно назвать самымъ современнымъ, потому что въ него заботливо вникаетъ не только правительство, но и каждое изъ частныхъ мыслящихъ лицъ, сообразно съ нынѣшнимъ просвѣщеніемъ и гласностію сужденій.

Такимъ образомъ въ сатирѣ постоянно отражалась мысль, занимавшая дѣятельные умы, и въ то же время—цѣль, которую они указывали обществу. Сочинитель *Тарантаса*, въ первомъ отношеніи, вышелъ дѣйствительно на свою дорогу. Кто теперь не занятъ предметомъ, который онъ разсматриваетъ? Равномѣрное, твердое, прямое совершенствованіе всѣхъ частей общежитія лежитъ въ основаніи каждаго государственнаго и частнаго предпріятія. Россія изучаетъ и себя и другія государства, чтобы вѣрнѣе достигнуть полнаго благосостоянія. Очень понятно, что въ дѣятельности столь разнородныхъ умовъ сатирическому таланту представляется много явленій, вызывающихъ его на работу. Любопытно за нимъ слѣдовать, какъ онъ совершилъ свое призваніе, какую опредѣлилъ себѣ цѣль и дошелъ ли до нея.

IV.

Въ главѣ первой (стран. 7) авторъ говоритъ: «Прежде, когда русскій молодой человѣкъ возвращался изъ Парижа, онъ привозилъ съ собой наружность парикмахера, нѣсколько яркихъ жилетовъ, нѣсколько пошлыхъ остротъ, разныя несносныя ужимки и нестерпимо рѣшительное хвастовство. Благодаря Бога, все это теперь вывелось». Однако на той же страницѣ сказано: «Иванъ Васильевичъ—молодой человѣкъ только-что вернувшійся изъ-за границы. На немъ англійскій макинтошъ безъ талій; панталоны его сшиты у Шеврэля; палка, на которой онъ упирается, куплена у Вердье. Волосы его обстрижены по вкусу среднихъ вѣковъ, а на подбородкѣ еще видны остатки ужаснѣйшей бороды». Тутъ видна только перемѣна моды, а не перемѣна въ собственномъ вкусѣ прежнихъ и нынѣшнихъ русскихъ путешественниковъ. Далѣе тамъ же прибавлено: «Достойный представитель *юной Руси*, Иванъ Васильевичъ объѣздилъ всю Европу—и, вникая въ политическую болтовню перемѣшанныхъ сословій, приглядываясь къ мелкимъ страстямъ, прикрытымъ громкими именами общей пользы, свободы и просвѣщенія, онъ понялъ, какъ велика и прекрасна во многомъ его отчизна, и съ того времени загорѣлась въ немъ жаркая, хотя безсознательная любовь къ родинѣ, и съ того времени онъ началъ гордиться передъ собой и передъ цѣлымъ свѣтомъ тѣмъ, что онъ родился русскимъ человѣкомъ». Ежели самъ Иванъ Васильевичъ сообщилъ эту характеристику автору; то надобно согласиться, что *юная Русь* не менѣе старой наклонна къ слабостямъ, выставленнымъ въ описаніи прежнихъ путешественниковъ. Дѣло въ томъ, что Ивану Васильевичу, съ дѣтства его до возвращенія изъ-за границы, ни разу не было случая хоть что-нибудь узнать о Россіи. «Русская исторія, русская жизнь, русскій законъ (приведено на 201 стран.) остались для него какимъ-то варварскимъ баснословіемъ—и, благодаря безтолковому направленію, русскій ребенокъ выросъ французи-

комъ». На пятнадцатомъ году отдали его въ частный пансіонъ. Тамъ «Иванъ Васильевичъ сдѣлался совершеннымъ молодцомъ (стр. 202), затягивался во всѣхъ уголкахъ вакштафомъ до тошноты, пилъ водку, бѣгалъ по кондитерскимъ, хвасталъ какимъ-то мнимымъ пьянствомъ, занимался театральной хроникой, а на лекціяхъ училъ какіе-нибудь грязные или вольнодумные стихи.—— Такъ погубилъ онъ самые лучшіе, самые свѣжіе годы жизни, когда душа еще такъ воспріимчива, такъ горячо и ясно удерживаетъ всякое впечатлѣніе. Наступила пора выпуска и экзамена.—— Иванъ Васильевичъ относился, разумѣется, весьма презрительно о ожидаемомъ испытаніи—и, какъ говорится на пансіонскомъ языкѣ, провалился съ перваго слова». Опредѣлившись на службу, онъ скоро пересталъ о ней и думать, потому что влюбился въ какую-то барыню, которая черезъ нѣсколько времени вышла за мужъ за богатаго урода, а Иванъ Васильевичъ съ отчаянія уѣхалъ за границу. Итакъ могъ-ли этотъ человѣкъ, подслушавъ тамъ болтовню о политическихъ дѣлахъ, да замѣтивъ, что именами пользы, свободы и просвѣщенія прикрываются только страсти, могъ ли онъ вдругъ изъ этого *понять*, какъ велика и прекрасна Россія, вдругъ полюбить ее жарко и начать гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ, даже *передъ собой*, что онъ русскій человѣкъ? По естественному порядку могло бы тутъ вытти одно изъ двухъ: или онъ пересталъ бы вѣрить высокопарнымъ фразамъ иностранцевъ, или захотѣлось бы ему провѣдать, какъ на родинѣ его обработываются подобныя дѣла. Но мы увидимъ, что онъ, поѣхавши не къ центру администраціи и политики нашей, а въ Казань съ намѣреніемъ изучать древности и народность Россіи, только и дѣлаетъ, что учитъ каждаго изъ Русскихъ, учитъ всему, о чемъ бы рѣчь ни зашла.

Впрочемъ авторъ не безъ намѣренія внесъ въ портретъ героя своего черты, какъ бы противорѣчащія истинѣ. Онъ за нихъ держится какъ за основаніе, на которомъ намѣренъ утвердить колкость сатиры. Въ слѣдствіе такого расчета онъ почти повторяетъ прежнія слова свои. «Заграничная жизнь заставила Ивана

Васильевича (стран. 211) невольно задуматься о своей родинѣ. Думая объ ней, онъ началъ ею гордиться, а потомъ началъ ее и любить. Словомъ, то, что на родинѣ не было внушено ему при воспитаніи, мало-по-малу закралось въ его душу на чужбинѣ. Онъ началъ припоминать все видѣнное и не замѣченное имъ въ деревнѣ, въ поѣздкахъ по губерніямъ, во время откомандировокъ по службѣ. Онъ хотя и чувствовалъ, что всѣ эти данныя не составляютъ общаго мнѣнія, общаго цѣлаго; но нѣкоторыя черты удержалъ онъ довольно вѣрно, а остальныя дополнилъ своимъ воображеніемъ. Такъ составилъ онъ себѣ особыя понятія о чиновникахъ, о русской торговлѣ, о нашемъ образованіи, о нашей словесности. Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно: и такъ какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ. Къ тому же, онъ радовался, что осмыслилъ свое бытіе, что нашелъ себѣ наконецъ цѣль въ жизни, цѣль благородную, цѣль прекрасную, обѣщающую ему привлекательное занятіе, полезныя наблюденія. Съ такими чувствами возвратился онъ изъ-за границы». До сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, читатели не могли еще догадаться, какого мнѣнія держится авторъ: къ лучшему ли послужило для Ивана Васильевича, что онъ съѣздилъ за границу, или напротивъ. Судя по заключенію, которое помѣщено здѣсь и въ отрывкѣ, приведенномъ выше, надобно предполагать первое. Изъ пошлаго невѣжи мгновенно преобразиться въ пламеннаго патріота, хотя бы и не совсѣмъ основательнаго—такого рода легкое и отрадное превращеніе достаточно, даже съ избыткомъ, вознаграждаетъ за поѣздку въ чужіе краи, гдѣ вдобавокъ еще и жить веселѣе, нежели дома. Только все невѣроятно—и что-нибудь похожее на это едва ли случается. Авторъ и самъ видитъ въ мнимомъ патріотизмѣ Ивана Васильевича продолженіе прежнихъ его глупостей. Онъ очень остроумно отклоняетъ отъ себя упрекъ въ излишней похвалѣ человѣку неблагонадежному.

V.

«Читателю уже извѣстно (продолжаетъ графъ В. А. Соллогубъ на 212 стр.), какъ Иванъ Васильевичъ встрѣтился съ Василіемъ Ивановичемъ на Тверскомъ бульварѣ; какъ онъ уложился съ нимъ вмѣстѣ въ тарантасъ; какъ вооружился книгой для своихъ путевыхъ впечатлѣній и очинилъ перо. Но что будетъ изъ этого? Что напишетъ онъ? Что откроетъ? Что скажетъ намъ? Кажется, ничего. И тутъ, какъ во всѣ прочіе случаи жизни, Иванъ Васильевичъ не выдержитъ характера. Сперва онъ погорячится, а потомъ обезсилитъ при первомъ препятствіи. Непріученный къ упорному труду, онъ встрѣтитъ невозможность тамъ, гдѣ только затрудненіе, и благія его начинанія останутся вѣчно безъ конца». Здѣсь ясно сказано, что этотъ путешественникъ есть одна каррикатура дѣйствительнаго патріота, легкомысленный мечтатель, ничего не знающій и неспособный къ какому-нибудь полезному труду. Между тѣмъ и прежде приписана была ему неподобающая честь за какое-то чистое, благородное увлеченіе, тогда какъ оно оказывается маскою, только прикрывающею смѣшную привычку заграничныхъ выходцевъ, кстати и некстати обо всемъ судить и рядить. Для дѣла правды и для чести сатиры еще невыгоднѣе то обстоятельство, что, въ продолженіе всего разсказа о дорогѣ отъ Москвы до Казани, патріотическія намѣренія Ивана Васильевича ежеминутно уничтожаются не по причинѣ личной его глупости или неспособности къ дѣлу, а видимо по причинамъ (какъ говорится въ литературѣ нашей), не зависящимъ отъ сочинителя: встрѣчая одни предметы безцвѣтные, безхарактерные, мелкіе, ничтожные и къ бóльшей досадѣ читателя безпрестанно повторяющіеся, Иванъ Васильевичъ естественно ничего не находитъ питательнаго для пылкой и благородной души своей. При такомъ разъединеніи содержанія, сатира превращается въ парадоксъ. Дѣйствительно, по прочтеніи книги, къ изумленію автора, желавшаго пошутить надъ недозрѣлыми политиками, едва ли не всѣ скажутъ: какъ

жаль, что для Ивана Васильевича, этого рѣдкаго субъекта, не нашелся вполнѣ достойный его объектъ *(современный языкъ)*.

Авторъ же точно не на сторонѣ своего героя. За приведенными сейчасъ мною словами вотъ что слѣдуетъ. «И не онъ одинъ. Много у насъ молодыхъ людей, которые страдаютъ одинакой съ нимъ болѣзнію. Много у насъ молодыхъ людей, которые изнываютъ подъ бременемъ своей немощи и чувствуютъ, что жизнь ихъ навѣкъ испорчена отъ порочнаго, недостаточнаго, половиннаго образованія. Правда, они тѣшатъ свое самолюбіе личиной поддѣльнаго разочарованія, жизненной усталости, обманутыхъ надеждъ. А въ самомъ дѣлѣ они только ничтожны и ничтожны въ половину, а потому не могутъ не чувствовать своего ничтожества. И въ нихъ таится можетъ-быть наклонность къ дѣятельности, любовь къ прекрасному и къ истинѣ; но они не пріобрѣли силы осуществить внутренняго своего стремленія. Въ нихъ есть чувства, но нѣтъ воли. Въ нихъ страсть кипитъ, но разсудокъ вѣчно недоволенъ. Многіе для разсѣянія погружаются въ омутъ бурныхъ наслажденій; иные дѣлаются распутными; другіе картежниками; третьи жертвуютъ жизнью своею для вздора; нѣкоторые воображаютъ, что они вольнодумцы, либералы, потихоньку бранятъ правительство, проклинаютъ обстоятельства, будто бы имъ враждебныя. Но и съ другими обстоятельствами они были бы тѣ же, потому что зло въ самомъ основаніи, въ самомъ корнѣ ихъ щедушнаго прозябанія. Жалкое поколѣніе! Бѣдная молодость! Плодъ испорченный еще въ цвѣтѣ! *Но такъ суждено свыше*. Въ каждомъ усовершенствованіи, въ каждомъ преобразованіи должны быть жертвы. А *они попали среди борьбы прошедшаго съ настоящимъ, мрака со свѣтомъ*. Они исчезнутъ безъ слѣда, безъ сожалѣнія о непонятыхъ страданіяхъ; но ихъ страданія должны служить примѣромъ. На мрачномъ небосклонѣ стариннаго невѣжества давно мелькнула уже лучезарная точка— и съ каждымъ днемъ растетъ она и все становится ярче и ярче. Будутъ люди, которые обожгутся незнакомымъ имъ огнемъ; другіе, ослѣпленные сіяніемъ, останутся въ недоумѣніи между свѣ-

томъ и тьмой, или попадутъ на ошибочную дорогу. Но свѣтильникъ все приближается ближе и ближе, и настанетъ день, когда мракъ исчезнетъ совершенно—и вся земля озарится благодѣтельнымъ свѣтомъ». Первая половина этой выписки ясна и содержитъ правду. Она подкрѣпляетъ мысль, что Иванъ Васильевичъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ молодыхъ людей, которые по воспитанію своему, по образу жизни и по ихъ сужденіямъ только и хороши для остротъ сатиры. Такъ бы и надлежало провести героя по всѣмъ сценамъ разсказа. Содержаніе сочиненія не раздвоилось бы; опредѣленная и видимая всѣмъ цѣль была бы достигнута. Что же опять приходится намъ разгадывать во второй половинѣ выписки? Юная Русь, которую представляетъ въ лицѣ своемъ Иванъ Васильевичъ, почти совсѣмъ не виновата въ тѣхъ глупостяхъ, которыя творитъ она; потому что «такъ суждено свыше». Оправданіе легкое, но никого не убѣждающее. Свыше опредѣлено существовать; а для мыслей, чувствованій и поступковъ мы получили разумъ и волю. Конечно воспитаніе, образованіе и обстоятельства жизни много дѣйствуютъ на душу нашу. Но все это не значитъ другими словами: *такъ суждено свыше.* Въ противномъ случаѣ и достоинства наши и недостатки утратятъ всякое значеніе. Мало того, что авторъ какою-то исламскою философіею оправдываетъ Ивана Васильевича, онъ возвышаетъ и его и всю юную Русь какъ необходимую жертву, которой потребовала *борьба между прошедшимъ и настоящимъ, между мракомъ и свѣтомъ.* Замѣчательно, что прошедшее значитъ мракъ, а настоящее свѣтъ. Для полнаго объясненія идеи недостаетъ указанія черты, разграничивающей эти враждебныя стороны. У всякаго существа свой размѣръ времени. Даже едва ли найдется два человѣка, которые бы согласно рѣшили, гдѣ кончилось ихъ прошедшее, и откуда идетъ ихъ настоящее. Читатели видятъ, что я и для шутки не толкую буквально этихъ многозначительныхъ наименованій. Какъ же дойти до разгадки, отъ которой зависитъ высочайшее открытіе, а именно: конецъ мрака и начало свѣта? Отстранивши всеобщихъ въ этомъ дѣлѣ руководителей —исто-

риковъ, съ открытія Америки начинающихъ новую, слѣдственно почти то же, что настоящую исторію, а слѣдственно и исторію *свѣта*—можно бы обратиться къ ближайшему судьѣ: къ автору этой мысли. Онъ не захотѣлъ бы возразить, что для него нѣтъ прошедшаго, какъ будто бы онъ весь еще въ настоящемъ. Итакъ вышло бы, что конецъ его прошедшаго, по правильнѣйшему заключенію, долженъ быть началомъ *свѣта*. Только все это было бы похоже на шутку. Дѣло останется пока нерѣшеннымъ. Но, согласившись, что въ преемничествѣ времени, улетающаго годъ за годомъ, нѣтъ ни одного дня, который бы не приносилъ чего-нибудь лучшаго мыслящимъ существамъ, напрасно, несправедливо, суетно и смѣшно презирать намъ проходящее, которое мы же, за минуту, такъ искренно и праведно благословляли какъ новое, какъ настоящее.

Довольно объ Иванѣ Васильевичѣ. Читатели догадываются, что авторъ, не одобряя характера и поступковъ его, видитъ однакоже въ немъ болѣе согласное съ порядкомъ дѣлъ созданіе эпохи, нежели существо, самобытно дошедшее до смѣшныхъ его правилъ. Итакъ сатира, при всей ея нѣжности, устремлена на современность.

VI.

Первый образецъ, какъ судитъ Иванъ Васильевичъ, помѣщенъ въ главѣ III. А что же вы думаете писать въ своей тетради? спросилъ Василій Ивановичъ своего товарища. «Все, что встрѣтится намъ дорогой истинно-любопытнаго, истинно-достойнаго вниманія. Все, что я могу *почерпнуть о русскомъ народѣ и его преданіяхъ, о русскомъ мужикѣ и о русскомъ бояринѣ, которыхъ я люблю душевно*, точно-такъ, какъ я *душевно ненавижу чиновника* и то уродливое, безыменное сословіе, которое возникло у насъ отъ грязнаго притязанія на какое-то жалкое, непонятое просвѣщеніе.——Это не значитъ, что я ненавижу людей, служащихъ совѣстливо и благородно. Напротивъ того, *я ихъ ува-*

жаю отъ души. Но я ненавижу тотъ жалкій типъ грубой необразованности, который встрѣчается *и между дворянами, и между мѣщанами, и между купцами,* и который я называю потому вовсе неточнымъ именемъ чиновника. — — Тѣ, которыхъ я такъ называю, за неимѣніемъ прочнаго основанія, придаютъ себѣ только наружность просвѣщенія, а въ самомъ дѣлѣ гораздо невѣжественнѣе самаго простаго мужика, котораго природа еще не испорчена. Потому что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, ни нрава, ни обычая; потому что они своей трактирной образованностью, своимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, своимъ грязнымъ щегольствомъ не только останавливаютъ развитіе истиннаго просвѣщенія, но нерѣдко направляютъ его во вредную сторону. Это—созданіе уродливое, приросшее къ народной почвѣ, но совершенно чуждое народной жизни. Взгляните на него. Куда дѣвались благородныя черты нашего народа? Онъ дуренъ собой, онъ грязенъ, онъ пьетъ запоемъ, а не въ праздники какъ мужикъ. Онъ-то беретъ взятки; онъ-то старается всѣхъ притѣснять, и въ то же время дуется и гордится предъ простымъ народомъ тѣмъ, что онъ играетъ въ бильярдъ и ходитъ во фракѣ. Подобное племя—племя испорченное, перединвшееся отъ прекраснаго начала. Посмотрите-ка на русскаго мужика. Что можетъ быть его красивѣе и живописнѣе? Но, по предосудительному равнодушію, у насъ въ высшемъ кругу мало объ немъ заботятся, или смотрятъ на него, какъ на дикаря Алеутскихъ острововъ: а въ немъ-то и таится зародышъ русскаго богатырскаго духа, начало нашего отечественнаго величія.——Въ другихъ краяхъ, крестьянинъ, что̀ ему ни показывай, все себѣ будетъ землю пахать; а у насъ—вамъ только приказать стоитъ, и онъ сдѣлается музыкантомъ, мастеровымъ, механикомъ, живописцемъ, управителемъ, чѣмъ угодно.——И къ тому жъ, въ какомъ народѣ найдете вы такое инстинктивное понятіе о своихъ обязанностяхъ, такую готовность помочь ближнему, такую веселость, такое радушіе, такое смиреніе и такую силу?——А мы гнушаемся его; мы смотримъ на него съ пренебреженіемъ, какъ на оброчную статью, и не только мы ничего

не дѣлаемъ для его умственнаго усовершенствованія, но мы всячески стараемся его портить гнуснымъ устройствомъ дворни. *Дворовый не что иное, какъ первый шагъ къ чиновнику*. Дворовый обритъ, ходитъ въ длиннополомъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служитъ потѣхой праздной лѣни, и привыкаетъ къ тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствуетъ и воруетъ, и важничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные; приказный презираетъ и дวороваго и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники. У него сюртукъ нанковый, волосы примазанные. Онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ приказный спускается еще на ступень ниже, дѣлается писцомъ, повытчикомъ, секретаремъ и наконецъ настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе; презираетъ и мужика, и двороваго, и приказнаго, потому что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности, и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить Донское, курить табакъ Жукова, играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасѣ, выписывать для жены чепцы съ серебряными колосьями и шелковыя платья. Для этого онъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадется иной, другой.... Ни́что ему, говорятъ собратья. Бери, да умѣй!—— Разумѣется, не всѣ таковы: но исключенія не измѣняютъ правила». Губернскіе чиновники, отвѣчалъ Василій Ивановичъ Ивану Васильевичу, избираются у насъ большею частію дворянствомъ. «То-то и грустно, продолжалъ Иванъ Васильевичъ. То, что въ другихъ краяхъ предметъ домогательства народнаго, у насъ представляется самимъ собой. Мы не должны, мы не можемъ смѣть жаловаться на правительство, которое предоставило намъ самимъ выборъ своихъ уполномоченныхъ для внутренняго распоряженія нашихъ дѣлъ. Грѣха таить

нечего. *Во всемъ виноваты мы, мы, дворяне, мы, помѣщики,* которые шутимъ и смѣемся надъ тѣмъ, что должно бы было быть предметомъ глубокихъ размышленій. Въ каждой губерніи есть и теперь люди образованные, которые, при содѣйствіи законовъ, могли бы дать благодѣтельное направленіе цѣлой области; но всѣ они почти бѣгаютъ отъ выборовъ, какъ отъ чумы, предоставляя ихъ кознямъ и расчетамъ мелкихъ сплетниковъ и губернскихъ крикуновъ. Большіе же владѣтели, гуляя на Невскомъ проспектѣ, или загулявшись за границей, почти никогда не заглядываютъ въ свои помѣстья. Выборы для нихъ каррикатура. Исправникъ, засѣдатель—каррикатуры, прекрасно выставленныя въ *Ревизорѣ*. И они тѣшатся надъ ихъ лысинами, надъ ихъ брюхами, не думая, что они ввѣряютъ имъ не только свое настоящее благоденствіе и благоденствіе своихъ крестьянъ, но—что̀ страшно вымолвить—и будущую свою судьбу. Да, если бъ мы не приняли этого жалкаго направленія; если бъ мы не были такъ непростительно легкомысленны, какъ *хорошо было бы призваніе русскаго дворянства,* которому предназначено было итти впереди и указывать цѣлому народу на путь истиннаго просвѣщенія. Повторяю: виноваты мы сами, мы, помѣщики, мы, дворяне. Русскіе бояре могли бы много принести пользы отечеству, а что они сдѣлали?—— *Попромотались на праздники, на театры, на любовницъ, на всякую дрянь.* Всѣ старинныя имена наши исчезаютъ. Гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ прахъ, потому что не на что ихъ возстановить—и русское дворянство, зажиточное, радушное, хлѣбосольное, отдало родовыя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подѣлали фабрики. Гдѣ же наша аристократія? Василій Ивановичъ, что думаете вы о нашихъ аристократахъ?»

Приготовясь почерпнуть изъ поѣздки что-нибудь касательно *русскаго народа* и *его преданій*, касательно *русскаго мужика и русскаго боярина*, съ которыми путешественникъ, какъ мы видѣли и какъ онъ самъ подтверждаетъ, не могъ еще нигдѣ обстоятельно ознакомиться, Иванъ Васильевичъ, достойный представи-

тель, по сатирическому выраженію автора, юной Руси, поворачиваетъ въ противную сторону и осыпаетъ Василія Ивановича такими замѣчаніями и поученіями о каждомъ изъ этихъ предметовъ, что самъ становится его наставникомъ и судіею Россіи. Онъ торжественно объявляетъ, что ненавидитъ *чиновниковъ* (ихъ въ моду пустилъ Гоголь, а за нимъ бросились и всѣ новѣйшіе русскіе нравоописатели). Объясненіе Ивана Васильевича, чтó онъ разумѣетъ подъ этимъ названіемъ, очень оригинально. Въ заключеніи выходитъ, что каждое негодное лицо, изъ какого бы сословія оно ни было, есть чиновникъ. Дурныхъ людей позволительно презирать—и преслѣдованіе ихъ сатирою совсѣмъ не новость. Во всей Европѣ противъ негодяевъ вооружены всѣ благомыслящіе люди. Конечно, тамъ еще не подвели ихъ подъ общее названіе чиновниковъ. Да кажется, и Иванъ Васильевичъ былъ бы болѣе справедливъ, если бы объявилъ, что, любя Россію, онъ ненавидитъ въ ней однихъ безнравственныхъ, необразованныхъ, низкихъ людей. Я не вхожу въ изслѣдованіе, соблюдена ли путешественникомъ строгая справедливость въ подробностяхъ при сатирическихъ описаніяхъ, какъ мужики, слуги, мѣщане, купцы, подьячіе, дворяне, помѣщики превращаются изъ первообраза своего въ чиновниковъ. Прямо русскому человѣку не трудно самому замѣтить промахи, которые простительны Ивану Васильевичу какъ новичку въ отечествѣ. Притомъ же авторъ, какъ сейчасъ будетъ видно, и тѣ мнѣнія Ивана Васильевича, которыя походятъ на правду, обращаетъ въ осмѣяніе суда его и приговора. Путешественникъ сперва сказалъ: *я душевно люблю русскаго боярина и русскаго мужика.* А послѣ, представивши во всей наготѣ картину злоупотребленій, происковъ и другихъ поступковъ, унижающихъ общественнаго человѣка, прибавляетъ: *во всемъ виноваты мы, мы, дворяне, мы, помѣщики*—и, повторивъ тѣми же словами укоризну на любимца своего, русскаго боярина, дополняетъ характеристику его такъ: *промотались на праздники, на театры, на любовницъ, на всякую дрянь.* Отъ такой ласки не повеселѣешь. Логически же разбирая эту главу, надобно вывести, что Иванъ

Васильевичъ — или всѣ наши сословія безъ исключенія вводитъ въ разрядъ чиновниковъ, и слѣдственно не отъ души сказалъ, что любитъ однихъ бояръ и однихъ мужиковъ; или онъ, по пристрастію, боярамъ и мужикамъ прощаетъ то, чего не хочетъ простить прочимъ сословіямъ; или, наконецъ, онъ еще и самъ не утвердился, на что излить свою любовь въ отечествѣ.

VII.

Въ описаніи станціи—предмета, уже исчерпаннаго нашими молодыми авторами, особенно послѣ повѣсти Пушкина: *Станціонный Смотритель*, этого геніально-трогательнаго созданія—забавнѣе всего анекдотъ, какъ одинъ генералъ проучилъ негодяевъ-мужиковъ, которые, обрадовавшись, что не было почтовыхъ лошадей, хотѣли за вольныхъ въ тридорога взять съ проѣзжавшаго. Черта эта, внесенная въ описаніе простого народа станціоннымъ смотрителемъ, должна непріятно подѣйствовать на Ивана Васильевича, который за нѣсколько минутъ увѣрялъ Василія Ивановича, что наши мужики отличаются *инстинктивнымъ понятіемъ о своихъ обязанностяхъ*, *готовностію помочь ближнему*, *веселостію*, *радушіемъ*, *смиреніемъ и силою* (стран. 30). Еще болѣе разочаровала бы путешественника одна картина изъ крестьянскаго быта, вставленная авторомъ въ общее изображеніе станціи, если бы не принадлежала она видимо къ числу заграничныхъ разсказовъ, къ счастію не основывающихся на событіяхъ въ Россіи. «У самаго подъѣзда (говорится на 30 стр.) толпились, прибѣжавъ съ разныхъ сторонъ, безобразные нищіе, безногіе, нѣмые, слѣпые, съ высохшими руками, съ отвратительными ранами, въ лохмотьяхъ, съ всклокоченными бородами. Тутъ были и пьяныя старухи, и блѣдныя женщины, и дѣти въ однѣхъ рубашенкахъ, вынувшія руки изъ рукавовъ и скрестившія ихъ на груди отъ холода. Грустно было слышать ихъ притворный, выученный голосъ среди мычанья, моленья и взаимной брани урод-

живой толпы, которая, толкая другъ друга, съ жадностію бросилась къ тарантасу, выказывая раны и протягивая руки». Какъ на зло Ивану Васильевичу, опять слѣдуетъ встрѣча съ мужиками, которые, принимая разные виды, стараются истребить въ его сердцѣ всю нѣжную любовь, какую до сихъ поръ питалъ онъ къ нимъ наравнѣ какъ и къ боярамъ. Дѣйствіе происходитъ въ гостиницѣ. Но я не буду повторять за путешественникомъ, какъ все его тревожило и мучило у этихъ *умныхъ и честныхъ хозяевъ.* Гораздо занимательнѣе познакомить читателей съ идеальною гостиницею, какую строитъ въ воображеніи Иванъ Васильевичъ. Вотъ гдѣ сливается чистый патріотизмъ съ образованностью Европы. «Я увѣренъ (говоритъ онъ на стран. 56), что гостиница моя была бы хороша, потому что я старался бы *соединить съ первобытнымъ характеромъ русскаго жилья всѣ потребности уюта и мелочной опрятности*, безъ которыхъ просвѣщенный человѣкъ теперь жить не можетъ. Во-первыхъ всѣ эти испитые, ободранные, пьяные половые, жалкое отродіе дворовыхъ, будутъ изгнаны безъ милосердія, и замѣнятся услужливыми парнями на хорошемъ жалованьѣ и подъ строгимъ надзоромъ. Внутри комнатъ стѣны будутъ у меня дубовыя, лакированныя, съ рѣзными украшеніями. На полу будутъ персидскіе ковры, а кругомъ стѣнъ мягкіе диваны. Да, очень не худо, знаете, вотъ этакъ противъ кровати устроить большой восточный диванъ. Я очень люблю мягкіе диваны. Вообще я думаю, что устройство комнатъ нашихъ предковъ имѣло много сходства съ устройствомъ комнатъ на Востокѣ». Не мудрено замѣнить половыхъ услужливыми парнями, тѣмъ болѣе что это одно и то же; да вѣрны ли доходы хозяина для хорошаго ихъ жалованья? и какъ предохранить ихъ отъ пороковъ посреди ежеминутнаго прилива людей всѣхъ состояній, всѣхъ характеровъ и съ различными требованіями? Дубъ, лакъ и рѣзьба очень хороши сами по себѣ; только не замѣнятъ они ни опрятности, ни честности, ни смышлености содержателей гостиницъ. А персидскіе ковры и мягкіе диваны, даже въ частныхъ домахъ, только снабжая ихъ съ избыткомъ пылью и молью, ни-

чего не прибавляютъ къ существеннымъ, необходимымъ удобствамъ проѣзжаго.

Авторъ видимо съ наслажденіемъ тѣшится легкокрылою мечтательностію Ивана Васильевича и передаетъ ея плоды въ урокъ другимъ путешественникамъ, которыхъ готовитъ намъ услужливая Европа. Такъ заставляетъ онъ его (на стран. 128) двумя словами рѣшить: что всего замѣчательнѣе за границей и у насъ въ Россіи? Тамъ—*прошедшее*, а здѣсь—*будущее*. Эти фразы, модныя, но произвольныя и противорѣчащія здравому смыслу, часто попадаются въ книгахъ и слышатся въ разговорахъ. Прошедшее относится къ будущему какъ исторія къ роману, какъ дѣйствительность къ сновидѣнію. Важность, польза, цѣнность, достоинство прошедшаго умному и мыслящему человѣку открыты и несомнѣнны столько же въ событіяхъ заграничныхъ государствъ, сколько и въ событіяхъ Россіи. Надобно только умѣть проникнуться ими не по образцу Ивановъ Васильевичей. Будущее есть тайна. Увѣрять, что оно открыто намъ, значитъ и себя и другихъ обманывать. Если вѣра въ лучшее *будущее* зарождается отъ созерцанія *настоящаго*; то еще разъ открывается, что здѣсь авторъ только смѣется надъ умничаньемъ Ивана Васильевича, который самъ недавно произнесъ о чужихъ краяхъ и Россіи слѣдующія слова: «Долго желалъ я погулять на Западѣ, подышать воздухомъ Юга, поглядѣть на мудрыхъ людей нашего вѣка, взглянуть поближе на европейское просвѣщеніе, на современную славу, на все, чѣмъ шумятъ и хвастаютъ люди. И вотъ пошатался я по Европѣ, видѣлъ много трактировъ, и пароходовъ, и желѣзныхъ дорогъ, осмотрѣлъ многія скучныя коллекціи, и нигдѣ не находилъ тѣхъ живыхъ впечатлѣній, которыхъ надѣялся. Въ Германіи удивила меня глупость ученыхъ; въ Италіи страдалъ я отъ холода; во Франціи опротивѣла мнѣ безнравственность и нечистота. Вездѣ нашелъ я подлую алчность къ деньгамъ, грубое самодовольствіе, всѣ признаки испорченности и смѣшныя притязанія на совершенство (стран. 88). Европу губитъ духъ самонадѣянности, алчности и гордости; духъ сомнѣнія и невѣрія, съ которыми движе-

ніе впередъ дѣлается невозможнымъ; духъ раздора и безпокойства, который все уничтожаетъ. Остережемся надменности германской, англійскаго эгоизма, французскаго разврата и итальянской лѣни (стран. 127). И поневолѣ полюбилъ я тогда Россію и рѣшился посвятить остатокъ дней на познаніе своей родины. И похвально бы, кажется, и нетрудно. Только теперь вотъ вопросъ: какъ ее узнаешь? Хватился я сперва за древности—древностей нѣтъ. Думалъ изучать губернскія общества—губернскихъ обществъ нѣтъ. Всѣ они, какъ говорятъ, форменныя. Столичная жизнь—жизнь нерусская и переняввшая у Европы и мелочное образованіе, и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ-быть въ простомъ народѣ, въ простомъ вседневномъ быту русской жизни? Но вотъ я ѣду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь—и, хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая; землй, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть; дорога скверная; по дорогѣ идутъ обозы; мужики ругаются. Вотъ и все... а тамъ: то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнѣ ползаютъ, то щи сальными свѣчами пахнутъ. Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобною дрянью? И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдохнуть не даетъ. Нѣтъ ничего новагó, неожиданнаго. Все то же да то же... и завтра будетъ какъ ныньче. Здѣсь станція; тамъ опять та же станція; а тамъ еще та же станція; здѣсь староста, который проситъ на водку; а тамъ опять до безконечности все старосты, которые просятъ на водку... что же я стану писать? Теперь я понимаю Василія Ивановича. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, когда увѣрялъ, что мы не путешествуемъ, и что въ Россіи путешествовать невозможно. Мы просто ѣдемъ въ Мордасы. Пропали мои впечатлѣнія (стран. 88)». Такъ *настоящее* отвратительно за границей и у насъ. Слѣдственно и *будущее* одинаково для насъ и для нихъ.

VIII.

Какихъ началъ преимущественно держится нашъ путешественникъ въ сужденіяхъ своихъ о Россіи и заграничныхъ государствахъ: предпочитаетъ ли онъ *въ душѣ* свое хорошее хорошему чужому, или безпристрастно вездѣ беретъ сторону только истины, оставаясь впрочемъ наружно — по особенной цѣли автора, какъ мишень сатиры—всегда судьею поверхностнымъ, ограниченнымъ и перемѣнчивымъ? Составивши самый полный сводъ его приговоровъ разнымъ предметамъ у насъ и за границею, въ отвѣтъ придется сказать, что Иванъ Васильевичъ непостижимъ: языкъ и умъ его точно огонь, который то освѣщаетъ и скрашиваетъ предметы, то обхватываетъ ихъ и истребляеть; а глубина души его—неоткровенная бездна, куда глазъ не можетъ проникнуть, а проникнувъ ничего не увидитъ. Сейчасъ навелъ онъ на читателей невольную унылость мрачными красками, покрывши ими и чужестранцевъ и русскихъ. Но я мгновенно опять развеселю ихъ словами же Ивана Васильевича. «Взгляните на народъ, населяющій эту землю (Россію), народъ правдивый, веселый, умный, духа непоколебимаго и силы исполинской—и вамъ станетъ легко на душѣ, и вы порадуетесь судьбѣ великой земли. Но лучшій залогъ, лучшій признакъ настоящаго и будущаго величія Россіи, это могучіе ея смиреніе. У насъ нѣтъ, какъ за границей, ни пустыхъ возгласовъ, ни вздорнаго шума изъ пустяковъ, потому-что мы другъ передъ другомъ не должны надуваться, чтобы придать себѣ важности. Въ насъ спокойствіе и сознаніе силы, отъ того мы не только иногда кажемся равнодушными къ родинѣ, но какъ будто *совѣстимся передъ Европой и хотимъ извиниться въ своихъ преимуществахъ*». Объясняя Василію Ивановичу, какимъ образомъ иностранныя державы со-временемъ помогутъ намъ сдѣлаться похожими на порядочныхъ гражданъ, онъ говоритъ: «Германія передастъ намъ свою семейственность. Францція свою пытливость въ наукахъ. Англія свои торговыя познанія и чувство государственныхъ обязанностей. Италія даже перенесетъ на мо-

розную нашу почву свои божественныя искуства. Мы должны *перенять изъ-за границы* чувство гражданственности, гражданской обязанности, котораго у насъ нѣтъ. Мы привыкли сваливать все на Правительство, забывая, что ему нужны орудія. Мы служимъ не по убѣжденію, не по долгу, а для выгодъ тщеславія—и хоть мы любимъ свою родину, но любимъ ее какъ-то молодо, неразсудительно-горячо. Общее благо у насъ пустое имя, котораго мы даже не понимаемъ. Съ чувствомъ гражданственности получимъ мы стремленіе къ вещественному и умственному усовершенствованію, поймемъ мы всю святость прочнаго воспитанія, всю высокую пользу наукъ и художествъ, все, что улучшаетъ и облагороживаетъ человѣка (стран. 127)». Двѣ предыдущія картины чуднаго совершенства, повсюду усматриваемаго Иваномъ Васильевичемъ въ *нынѣшней* Россіи и въ *нынѣшней* Европѣ, опять заставляютъ насъ ему донести, что по-этому *будущее* ихъ все-таки одинаково же.

Все это подтверждаетъ, какъ мудрено изучить Ивана Васильевича. Можно только замѣтить, что всѣхъ формъ приговоровъ его четыре: 1) иногда онъ хвалитъ вмѣстѣ и Россію и Европу; 2) иногда онъ Россію хвалитъ, а Европу бранитъ; 3) иногда онъ бранитъ Россію, а хвалитъ Европу; 4) иногда онъ бранитъ и Россію и Европу вмѣстѣ. Если бы, при изданіи *Тарантаса*, каждая изъ этихъ формъ отличена была особенными литерами; то трудъ читателей въ пріисканіи, смотря по надобности, желаемыхъ мѣстъ облегчился бы значительно. Книги легкія, по содержанію разнообразныя и шутливыя, приправленныя сатирою какъ *Тарантасъ*, обыкновенно становятся въ публикѣ чтеніемъ всеобщимъ. Поэтому нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы здѣсь кому-нибудь понадобилось доискиваться основныхъ началъ, повѣрять ихъ истину и незыблемость, входить въ направленіе и слѣдовать за нимъ. Но пріятно острую фразу повторить кстати и, такъ сказать, блеснуть современнымъ знаніемъ, На подобные случаи были бы подаркомъ очевидные оттѣнки рѣчей новаго героя.

IX.

Графъ В. А. Соллогубъ ввелъ въ сочиненіе свое нѣсколько эпизодическихъ лицъ. По общему плану книги и они должны согласоваться съ главными лицами. Въ ихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ надобно искать развѣтвленія того сатирическаго основанія, на которомъ утверждено все ученіе автора. Это единство и сохранено въ большей части явленій. Но есть лицо, странно отдѣлившееся отъ родового сходства. Оно, удерживая при себѣ только языкъ и тонъ общей сатиры, раскрываетъ въ сущности рѣчей своихъ такія истины, надъ которыми читателямъ шутить становится неохотно. Это лицо въ своихъ бѣглыхъ очеркахъ набрасываетъ столько натуры, вѣрности и ужасающей выразительности, что не понимаешь, для чего оно шутитъ — для того ли, чтобы насъ колоть, или смѣшить *до слезъ.* Это лицо Федя. Разсказъ его занимаетъ VII главу, подъ названіемъ *простой и глупой исторіи.* Тутъ содержится нѣсколько сценъ изъ жизни молодого человѣка и его супруги — лицъ высшаго общества. Дѣйствіе происходитъ сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ. Вотъ какъ женился Федя (стран. 76):

«Въ Петербургѣ прекрасныя дѣвушки. Взглянуть на нихъ — заглядѣнье. Волосы ихъ такъ гладко причесаны; таліи у нихъ такія пышныя; а танцуютъ онѣ такъ мило и такъ много, что нельзя въ нихъ не влюбиться. Я и влюбился. Вальсомъ началась моя любовь: мазуркой рѣшилась моя свадьба. Невѣста моя была дочь богатаго человѣка, который давалъ удивительные обѣды и каждый вечеръ игралъ въ вистъ, въ такъ называемую большую партію. Я готовился быть счастливымъ. Но въ Петербургѣ, братецъ, свадьба—половина банкрутства. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, я думаю, обыкновенія, приступая къ счастію, заблаговременно его испортить, и, готовясь къ покою, заранѣе уничтожить возможность быть спокойнымъ. Въ Петербургѣ же — такой обычай, такой законъ. Какъ бы ни былъ глупъ общій примѣръ, надо слѣдовать общему примѣру. У насъ для всего созданы условныя

правила, необходимыя, какъ визиты и шляпочные поклоны. Такимъ образомъ и женихъ обязывается къ самому смѣшному мотовству, какое бы ни было его состояніе — и тутъ-то пожива славянскому размаху. Во-первыхъ, жениху предстоятъ непремѣнные подарки: портретъ, писанный Соколовымъ, браслетъ пышный, браслетъ чувствительный, турецкая шаль, брильянтовыя украшенія и несмѣтное число всякой блестящей дряни изъ Англійскаго магазина. Потомъ женихъ обязанъ отдѣлать заново чужой домъ, обставить комнаты растеніями, взятыми напрокатъ, завести щегольскіе экипажи съ красивыми лошадьми и сверкающими сбруями. Онъ одѣваетъ двухъ огромныхъ лакеевъ въ ливреи съ гербовыми позументами, заготовляетъ сервизы, бронзы, фарфоры, готовится давать обѣды — и, только женившись, замѣчаетъ, что именно-то обѣдать и нечѣмъ. Отецъ невѣсты, съ своей стороны, отдѣлываетъ на славу спальню, какъ бы давая примѣръ жениху въ сумасбродствѣ, какъ бы заботясь гораздо болѣе о пышномъ убранствѣ нанятыхъ стѣнъ, чѣмъ о счастіи и спокойствіи своей дочери. Сверхъ того онъ наполняетъ множество шкаповъ и сундуковъ разнымъ тряпьемъ и хламомъ, которое, подъ названіемъ приданаго, уноситъ цѣлый капиталъ, и наконецъ, на другой день послѣ свадьбы, даритъ новобрачнаго своимъ полнымъ довѣріемъ. Онъ признается съ полной откровенностію, что петербургская жизнь дорогá до чрезвычайности; что поваръ его разоряетъ; что въ вистъ играетъ онъ несчастливо, и въ заключеніе объявляетъ, что надо ожидать его смерти для полученія обѣщанныхъ доходовъ. Не много сконфуженный такимъ страннымъ ожиданіемъ и такой пріятной новостью, зять съ своей стороны сознается въ плачевномъ положеніи своихъ дѣлъ, и потомъ, черезъ нѣсколько дней, онъ ссорится навѣкъ съ новымъ своимъ семействомъ.

«Такъ и со мной было. Я хотѣлъ уѣхать въ деревню. Жена не захотѣла. Она не такъ была воспитана. Она привыкла и по Невскому гулять, и на балы, и въ театръ ѣздить. Нечего было дѣлать. Тутъ, братецъ, началась для меня настоящая каторга.

Въ жизни сверхъ состоянія бываютъ ужасныя минуты. Иногда жена, разряженная, любезничаетъ въ ложѣ съ франтами, а дома дровъ нѣтъ. Иногда гости назвались къ обѣду, а поваръ не ставитъ болѣе въ домъ провизіи, и грубитъ тебѣ еще вдобавокъ, и ты не смѣешь его выгнать, потому что ты ему кругомъ задолжалъ. Страшно сказать, братецъ, а въ настоящемъ модномъ петербургскомъ образѣ жизни не только нельзя сохранить свое достоинство, но едва ли можно остаться, въ строгомъ смыслѣ слова, честнымъ человѣкомъ. Прежде всего, и во что бы ни стало, нужны деньги, а деньги употребляются на вздоръ. Вечеромъ ты танцуешь, а утромъ у тебя толпятся такъ называемые гости кабинетные, лихоимцы, афферисты, заимодавцы. Ты закладываешь, продаешь, занимаешь, даешь векселя и расписки; ты отдаешь и брильянты, и серебро, и турецкую шаль, и лошадей своихъ; ты проклинаешь жизнь; ты близокъ къ отчаянію. Есть минуты, гдѣ ты готовъ застрѣлиться. И со всѣмъ тѣмъ, ты затянутъ, раздушенъ, завитъ; ты кланяешься и шаркаешь, и отдаешь визиты, и къ тому же можешь быть увѣренъ, что никто рѣшительно тебя не любитъ и всѣ надъ тобой смѣются».

Вся такъ названная *простая и глупая исторія* ведена съ подобною истиною и возрастающею занимательностію. Въ ней Москва еще любопытнѣе Петербурга. Здѣсь еще все представлено подъ лакомъ свѣтскихъ приличій; а тамъ уже дѣло пошло, какъ оно бываетъ между короткими пріятелями, въ своемъ кругу, безъ чужихъ свидѣтелей. Если бы весь *Тарантасъ* обдуманъ былъ такъ, какъ событія Феди, то книга графа В. А. Соллогуба самою шутливостію своею пробудила бы въ насъ много серьёзныхъ размышленій.

X.

Въ послѣдней главѣ *Тарантаса* описано сновидѣніе Ивана Васильевича. Ему приснилось, будто — «Огромный медвѣдь сидѣлъ скорчившись на камнѣ и игралъ плясовую на балалайкѣ. Вокругъ него уродливыя рожи выплясывали вприсядку со сви-

стомъ и хохотомъ какого-то отвратительнаго трепака. Гадко и страшно было глядѣть на нихъ. Что за лики, что за образы! Кочерги въ вицмундирахъ, летучія мыши въ очкахъ, разряженные въ пухъ франты съ визитной карточкой вмѣсто лица подъ шляпой, надѣтой на бекрень, маленькія дѣти съ огромными изсохшими черепахами на младенческихъ плечикахъ, женщины съ усами и въ ботфортахъ, пьяныя піявки въ длинныхъ сюртукахъ, напудренныя обезьяны во французскихъ кафтанахъ, бумажные змѣи съ шитыми воротниками и тоненькими шпагами, ослы съ бородами, метлы въ переплетахъ, азбуки на костыляхъ, избы на куриныхъ ножкахъ, собаки съ крыльями, поросята, лягушки, крысы... все это прыгало, вертѣлось, скакало, визжало, свистало, смѣялось, ревѣло» — словомъ: по этой части сновидѣнія надобно предположить, что Иванъ Васильевичъ наканунѣ прочиталъ всю V главу *Евгенія Онѣгина,* и тѣмъ взволновалъ свое воображеніе.

Другая половина сновидѣнія его, очень длинная, не только не страшна, но и заманчива... Читатели, какимъ-то волшебствомъ въ Россіи, встрѣчаютъ около себя картины Западной Европы, не той, которую прежде частенько побранивалъ Иванъ Васильевича, которую онъ хвалилъ. Этотъ переходъ начинается съ метаморфоза тройки. Уже не клячи, а «ретивая тройка (точно у Гоголя въ *мертвыхъ душахъ*) впряглась въ тарантасъ. Ямщикъ весело прикрикнулъ — и Иванъ Васильевичъ поскакалъ съ такой неимовѣрной быстротой, какъ ему никогда не случалось, даже когда онъ разъѣзжалъ встарину съ курьерской подорожной по казенной надобности. Тарантасъ мчался все впередъ безъ остановки по гладкой какъ зеркало дорогѣ. Онъ не былъ такимъ неуклюжимъ и растрепаннымъ, какъ знавалъ его Иванъ Васильевичъ, а приглаженнымъ, лакированнымъ, стройнымъ — словомъ: совершеннымъ молодцомъ. Коробочки и веревочки исчезли. Рогожъ и кульковъ какъ бы не бывало. Мѣсто ихъ занимали небольшіе сундуки, обтянутые кожей и плотно привинченные къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ. — — По обѣимъ сторонамъ дороги возвышались красивыя строенія съ желѣзными крышами, съ кир-

пичными стѣнами, съ пестрыми изразцовыми наличниками у оконъ, съ точеными перилами и украшеніями. На широкихъ дубовыхъ воротахъ прибиты были вывѣски, означающія, что въ *длинные зимніе дни* (NB: значитъ, и эклиптика перемѣнила направленіе свое) хозяинъ дома не занимался пьянствомъ, не валялся праздный на лежанкѣ а приносилъ пользу братьямъ выгоднымъ ремесломъ. — — Для дряхлыхъ безпріютныхъ стариковъ были устроены у церкви богадѣльни, и тутъ же пріюты для призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей во время занятій отцовъ и матерей полевыми работами. Къ пріютамъ примыкали больницы и школы... школы для всѣхъ дѣтей безъ исключенія. У дверей, обсаженныхъ деревьями, рѣзвились пестрыя толпы ребятишекъ — и въ непринужденномъ ихъ веселіи видно было, что часы труда не промчались даромъ, что они постоянно и терпѣливо готовились къ полезной жизни, къ честному имени, къ похвальному труду... и сельскій пастырь, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. — — Въ городахъ улицы не стояли печальными пустынями, а кипѣли движеніемъ и народомъ. Небыло нигдѣ заборовъ вмѣсто домовъ, домовъ съ плачевной наружностью, разбитыми стеклами и оборванной челядью у воротъ. Не было развалинъ, растрескавшихся стѣнъ, грязныхъ лавочекъ. Напротивъ того, домá, дружно тѣснясь одинъ къ другому, весело сіяли чистотой... окна блестѣли какъ зеркала, и тщательно отдѣланныя украшенія придавали красивымъ фасадамъ какую-то славянскую, народную, оригинальную наружность. И по этой наружности не трудно было заключить, въ какомъ порядкѣ, въ какомъ духѣ текла жизнь горожанъ — безчисленное множество вывѣсокъ означало со всѣхъ сторонъ торговую дѣятельность края... Огромныя гостиницы манили путешественниковъ въ свои чистые покои, а надъ золотыми куполами звучные колокола гудѣли благословеніемъ надъ братской семьей православныхъ. И вотъ блеснулъ передъ Иваномъ Васильевичемъ цѣлый соборъ сверкающихъ куполовъ, цѣлый край дворцовъ и строеній. Москва! Москва! закричалъ Иванъ Васильевичъ... и въ эту минуту тарантасъ исчезъ, какъ бы про-

валился сквозь землю, и Иванъ Васильевичъ очутился на Тверскомъ бульварѣ. — — По сторонамъ его красовались дворцы такой легкой, такой прекрасной архитектуры, что ужъ при одномъ взглядѣ на нихъ душа наполнялась благородной любовью къ изящному, отраднымъ чувствомъ гармоніи. Каждый домъ казался храмомъ искуства, а не чванной выставкой безтолковой роскоши. Италія! Италія! неужели мы тебя перещеголяли? воскликнулъ Иванъ Васильевичъ».

Въ эту минуту встрѣтился ему знакомый, который, въ дополненіе уже описанныхъ чудныхъ перемѣнъ, совершившихся въ Россіи, прибавилъ множество поясненій и разныхъ извѣстій. Графъ В. А. Соллогубъ, къ сожалѣнію, не досказалъ, каково стало на сердцѣ у Ивана Васильевича, когда онъ, съ восторгомъ слушая знакомаго, вдругъ узналъ отъ него, что впрочемъ по избамъ еще все читаютъ только *Сѣверную Пчелу* да *Отечественныя Записки* (стран. 281). Не пришелъ ли ему тогда на мысль старинный стихъ:

«И Стерна новаго какъ диво величаютъ?»

XI.

Итакъ сатира кончилась идеаломъ. Въ первой, какъ мы видѣли есть неопредѣленность, разъединеніе, а часто и противорѣчіе цѣли. Это оправдывается двойственностію содержанія! надобно было схватить все смѣшанное и въ самихъ Иванахъ Васильевичахъ, и въ тѣхъ предметахъ, о которыхъ обыкновенно они разсуждаютъ. Идеалъ лишенъ главнаго своего достоинства — красоты, раждающей сочувствіе въ зрителѣ. Подобная красота безъ лоску и чопорности, безъ фразъ и ужимокъ, безъ обстановки и эффектности. Она созидается по законамъ, царствующимъ въ прекрасной природѣ, гдѣ простота, правда, легкость и оживленіе. Я назвалъ нѣсколько сатирическихъ сочиненій, извѣстныхъ въ русской словесности. Изъ нихъ большая часть принадлежитъ

прошедшему, т. е. періоду мрака, по мнѣнію автора новой сатиры. Но въ нихъ, сравнительно съ сатирою, сочиненною въ эпоху *настоящаго*, т. е. въ эпоху *свѣта*, больше и основательности мыслей, и вѣрности картинъ, и той поэтической энергіи, которая подчиняетъ читателей ученію сатирика. Въ *Тарантасѣ* вполнѣ удовлетворено одно требованіе — современность вопросовъ. Онъ еще много выигрываетъ сліяніемъ повѣствовательной формы своей съ драматическою. Планъ этой сатиры необыкновенно счастливъ. Ему авторъ обязанъ, что могъ сообщить пріятное разнообразіе сочиненію и включить въ него множество предметовъ, не прерывая занимательности цѣлаго и не разрушая единства. То, что всего важнѣе въ книгѣ — присутствіе таланта, чудотворная сила, приводящая предметы въ движеніе и облекающая ихъ признаками дѣйствительной жизни, влагающая въ слова одушевленіе, точность и всѣ принадлежности невымышленной рѣчи — этого нельзя не чувствовать въ новомъ сочиненіи графа В. А. Соллогуба.

Но онъ, въ отношеніи къ первымъ своимъ успѣхамъ, немного для себя выигралъ *Тарантасомъ*. Я сказалъ выше, что въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, графъ В. А. Соллогубъ не остановился на пути къ совершенствованію своего искуства. Это правда. Только онъ замѣтно пошелъ въ сторону. Даже можно сказать, что онъ уклоняется отъ той цѣли, которая назначена ему призваніемъ. Наблюдатель остроумный свѣтскихъ обществъ, не на словахъ, а въ сердцѣ чуствующій красоту нравственную и эстетическую, разсказчикъ свободный и занимательный, насмѣшникъ благовоспитанный, но колкій, онъ могъ со временемъ образовать свою школу въ нашей литературѣ. Ему надобно было обильнѣе вносить въ мастерскую души своей эти неистощимые въ обществѣ матеріалы, которые художникъ не перестаетъ ежедневно обработывать. Между тѣмъ, подобно прочимъ молодымъ русскимъ писателямъ, графъ В. А. Соллогубъ соблазнился школою Гоголя. Онъ поминутно напоминаетъ въ *Тарантасѣ* и ея пріемы, и ея обстановку, и ея краски, и ея слогъ.

Геніальный писатель вездѣ и всегда рождаетъ подражателей. Карамзинъ Жуковскій и Пушкинъ являлись въ разныхъ видахъ у своихъ современниковъ. Ни отвратить, ни измѣнить явленія школы нельзя. Можно однакоже замѣтить, что всего менѣе надобно желать распространенія школы Гоголя. Подражатели ложно понимаютъ идею его творчества. Онъ въ высшей степени художникъ. Геній его возсозидаетъ одни произведенія натуры. Онъ, въ выводимомъ лицѣ, не обобщаетъ разнородныхъ явленій изъ жизни другихъ, похожихъ на него лицъ, какъ это бываетъ обыкновенно у тѣхъ писателей, которые сочиняютъ такъ называемыя типическія лица. Хлестаковъ, Чичиковъ и весь длинный рядъ выставленныхъ Гоголемъ героевъ — не типы, но индивидуалы, такъ что каждая черта ихъ характера есть въ нѣкоторомъ смыслѣ черта біографическая, а не родовая, т. е общая многимъ лицамъ одного сословія, или одного времени, или одной націи. Индивидуальная черта видимо покажется ложью, если кто-нибудь перенесетъ ее въ другой характеръ для дополненія его. Оттого комическое, смѣшное, даже унизительное въ поступкахъ Гоголевскихъ лицъ нисколько не оскорбляетъ ни сословія ихъ, ни современности, а еще менѣе націи. Подражатели Гоголя, или неоттѣнивши въ немъ этой особенности, или не владѣя талантомъ, чтобы сохранить столь тонкія черты въ своихъ произведеніяхъ, начали смѣшивать у себя въ сочиненіяхъ то, что натурою и геніемъ раздѣлено прекрасно. Но какъ и мыслію о національной нашей славѣ изображенія Гоголя проникнуты повсемѣстно; то у подражателей его, обыкновенно грубѣе принимающихся за дѣло и по-своему начавшихъ высказывать патріотизмъ, вышло теперь что-то явно себѣ противорѣчащее. Они пестрятъ свои разсказы, повѣсти, романы и другія сочиненія возгласами во славу Россіи; а герои ихъ, а разсказы ихъ, а описанія ихъ, заключающія не художнически-частное, а типически-общее, заставляютъ смѣяться надъ тѣмъ, или сожалѣть о томъ, или даже презирать то, что́ бы сочинителямъ хотѣлось заставить полюбить.

Общее впечатлѣніе, оставляемое *Тарантасомъ* въ душѣ чита-

теля, при всей неопредѣленности сатиры, болѣе походитъ на грусть, нежели на эстетическое удовольствіе. Причина заключается въ томъ, что я старался изъяснить выше.

20 апрѣля 1845 г.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ПРОФЕССОРА НИКИТЕНКО [1]).

1845.

I.

Всѣмъ извѣстно, что знаніе правилъ литературы и ея исторіи никого не доводитъ до степени отличнаго писателя, ежели человѣку не дано природою такъ называемаго таланта. Тѣмъ не менѣе полезно доискиваться, на чемъ основываются совершенства сочиненій вообще, и какое значеніе представляютъ труды писателей въ исторіи человѣчества. Открытіе каждаго новаго основанія въ правилахъ литературы приближаетъ насъ къ уразумѣнію духовной стороны человѣка, а вѣрный взглядъ на замѣчательное сочиненіе тотчасъ становится поясненіемъ одного или нѣсколькихъ событій въ исторіи народа. Эти умственныя пріобрѣтенія могутъ быть удѣломъ всякаго, и никто не приметъ ихъ безплодно для жизни общественной и частной.

Книги, заключающія въ себѣ ученіе о литературѣ и объ ея исторіи, какъ и многія другія однородныя сочиненія, до безконечности разнообразны, чтó зависитъ естественно отъ проницательности, глубокомыслія, силы и обширности разсудка, отъ воспріемлемости и живости ощущеній, отъ общности и точности зна-

---

1) *Современникъ* 1845, т. XXXVIII, стр. 336—376.

ній, отъ способности соображенія, отъ навыка, твердости и самостоятельности въ употребленіи языка. По назначенію своему, сочиненія о литературѣ, ежели привести ихъ къ главнымъ видамъ, представляются въ двухъ общихъ отдѣлахъ: одни прямо приготовлены въ руководства, отъ чего получаютъ уже и всѣ принадлежности учебниковъ, какъ-то: выборъ предметовъ, ихъ распредѣленіе, раздѣленіе, языкъ, тонъ и во всемъ извѣстную мѣру; другія пишутся какъ бы только для легкаго, пріятнаго чтенія и явно освобождены отъ формъ педагогическихъ. Бываетъ между ними и еще видъ: книги, обнимающія науку въ ея полнотѣ и послѣдовательности, но безъ строгихъ формъ учебниковъ, и не чуждыя увлекательности въ изложеніи. Ими пользоваться могутъ всѣ соразмѣрно своимъ способностямъ.

Къ послѣднему разряду относится сочиненіе г. Никитенка: *Опытъ Исторіи Русской Литературы*, изъ котораго напечатана теперь только *Книга первая,* содержащая въ себѣ *Введеніе.* Сочинитель разсматриваетъ здѣсь: 1. идею и значеніе исторіи литературы, 2. методъ изученія исторіи литературы, 3. источники исторіи литературы, 4. идею и значеніе исторіи Русской литературы, 5. раздѣленіе исторіи Русской литературы на періоды. Первый и четвертый изъ этихъ предметовъ разсматриваются сочинителемъ подробнѣе, нежели прочіе. Оно такъ и быть должно. «Несмотря на популярность этого слова (литература)», сказано на 10 стран., «вращаемаго въ наше время и такими устами, которыя назначены вовсе не для этого употребленія, оно не сдѣлалось яснѣе». Чтобы дойти до яснаго, полнаго и вѣрнаго опредѣленія идеи и значеніи литературы, г. Никитенко вошелъ въ философско-историческое изслѣдованіе идеи *народа* вообще и *Россіи* въ частности, что и сообщило взгляду его въ томъ и другомъ мѣстѣ ощутительный перевѣсъ надъ остальными частями сочиненія. Читатели видятъ, что содержаніе книги пока чисто теоретическое. Они найдутъ здѣсь идеи, а не факты. Главное достоинство разсматриваемаго мною сочиненія заключается въ томъ, что оно представляетъ собою органическое цѣлое, въ которомъ

всѣ истины выходятъ одна изъ другой, что въ немъ говорится о каждой истинѣ съ видимымъ одушевленіемъ, и что взглядъ на всѣ предметы достоинъ ихъ важности.

II.

Приступая къ развитію идеи и значенія исторіи литературы, сочинитель прежде всего очень основательно замѣчаетъ, что вообще въ исторіи важны и поучительны не лица и событія, а убѣжденія, цѣли, страсти, внутреннія причины. «XIX вѣку принадлежитъ, говоритъ г. Никитенко, идея лучшей методы въ изслѣдованіи и изученіи дѣлъ человѣческихъ. — — Сколько времени, въ изслѣдованіи жизни народовъ, обращали вниманіе на одни внѣшнія явленія, не заботясь о томъ, чтó всему внѣшнему даетъ смыслъ, характеръ и цѣну. Для науки въ этомъ духѣ, повидимому, вовсе не существовали движеніе и направленіе идей народа, личные интересы его ума и сердца — какъ будто бы человѣкъ могъ что-нибудь значить со всѣми высокомѣрными притязаніями своими на первенство въ природѣ, со всѣмъ, чтó онъ принимаетъ и исполняетъ, если бы мысль не полагала своей царственной печати на его дѣянія». Исторія, какъ ее писали прежде, названа здѣсь въ шутку *важнымъ средствомъ для изощренія памяти школьниковъ*, также *праздничною, театральною исторіею*, «гдѣ, по выраженію сочинителя, духъ человѣческій остается за кулисами, а передъ глазами зрителей представленіе, какъ говорится, кипитъ жизнію и дѣйствіемъ, герои декламируютъ, блистая пурпуромъ и золотомъ, и творятся чудеса великолѣпныхъ декорацій. Мы, въ свою очередь (продолжаетъ сочинитель), позволимъ себѣ думать, что міръ ничего не видалъ бы безсмысленнѣе и печальнѣе исторіи человѣчества, если бы рядомъ съ созданіемъ и разрушеніемъ царствъ не были начертаны на страницахъ ея цифры Эвклида, афоризмъ Гиппократа, Сократова иронія, стихъ Гомера и много подобнаго, чего не даетъ могущество меча на земли, ни самое могущество золота» (стран 2, 3 и 4).

Направленіе такого ученія, какъ я замѣтилъ, согласно съ истиною. Только не совсѣмъ здѣсь вѣрно указаніе на различіе между историками прежними и нынѣшними. Кто выразительно и одушевленно разсказываетъ о событіяхъ, живо рисуя лица и дѣйствія; тотъ передаетъ намъ не одно внѣшнее: онъ вводитъ насъ въ созерцаніе мыслей, страстей, словомъ — прямо духовной дѣятельности человѣка или народа. Такъ великій художникъ одними очертаніями, красками, звуками вполнѣ открываетъ передъ нами все, происходящее въ глубинѣ души. И нѣтъ опредѣлительнѣе и успѣшнѣе способа выяснить значеніе и характеръ мысли, дать цѣну усилію и торжеству разума или энтузіазма, какъ только достойно изобразивъ явленіе ихъ въ дѣйствіяхъ. Не XIX вѣкъ открылъ это искуство. Оно съ древнѣйшихъ временъ принадлежало геніальнымъ людямъ. Исторія въ этомъ видѣ не наука, а художественное произведеніе. Я бы и началъ съ этого раздѣленія. Оно всему указываетъ законное мѣсто. Шлэцеръ и Карамзинъ больше всѣхъ оказали услугъ Русской исторіи — но одинъ какъ ученый, а другой какъ художникъ. Вико и Гердеръ не вооружались противъ художественной исторіи, потому что ей только и обязаны были своими философскими соображеніями, которыя изложили, какъ науку о человѣчествѣ. Ихъ труды не отнимаютъ цѣны у историческихъ сочиненій Шиллера, Вальтеръ-Скотта и Тьера. Къ дополненію многозначительной идеи, какая соединяется съ словомъ *исторія,* я прибавилъ бы здѣсь мысль о *всѣхъ* великихъ созданіяхъ, выразившихся *словомъ,* и сказалъ бы, что ими, равно какъ и собственно называемою исторіею, изображается духовная же сторона жизни человѣчества. Политическія движенія, гражданское устройство вовлекаютъ въ производство свое массы людей, которые между тѣмъ дѣйствуютъ по указаніямъ одного высшаго ума. Разсматриваніе этой многосложной картины приводитъ насъ къ уразумѣнію представителя политическихъ высшихъ идей. Конечно, еще много остается областей, въ которыхъ человѣкъ духовнымъ пареніемъ своимъ возвышаетъ насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ. Онъ не всегда потому великъ, что

средства его многосложны. Часто не только въ одиночествѣ, но и въ неизвѣстности, даже въ презрѣніи у всѣхъ, онъ озаряетъ міръ новою истиною, постигнутою долгими его соображеніями или мгновеннымъ вдохновеніямъ. Никто этого не опровергалъ ни прежде, ни нынѣ. Сюда, въ этотъ отдѣлъ исторіи человѣчества, давно уже вошли и цифры Эвклида, и афоризмъ Гиппократа и Сократова иронія, и стихъ Гомера. Убѣдительнѣйшее доказательство — что ими пользовались и древніе и новые народы. Я согласенъ съ мнѣніемъ сочинителя, что таланта и знаній не даетъ могуцество меча, ни самое могущество золота; но и въ томъ не сомнѣваюсь, что могущество меча и золота равно не даетъ ни огня страстей, ни силы воли, ни всеобъятности мысли, ни присутствія духа, ни презрѣнія смерти — внутреннихъ принадлежностей человѣка, изображаемыхъ въ исторіи, откуда они, равно какъ и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ называемые таланты и знанія, не могутъ быть исключены безъ ущерба для науки.

III.

Сочинитель, доказавши превосходство духовной дѣятельности передъ дѣятельностію внѣшней, обращается къ ближайшему предмету своему — къ слову. «Способъ самопроявленія (говоритъ онъ), наиболѣе зависящій отъ власти человѣка и наименѣе отъ власти судьбы, соприсущій ему во всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ отъ колыбели до могилы, есть *слово*. — — Мы черезъ слово дѣлаемся людьми, т. е. существами мыслящими, прежде чѣмъ общество успѣетъ изъ насъ сдѣлать новыхъ, особенныхъ людей, смотря по своимъ нуждамъ или страстямъ. Съ нимъ и навсегда каждый изъ насъ остается человѣкомъ болѣе, чѣмъ со всѣми другими формами жизни и дѣятельности» (стран. 6 и 7). Въ изъясненіи той важности, которая дѣйствительно заключается въ словѣ, г. Никитенко указалъ на разныя обстоятельства жизни и исторіи, подтверждающія мнѣніе его. Для доставленія бо́льшей вѣрности его взгляду, какъ мнѣ кажется, надобно прибавить поясне-

ніе, въ какомъ смыслѣ беретъ онъ предметъ свой, т. е. слово; потому что и общій всѣмъ людямъ даръ выражать простыя понятія, и ниспосылаемый только избраннымъ высокій талантъ первенствовать рѣчію и властвовать надъ людьми — называются вообще *словомъ.* Это особенно необходимо для ясности послѣднихъ словъ въ предыдущей выпискѣ. Человѣкъ, говорится тамъ, съ помощію слова остается болѣе человѣкомъ, нежели при другихъ формахъ жизни. Мысль почти несомнѣнная, ежели она относится къ слову во второмъ значеніи. Возраженіе рождается только съ той стороны, что слово не всегда назвать можно одною изъ формъ жизни, а чаще указаніемъ на какую-нибудь форму. Говоря точнѣе, надобно назвать формою жизни физическое или духовное дѣйствіе, а слово только послѣдуетъ за нимъ и упрочиваетъ явленіе его будущему.

Отъ *слова* слѣдуетъ въ сочиненіи переходъ къ *наукѣ* и *литературѣ,* двумъ главнымъ видамъ, которые принимаетъ слово для изображенія внутренней жизни народа. «Литература, по опредѣленію г. Никитенка, есть мысль человѣческая, *возникающая у народа вмѣстѣ съ нимъ* изъ его духа, жизни, историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, и посредствомъ слова выражающая свое народо-человѣческое развитіе подъ совокупнымъ вліяніемъ *верховныхъ и всеобщихъ идей* истиннаго и изящнаго». По основной мысли это опредѣленіе очень хорошо; но въ изложеніи его и въ частностяхъ я нахожу неточности. Нельзя сказать, что народъ и его мысль возникаютъ изъ духа того же народа; потому что существованіе народнаго духа не предшествуетъ явленію самаго народа. Духъ и (въ обширномъ значеніи) мысль — одно и то же. Итакъ литература есть духовная жизнь народа, выразившаяся его словомъ. Невозможно исчислить всего, что́ дѣйствуетъ на образованіе характера, сферы и прочихъ особенностей литературы какого-нибудь народа. Идеи истиннаго и изящнаго названы верховными и всеобщими. Онѣ равны прочимъ идеямъ, занимающимъ человѣчество. Возникновеніе, образъ, распространеніе и сила истины и изящества подчинены, какъ и все въ земномъ

странствованіи человѣка, различнымъ обстоятельствамъ. Совокупнымъ вліяніемъ своимъ не влагаютъ онѣ въ литературу исключительнаго характера: напротивъ, ихъ собственный идеалъ опредѣляется послѣ въ исторіи совокупностію произведеній литературы.

IV.

Есть мнѣніе, что всѣ памятники письменности народа можно включить въ понятіе его литературы; и другое — что справедливѣе внести въ это понятіе только изящныя произведенія слова, дѣйствующія преимущественно на эстетическую воспріемлемость души. Г. Никитенко, ограничивъ необъятность перваго представленія и отвергнувъ стѣснительное понятіе второго, съ убѣжденіемъ изложилъ свои соображенія касательно истиннаго значенія литературы. «Или литературы вовсе нѣтъ (говоритъ онъ), какъ факта опредѣленнаго и самостоятельнаго, или мы найдемъ ее только на той нравственной ступени, гдѣ человѣкъ сознаётъ свое призваніе и неотразимую потребность сосредоточить всего себя въ мысли, ею обнять всѣ разнообразныя влеченія и интересы своей природы и исторіи и ея же творческимъ художественнымъ могуществомъ, перенося себя въ слово, спасти свои человѣческія вѣрованія среди притязаній грубой матеріи и превратностей своей судьбы. — — Если народъ въ состояніи отдѣлить въ себѣ то, что принадлежитъ правамъ мысли всеобщей человѣческой — идеямъ изящнаго и истиннаго, отъ того, что не относится къ нимъ; если онъ воздѣлываетъ и развиваетъ эту мысль въ своей жизни, въ своихъ понятіяхъ, въ своей исторіи, и результаты этой дѣятельности выражаетъ наконецъ въ художественныхъ, стройныхъ формахъ слова: онъ созидаетъ, онъ имѣетъ литературу. — — Тогда какъ другими способами дѣятельности — общественнымъ устройствомъ, нравами, обычаями и проч., онъ «болѣе или менѣе уклоняется отъ всеобщаго человѣческаго порядка вещей и достигаетъ своихъ исключительныхъ, домашнихъ,

такъ сказать, цѣлей; въ литературѣ онъ выражаетъ свое сознаніе о томъ, что̀ свято, дорого и необходимо всѣмъ людямъ, какъ существамъ, надѣленнымъ однѣми и тѣми же нравственными нуждами и способами мыслить, чувствовать и выражать свои мысли и чувствованія... Итакъ не въ особенномъ родѣ предметовъ или содержаніи заключается самостоятельность литературы и отличіе ея отъ всѣхъ прочихъ произведеній письменности и изящныхъ искуствъ, но въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, которое ввѣряется для примѣненія и выраженія благороднѣйшимъ усиліямъ избраннаго народа. Это направленіе не состоитъ въ исключительномъ стремленіи ни къ истинѣ, ни къ изящному: оно есть актъ духа, претворяющій одно въ другое—истину въ изящное, и изящное въ истинное» (стран. 14, 15, 24, 25 и 26).

Приводимое мною мѣсто касается двухъ важныхъ вопросовъ въ наукѣ словесности: 1) что называть собственно-литературнымъ сочиненіемъ, и 2) законно ли стремится частная литература, т. е. принадлежащая одному какому-нибудь народу, выразить собою что-то особое, отдѣльное отъ литературъ прочихъ народовъ. Г. Никитенко, въ отвѣтѣ своемъ на первое, опредѣляетъ сначала, что *сочиненіе тогда только становится чисто литературнымъ, когда авторъ выражаетъ въ немъ человѣческое свое призваніе и неотразимую потребность сосредоточить всего себя въ мысли*, и проч. (см. выше). Послѣ онъ заключаетъ, что *отличіе литературныхъ сочиненій выражается только направленіемъ духа, а не выборомъ предметовъ или содержанія.* По отвѣту сочинителя можно судить, какою тонкою, едва уловимою чертою разграничиваются собственно-ученыя сочиненія и чисто-литературныя. Но когда г. Никитенко наконецъ произноситъ, что *въ литературныхъ произведеніяхъ духъ претворяетъ истину въ изящное, а изящное въ истинное*; тогда становится несомнѣннымъ, что и поэтъ, и историкъ, и естествоиспытатель, и правовѣдъ, и всѣ избранные, отличенные наукою или искуствомъ, когда они живымъ, несокрушимымъ словомъ воплощаютъ для насъ сказанія духа своего, всѣ они—равно литераторы. Существенное

состоитъ въ ясной самобытности созданія. Предметъ и форма ничего не значатъ. Но какъ явленія народнаго духа, подобно внѣшнему существованію народа, образуются и совершаются въ извѣстной постепенности, и ихъ исторія есть какъ бы лѣсница, которой однакоже каждая ступень равно важна, равно необходима для составленія цѣлаго; то дѣйствительная цѣнность литературныхъ сочиненій должна быть опредѣляема не безусловно по общимъ законамъ эстетики, а по отношенію къ тому, что̀ они вносятъ въ исторію народнаго духа. Второй вопросъ прямѣе и яснѣе рѣшенъ въ разсматриваемой книгѣ. Сочинитель предоставляетъ народу отдѣляться отъ другихъ *общественнымъ устройствомъ, нравами и обычаями*, а въ литературу предлагаетъ вносить, что̀ *свято, дорого* и *необходимо всѣмъ людямъ.* Ежели бы въ обществѣ нравы и обычаи, а потомъ и учрежденія не связаны были съ его духомъ; то легко было бы исполнить предлагаемое. Между тѣмъ извѣстно, что духъ властвуетъ равно повсюду — и въ литературѣ и въ жизни, какъ частной, такъ и гражданственной. Итакъ едва ли можно наклонить литературу въ одну сторону, а гражданственность въ другую. По моему мнѣнію, оба эти предмета сами настолько сойдутся съ обще-человѣческимъ направленіемъ и столько выработаютъ въ себѣ частно-народнаго, сколько къ тому и другому найдутъ средствъ въ разнородныхъ обстоятельствахъ, дѣйствующихъ повсюду на литературу, которая такимъ образомъ и явится, какъ я уже опредѣлилъ ее, жизнію, высказавшеюся словомъ.

V.

Теперь въ сочиненіи идетъ опять занимательный вопросъ: *чѣмъ литература отличается отъ науки?* «Въ наукѣ и литературѣ (говоритъ г. Никитенко на 27 стран.) мысль, облекаясь въ слово, является въ своей первостихійной чистотѣ, со всею свободою, свойственною ея характеру, и охраняемою способомъ самаго ея проявленія—вотъ почему наука и литература

такъ дружны между собою. Истина есть одинаково верховная задача для науки и для литературы, потому что мысль только въ истинѣ находитъ удовлетвореніе своего бытія, слѣдовательно и цѣль его. Но наука ищетъ истины, добываетъ ее; это служебное орудіе мысли, посредствомъ коего выполняются только требованія ея личныхъ интересовъ. Литература стремится къ истинѣ, какъ къ величайшему благу жизни». Допустивши, что въ наукѣ и литературѣ *слово* составляетъ равное облаченіе мысли, а истина равное удовлетвореніе ея существованія, одну верховную задачу ея и цѣль, едва ли можно ихъ разъединить оттѣнками такихъ выраженій, какъ напр. *одна ищетъ*, *другая стремится*; потому что какъ скоро ищутъ, то ужъ стремятся, и наоборотъ—стремясь ищутъ. Я даже не нахожу ни выгоды, ни обязанности ученія разграничивать то, что природою и сущностію своею соединено такъ нераздѣльно. Конечно, великая разница между сочиненіями Нютона и Шекспира. Впрочемъ она потому только чувствительна, что не всѣ изучаютъ отвлеченности математики. Между тѣмъ едва ли болѣе найдется и такихъ людей, для которыхъ *дѣйствительная высокость* драмъ Шекспира постижимѣе биноміи Нютона. Но въ отношеніи къ полету и силѣ духа, въ отношеніи къ исторіи мысли и даже къ пользѣ, разливаемой на человѣчество откровеніями слова, эти два человѣка, Нютонъ и Шекспиръ, не равны ли между собою? И въ какомъ сочиненіи, когда рѣчь коснется вообще успѣховъ мысли и слова, назвавъ одного, пропустятъ другого? Иногда встрѣчается надобность ограничиваться какимъ-нибудь отдѣломъ литературы, чтó бываетъ и въ другихъ наукахъ. Говорятъ же всѣ: литература богословская, медицинская, юридическая и проч. Тѣмъ не менѣе литература народа не перестаетъ быть въ идеѣ чѣмъ-то цѣлымъ. «Для кого было бы доступно изученіе литературы въ такомъ обширномъ, или, лучше сказать, безпредѣльномъ объемѣ»? спрашиваетъ сочинитель, опровергая мнѣніе, по которому всѣ памятники письменности вносятся въ понятіе литературы. Эта необъятность получитъ предѣлы, когда всѣ повторенія, всѣ сокращенія, всѣ подражанія, всѣ вы-

писки и многія подобныя имъ явленія письменности, какъ сухія вѣтви, отсѣчены будутъ историкомъ отъ возращаемаго имъ древа исторіи литературы. «Въ литературѣ (сказано на 28 стран.) истина измѣняетъ свою наружность; она совлекается форменной одежды понятій и принимаетъ праздничный нарядъ образовъ, то богатый и роскошный, то простой и граціозный».——Изящное неразлучно съ литературою, то какъ цѣль и содержаніе, то какъ условіе формы». Истина, совлекшись первоначальной одежды своей—для того, чтобы показаться въ новой—не останется во всемъ объемѣ сама собою. Законный, единственно ей принадлежащій ея нарядъ является съ рожденіемъ ея, а не берется для замѣны ея простого, буднишняго, такъ сказать, одѣянія. Изящное ничего не значитъ другого, кромѣ истины жизни и согласія со всѣми ея принадлежностями. Подтвержденіемъ этой мысли служатъ слова и самого сочинителя, когда онъ, говоря о причинахъ, ведущихъ литературу къ неизбѣжному упадку, такъ разительно изображаетъ тождество науки съ литературою. «Ежели мы предыдущими объясненіями старались опредѣлить съ точностію (стран. 43 и 44) границы между литературой и наукою; то совсѣмъ не имѣли намѣренія показать, чтобы первая могла успѣшно развиваться безъ послѣдней. — — Идеи, которыми литература обогащаетъ содержаніе своихъ изданій, притекаютъ къ ней съ волнами событій; но онѣ требуютъ испытанія и опоры того высшаго разума, который опыты настоящаго приводитъ въ связь съ опытами вѣковъ и близкое къ намъ уполномочиваетъ и укрѣпляетъ союзомъ съ первоначальнымъ и основнымъ. — — Если литература должна пробуждать симпатическое сочувствіе къ истинѣ; ежели то, что есть великаго въ идеѣ и разумѣ, она должна дѣлать великимъ въ жизни: то какъ же исполнитъ она эту священную миссію, возложенную на нее во имя разумнаго и живого человѣчества, не бывъ облечена во всеоружіе знанія? Ложью и выдумками не убѣждаютъ, а только обманываютъ; высокими идеями безъ ясныхъ понятій о вещахъ забавляютъ умы тощіе, больные модою и самолюбіемъ; грезами и поэтическими мечтами

прельщаются только женщины до свадьбы и служащіе юноши до первой взятки; общественныя сплетни и обрывки знанія, подбираемые на тинистомъ и мутномъ днѣ современности, годятся только для газетъ. Что жъ можетъ литература во всемъ этомъ найти достойнаго себя и общества, которому она предназначена служить не забавою, а наставникомъ, провозвѣстникомъ лучшихъ стремленій и вѣрованій, судьею его сердца и ума и наконецъ его славою».

VI.

Два метода изученія исторіи литературы разсмотрѣны сочинителемъ, прежде нежели онъ приступилъ къ изложенію того, который имъ составленъ для будущихъ трудовъ его, а именно: *фактическій* и *критико-эстетическій* методы. Хоть онъ и признаетъ явное преимущество второго передъ первымъ, но основательно указываетъ на односторонность и критико-эстетическаго. «Истина факта (говорится на 50 стран.) есть одинъ остовъ истины—душу и жизнь даетъ ей истина идеи. Зато эта поникшая долу исторія справедливо хвалится, что безъ нея всѣ высокія воззрѣнія ничто. Она собираетъ, предоставляя другимъ пользоваться собраннымъ—въ томъ именно состоитъ ея заслуга». Никто не сомнѣвается, что и полезнѣе и возвышеннѣе проникнуть въ значеніе факта, нежели ограничиться однимъ свѣдѣніемъ о томъ, что онъ дѣйствительно былъ. Только одно не можетъ обойтись безъ другого. Надобно начать съ познанія, какъ произошелъ фактъ, чтобы опредѣлить его значеніе или идею. Слѣдовательно эти методы нельзя разсматривать въ видѣ предметовъ, одинъ другой замѣняющихъ, но какъ части цѣлаго. Еще опаснѣе въ нынѣшнее время возставать противъ исторіи, излагающей факты безъ примѣси теоретическихъ толкованій. Ясно, въ полнотѣ и съ художническою истиною представленныя событія обильнѣе благотворными выводами снабжаютъ читателя, нежели такъ называемые высшіе взгляды, односторонніе, произ-

вольные и насильственно подчиняющіе каждое явленіе ложной причинѣ, случайно зародившейся въ головѣ историка. Судить и приговоръ давать слѣдуетъ безпристрастному зрителю, а не расказчику, уже предубѣжденному любимою своею теоріею. Притомъ же самая легкость казаться знающимъ исторію по общимъ взглядамъ угрожаетъ современности неизбѣжнымъ невѣдѣніемъ дѣйствительной науки.

Критико-эстетическій методъ изученія исторіи литературы г. Никитенко не безъ основанія назвалъ одностороннимъ. Исторія, излагаемая по этому способу, «ищетъ въ литературѣ только одного интереса и одной заслуги (стран. 52 и 53)—интереса и заслугъ художественныхъ, а мы видѣли уже, что литература рѣшаетъ и другіе важные вопросы. Изложенная въ этомъ духѣ, она конечно необходима для художника, для таланта, призваннаго къ литературной дѣятельности; но общество имѣетъ нужду въ исторіи литературы, болѣе соотвѣтственной разнообразнымъ стремленіямъ его. Оно хочетъ изъяснить, понять себя въ явленіяхъ и представителяхъ своей умственной силы и судьбы — и исторія литературы, по требованію столь законному, должна явиться въ новомъ характерѣ, въ характерѣ философскаго прагматизма его мысли и чувства». Я довелъ читателя до метода избраннаго сочинителемъ, который его назвалъ *философско-прагматическимъ*. Народность и общественный духъ, государство съ его учрежденіями, непосредственно относящимися къ умственной дѣятельности народа, и языкъ—вотъ четыре предмета, съ которыхъ, по изъясненію г. Никитенка, начинается исторія литературы въ этомъ смыслѣ. Вслѣдъ за тѣмъ идутъ сочиненія, особенно дѣйствовавшія на успѣхи и направленіе народной мысли и чувства; а потомъ и литературныя лица съ ихъ вліяніемъ на общество, не только въ смыслѣ эстетическомъ, но и нравственномъ. «Критицизмъ (стран. 56) долженъ пройти глубоко, по всѣмъ, такъ сказать, составамъ и жиламъ созданій, заслужившихъ честь подробнаго изслѣдованія. Онъ долженъ разложить основную идею и содержаніе каждаго изъ нихъ, стараясь показать, чтó

принадлежитъ въ нихъ обще-человѣческимъ стихіямъ жизни, народнымъ и общественнымъ, природѣ, мѣсту, личному характеру писателя или его школѣ, что въ идеяхъ его есть самобытнаго и заимствованнаго, откуда и какимъ путемъ. Онъ изъяснитъ форму произведеній, ея общія черты и происхожденія, эстетическій характеръ въ отношеніи къ времени или національному вкусу, и наконецъ слогъ писателя, какъ со стороны филологическихъ условій, такъ и красокъ». Такимъ образомъ, согласно съ мнѣніемъ, выше мною изложеннымъ, г. Никитенко лучшимъ методомъ исторіи литературы признаётъ представленіе событій, т. е. фактовъ, излагаемыхъ съ ясностію, полнотою и художническою истиною. «Преимущество этого метода (заключаетъ онъ на 56 же стран.) передъ двумя предыдущими очевидно. *Онъ вмѣщаетъ въ себѣ выгоды обоихъ*, присовокупляя къ нимъ то, чего они лишены, т. е. полноту изложенія и объемъ, соотвѣтствующій значенію литературы. При богатствѣ фактовъ и критико-эстетической ихъ оцѣнкѣ, онъ въ то же время показываетъ ходъ литературнаго образованія въ естественномъ его развитіи, т. е. въ связи съ прочими явленіями жизни и вводитъ насъ въ самое святилище народнаго ума и чувства, развертываетъ внутреннюю жизнь народа со всѣми ея измѣненіями, со всѣми переворотами, какими подвергалась она на пути къ высшимъ цѣлямъ человѣчества».

VII.

Источники исторіи литературы раздѣлены сочинителемъ на непосредственные и посредственные. Въ первомъ отдѣленіи онъ помѣщаетъ факты самой литературы, т. е. ея произведенія и писателей; во второмъ—все, что служитъ къ объясненію народности, общественнаго духа, образованности въ извѣстную эпоху, государственныхъ учрежденій и языка. По замѣчанію г. Никитенка, изъ числа фактовъ литературы одни имѣютъ болѣе отношенія къ народу, другіе къ эпохѣ и обществу, третьи къ какой-ни-

будь литературной школѣ. Мнѣ кажется, это раздробленіе не прибавляетъ ничего къ дѣлу науки. Существенное, чтó надобно изучить въ литературномъ фактѣ, зависитъ не отъ его отношенія, а отъ внутренняго достоинства его. Созданіе самобытное, согласное съ потребностями человѣческаго духа, исполненное силы и откровенія высокихъ истинъ и вѣчной красоты, естественно и равномѣрно относится не только къ народу, къ эпохѣ или къ школѣ, но и ко всякому существу, мыслящему и чувствующему человѣчески. При этомъ явленіи не въ томъ вопросъ, кому и чему приписать его созданіе, но въ какой степени оно подвинуло человѣковѣдѣніе на безконечномъ его возвышеніи. Содѣйствовать къ осуществленію такаго духовнаго сокровища могли и современники и предшественники—и его благотворное вліяніе совершится по мѣрѣ готовности и воспріемливости каждаго.

При оцѣнкѣ важности собственно-народныхъ произведеній словесности сочинитель очень кстати поражаетъ предразсудокъ, по которому нѣкогда «всѣ простыя изліянія мысли и чувства считались (73 стран.) грубыми и недостойными философскаго взгляда изслѣдователей и вниманія людей образованныхъ. Это было (говоритъ г. Никитенко) въ тѣ времена, когда въ произведеніяхъ литературы искали только одной красоты, т. е. забавы и развлеченія, колеблясь между страсбургскимъ пирогомъ и драмой или поэмой и нимало не подозрѣвая, что слово, не имѣющее ни авторитета школы, ни авторитета оффиціальнаго, можетъ рѣшать вопросы чрезвычайно важные для общества и быть занимательнымъ въ своей патріархальной и глубокой простотѣ. Въ силу тогдашнихъ стремленій *выдумали* такъ называемый *вкусъ*, который очень удачно, по характеру вѣка, перенесенъ былъ отъ гастрономическихъ предметовъ на предметы изящные». Я полагаю, что пренебреженіе, оказанное нѣсколькими лицами въ прошломъ вѣкѣ собственно-народнымъ произведеніямъ словесности, не выражаетъ собою всеобщаго вѣрованія въ одни авторитеты. И въ XIX вѣкѣ довольно еще людей, для которыхъ старинная сказка или пѣсня только смѣшна, или совсѣмъ безвкус-

па. И теперь эти судьи колеблются между драмой или поэмой и страсбургскимъ пирогомъ. Только не эти гастрономы выдумали *вкусъ*, который, какъ чувство не тѣлесное, а духовное, извѣстенъ былъ во всѣ времена. Не только нынѣшнія теоріи, вѣроятно и позднѣйшія, не будутъ въ силахъ истребить его такъ же, какъ наприм. чувство самосохраненія и правоты. Конечно вкусъ различенъ; но его отсутствіе не признакъ высшаго совершенства, а недостатокъ, на подобіе того, какъ глухота или слѣпота называется поврежденіемъ организма.

Много занимательныхъ подробностей содержится въ книгѣ объ измѣненіяхъ и разныхъ періодахъ литературы. Мнѣ кажется только, что здѣсь было самое приличное мѣсто для развитія идеи о такомъ переходѣ литературы, которому народъ нисколько самъ не способствуетъ, но которому между-тѣмъ явно подчиняется. Я разумѣю появленіе писателя, въ высшей степени самостоятельнаго, увлекающаго читателей совершенно въ новую сферу образовъ, положеній, мыслей и убѣжденій. Конечно, это еще вопросъ не вполнѣ рѣшеный: сильнѣе ли общество дѣйствуетъ всегда на образованіе одного человѣка, или одинъ человѣкъ на образованіе общества? По крайней мѣрѣ полезно для успѣховъ науки обращаться иногда къ воззрѣнію на эти отношенія. Въ теоріяхъ все приписывается народу, какъ будто его духомъ безъ различія одержимо каждое лицо. Но часто писатель несравненно живѣе и неотвратимѣе обладаемъ бываетъ собственнымъ, кромѣ его никому еще не сообщеннымъ духомъ, нежели общимъ, народнымъ. И ежели обстоятельства позволятъ ему изобразить внушаемое геніемъ его—народъ и литература мгновенно примутъ новый оборотъ.

Въ числѣ источниковъ исторіи литературы, какъ я сказалъ, помѣщена въ сочиненіи характеристика языка, изображеніе его успѣховъ, измѣненій или упадка въ данную эпоху. «Геніальные писатели имѣютъ свой языкъ, т. е. слогъ (83 стран.); изъ общаго языка народа они извлекаютъ такія богатства и красоты, которыя до нихъ казались несуществующими и невозможными».

Ежели сочинитель за одно принимаятъ *языкъ* и *слогъ*, то онъ вводитъ въ ученіе невѣрную мысль. Языкъ только матеріалъ, а слогъ способность употреблять его. Исторія языка такъ же относится къ исторіи слога, какъ изслѣдованіе народной жизни къ частной біографіи.

Правила литературы, разсматриваемыя тоже какъ источникъ ея исторіи, изслѣдованы въ ихъ основаніи, т. е. въ сущности искуства. «Въ искуствѣ есть двѣ стороны: одна принадлежитъ закону «развитія, которое, увлекая все впередъ, къ новымъ вопросамъ, «новымъ слѣдствіямъ, не можетъ быть опредѣлено и измѣрено «ни умозрѣніями, ни опытомъ; которое, отражаясь въ творче«скихъ замыслахъ генія, подчиняется не какой-либо особой систе«мѣ правилъ, а всеобщей системѣ духа и жизни, системѣ исторіи, «подлежащей изъясненіямъ, но не догматамъ. Другая сторона «искуства заключается въ способахъ, какими осуществляетъ она «свои идеи. Какъ эти способы состоятъ въ употребленіи вещественныхъ орудій и формъ, надъ которыми господствуетъ законъ необходимости, въ которыхъ все опредѣлено одинъ разъ навсегда; то здѣсь для искуства должны быть правила строгія, точныя, единообразныя и спеціальныя (85 и 86 стран.)». Это рѣзкое разграниченіе одной стороны дѣятельности духа отъ другой не вполнѣ согласно съ истиною. Понятія со всѣми приложеніями къ нимъ никогда не возникаютъ въ душѣ безъ орудій и формъ языка, такъ что всякое развитіе въ первомъ отношеніи непремѣнно содѣйствуетъ и развитію во второмъ. Правила литературы можно распространить на обѣ стороны искуства, только не въ видѣ мелочныхъ предписаній, а какъ общія и высшія соображенія, извлеченныя изъ свойствъ мыслящей силы и явленій ея.

О производителяхъ въ области литературы говорится здѣсь какъ о лицахъ, которыя, «постигнувъ духъ своего народа и общества, изучивъ ихъ нравственныя нужды, овладѣвъ ихъ словомъ, становятся впереди всѣхъ вождями и руководителями на исторической аренѣ ихъ мысли. То, что въ умахъ другихъ есть только темное гаданіе, неопредѣленный порывъ, въ сердцахъ

чаяніе или предчувствіе, что однакожъ составляетъ томительную потребность и ума и сердца, то, прошедши сквозь художническую душу этихъ избранныхъ людей, выработавшись въ нѣдрахъ ихъ зиждительной мысли, облекшись въ слово стройное и животрепещущее, становится ясною истиною, живымъ убѣжденіемъ движетъ, одушевляетъ, питаетъ всѣхъ» (89 и 90 стран.). Столь общее и одноцвѣтное изображеніе лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ разностороннимъ, и своими трудами образующихъ въ исторіи разнохарактерные періоды, недостаточно выясняетъ этотъ важный матеріалъ исторіи. Всѣ писатели здѣсь безусловно подчинены готовымъ элементамъ и ничего собственнаго не вносятъ въ тотъ міръ, котораго идеи безъ нихъ превратились бы во что-то неподвижное и безжизненное.

VIII.

Послѣ общихъ воззрѣній на науку, сочинитель приступаетъ къ *идеѣ и значенію исторіи литературы русской*. Онъ говоритъ: «Исторія русской мысли *должна* имѣть *свой* характеръ *свое* значеніе. Но *какъ* ихъ опредѣлить? По *какимъ* умственнымъ путямъ устремится геній народа, *мощный*, но не *искусившійся* опытами прошедшаго, благотворными по самымъ ихъ превратностямъ, *готовый* на все, но такъ мало еще приготовившій? *Какія* задачи *суждено* ему рѣшать въ системѣ человѣческой разумности — это тайна Провидѣнія» (97 и 98 стран.). Въ исторіи русской мысли не только *долженъ быть*, но и *есть* особенный ея характеръ и значеніе. *Какъ* же ихъ опредѣлить? Способомъ, заключающимся въ сущности исторіи, которая *изображеніемъ дѣлъ* приводитъ къ ясному уразумѣнію и опредѣленію всего, что въ ней содержится. Два послѣдніе вопроса выходятъ изъ области исторіи — и сочинитель очень справедливо на нихъ самъ себѣ отвѣчаетъ. «Для насъ *не настала* еще пора полнаго *самопознанія* — и, кажется, эта пора отдаленнѣе, чѣмъ думаютъ слишкомъ торопливые составители народныхъ духовъ и судебъ» (стран. 99). Это неоспоримо,

ежели здѣсь разумѣется самопознаніе философическое, т. е. ясное разумѣніе всѣхъ тайнъ человѣческой духовности. Самопознаніе же историческое, т. е. выводъ изъ совершившихся у насъ дѣлъ, теперь уже возможно. «Мы въ области исторіи шли какими-то особенными путями, и господствующія начала нашей народности, выработываясь въ горнилѣ самой чрезвычайной судьбы, когда какая-нибудь постигала народъ, выработали намъ физіономію, которую трудно уловить искуснѣйшему наблюдателю и живописцу» (тамъ же). Чѣмъ необыкновеннѣе пути, по которымъ указано было итти народу, чѣмъ судьба его чрезвычайнѣе, тѣмъ замѣтнѣе все для наблюдателя, и тѣмъ легче живописцу уловить эту физіономію. «Мы *одарены* самыми счастливыми способностями, самыми человѣчественными, если можно такъ выразиться, готовыми принять въ себя всякую истину, красоту и добро» (тамъ же). Это сдѣлалось бы несравненно ощутительнѣе, если бы замѣнено было хотя нѣсколькими *фактами*. «*Народы, въ системѣ всеобщей образованности, составляютъ логическія, своевременныя явленія, вѣрныя и мѣстами своими и эпохами потребностямъ и идеѣ цѣлаго*» (стран. 100). Вотъ мысль, которую надобно взять за основаніе въ изслѣдованіи предмета, занимающаго здѣсь сочинителя. Убѣжденный въ ея непреложности, онъ долженъ былъ изъ нея почерпать отвѣты на всѣ вопросы, возникающіе въ исторіи нашей словесности. «Раскинувшаяся на плоскихъ снѣжныхъ равнинахъ у рубежей Азіи и Европы, отодвинутая отъ сцены великихъ историческихъ дѣлъ самою безпредѣльностію и непріязненнымъ характеромъ своего пространства, Россія *должна была* слабо испытывать притягательную силу начала, двигавшаго корифеями человѣчества, народами, стоявшими во главѣ всемірной образованности, или вовсе не испытываться» (101 и 102 стран.). Не противорѣчитъ ли это предыдущему положенію?—«Такъ прошли вѣка. Мы не дерзаемъ и кто дерзнетъ сказать, что вѣка эти прошли *безплодно* для нашей умственной и нравственной *будущности*» (103 стран.). Вмѣсто *будущности* не вѣрнѣе ли сказать *для жизни*, такъ какъ

жизнь значитъ преемничество явленій, а будущность не входитъ въ это понятіе? «*Что было, то не могло быть безъ слѣдствій; жизнь не знаетъ ничего безплоднаго*» (тамъ же). И здѣсь глубокая истина.

Почти всѣ приведенныя мною общія мысли сочинителя заставляютъ думать, что онъ въ идеѣ и значеніи исторіи литературы русской найдетъ явленіе естественное, правильное и послѣдовательное; что онъ укажетъ прямый путь движенія народной мысли, и представитъ характеръ ея въ истинномъ видѣ. Но онъ, какъ бы охладѣвши къ собственнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, выраженнымъ съ такою ясностію и силою, отвращается отъ нихъ и переходитъ на противную сторону. «Новѣйшія племена запада довершали разрушеніе древняго міра (говорится на 101 стран.) и, проникнутыя свѣжими идеями христіанства, полагали основаніе новому. Россія ничего подобнаго не дѣлала и не могла дѣлать. —— Она *не имѣла случая* вначалѣ оказать ни одного изъ тѣхъ энергическихъ напряженій ума и воли, которыя вынуждаются столкновеніемъ съ дѣятелями, оспаривающими другъ у друга осуществленіе великой идеи. Сами ли пришли къ намъ Варяги, или были призваны — все равно: они *не могли* или *не успѣли* дать первоначальнымъ славянскимъ элементамъ ни возбужденія, ни направленія, ни народной цѣли. Правда, они привели ихъ въ броженіе, которое конечно *должно было* имѣть свои историческія *послѣдствія*; но эти послѣдствія не успѣли развиться изъ движенія, охваченнаго вдругъ новымъ вліяніемъ, самымъ неожиданнымъ и роковымъ — вліяніемъ татарскимъ. При такихъ обстоятельствахъ у народа русскаго *способности* его долгое время должны были остаться, такъ сказать, *непочатыми*; имъ *не на чемъ* было изощряться; *не въ чемъ* было почерпнуть ни возбудительной теплоты вопросовъ всенародныхъ и *человѣческихъ*, ни довѣрія къ самимъ себѣ. Онѣ испытывали только силу гнета или силу конвульсивно раздражавшую. —— То были вѣка *страданій* и умственнаго *бездѣйствія*» (101, 102 и 103 стран.). Я согласенъ, что въ событіяхъ народной, а слѣдовательно и частной

жизни Русскихъ многое было не такъ, какъ у другихъ народовъ. Но развѣ и теперь нѣтъ поразительной разницы въ формахъ, которыми выражается духовная дѣятельность современныхъ намъ государствъ? Никто между тѣмъ не думаетъ, что люди, живущіе по-своему, лишены напряженій ума, что ихъ способности не початы, что ихъ не животворитъ теплота человѣческихъ вопросовъ и что у нихъ умственное бездѣйствіе. Кто допускаетъ бытіе мысли, тотъ уже не можетъ отвергать ея дѣятельности. Какъ бы въ подтвержденіе моего мнѣнія самъ сочинитель сказалъ: «Уже ли Россія обязана представлять въ ней тѣ же самыя явленія, въ томъ же порядкѣ и по тѣмъ же переходнымъ степенямъ, съ тѣми обстоятельствами и оттѣнками, какъ и всѣ другіе народы, которые впрочемъ пользуются отъ нашихъ аристарховъ правомъ итти своимъ особеннымъ путемъ и развиваться изъ собственныхъ началъ? Развѣ наша литература, какова бы она ни была, не есть фактъ, рожденный историческими судьбами общества и народа, и развѣ она меньше поэтому заслуживаетъ вниманія и изслѣдованія, чѣмъ всякая другая дѣйствительность природы или исторіи»? (137 стран.). Я нахожу еще менѣе приближающимися къ истинѣ тѣ предположенія, которыми сочинитель какъ бы оправдываетъ Русскихъ въ осьмисотлѣтнемъ мнимомъ умственномъ усыпленія. «Чрезвычайная усиленная дѣятельность, съ какою предстояло Россіи вознаграждать *обиды судьбы* и траты отъ промедленія, не входила ли въ одно изъ условій *экономіи человѣческаго рода*, которое выполнить суждено ей? Новыя необычайныя событія, происшедшія изъ этого *кажущагося* нарушенія исторической симметріи, не даютъ ли исторіи міра новаго особеннаго оттѣнка, необходимаго для гармоніи цѣлаго, и самому народу не послужили ли они замѣною того возбужденія, какое другіе находили на обыкновенномъ, такъ сказать, *логическомъ* пути своей жизни»? (103 и 104 стран.)

IX.

Эпохою Петра Великаго открывается картина Россіи, достойной стоять наряду съ другими народами. Описывая дѣянія Преобразователя государства нашего, сочинитель прибавляетъ: «По предметамъ, по цѣли, если угодно, по фактамъ, это было новое и чрезвычайное событіе, которое исторія наша по-справедливости называетъ реформою, переворотомъ; *по внутреннему прагматизму мысли,* это былъ естественный, *логическій* шагъ нашей народности задержанной въ своемъ ходѣ, но *не измѣненной* въ сущности ни Татарами, ни реформою. Она — эта гибкая, крѣпкая, энергическая, свѣтлоумная, аналитическая народность — въ самой колыбели своей обречена дѣйствовать, какъ она дѣйствуетъ, обречена стереть съ лица земли двухъ завоевателей — однаго храбраго, другаго величайшаго, брить бороду, носить модныя шляпки и фраки Парижа, читать Байрона, Шекспира, Гёте, Шеллинга и Гегеля, говорить языкомъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Крылова, имѣть Университеты, Академіи и Гимназіи» (108 стран.). И-такъ несправедливо сказано было выше, что логическое движеніе въ исторіи намъ не досталось?

Надобно сознаться, что до-Петровскій періодъ Русской исторіи у насъ изученъ вообще очень слабо; въ изслѣдованіи его много пропусковъ; тогдашніе памятники письменности нашей частію не разсмотрѣны знатоками, частію не всѣ открыты, а еще больше число ихъ утрачено. Вотъ почему и кажется намъ, что, въ-противность естественному ходу дѣлъ, здѣсь, на границѣ между древнею и новою исторіею Россіи, усматривается изумительный скачекъ. У г-на Никитенка есть прекрасныя слова, которыми поддерживается мысль, что вся исторія Россіи должна представлять наблюдательному уму зрѣлище естественнаго движенія къ умственному совершенству. «Жизнь (говоритъ онъ на 145 и 146 стран.) развивается въ такой строгой постепенности, такъ не любитъ скачковъ, отступленій и щегольскихъ эффектовъ,

что самое великое на земли не есть ни самое чрезвычайное, ни неожиданное. Изучайте предшествующія обстоятельства и причины: вы увидите, что превозносимые вами эпоха и геній — ея творецъ, чуть только громкіе провозвѣстники удара, который совершился уже въ тишинѣ неприметно колесами и пружинами, скрытыми въ огромномъ и сложномъ механизмѣ дѣлъ человѣческихъ.» Въ четверть вѣка никакой геній не въ-силахъ изъ ничего создать въ государствѣ все, а тѣмъ менѣе уничтожить осьмисот лѣтнюю духовную жизнь. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе сочинителя, что Петръ I дѣйствовалъ на основаніи народности нашей. Мнѣ кажется только, что въ разнородныхъ его стремленіяхъ не надобно смѣшивать существенныхъ дѣлъ съ дѣлами, случайно примкнувшимся къ первымъ. Какъ лучше образовать разныя части управленія въ государствѣ, какъ вѣрнѣе упрочить внѣшнее и внутреннее его благосостояніе, какъ утвердить повсюду порядокъ, распространить знанія: все это и при Петрѣ входило въ Россію по слѣдамъ, давно уже проложеннымъ въ прежнее время, нисколько не противорѣча нашей народности въ хорошемъ ея значеніи. Новыя же формы жизни частной и другія большею частію наружныя перемѣны, не составляя существеннаго къ быту нашемъ, только надвинуты на него и остались на поверхности общества, не проникнувъ въ него какъ потребность и пріучивъ насъ во многомъ довольствоваться однимъ *кажущимся.* Послѣдняя черта, замѣчаемая и нынѣ въ жизни нашей, получила начало съ Петровскаго преобразованія. Она сообщаетъ нѣкоторый видъ справедливости разнымъ возглашеніямъ, являющимся и въ обществѣ и въ литературы противъ геніальнаго монарха. Г-нъ Никитенко говоритъ, что Русской народности *обречено читать Байрона*, *Шекспира*, *Гёте*, *Шеллинга и Гегеля*; а несогласно съ нимъ мыслящіе думаютъ, не вѣкъ ли ей обречено *казаться,* будто она дѣйствительно ихъ читаетъ?

Въ разсматриваемой мной книгѣ картина умственной дѣятельности въ Россіи въ продолженіе до-Петровскаго періода, къ удивленію читателей, составлена изъ частей, явно не соотвѣтствую-

щихъ одна другой. Сперва говорится тамъ, что у насъ «въ этомъ пространствѣ времени мысль народная *не обнаруживаетъ въ себѣ жизни развитія*; она не выработываетъ великихъ всечеловѣческихъ идей истиннаго и изящнаго напряженнымъ постояннымъ инстинктомъ, не очищаетъ, не доводитъ ихъ до степени опредѣленныхъ вопросовъ созрѣвающимъ сознаніемъ своихъ силъ (125 стран.).» А послѣ прибавлено, что «въ до-Петровскомъ пространствѣ времени народная мысль свидѣтельствуетъ о своемъ бытіи и неизмѣняемомъ характерѣ то непрерывнымъ рядомъ дѣеписаній и живымъ отношеніемъ своимъ къ современной дѣйствительности, на прим: въ Словѣ о полку Игоря, то ярко и смѣло накиданными чертами поэтическихъ образовъ въ сказочномъ эпосѣ, то глубокими, иногда мощными и зловѣщими, иногда умилительно-тихими и кроткими звуками сердца въ лирикѣ. Мысль, угнетаемая и скорбная подъ свинцовымъ игомъ вѣковъ медлительныхъ и суровыхъ, питалась и находила утѣшеніе въ высокихъ твореніяхъ Отцевъ и Учителей Церкви. Полная ихъ отраднаго и святаго наитія, она нерѣдко переносила и образъ воззрѣнія ихъ на вещи и языкъ въ свои сказанія о судьбѣ отечества. Государственные акты, вмѣстѣ съ выраженіемъ высшихъ потребностей эпохъ, заключаютъ въ себѣ нерѣдко страницы *истинно-изящнаго народнаго краснорѣчія*. Его не называютъ ораторскимъ, можетъ быть, только изъ преувеличеннаго уваженія къ формѣ, тогда-какъ по *духу его и дѣйствію оно вполнѣ проникнуто ораторскими стихіями* (стран. 126, 127 и 128).»

Что касается до слѣдующаго за нимъ періода, т. е. настоящаго, нынѣшняго, литературная дѣятельность Россіи обозначена и въ немъ чертами, опять противорѣчащими одна другой, такъ-что идеи и значеніе исторіи литературы Русской остаются рѣшеными очень сомнительно. Прежде сочинитель сказалъ, что «наше настоящее, можетъ быть, обильнѣе нуждами, требующими постоянныхъ усилій ума, чѣмъ настоящее другихъ; оно имѣетъ свой характеръ, котораго нельзя изъяснить общими и историческими мѣстами; по своей чрезвычайности, оно не подходитъ

подъ ихъ обыкновенныя категоріи и формулы. Мы народъ новый въ исторіи всемірной умственной дѣятельности — вотъ истина, столь же простая, сколь и важная для насъ. *Мы должны не продолжать, а начинать;* наше богатство *не въ наслѣдствѣ*, а въ собственной разумной дѣятельности, для которой Небо щедро надѣлило насъ способностями. Въ нихъ-то, въ этихъ прекрасныхъ способностяхъ наша твердая опора и наши драгоцѣннѣйшія *надежды* на поприщѣ знанія и искуства. *Всѣ патріотическія идеологіи должны умолкнуть* передъ существенными патріотическими интересами, которые можно выразить двумя словами: *наука* и *трудъ* (121 и 122 стран.).» Потомъ прибавлено, что «значеніе и интересы нашей литературы постепенно возрастаютъ въ періодѣ послѣ Петра Великаго. Здѣсь она является намъ въ томъ характерѣ, *какой обыкновенно слѣдуетъ изъ жизни развитія —въ характерѣ строгой прагматической послѣдовательности.* Съ каждымъ шагомъ значеніе ея быстро расширяется, такъ-что совпаденіе ея съ значеніемъ исторіи всемірнаго образованія уже *не есть предчувствіе, а очевидность.* — — Литература наша, послѣдовательно, логически переходя отъ одной степени къ другой, отъ измѣненія къ измѣненію, отъ неудачь къ успѣху, *проникала* глубже и глубже въ умственные и нравственные интересы людей, въ новыя ихъ нужды, *укрѣплялась* въ нихъ корнями своими, *обогащала* ихъ своими внушеніями, сама обогащалась ихъ стихіями и готовила въ тишинѣ *свой прекрасный цвѣтъ и плодъ* (128, 129 и 130 стран.).»

X.

Окончаніемъ книги служитъ раздѣленіе исторіи литературы русской на два періода, разграниченные явленіемъ Петра Великаго. *Первый* періодъ названъ временемъ образованія и установленія нашей народности, безъ преемственнаго и послѣдовательнаго развитія нравственныхъ, т. е. умственныхъ и эстетическихъ силъ. Я уже нѣсколько разъ упоминалъ выше, можно ли согла-

ситься съ мнѣніемъ, чтобы народъ, проникнутый умственными и эстетическими силами, дѣйствовалъ на поприщѣ гражданственности безъ преемственнаго и послѣдовательнаго развитія этихъ силъ? *Вторый* періодъ названъ здѣсь временемъ нравственнаго развитія народности. Есть и подраздѣленія каждаго изъ нихъ. Въ до-Петровскомъ особо берется отдѣлъ съ основанія русскаго государства до появленія въ немъ власти татаръ, и отдѣлъ съ татаръ до преобразованій въ Россіи при Петрѣ. «Вліяніе дикаго и свирѣпаго могущества татарскаго (говорится на стран. 146 и 147) было столь глубоко и въ то же время столь враждебно основнымъ стихіямъ русской жизни, что вѣковъ, захваченныхъ имъ, нельзя не представлять собѣ періодомъ отдѣльнымъ, совершенно особеннымъ и по характеру своему и по слѣдствіямъ. Россія до татаръ была иною, чѣмъ во время и послѣ ихъ до Петра Великаго—и какъ бы намъ ни представлялось здѣсь мало памятниковъ ея умственной жизни, мы не можемъ не видѣть на нихъ печати другаго духа, не видѣть видѣть въ нихъ другаго направленія мысли». Эта самая причина требуетъ, чтобы время съ Іоанна III до Петра I изображено было также въ особомъ отдѣленіи, на что сочинитель не соглашается. Онъ, предупреждая возраженіе, спрашиваетъ: «Но произвело ли это время какой-нибудь переворотъ въ умахъ, возбудило ли, направило ли ихъ къ новой опредѣленной дѣятельности (стран. 149)»? Въ отвѣтъ можно указать на введенную у насъ въ продолженіе этого времени правильную систему гражданскаго устройства, на памятники законодательства, на дѣйствія тогда же введеннаго книгопечатанія, на сказанія князя Курбскаго и другія современныя записки, на духовное краснорѣчіе, на дипломатическіе акты, на народныя пѣсни, на филологическіе труды ученыхъ, на повсемѣстность силлабическихъ стиховъ, на замѣтные успѣхи ученаго образовпнія, и проч. и проч., что довершило въ Россіи духовную самостоятельность. Г. Никитенко говоритъ, что «это были пары, скоплявшіеся въ душной атмосферѣ, которые надлежало мощному духу планеты разогнать, чтобы они не мѣшали видѣть

восходящее величолѣпное солнце (150 стран)». Не точнѣе ли сказать: это былъ свѣтъ зари, которая свидѣтельствовала, что солнце уже восходитъ? И въ самомъ дѣлѣ: для литературныхъ успѣховъ Кантемира и Ломоносова болѣе было приготовлено въ русской жизни незадолго до Петра, нежели собственно при немъ.

Что касается до періода послѣ Петра, сочинитель, не находя особенной нужды и даже возможности разлагать на отдѣлы это небольшое пространство времени, только указываетъ читателямъ, что до 1812 года литература наша обозначается болѣе *художественно-формалистическимъ* направленіемъ, а послѣ этой эпохи *художественно-общественнымъ* и *народнымъ*. До какой степени выражена этими названіями идея той и другой половины періода, я не вхожу въ особое изложеніе, потому-что вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ сочинителя, который говоритъ: «Самая ничтожная и трудная вещь дѣлить событія историческія на періоды (стр. 145)».

Я представилъ моимъ читателямъ весь планъ и основныя мысли сочиненія. То и другое достойно общаго вниманія, какъ явленіе самобытное, чтó такъ рѣдко у насъ бываетъ, особенно въ исторіи литературы. Излишнимъ нахожу упомянать, что сочинитель самобытенъ даже въ слогѣ своемъ: это легко каждый могъ замѣтить по выпискамъ, мною приведеннымъ. Его книга должна возбудить дѣятельность наставниковъ русской словесности. На логическомъ основаніи сочинителя они легко могутъ теперь утверждать и распространять свое ученіе, не школьное, а живительное и общественное. Частности и дополненія предоставляются на произволъ каждаго. Всего пріятнѣе чувствовать въ книгѣ г на Никитенка этотъ *духъ терпимости*, который такъ несомнѣно свидѣтельствуетъ о прямомъ стремленіи сочинителя къ истинѣ. «Если сказанное мною (говоритъ онъ въ предисловіи на стран. VII и VIII) будетъ поводомъ къ обнаруженію началъ или понятій противоположныхъ—тѣмъ лучше: изъ борьбы мнѣній рождается истина. И не пора ли намъ наконецъ ученій, несоглас-

ныхъ съ нашими идеями, или нашими взглядами въ области науки и искуства, не считать оскорбленіями лицъ и вещей? Мы зрѣемъ примѣтно—и нѣкоторымъ остаткамъ литературнаго дѣтства да будетъ конецъ».

ЕПИСКОПЪ ФРАНЦЕНЪ, ШВЕДСКІЙ ПОЭТЪ [1].

1845.

I.

Въ іюлѣ 1840 года особенное обстоятельство доставило мнѣ благопріятный случай узнать лично Францéна—и я сохраню о немъ воспоминаніе во всю жизнь мою. Въ Гельсингфорсѣ Александровскій университетъ праздновалъ тогда свой двухсотлѣтній юбилей. Въ качествѣ депутата, я отправленъ былъ туда отъ Санктпетербургскаго университета. Всѣ лица, обязанныя образованіемъ своимъ тамошнему университету и дожившія до его юбилея, прибыли на это рѣдкое историческое празднество. Между ними находился и епископъ Францéнъ, о которомъ (какъ послѣ увидятъ мои читатели) мнѣ нужно сказать хоть нѣсколько словъ и въ нынѣшнемъ году, несмотря на то, что я уже прежде упоминалъ о немъ въ *Современникѣ* (См. т. I настоящаго изданія, стр. 439).

Въ годъ университетскаго юбилея Францéну исполнилось 68 лѣтъ отъ роду. Ни значительное разстояніе, ни преклонность лѣтъ, ни слабость здоровья не остановили его — и онъ прибылъ туда, гдѣ разцвѣтала его молодость. Кромѣ привязанности къ университету, его влекло въ Гельзингфорсъ предчувствіе меланхолической радости, какую онъ долженъ былъ испытать, прижавъ къ сердцу дѣтей своей дочери, за годъ передъ тѣмъ скончавшейся.

---

[1]) *Современникъ*, т. XL, стр. 26—42.

Еще до прибытія Франце́на, меня познакомили съ его зятемъ, генералъ-штабъ-докторомъ Финляндіи, статскимъ совѣтникомъ Гартманомъ (объ отцѣ его, Гавріилѣ Эрикѣ, упоминаетъ Гротъ въ своемъ *Альманахѣ*, изданномъ въ память юбилея, стр. 8). Я нашелъ въ этомъ человѣкѣ не только высоко-образованнаго ученаго, но и самаго нѣжнаго отца многочисленнаго семейства, гражданина, всѣми достойно уважаемаго. Наканунѣ празднества онъ представилъ меня Франце́ну, который владѣетъ французскимъ языкомъ не только для обыкновеннаго разговора, но въ прежнее время писывалъ на немъ и стихи. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ нимъ, во всей силѣ подтвердившихъ мнѣ то, что о немъ прежде я читалъ и слышалъ, что-то отрадное и какъ бы родственное влекло меня къ нему. Въ пріемахъ человѣка, въ чертахъ лица, во взглядѣ, въ выраженіи глазъ, въ звукахъ голоса есть много такого, что́ опредѣлить трудно, но чего нельзя не чувствовать. Кроткое обращеніе, искренность рѣчей, сопровождаемыхъ особенною привѣтливостью, негромкой голосъ, проникнутый въ то же время какимъ-то участіемъ, даже оживленіемъ, столь плѣнительнымъ у человѣка въ преклонныхъ лѣтахъ, — все влекло къ Франце́ну мою душу. Его епископскій санъ не только не охлаждалъ приближенія къ нему, но, поселяя въ сердцѣ довѣренность и возрождая любопытство, сообщалъ обмѣну мыслей необыкновенную цѣну.

II.

Независимо отъ своихъ обязанностей, которыя въ теченіе долгой жизни Франце́нъ, какъ и другое лицо, строго исполнялъ въ первой молодости и исполняетъ въ глубокой старости, онъ представляетъ собою замѣчательнѣйшаго человѣка въ литературномъ мірѣ. По таланту своему онъ принадлежитъ къ числу первокласныхъ поэтовъ Швеціи. Это конечно важнѣйшее обстоятельство для писателя. Но къ природному дарованію можно присоединить столько другихъ достоинствъ, что литераторъ полу-

чаетъ значеніе самое высокое. Таланту надобно принять направленіе, соотвѣтственное ему, прямое, чистое: иначе онъ будетъ даромъ ничтожнымъ, или даже вреднымъ. Мелкіе умы чаще всего перемѣняютъ пути и цѣль своей дѣятельности. Обыкновенныхъ умовъ конечно числомъ болѣе, нежели умовъ съ дарованіями. Ежели талантъ вздумаетъ гоняться за большинствомъ и станетъ заботиться объ угожденіи ему, онъ измѣнитъ своему прекрасному призванію — и потомству оставитъ плоды ума, исполненные противорѣчія, измѣнчивости и незрѣлости. Созданія таланта должны быть освящены нравственнымъ его достоинствомъ, характеромъ, выразившимся въ благородной дѣятельности, въ жизни неукоризненной и самостоятельной. Нѣтъ ни убѣжденія, ни красоты, ни истины въ словахъ человѣка, презираемаго нами, какъ бы онъ ни выражался сладкорѣчиво. Любовь къ избранному роду умственныхъ занятій, поддерживаемая неизмѣннымъ убѣжденіемъ въ ихъ важности, чести и пользѣ, довершаетъ характеристическія черты лица, достойно предающагося литературѣ. Эта любовь возводитъ его на степень неприкосновенности отъ мелкихъ развлеченій свѣта и опредѣляетъ высокую цѣну всему, чтó важно для писателя — распредѣленію времени, занятію чтеніемъ, выбору предметовъ для обработыванія, даже самымъ правиламъ въ его семействѣ и сношеніямъ съ обществомъ и прочими литераторами.

Примѣняя все это къ Францéну, изучая жизнь его во всѣхъ подробностяхъ, вникая въ сочиненія и перечитывая то, что относится къ біографіи его, вполнѣ убѣждаешься, какъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ такъ называемыя *знаменитости европейскія*, хотя имя его не мелькаетъ ежемѣсячно въ празднословныхъ журналахъ. Какъ человѣкъ, какъ поэтъ, какъ гражданинъ и отецъ семейства, онъ свято, благородно и достойно совершалъ свое поприще. Родившись (1772 г., 6-го февраля) въ Улеоборгѣ отъ незнатныхъ и небогатыхъ родителей, онъ самъ себя успѣлъ такъ хорошо приготовить къ университету, что тринадцати лѣтъ отъ роду былъ принятъ въ студенты, а на

19-мъ награжденъ былъ магистерскимъ лавровымъ вѣнкомъ. Черезъ годъ приняли его преподавателемъ краснорѣчія въ томъ же университетѣ, гдѣ онъ образовался. Любознательный умъ его искалъ новыхъ свѣдѣній—и Францéнъ, при самыхъ ограниченныхъ денежныхъ средствахъ, умѣлъ совершить ученое путешествіе, посѣтивъ Данію, Германію, Францію и Англію. Для распространенія образованности и вкуса, для утвержденія истинныхъ началъ гражданственности и нравственности, онъ въ 1794 году предпринялъ литературное изданіе подъ названіемъ *Абовской Газеты*, которая всѣмъ открыла его поэтическій талантъ и ученыя достоинства. Съ 1798 года онъ занималъ уже профессорскую каѳедру краснорѣчія. Его именемъ и трудами украшаются лѣтописи Абовскаго университета. Ученыя разсужденія его, писанныя на латинскомъ языкѣ, могутъ служить образцомъ не только хорошаго языка, но и точности доказательствъ, истины сужденій, простоты слога и ясности мыслей.

III.

Въ шведской литературѣ, какъ и въ русской, первоначально господствовали во всемъ изысканность и высокопарность. Это было слѣдствіемъ вкуса, перешедшаго къ новымъ народамъ изъ среднихъ вѣковъ, когда, вмѣсто живыхъ языковъ, употреблялся для сочиненій мертвый языкъ — латинскій. Долго опыты стихотвореній, написанныхъ въ послѣдствіи времени и на языкахъ новѣйшихъ, удерживали въ своихъ краскахъ, предметахъ и оборотахъ что-то неестественное, принужденное, отзывавшееся, какъ говорится, школьничествомъ. Самые лучшіе таланты не вдругъ могли освободиться отъ господствовавшаго вкуса. Это и мы Русскіе чувствовали до Жуковскаго въ поэзіи Ломоносова, Петрова и даже Державина. Такъ было и въ Швеціи. Эпоху преобразованія суждено было произвести тамъ Францéну. Абовскій профессоръ возвратилъ поэзіи первобытную ея простоту, истину и грацію, чѣмъ она плѣняла всѣ народы въ безыскуствен-

номъ своемъ явленіи. Въ его прекрасной душѣ возникли óбразы, картины и положенія, согласные съ жизнію. Онъ изображалъ ихъ языкомъ точнымъ, одушевленнымъ, но свободнымъ отъ натяжекъ и надутости. Особенно обратилось къ нему общее вниманіе въ 1810 году при появленіи въ печати перваго собранія стихотвореній его. Францéну тогда было 38 лѣтъ. Можно по этому судить, какъ высоко цѣнилъ онъ успѣхи искуства, не обольщаясь приманкою славы. Въ поэзіи не себя любилъ онъ, а благотворное ея вліяніе, которое тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ она зрѣлѣе и глубже. Умственный трудъ самъ по себѣ для мыслящаго человѣка есть уже высокое наслажденіе и конечно не менѣе радуетъ его, какъ и слава. Но чтó можетъ сравниться съ убѣжденіемъ, что мы дѣйствуемъ на духовное развитіе современниковъ и укореняемъ въ сердцахъ ихъ истины, которыми собственная жизнь наша полна такъ прекрасно! Напечатанныя вмѣстѣ стихотворенія Францéна читались повсемѣстно, гдѣ только знали по-шведски. Къ счастію поэта, отечественный языкъ въ Швеціи не вытѣсненъ французскимъ и изъ высшаго общества. Что касается для сословій средняго и низшаго, они, со временъ принятія лютеранскаго исповѣданія, чтеніе считаютъ въ числѣ необходимыхъ занятій. Такимъ образомъ Францéнъ, умѣвшій сообщить поэзіи естественность, красоты, каждому доступныя, истинную занимательность, скоро достигнулъ до такой извѣстности, что имя его сдѣлалось драгоцѣннымъ каждому. Объ этомъ можно судить по одному разсказу, помѣщенному Гротомъ въ составленной имъ біографіи поэта [1]). Мы приведемъ его здѣсь для нашихъ читателей. «Въ городѣ Лундѣ былъ необыкновенно-ученый и немного странный профессоръ *Норбергъ*. Францéнъ, пріѣхавъ изъ Финляндіи въ Швецію, счелъ обязанностію посѣтить его. — Какъ тебя зовутъ? — спросилъ довольно сухо Норбергъ, и когда услышалъ имя Францéна, то продолжалъ съ живостію: — не тотъ ли это, что написалъ *Человѣческое*

---

[1]) См. журналъ *Звѣздочка*, 1844 г., II, 95.

Лицо (одно изъ лучшихъ стихотвореній Францéна)? — Утвердительный отвѣтъ чрезвычайно расшевелилъ лундскаго профессора. Онъ тотчасъ выбѣжалъ изъ своего кабинета, растворилъ настежь дверь въ комнату своей жены и дочерей, и чуть дыша отъ радости, закричалъ имъ: — Сегодня у насъ будетъ пиръ; у насъ въ гостяхъ тотъ, кто написалъ *Человѣческое Лицо!*—»

IV.

Въ достопамятную эпоху присоединенія Новой Финляндіи къ Россіи (1808) Францéнъ еще занималъ каѳедру въ Абовскомъ университетѣ. Къ прибытію въ Або императора Александра, (20 марта 1 апрѣля) 1809 года, передъ городомъ построены были тріумфальныя ворота, по образцу приготовленныхъ въ Римѣ для Тита. Францéну поручено было составить для нихъ надпись. И онъ прекрасно выразилъ то, что всѣ чувствовали:

АЛЕКСАНДРУ,

Котораго войска покорили край,
Котораго благость покорила народъ.

Состоя въ сословіи духовенства, поэтъ, черезъ нѣсколько времени, пожелалъ вступить въ исключительное отправленіе обязанностей, принадлежащихъ его званію. На сороковомъ году жизни своей онъ принялъ пасторское мѣсто, предложенное ему въ Швеціи. Академія словесности, исторіи и древностей и Шведская Академія почтили талантъ и ученыя заслуги Францéна, избравши его въ число своихъ членовъ. Съ рѣдкою добросовѣстностію онъ исполнялъ всегда возлагаемыя на него обязанности. Собраніе проповѣдей, которыя писалъ онъ въ назиданіе паствы своей, и множество сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ историческихъ и литературы признаны критиками какъ лучшія изъ современныхъ произведеній на шведскомъ языкѣ.

Между тѣмъ онъ продолжалъ заниматься и поэзіею. Она составляетъ какъ бы важнѣйшую стихію его бытія. Этотъ прекрасный, высокій даръ природы не считаетъ онъ мимолетною принадлежностію, суетною забавою одного юношескаго возраста. Онъ неизмѣнно совершенствуетъ его, будучи убѣжденъ, что тѣмъ самымъ совершенствуются прямые его способы благотворнаго вліянія на общество. Практическій мудрецъ во всѣхъ отношеніяхъ, Франце́нъ такъ устроилъ занятія свои и самую жизнь, что ни лѣта, ни отношенія, ни обязанности не препятствуютъ ему строго отвѣчать священному призванію, какъ бы свыше ему указанному. Никогда не увлекается онъ чѣмъ-нибудь непредвидѣннымъ, или предписываемымъ мелочными законами общежитія. Однажды начертавши правила, кругъ и характеръ своей умственной дѣятельности, онъ ихъ соблюдаетъ неизмѣнно. Время считаетъ онъ для себя важнѣйшею драгоцѣнностію: потому не проходило и дня, который бы бросилъ онъ въ жертву праздности или ничтожнаго развлеченія. Чтобы постоянное напряженіе не могло вредить его здоровью, онъ во-первыхъ разнообразитъ умственные труды свои, во-вторыхъ посвящаетъ труду исключительно утренніе часы, приступая къ занятіямъ съ самаго ранняго времени и укрѣпляя себя благотворнымъ сномъ за два, за три, а иногда и за четыре часа до полуночи.

Съ 1812 года до сихъ поръ онъ постоянно, сверхъ другихъ сочиненій, обработываетъ біографіи знаменитыхъ людей Швеціи. Не проходитъ года, чтобы онъ не увеличилъ числа ихъ новымъ чьимъ-нибудь жизнеописаніемъ. Читатели *Современника* могутъ судить о совершенствѣ этого труда по біографіи Тегне́ра, имъ нѣкогда представленной мною (XXI, 52 *первой нумераціи*).

Жизнь, поэзія, исполненіе долга въ отношеніи къ человѣчеству, къ государству, къ семейству и собственно къ себѣ, такъ глубоко постигнутыя и такъ достойно хранимыя, предъ судомъ мудрости и добродѣтели безъ сомнѣнія становятъ имя Франце́на на степень завидной славы.

V.

Въ 1832 году Францéнъ возведенъ въ санъ епископа. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Гернэсандѣ, главномъ городѣ епархіи своей, при Ботническомъ заливѣ. Новое, почетное званіе не могло возвысить личныхъ его достоинствъ; но оно расширило кругъ непосредственнаго вліянія его. Какъ глава духовенства, онъ не только въ округѣ своемъ охраняетъ его права, указываетъ ему направленіе, завѣдываетъ учебными заведеніями, но и участвуетъ въ дѣлахъ государственнаго сейма. Можно представить, сколько истиннаго блага разливаютъ на всѣ эти предметы умъ его свѣтлый и душа возвышенная. «Какъ одинъ изъ верховныхъ святителей Шведской церкви (сказано въ Finsk National-Kalender 1840), Францéнъ показалъ нѣжную заботливость и о образованіи юношества, и о развитіи истинно-христіанскаго духа въ пастыряхъ и ихъ паствахъ; какъ духовный проповѣдникъ, онъ изъясняетъ святые уроки христіанства на языкѣ простомъ, чуждомъ всякой суетности и блестокъ ораторскихъ, но согрѣтомъ тихимъ и вмѣстѣ мощнымъ дыханіемъ религіи; какъ жизнеописатель, соединяетъ онъ съ простотою и ясностью слога способность представлять истинный и живой образъ описываемаго лица и дѣлать предметъ свой сколько поучительнымъ, столько же и занимательнымъ для читателя. Но прекраснѣйшій вѣнокъ стяжалъ онъ въ качествѣ поэта, и въ семъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на шведскомъ парнассѣ».

Оттого и уваженіе къ Францéну, иногда принимающее даже видъ какого-то благоговѣнія, распространилось повсюду, гдѣ только извѣстны его имя и сочиненія его. По случаю его прибытія на юбилей университета, гельсингфорскіе студенты встрѣтили знаменитаго гостя еще за двѣ версты до города. Окруживъ экипажъ его съ громкими *ура,* они пропѣли привѣтственные стихи, заранѣе для того сочиненные. Присутствовавшимъ тутъ же однимъ доцентомъ произнесена была краткая рѣчь, въ которой изображены были чувства и уваженія и общей

радости. Это свободное изъявленіе вниманія, почтенія и любви къ таланту и добродѣтелямъ мгновенно сообщилось каждому изъ небольшаго круга русскихъ литераторовъ, бывшихъ тогда въ Гельсингфорсѣ. Они съ своей стороны употребили все, чтобы въ сердцѣ поэта оставить сладостное воспоминаніе о торжествѣ музъ на его родинѣ.

По отбытіи Францéна въ Швецію, положено было между русскими и финляндскими литераторами—издать книгу въ память юбилея Александровскаго университета. Но безъ участія въ ней Францéна она не должна была явиться въ свѣтъ. Мнѣ поручено было отнестись къ нему письменно о предпринимаемомъ изданіи. Я сохранилъ его отвѣтъ на мое письмо. Вотъ онъ въ переводѣ.

«На-дняхъ я имѣлъ честь получить ваше обязательное письмо, которое, по ошибкѣ гриссельгамнскаго почтмейстера, отправлено было ко мнѣ въ *Гернёсандъ*. Оно живо привело мнѣ на память все, что я чувствовалъ въ Гельзингфорсѣ, а прекрасная мысль «о соединеніи Сѣвера словесностію и науками» принесла новое удовольствіе моему сердцу. Если удастся мнѣ, въ чемъ не сомнѣваюсь, написать что-нибудь для книги, которой планъ вы мнѣ сообщили, я доставлю мое сочиненіе г. Гроту. Не знаю, какъ благодарить васъ за ваше письмо, въ которомъ столько для меня лестнаго, равно какъ и за особенное ко мнѣ вниманіе ваше во время пребыванія моего въ Гельзингфорсѣ. *Стокгольмъ. 6 (18) августа, 1840*».

Предположеніе наше не осталось безъ исполненія. Читатели *Современника* вѣроятно помнятъ объ *Альманахѣ, въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго Университета,* изданномъ Я. К. Гротомъ. Въ Финляндіи эта книга принята была со всеобщимъ одобреніемъ. Училищное начальство опредѣлило снабдить ею каждую изъ библіотекъ, состоящихъ въ его вѣдомствѣ. Въ Альманахѣ помѣщено и стихотвореніе, присланное Францéномъ. Онъ его назвалъ: *Путешествіе на юбилей 1840 года.* Трогательно изобразилъ онъ чувствованія, наполнившія

душу его при видѣ Або. Но еще трогательнѣе описаны его встрѣчи въ Гельсингфорсѣ: первая—съ Абовскимъ домпробстомъ *Гадолиномъ,* который въ Университетѣ учился съ нимъ вмѣстѣ, а другая — съ внукомъ, первенцемъ его дочери. Вотъ его слова:

.............«Сколько
Въ тронутой душѣ моей воскресло
Образовъ живыхъ, веселыхъ, милыхъ,
Украшавшихъ дни мои, когда
Музамъ Ауры приносилъ я въ дань
И весну мою и лѣто. Нынѣ,
Въ дни моей зимы, переношусь
Я за полстолѣтія назадъ.
Это — четверть всей поры, которой
Отраженьемъ служитъ праздникъ сей.
Такъ несутся годы; наконецъ
Намъ они являютъ только мигъ,
Въ коемъ смѣшаны печаль и радость.
Кто подходитъ? Ахъ! то милый сынъ
Незабвенной дочери моей,
Слишкомъ рано взятой прочь отъ насъ!
О! съ какой томительною грустью
Сочеталась радость этой встрѣчи!
Но не вовсе мы лишились милой:
Пусть ея воспоминанье будетъ
Путеводною твоей звѣздой!»

VI.

Въ нынѣшнемъ году Францéнъ написалъ стихи, обратившіе на себя вниманіе государственныхъ людей. Важный вопросъ занималъ всѣ умы въ Швеціи: онъ касался уничтоженія въ королевствѣ смертной казни. Просвѣщенный, благодушный король видимо склонялся въ мысляхъ своихъ на сторону человѣколюбія.

Тогда явился и поэтъ въ исполненіе высокаго своего призванія. Онъ оправдалъ святыню вдохновенія, ниспосылаемаго избраннымъ для возвѣщенія людямъ глубокихъ истинъ. Но кто бы могъ подумать, что Францéнъ, семидесятитрехлѣтній старецъ, духовная особа, умилительный поэтъ, объявитъ себя защитникомъ смертной казни? Между тѣмъ, безъ сомнѣнія, эти самыя принадлежности и вложили въ его лиру голосъ Немезиды. Внимательное, долголѣтнее наблюденіе страстей человѣка, тщательное, подробное изученіе исторіи общества, проницательный взглядъ, глубоко брошенный въ сердца и нравы жителей края, священный долгъ провозвѣстника строгихъ истинъ Церкви и философіи, открытый, правдолюбивый характеръ — все вмѣстѣ вызвало его на грозное слово, тяготившее сердце и воспитанное умомъ непреклоннымъ. Кто безпристрастно обдумаетъ послѣднюю мысль его, тотъ, можетъ быть, невольно перейдетъ на его сторону. Я привожу здѣсь въ переводѣ прозою это стихотвореніе.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

«Проливаяй кровь человѣчу, въ ея мѣсто его пролiется: яко во образъ Божій сотворихъ человѣка». Такъ гласитъ законъ. Но за всякую ли проливаемую кровь должно платить своею кровью? Нѣтъ, не въ смертоносномъ ударѣ вина, а въ умыслѣ, не уважающемъ того, что человѣкъ созданъ по подобію Божію. Да, законъ тотъ относится къ такому дѣйствію, которое не отличаетъ человѣка отъ звѣря, въ лѣсу убиваемаго охотникомъ.

Спаситель дорого цѣнилъ жизнь человѣческую, въ которой видѣлъ сѣмя жизни небесной, но Онъ не отмѣнилъ закона, повелѣвающаго: «да умретъ убійца!» Нѣтъ, Самъ Онъ постановилъ, что кто подыметъ мечъ, тотъ и падетъ отъ меча. Мечъ закона да караетъ оружіе, противъ него подъятое.

Тотъ, на кого устремленъ разбойничій ножъ, имѣетъ неотъемлемое право отразить силу силой, хотя бы съ уничтоженіемъ жизни нападающаго. Ужели же король, вмѣстѣ съ вѣнцомъ

отъ Бога и народа пріявшій мечъ, не въ правѣ употребить его на защиту отъ звѣроподобныхъ злодѣевъ, когда къ отраженію ихъ недостаточны ни темница, ни каторга, ни тѣсный казематъ, гдѣ сидитъ узникъ, одинъ и безъ занятія? А все то въ самомъ дѣлѣ недостаточно. Мы видимъ, что когда, за неимѣніемъ совершенно-ясныхъ доказательствъ, преступника запираютъ въ темницу, пока онъ не сознáется; то онъ охотнѣе сидитъ тамъ многіе годы, даже весь свой вѣкъ, нежели пойдетъ на казнь, которой не избѣгъ бы, если бъ сознался въ винѣ. Но такая пытка для души ужаснѣе всякой смертной казни.

Отнимающіе у правосудія мечъ должны бы, руководствуясь тою же кротостію, тѣмъ болѣе осуждать всякое вооруженіе, всякую войну, проливающую рѣки невинной крови. Но не напрасно — такъ учитъ насъ Апостолъ — властямъ данъ мечъ: онъ данъ имъ сколько для защиты края отъ внѣшняго насилія, столько и для охраненія мира внутренняго.

Но смерть пресѣкаетъ время, нужное для нашего исправленія, а въ исправленіи вѣдь и заключается цѣль наказанія? Такъ, но не исключительно. Общая безопасность и общее предостереженіе требуютъ всенароднаго наказанія преступника. И гдѣ будетъ сила закона безъ возданія? Конечно не таковъ его духъ, чтобы вырываемъ былъ зубъ за зубъ и око за око. Но недаромъ же Правосудіе получило вѣсы, на которыхъ можетъ въ точности соразмѣрять наказаніе съ виною.

Скорбный грѣшникъ не смѣетъ собственною рукою погашать свѣтильника своей жизни и тѣмъ замыкать передъ собой двери милосердія. Но кто рѣшается на преступленія, за которыя законъ требуетъ его крови, тотъ самъ становится виновникомъ своей смерти, какъ и тотъ, кто уничтожаетъ себя пулею.

Должно щадить жизнь злодѣя, чтобы онъ лучшимъ употребленіемъ ея могъ загладить вину свою. Такъ говорятъ, и правило это называютъ христіанскимъ. Но вполнѣ ли согласно съ христіанскою вѣрою ученіе, что человѣкъ самъ можетъ загладить свою вину? И развѣ очищенію — дѣйствію духа — нужно

продолжаться годы, чтобы пріобрѣсти дѣйствительность предъ Господомъ, для Котораго все внятно прежде, нежели совершится? Нѣтъ, какъ разбойникъ на крестѣ, такъ и осужденный на смерть можетъ прибѣгнуть къ Спасителю и въ сердцѣ своемъ принять очищеніе духомъ Его, между тѣмъ какъ каторжникъ, заматорѣлый во злѣ, отлагаетъ свое исправленіе годъ за годомъ; а заключенный въ тѣсной темницѣ можетъ ли начать жизнь христіанина въ такомъ состояніи, которое похоже на дыбу осужденныхъ?

О, нашъ добрый король, котораго всѣ мы носимъ на рукахъ у сердца нашего! Кто не оцѣнитъ возвышенныхъ основаній, на которыя опирается твоя кротость, когда она страшится произнести жестокій, неизмѣнимый приговоръ: «Да умретъ»! Помазанникъ Господа! Право твое миловать есть право Божественное. Не упускай его изъ рукъ твоихъ: милость, всѣмъ даруемая, ни для кого не милость».

Приводя къ общему заключенію сказанное мною о Францéнѣ, я нахожу всего приличнѣе примѣнить къ нему замѣчаніе, имъ самимъ произнесенное о Тегнéрѣ: *Его сочиненія заставили всѣхъ уважать въ немъ человѣка, мыслящаго и ясно и глубоко, который, идучи наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, не увлекается однакоже его заблужденіями.*

8 сентября 1845.

РАЗНОЕ [1]).

1846.

Словесность во Франціи, какъ и у насъ, представляетъ двѣ стороны: на одной стоятъ люди, глубоко чувствующіе достоинство литературы по тому вліянію, какое обнаруживается въ сужденіяхъ и направленіи общества, проникающагося духомъ писателей; на другой — люди безъ сочувствія съ искуствомъ, безъ взгляда на будущее, болѣе искатели приключеній, нежели истины, счастливые минутными успѣхами въ настоящемъ и мало заботящіеся о послѣдствіяхъ какой бы то ни было мысли. Ежели мы назовемъ одну сторону *правою*, а другую *лѣвою;* то увидимъ, что на правой заботятся объ изученіи каждаго предмета въ его источникѣ, въ его развитіи, въ эпохѣ его процвѣтанія, и отыскиваютъ причины измѣненія его. Трудъ нелегкій: отсюда происходитъ малочисленность произведеній правой стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и незыблемость ихъ посреди всѣхъ измѣненій вкуса и моды. Правая сторона дорожитъ вѣрностію каждой черты въ картинѣ, силою всякаго слова, натуральностію положенія и его мѣста, отвѣтственностію за употребленное выраженіе, однимъ словомъ: она все творитъ въ разумѣ природы и съ сознаніемъ истины. На лѣвой сторонѣ во всемъ преобладаетъ страсть къ эффектности посредствомъ преувеличенія, которое она признала вѣрнѣйшимъ средствомъ къ жалкому своему успѣху. Преувеличеніе, въ ея глазахъ, свидѣтельствуетъ о высокости и силѣ дарованія. Оно и дѣйствительно поражаетъ толпу, когда страсти, движенія, свѣтъ, тѣни, краски, языкъ — все доведено въ изображеніи до инпер-

---

[1]) *Современникъ* т. XLI, стр. 357—358, стр. 410—415, и XLII, стр. 78—88, 239—243, 331—347. Подъ заглавіемъ «Разное» редакторъ *Современника*, въ послѣдній годъ завѣдыванія этимъ изданіемъ, началъ помѣщать въ немъ свои бѣглыя замѣтки о разныхъ предметахъ, представлявшихъ современный интересъ. Перепечатываемъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе значенія для исторіи литературы или образованія.

болы. Отсюда безпрерывная клевета на человѣческое сердце и постыдная ложь въ исторіи.

Мы сообщаемъ читателямъ нашимъ рѣчь графа Молэ, которую произнесъ онъ въ нынѣшнемъ 1846 году 17/29 января по случаю принятія Альфреда де Виньи въ члены Французской академіи. Новый академикъ, поступая на мѣсто Этьена, прочиталъ въ честь его похвальное слово. Графъ Молэ, какъ директоръ академіи, отвѣчалъ ему своею рѣчью, которая, несмотря на случай, совершенно частный для русской литературы, по нашему мнѣнію, представляетъ много назидательныхъ, общихъ истинъ. Главное достоинство ея заключается въ способѣ критики произведеній стороны лѣвой. Все, что сказано было Альфредомъ де Виньи объ Этьенѣ въ формахъ преувеличенія, все разобрано графомъ Молэ съ классическою отчетливостію. Точно такъ онъ коснулся и прочихъ сочиненій Альфреда де Виньи. Истина восторжествовала. Всеобщее одобреніе осталось на сторонѣ ея защитника. Это новаго рода состязаніе нисколько не повредило важности академіи. Она благосклонно выслушала мнѣніе достойнаго представителя правой стороны — и безъ сомнѣнія надѣется, что новый академикъ, въ нѣдрахъ ея, незамѣтно сблизится съ понятіями о существенныхъ законахъ искуства, прекраснаго какъ природа и незыблемаго какъ вѣчность.

— Здѣшній университетъ праздновалъ день основанія своего (8 февр.) публичнымъ актомъ. Это былъ второй актъ послѣ юбилейнаго (1844), когда исполнилось 25 лѣтъ существованію университета. Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ученому сословію, еще не довольно многія принимаютъ участіе въ этихъ торжествахъ. Такова обыкновенно судьба университета, когда онъ въ столицѣ, гдѣ вниманіе любознательности дѣлится между тысячью предметовъ, равно важныхъ и занимательныхъ. Не то бываетъ въ Москвѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, гдѣ есть университеты. Тамъ они дѣйствительно составляютъ средоточіе мѣстной умственной дѣятельности. Здѣшній же университетъ и младшій изъ собственно-русскихъ. Отъ основанія Казанскаго и Харьков-

скаго — 42 года, а Московскаго 91 г. Между тѣмъ, по составу своему и многимъ другимъ примѣчательностямъ, Санктпетербургскій университетъ заслуживаетъ общее вниманіе. Число образующагося въ немъ юношества восходитъ нынѣ уже къ 700, несмотря на то, что здѣсь нѣтъ медицинскаго факультета. Профессоровъ и прочихъ преподавателей 46. Каждый изъ нихъ въ ученой или изящной литературѣ занялъ почетное мѣсто какимъ нибудь сочиненіемъ. Исключая Казанскій университетъ, нигдѣ нѣтъ, какъ здѣсь, столько кафедръ для изученія восточныхъ языковъ. Университетская библіотека содержитъ болѣе 35 т. волюмовъ. Въ современной литературѣ конечно всѣмъ извѣстны два прекрасные таланта — И. Тургенева, и А. Майкова: они своимъ образованіемъ обязаны здѣшнему университету. Многія изъ ученыхъ диссертацій, которыя пишутся студентами въ разрѣшеніе годичныхъ задачъ и по опредѣленію совѣта награждаются медалями, знатоками приняты съ большою похвалой. На нынѣшнемъ актѣ объявлено было, что между прочими г. Тимофеевъ, еще 3-го курса студентъ по 1 отдѣленію филос. факультета, самымъ удовлетворительнымъ образомъ объяснилъ «идею о философіи «исторіи, возникшую въ новѣйшее время, показалъ различіе «между ею и историческимъ прагматизмомъ и разсмотрѣлъ въ «главныхъ чертахъ тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ «первые опыты такой философіи». Чтобы основательно разрѣшить подобную задачу, молодому человѣку надобно было непремѣнно изучить, по крайней мѣрѣ, Вико и Гердера.

— 19 февраля появилась и здѣсь январская книжка «Москвитянина». Немножко поздно. Журналъ прежде всего долженъ быть журналомъ, т. е. книгою срочною. Тѣмъ болѣе нетерпѣливы читатели «Москвитянина», что въ немъ есть достоинство и честь. «Москвитянинъ» въ новой книжкѣ попрежнему разнообразенъ и богатъ занимательными статьями, особенно касающимися собственно Россіи. Здѣсь по всей справедливости первое мѣсто занимаетъ сочиненіе самого редактора: «Историческое похвальное слово Карамзину». Какъ на образецъ ума, вкуса и языка — ука-

жемъ на разборъ С. П. Шевырева «Словъ и Рѣчей Московскаго митрополита Филарета». Но не согласны мы съ основною идеею критики г. Студитскаго, напечатавшаго родъ обозрѣнія русской словесности въ 1845 г. Онъ воображаетъ, что характеръ современнаго намъ направленія русской литературы возникъ изъ слѣдующихъ стиховъ Лермонтова:

«Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто, иль темно.
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ незнанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно-равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы».

Ужели г. критикъ не чувствуетъ, что въ этихъ стихахъ слышится одинъ отголосокъ нѣкогда моднаго направленія поэзіи Байрона, и у насъ лѣтъ пять когда-то нравившагося по милости Пушкина до появленія его «Полтавы» и «Бориса Годунова»? Но г. Студитскому показалось, что приведенные стихи послужили темою для сочиненій Гоголя, за которымъ потянулись всѣ его подражатели (до автора «Тарантаса» включительно), и въ своихъ нравоописательныхъ сатирахъ другъ за другомъ повторяютъ вышеприведенныя три мысли Лермонтова, которыя г. критикъ изложилъ такъ: 1. Наше прошедшее ребячески пошло; 2. наше настоящее ничтожно; 3. наше будущее постыдно. Въ литературѣ никто еще не слыхалъ и имени Лермонтова, когда уже Пушкинъ съ такимъ восхищеніемъ въ своемъ «Современникѣ» разбиралъ Гоголя. Если бы въ характерахъ, картинахъ и разсказахъ Гоголя повторялись (въ образѣ амплификаціи) вышеприведенныя три мысли, ан-

тилогическія и во всѣхъ отношеніяхъ мелкія; то его сочиненія не обратили бы на себя вниманія даже иностранцевъ, не только Русскихъ. И какъ можно приписывать Лермонтову образованіе школы, когда онъ видимо самъ стремился то за Пушкинымъ, то за Байрономъ?

— Изъ нашихъ газетъ мы узнаёмъ, что 22-го февраля, въ 11 часовъ вечера, отъ нервной горячки, на 50 году жизни своей скончался Н. А. Полевой. Въ продолженіе второй четверти нынѣшняго столѣтія онъ дѣйствовалъ на поприщѣ литературы нашей всѣхъ разнообразнѣе и неутомимѣе всѣхъ. Самое сильное вліяніе произвелъ онъ на харектеръ литературы русской журналомъ своимъ: «Московскій Телеграфъ», который издавалъ онъ до переѣзда своего сюда. Программа этого журнала, въ нѣкоторомъ смыслѣ, послужила въ послѣдствіи времени образцомъ для «Библіотеки для Чтенія», которой планъ безъ измѣненія приняли послѣ П. П. Свиньина и «Отечественныя Записки». Такимъ образомъ Н. А. Полевой можетъ быть названъ родоначальникомъ современной литературной дѣятельности въ этихъ журналахъ. Передъ кончиною своей онъ трудился какъ участникъ въ «Литературной Газетѣ».

— 1828 года, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» въ отдѣленіи прозы, на 208 страницѣ, напечатана статья Пушкина: «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія». Сравнивая ее съ оригинальною рукописью автора, мы нашли важный пропускъ, который легко изъяснить тѣмъ, что онъ касался самого издателя Сѣв. Цвѣт. Барона Дельвига. Чтобы не пропали и эти строки, драгоцѣнныя по имени Пушкина и замѣчательныя по истинѣ, въ нихъ заключающейся, мы приводимъ ихъ здѣсь вполнѣ. «Идилліи Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ *Золотой вѣкъ*, и какое необыкновенное *чутье* изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряжен-

наго въ чувствахъ; тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ; лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ»!

— Счастливыя способности къ изученію множества иностранныхъ языковъ инымъ даются природою въ такой степени, что невольно рождается въ насъ изумленіе и даже чувство какой-то зависти. Однажды слегка мы говорили уже о такомъ явленіи (т. XXII, стр. 26 *перв. нумераціи*), упомянувъ о молодомъ профессорѣ, который знаетъ языки: латинскій, итальянскій, французскій, англійскій, шведскій, нѣмецкій, финскій, русскій и польскій. Вотъ и еще примѣръ, удивительный тѣмъ болѣе, что любознательность обратилась на языки восточные, по кореннымъ звукамъ и грамматическимъ формамъ своимъ столь несогласные съ европейскими языками. Въ началѣ нынѣшняго тома журнала нашего помѣщенъ переводъ *К. А. Коссовича* изъ одной санскритской драмы. Въ «Современникѣ», до сихъ поръ, только разъ было названо имя этого писателя. (т. XLI, стран. 266). Между-тѣмъ въ Москвѣ, гдѣ теперь живетъ онъ, его знаютъ многіе и не безъ удивленія наблюдаютъ успѣхи его языкоученія. Покамѣстъ мы едва могли собрать о немъ слѣдующія свѣдѣнія. *К. А. Коссовичъ* родился въ Вильнѣ. Первое образованіе дано ему въ Витебской гимназіи. Прибывши въ Москву, онъ поступилъ въ университетъ въ 1-ое отдѣленіе философскаго факультета, которое, по выдержаніи имъ окончательнаго экзамена, удостоило его ученой степени кандидата. Два года проживъ въ Москѣ безъ особенной должности, на третій поѣхалъ онъ въ Тверь учителемъ греческаго языка. Н. М. Коншинъ, тамошній директоръ, замѣтилъ, что новый преподаватель двинулъ въ гимназіи не только успѣхи греческаго языка, но и все языкоученіе. Можно вообразить, какъ образованный и благомыслящій начальникъ цѣнилъ труды новаго сподвижника своего по общему ихъ дѣлу! До прибытія въ Тверь К. А. Коссовичъ былъ только отличнымъ филологомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова: зналъ изъ древнихъ языковъ греческій и латинскій, и изъ новѣйшихъ, кромѣ русскаго и польскаго, всѣ языки, которымъ обучаютъ въ высшихъ нашихъ учебныхъ

заведеніяхъ. Но въ Твери онъ обратился къ изученію еврейскаго, арабскаго и санскритскаго языковъ, и успѣлъ въ этомъ совершенно. Послѣднимъ онъ занимается особенно, составляя словарь его. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ Твери, онъ теперь переѣхалъ снова въ Москву, также учителемъ греческаго языка въ гимназіи. Къ счастію, этотъ молодой человѣкъ, съ рѣдкими способностями и необыкновенною ученою дѣятельностію, успѣлъ тамъ пріобрѣсти дружеское къ себѣ участіе любимаго нашего поэта Н. М. Языкова и достойно уважаемаго всѣми профессора С. П. Шевырева. Мы живемъ въ одну изъ такихъ литературныхъ эпохъ, въ которую особенно чувствуется потребность въ соединенной дѣятельности благородномыслящихъ людей.

— Такъ называющіе себя, русскіе литераторы, въ послѣднее время, ничѣмъ столько не унизили занятій своихъ, ничѣмъ такъ не истребили довѣренности къ сужденіямъ своимъ, ничѣмъ не помрачили столько чести, которая, со временъ Ломоносова до смерти Карамзина, была принадлежностію писателей, какъ открытымъ и повторяющимся озлобленіемъ на лица, ими же только-что превознесенныя, и наоборотъ — похвалами людямъ, которыхъ они незадолго передъ тѣмъ въ грязи топтали. Не приводя много примѣровъ этихъ отступленій отъ достоинства и чести, всѣмъ конечно еще памятныхъ, посмотримъ, что дѣлалось подобнаго въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Въ какомъ-то журналѣ напечатано: «Какъ энциклопедистъ, Полевой, послѣ Ломоносова и Сперанскаго, представляетъ собою замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи русской литературы». Если бы вздумалось намъ развить эту мысль, она завела бы насъ очень далеко. Довольно вспомнить слова Батюшкова: «Ломоносовъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ родахъ: онъ то же учинилъ на трудномъ поприщѣ словесности, что Петръ Великій на поприщѣ гражданскомъ». Чувствовалъ ли журналистъ, до чего можетъ дойти его иперболa? А чѣмъ она кончится, если мы сюда вставимъ извѣстныя слова изъ самого Ломоносова: «Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и

море; дхнетъ духъ Его — и потекутъ воды; прикоснется горамъ — и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю». Между тѣмъ тотъ же журналистъ и въ той же книжкѣ, говоря о новомъ сочиненіи Полевого: *Битва Смоленская въ 1812 году*, позволяетъ себѣ выраженія, въ которыхъ нельзя не чувствовать полнаго презрѣнія къ таланту разсматриваемаго автора: «Полевой *соблаговолилъ* дать статью; ныньче *преимущественно* занимается онъ военной исторіею: *такой ужъ нашелъ на него стихъ*». Еще памятна одна выходка какого-то газетчика, который доказалъ *какъ дважды два — четыре*, что изъ всѣхъ сочиненій Полевого ни одного нѣтъ собственно ему принадлежащаго по мысли, или плану или краскамъ; что все это родъ жалкаго подражанія, передѣлки и т. п. И тотъ же газетчикъ возвѣстилъ высокопарно о кончинѣ Полевого, какъ о событіи, повергнувшемъ въ уныніе всю Россію — и рука его не дрогнула ни къ какой стати поставить заключеніемъ статьи патріотическій стихъ Озерова:

«Языки, вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!»

Что пришлось бы сказать намъ, если бы мы привели здѣсь продолжавшіяся семь лѣтъ разглагольствія еще-таки журналиста, который отвергалъ въ Полевомъ всякое авторское достоинство, а въ концѣ прошедшаго 1845 года (какъ бы озаренный свѣтомъ) примѣтилъ въ немъ необыкновенныя способности? Безъ сомнѣнія, смѣшно было бы обмолвки *подобныхъ судей* разбирать серьёзно; но нельзя не напомнить имъ стариннаго правила: «кто лжетъ, тотъ долженъ имѣть хорошую память».

— Въ одной русской газетѣ предлагается на общее разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: «Чего ждать отъ литературы, въ которой духъ партіи можетъ дойти до такой степени, чтобъ явно

передъ публикою называть геніальными произведеніями мелочные разсказы, въ которыхъ нѣтъ ни пламеннаго чувства, ни силы воображенія, ни одной высокой идеи, нѣтъ даже заманчивости въ завязкѣ и прелести въ слогѣ?» По нашему мнѣнію, литература ничего не потеряетъ отъ подобнаго обстоятельства, а много потеряютъ въ общественномъ мнѣніи люди, выказывающіе свое ничтожество этими сужденіями. За нѣсколько лѣтъ, у насъ же, какой-то журналистъ долго твердилъ во всеуслышаніе, что въ Россіи явился геній поэзіи, равный Гэте. Призракъ, поразившій журналиста, исчезъ, а русская литература все подвигается впередъ. Литература есть живая исторія мыслящаго народа. Истина и ложь проникаютъ въ нее, но каждая получаетъ наконецъ достойное себѣ возмездіе. Сколько было, и въ прежнія эпохи, *извѣстностей*, ложно превозносимыхъ ослѣпленными судьями! Это однакоже не погубило ни одной литературы. Мы по-дѣтски размышляли бы, если бы думали, что въ борьбѣ *истины съ ложью* послѣдняя одержитъ когда-нибудь верхъ: до сихъ поръ исторія еще не представила подобнаго явленія.

— Г. Гречъ, въ письмахъ изъ Парижа, разсказываетъ, будто Альфредъ де Виньи, послѣ рѣчи къ нему графа Молэ, сказалъ, что нога его не будетъ въ академіи. Это — или минутная вспышка гнѣва, или невѣрный пересказъ пріятелей. Различіе школъ и мнѣній не должно, да и не можетъ, враждебно разъединять людей *благородныхъ* и образованныхъ. Эти два соперника, Моле и де Виньи, не недостойны другъ друга. Никто изъ нихъ ничѣмъ не унизился до такой степени, чтобы другому показалось *неприличнымъ* сходиться съ нимъ въ одномъ обществѣ. Графъ Молэ не безъ основанія совѣтовалъ приверженцамъ новой школы избѣгать поддѣльности, принужденности и надутости (*Современникъ,* XLI т., 374 стран.). Противникъ могъ ему сказать въ отвѣтъ: мы въ эти крайности впадаемъ, избѣгая сухости, холодности и скучной правильности старыхъ писателей. Между спорящими до тѣхъ поръ не исчезаетъ надежда на примиреніе, пока не возстанутъ между ними низкая зависть, клевета и т. п.

— Г. Віардо перевелъ на французскій языкъ (какъ давно здѣсь извѣстно) нѣкоторыя изъ сочиненій Гоголя. Разсказывая о впечатлѣніи, какое произвела эта книга въ Парижѣ, г. Гречъ сравниваетъ услугу переводчика русской литературѣ съ услугою басеннаго медвѣдя спящему другу. «Нельзя вообразить себѣ, гоговоритъ г. Гречъ, ничего каррикатурнѣе и смѣшнѣе этого перевода. *Наблюдательность автора, его искуство схватывать едва уловимыя черты малороссійскаго быта, его мнимое простодушіе, его наивная замысловатость,* — все это исчезло подъ губительнымъ перомъ *варвара*-переводчика». Послѣ исчисленія достоинствъ Гоголя, столь положительныхъ и важныхъ, г. Гречъ вдругъ перемѣняетъ о немъ свое мнѣніе и говоритъ, что «Гоголь и въ оригиналѣ только позайметъ, позабавитъ публику своимъ разсказомъ, но не подвинетъ ея впередъ на пути литуратурнаго образованія». Это противорѣчіе очень странно. Ежели мы согласны, что разсматриваемый писатель — дѣйствительный художникъ въ своемъ искуствѣ; то какъ же утверждать, что вліяніе его на искуство останется безплоднымъ? Г. Гречъ говоритъ, что у Гоголя нѣтъ главнаго — *нѣтъ языка*. А развѣ можетъ безъ художническаго языка выразиться въ сочиненіи все то, что указалъ самъ критикъ? Г. Гречъ вѣроятно думаетъ, что *всѣ таинства языка* заключены въ грамматикѣ и лексиконѣ, а мы убѣждены, что тамъ только *слова* и *формы*, а въ истинномъ значеніи языкъ находится въ твореніяхъ писателей-художниковъ, между которыми странно не дать мѣста Гоголю. Фельетонистъ, помѣстившій у себя замѣчанія г. Греча, вздумалъ какъ друга защитить г. Віардо отъ упрековъ, на которые такъ не поскупился г. Гречъ. «Онъ виноватъ, говоритъ фельетонистъ, только въ легковѣріи и *въ томъ, что не зная по-русски, назвался переводчикомъ съ русскаго языка!*» Съ такими защитниками Богъ знаетъ куда попадешь!

— Получивъ 13 марта вторую книжку за февраль Revue des deux mondes, мы нашли въ ней отзывъ уважаемаго всѣми критика Сентъ-Бэва о рѣчи графа Молэ, совершенно согласный съ нашимъ (*Современ.* т. XLI, стр. 356). Вотъ его слова: «Графъ

Молэ отвѣчалъ Альфреду де Виньи съ такою же откровенностію, съ какою послѣдній изложилъ свои убѣжденія. Намъ очень нравится это нововведеніе академиковъ. Вѣжливое, умѣренное противорѣчіе, сопровождаемое видимымъ уваженіемъ противника, выражаетъ особеннаго рода почтеніе. Высказывая свою потребность опроверженія какой-нибудь истины, не признаемъ ли мы торжественно ея важности? Мы живемъ не въ эпоху бездушнаго ласкательства. Современное общество пріучило насъ къ противорѣчію, даже до излишества: пусть хотя въ академіи еще господствуетъ вѣжливость, которой образецъ мы теперь видѣли, вѣжливость въ необходимомъ опроверженіи ошибочныхъ мнѣній — и все пойдетъ прекрасно. По моему мнѣнію, всегда очень занимательно разсматривать, какъ здравомыслящій, безпристрастный человѣкъ обнимаетъ предметъ, который повидимому только намъ совершенно извѣстенъ, а для него еще новъ. Въ этомъ предметѣ, который мы считаемъ исключительно нашимъ дѣломъ и о которомъ безпрестанно говоря, судимъ какъ бы уже безъ участія, повѣрьте, въ этомъ предметѣ здравомыслящій человѣкъ, созрѣвшій посреди другихъ привычекъ, долго занимавшійся другими предметами, съ перваго взгляда откроетъ что-нибудь неожиданное, новое — и мы выслушаемъ его съ большою пользою, особенно когда, какъ было при нынѣшнемъ случаѣ, здравомыслящій человѣкъ въ то же время и человѣкъ отличающійся умомъ утонченнымъ и острымъ. Онъ не станетъ ужъ говорить о томъ, что и мы знаемъ — о характерѣ всегда полезнаго художническаго изученія предметовъ, о формахъ сочиненія, зависящихъ отъ мысли, и тому подобномъ; но онъ обратитъ взглядъ на самое основаніе, на дѣйствіе цѣлаго, на существенныя отношенія искусства къ истинѣ, на связь поэзіи съ исторіею, на воображеніе и требованія строгаго ума: вотъ что мы въ свое назиданіе услышимъ; мы послѣдуемъ за прямымъ его направленіемъ, познакомимся съ его чувствомъ, не поглощеннымъ подробностями, не обольстившимся красотами исполненія. Но ежели идетъ рѣчь о знаменитыхъ лицахъ исторіи, о славныхъ государственныхъ лю-

дахъ и великихъ монархахъ, изображенныхъ поэтомъ; ежели предполагаемый нами здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ вблизи видѣлъ нѣкоторыя изъ этихъ лицъ; ежели онъ еще былъ и въ дружескихъ съ ними сношеніяхъ; ежели по собственнымъ опытамъ онъ дошелъ до яснаго уразумѣнія, чтó значитъ человѣкъ истинно-государственный и какія существенно необходимы качества для этой роли, которой униженія въ древности не позволяли себѣ ни Платоны, ни Гомеры,—не возстановитъ ли онъ достоинства нѣсколькими простыми сужденіями, не обратитъ ли насъ ими къ истинѣ, не разсѣетъ ли обманчивыхъ нашихъ мечтаній съ бóльшею легкостію, надежнѣе, нежели удается это самимъ литераторамъ въ ихъ спорахъ? Графъ Молэ, говоря отъ имени академіи, прибавилъ въ заключеніи: *Не время ли кончить споры о классицизмѣ и романтизмѣ? Куда приведутъ они? Признаюсь: я желалъ бы найти въ одномъ болѣе свободы, а въ другомъ менѣе поддѣльности, принужденности и надутости.* Вотъ слова здравомыслящаго человѣка. Ежели директоръ академіи, принадлежащій самъ къ сторонѣ классиковъ, произноситъ этотъ приговоръ,—не должны ли мы убѣдиться, что тяжба кончилась и дѣло рѣшено? Во всемъ этомъ окончаніи рѣчи графъ Молэ высказывалъ истины, исполненныя справедливости и примѣняемости; онъ не говорилъ, какъ обыкновенный благородный любитель словесности, привыкшій упоминать о ней мимоходомъ, но разсуждалъ со всѣмъ достоинствомъ, съ убѣжденіемъ и полнотою. Внимая ему, нельзя было въ немъ не узнать съ удовольствіемъ стариннаго друга Шатобріана и Фонтана, друга, къ которому писалъ Жуберъ свои письма, столь искреннія и столь назидательныя; нельзя было не чувствовать, что идеи развиваетъ передъ нами тотъ образованный и твердый умъ, который, еще въ нѣжной юности, прежде вступленія на гражданское дѣловое поприще, былъ замѣченъ по своей важности, и который, сходя съ него, сохраняетъ постоянно свою утонченность и грацію».

— Для торжественнаго привѣтствія или встрѣчи владѣтельныхъ особъ, въ Финляндіи, нерѣдко, на подобіе того, какъ это

дѣлается въ Германіи, назначаютъ дѣтей, особенно дѣвочекъ. Послѣ взятія Русскими Выборга, Петру Великому ключи города подносила дѣвочка *Гавеманъ,* бывшая послѣ бабушка (по отцу) генерала отъ инфантеріи А. П. Теслева, исправляющаго нынѣ въ Финляндіи должность генералъ-губернатора. Неизвѣстно, какъ государь наградилъ ее; но князь Меньшиковъ, сопровождавшій Петра, снялъ съ себя карманные золотые часы (формою похожіе на луковицу) и подарилъ ихъ дѣвочкѣ. Эта женщина дожила до глубокой старости и умерла едва ли не въ послѣдній годъ прошлаго столѣтія. Она особенно любила разсказывать про Петра I. Часы считались семейною драгоцѣнностію, и у старушки обыкновенно они висѣли на стѣнѣ, но къ большому огорченію, еще при жизни ея, сгорѣли во время пожара 1793 года.

— Мы не говорили еще съ нашими читателями о появленіи въ нынѣшнемъ году новой у насъ газеты: *Кавказъ.* Намъ любопытно было убѣдиться, на какой сторонѣ, въ литературномъ отношеніи, изберетъ она постоянное свое мѣсто. Теперь явилось уже довольно доказательствъ, что ей нравится правая сторона. *Кавказъ*, не обинуясь, преслѣдуетъ шарлатанство мнимо-ученыхъ и хвастовство мнимо-отважныхъ. Это утѣшительно, тѣмъ болѣе, что лѣвая сторона, какъ показали мы, очень многолюдна. Кто полюбопытствуетъ прочитать, какимъ образомъ *Кавказъ* отзывается о невѣжествѣ выдающихъ себя за всезнающихъ, тому совѣтуемъ заглянуть въ его фельетонъ №№ 10 и 11. А въ фельетонѣ № 12 есть доказательство и на второй случай.

— Съ нѣкотораго времени поддерживается безыменными писателями *новое мнѣніе*, будто авторъ, подобно всякому мастеровому, не долженъ считать для себя за постыдное дѣло трудиться надъ такими литератуными предпріятіями, которыя хотя и не въ гармоніи съ призваніемъ его таланта, но много доставляютъ денегъ. У всякаго есть собственное воззрѣніе на идеи *долга, совѣсти, чести* и *достоинства,* и потому безполезно было бы входить въ состязаніе съ этимъ меркантильнымъ ученіемъ. Оно,

какъ всѣ знаютъ, перенесено къ намъ изъ Парижа. Но вотъ что и тамъ наконецъ гибельныя послѣдствія этой теоріи вынудили обнародовать одного журналиста: «*Продажный талантъ* представляетъ разгадку всѣхъ бореній, всѣхъ раздоровъ, всѣхъ паденій. Этимъ словомъ объясняются — упадокъ литературы, броженіе тайной ненависти между согражданами, злоба и преслѣдованіе, возмущеніе и смертоубійство. Всѣ наши бѣдствія и страданія, всѣ драмы людей страждущихъ, всѣ комедіи дерзкихъ богачей развиваются изъ этаго слова». Подробное изложеніе столь замѣчательнаго сужденія парижскаго журналиста о продажныхъ талантахъ напечатано въ письмѣ г. Греча отъ 26 марта (7 апрѣля) 1846 года въ 80 № «Сѣв. Пчелы».

— Сочиненіе, въ которомъ авторъ самъ передаетъ потомству разные случаи жизни своей, мнѣнія свои, свой характеръ и т. п., никогда не надобно принимать за источникъ исторической истины. Это не больше, какъ сказка, иногда остроумная и занимательная, а часто пошлая и утомительная, но всегда изъясняющая всѣ событія въ прославленіе одного лица, т. е. ея автора. И естественно: кому захочется написать на себя обвинительный актъ? То, что разсказывается въ такихъ сказкахъ, могло и дѣйствительно случиться — только утаены побужденія дѣйствій, перемѣнены формы, краски ихъ, словомъ: все приноровлено къ главной цѣли, чтобы изъ автора вышелъ если не геній, по крайней мѣрѣ единственный герой, сіяющій благородствомъ, правдолюбіемъ и всѣми возможными доблестями. Такъ, наприм., довелось какому-то автору обѣдать въ Грузинѣ у покойнаго графа Аракчеева въ 1824 году. Случай, какъ всякой понимаетъ, совершенно экстренный *по тому времени*. Упоминая о немъ въ запискахъ, вотъ до какого идеала поднялъ авторъ себя для увеселенія читателей (забавная вышла бы біографія, если бы въ нее кто-нибудь простодушно перенесъ отсюда черты гостя или хозяина!)[1]).

[1]) См. *Воспоминанія Фаддея Булгарина.*

— Бываютъ эпохи, когда писатель затрудняется говорить открыто и чистосердечно о самыхъ несомнѣнныхъ своихъ убѣжденіяхъ. Ежели истины его противорѣчатъ мнѣніямъ другихъ литераторовъ, часто послѣдніе, не заботясь о приличіи и общественныхъ отношеніяхъ, въ припадкѣ неподражаемой веселости своей, готовы талантъ противника уподобить какой-нибудь машинѣ, чтобы достоинство, уязвленное такъ неожиданно и такъ непристойно, уступило поле битвы однимъ закалившимся въ брани полемики. Всѣ знаютъ, что въ недавнее время у насъ появилось на языкѣ газетчиковъ - остроумцевъ какое-то словечко полевотипъ. Но въ литературахъ иностранныхъ и еще серьёзнѣе производится борьба несогласія мнѣній. Нерѣдко вражда, пристрастіе, отсутствіе чистаго вкуса и полноты знаній, необходимыхъ для всякаго сужденія, а тѣмъ болѣе учено-литературнаго, воздвигаютъ въ обществѣ многочисленную партію, которая, подобно политической сторонѣ, позволяетъ себѣ всѣ средства, чтобы обезчестить защиту правды и сгромоздить пьедесталъ подъ стопы идола своего, забывая, что, при первомъ словѣ строгой истины, обрушатся во прахъ и кумиръ и подножіе. Такъ въ наше время литературная чернь возвела Сю на степень Вальтеръ - Скотта. Соображая подобныя обстоятельства, благорожденный и благовоспитанный писатель, естественно, долженъ прибѣгать къ тончайшимъ оттѣнкамъ выраженій, какія только способенъ уловить гибкій талантъ его, чтобы безопасно обнародовать убѣжденія не общія, воспитанныя только собственнымъ его мышленіемъ. Тогда чернь не замѣтитъ и обойдетъ его, неспособна будучи спускаться въ глубину смысла. Этѣ мысли родились у насъ при чтеніи послѣдней критики А. В. Никитенка. Разсматривая сочиненія Полевого (яблоко раздора, очень оригинально проявляющагося въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Иллюстраціи»), онъ нашелъ способъ провести тонко, скромно, однако вѣрно всѣ черты, которыми уничтожаются ложно приписываемыя ему достоинства, и опредѣляются слабыя стороны его. Дѣйствительно: при невѣроятной дѣятельности Полевого, при изумительной многочисленности сочиненій его, при ихъ раз-

нообразіи, утвердился ли въ нашемъ понятіи хоть одинъ его трудъ какъ произведеніе художническое, самобытное, выразившее характеръ его таланта и умонаправленія, или какъ образецъ теченія мыслей, ихъ силы, справедливости и ясности, или хоть даже какъ примѣръ хорошаго, точнаго, выразительнаго языка? Онъ былъ одаренъ (говоритъ критикъ) одною изъ тѣхъ счастливыхъ, здоровыхъ, стремительныхъ и гибкихъ организацій души, которыя носятъ въ себѣ огромный запасъ силъ, годныхъ для самыхъ отважныхъ и мужественныхъ предпріятій, и которыя не могутъ *установиться* ни на одномъ поприщѣ идей и дѣйствій, чтобъ не *потребовать пройти по немъ смѣлѣе, или далѣе другихъ*». Такимъ образомъ, бывши лишенъ собственнаго внутренняго достоянія, которое бы могло благотворно обратить на себя дѣятельность безпокойнаго его духа, Полевой принужденъ былъ, по счастливому выраженію профессора, пробовать, нельзя ли ему итти по проложенной другими дорогѣ, только итти еще смѣлѣе, или еще далѣе. «У него нѣтъ спеціальной задачи, опредѣленнаго вопроса, рѣшеніе котораго занимало бы его исключительно, или преимущественно (прибавляетъ г. Никитенко): дѣйствовать умомъ и словомъ на сценѣ обширной, *удостоиться почестей*, присвоенныхъ этого рода подвигамъ — вотъ *тайная*, завѣтная *дума*. Онъ не смущается ни огромными размѣрами своего поприща, ни разнообразіемъ предметовъ, разсѣянныхъ на немъ, ни *недостаткомъ обычныхъ орудій и средствъ*. Съ юношескою и *русскою* отвагою въ сердцѣ (NB: однакоже у *Русскихъ* есть пословица: семь разъ примѣрь, а послѣ отрѣжь) онъ говоритъ самому себѣ: *мнѣ ли не одолѣть всего этого*?—и бросается впередъ, носясь по широкому пространству и въ то же время *скользя по поверхности вещей*, которыя считаетъ въ своей власти единственно по тому, что *видитъ* ихъ и *надѣется на свою силу*». Невозможно точнѣе, справедливѣе и удачнѣе указать на истинную причину того изумленія и какого-то паническаго страха, съ которыми поверхностные судьи приписывали столько литературныхъ заслугъ Полевому. Критикъ, упомянувъ о безотчетной его привязанности къ энци-

клопедизму и *какъ бы* оправдывая это явленіе непостоянствомъ интересовъ, занимающихъ общество наше, прибавляетъ: «онъ боялся *остаться незамѣченнымъ* и утонуть въ ничтожествѣ». Мелочность основанія вездѣ подсмотрѣна. «Въ сужденіяхъ о современныхъ текущихъ дѣлахъ литературы, приговоры Полевого не всегда основывались на строгомъ безпристрастіи. Его увлекали свои любимыя идеи, можетъ быть, и *личныя* отношенія. Въ особенности приговоры его иногда были слишкомъ рѣзки. Случалось также, что *послѣдующія его понятія противорѣчили первымъ*. Этимъ приговоромъ оцѣнена главнѣйшая сторона журнальной дѣятельности Полевого. Но еще выразительнѣе слова, относящіяся къ сочиненію его Исторіи русскаго народа. «Это предпріятіе Полевого принадлежало къ роду тѣхъ юношескихъ затѣй, которыя въ пылкой душѣ зачинаются вдругъ отъ прилива новыхъ понятій, принятыхъ въ душу, и *не установившихся* въ ней, которыя теребятъ и влекутъ ее, не давъ опомниться отъ перваго упоенія, до тѣхъ поръ, пока не отрезвитъ ее суровая, *явная невозможность* стремиться далѣе. Тутъ было все, чтобы предпринять колоссальное дѣло: широта умственнаго размаха съ *коварными навѣтами высокихъ идей;* скромные, недовершенные труды предшественниковъ; *вѣра* въ умъ человѣческій вообще и *свой въ особенности*; перо, которое мчалось чрезъ *всѣ преграды русскаго языка*, не заботясь, что всѣ же онѣ останутся позади, какъ знаки обойденныхъ, но не побѣжденныхъ трудностей; обаяніе первыхъ успѣховъ, соблазнъ издали улыбающейся славы—тутъ было *все*, чтобы заставить горячаго, даровитаго человѣка начать дѣло, *кромѣ благоразумія*, которое бы могло побудить *не начинать* его». Критикъ, въ слѣдъ за общимъ опредѣленіемъ качествъ разсматриваемаго писателя, присоединяетъ нѣсколько и частныхъ замѣчаній, тоже очень справедливыхъ. «Карамзину Полевой дѣлалъ упреки за пожертвованіе реторикѣ колоритомъ мѣстности и времени; а самъ однакожъ не придалъ этого колорита своему повѣствованію, хотя и обѣщалъ его». Кстати замѣтить здѣсь, что требованія красокъ мѣстности и эпохи нынѣ встрѣчаются без-

престанно. Но благоразумнымъ литераторамъ должно быть извѣстно, что это совершенство въ отдѣлкѣ достижимо только для истиннаго художника, котораго талантъ уже и работать не можетъ, не внося въ созданія свои красокъ. У Карамзина ихъ мало въ первыхъ томахъ потому, что самые матерьялы, изъ которыхъ онъ извлекалъ свои разсказы, безцвѣтны совершенно; а выдумывать для исторіи краски можетъ только дюжинный авторъ. Въ послѣднихъ же томахъ Карамзинъ явился великимъ художникомъ, какимъ создала его и природа: вся наша новѣйшая поэзія, когда предметы для нея заимствуются изъ русской исторіи, только Карамзину и обязана красками своими. Отъ Полевого напрасно уже и требовать красокъ: ихъ не оказалось ни въ одномъ изъ его сочиненій, потому что онъ не родился художникомъ - писателемъ. Въ заключеніи характеристики его г. Никитенко говоритъ рѣшительно: «Соединивъ въ своемъ умѣ все, чѣмъ былъ, что̀ сдѣлалъ и что̀ значилъ Полевой, вы въ состояніи подумать, что тутъ была *какая-то блистательная ошибка природы*. Она *повидимому* рѣшилась создать новаго, особеннаго рода генія для нашей литературы. Уже все готово было для этой прекрасной цѣли. *Оставалось* только привести различныя силы въ гармонію и дать имъ единство, какъ вдругъ она *раздумала* и сказала: рано и безполезно. Ей однакожъ жалъ было бросить драгоцѣнные матерьялы. Изъ нихъ-то, безъ окончательной отдѣлки природы (NB: прибавимъ—и искуства), вышелъ человѣкъ *съ геніальными средствами безъ генія*.

— Хроника Санктпетербургскаго университета представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ событій, изъ которыхъ два относятся къ послѣднимъ числамъ апрѣля, а другія два къ первой половинѣ прошлаго мая. Заслуженый профессоръ математики, *Д. С. Чижовъ*, съ честію и пользою занимавшій свою каѳедру тридцать пять лѣтъ, сперва въ прежнемъ Педагогическомъ институтѣ, а послѣ его преобразованія въ университетѣ, нынѣ оставилъ службу. Въ столицѣ не много найдется людей, въ службѣ прилагающихъ къ практикѣ знанія высшихъ частей математики,

кто бы не былъ гдѣ-нибудь въ числѣ слушателей Д. С. Чижова. Его назвать можно первымъ здѣсь распространителемъ лучшей методы преподаванія математики. Окончивъ высшій курсъ ученія своего въ прежнемъ Педагогическомъ институтѣ, онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, отправленъ былъ на нѣсколько лѣтъ за границу, и возвратившись оттуда, получилъ въ немъ каѳедру, а вмѣстѣ приглашенъ былъ въ преподаватели математики и другими учебными заведеніями. Повсюду неизмѣнно пользовался онъ отличнымъ уваженіемъ за свои обширныя и основательныя познанія, за свой благородный характеръ, за свою удивительную скромность и вообще за прекрасныя качества души, привлекавшія къ нему всѣхъ, кто только зналъ его. Ученое сословіе университета не могло проститься съ нимъ, не выразивъ ему торжественно всей признательности за честь, съ которою онъ столько лѣтъ носилъ званіе профессора. Совѣтъ единогласно избралъ его въ почетные члены университета. Сверхъ того, 27 апрѣля, въ университетской большой залѣ данъ былъ въ честь его блистательный обѣдъ, который почтилъ своимъ присутствіемъ и господинъ попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Когда, послѣ тостовъ въ честь Государя Императора, всего Августѣйшаго Дома и господина министра народнаго просвѣщенія, ректоръ университета обратился къ заслуженному профессору и изъяснилъ, сколь искренни къ нему уваженіе и дружелюбіе товарищей, несмотря на то, что кругъ ихъ образовался въ годы его службы изъ четырехъ поколѣній, сколь высоко въ немъ цѣнятъ члены университета достоинства ученаго, товарища, гражданина и человѣка, достоинства, которыя сохранилъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей; тогда Д. С. Чижовъ, тронутый до слезъ общимъ къ нему радушіемъ, всѣ приписанные ему успѣхи свои въ жизни съ непритворною скромностію отнесъ къ благодушію лицъ, съ которыми Провидѣнію угодно было соединить его.—На другой день, 28 апрѣля, въ университетѣ, для полученія степени магистра химіи, *А. Ходневъ* защищалъ разсужденіе свое, подъ названіемъ: *Составъ студенистыхъ растительныхъ веществъ и ихъ физіологическое назначеніе.* Сочинитель ро-

дился здѣсь въ Санктпетербургѣ и первоначально воспитывался въ домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Въ 1832 г. поступилъ онъ въ Главный Педагогическій институтъ. По окончаніи въ немъ курса наукъ, онъ оставленъ былъ въ столицѣ же на годъ для занятій подъ руководствомъ академика Г. И. Гесса, а вслѣдъ за тѣмъ отправленъ былъ за границу для усовершенствованія своихъ познаній исключительно по части химіи. Время пребыванія своего въ чужихъ краяхъ онъ провелъ въ Берлинѣ, Гисенѣ и Парижѣ, откуда и возвратился сюда въ августѣ 1845 г. Его познанія вполнѣ удовлетворили 2-е отдѣленіе философскаго факультета. Въ способѣ его изложенія идей, въ отвѣтахъ на всѣ возраженія нельзя было не чувствовать убѣжденія несомнѣннаго, готовности свободной и въ нѣкоторыхъ словахъ опытности замѣчательной. Деканъ объявилъ собранію посѣтителей, что отдѣленіе признаётъ его достойнымъ степени магистра.—11-го мая университетъ лишился одного изъ членовъ своихъ ученаго сословія: послѣ продолжительной болѣзни скончался *П. И. Прейсъ*, преподаватель исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Русскіе и иностранцы, занимающіеся этою отраслію филологіи, признавали его у насъ въ числѣ первыхъ знатоковъ общаго ихъ дѣла. Въ здѣшнемъ университетѣ кончилъ онъ курсъ наукъ и сперва поступилъ старшимъ учителемъ русской словесности въ Дерптскую гимназію. Въ 1838 году университетъ предложилъ ему путешествіе по славянскимъ землямъ на три года, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ приготовиться къ занятію въ немъ профессорской каѳедры. Начавши преподаваніе славянскихъ языковъ въ 1842 году, П. И. Прейсъ продолжалъ неутомимо изученіе всѣхъ частей обширнаго своего предмета, у насъ еще почти новаго. Не было ни одного изданія, сколько-нибудь замѣчательнаго по этой части, котораго бы онъ не выписалъ и не изучилъ, такъ-что его библіотека — рѣдкое въ своемъ родѣ сокровище.—Черезъ два дня новая утрата суждена была университету: 13 мая скончался, также послѣ долговременной болѣзни, экстраординарный профессоръ по ка-

федрѣ арабскаго языка *М. Г. Волковъ.* Въ 1823 г. онъ кончилъ курсъ наукъ въ здѣшнемъ университетѣ — и тогда же, для преподаванія арабскаго языка, оставленъ былъ при немъ въ должности, соотвѣтствовавшей ученой степени магистра. Съ тѣхъ поръ, онъ неизмѣнно состоялъ въ ученомъ сословіи университета. Въ Императорской Академіи наукъ онъ былъ хранителемъ азіатскаго музеума. Отпѣваніе тѣла П. И. Прейса происходило въ католической церкви св. Екатерины, а М. Г. Волкова въ церкви университетской. Г. попечитель здѣшняго учебнаго округа, профессоры университета и студенты его, съ душевнымъ прискорбіемъ собравшись въ оба раза на печальный обрядъ погребенія, почтили память покойныхъ.

— За нѣсколько лѣтъ передъ симъ г. Гречъ напечаталъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Я не могу безъ смѣху читать нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ, въ коихъ несутъ великолѣпный вздоръ, воображая, что говорятъ о новѣйшей философіи. Толкуютъ о высшихъ взглядахъ, о потребностяхъ вѣка, о невѣроятныхъ успѣхахъ ума человѣческаго въ наше время, съ презрѣніемъ глядятъ на отцовъ и учителей нашихъ въ словесности, не замѣчая, что у насъ рѣдкій кто умѣетъ выражать ясно и правильно самыя простыя мысли на родномъ языкѣ. Гдѣ же тѣ неизмѣримо великія открытія въ наукахъ, гдѣ тѣ исполинскіе шаги въ словесности нашей, коими хвалятся глашатаи новой школы? Не лучше ли спуститься на нѣсколько ступенекъ, поближе къ простому здравому смыслу, къ чистой русской грамотѣ, къ ясному, непринужденному и правильному изложенію своихъ мыслей? Не лучше ли оглянуться на прежнее и перестать думать, будто словесность, науки, искуства существуютъ со времени выхода въ свѣтъ нашей программы («Сынъ Отеч.», 1831. № 18, стран. 213)»? Это сказано было о *Московскомъ Телеграфѣ.* Недавно изъяснили мы читателямъ нашимъ, какъ возникли изъ него *Библіотека для чтенія* и *Отечественныя записки,* и сохранили въ себѣ черты, указанныя г. Гречемъ. Перелистывая періодическія изданія, которыхъ книжки явились въ прошедшемъ мѣ-

сяцѣ, мы изумлены были видимымъ отношеніемъ вышеприведенныхъ словъ и къ духу *Финскаго Вѣстника.* Вотъ, наприм., сужденіе его о русской литературѣ. «Въ наше, говоритъ онъ, время, синтетическое по-преимуществу, никакое отдѣльное мнѣніе, никакая отдѣльная мысль, не имѣютъ, не могутъ и *не должны* имѣть силы внѣ связи съ идеей, естественно выводимой изъ *всего прошедшаго.* Литература наша *выражала* и *выражаетъ* до сихъ поръ, собственно говоря, два направленія, которыя въ наше время яркимъ образомъ высказались въ Лермонтовѣ и Гоголѣ, которыя мы нѣсколько разъ уже въ нашемъ журналѣ обозначали именами трагизма и комизма. Лермонтовъ и Гоголь — продолжаетъ «Финскій Вѣстникъ» — это пришлый и самобытный элементъ нашей Россіи, хотя нельзя назвать одинъ западнымъ, а другой восточнымъ; ибо Россія не востокъ только, а востокъ и западъ вмѣстѣ. Мы скорѣе готовы назвать первый изъ этихъ элементовъ варяжскимъ, а второй славянскимъ. Читатели наши (т. е. «Финскаго Вѣстника») удивятся вѣроятно, что, говоря о двухъ этихъ направленіяхъ нашей литературы, мы ни слова не сказали о первомъ нашемъ поэтѣ, о Пушкинѣ. Пушкинъ геніальный Протей, совмѣстившій въ своей богатой, шекспировской организаціи всѣ направленія, ему предшествовавшія, — и слѣдовательно на него должно смотрѣть, какъ на полный, художественный результатъ прежней, еще не достигшей самобытности литературы, и въ немъ не отдѣльно только, а слитно, совокупно, найдете вы слѣды двухъ направленій, *поколику* они выразились въ литературѣ, ему предшествовавшей; ибо въ ней даже, въ этой до-пушкинской, этой получужеземной, по крайней мѣрѣ по формамъ своимъ, литературѣ, найдете вы, по внимательномъ изслѣдованіи, тѣ же два элемента (NB: авторъ и забылъ, что не только у всѣхъ поэтовъ міра, да и во всей природѣ нѣтъ никакой болѣе красоты, какъ собственно называемое прекраснымъ и комическое): *всегда около* важнаго и по-своему трагическаго Ломоносова *является* юмористъ Сумароковъ; вмѣстѣ съ величавымъ и полнымъ созерцанія сѣвернымъ бардомъ Державинымъ *цинически насмѣшли-*

вый Фонвизинъ; ибо, *восходя дальше,* еще слѣды этого юмора славянской, *загнанной* природы ярко отпечатлѣлись въ тоскливыхъ пѣсняхъ народа; въ грубомъ, *насмѣшливомъ созерцанiи жизни* русскихъ сказокъ и въ ихъ *суздальскихъ,* но *широкихъ идеалахъ* Муромцевъ, Добрынь, Поповичей. Но довольно: не разъ еще придется намъ (т. е. издателямъ «Финск. Вѣстн.») подмѣчать въ разныхъ явленiяхъ русской духовной жизни слѣды двухъ направленiй, которыхъ гражданственными представителями можно считать *Петербургъ* и *Москву*». Издатели «Современника» желаютъ знать, обрадуются ли Москвичи, что авторъ пожаловалъ ихъ всѣхъ безъ исключенiя въ *суздальскiе маляры.*

— На Московскомъ театрѣ, въ концѣ прошедшаго мѣсяца, именно 24 апрѣля, по случаю бенефиса актера Леонидова давали три новыя пьесы, и между ними одна была и новымъ и прiятнымъ явленiемъ — прiятнымъ не столько для театра, сколько для русскаго сердца. Это не больше, какъ простенькiй водевилъ *Почтовая Карета*; но дѣло не въ водевилѣ. Весь онъ былъ обстановкою двухъ, или, если хотите, одного прекраснаго лирическаго произведенiя, сказаннаго въ видѣ куплета. Все дѣйствiе происходитъ въ трактирѣ, на станцiи, гдѣ встрѣчаются двѣ кареты. Тутъ есть и влюбленные, несчастные и счастливые, есть и развязка. Впрочемъ — все это для актеровъ; для зрителей или для слушателей были куплеты. Молодой петербургскiй чиновникъ возвращается изъ Москвы. Разумѣется, привыкшiй къ выглаженной, вытянутой петербургской жизни, онъ находитъ Москву не болѣе, какъ *городомъ древностей* — и, увлеченный прекраснымъ сѣвернымъ Вавилономъ, въ куплетѣ восхваляетъ красоты его и предлагаетъ пить за здоровье Санктпетербурга. Тутъ же за столомъ сидитъ и Москвичъ. Онъ, какъ коренный Русскiй, страстно любитъ Москву. Выслушавши провозглашенiе петербургскаго франта, онъ въ свою очередь проситъ позволенiя сказать слово о своемъ родимомъ, любимомъ Россiею, древнепрестольномъ городѣ. Слово его — не водевильный куплетъ, а прекрасный очеркъ Москвы, переданный прекрасными стихами; а

потому и мы, въ свою очередь, попросимъ позволенія передать здѣсь эти стихи нашимъ читателямъ:

Столица древняя, родная,
Её ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать — и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.
У ней—съ землей одна невзгода,
Одно веселье, общій трудъ.
Ея дѣла — любовь народа —
Ей право первенства даютъ.
За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая полчища племенъ.
За Русь не разъ она терпѣла
И поношеніе и плѣнъ.
Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла —
И съ нею Русская земля.
Ея удѣлъ—всегда тревожить
Враговъ Россіи заклятыхъ.
Ее унизить, уничтожить
Не разъ пыталась злоба ихъ.
Но въ страхъ врагамъ, но въ радость краю,
Она, великая, сильна—
И старый кличъ я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

Нечего говоритъ, что это было принято съ общимъ, единодушнымъ восторгомъ. Заставили повторить куплетъ — и послѣ конца водевиля опять съ тѣмъ же единодушіемъ вызвали автора въ директорскую ложу. Жаль еще, что стихи были сказаны не такъ, какъ бы можно было сказать ихъ. Щепкинъ — превосходный, удивительный актеръ; но, говоря ихъ, онъ долженъ былъ бы

забыть о сценѣ и о драмѣ; а въ чтеніи его слышны были и та и другая.

— Читатели «Современника» конечно порадуются съ нами, что *В. А. Жуковскій* продолжаетъ обогащать русскую словесность прекрасными своими произведеніями. Независимо отъ великаго труда своего — перевода Гомеровой Одиссеи — онъ постоянно вноситъ въ листы Современника собственныя созданія, эти вѣчные образцы граціи, нравственности, вкуса и языка. Его поэзія, въ наше время, есть какъ бы небесный лучъ, приносящій сердцу отраду и надежду: отраду—посреди явленій то ничтожныхъ, то безвкусныхъ; надежду, что временное уклоненіе отъ законовъ чистоты и изящества, господствующее въ бо̀льшей части Европы, никогда не одолѣетъ великаго таланта и не поработитъ сердца, полнаго религіозныхъ помысловъ и возвышенныхъ истинъ. Намъ представлялось нѣсколько случаевъ—и каждый разъ мы высказывали убѣжденіе наше, что поэзія, наравнѣ съ другими чувствованіями, украшающими человѣчество, не временное достояніе какого-нибудь вѣка или страны, а существенная, неизмѣнная принадлежность избранныхъ, посылаемыхъ на землю Провидѣніемъ для возвѣщенія святыхъ Его законовъ и оправданія божественности души человѣческой. Ежели по временамъ утѣшительные звуки и высокія истины поэзіи уступаютъ мѣсто голосу и ученію неправды, клеветы и злоязычія—это не конецъ царствованію святыни, это неизбѣжное волненіе земныхъ страстей, это безсильное посягательство недостойныхъ устъ и прокаженнаго сердца на чуждую имъ принадлежность. Есть и посреди литераторовъ такъ называемые *самозванцы*, которые, пользуясь жадностію черни къ новымъ зрѣлищамъ, слѣпо пускаютъ въ ходъ ложныя свои идеи, какъ фальшивую монету, и хитро-сотканные вымыслы, громко увѣряя невѣжество, что имъ удалось наконецъ открыть *новыя* истины. У нихъ между тѣмъ затаены двѣ цѣли— извѣстность и прибытокъ. Стыдъ паденія и казнь посмѣянія не устрашаютъ ихъ. Тогда какъ литераторъ, достойно отвѣчающій своему призванію, вноситъ въ общество благотворные плоды

своего размышленія, наблюденій и опытовъ, самозванцы-литераторы только подсматриваютъ, чѣмъ удобнѣе обольщается чернь — и усердно угощаютъ ее тѣмъ, что̀ болѣе и болѣе уводитъ ее отъ праваго пути. Такъ нынѣ во Франціи ежедневные листы газетъ безстыдно наполняются дюжинными романами и повѣстями, единственно потому, что праздность, легкомысліе и невѣжество за ихъ чтеніемъ охотно убиваютъ свое время. Мысль о лучшемъ направленіи общества и достоинствѣ умственныхъ занятій таится только въ немногихъ писателяхъ, составляющихъ отрадное исключеніе изъ толпы. Не безъ сожалѣнія и у насъ многіе замѣчаютъ преобладаніе литературы мелочной и празднословной надъ распространеніемъ ученія здраваго и благотворнаго. И у насъ самозванцы-литераторы останавливаютъ то прекрасное умонаправленіе въ обществѣ, которое попечительное правительство успѣло привести въ движеніе, устроивъ въ государствѣ столько высшихъ кафедръ разныхъ частей вѣдѣнія. Наши простодушные провинціалы, по видимому, требуютъ однихъ романовъ и повѣстей, не заботясь о томъ, что это чтеніе, подобно разговорамъ за картами, пересудамъ и сплетнямъ, убиваетъ время, не внося въ умственную жизнь ни единой новой мысли. Насъ поразило случайное вычисленіе, сколько листовъ на одинъ мѣсяцъ іюнь занято романами и повѣстями въ двухъ журналахъ, любимыхъ провинціалами, и сколько листовъ напечатано въ прочихъ отдѣленіяхъ, которыя публикованы въ программахъ тѣми же журналами. На эту журнальную статистику, или, точнѣе сказать — тактику, донынѣ, кажется, не было обращено вниманія. Въ іюньской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» содержится всего 27 печатныхъ листовъ. Изъ нихъ на *семнадцати* помѣщены романы или повѣсти. На каждое изъ прочихъ *шести* отдѣленій журнала, которыя должны бы равны быть первому, пожертвовано редакторомъ только по $1^2/_3$ печатнаго листа. «Отечественныя Записки» того же мѣсяца составлены изъ $31^3/_4$ печат. лист. На пятнадцати листахъ все романы да повѣсти. Для всякаго изъ остальныхъ *семи* отдѣленій журнала достается съ небольшимъ по 2 печат. листа.

Итакъ первый изъ этихъ журналовъ, *въ теченіе года*, вноситъ, наприм., въ область наукъ столько новыхъ извѣстій, сколько ихъ помѣстится на *двадцати печатныхъ листахъ*, а отдѣленіе праздныхъ разсказовъ онъ плодитъ на *404* листахъ. Та же пропорція существенныхъ пріобрѣтеній нашей литературѣ и отъ второго журнала, который только и дѣлаетъ, что тянется за первымъ. Мы согласны, что и переводы, даже переводы романовъ, могутъ быть полезны: Карамзинъ и Жуковскій, издавая журналъ, доставили нашей словесности переводами своими такіе образцы, которые, по языку и изображеніямъ нравовъ и характеровъ, до сихъ поръ намъ драгоцѣнны. По нимъ образовался вкусъ и нравственное чувство цѣлыхъ поколѣній. Но кто хоть разъ по прошествіи мѣсяца вспомнилъ романъ или повѣсть изъ напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ»? Все исчезаетъ, потому что все берется только по новости, безъ оцѣнки внутренняго достоинства, и переводится языкомъ школьниковъ. Недавно «Москвитянинъ» (№ 4, 1846) вздумалъ-было пересмотрѣть логическія и грамматическія ошибки въ какой-то повѣсти «Отечественныхъ Записокъ», но увидѣлъ что это нескончаемая работа. Вотъ почему въ нынѣшнее время и важно встрѣтить новую пьесу такого писателя какъ В. А. Жуковскій. Намъ пріятно предувѣдомить читателей нашихъ, что В. А. Жуковскій прислалъ уже и для XLIV тома «Современника» еще новое свое стихотвореніе.

— *Г-нъ Булгаринъ* въ Ливонскихъ Письмахъ («Сѣв. Пч.» № 128. 1846), которыя адресуетъ онъ къ А. Н. Гречу, титулуя его *своимъ помощникомъ*, между прочимъ говоритъ: «Наконецъ дождался я весны, и вырвался изъ сѣтей, удерживающихъ меня въ большомъ городѣ, гдѣ *на нашу долю* приходятся одни литературные дрязги, грязные брызги раздраженнаго самолюбія, зависти, клеветы, то есть, *дрожжи изо всей нравственной природы человѣческой*». Горестное, жалкое существованіе, если оно изображено вѣрно! Итакъ два человѣка, г. Булгаринъ и его помощникъ, посвятивъ жизнь, повидимому, благороднѣйшему и полезнѣйшему изъ занятій, открыто сознаются, что *на ихъ долю*

досталась вся гадость, какая только можетъ завестись въ человѣческой природѣ. Ни съ кѣмъ изъ литераторовъ, въ прежнее время, не бывало подобнаго, можно сказать, примѣрнаго несчастія. Напротивъ того, каждый писатель благодарилъ Бога, что Онъ указалъ ему въ жизни дорогу добра, свѣта и чести. Въ самомъ дѣлѣ, завидно положеніе писателя во всѣхъ отношеніяхъ. Его все время занято сообразно прекраснымъ потребностямъ души его. Каждый день, даже каждый часъ онъ увеличиваетъ неоцѣненныя сокровища свои новыми знаніями. Труды его безпрестанно обращаются во благо и назиданіе человѣчеству. Проникнутый любовію къ истинѣ, добру и изяществу, онъ высочайшимъ наслаждается счастіемъ, чувствуя въ душѣ сознаніе, что призванъ свыше дѣлиться съ подобными себѣ этими неисчезающими благами и содѣйствовать совершенствованію братій своихъ. Если бы даже, по скромности или тѣсному кругу, въ которомъ судьба опредѣлила жить ему, и не питался онъ столь гордыми мечтами, все же на его долю досталось одно утѣшительное и благородное—дѣйствовать согласно съ волею Провидѣнія, по законамъ высшаго разума, очищать собственную душу, возносить ее къ источнику чистѣйшихъ помысловъ и постоянно пріуготовлять себя къ безсмертію, не суетному и ложному, а къ тому, которое доступно чистотѣ, смиренію и подвигамъ истинной добродѣтели. Вотъ что, по нашему понятію, *досталось на долю писателя*. Отчего же нѣкоторые изъ нихъ такъ часто ропщутъ нынѣ на свою участь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ теперь уже не тайна. Нѣкоторые писатели изъ подвижниковъ добра, свѣта и чести сдѣлались контробандистами. Забывъ о благородномъ происхожденіи своемъ, они занялись ремесломъ позорнымъ. Все ихъ стремленіе направлено къ тому, какъ бы только нажиться. Благія свойства души, которыя присутствіемъ своимъ уже высказываютъ человѣку, что онъ призванъ стать надъ толпою и отвергнуть ея грязныя вожделѣнія, эти люди назвали средствами къ богатству и другимъ соблазнамъ. Перемѣшались всѣ понятія. Прежде почиталось достоинствомъ выдерживать неукоризненность жизни; корыстныя

лишенія признавались обязанностію честнаго рода; происки, обманъ и другія низости предоставлены были жалкому классу людей, которые прибѣгаютъ къ нимъ по невѣжеству или разврату; прежде добродѣтель была святынею, за которую не искали денегъ, а хранили ее въ сердцѣ, и только теплотою и благоуханіемъ ея животворили прибѣгающихъ къ ея обители. Прежде и всѣ дары неба — великодушіе, благоволеніе, мягкосердіе, любовь, дружелюбіе, чувствительность, ощущеніе красотъ природы и искуства, воображеніе, зиждительная сила поэзіи, краснорѣчіе — всѣ блага, не пріобрѣтаемыя усиліемъ и куплею, но получаемыя отъ Бога, не безчестились прозвищемъ товара, а обладающіе ими — званіемъ промышленниковъ. Теперь безстыдно утверждаютъ, что *всякій* подвигъ и вещь, имъ сфабрикованная, законно должны быть выплачены. Итакъ за спасеніе погибавшихъ во время пожара, наводненія, голода, за утѣшеніе страдальцевъ въ горести или отчаяніи, за вдохновенную мысль или слово, вырвавшееся изъ устъ въ минуту небеснаго восторга души, слово окрылившее на высокій подвигъ юношу, который безъ него не умѣлъ бы разгадать цѣли жизни—за все это *по-нынѣшнему* надобно требовать отъ мѣстнаго начальства вознагражденія, или подыматься на хитрости, чтобы, искусно опубликовавъ свой товаръ, собрать за него повыше цѣну съ обывателей? Вотъ куда привела насъ безсмысленная толпа писателей, *философски* опредѣляющихъ, что гдѣ былъ трудъ, тамъ должна быть и цѣна. Отуманенные лжеумствованіемъ, подстрекаемые подобными себѣ и жаждущіе только успѣха вещественнаго, они то воюютъ между собою, то обманываютъ покупщиковъ, то перехватываютъ запрещенные товары— и на долю ихъ, по точному выраженію г. Булгарина, приходятся одни дрожжи изо всей нравственной природы человѣческой.

— Любопытно видѣть, съ какой точки смотритъ на современную французскую литературу извѣстный своими учеными трудами французскій писатель Мишлэ. Въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ произведеній онъ говоритъ слѣдующее: «Слѣдовало бы разсмотрѣть, дѣйствительно ли представляютъ картину Франціи фран-

цузскія книги, пользующіяся такою популярностію и такимъ авторитетомъ въ Европѣ? Не показываютъ ли онѣ исключительно однѣ невыгодныя стороны, и не сдѣлали ли намъ огромнаго вреда у иностранцевъ эти картины, въ которыхъ являются только наши пороки и наше безобразіе? Талантъ, добросовѣстность авторовъ придаютъ ихъ словамъ отяготительный вѣсъ. Свѣтъ принялъ ихъ книги за ужасный судъ, произнесенный Франціею надъ самой собою. Классическіе безсмертные романы, представляющія семейныя драмы класса богатыхъ, упрочили въ Европѣ мысль, что нынѣ семейная жизнь не существуютъ болѣе во Франціи. Другіе, обличающіе въ авторахъ большой талантъ, въ своей ужасной фантасмогоріи представили города наши мѣстами, гдѣ полиція сосредоточиваетъ разныхъ преступниковъ и бѣглыхъ каторжныхъ. Европа читаетъ съ жадностію, удивляется, узнаётъ нѣкоторыя подробности. Отъ незначительнаго обстоятельства, представленнаго вѣрно, она легко дѣлаетъ заключеніе объ истинѣ цѣлаго. Писатели наши думали, что самые вѣрные эффекты искуства заключаются въ представленіи уродства нравственнаго. Въ странствующей любви, въ кражѣ, въ галерахъ видѣли они болѣе поэзіи, нежели въ семействѣ и въ трудѣ. Если бы собственными страданіями они сошли въ глубокую подлинность жизни, они бы увидѣли, что семейство, трудъ, самая скромная жизнь простолюдина заключаетъ въ себѣ святую поэзію. Чувствовать и показывать ее—не дѣло машиниста; тутъ не нужно театральныхъ эффектовъ; нужны только глаза, пріученные къ этому нѣжному свѣту, глаза видящіе и въ темнотѣ. Всякій разъ, когда наши великіе писатели заглядывали туда, они были очаровательны; но вообще они обращаютъ взоры къ фантастическому, странному, исключительному, не предувѣдомляя, что они рисуютъ исключенія; а читатели, въ особенности иностранные, полагаютъ, что видятъ не исключеніе, а отрывокъ. Эта странная манія охуждать самихъ себя, раскрывать свои раны, отыскивать свое посрамленіе, должна со-временемъ сдѣлаться пагубною. Многіе, я знаю, предаютъ такимъ образомъ проклятію настоящее, чтобы тѣмъ

ускорить наступленіе лучшаго будущаго. Берегитесь однако: это опасная игра. Европѣ мало дѣла до этихъ хитростей. Если мы сами называемъ себя презрительными, она легко можетъ повѣрить намъ.» Сознавая вообще справедливость замѣчаній Мишлэ, нельзя однако вполнѣ согласиться съ нимъ. Мишлэ, какъ французъ, желающій всѣми мѣрами возвысить свое отечество, увлекается этимъ благороднымъ порывомъ за границу истины: онъ представляетъ заблуждающихся писателей, о которыхъ говоритъ какъ о какихъ-то герояхъ правды, хотя и фанатическихъ. Смѣло можно сказать однако, что девяносто девять сотыхъ современныхъ писателей Франціи не имѣютъ въ виду ни будущей славы своего отечества, ни исправленія въ немъ нравовъ, а дѣйствуютъ такъ, а не иначе, единственно изъ спекулятивныхъ видовъ, понявъ очень хорошо, что въ настоящее время упадка искуствъ и совершенной испорченности вкуса болѣе и охотнѣе всего читаются, а слѣдственно и *раскупаются*, описанія небывалыхъ ужасовъ и отвратительнаго сцѣпленія самыхъ гнусныхъ пороковъ. Напрасны также опасенія Мишлэ о томъ вредѣ, который нанесутъ Франціи эти сочиненія въ глазахъ иностранцевъ. Конечно, подобныя книги дадутъ Европѣ весьма жалкое понятіе о плачевномъ состояніи французской литературы, но вѣрно ни одинъ благомыслящій человѣкъ не будетъ судить о Франціи по романамъ гг. Сю, Дюма, Сулье и компаніи.

— 27 мая (8 іюня) нынѣшняго 1846 г. скончался въ Женевѣ Родольфъ Тэпферъ, извѣстный литераторъ французскій, котораго повѣсти и описанія путешествій представляли въ наше время образецъ тонкаго ума, прелести слога и неукоризненной нравственности. Ему было только сорокъ шесть лѣтъ отъ роду. Живопись составляла первоначальное его любимое занятіе, которому онъ предался по призванію. Но слабость зрѣнія принудила Тэпфера оставить это поприще, хотя онъ на немъ оказалъ уже блистательные успѣхи. Въ послѣдствіи времени онъ учредилъ у себя пансіонъ, который представлялъ собою картину счастливаго семейства. Въ лучшее время года воспитан-

ники его отправлялись съ нимъ пѣшкомъ въ путешествіе по окрестнымъ странамъ, чтобы обогатить себя непосредственными наблюденіями и опытами. Тэпферъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые мыслятъ и дѣйствуютъ по неизмѣннымъ началамъ истиннаго благоразумія, правоты и христіанскаго ученія. Никакія перемѣны въ понятіяхъ общежитія, вкуса и умственнаго направленія не могли совратить его съ того прекраснаго пути жизни, чувствованій и дѣйствій, на которомъ онъ утвердился по собственнымъ убѣжденіямъ. Это былъ человѣкъ не нашего вѣка — и оттого немногіе изъ современниковъ умѣли оцѣнить его по достоинству. Въ планахъ его сочиненій, въ характерахъ героевъ его, въ картинахъ природы, въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ самомъ языкѣ и слогѣ его столько несовременной намъ простоты, истины, ясности и трогательной убѣдительности, что развѣ только древніе писатели представляютъ въ себѣ черты подобныхъ совершенствъ. Изъ новѣйшихъ одинъ графъ Ксавье Мэстръ, можетъ быть, служилъ ему образцомъ. Оба они внесли въ свои классическія созданія тѣ неувядающія красоты воображенія, ума и чувства, которыя такъ поражаютъ насъ въ древнихъ. Это основаніе, для всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ равно прочное, было довершено у нихъ тѣми зиждительными внушеніями, которыя возникаютъ въ душѣ, наполненной истинами христіанства. Между тѣмъ какъ всѣ почти литературы въ настоящее время наводнены сочиненіями, гибельными для сердца, отвратительными для воображенія и жалкими для ума, между тѣмъ какъ праздные читатели губятъ за ними время и нравы — небольшія книжки, написанныя графомъ Мэстромъ и Тэпферомъ, служатъ отраднымъ чтеніемъ для людей, постигающихъ достоинство искуства. Этотъ родъ, такъ сказать, задавленный нынѣ, почти неизвѣстенъ позднѣйшему поколѣнію, которое принуждено воспитывать свой вкусъ отвратительными исчадіями послѣдней французской школы. Для читателей «Современника» было однакоже избрано нѣсколько произведеній, которыя могутъ имъ дать понятіе о чистыхъ красотахъ Тёпфера и графа Мэстра. Указываемъ

здѣсь для образца на повѣсть, въ нынѣшнемъ году нами напечатанную подъ названіемъ: *Безропотность*.

— Съ 22 іюля Императорскій Санктпетербургскій университетъ, по истеченіи каникулъ, вступилъ въ ученую дѣятельность свою на 1846—1847 академическій годъ. Болѣе 150 молодыхъ людей явилось на экзамены для поступленія въ студенты университета, не считая воспитанниковъ здѣшнихъ гимназій, которые принимаются по предъявленіи ими одобрительныхъ аттестатовъ. Въ университетѣ, со времени преобразованія его, число молодыхъ людей ежегодно до ста увеличивается новыми слушателями, несмотря на то, что едва половина экзаменующихся утверждается въ званіи студентовъ. Молодые люди, кончившіе курсъ наукъ въ гимназіяхъ Санктпетербургскаго и другихъ округовъ, замѣтно основательнѣе бываютъ приготовлены къ слушанію университетскихъ лекцій, нежели обучавшіеся дома, въ частныхъ заведеніяхъ и особенно за-границею. Древніе языки и математика чаще всего останавливаютъ вступленіе въ университетъ. Надобно, чтобы родители и воспитатели заблаговременно начинали заботиться о преподаваніи этихъ предметовъ молодымъ людямъ. Въ нынѣшній разъ, изъ экзаменовавшихся, опять почти половинное число не поступаетъ въ университетъ. На испытаніяхъ, кромѣ профессоровъ, присутствовали господинъ попечитель, ректоръ университета и даже постороннія лица. Когда кончены были экзамены и прочія распоряженія передъ окрытіемъ курсовъ, 22 августа ректоръ университета, профессоры и студенты собрались въ университетской церкви, гдѣ послѣ обѣдни и молебна законоучитель произнесъ къ присутствовавшимъ назидательную рѣчь объ истинномъ просвѣщеніи. Оттуда перешли всѣ въ большую университетскую залу. Здѣсь прочитаны были имена всѣхъ студентовъ въ томъ порядкѣ, какъ они распредѣлены на весь академическій годъ по курсамъ и факультетамъ. Въ заключеніе, ректоръ изъяснилъ молодымъ людямъ сущность ихъ обязанностей въ отношеніи къ обществу, къ университету и къ нимъ самимъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, началось чтеніе лекцій.

ГРАФЪ Е. Ф. КАНКРИНЪ[1]).

1846.

I.

Заслуги министра финансовъ, оказанныя государству, должны быть изображены въ исторіи. Воспоминанія частнаго лица относятся только къ человѣку. Ежели обстоятельства поставятъ насъ въ постоянное и близкое съ нимъ соотношеніе, еще можно и тутъ собрать много занимательнаго. Какъ скоро и того не было, приходится ограничиться нѣсколькими случаями, отрывочно до насъ доходившими. Таковы и эти строки — не болѣе.

Изъ петербургскихъ жителей многіе конечно встрѣчались на прогулкахъ по Невскому проспекту, около 4-хъ часовъ, съ высокимъ мужчиною пожилыхъ лѣтъ, ходившимъ въ теплую погоду въ форменномъ сюртукѣ, а когда бывало холодно — въ сѣрой шинели, которую онъ обыкновенно надѣвалъ въ оба рукава. Худощавое, блѣдное лице его свидѣтельствовало объ изнурительныхъ трудахъ, ежедневно его обременявшихъ, а проницательные голубые глаза заставляли каждаго догадываться о необыкновенномъ умѣ его. Не останавливаясь почти ни съ кѣмъ, онъ прогуливался медленно, одинъ, мало заботясь о томъ, какое впечатлѣніе производила наружность его на проходящихъ. Нельзя было не замѣтить по лицу его, что онъ и во время прогулокъ любилъ обдумывать то, что занимало его въ кабинетѣ. Въ его походкѣ, въ его костюмѣ и во всей фигурѣ, рѣзко отдѣлявшейся въ толпѣ, было что-то особое отъ прочихъ, нельзя сказать — странное, но тѣмъ не менѣе оригинальное. Форменное военное платье не охотно гармонировало съ положеніемъ тѣла, поступью и всѣми движеніями особы, никогда не заботившейся о наружности. Привычка къ жизни простой, самобытной и посвящаемой только дѣятельности умственной, накладывала на эту внѣшность обманчивые

[1]) *Современникъ*, т. XLII, стр. 48—59.

признаки излишней бережливости, тогда какъ все это было только слѣдствіемъ сосредоточенности мыслей на предметахъ высшей занимательности. Такимъ представлялся намъ графъ Е. Ф. Канкринъ.

II.

Между тѣмъ онъ былъ человѣкъ совсѣмъ не угрюмый, не тяжелый, не холодный. При всякой надобности доступъ къ нему былъ свободенъ. По нѣскольку разъ обыкновенно выходилъ онъ изъ кабинета въ пріемную комнату, чтобы выслушивать объясненія просителей. Онъ не признавалъ въ томъ и особеннаго съ своей стороны снисхожденія. Съ занимаемою имъ должностію онъ не забывалъ связывать въ умѣ и всѣхъ своихъ обязанностей, какъ бы онѣ ни были скучны и утомительны. При томъ же онъ зналъ, что иногда одно изустное слово болѣе объяснитъ дѣло, нежели цѣлый исписанный листъ бумаги. Никогда не слышно было чтобы жаловались, на него, какъ на начальника чрезмѣрно-строгаго, не входящаго въ положеніе и нужды подчиненныхъ и только обременяющаго ихъ работою, хотя въ его вѣдомствѣ одно законное соблюденіе порядка могло уже многимъ казаться чѣмъ-то отяготительнымъ. Напротивъ: въ обширномъ кругѣ лицъ, отъ него зависѣвшихъ по должности, онъ какимъ-то неизъяснимымъ образомъ умѣлъ всѣхъ помнить, знать, цѣнить и соображать по этому свои назначенія. Истинное достоинство человѣка, на какой бы ступени судьба ни поставила его, было для него дорого: онъ всѣ способы употреблялъ на то, чтобы замѣченный имъ человѣкъ какъ-нибудь не подпалъ подъ искушеніе жалѣть о судьбѣ своей, или жаловаться на нее. Графъ Е. Ф. Канкринъ, правда, устранялся отъ обыкновенныхъ пріятностей свѣтскаго общества, но не потому чтобы по сердцу онъ неспособенъ былъ къ общимъ удовольствіямъ. Онъ предпочиталъ имъ маленькую дружескую бесѣду, въ которой прекрасная душа его и острый умъ чувствовали себя на всей свободѣ. Не отношенія къ свѣту опредѣляли его выборъ

пріятелей. Онъ оцѣнивалъ ихъ собственнымъ масштабомъ. Умъ, обогащенный знаніями; опыты, умудряющіе наблюдательныхъ людей; счастливое расположеніе духа, спасающее насъ отъ желчныхъ жалобъ и мизантропіи; игривая острота мыслей и словъ, придающая бесѣдѣ оживленіе; равнодушіе ко всѣмъ успѣхамъ внѣшнимъ, такъ соблазняющимъ существа мелкія и пустыя — вотъ особенности, которыми онъ увлекался къ людямъ въ избранномъ кругу своемъ. Таковъ и самъ онъ былъ между ними, постоянно ровный, по временамъ молчаливый, чаще остроумный, всегда открытый и искренній. Еще было въ немъ качество, выражавшее гибкой умъ его и умѣнье сообщать всякой бесѣдѣ наипріятнѣйшій характеръ. Изучая людей со всѣми оттѣнками хорошихъ сторонъ и ихъ слабостей, онъ не затруднялся ни въ какомъ положеніи. Ему ничего не стоило завлечь, кого бы то ни было, въ такой разговоръ и тотъ самый тонъ, который нравился другому. Множество счастливыхъ остротъ, брошенныхъ имъ съ полнымъ успѣхомъ въ бесѣдахъ самыхъ блестящихъ, частехонько разносилось по городу.

III.

Графъ Е. Ф. Канкринъ женился, будучи сорока-двухъ лѣтъ, на родственницѣ покровителя своего князя Барклая-де-Толли, дѣвицѣ Е. З. Муравьевой. Богъ благословилъ его бракъ: у него было семеро дѣтей, изъ которыхъ оставшіеся въ живыхъ четыре сына и двѣ дочери (обѣ за-мужемъ) счастливили отца до самой его кончины. Никогда онъ такъ полно не наслаждался тихими семейными своими радостями, какъ живши лѣтомъ за городомъ. Здѣсь свободныя минуты свои проводилъ онъ, во всемъ значеніи слова, съ природою. Его душа влеклась къ уединеннымъ прогулкамъ, въ которыхъ онъ оставался съ своими размышленіями, пробираясь часто по лѣсу, безъ дорожекъ, по мѣстамъ едва проходимымъ. Можетъ-быть, онъ въ высокое званіе свое перенесъ этотъ вкусъ изъ первыхъ годовъ своей жизни.

Родившись (1774 г. въ Ганау) почти въ бѣдномъ состояніи, онъ по отбытіи отца его въ Россію, оставался въ Германіи, сперва въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ, занимаясь только науками и не получая привычекъ къ свѣтской разсѣянности и общественнымъ удовольствіямъ. Даже здѣсь, до 1811 года, онъ проводилъ время, болѣе какъ нѣмецкій ученый, а не такъ, какъ искатель чиновъ и возвышенія. Рано въ немъ обнаружилась охота къ изложенію перомъ бродящихъ въ головѣ его мыслей. Онъ самъ объ этомъ упоминаетъ въ той книжкѣ, изъ которой мы беремъ повѣсть для нашихъ читателей [1]). Началъ онъ свое авторство чисто-литературными сочиненіями, написавъ романъ: *Дагобертъ*. Въ послѣдствіи времени онъ предался болѣе серьезному роду, составивъ множество уважаемыхъ всѣми сочиненій, какъ-то: о системѣ и средствахъ продовольствія армій, о военной экономіи въ мирное и военное время, о политической экономіи, объ экономіи человѣческаго общества, о лѣсоводствѣ, архитектурѣ и земледѣліи. Но однимъ изъ послѣднихъ произведеній пера его опять было сочиненіе легкой литературы, подъ названіемъ: *Картины воображенія слѣпца*. Этотъ странный путь дарованія напоминаетъ одно очень оригинальное признаніе Ж. Ж. Руссо: «Въ молодости, говоритъ онъ, я страстно любилъ романы. Послѣ я оставилъ ихъ, чтобы ближе сойтися съ людьми. Теперь, узнавъ людей, я снова возвращаюсь къ романамъ — и никогда, никогда уже не оставлю ихъ».

IV.

Безъ сомнѣнія, пріятнѣйшимъ временемъ для графа Е. Ф. Канкрина были годы, въ которые лѣтомъ жилъ онъ близь столицы въ Лѣсномъ институтѣ. Не только это столь полезное заведеніе ему обязано устройствомъ своимъ, но и всѣ тамошнія окрестности процвѣли отъ его попечительности объ общественныхъ выгодахъ. Прежде трудно было и проѣхать въ Лѣсной институтъ, до котораго онъ съ парголовской мостовой провелъ пре-

[1]) См. ниже стр. 230. Вслѣдъ за настоящею статьею въ *Современникѣ* (т. XLII) напечатана повѣсть гр. Канкрина: «Танцовщица».

красную садовую дорогу. Училище помѣщалось въ одномъ деревянномъ домѣ. Онъ размѣстилъ его въ трехъ каменныхъ. Земля принадлежащая заведенію представляла сзади его брошенное пространство, покрытое то пескомъ, то болотами. Онъ распланировалъ эту дикую пустыню, провелъ по ней дороги, указалъ, гдѣ для осушки топкихъ мѣстъ нужно было вырыть пруды и небольшіе каналы, словомъ: тамъ онъ приготовилъ новую часть для городского населенія, на возвышенномъ мѣстѣ, покрытомъ парками, куда просторъ, здоровый воздухъ и выгодныя условія поземельной платы привлекли во множествѣ новыхъ поселенцевъ, такъ что лѣтомъ, въ нынѣшнее время, изъ ближайшихъ окрестностей Санктпетебурга, это лучшее, населеннѣйшее мѣсто. Проводившіе тамъ лѣто въ прежнюю пору всѣ конечно еще помнятъ съ какою заботливостью, съ какою любовію министръ всегда самъ занимался устроеніемъ этого, можно сказать, Канкринополя.

Въ садоводствѣ и архитектурѣ онъ оставался вѣренъ простотѣ, удобству, прочности и нѣкоторымъ правиламъ собственнаго вкуса. Паркъ, окружающій Лѣсной институтъ, болѣе въ англійскомъ родѣ, нежели прямолинейный. Но въ прочихъ мѣстахъ онъ, смотря по мѣстности и другимъ соображеніямъ общежитія, не чуждался и послѣдняго рода. Ему нравилась смѣсь прозябеній дикихъ съ садовыми. Въ уединенныхъ сѣнистыхъ аллеяхъ вы встрѣчаете, вмѣсто скамеекъ, обтесанные камни, которые, по его приказанію, перевезены, за ненадобностію тамъ, изъ-подъ Смольнаго монастыря, гдѣ подъ его надзоромъ приводился къ окончанію знаменитый Растрелліевскій соборъ. Есть что-то восточное и вмѣстѣ романическое въ обдѣлкѣ бьющихъ изъ-подъ земли ключей, въ постановкѣ и убранствѣ урнъ, вазъ и прочихъ украшеній сада. На всемъ чувствуешь оригинальность, мысль и поэзію. Планы новыхъ зданій, построенныхъ графомъ Е. Ф. Канкринымъ, составлены были имъ самимъ. Онъ не любилъ громадныхъ, сплошныхъ строеній, предпочитая имъ домы разъединенные, которыхъ всѣ стороны обнимаетъ глазъ, обвѣваетъ свободный воздухъ. Зданія въ Лѣсномъ институтѣ, у

Смольнаго монастыря, на Биржѣ, въ Технологическомъ институтѣ, вездѣ гдѣ только ему предоставлено было распоряжаться свободно, отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ. Каждое изъ названныхъ мѣстъ представляетъ собою какъ бы цѣлое селенiе, отдѣльное отъ всего къ нему прилежащаго. Смотря на эти памятники его соображенiй, можно видѣть, какъ онъ заботился и о безопасности строенiй отъ пожаровъ и о доставленiи здороваго воздуха живущимъ въ нихъ. Во всемъ этомъ невольно припоминаешь раннiя впечатлѣнiя человѣка, котораго дѣтство и юность не были проведены въ нашемъ многолюдномъ городѣ и котораго легкiя повсюду искали еще дыханiя освѣжительнаго.

V.

Кто засталъ въ Санктпетербургѣ прежнiй домъ Таможни и все, окружавшее его со стороны Биржи, тотъ помнитъ, какой жалкiй видъ представляли мѣста и предметы, теперь поражающiе насъ красивостью, роскошью, всѣми признаками порядка, изобилiя и удивительной дѣятельности. Это преобразованiе начато и совершено графомъ Е. Ф. Канкринымъ. Съ первыхъ дней весны до глубокой осени теперь тамъ безпрерывное движенiе, говоръ, работа. Суда всѣхъ приморскихъ державъ, произведенiя природы и фабрикъ всѣхъ странъ, люди разныхъ нацiй, хозяева и работники, прогуливающiеся и досмотрщики — все вмѣстѣ передъ вами мелькаетъ, рябитъ въ глазахъ и въ то же время изумляетъ правильностiю и прелестью живой картины. Чего нѣтъ на этомъ мысу Васильевскаго Острова, обведеннаго здѣсь блестящею каймой порфирнаго гранита? Полукружiемъ, одно за другимъ, по берегу двухъ рукавовъ Невы тянутся зданiя для складки разныхъ товаровъ, для присутствiя таможенныхъ чиновниковъ, для собранiй биржеваго купечества, для выставки издѣлiй отечественныхъ мануфактуръ и фабрикъ, для рисовальной школы — и въ центрѣ всего чугунною рѣшеткою обнесенный скверъ, въ которомъ ясень, липа, каштановое дерево и итальянскiй тополь изумляютъ васъ своею свѣжею, темною зеленью, своею

стройностью и какою-то граціею вѣтвей своихъ. Въ первое время, когда открывается навигація, здѣсь сборное мѣсто высшаго и средняго петербургскаго общества до переѣзда его на дачи. По аллеямъ сквера идутъ ряды привозныхъ растеній, клѣтокъ съ птицами и другихъ рѣдкостей.

Оживленная, распространенная, возвышенная и, такъ сказать, облагороженная въ своемъ положеніи и въ отношеніяхъ своихъ, русская торговля сообщила благопріятный свѣтъ и тому сословію, которое до этихъ поръ не вполнѣ выставлено было на общее вниманіе и уваженіе. Особенно учрежденіе выставки издѣлій отечественной промышленности показало характеръ и политическую значительность купечества. Дѣйствительными капиталами, и въ его кругу, уже начали быть признаваемы нравственныя достоинства, какъ-то: наибо́льшая довѣренность къ имени, равномѣрное стремленіе къ совершенствованію производимыхъ вещей, аристократическая честь въ словѣ и дѣлѣ.

Преобразованная идея требовала и матерьяльной помощи для прочнаго своего существованія. Графъ Е. Ф. Канкринъ предупредилъ нужды производительности и торговли. Человѣкъ съ разносторонними и основательными знаніями, онъ въ своемъ министерствѣ не усомнился основать разсадники спеціальныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ возникли: технологическій институтъ, училище торговаго мореплаванія, высшій коммерческій пансіонъ и множество другихъ училищъ по разнымъ предметамъ, которыхъ успѣхамъ надобно было положить основаніе прочное и неизмѣнное. Первое изъ этихъ заведеній было любимымъ его дѣтищемъ. Самъ онъ, по уничтоженіи такъ называвшагося Волынскаго двора, выбралъ тамъ мѣсто для института, приготовилъ планы всѣхъ въ немъ строеній и — почти ежедневно — пріѣзжалъ свидѣтельствовать производившіяся работы, принужденъ бывъ наконецъ подыматься на зданія, когда ихъ уже подводили подъ крыши. Эти мелкія черты жизни, представляясь наблюдательному и опытному глазу, много заражданотъ въ умѣ думъ, когда предметомъ ихъ министръ финансовъ.

VI.

Воспоминанія наши о немъ возникли по обстоятельству, можетъ-быть менѣе всего замѣчательному на той картинѣ жизни его, которую нѣкогда представитъ перо, достойное предмета. Намъ попалась въ руки маленькая книжка, напечатанная 1845 года въ Берлинѣ на нѣмецкомъ языкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Phantasie-Bilder eines Blinden». Въ ея предисловіи мы прочитали слѣдующее:

«Когда я былъ молодъ (а теперь мнѣ 69 лѣтъ), гулялъ я въ областяхъ поэзіи. Но жизнь удалила меня въ пустыни и на горные спуски дѣлъ. За нѣсколько лѣтъ тому назадъ чрезмѣрное напряженіе глазъ довело меня до слѣпоты. Въ уединенные часы, въ безсонныя ночи мнѣ оставалось одно—предаваться картинамъ воображенія, а подвижная моя жизнь представляла мнѣ много матерьяловъ. Зрѣніе мое поправилось. Во время долгаго путешествія, предпринятаго для отдохновенія къ минеральнымъ водамъ, вѣчные дожди, бывшіе лѣтомъ 1843 года, дали мнѣ случай сократить скуку праздныхъ часовъ записываніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ фантазій. Вотъ онѣ—представленныя вкратцѣ и почерпнутыя изъ жизни».

Авторъ этихъ повѣстей — графъ Е. Ф. Канкринъ. Сообразивъ обстоятельства, въ какихъ онъ писалъ свои повѣсти, обративши вниманіе на преклонность лѣтъ его и двадцатилѣтнія безпрерывныя занятія дѣлами сухими, хоть и самыми важными, никто не удивится, что въ этихъ бездѣлкахъ свободныхъ часовъ не встрѣчается той энергіи его характера, той глубины ума его, тѣхъ красокъ искуства, которыхъ во всемъ ожидаешь отъ геніальнаго человѣка. Читая эти повѣсти, убѣждаешься только въ томъ, что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ умственная дѣятельность была всегдашнею потребностію. Съ этой точки зрѣнія повѣсти его представляются уже чѣмъ-то болѣе, нежели замѣчательнымъ въ ряду памятниковъ его бытія. Успѣхи на поприщѣ государственномъ не приту-

пили его вкуса къ благороднымъ забавамъ воображенія, къ этому человѣчески-прекрасному занятію, которому такъ любятъ предаваться въ наше время первыя правительственныя лица Англіи и Франціи. Мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы, помѣстивъ здѣсь одну изъ повѣстей графа Е. Ф. Канкрина, къ нашему «Современнику» пріобщить имя, столь достопамятное въ настоящей эпохѣ. Авторъ не издавалъ сочиненій своихъ на русскомъ языкѣ; но онъ зналъ его и читалъ на немъ все достойное вниманія. Потомство должно сохранить въ памяти, что графъ Е. Ф. Канкринъ какъ друга любилъ подлѣ себя видѣть *И. А. Крылова*, и съ такимъ же удовольствіемъ встрѣчалъ въ своемъ домѣ *В. А. Жуковскаго*.

11 марта 1846.

МЕЛКІЕ КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ.

1838 — 1839 [1]).

Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. Изданіе И. Снегирева. Т. I, отъ А до Г. — Сказанія русскаго народа о семейной жизни его предковъ, собранныя И. Сахаровымъ. Ч. III. — Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 г. Сочиненіе Сергѣя Глинки. — Переписка и разсказы Русскаго инвалида.

Отдѣленіе историческихъ сочиненій по справедливости пользуется преимущественнымъ вниманіемъ современниковъ. Оно для наблюденія объемлетъ любопытнѣйшую сторону въ человѣкѣ. Рѣдко являются въ этомъ родѣ произведенія, о которыхъ бы можно было сказать, что они удовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ.

---

[1]) *Современникъ*, т. IX, стр. 83—100; т. X, стр. 53—62; т. XI, стр. 59—63; т. XII, стр. 53—70, 90—91, 94—98, 103—107, т. XIII, 59—65; т. XIV, 29—34, 46—49.

Здѣсь многосложны слишкомъ требованія. Въ одно и то же время авторъ долженъ быть и хладнокровнымъ зрителемъ и полнымъ участія современникомъ событій изображаемой имъ эпохи. Его трудъ въ величайшей зависимости отъ предшествовавшихъ ему писателей, безъ которыхъ онъ ничего не совершитъ при самомъ блестящемъ своемъ талантѣ. Такимъ образомъ самое заготовленіе матеріаловъ историческихъ, когда оно производится добросовѣстно, усердно и съ знаніемъ дѣла, принимается уже за подвигъ особенной важности. Означенныя сочиненія всѣ принадлежатъ къ этому разряду. Труды митрополита Евгенія и г. Сахарова вносятъ въ литературу такія пособія для исторіи, которыхъ сборъ и классификація требовали много знаній и еще больше терпѣнія. Но изданіе Словаря небрежно. Несправедливо было бы слишкомъ взыскивать за пропуски или излишества въ новомъ почти предпріятіи. Но ошибки, бросающіяся въ глаза съ перваго взгляду, не должны встрѣчаться въ подобныхъ сочиненіяхъ, наприм. будто Гнѣдичъ посвятилъ переводъ Иліады императору Александру I-му, а Веневитиновъ скончался 1837 года. Словарь есть всеобщая книга для справокъ. Нельзя впрочемъ не пожелать, чтобы онъ скорѣе доведенъ былъ до конца. Онъ содержитъ необходимые матеріалы для исторіи русской литературы. Г. Сахаровъ избранную имъ часть обработываетъ неутомимо и съ большимъ успѣхомъ. Словарь дастъ историку однѣ цыфры и имена, а Сказанія—всѣ краски, безъ которыхъ нѣтъ жизни въ исторіи. Книга г. Глинки совершенно въ противоположности съ предыдущими. Тамъ годы терпѣнія, а здѣсь какъ будто царство вдохновительныхъ минутъ. Все является на мгновеніе, но исполненное силы, занимательности, одушевленія, которое невольно сообщается читателю—и вдругъ новое явленіе, столько же властительное, сколько и неожиданное. Если слогъ есть самъ авторъ, то можно сказать, что нѣтъ писателя, менѣе озабоченнаго исполненіемъ огромнаго труда и болѣе чувствующаго присутствіе налетѣвшей на него идеи, какъ г. Глинка. Онъ и зритель чудныхъ событій, и дѣйствователь этой эпохи, и лѣтописецъ, и—если угодно—поэтъ.

Но изъ этого страннаго смѣшенія терпѣливому и полному сочувствія человѣку сколько можно извлечь блестящихъ страницъ для обдуманнаго и прагматическаго сочиненія! Такой же цѣны *Переписка и Разсказы Русскаго инвалида*. Они больше объемлютъ направленіе и силу національнаго духа, нежели исключительно одно время. Изъ этихъ бѣглыхъ разнородныхъ разсказовъ образуется полная мысль. Чувствуешь, что ею проникнуто цѣлое воинство, дѣйствующее неутомимо, но весело и доблестно. Если сочинитель приведетъ когда-нибудь въ цѣлость и нѣкоторую систему сокровище свое, оно будетъ драгоцѣнностію въ литературѣ.

Альманахъ на 1838 годъ, составленный изъ литературныхъ трудовъ разныхъ сочинителей (поименовано 24). — *Сборникъ на 1838 годъ, составленный изъ литературныхъ трудовъ* разныхъ сочинителей (числомъ 28).

Изданія этого рода книгъ можно сравнить съ выставками, которыя бываютъ въ академіяхъ художествъ. Труды литераторовъ, такъ же какъ художниковъ, и безъ экспозиціи получили бы принадлежащее имъ назначеніе, то-есть, вошли бы въ общій итогъ произведеній національныхъ талантовъ и дѣйствовали бы, каждый въ своемъ мѣстѣ и собственною силою, на совершенствованіе ума и вкуса народнаго. Но соединеніе ихъ подъ одинъ взглядъ приноситъ особенную пользу. На ихъ общности можно утвердить выводъ о современномъ направленіи, вкусѣ, языкѣ и о другихъ предметахъ, весьма любопытныхъ въ исторіи словесности. Одна книга превращается въ энциклопедическое эхо своего времени. Такъ съ 1825 года, въ теченіе осьми лѣтъ, издавались *Сѣверные Цвѣты*, и для молодыхъ нынѣшнихъ литераторовъ служатъ они поучительнымъ памятникомъ тогдашней нашей литературы. Альманахъ нынѣшняго года замѣчателенъ не только въ литературномъ отношеніи, но и роскошью изданія. Онъ украшенъ портретомъ государыни великой княжны Маріи Николаевны и множествомъ гравюръ. Статьи въ прозѣ почти всѣ

состоятъ изъ повѣстей, которымъ знаніе общества, знаніе сердца человѣческаго и мастерство разсказа даютъ почетное мѣсто между новѣйшими произведеніями нашей словесности. Особенно повѣсть, названная: *Записки Гробовщика*, поражаетъ читателя неподражаемою простотою изложенія, истиною и новостію сценъ, глубокою и важною мыслію, обнимающею всѣ части сочиненія. Въ стихотвореніяхъ еще болѣе занимательности и разнообразія. Но изъ нихъ пьесы А. Пушкина и кн. Вяземскаго отдѣляются красотами высокаго достоинства. Душа настраивается ими въ расположеніе столь новое и обаятельное, что представляешь въ эту минуту, будто поэзія только и даетъ ей жизнь. Сборникъ, уступая Альманаху первенство по стихотворной части, превосходитъ его обиліемъ и разнообразіемъ статей въ прозѣ. Съ удовольствіемъ переходишь здѣсь отъ важнаго къ сатирическому и отъ легкаго къ наставительному.

Стихотворенія Владиміра Бенедиктова. Книга вторая. — Елена. Поэма Е. Бернета.

Есть мнѣніе, будто успѣхи прозы уменьшаютъ цѣну поэзіи. Вѣроятно, мысль эта родилась тогда, когда между литераторами не было истиннаго поэта. Живыя созданія чувства и воображенія, сколько бы холодный умъ ни произвелъ въ области наукъ изумительныхъ открытій, всегда будутъ властвовать надъ сердцемъ человѣческимъ, потому что въ поэзіи всякое произведеніе есть своего рода открытіе. Душа наша и природа неистощимы въ созданіи идей и образовъ. Если бы нѣсколько вѣковъ всѣ поэты мыслили объ одномъ и томъ же предметѣ, и тогда ихъ произведенія поражали бы насъ совершенно новостію. Въ представленіи каждаго человѣка съ душою, самобытно дѣйствующею, образуется напостижимо собственный міръ, котораго явленія, вызванныя на внѣшнее бытіе, неминуемо привлекутъ общее вниманіе и сочувствіе. Въ русской литературѣ болѣе прочихъ родовъ обработываемъ былъ лирическій. Несмотря на то, каждый изъ великихъ поэтовъ нашихъ въ этомъ родѣ столько же выра-

зилъ самообразности, сколько возбудилъ и участія къ своей поэзіи, которой особенность заключается не въ теоретическомъ названіи, но въ духѣ автора. Между Ломоносовымъ и Державинымъ, между Жуковскимъ и Пушкинымъ сходство исчезаетъ съ той минуты, какъ только начинаютъ они чувствовать одушевленіе, хотя бы зависѣло оно совершенно отъ одного и того же предмета или мысли. Бенедиктовъ, издавшій нынѣ вторую часть своихъ стихотвореній, нисколько не возвращаетъ насъ къ прежнимъ ощущеніямъ, которыя внушали его предшественники: онъ не повторяетъ ихъ лиризма, но въ области искуства дополняетъ явленія духа, которыя безконечны, какъ все возникающее въ безсмертной душѣ человѣка. На каждую мысль, на каждый предметъ у него образуется собственное построеніе, которое не мечталось ни въ одномъ помыслѣ другому поэту. Всѣ части его созданія размѣщаются соотвѣтственно объему и положенію цѣлаго. На каждомъ планѣ, то слабѣе, то ярче, горитъ животворящее освѣщеніе и подъ нимъ играютъ краски. Для самаго скользкаго взгляда все это найдется и у другого писателя, только найдется *по имени*; а то, что выражается имъ, что переходитъ въ душу и наполняетъ ее, ощущаемое, но не уловимое для отчета, вездѣ царствуетъ самобытно—и нѣтъ словъ для изображенія его видоизмѣненій. Въ мастерствѣ художника-поэта можно всегда напасть на какую-нибудь сторону, гдѣ совѣтъ критика покажется не безъ основанія. Можетъ-быть, и дѣйствительно Бенедиктовъ изысканъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, не довольно строго обсуживаетъ цѣнность быстро приходящихъ къ нему идей, не устраняетъ тѣснящейся въ его языкъ игры словъ: но эти странности не слила ли природа съ характеромъ его таланта? не показываетъ ли она ему сквозь эту призму своихъ явленій? Существеннѣйшее въ своемъ искуствѣ онъ живѣе почувствовалъ, нежели мы, его судьи. Сравнивая вторую книгу его стихотвореній съ первою, ясно видишь, какъ у него зрѣлѣе и крѣпче становится мысль, какъ обставляется она отчетливѣе, какъ вольнѣе и строже онъ высказываетъ то, чѣмъ воспламеняется душа его. Хотя онъ на прежнемъ еще

поприщѣ, но идетъ уже далеко, твердо и ровно. Въ поэмѣ г. Бернета, къ удивленію своему, мы не встрѣтили той художнической отдѣлки, до которой онъ достигнулъ въ стихотвореніи своемъ: *Прощаніе,* напечатанномъ въ Альманахѣ на 1838 годъ. Въ изящныхъ искуствахъ болѣе всего изумительны шаги назадъ. Они обнаруживаютъ какъ будто нелюбовь къ тому, что должно составлять постоянную страсть души. Ясность и сила стиха есть вмѣстѣ ясность и сила мысли. Успѣхъ въ искуствѣ невѣренъ, если будемъ ждать его отъ удачи. Онъ есть плодъ постояннаго труда, постояннаго вниманія и болѣе всего возвышенной любви къ искуству.

«О, ежели полночнымъ крикамъ птицы,
Иль реву водъ, иль бури грозовой
Внимаешь ты въ безлюдіи темницы—
Открой окно, послушай голосъ мой.
Что грустный мракъ и громы небосвода?
Что бури вой и шумъ кипящихъ рѣкъ?
Нѣтъ, никогда скорбящая природа
Не плакала, какъ плачетъ человѣкъ!»

Ежели приведенные здѣсь стихи, въ которыхъ столько силы и свѣжести, поэтъ написалъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ совершенства; то какъ могъ онъ оставить въ той же поэмѣ безъ всякой отдѣлки мѣстá, подобныя слѣдующему:

«Когда по кладбищу вы ходите порою,
Задумчивый вашъ взоръ остановленъ
На обелискахъ, на рядахъ колонъ,
Поставленныхъ въ дань мудрецу, герою.
Ихъ славу гордую, ихъ бранныя дѣла
(Быть можетъ, плодъ обмана и насилья)
Разскажетъ вамъ гранитная молва;

Ихъ призракъ темныя прострётъ надъ вами крылья,
Желѣзною рукой васъ схватитъ, обойметъ
И за собою въ путь превратный уведетъ».

Повѣсти и разсказы Владиміра Владиславлева. Ч. III и IV. — Повѣсти и Путешествіе въ Маймайченъ, А. П. Степанова, автора романа Постоялый Дворъ. Двѣ части. — Сердце и Думка, приключеніе. Сочиненіе А. Вельтмана. Четыре части. — Виргинія или Поѣздка въ Россію. А. Вельтмана. Двѣ части.

Произведеніе поэта, облеченное формою романа, повѣсти или разсказа, привлекаетъ самое большое число читателей. Жизнь, частная и общественная, страсти, характеры, странности, мѣстность, историческая эпоха, однимъ словомъ: человѣкъ и природа нигдѣ такъ легко, свободно, занимательно и такъ доступно всякому не представляются, какъ въ этихъ видахъ сочиненій. Покидая музыкальную форму поэзіи, вызывающую высшія требованія искуства, нисходя къ всеобщему способу изображенія поэтическихъ истинъ, они обходятъ разнородные классы современнаго поколѣнія и дѣйствуютъ на всю массу общества. Но истинная поэзія, въ какой бы формѣ ни являлась, не перестаетъ быть искуствомъ, требующимъ дѣйствительнаго таланта. Въ этихъ сочиненіяхъ, можетъ-быть, еще труднѣе достигнуть совершенства, потому что обманчивая безыскуственность непримѣтно можетъ завлечь писателя въ прозаическую говорливость или въ ложную разрисовку. Великихъ произведеній этого рода очень мало во всѣхъ литературахъ, какъ и вообще всего истинно-прекраснаго въ поэзіи. Послѣ повѣстей Пушкина (для исторіи важно не количество произведеній, а качество), въ которыхъ поэтическая природа такъ изумительно обнажена отъ малѣйшихъ прихотей искуственности, въ новѣйшей литературѣ нашей безспорно замѣчательнѣйшія въ этомъ родѣ сочиненія принадлежатъ Гоголю. Въ концѣ прошедшаго года явилась небольшая книжка по-

вѣстей Гребенки, подъ названіемъ: *Разсказы Пирятинца*. Тутъ нельзя было не почувствовать присутствія таланта неподдѣльнаго, который выразился въ каждой картинѣ, въ каждой сценѣ. Сочиненія, о которыхъ здѣсь говорится, заслуживаютъ вниманіе только по относительнымъ достоинствамъ. Г. Владиславлевъ издалъ первыя двѣ части своихъ *Повѣстей и Разсказовъ* еще въ 1835 г. Подобно нынѣшнимъ, носятъ они отпечатокъ дарованія пріятнаго, вкуса чистаго и соображенія вѣрнаго. Его наблюдательный умъ хорошо познакомилъ его съ жизнію, съ обществомъ, а талантъ обрисовалъ сцены ихъ правильно и игриво. Успѣхъ его сочиненій преимущественно зависитъ отъ того, что не отвлеченныя идеи олицетворяются въ его повѣствованіяхъ, а явленія жизни наводятъ его на отдѣлку мысли, господствующей въ каждомъ разсказѣ. Талантъ г. Степанова одинъ изъ замѣчательныхъ. Въ произведеніяхъ его высказываются два качества, очень уважаемыя въ литературѣ: онъ способенъ созданію своему дать движеніе жизни, правильное, но разнообразное, и чтó еще важнѣе, у него лица и характеры ихъ блестятъ вѣрными красками, безъ приторнаго щегольства и безъ томительной сухости. Г. Вельтманъ принадлежитъ къ числу разнообразныхъ и оригинальныхъ писателей нашего времени. У него много запасу и въ способности къ соображеніямъ и въ свѣдѣніяхъ вспомогательныхъ, которыя такъ драгоцѣнны для этого рода сочиненій. Но замѣтная страсть быть новымъ во всемъ, до чего онъ только касается, заставляетъ его жертвовать первымъ условіемъ изящнаго искуства—естественностію и простотою—изысканнымъ и неправдоподобнымъ вымысламъ, положеніямъ, выходящимъ изъ картинъ жизни, языку рѣзкому и сильному, но пестрому и не вяжущемуся съ представляемыми предметами. Все это еще можно было бы слить съ живымъ и независимымъ характеромъ его таланта, если бы онъ показалъ болѣе власти надъ мелкими прихотями своего воображенія. Основаніемъ его сочиненія всегда бываетъ идея, достойная искуства. Но, изображая ее, онъ не хочетъ остановиться на одномъ существенномъ, что только и достойно поэтиче-

скаго труда: онъ плодитъ свою главную мысль и обставляетъ ее или не занимательными подробностями, или неудачными украшеніями, такъ что можно сказать: трудно не читать его, а читать еще труднѣе. Наконецъ, сколько видно, у г. Вельтмана есть, при явномъ талантѣ, ошибочный взглядъ на искуство: онъ усиливается проявлять въ немъ теоретическія задачи, тогда какъ искуство, на всей высотѣ своей, есть только отраженіе свѣтлыхъ, рѣзко выдающихся сторонъ природы и жизни.

Энциклопедическій Лексиконъ. Т. XI, ВЛА—ВОН.

Полезное, даже необходимое въ нынѣшнее время, сочиненіе, котораго огромнымъ предпріятіемъ обязаны мы г. Плюшару, продолжается съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ началось оно въ 1835 году. Въ этомъ томѣ помѣщены статьи, которыя обработывались шестидесятью авторами и переводчиками. Со стороны редакціи все употреблено, чтобы этому изданію сообщить возможное единство воззрѣній и языка. Будучи первымъ предпріятіемъ въ нашей литературѣ, изданіе Энцикл. Лекс. представляетъ величайшія затрудненія. Все, относящееся непосредственно къ Россіи, слѣдственно важнѣйшее для насъ, требуетъ новаго плана, новой обработки и особенной обширности статей, соотвѣтственно общему въ нихъ участію и строгому суду, по причинѣ близости къ намъ предметовъ. Это обстоятельство выводитъ русскій Энцикл. Лекс. изъ разряда однородныхъ съ нимъ иностранныхъ сочиненій. Въ немъ большая часть изслѣдованій принимаетъ видъ полнаго курса и, удовлетворяя разборчивости и ожиданіямъ знатоковъ дѣла, приводитъ въ нетерпѣливость людей, довольствующихся одною наружностію.

Французская Литература въ теченіе XVIII столѣтія. Сочиненіе барона де Баранта, пѣра Франціи. Перевелъ съ французскаго 5-го изданія Молдинскій.

Между современными намъ французскими писателями не многіе защитились отъ вліянія страннаго тона и вкуса, господствующихъ нынѣ во Франціи. Барантъ по преимуществу долженъ быть

отнесенъ къ этому числу. Его сужденія, духъ мыслей, самое изложеніе, все представляетъ въ немъ писателя глубокомысленнаго и строгаго къ самому себѣ. Онъ дорожитъ истиною и совершенствомъ искуства, а не ищетъ шумнаго, но минутнаго успѣха. Вотъ почему переводъ этой книги, написанной имъ еще въ молодости, мы считаемъ полезнымъ пріобрѣтеніемъ для литературы нашей. Каковы бы ни были теперешнія идеи того же автора объ этомъ предметѣ, но выраженное имъ нѣкогда по убѣжденію всегда будетъ поучительно и драгоцѣнно, какъ все, ознаменованное талантомъ.

Пѣсни Русскаго народа. Изданіе И. Сахарова. Часть 1.

Вторая четверть 1838 года не обогатила русской литературы большимъ числомъ книгъ, которыя въ область знаній вносятъ новыя, плодотворныя истины. Но если мы встрѣчаемъ и одинъ трудъ, изъ котораго должно развиться многое въ любознательности; то можемъ и обязаны сказать, что въ это время литература сдѣлала важный шагъ впередъ. Г. Сахаровъ собраніемъ своимъ русскихъ пѣсень оказалъ нашей словесности такую услугу, за которую имя его съ благодарностью внесено будетъ въ исторію русскихъ писателей. Сборниковъ простонародныхъ нашихъ пѣсень было много; но ни одного изъ нихъ нельзя назвать трудомъ литературнымъ, трудомъ, который бы оживленъ былъ мыслію, отчетливостію, знаніемъ дѣла, который бы приводилъ къ полезнымъ выводамъ — единственной цѣли всякаго и литературнаго и не литературнаго предпріятія. Въ современную эпоху особенно отрадно встрѣтить явленіе книги, оригинальной по всему: по плану, мыслямъ, по изложенію и по благородной любви автора къ предмету ученыхъ его изысканій. Изданіе г. Сахарова, столь поразительно отличающееся отъ другихъ въ наше время появляющихся произведеній, подражательныхъ, обремененныхъ многословіемъ, стѣсненныхъ въ кругу мелочной критики, переноситъ читателя въ лучшіе періоды литературы, когда трудолюбіе и ученость неразлучны были съ благороднымъ стремленіемъ къ

общественной пользѣ и народной славѣ. Книга его въ гармоніи съ идеею только немногихъ европейскихъ мыслителей, которые стремятся изъ чистыхъ элементовъ умственной жизни каждаго народа образовать картину его исторіи. Г. Сахаровъ, въ разсматриваемой нами книгѣ, предложилъ: во 1-хъ, раздѣленіе простонародныхъ пѣсень, по его мнѣнію, на 12 отдѣленій; во 2-хъ, онъ исчислилъ прежде-бывшихъ собирателей ихъ (16-ть), обстоятельно познакомивъ съ ихъ мнѣніями и методами въ этой работѣ; въ 3-хъ, представилъ библіографію пѣсенниковъ и привелъ имена издателей (всѣхъ 9), присовокупивши къ своимъ отзывамъ о нихъ собственныя ихъ разсужденія; въ 4-хъ, онъ указалъ и на лица, которыя составляли ноты для русскихъ пѣсень (четыре человѣка); въ 5-хъ, напечаталъ критически-обработанный сводъ сужденій нашихъ филологовъ и другихъ ученыхъ о народной поэзіи русской (приведено четыре писателя); въ 6-хъ, упомянулъ и о тѣхъ, кто дѣлалъ опыты надъ пѣснію о полку Игоря, стараясь привести ее въ стопы (названо 5); въ 7-хъ, слѣдуетъ передъ собраніемъ перваго отдѣленія пѣсень, названныхъ святочными, любопытная исторія и описаніе празднованія русскихъ святокъ, гдѣ приведены измѣненія въ нихъ, смотря по разнымъ мѣстамъ; въ 8-хъ, исчислены области и города, откуда собраны приводимыя пѣсни; въ 9-хъ, помѣщены святочныя пѣсни съ подраздѣленіемъ ихъ на подблюдныя, игорныя и обрядныя; въ 10-хъ, варіанты ко всѣмъ тремъ отдѣламъ; и наконецъ, въ 11-хъ, сравненіе святочныхъ нашихъ пѣсень съ малороссійскими и словакскими. Критико-историческое отдѣленіе книги обработано съ большимъ знаніемъ дѣла и съ явною любовію къ предмету. Авторъ, обращаясь къ читателямъ, становится не только по чувствамъ, но и по всѣмъ оттѣнкамъ слога, прямо русскимъ человѣкомъ. Оно увлекаетъ искренностію сужденій и національнымъ тономъ, незаимственнымъ, неподдѣльнымъ, а видимо господствующимъ въ его душѣ и характерѣ. Если окончаніе обширнаго труда его соотвѣтствовать будетъ началу, то передъ нами раскроется удивительной источникъ новыхъ красотъ русской поэзіи.

Общсе обозрѣніе развитія Русской Словесности. С. Шевырева.

Эта брошюра составляетъ одно вступленіе въ исторію Русской литературы. Но ее можно разсамтривать какъ конченный очеркъ любопытной для насъ книги. Начиная съ XI столѣтія, т. е. съ появленія первыхъ памятниковъ письменности нашей, авторъ представляетъ читателю матеріалы изученія въ каждомъ столѣтіи отдѣльно и доходитъ до нынѣшней эпохи. Если бы онъ ограничился только хронологическимъ исчисленіемъ предметовъ, то въ его трудѣ мы не нашли бы ничего новаго, и чтеніе брошюры не привело бы ни къ какимъ наставительнымъ выводамъ. Но онъ умѣетъ открывать во всякомъ періодѣ органическое цѣлое, такъ что разсматривая явленія съ его точки, понимаешь, отъ чего зависѣло число ихъ, характеръ и будущая судьба. При разнородныхъ явленіяхъ, онъ тотчасъ отыскиваетъ главные пункты, около которыхъ образуются правильныя части обширнаго цѣлаго, и тѣмъ облегчается взглядъ на предметы. Въ сужденіяхъ автора чувствуешь прикосновоніе души его къ каждой мысли. У него нѣтъ истинъ прививныхъ: онѣ всѣ воспитались въ лонѣ его мышленія собственнаго. Особенно удовлетворительно рѣшилъ онъ труднѣйшій вопросъ въ этой наукѣ: «Отчего Россія, до XVIII столѣтія успѣвавшая во многомъ наравнѣ съ другими европейскими державами, съ этой эпохи не въ состояніи была сохранить прежняго соперничества своего въ дѣлѣ просвѣщенія?» Бросивъ такимъ образомъ взглядъ на каждое изъ прошлыхъ столѣтій, онъ приводитъ читателя къ цѣли науки, т. е. къ разрѣшенію задачи: «Въ чемъ настоитъ теперь необходимость, чтобы будущіе шаги наши направлены были къ истинному совершенству въ занятіи столь благородномъ, столь соотвѣтствующемъ достоинству и человѣка въ частности и націи вообще, какова литература, т. е. завѣтъ всѣхъ сторонъ жизни нашей грядущимъ поколѣніямъ?»

Повѣсти и Разсказы П. Каменскаго. Двѣ части.

Появленіе книги, которая носитъ на себѣ отпечатокъ таланта, всегда утѣшительно. Это надежда, предвозвѣстница желаемаго событія. Между множествомъ повѣстей, изданныхъ и издаваемыхъ у насъ въ настоящую эпоху, съ удовольствіемъ остановишь вниманіе на книгѣ г. Каменскаго. Въ этомъ родѣ, гдѣ подражатели великихъ писателей истощили столько неудачныхъ покушеній, онъ нашелъ собственную стезю и пошелъ по ней независимо. Онъ предварительно обогатился знаніями нравовъ, характеровъ, мѣстными красками, сокровищами историческихъ подробностей, и съ этимъ вѣрнымъ запасомъ для литературныхъ предпріятій приступилъ къ дѣлу. Читая повѣсти его, чувствуешь и достоинство, и выборъ, и свѣжесть представляемыхъ имъ сокровищъ. Вымыселъ остается только при необходимыхъ условіяхъ разсказчика. Но въ этихъ обыкновенныхъ рамахъ вставлено столько усвоеннаго любознательною жизнію и питающаго мысль, что матеріалъ сочиненія заставляетъ изучать себя съ какимъ-то еще неиспытаннымъ удовольствіемъ. Надобно желать, чтобы авторъ полюбилъ искуство, такъ много приготовивъ для его произведеній. Въ искуствѣ, или въ способѣ проявленія мысли, есть своя прелесть, которой онъ достигнетъ незамѣтно, обрабатывая свои запасы.

Мечты и Были. М. Маркова. Три части.

Разнообразіе картинъ, умъ живой и тонкій, мастерство изображенія и свободный языкъ составляютъ отличительныя черты этого сочиненія, особенно въ двухъ послѣднихъ частяхъ (гдѣ проза); но въ стихахъ автора замѣтна недоконченность многихъ мѣстъ и подражательность въ слогѣ.

Странный Балъ. Повѣсть изъ разсказовъ на станціи, и восемь стихотвореній. Соч. В. Олина.

Есть разнообразіе въ литературныхъ трудахъ, не доставляющее читателямъ никакой выгоды, а для сочинителей вредное.

Въ продолженіе литературной жизни своей авторъ означеннаго здѣсь сочиненія испытывалъ себя почти во всѣхъ родахъ письменности, и это, вѣроятно, попрепятствовало ему глубже вникнуть въ искуство. Такимъ образомъ онъ по необходимости еще находится все только при началахъ въ каждомъ родѣ. Оттого каждая книга его возбуждаетъ ожиданіе, которое оказывается тщетнымъ.

Любовь къ добродѣтельной дѣвѣ, или черты душевной красоты. Стихотворенія писанныя въ 1822 году. — Пасхальная лампа, поэма въ двѣнадцати пѣсняхъ, Титова. — *Сказки въ стихахъ о Дадонѣ или о томъ, какъ дуракъ сдѣлался умнымъ.— Повѣсти въ стихахъ,* М. Павлова.

Если бы всѣ эти повѣсти, сказки и поэмы написаны были прозою, онѣ еще нашли бы для себя читателей. Но стихотворная форма приводитъ ихъ въ странное отношеніе къ публикѣ. Люди, понимающіе достоинство поэзіи, не обращаютъ вниманія на подобные стихи; а люди, добродушно все читающіе, не понимаютъ ихъ кудреватаго языка.

Арфа. Стихотворенія А. Полежаева.

Если бы автору удалось когда-нибудь обработать счастливыя начала свои въ поэзіи, безъ сомнѣнія онъ занялъ бы не послѣднее мѣсто между нашими извѣстными писателями. Но теперь послѣ его смерти, все должно кончиться однимъ воспоминаніемъ таланта замѣчательнаго, который однакожъ оставилъ по себѣ только стихотворенія неровныя, въ такомъ большомъ числѣ безпрестанно у насъ появляющіяся.

Графъ Горскій. Сочиненіе Любови Кричевской. Харьковъ. 1837. Въ двухъ книжкахъ.

Книга, напечатанная прошлаго года въ Харьковѣ, едва наконецъ теперь достигла до нашей столицы, благодаря движенію книжной торговли. Немногіе вѣроятно примутъ трудъ прочитать

до конца романъ, который началомъ своимъ переноситъ читателя въ литературу минувшаго столѣтія. Маленькое впрочемъ терпѣніе было бы здѣсь вознаграждено съ избыткомъ. Сочинительница, какъ можно судить по плану книги, менѣе думала о заманчивости разсказа съ первыхъ страницъ, нежели о полномъ развитіи дѣйствія. У нея занимательность возрастаетъ по мѣрѣ движенія разсказа, оживленнаго наконецъ самыми трогательными картинами. Талантъ, въ какой бы формѣ ни явился, достигаетъ всегда своей цѣли, т. е. возбуждаетъ участіе и вводитъ читателя въ сферу своихъ ощущеній. Критика въ правѣ говорить противъ обветшалыхъ фразъ книги, противъ излишней декламаціи, противъ приторнаго добродушія; но эти недостатки свидѣтельствуютъ только о томъ, какъ еще медленно развивается у насъ искуство авторства, даже между людьми, получившими отъ природы дарованія. Современные успѣхи литературы не обнимаютъ еще краевъ, отдаленныхъ отъ ея центра.

Три Бездѣлки. Соч. В. Серебренникова.

Если бы повѣсти, такъ соображенныя и разсказанныя, составляли начало дальнѣйшихъ трудовъ литературныхъ, вѣроятно авторъ не отдѣлилъ бы ихъ отъ прочихъ своихъ произведеній — и опытъ болѣе далъ бы имъ цѣнности. Появленіе книги, въ которой раскрываются разныя стороны жизни таланта, во всякомъ случаѣ приноситъ пользу литературѣ. Легкія попытки, гдѣ нѣтъ ни полнаго объема предметовъ, ни яркихъ красокъ, ничего не доказываютъ и ни къ чему не приводятъ.

Русскія народныя сказки, собранныя Б. Бронницынымъ.

Сочинитель, или вѣрнѣе сказать — редакторъ, прикоснулся къ такому источнику, изъ котораго можно почерпнуть многое и прекрасное для русской литературы. Онъ, какъ самъ увѣряетъ, напечаталъ только то, что ему удалось слышать отъ странствующаго сказочника. Такимъ средствомъ ничего нельзя сдѣлать въ предпріятіи самомъ огромномъ и требующемъ разносторонняго,

долговременнаго изученія. Надобно все перечитать, что въ этомъ родѣ напечатано. Надобно долго и терпѣливо странствовать по Россіи, чтобы выслушать какъ можно болѣе подобныхъ разсказовъ. Принявши въ душу во всей чистотѣ элементы народной поэзіи и почувствовавши въ себѣ обладаніе этимъ сокровищемъ, можно приступить къ редакціи. Отрывки, выслушанные или сочиненные, только и примутся какъ опытъ, въ чемъ у насъ недостатка никогда не было.

Быль и заблужденія моего ума и сердца, въ стихахъ и прозѣ. Соч. А. Башкатова. — Плоды вечернихъ бездѣлокъ. Соч. И. Раевича. — Романсы, пѣсни и стихотворенія, или подарокъ на новый годъ любителямъ и любительницамъ пѣнія. Соч. А. П.—Весеннія мечты. Стихотворенія И. Карелина.— Звѣзда любви. Подарокъ прелестному полу.—Сказка въ стихахъ о Додонѣ, или о томъ, какъ дуракъ сдѣлался умнымъ.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ ни одна отрасль нашей литературы, если судить по новымъ произведеніямъ, не была въ такомъ упадкѣ, какъ стихотворная часть. Представивъ здѣсь стихотворенія появившіяся въ это время, мы не смѣемъ остановиться ни на одномъ, чтобы обратить на него вниманіе читателей. Перечитывая ихъ, воображаешь, что это неудачныя шутки, которыхъ изданіемъ псевдонимамъ и анонимамъ вздумалось позабавиться надъ публикою.

Нѣсколько новыхъ произведеній, написанныхъ для театра, издано въ печать. Итакъ надобно думать, что для нихъ есть читатели, хотя, говоря искренно, и эта часть поэзіи немного выше той, о которой мы упоминали. Явившіяся театральныя сочиненія показываютъ намѣреніе веселить читателей. Но истинно-комическое такъ же не легко дается, какъ и все прекрасное. Въ драматическомъ сочиненіи оно еще многосложнѣе, нежели гдѣ-нибудь. Веселость ума или характера связывается здѣсь съ частностію народныхъ нравовъ, обыкновеній, шутокъ и самыхъ рѣчей. Можно ли удовольствоваться при этихъ требованіяхъ, перечитывая слѣ-

дующія пьесы? *Невѣста подъ замкомъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Н. Соколова. — Воскресенье въ Марьиной рощѣ. Интермедія въ одномъ дѣйствіи, съ принадлежащими къ ней хорами и танцами. — Архиваріусъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. П. Ѳедорова.*

***

Кто не читаетъ романовъ и повѣстей? Хорошо, что ихъ такъ много пишутъ. Притомъ же они всѣ безъ исключенія прекрасны. Укажите хоть на одно въ этомъ родѣ сочиненіе, которое бы не было прочитано съ истиннымъ наслажденіемъ. Будь Вальтеръ-Скоттъ, будь авторъ нашихъ дней *Мирамонда* — ты любимецъ и оракулъ своей публики. Самый критикъ, начиная говорить о романахъ и повѣстяхъ, уже интересенъ. Его отзывъ не гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Съ нимъ всѣ утѣшительно сочувствуютъ. Да и что бы нашелъ онъ сказать непріятнаго, противорѣчащаго общему убѣжденію? Начать съ того, что всѣ эти сочиненія самыя нравственныя, потому что въ нихъ даже торжествующій порокъ называется собственнымъ его именемъ. Всѣ они составляются по строгимъ требованіямъ искуства, потому что характеры въ нихъ выдерживаются, мѣсто, время и другія принадлежности жизни описываются подробно. Что касается до занимательности происшествія, до выбора подробностей дѣйствія — извѣстно уже, какъ это все изумительно хорошо въ каждомъ сочиненіи. Если бы критикъ сказалъ, что нѣтъ тутъ и тѣни натуры, что каждымъ положеніемъ, каждою чертою авторъ выказываетъ въ себѣ отсутствіе малѣйшей наблюдательности человѣка — кто не въ правѣ отвѣчать ему, что романъ не исторія, что романы для того и сочиняются, чтобы въ нихъ осуществить прелестные вымыслы? Итакъ бросимъ взглядъ на эти милыя созданія фантазіи.

Цыганъ, или ужасная месть. Происшествіе минувшаго столѣтія. Двѣ части. Соч. И. Штевена.

Одинъ изъ самыхъ мѣткихъ критиковъ сказалъ удивительную истину объ этой книгѣ: «Авторъ имѣлъ въ виду не столько изящное,

но безполезное услажденіе читателей, сколько нравоучительную цѣль. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше можно отвратить отъ порока и разврата, какъ не изображеніемъ ужасовъ того и другого, и не представленіемъ гибельныхъ слѣдствій, какія отъ того и другого проистекаютъ? Это исполнилъ почтенный авторъ, и романъ его читать страшно! Тутъ искуство своего рода, не подлежащее впрочемъ критикѣ искуства».

Проклятое мѣсто. Романъ М. Воскресенскаго. Четыре части.

Въ основаніи романа нельзя не чувствовать мысли; въ соображеніи частей его есть воображеніе: однимъ словомъ, здѣсь все идетъ такъ, какъ обыкновенно опытные читатели представляютъ себѣ романы. Не смѣемъ поручиться, что и всѣ довольны будутъ произведеніемъ автора. Есть люди, которымъ трудно угодить: они требуютъ естественности, простоты, истины, такъ что и самый мастерской романъ изъ рукъ ихъ падаетъ.

Теодоръ Станиславскій. А. Никитина. Двѣ части.

Здѣсь ничего нѣтъ двуличнаго: одно всѣ чувствуютъ — и равно всѣ наслаждаются. Если вы прочитали нѣсколько страницъ — значитъ, вы богаты досугомъ — вѣрно прочитаете и весь романъ. Въ немъ та увлекательная жизнь, которой такъ жадно ищутъ въ романахъ неутомимые читатели всѣхъ новостей литературы — представительницы, какъ называютъ ее, вѣка своего. Одно трудно рѣшить: авторы ли, въ родѣ сочинителя этого романа, образовали для своихъ созданій читающее поколѣніе, или самъ вѣкъ до себя ихъ возвысилъ.

Тайна, романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе А. Степанова.

Увѣряютъ, что *авторъ Тайны никогда не писалъ для дѣвушекъ*, и что *дѣвушки не должны знать этой его тайны*. Мы не можемъ не сожалѣть, ежели дѣйствительно былъ такой зарокъ у

автора. Сочиняя романъ, веселѣе и вѣрнѣе всего думать, что дитя моего воображенія будутъ лелѣять нѣжныя ручки дѣвушки. Всѣ мужчины и матери семействъ, даже дѣти, выучившіяся читать, заняты какимъ-нибудь дѣломъ. А дѣвушкѣ, въ этотъ счастливый періодъ, когда ея воспитаніе кончилось, а дѣломъ ей заниматься еще рано, надъ чѣмъ отдохнуть между туалетомъ и выходомъ въ гостиную, какъ не надъ романомъ? Нѣтъ, романы писать надобно непремѣнно для дѣвушекъ, если мы желаемъ, чтобы листы сочиненія нашего разрѣзаны были до печальной эпохи, когда на нихъ столько уляжется пыли, что и поневолѣ ничья рука до нихъ не дотронется.

Искуситель. Сочиненіе М. Загоскина. Три части.

Г. Загоскинъ въ новѣйшей литературѣ нашей самъ былъ *искусителемъ*. Онъ успѣхомъ своимъ обольстилъ цѣлое поколѣніе писателей — и они выступили за нимъ на поприще. Совершенно постигнувъ, какъ изобрѣтать разнородныя сцены, и чувствуя, что̀ значитъ драматическій языкъ, онъ освѣжилъ у насъ покинутый, или по-крайней-мѣрѣ не блиставшій родъ сочиненій. Впрочемъ и на него, какъ на всѣхъ европейскихъ романистовъ, дѣйствовалъ вдохновительный лучъ безсмертнаго Шотландца, *омеровски* распространившаго геній свой надъ всею литературою нашего времени. Г. Загоскинъ, какъ человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ, почувствовалъ во-первыхъ, что̀ дѣйствительно составляетъ достоинство романа, а во-вторыхъ, какъ надобно общія красоты его сливать съ красотами національнаго русскаго романа. Безъ дарованія ни расчетъ, ни усиліе не вывели бы его изъ толпы соперниковъ. Но, любя искуство, которое доставило ему славу, нельзя не желать, чтобы онъ строже былъ къ самому себѣ. Для истиннаго совершенства романъ историческій требуетъ еще болѣе предварительнаго изученія эпохи, нежели самая исторія; а романъ исключительно-нравоописательный долженъ быть чистымъ зеркаломъ *одного преобладающаго* въ быту и характерѣ національномъ. Успѣхъ романовъ перваго рода, успѣхъ не временный,

но со всѣми залогами вѣчности, которыми Вальтеръ-Скоттъ запечатлѣлъ свои произведенія, у насъ пока еще очень труденъ: мы скудны пособіями, для этого необходимыми, а безъ нихъ ничѣмъ нельзя вполнѣ удовлетворить чувствующаго и взыскательнаго читателя. Второго рода романы *не сочиняются*, т. е. не извлекаются изъ умственныхъ представленій по аналогіи. Они образуются подъ мастерскимъ перомъ автора-наблюдателя, который съ натуры не свелъ еще глазъ своихъ. И сколько художнической воспріемлемости должно быть въ самомъ глазѣ, чтобы останавливался онъ на поэтическихъ только сторонахъ предмета! Изданныя сочиненія г. Загоскина убѣждаютъ насъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ наше мнѣніе о достоинствѣ романовъ. Но у него между чертами истины и жизни нерѣдко мелькаютъ черты такъ называемаго правдоподобія, которое въ поэзіи не лучше вымысла. Его даже языкъ, котораго драматическая сторона такъ увлекательна, не совсѣмъ безъ погрѣшностей, особенно въ подражаніи просторѣчію. Желая вполнѣ схватить все характеристическое въ простонародномъ разговорѣ, сочинитель переходитъ границы и добавляетъ сочиненными фразами подлинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ. Вообще романы его, и особенно Искуситель, полныя движенія, занимательности и красокъ, еще сдѣлались бы удовлетворительнѣе, если бы онъ отчетливѣе провѣрялъ въ нихъ выставляемыя картины нравовъ и не увлекался бы изысканностію въ образованіи игривыхъ выраженій.

Козырь-дивка. Грицька Основьяненка.

Между современными писателями повѣстей, авторъ принявшій на себя имя *Грицька Основьяненка*, безъ сомнѣнія одинъ изъ первыхъ талантовъ, даже и не въ Россіи только. Природа надѣлила его такою тонкою наблюдательностію характеровъ, странностей и всѣхъ сторонъ жизни, что прекрасное родится подъ его перомъ безъ малѣйшаго усилія. Въ то же время онъ великій критикъ въ собственномъ трудѣ своемъ. Никогда ложная веселость или мнимая удача не обольстятъ его успѣхомъ. Онъ, въ своей

кажущейся небрежности и невнимательности къ такъ называемымъ увлеченіямъ таланта, взыскательно за собою смотритъ — и останавливается именно тамъ, гдѣ кончилась поэзія разговора или картины. Изображая простонародный бытъ — этотъ камень преткновенія для самыхъ счастливыхъ писателей — онъ черты не внесетъ лишней и ни однимъ словомъ не повредитъ обольщенію. Мало того: его сцены, веселыя, смѣшныя, даже каррикатурныя, нигдѣ не переходятъ въ излишество и никогда не теряютъ истиннаго интереса. Безвкусное, площадное, пошлое не выкажется у него ни въ одной шуткѣ, ни въ одной остротѣ. Къ этому врожденному чутью прибавьте національную веселость малороссіянина, истинный юморъ ума и языка: тогда можно будетъ въ нѣкоторой степени понять, какое дѣйствіе должны производить его повѣсти тамъ, на родинѣ его. Но мы, вполнѣ понимая естественную связь его таланта съ нарѣчіемъ провинціальнымъ, не можемъ не сожалѣть, что онъ уклоняется отъ языка, общаго нашей литературѣ. Вліяніе ума его и вкуса было бы обширнѣе. Онъ сдѣлался бы достойнымъ представителемъ этого рода словесносности, который такъ доступенъ каждому грамотному человѣку. Мы желали бы подѣлиться такимъ сокровищемъ не только со всею Россіею, но даже съ Европою. Красота истинная, оригинальная, блещущая всѣми художническими совершенствами, вездѣ и всегда рѣдкое явленіе. Много было и будетъ успѣховъ случайныхъ; но то, что вызвано природою для бытія неисчезающаго, то конечно не принадлежитъ къ ежедневнымъ явленіямъ. Его *Маруся* въ своемъ родѣ такое же совершенство, какъ и всякое изъ безсмертныхъ созданій чудной древности.

Стихотворенія Дмитрія Сушкова. Первая книжка.

Въ немъ проблескъ генія сіяетъ,
Въ немъ виденъ смѣлый, вольный умъ;
Въ немъ непорочность освящаетъ
Порывы юныхъ, жаркихъ думъ.

Или:

Но я сорву личину вашу,
Я уготовлю кары часъ,
Я опрокину мщенья чашу,
Безумцы гордые, на васъ.

Или:

И въ небѣ чистомъ, въ небѣ ясномъ
Невольно, мнится, вижу я
Тѣ дни, когда весь міръ прекраснымъ
Въ мечтахъ казался для меня.

Что бы вы сказали, прочитавъ цѣлую книжку такихъ стиховъ, особенно теперь, когда наши поэты едва ли не презираютъ хорошіе стихи, обративши все свое вниманіе на фантастическіе образы? Безъ сомнѣнія, вы обрадовались бы этой нечаянности— и пожелали бы увидѣть скорѣе *вторую* книжку поэта. Такое же точно было и наше первое движеніе. Откровенно скажемъ: мы любимъ хорошіе стихи, потому что не умѣемъ вообразить истинной поэзіи въ дурныхъ стихахъ. Въ мысляхъ ли, въ чувствованіяхъ, или въ картинахъ — поэзія всегда есть творчество, котораго созданіе должно трепетать новою прекрасною жизнію. Всякое созданіе неясное, или неполное, или обремененное излишествомъ идей, уже убито въ минуту своего рожденія, по крайней мѣрѣ обезображено, и потому перестало быть поэзіею въ полномъ смыслѣ. Дурные стихи свидѣтельствуютъ о недостаткѣ чувства, о неточности представленій, о вялости ума. Вотъ почему обрадовались мы этой книжкѣ, въ которой такъ часто попадались намъ хорошіе стихи. Мы начинали вѣрить явленію истиннаго поэта. Между тѣмъ внимательное чтеніе пьесъ въ цѣлости остановило насъ. Не умѣемъ изъяснить, какъ можно, постигнувъ поэзію, измѣнять собственному сознанію? Какъ можно бояться или не любить труда, если чувствуешь несоотвѣтственность между частями одного и того же цѣлаго? Кто не понимаетъ совершенства, тотъ къ нему равнодушенъ. Ужели мѣста́, попадающіяся на каждой

почти страницѣ, мѣстá, ознаменованныя голосомъ таланта, навѣяны игрою слѣпого случая? Намъ это невѣроятно. Разногласіе между истинною поэзіей и набросанными небрежно стихами мы должны приписать или слабости усилій, или другой слабости, еще болѣе опасной — довѣрчивости къ похваламъ неискреннимъ. Строже всѣхъ къ себѣ долженъ быть поэтъ самъ. Поэзія должна быть кумиромъ для него самого. Не славой онъ привязанъ къ ней, но самою жизнію, которая для него вся въ поэзіи.

Стихотворенія Александра Вердеревскаго.

Сочинитель повидимому увлекся ложнымъ правиломъ, которое нерѣдко у насъ повторяется: будто для истиннаго успѣха въ искуствѣ надобно подражать лучшимъ образцамъ. Подражаніе есть признакъ собственнаго безсилія. Надобно самому сильно чувствовать и выражать себя. Тогда явится истинная поэзія. Можетъ быть, въ первыхъ опытахъ встрѣтятся затрудненія; но самобытность несравненно дороже самаго удачнаго повторенія знакомыхъ уже красокъ и пріемовъ. Лучшіе подражательные стихи, какіе встрѣчаются въ собраніи г. Вердеревскаго, не возбуждаютъ ничего подобнаго тому, что называется участіемъ къ произведенію.

Сказка о Бурѣ Коровичѣ.

Здѣсь принятъ простонародный тонъ, который не выдержанъ. Для него нужно изучить не только весь бытъ людей, которыхъ описываемъ, но самыя рѣзкія красоты языка ихъ. Не всѣ выраженія, заимствованныя изъ простонародной рѣчи, сливаются съ поэзіей, подобно какъ не всѣ стороны жизни составляютъ область художествъ.

Стихотворенія Т. Моствило-Головача.—Поэзія Алексѣя Москвитянина. — Разныя разности. Стихотворенія М. Демидова. Въ двухъ отдѣленіяхъ.

Всѣ эти собранія, какъ опыты, еще ничего не доказываютъ, кромѣ одной извѣстной истины, что легко итти проложенною до-

рогою. Одного жаль: эта дорога совсѣмъ не заманчива, потому что заранѣе знаешь что̀ впереди.

Стихи бѣдной дѣвицы, слѣпой дочери деревенскаго пономаря, сообщенные въ Россійскую Академію, и отъ нея изданные.—Стихотворенія, сочиненныя дѣвицею В. М.

Кто безъ грусти можетъ подумать, что благотворительные люди, для возбужденія сострадательности къ несчастнымъ, принуждены *еще* прибѣгать къ средствамъ, которыя, внушая сожалѣніе, въ то же время и опечаливаютъ душу? Что значитъ представить ничего не доказывающіе стихи, чтобы склонить на жалость? Въ несчастіи есть права̀ на вспоможеніе, болѣе священныя и, какъ намъ кажется, болѣе вѣрныя.

Невскій альбомъ. Опыты въ стихахъ и прозѣ Н. Бобылева.

Дарованіе, какъ прекрасный цвѣтъ души, свободно привлекаетъ къ себѣ сердце и внушаетъ участіе. Опыты г. Бобылева не должны остаться безъ вниманія. Въ нихъ есть и замѣчательный умъ и вѣрный вкусъ. При этихъ свидѣтеляхъ «Опыты» радуютъ, потому что за ними воображеніе съ какою-то отрадою видитъ близкій успѣхъ.

Воспоминанія о Персіи 1834—1835. Барона Θеодора Корфа.

Если бы эта книга написана была на французскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія авторъ ея овладѣлъ бы уже вниманіемъ всей читающей публики не только нашихъ столицъ, но и прочихъ европейскихъ. Описаніе путешествія, въ которомъ новость предметовъ споритъ съ мастерствомъ разсказа, а основательность мыслей съ разнообразіемъ взглядовъ, само по себѣ уже увлекательная книга. Но прибавьте къ этому пріятнѣйшее ощущеніе, возбуждаемое натуральнымъ, свободнымъ голосомъ очевидца, который передаетъ вамъ впечатлѣнія самыя свѣжія и такъ сказать не остывшія на его сердцѣ; прибавьте счастливый характеръ путешественника, непринужденно, со всею искренностію молодости

высказывающаго все, что возбуждаетъ его вниманіе, участіе и очаровательную веселость; наконецъ прибавьте проницательность ума обогащеннаго предварительнымъ изученіемъ предмета, и этотъ огонь души—талантъ, искрящійся и блещущій на всякой точкѣ, чтобы къ нему не приближали: тогда вы объ этой книгѣ составите нѣкоторое понятіе. Путешественникъ безъ таланта, описывающій, что видѣлъ онъ, похожъ на болтливаго человѣка, который въ своихъ разсказахъ всему радъ, лишь бы дать волю языку; все у него въ одной цѣнѣ и въ одной краскѣ. Талантъ опереживаетъ и науку, и возрастъ, и опытность. По какому то инстикту чувствуетъ онъ, надъ чѣмъ остановиться, что выбрать, гдѣ дать разгулъ шутливости, въ чемъ сосредоточить важность мыслей. Неистощимымъ разнообразіемъ своего явленія онъ убѣждаетъ васъ въ подлинности своей жизни, которая также есть безпрерывное разнообразіе мыслей, чувствованій и дѣйствій. Таковы по большей части впечатлѣнія остающіяся, въ душѣ, когда внимательно перечитываешь книгу, о которой мы говоримъ. Столь рѣдкое въ нашей литературѣ (да и въ другихъ, кажется) сочиненіе требуетъ полнаго участія критики, чтобы она сыскавши средство сблизить публику съ этимъ утѣшительнымъ явленіемъ, расплатилась съ нею за ежедневно представляемые перечни ничтожныхъ брошюръ и еще, можетъ быть, ничтожнѣйшихъ волюмовъ, Къ этому вѣрнѣйшимъ показалось намъ средствомъ помѣстить здѣсь изъ книги что нибудь цѣлое, потому что въ отрывкахъ не развертывается вся идея, и особенно не выказываются всѣ стороны слога — души сочиненія. Мы избрали статью: *О внѣшней торговлѣ Персіи, въ особенности въ отношеніи къ Россіи* [1]).

О четырнадцатомъ томѣ Энциклопедическаго Лексикона. Сочинено въ Редакціи Сѣверной Пчелы.

Появленіе этой брошюры служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, какое участіе возбуждаютъ у насъ общеполезныя, вели-

[1]) Читателя любопытствующаго ознакомиться съ этимъ длиннымъ отрывкомъ отсылаемъ къ самому сочиненію покойнаго барона Корфа или къ XII-му тому *Современника*.

кія предпріятія. Главный редакторъ Энциклопедическаго Лексикона, изложивъ затрудненія, безпрерывно встрѣчающіяся при изданіи столь огромнаго творенія, едва успѣлъ напечатать, что «*важныя ошибки въ Лексиконѣ большею частію будутъ исправ*«*лены въ особомъ томѣ, для котораго редакція имѣетъ уже много* «*матеріаловъ въ умныхъ и благонамѣренныхъ замѣчаніяхъ, при*«*сылаемыхъ къ ней читателями умными и благонамѣренными*», какъ черезъ пять дней редакція Сѣверной Пчелы представила на пяти печатныхъ листахъ матеріалы для исправленія одного XIV тома. Многочисленныя ея указанія, свидѣтельствуютъ о трудѣ неимовѣрномъ. Прочитывая столбцы Лексикона, мелко и сжато оттиснутые, надобно было развертывать для справокъ почти столько же книгъ, сколько статей разобрано. Всѣ поправки ведены со вниманіемъ и вѣрностію. Такимъ образомъ одинъ томъ Энциклопедическаго Лексикона можно теперь считать изданнымъ окончательно, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто воспользовался брошюрою. Но редакція Сѣверной Пчелы болѣе показала бы усердія къ общей пользѣ, если бы не такъ поздно приступила къ изданію матеріаловъ для исправленія Энциклопедическаго Лексикона. Первые тринадцать томовъ также дѣло рукъ человѣческихъ, тѣ же представляли затрудненія, и не могли подобныхъ избѣжать недосмотровъ. Объ этомъ обстоятельствѣ главный редакторъ Энциклопедическаго Лексикона говоритъ весьма основательно: «Ка«кой Энциклопедическій Лексиконъ покажете вы безъ погрѣшно«стей? Первыя изданія Конверсаціонсъ-Лексикона исполнены оши«бокъ. Отличный Лексиконъ Пирера изобилуетъ ошибками. Энци«клопедія Эрша и Грубера также. Знаменитый біографическій сло«варь Мишо болѣе всѣхъ богатъ невѣрными показаніями и про«тиворѣчіями». Итакъ редакція Сѣверной Пчелы, если уже разъ приняла на себя тягостный, но общеполезный трудъ, должна была дѣйствовать систематически и расположить свои указанія въ порядкѣ самыхъ томовъ Лексикона. Она, въ концѣ своей брошюры, совѣтуетъ главному редактору Энциклопедическаго Лексикона *бросить XIV томъ и написать новый*. Мы принимаемъ эти слова

за шутку, на которую остроумный редакторъ можетъ сказать также въ шутку: это я и сдѣлалъ.

О зародышѣ новой болгарской литературы. Юрія Венелина. Книжка первая.

Г. Венелинъ давно уже обработываетъ всѣ части болгарской исторіи. Его сочиненіе: «Древніе и нынѣшніе Болгары въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ» доставило множество любопытныхъ матеріаловъ. Ими счастливо пользовались нѣкоторые писатели наши, касаясь въ историческихъ своихъ трудахъ этого же предмета, который связывается съ первымъ періодомъ русской исторіи. Въ новой брошюрѣ своей г. Венелинъ представляетъ образчики нынѣшней болгарской литературы. Она, какъ и предположить легко, судя по одному только политическому существованію этого народа, не ознаменована рѣзкими или увлекательными явленіями ума и воображенія. Для насъ, Русскихъ, любопытно одно сравненіе состоянія болгарскаго языка съ нашимъ—этихъ двухъ отраслей, нѣкогда почти нераздѣльныхъ. Для исторіи литературы нашей гораздо занимательнѣе были бы памятники древней болгарской литературы, особенно, если бы можно было представить ихъ въ хронологической послѣдовательности для изученія перемѣнъ въ языкѣ, столь близкомъ къ нашему.

Офицерскія записки или воспоминанія о походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Въ трехъ отдѣленіяхъ. Князя Н. Б. Голицына.

Въ литературѣ ничто такъ не пріятно, какъ появленіе живого созданія. Очевидецъ знаменитыхъ событій, сколько бы ни удаленъ былъ отъ центра дѣйствій, всегда занимателенъ въ своихъ разсказахъ. Онъ пишетъ съ натуры, которая одушевляетъ кисть его, и такимъ образомъ онъ заготовляетъ драгоцѣнные матеріалы для будущаго полнаго труда. Современныя записки, если только онѣ дѣйствительно ведутся подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, найдутъ всегда сочувствіе въ читателяхъ. Такое про-

изводятъ дѣйствіе воспоминанія о походахъ, изданныя послѣ эпохи, описанной даже позже двадцатью годами.

Военныя сцены, изъ записокъ русскаго офицера.

Книга содержитъ два отдѣленія. Первое относится къ тому разряду, который мы называемъ *записками*. Въ нихъ наброcано нѣсколько отпечатковъ, сохранившихся въ душѣ автора отъ походной его жизни въ 1831 году. Эта часть получила бы болѣе занимательности, если бы составила картину полнѣе и привязала бы къ себѣ единственно вниманіе сочинителя. Въ другомъ отдѣленіи разсказаны двѣ повѣсти, которыя видимо послужили только къ дополненію начавшейся книги. Можетъ-быть, и вся она только опытъ, который однакоже даетъ право автору обработывать свой талантъ.

Историческіе анекдоты персидскихъ государей отъ самаго основанія Персидской монархіи до нашихъ временъ, изданные П. Зубовымъ.

Вѣроятно сочинитель посвятилъ себя спеціальному изученію персидской исторіи — и перечитавши всѣ біографіи персидскихъ государей, составилъ извлеченіе подъ названіемъ историческихъ анекдотовъ. Но этой увеселительной работѣ могъ бы предшествовать трудъ болѣе полезный, напримѣръ исторія Персидскаго государства. Если же анекдоты онъ предпочитаетъ всему, то отчего только персидскихъ государей анекдоты призналъ онъ занимательнѣе другихъ? И развѣ достоинство анекдотовъ непремѣнно основывается на томъ, чтобы они шли *отъ основанія монархіи до нашихъ временъ?*

Очерки Россіи, издаваемые Вадимомъ Пассекомъ. Книга первая. Съ приложеніемъ барельефной карты Россіи, пяти литографированныхъ видовъ, нотъ четырехъ малороссійскихъ пѣсенъ и плана Кіевопечерской обители.

Нельзя не поблагодарить издателя за предпринятый имъ трудъ. Какъ патріотъ и какъ литераторъ, онъ дѣйствуетъ со

всѣмъ благородствомъ и со всею скромностію. Первая часть его изданія вполнѣ оправдываетъ и чувства его и намѣренія. Какъ не пожелать, чтобы это предпріятіе безостановочно шло къ своей цѣли? Оно нѣкогда должно составить библіотеку, драгоцѣнную для всѣхъ трудолюбивыхъ изыскателей отечественныхъ достопамятностей. Топографъ, литераторъ, историкъ, археологъ — всѣ могутъ со временемъ пользоваться такою книгою. Мы увѣрены, что издатель, движимый столь благородными побужденіями и обладающій проницательностію и вкусомъ, не ослабѣетъ въ дѣятельности на обширномъ своемъ поприщѣ и употребитъ всѣ необходимыя средства для строжайшаго выбора статей самыхъ вѣрныхъ и обработанныхъ соотвѣтственно важности ихъ назначенія.

Сербскія народныя пѣсни. Переложены съ сербскаго М. Касторскимъ. Связка вторая. Лейпцигъ. 1838. Въ типографіи Б. Таухница младшаго.

Переводчикъ въ предисловіи говоритъ, что особенныя обстоятельства заставили его выдать вторую связку прежде первой, что при отпечатаніи начала этой книги онъ предложитъ мысли свои о Сербскомъ народѣ и его поэзіи; что въ переводѣ своемъ, слово въ слово, онъ удерживалъ размѣръ подлинника и предпочтительно сохранялъ нашъ пѣсенный языкъ.

Первое участіе къ славянской народной поэзіи возбудилъ въ срединѣ прошлаго столѣтія Хорватъ Качичъ, монахъ францисканскаго ордена. Онъ издалъ Разговоръ (Слово) и Пѣсни о дѣлахъ иллирійскихъ героевъ. Съ морлакскими пѣснями его познакомилъ Германію самъ Гердеръ. Съ этого времени путешественники болѣе и болѣе знакомились со славянскою жизнію въ Иллиріи. Подлѣ сказаній, часто писанныхъ подъ вліяніемъ недоразумѣнія, оставшагося съ давнихъ поръ между нѣмецкими племенами и славянскими, встрѣчаются въ ихъ отзывахъ и справедливыя похвалы славянскимъ талантамъ. Тогда Фортисъ познакомилъ Европу съ трагическою исторіей супруги Гассанъ-аги. Съ этого же времени начали говорить о древнихъ пѣсняхъ рус-

скихъ и особенно чешскихъ (Кёнигингофская рукопись). Но собственная эпоха знаменитости славянскихъ пѣсень въ Европѣ есть 1815 годъ, когда Вукъ Степановичъ Караджичъ издалъ въ Вѣнѣ два тома сербскихъ пѣсень, частію собранныхъ имъ, частію сохранившихся въ его памяти съиздѣтства.

Отъ 1815 до 1829 года сербская литература возвысилась. У Сербовъ опредѣлено правописаніе и утверждены законы грамматики. Подкрѣпляемый новыми успѣхами своей литературы, В. Степановичъ въ 1824 г. прибавилъ къ прежнимъ своимъ трудамъ еще три тома. За ними послѣдовали и другія прибавленія. Наконецъ явился знаменитый его Сербскій Лексиконъ, примѣчательный какъ лексикографическою, такъ особенно правоописательною частію при многихъ словахъ. Съ тѣхъ поръ сербскія пѣсни переводимы были на всѣ языки. До сихъ поръ выше всѣхъ ставится нѣмецкій переводъ Тальви. Воспользовавшись личнымъ знакомствомъ съ Вукомъ, переводчикъ сдѣлалъ свою книгу чрезвычайно интересною. Главная причина неудачи иноплеменныхъ переводовъ заключается въ удивительной особенности, которую представляетъ языкъ и нравы славянскихъ племенъ сравнительно съ языкомъ и нравами племенъ романскихъ и нѣмецкихъ.

У насъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, едва ли отыщется два-три экземпляра сербскихъ пѣсень, переведенныхъ изъ Вукова сборника (изъ второй половины книги I). Предпріятіе г. Касторскаго—обогатить нашу литературу полнымъ и вѣрнымъ переводомъ столь драгоцѣнныхъ произведеній народно-сербскаго языка — уже само по себѣ достойно особеннаго вниманія. Но когда представимъ въ мысляхъ всеобщее стремленіе къ разработыванію всѣхъ отраслей литературы народной; когда сообразимъ, сколько изъ сокровищъ единоплеменнаго съ нами народа можно заимствовать свѣжихъ красокъ для оживленія историческихъ или поэтическихъ лицъ и характеровъ ихъ — тогда на его трудъ не иначе уже смотрѣть можно, какъ на явленіе самое своевременное и удовлетворяющее вкусу всѣхъ и каждаго.

Въ первой (еще неизданной) связкѣ должно находиться

249 №№ сербскихъ пѣсень, потому что вторая связка, полученная и разсматриваемая нами, начинается съ № 250, а оканчивается № 406-мъ. Не имѣемъ надобности входить здѣсь въ изложеніе характера поэзіи сербской. Образованные читатели ясную составили уже идею объ этой занимательной поэзіи соплеменнаго намъ народа, если прочитали они (въ чемъ и сомнѣваться нельзя) небольшое число балладъ и пѣсень, переложенныхъ на русскій языкъ г. Востоковымъ (одна изъ нихъ, въ прекрасномъ переложеніи г. Прокоповича, была напечатана въ X-мъ томѣ *Современника*). Что касается до спеціальныхъ достоинствъ перевода г. Касторскаго, они дѣйствительно заключаются въ томъ, чего ему преимущественно хотѣлось достигнуть: онъ съ оригинала, если можно такъ сказать, снялъ только сѣтку ортографіи и этимологіи, чуждую для русскаго глаза, не повредивъ ни одной изъ тѣхъ красотъ поэзіи, которыя такъ свѣжи и нѣжны во всякомъ народномъ созданіи. Наприм.

272.

— Мила дѣвочка! фіалка нѣжная!
Полюбилъ бы я фіалку нѣжную,
Да еще маленька ты, фіалочка: —
«Полюби меня, драгой! я выросту:
Не велико зернышко жемчужное,
Но господска шея носитъ зернушко;
Не велика птица перепелица,
Уморитъ она коня и молодца».

274.

Мать! жени меня ты молодого,
Не обросъ пока я бородою,
Не обросъ я бородой, усами;
Дѣвицы порой о молодцѣ мнѣ скажутъ,
Матери меня показывая родной:
«Мати! глядь медвѣдя изъ берлоги»;
Али: «глядь на зайца изъ капусты».

281.

Помнишь, какъ моей была ты любой
И на грудь лила мнѣ горьки слезы,
А сквозь слезы тихо говорила:
Богъ убей ту дѣвицу злосчастну,
Что повѣритъ молодецкой рѣчи;
Молодецка рѣчь—погода въ небѣ:
Часто вёдро, а погода чаще:
Такова и вѣра молодецка;
Какъ цалуетъ: «будешь ты моею»;
Отцалуетъ—ожидай до лѣта;
Пройдетъ лѣто и зима настанетъ:
Онъ въ то время говоритъ съ иною.

Торреадоръ. Сочиненіе герцогини Абрантесъ. Переводъ съ французскаго, Н. Бобылева. Въ двухъ частяхъ.

Торреадоръ (боецъ съ быками) составляетъ одну изъ сценъ или картинъ испанской жизни—сочиненія герцогини Абрантесъ. Русскій переводчикъ ограничилъ свой трудъ частію этого сочиненія, котораго все достоинство заключается въ живости разсказовъ и въ свѣтскомъ умѣньи владѣть всѣми тонами языка. Переводъ нельзя назвать мастерскимъ, а потому и книга, лишенная лучшаго своего украшенія, остается въ разрядѣ слишкомъ обыкновенныхъ у насъ явленій.

Калебъ-Вилліамъ. Сочиненіе Годвина. Переводъ съ англійскаго. Четыре части.

Самаго замѣчательнаго достоинства сочиненіе. Оно, привлекая читателей формою романа, вводитъ ихъ въ область философіи, морали и политики одного изъ тѣхъ людей, которые, сильно чувствуя и безпрестанно напрягая душевныя свои силы, ни о чемъ не говорятъ безъ вдохновенія и убѣжденія. Годвинъ, какъ и многіе изъ Англичанъ, не безъ странностей, не безъ крайностей и пристрастія; но онъ электризуетъ читателя, возбуждаетъ дѣя-

тельность собственнаго его духа — и тѣмъ способствуетъ развитію мыслящей его стороны. При томъ же онъ любопытенъ и частностію своихъ картинъ. Обрисовывая сцены англійскаго общества и господствовавшія въ его время мнѣнія, онъ обогащаетъ васъ существенно. Если бы многочисленные переводчики наши такъ обработывали избираемые ими предметы трудовъ и такъ счастливо бы выискивали самыя занятія, какъ это сдѣлалъ переводчикъ Годвинова сочиненія — литература наша выигрывала бы много съ каждымъ новымъ переводомъ.

Рекрутъ. Романъ Поль-де-Кока. Четыре части.—Дѣвушка въ семнадцать лѣтъ. Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ французскаго, Н. М.

Отъ Поль-де-Кока можно бы избавить русскую литературу. Есть писатели, которые только и родятся для извѣстной эпохи и для одной своей націи. Поль-де-Кокъ уморительно смѣшенъ (хотя и непристойно) для читающихъ его въ подлинникѣ. Но тутъ главное непереводимо: французская болтливость, французская острота, французское безстыдство, все, что сливается съ особенностями народной жизни. Чтожъ мы получаемъ отъ переводчиковъ? Безжизненный разсказъ того, что совѣстно разсказывать не по-французски и очень большому мастеру на острое словцо.

Виндзорскія кумушки. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Шекспира. Переведенная для сцены.

Мы увѣренны, что многіе съ грустію прочитали отмѣтку переводчика: *переведенная для сцены.* Что это значитъ: передѣлка? сокращеніе? облагороженіе? Если сцена слишкомъ взыскательна и Шекспиръ въ своемъ натуральномъ видѣ не годится для нея — лучше не переводить его для сцены. И безъ Шекспира довольно драматическихъ писателей, которыхъ можно передѣлывать для нея, которые достойнѣе взыскательныхъ зрителей. Но Шекспиръ пусть останется неприкосновеннымъ. Онъ составляетъ достояніе исторіи. Онъ принадлежитъ кабинету людей, полюбившихъ искуство какъ вѣчную истину, которая подобно природѣ неизмѣнна

при всѣхъ перемѣнахъ человѣческихъ обществъ. Шекспира лучше всего каждому, кто съ нимъ сошелся, переводить только для себя, чтобы долѣе имъ наслаждаться, чтобы чувствовать его красоты въ новыхъ образахъ. Но переводить его для сцены значитъ неумѣстно дѣлиться сокровенными, лучшими своими благами. Можетъ-быть, они въ чужихъ глазахъ ничтожны. И кто съ увѣренностію можетъ сказать: «читайте мой переводъ; вотъ вамъ истинный Шекспиръ?» Вы поэтъ — и переводите его стихами. Но гдѣ же тутъ Шекспировская грація, точность, простота и вмѣстѣ остроуміе? Вы переводите его прозою, чтобы вѣрнѣе передать всѣ красоты его. Но у васъ нѣтъ первоначальной красоты поэзіи — этого плѣнительнаго образа, въ которомъ являлась каждая мысль его. Вы или сочиняете за него, или только пересказываете содержаніе пьесъ его.

Басни и сказки И. И. Хемницера. Двѣнадцатое изданіе, съ портретомъ автора и картин. — Басни и Апологи И. И. Дмитріева, съ портретомъ автора. — Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ книгахъ. Изданіе А. Кузнецова, съ портретомъ автора. — Бригадиръ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Изданіе второе.

Вотъ четыре книги, напечатанныя въ одинаковомъ миньятюрномъ форматѣ. Двѣ первыя изданы очень хорошо; двѣ послѣднія напротивъ совсѣмъ не хорошо. При двѣнадцатомъ изданіи Хемницера находится предисловіе, составленное И. П. Сахаровымъ. Онъ собралъ въ немъ все, что можно было найти и сказать о жизни автора и его сочиненіяхъ. Надобно желать, чтобы всѣ наши лучшіе прежніе писатели издаваемы были съ такими приложеніями. Обработываніе біографіи и библіографіи по частямъ приближаетъ появленіе общей исторіи литературы нашей.

Утренняя Заря. Альманахъ на 1839 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. Съ 4-мя гравированными картинками.

Въ альманахѣ помѣщено *десять* статей въ прозѣ, и *сорокъ два* стихотворенія. Выборъ пьесъ показываетъ полное вниманіе

и все уваженіе издателя къ публикѣ. Не говоря уже объ отличномъ изданіи и типографической роскоши, о прелести картинокъ, которыя выгравированы нарочно для альманаха въ Англіи, книга его, по содержанію, исполнена занимательности и разнообразія. Историческія и этнографическія новости, живо переносящія читателя въ эпоху и мѣсто дѣйствія, смѣняются остроумными, трогательными и глубокомысленными повѣстями. За разсказами путешественника слѣдуютъ юмористическіе очерки характеровъ. И все это оживлено красками вѣрными и яркими. Между основными пьесами въ прозѣ мелькаютъ передъ вами прелестныя стихотворенія, такъ что чтеніе книги уподобляется прогулкѣ въ роскошномъ саду, гдѣ не знаешь, что́ предпочесть — зеленѣющіеся ли луга то съ той, то съ другой стороны аллеи, или цвѣтники, по нимъ разбросанные. Мы не въ силахъ защититься отъ искушенія, чтобы не сорвать хоть одного изъ этихъ душистыхъ цвѣтковъ. *Праздникъ сердца* П. Ершова:

О свѣтлый праздникъ наслажденья!
Зерно мечтаній золотыхъ!
Мнѣ не изгладить впечатлѣнья
Небесныхъ прелестей твоихъ.
Онѣ на внутренней скрижали,
На днѣ сердечной глубины,
Алмаза тверже, крѣпче стали,
Рѣзцомъ любви проведены.
И съ каждымъ трепетомъ дыханья,
И съ каждымъ чувствомъ бытія,
Святые дни воспоминанья
Въ моей душѣ читаю я.
Но, чуждый черныхъ свѣта правилъ,
Я стража чистой красоты
Къ вратамъ души моей приставилъ:
То—скромность дѣвственной мечты.
И никогда въ ней взоръ лукавый

Завѣтной тайны не прочтетъ,
И для безсмысленной забавы
Въ толпѣ пустой не разнесетъ.

Повѣсти барона Θеодора Корфа.

Едва успѣли мы дать отчетъ о Путешествіи въ Персію (см. выше стр. 254), какъ тотъ же авторъ представляетъ публикѣ свои *Повѣсти*. Дѣятельность утѣшительная, не потому, чтобы радовало насъ умноженіе книгъ, но потому, что въ авторѣ единодушно всѣми признанъ истинный талантъ. Прежде нежели появилась книга его о Персіи, вотъ что сказано было въ *Библіотекѣ для Чтенія*: «Баронъ Θ. Θ. Корфъ, котораго остроумные и милые очерки путешествія его въ Персію не однократно плѣняли «читателей въ этомъ журналѣ, издаетъ полное описаніе своего «занимательнаго путешествія». По отпечатаніи книги, объявлено было о ней въ томъ же журналѣ: «Это безспорно самая веселая «и остроумная книга о Персіи, какую намъ случилось читать въ «послѣдніе годы на русскомъ или на другомъ языкѣ; книга на«писана легко, пріятно, мило, и при томъ содержитъ въ себѣ «множество новыхъ и хорошихъ свѣдѣній». Болѣе подробные, болѣе отчетистые разборы этой книги помѣщены были во всѣхъ нашихъ журналахъ, гдѣ однакоже главное выражалось одно, т. е., что авторъ исполнилъ свое дѣло отлично хорошо. Изданіемъ своихъ повѣстей онъ оправдалъ общее мнѣніе, составившееся о талантѣ его по первому произведенію. Скажемъ болѣе: онъ доказалъ, что не одно веселое и легкое составляетъ характеръ его сочиненій, что жизнь съ разнообразными своими явленіями и психологическими задачами равно доступна и понятна его таланту. Изъ трехъ повѣстей, имъ напечатанныхъ, мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на первой. Красоты другихъ напоминаютъ собою черты, которыми любовались мы по-частямъ въ его путешествіи. Но первая повѣсть болѣе оригинальна—и, можно сказать, произведеніе любопытное въ литературѣ нашей. Авторъ, отложивши въ-сторону всѣ прихоти заман-

чивыхъ вымысловъ, всѣ подпоры эффектности, всѣ узлы и катастрофы, ограничился строгими очерками дѣйствительной жизни, и подобно терпѣливому изыскателю строгой истины представилъ наблюдательному читателю послѣдовательность ежедневныхъ явленій, которыя между тѣмъ способны погрузить душу въ невольное размышленіе, которыя мы, такъ часто видя, къ сожалѣнію пропускаемъ въ разсѣянности. Избравъ для обработыванія этотъ родъ разсказовъ, сочинитель гораздо болѣе увлеченъ былъ любовію къ искуству, нежели расчетомъ собственнаго успѣха. Онъ открылъ дорогу, по которой пойдутъ многіе.

Дѣвичьи интриги. Романъ изъ частной жизни. Соч. А. М...скаго. Двѣ части.

Романъ *изъ частной жизни*: ужели авторъ предполагаетъ, что можно составить романъ изъ жизни *не частной*, изъ разсказовъ о службѣ? Читая это сочиненіе, нельзя не чувствовать, что г. М...скій находится подъ сильнымъ вліяніемъ слога моднаго, щедраго на иперболы, повторенія, эпитеты, антитезы и прочія прикрасы, напоминающія собою давно брошенныя румяна и бѣлила. Тѣмъ болѣе удивляешься этой подражательности, что у автора есть неподдѣльная веселость, мастерство въ соображеніи и жизнь въ картинахъ.

Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія. Сочиненіе Александрова.

Въ сочиненіяхъ г. Александрова есть предметъ, любопытнѣйшій для наблюденія, неистощимый для занимательныхъ разсказовъ: этотъ предметъ—самъ авторъ, герой всѣхъ повѣствованій г. Александрова. Но выгода, которую доставляетъ сочинителю личная особенность его, ничего бы не значила, если бы съ нею не соединился истинный талантъ, оживляющій каждое событіе, каждый моментъ дѣйствія. Новое сочиненіе, по содержанію своему и по прелести изложенія, можетъ назваться продолженіемъ прежнихъ Записокъ г. Александрова. Одна только здѣсь странность, которая, вопреки нашему мнѣнію, можетъ-быть и уве-

личитъ еще успѣхъ сочиненія; выходъ этихъ Записокъ не отдѣленъ законнымъ промежуткомъ отъ эпохи событія: для художническаго интереса мы полагаемъ это необходимымъ условіемъ.

Путевыя письма изъ Англіи, Германіи и Франціи, Николая Греча, съ присовокупленіемъ обозрѣнія техническихъ учебныхъ заведеній во Франціи и въ Германіи, составленнаго въ 1837. Три тома.

Разнообразіе предметовъ, непринужденность тона и простота языка составляютъ отличительныя достоинства этого сочиненія. Сверхъ того авторъ не ограничивается изображеніемъ однихъ собственныхъ впечатлѣній: онъ дополняетъ свои отчеты разсказами другихъ путешественниковъ, повѣствованіями изъ исторіи и мѣстными народными преданіями, что̀ сообщаетъ его книгѣ не только занимательность, но и наставительность. Можетъ-быть, смотря на послѣднее наше замѣчаніе, станутъ говорить, что это вредитъ нѣсколько единству слога и тона и невольно какъ въ компиляціи вводитъ автора въ повтореніе извѣстнаго уже изъ другихъ книгъ; но мы полагаемъ, что полнота объема — трудъ кабинетнаго человѣка, во многомъ поспоритъ съ увлекательною бѣглостію листковъ, исчерченныхъ даже геніальнымъ карандашемъ на всемъ лету дорожнаго экипажа.

Разсказы старушки, изданные Александрою Ишимовой. Часть первая, съ двумя литографированными картинками.

Намъ не случалось еще видѣть подарка дѣтямъ болѣе пріятнаго, болѣе полезнаго, болѣе соотвѣтственнаго теперешнему времени во всѣхъ отношеніяхъ, какъ эта драгоцѣнная книжка. Сочинительница облекла въ самые натуральные и заманчивые разсказы назидательныя истины и совѣты, которые возлелѣяла въ душѣ своей, трогательно и нѣжно любящей милое дѣтство. Создавши для чтенія дѣтскаго истинно-увлекательный и вѣрный языкъ, она вполнѣ поняла потребности своихъ читателей, раскрыла передъ ними красоты въ природѣ и жизни, ихъ окружающей, надъ которою ежедневно могутъ они повѣрять свои при-

обрѣтенія, и сообщила всему этому форму легкую, не напоминающую никакого заимствованія. Въ дѣтской библіотекѣ, рядомъ съ *Исторіею Россіи*, должно стоять новое сочиненіе г жи Ишимовой, какъ букетъ прекрасныхъ цвѣтовъ мы ставимъ подлѣ бюста драгоцѣннаго намъ человѣка. На книжкѣ отмѣчено: *Часть первая*. Это даетъ намъ пріятнѣйшую надежду видѣть и продолженіе повѣстей, которыми безъ сомнѣнія поспѣшитъ наградить свое дитя каждый отецъ, или каждая маменька.

Благовоспитанное дитя, или какъ должно жить на свѣтѣ. Соч. Жозефины Ле-Бассю, съ французскаго. — Волшебныя сказки для дѣтей, передѣланныя съ французскаго. Четыре части.

Хорошенькія книжки, но для чтенія первоначальнаго едва ли полезныя. Онѣ вводятъ дѣтей въ ошибочныя умозаключенія. Во всякомъ оригинальномъ сочиненіи отражается много сторонъ жизни народа. Въ переводѣ это обстоятельство странно дѣйствуетъ на неопытныхъ читателей. У нихъ съ дѣтства портится умственный взглядъ. Эти же самыя книги лучше читать съ дѣтьми въ оригиналѣ, а для русскаго дѣтскаго чтенія непремѣнно избирать то, что образовалось подъ вліяніемъ и чувства и ума русскаго и даже природы русской.

Исторія Смутнаго Времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Сенатора Д. Бутурлина. Часть первая.

Разсматриваемое сочиненіе принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій литературы, которыя дѣйствительно украшаютъ ее и никогда не лишаются цѣны своей. Историкъ, съ достоинствомъ исполняющій долгъ свой, питаетъ любознательность нашу, останавливаетъ вниманіе на самыхъ поучительныхъ явленіяхъ народной жизни и становится посредникомъ между предками и потомствомъ. Въ его чистомъ убѣжденіи есть польза, которой нельзя отвергнуть, даже оспаривая по-частямъ выводы разысканій его. Онъ всегда останется представителемъ истины съ той точки зрѣнія, которой не избралъ произвольно. Авторъ, о которомъ

мы говоримъ, ведетъ свой разсказъ со всею ясностію и отчетливостію человѣка, изучившаго предварительно эпоху; онъ не примѣшиваетъ ничего чуждаго главному дѣлу и не развлекается суетными предположеніями. Приведенныя имъ приложенія и указанія на источники служатъ неоспоримымъ подтвержденіемъ того, что онъ не могъ иначе говорить, какъ съ убѣжденіемъ. Въ его языкѣ, подобно какъ и въ тонѣ повѣствованія, отпечатлѣлась важная простота, всегдашній признакъ мышленія хладнокровнаго и неизмѣнчиваго.

Повѣствованіе о Россіи. Составлено Н. С. Арцыбышевымъ. Два тома.

Лѣтописи, Сказанія и другіе письменные памятники служили главнымъ основаніемъ сего повѣствованія. Г. Арцыбышевъ не отступалъ отъ порядка своихъ источниковъ даже въ размѣщеніи предметовъ. Онъ ведетъ разсказъ изъ году въ годъ, удерживая во всемъ систему Лѣтописей. Онъ только свелъ свои матеріалы въ одно цѣлое, отстранилъ повторенія, противорѣчія и другія несообразности — и переложилъ очищенный такимъ образомъ текстъ на нынѣшнее русское нарѣчіе. Его книга есть новаго рода Лѣтопись, полная, провѣренная и облеченная въ ученое единство. Она въ изданныхъ двухъ томахъ доведена до 1584 года.

Акты Юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. Изданы Археографическою Коммиссіею.

Ни одна отрасль учености не образуется изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, какъ исторія въ обширномъ смыслѣ. Все, что касается до народа въ его гражданскомъ быту, съ религіозной, моральной, умственной и даже физической стороны, все необходимо должно быть изслѣдовано для успѣховъ исторіи. Наше правительство, неусыпно пекущееся о совершенствованіи важнѣйшей изъ наукъ, обратило въ нынѣшнюю эпоху все свое вниманіе на пособія отечественной исторіи. Передъ нами уже красуются эти безцѣнные памятники его просвѣщенной дѣятель-

ности. Разсматриваемая книга относится къ тому же разряду. Никогда частный человѣкъ не въ силахъ былъ бы совершить такого предпріятія. Юридическихъ старинныхъ актовъ здѣсь напечатано числомъ 648. По содержанію своему они раздѣлены на 12 видовъ. Самый обильный изъ нихъ видъ называется: *Грамоты, Записи* и *Памяти.* Въ хронологическомъ порядкѣ они идутъ съ 1425 по 1705 годъ. Итакъ три четверти XV, все XVI и XVII столѣтія получили для историка, филолога, правовѣда, литератора и вообще для всякаго ученаго изыскателя живую физіономію; жизнь общественная и семейная разцвѣчена; характеръ отношеній гражданскихъ объясненъ.

Галлерея видовъ города Пскова и его окрестностей, снятыхъ съ натуры, издаваемая псковскимъ губернскимъ землемѣромъ Ивановымъ. Ч. I и II.

На прекрасное и у насъ совершенно еще новое предпріятіе г. Иванова мы смотримъ какъ на ученый трудъ, который онъ исполняетъ со всею заманчивостію художника. Псковъ и его окрестности — классическія мѣста въ древней исторіи нашей. Не только прелестію видовъ, они высокимъ своимъ значеніемъ въ лѣтописяхъ нашихъ достойны вниманія соотечественниковъ. Художникъ сочеталъ эти двѣ идеи и осуществляетъ ихъ достойнымъ образомъ. При каждомъ видѣ вы находите его исторію, сжатую, но полную жизни и занимательности. Мы увѣрены, что названіе изображенныхъ имъ предметовъ любопытно будетъ для каждаго изъ нашихъ читателей. Вотъ они: 1. *Псковъ* съ юго-западной стороны съ изображеніемъ крестнаго хода, возвращающагося въ Печерскій монастырь; 2. *Изборскъ*, основанный въ VII в., столица князей Россійскихъ, съ могилою князя Трурора; 3. *Проломъ* короля Стефана Баторія, сдѣланный въ псковской городовой стѣнѣ 1581 года; 4. *Святогорскій монастырь*, основанный въ 1561 году, съ изображеніемъ могилы А. С. Пушкина; 5. *Мирожскій монастырь* и церковь Преображенія, существующая съ основанія своего архіепископомъ Нифонтомъ въ 1156

году, и губернская гимназія; 6. *Печерскій монастырь*, огражденный каменною стѣной въ 1565 году, съ церковью Успенія П. Б., выкопанною въ горѣ, 1523 г.; 7. *Святогорскій монастырь*, основанный въ 1312 г., съ церковью Рождества Богородицы; 8. *Сельцо Михайловское*, А. С. Пушкина, состоящее въ Опочецкомъ уѣздѣ, отъ Святогорскаго монастыря въ 3-хъ верстахъ. Послѣ исчисленія сихъ видовъ мы ничего не смѣемъ прибавить, чтó бы еще могло сильнѣе возбудить и участіе и вниманіе. Въ описаніи сельца Михайловскаго, гдѣ получили жизнь лучшія созданія изъ произведеній нашей литературы, мы встрѣтили нѣсколько подробностей о жизни поэта, истинно безцѣнныхъ и умилительныхъ.

Сто Русскихъ Литераторовъ. Томъ первый (содержащій пьесы десяти *авторовъ). Съ гравированными портретами и картинками.*

«Съ давняго времени (говоритъ издатель, книгопродавецъ Смирдинъ) имѣлъ я намѣреніе собрать самые вѣрные портреты извѣстнѣйшихъ современныхъ литераторовъ русскихъ, и издать это собраніе въ свѣтъ.» Послѣ издатель предположилъ коллекціи портретовъ придать видъ книги, и потому напечаталъ при нихъ по одной статьѣ каждаго изъ авторовъ, имъ избранныхъ. Мы находимъ послѣднее его соображеніе не совсѣмъ удачнымъ. Статьи напечатаны; но *книги* изъ нихъ не вышло. Книга предполагаетъ какое-нибудь единство — или предмета, или цѣли сочиненія. А здѣсь мы видимъ статьи, безъ всякаго между собою отношенія. Если бы изданіе могло по крайней мѣрѣ служить *современною хрестоматіею*, оно походило бы на книгу. Но въ теперешнемъ своемъ видѣ, подобно *Новоселью*, или одному тому *Библіотеки для Чтенія*, оно не представляетъ ничего цѣлаго. Что сказали бы о художникѣ, который, представивъ коллекцію портретовъ, вздумалъ бы, на память физіономій, нарисовать подлѣ каждаго лица или сапогъ, или перчатку, или палку — вещи, очень любопытныя, когда онѣ образуютъ полный костюмъ

исторической особы, но ничего не значащія по-одиначкѣ? Отдѣльныя статьи авторовъ, здѣсь представленныхъ, еще печатаются, или были уже печатаемы въ *Библіотекѣ для Чтенія*. Почему бы тамъ не прикладывать этихъ же портретовъ, что̀ обошлось бы гораздо съ меньшими издержками, а первое желаніе издателя равнымъ образомъ было бы исполнено? Мы не находимъ особенной надобности говорить о статьяхъ, потому-что ни одинъ изъ *извѣстнѣйшихъ* (какъ называетъ ихъ книгопродавецъ) авторовъ не вышелъ здѣсь изъ своей давно знакомой намъ сферы.

Одесскій Альманахъ на 1839 годъ.

Явленіе альманаха въ Одессѣ гораздо пріятнѣе, нежели явленіе подобнаго сборника въ столицѣ. Тамъ для литераторовъ болѣе необходимо сосредоточеніе, нежели здѣсь. Въ центрѣ всѣхъ удобствъ и пособій для человѣка, ищущаго образованности, вліяніе литературныхъ лицъ незамѣтно, но въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ этого центра соединенныя силы просвѣщеннѣйшихъ людей видимо подвигаютъ образованность цѣлой области. Здѣсь болѣе замѣтно охоты судить, а тамъ подражать. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ перечитали статьи *Одесскаго Альманаха*, касающіяся прямо Новороссійскаго края. Предметы общіе обработаны большею частію литераторами двухъ нашихъ столицъ. Но спеціальные взгляды на природу, исторію, топографію и нравы Новороссіи изложены особами туземными. Ихъ труды по справедливости можно назвать пріобрѣтеніемъ русской литературы. Если бы близь каждой оконечности обширнаго отечества нашего, въ городахъ болѣе людныхъ, являлось ежегодно хотя по одной книгѣ, посвященной исключительно изслѣдованію мѣстности и общежитія, мы скоро яснѣе бы начали видѣть свои преимущества передъ другими націями.

Украинскій Сборникъ, И. Срезневскаго. Книжка I. Наталка Полтавка, малороссійская опера Ивана Котляревскаго.

Книжная національная литература Малороссіи ведетъ свое начало отъ Котляревскаго. Онъ первый воспользовался истин-

нымъ юморомъ Малороссійскаго народа и языка его — и положилъ эту стихію основаніемъ тамошней словесности. Предпріятіе г. Срезневскаго — собрать постепенно цѣлую, такъ сказать, библіотеку сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія прекрасно; только оно ведетъ къ достиженію частной цѣли, и такимъ образомъ его труды будутъ имѣть цѣну относительную. Языкъ малороссійскій, какъ всякое провинціальное нарѣчіе, не привлекаетъ къ себѣ даже въ Малороссіи всѣхъ классовъ жителей. Высшія сословія, болѣе образованныя и слѣдственно требующія для умственныхъ занятій обширнѣйшаго горизонта, не будутъ раздѣлять стремленія литераторовъ къ изображенію той жизни, которая веселитъ ихъ какъ шуточное представленіе, а не занимаетъ какъ дѣйствительность. Впрочемъ сохраненіе того, что уже принадлежитъ литературѣ края, во всякомъ случаѣ достойно трудовъ — и останется любопытнымъ памятникомъ существованія талантовъ.

Стихотворенія, появившіяся отдѣльными книжками въ теченіе первой четверти нынѣшняго (1839) года, такъ незанимательны, такъ слабы или безцвѣтны, что странно было бы подвергать ихъ серьёзному разбору, а шутить надъ ними скучно. Мы представляемъ только ихъ заглавія:

Радостная встрѣча новаго 1839 года, благоденствующимъ Россіянамъ. Сочиненіе Александра Орлова. — Блины. Стихотвореніе. И. Д. — Вечеръ въ клубѣ. Шуточный разсказъ въ стихахъ. Соч. А. К. — Стихотворенія Веронова. — Полина, романъ въ стихахъ (Первыя три главы). — Стихотворенія П. Праволамскаго. — Стихи, Поэтъ и Мулла. Сочиненіе Стахія Краснова. — Симоновъ монастырь. Стихотвореніе.

Очерки большаго свѣта. Сочиненіе Ясновидящей.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны двѣ повѣсти. Авторъ не напрасно назвалъ ихъ «Очерками большаго свѣта», который съ

такимъ упрямствомъ не поддается русскимъ расказчикамъ. Черты общества, которое мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ въ слѣдствіе особенностей воспитанія, привычекъ, образованности и самой моды, эти черты надобно близко и внимательно разсмотрѣть, чтобы вѣрно передать ихъ послѣ въ разговорѣ или въ какомъ-нибудь дѣйствіи выводимыхъ въ повѣсти лицъ, чтобы не слить ихъ съ общими чертами жизни. Еще надобно получить отъ природы счастливую воспріемлемость чувствованій и ума, чтобы наблюденія наши хранимы были въ душѣ неизмѣнными и проникнутыми жизнью до той минуты, когда дойдетъ дѣло до ихъ осуществленія. Вотъ почему писатели безъ таланта, подражая природѣ и думая, что схватили ее во всей точности, только дразнятъ ее или даже лгутъ на нее. Соображая самые легкіе оттѣнки поступковъ или рѣчей въ *Очеркахъ большаго свѣта*, нельзя не удивляться, до какой степени художникъ можетъ сдѣлаться вѣрнымъ изображаемой жизни и обольстительнымъ въ созданіяхъ своихъ. Если авторъ когда-нибудь представитъ намъ полную картину своихъ наблюденій и внесетъ въ ея раму болѣе положеній и страстей, безъ сомнѣнія на его книгу мы будемъ смотрѣть какъ на уставъ свѣтскаго языка и на образецъ свѣтскихъ красокъ.

Браво, или Венеціанскій бандитъ, историческій романъ Купера. Четыре части.

Переводы великихъ образцовъ всегда для литературы полезнѣе безцвѣтныхъ или ложно исполняемыхъ сочиненій. Это особенно относится къ историческому роду. Произведеніе таланта обогащаетъ читателя сокровищами истинными, никогда не теряющими цѣны своей. Вотъ почему переводъ романа Купера или другого знаменитаго автора долженъ радовать всякаго, кто желаетъ добра своей литературѣ. Надобно только, чтобы образецъ передаваемъ былъ въ полной своей прелести. Переводчикъ *Браво*, кажется, не думалъ соперничествовать съ Куперомъ ни въ силѣ, ни въ живости языка. Онъ желалъ только доставить чтеніе, въ которомъ уже самое содержаніе увлекаетъ читателя. Но при

отдѣлкѣ, достойной подлинника, его трудъ остался бы навсегда украшеніемъ литературы.

Воспитанникъ любви. Сочиненіе Поль-де-Кока. Четыре части. — Мусташъ. Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ Безпольнаго. Четыре тома. — Тотъ же романъ.

О романахъ Поль-де-Кока говорить нечего: можно представить, съ какою жадностію читаются они, если въ одно время, одного и того же романа является по два перевода. Въ этомъ феноменѣ утѣшительно одно: каковы читатели, таковы и переводчики.

Тысяча и одна Ночь. Арабскія Сказки. Пять томовъ.

Можно пожелать, чтобы всѣ книги, сдѣлавшіяся, по оригинальности своей или по вѣрному изображенію человѣка, необходимымъ пріобрѣтеніемъ литературы каждаго изъ европейскихъ народовъ, такъ издаваемы были на русскомъ языкѣ, какъ явился теперь переводъ столь древняго и столь замѣчательнаго созданія фантазіи Востока. Онъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ и взыскательнаго литератора, и снисходительнаго свѣтскаго человѣка. Арабскія сказки подвергались неоднократно долговременному и критическому изученію славнѣйшихъ въ Европѣ оріенталистовъ: Готье, Лангле, Галланъ, Коссенъ, Гаммеръ и другіе издали ихъ съ своими замѣчаніями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Русскіе переводчики вполнѣ воспользовались трудами предшественниковъ своихъ и представили нынѣ публикѣ такой переводъ, котораго конечно никто не прочтетъ безъ особеннаго удовольствія.

Дераръ, восточная повѣсть въ стихахъ, соч. Александра Ходзько. Переводъ.

Польскій поэтъ представляетъ намъ очерки жизни бедуиновъ съ мѣстными красотами, гдѣ все для европейца такъ поразительно и ново. Переводчикъ, сохранивши неподдѣльныя красоты подлинника, въ то же время умѣлъ сохранить и прелесть русскаго стиха, и точность русскаго языка.

Путешествіе чрезъ южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ, въ 1836—37 годахъ. Н. С. Всеволожскаго. Два тома.—Путевыя Записки, веденныя во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1835 году Владиміромъ Давыдовымъ. Часть I. Съ 23 гравированными и литографированными эстампами, въ листъ.—Обозрѣніе Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея состояніи, составлено русскимъ путешественикомъ М. В. Часть I. [1]).

Три сочиненія, изъ числа самыхъ любопытныхъ, самыхъ замѣчательныхъ, какія только вышли на русскомъ языкѣ въ нынѣшнемъ году. Они отчасти сближаются между собою предметами описанія; но первый изъ путешественниковъ нашихъ совершилъ кругъ несравненно болѣе, нежели третій и даже второй. Есть впрочемъ много различія въ этихъ путешествіяхъ, когда ихъ разсматривать какъ явленіе литературы. Г. Всеволожскій, въ своихъ разсказахъ, то добродушно-шутливыхъ, то наблюдательно-ученыхъ, занимателенъ какъ знатокъ древне-классической литературы и какъ опытный человѣкъ, который по-видимому болѣе повѣряетъ свои знанія, нежели отдается впечатлѣніямъ. Онъ много читалъ, постоянно и долго наблюдалъ политическіе перевороты; онъ знакомъ съ древностями изъ историковъ и путешественниковъ прежнихъ: не удивительно, что въ его взглядѣ на предметы есть что-то уже утвердившееся, что-то общее между учеными людьми. Между тѣмъ онъ на все наводитъ особенныя краски своимъ незаимствованнымъ языкомъ, простымъ, выразительнымъ, часто до небрежности оригинальнымъ. Въ наше время могутъ назвать этотъ языкъ анахронизмомъ; но онъ тѣмъ и нравится, что составляетъ особенность въ современной литературѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія, гдѣ автору надобно было дополнить ученыя свѣдѣнія свои новыми заключеніями, онъ еще дѣлается

---

[1]) *Современникъ*, т. XV, стр. 55—66, 70; т. XVI, стр. 59.

занимательнѣе, потому что судитъ независимѣе.—Г. Давыдовъ путешествовалъ какъ любознательный изыскатель, сопровождаемый антикваріемъ и художниками, въ числѣ которыхъ находился знаменитый нашъ Брюловъ. Для путешественника, съ такими пособіями знаній и талантовъ, все обращается въ богатое поле изслѣдованій, съ котораго онъ собираетъ сокровища для исторіи, статистики, географіи, политики и изящныхъ искуствъ. Избытокъ матеріаловъ, своеобразіе наблюденій и новость выводовъ изумляютъ читателя. Авторъ видимо стѣсненъ обиліемъ предметовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ особенныхъ отмѣтокъ. Не удивительно что мелочная обработка книги исчезла передъ массивнымъ движеніемъ вещей. Художественно-ученыя предпріятія такого рода, надлежащимъ образомъ приведены, будучи въ исполненіе, представляютъ эпохи. Они освѣжаютъ дѣятельность умовъ и долго оплодотворяютъ послѣдующіе труды на томъ же поприщѣ.—Изысканія третьяго изъ путешественниковъ нашихъ обращены были на одну Малую Азію. Его трудъ спеціальный. За то и отличается онъ окончательною обработкою всего, до чего прикоснулся авторъ. Не воспоминанія, не догадки, не отчетъ впечатлѣній представляетъ вамъ книга, но все, что въ настоящую эпоху должно занять вниманіе путешественника съ требованіями положительными. Изданная теперь часть заключаетъ въ себѣ общій очеркъ мѣстности и гражданственности страны.

Объ изяществѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго лицея, 20 іюня 1838 года, магистромъ К. Зеленецкимъ.

Изящество древнихъ, по мнѣнію автора, состояло преимущественно въ идеальномъ, а новѣйшихъ состоитъ въ истинѣ. Это мнѣніе правдоподобно, но можетъ быть оспариваемо. Во всѣ времена истинно-геніальные писатели и художники вездѣ были вѣрны природѣ, то есть, истинѣ. То, что кажется въ нихъ идеальнымъ, естественно происходитъ отъ границъ искуства, которое сообщаетъ созданію своему только моментальную жизнь.

Прочія особенности произведеній были слѣдствіемъ различія обстоятельствъ жизни, въ которыхъ дѣйствовали художники и писатели. Но люди принимавшіеся за искуство безъ истиннаго призванія, вдавались всегда въ ошибочное направленіе, то несогласное съ природою, то ей противорѣчившее—и оправдывали свои отступленія соблазнительнымъ эпитетомъ *идеала.*

Новогодникъ. Собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ современныхъ русскихъ писателей. Изданный Н. Кукольникомъ.

Издатель, получивъ отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей по одной пьесѣ, отъ другихъ по двѣ, а отъ иныхъ и болѣе, соединилъ ихъ съ своими также нѣсколькими пьесами и напечаталъ подъ названіемъ *Новогодника.* Мы уже имѣли случай замѣтить, что подобныхъ изданій нельзя признавать книгами. Еще менѣе возможности составить и произнести одно мнѣніе о такомъ собраніи. Тутъ есть и хорошее и дурное, а болѣе посредственнаго, какъ всегда бываетъ въ собраніяхъ. Несравненно болѣе было бы пользы для нашей литературы, если бы г. Кукольникъ началъ издавать отдѣльное собраніе собственныхъ своихъ сочиненій — этихъ замѣчательныхъ шаговъ мысли къ фантазіи.

О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя Сергія Александровича Шихматова.

Подробности о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни, находящіяся въ біографіи отца Аникиты, воина, поэта и инока, дополняютъ то высокое мнѣніе, которое давно утвердилось между всѣми чтителями его таланта и добродѣтелей. Разсказъ умилительный, какъ самая жизнь праведника.

Кремневъ, русскій солдатъ. Оригинальное драматическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. русскаго инвалида И. Скобелева.

Если бы всѣ русскіе драматическіе писатели, подобно автору *Кремнева,* такъ сильно были проникнуты національнымъ чувствомъ, такъ близко были знакомы съ нашею народной жизнію, и

такъ мѣтко умѣли бы владѣть русскою рѣчью, — безъ сомнѣнія давно бы нашъ театръ благотворно дѣйствовалъ на образованіе нравовъ, на вдохновеніе патріотическаго единодушія, на совершенствованіе самаго драматическаго искуства и даже языка. Мы знаемъ, что никогда на русской сценѣ не переводились пьесы заимствованныя изъ нашей жизни. Но въ нихъ часто, кромѣ названій и костюмовъ, ничего не было истинно-русскаго.

Мужъ-эгоистъ. Н. Невѣрина. Двѣ части.

Какъ въ исторіи отражается политическій бытъ какого-нибудь народа, такъ въ романѣ (исторіи нравовъ и семейныхъ сценъ) долженъ отражаться частный, домашній бытъ людей избранной авторомъ эпохи. Черты самыя рѣзкія, господствующія въ нравахъ, составляютъ собственную принадлежность, законное достояніе писателей и художниковъ. Въ разсматриваемомъ нами романѣ выведена женщина, которой приписывается избытокъ мечтательности, страсти къ чтенію, словомъ, что̀ составляетъ болѣе исключеніе, нежели преобладающую черту въ нашихъ нравахъ. Сочинитель долженъ былъ всѣ положенія и краски картинъ своихъ выдумывать. Такого рода произведенія, при самыхъ блестящихъ качествахъ автора, не пользуются совершеннымъ успѣхомъ. Мы желаемъ, чтобы сочинитель, показавшій столько гибкости и остроты ума въ первомъ своемъ произведеніи, обратилъ все свое вниманіе на дѣйствительную жизнь и воспользовался бы истинными сокровищами поэзіи.

Дѣвица Всеволожская, или картины русскаго быта въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе Василія Мирошевскаго.

Въ книгѣ г. Мирошевскаго такая же занимательность, какъ въ современныхъ запискахъ какой-нибудь эпохи. Сочинитель только переложилъ мѣстами на нынѣшнее нарѣчіе собранные имъ матеріалы, оставивъ между прочимъ многое въ оригиналѣ, чтобы живѣе перенести читателя въ изображаемый имъ вѣкъ. Что касается до событія, оно само по себѣ такъ любопытно и трогательно, что конечно никто не прочтетъ повѣсти безъ участія.

Деревенскій староста Миронъ Ивановъ. Народная быль для русскихъ простолюдиновъ. Сочиненіе Бориса Волжина.

«Не хочу скрывать истины и скажу, что первую мысль къ составленію этой книги (говоритъ авторъ въ предисловіи, напечатанномъ особою брошюрою) мнѣ подала одна французская книга». Французская ли книга причиною, или не короткое знакомство г. Волжина съ простонароднымъ русскимъ бытомъ, только читая его сочиненіе, не чувствуешь себя дѣйствительно тамъ, куда бы должно было перенести происшествіе. Все движется на какихъ-то поддѣльныхъ колесахъ мнимыми пружинами: нѣтъ истинной жизни, характеры, страсти выдуманы. Чтобы заживить рану, надобно прикладывать лѣкарство прямо къ ней, а не на здоровое мѣсто. Если бы г. Волжину понадобился образецъ, какъ описывать простонародный бытъ, мы указали бы ему повѣсть: *Дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро*. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, истина жизни, истина красокъ и всѣхъ требованій искуства. Безъ сомнѣнія, не живши долго въ деревнѣ, не наблюдая тамошнихъ характеровъ вблизи, трудно по-наслышкѣ составить вѣрное ихъ описаніе. По крайней мѣрѣ сочинитель могъ бы очистить свой разсказъ отъ тяжелой конструкціи, отъ иностранныхъ оборотовъ и отъ этой непріятной смѣси изысканнаго высокаго языка съ просторѣчіемъ также изысканнымъ. У насъ, какъ справедливо замѣчаетъ сочинитель, мало писали для простого народа. Поэтому можно надѣяться, что и его книга, написанная съ прекрасною цѣлію и притомъ изъ первыхъ опытовъ, не останется безъ читателей. Г. Волжинъ представилъ списокъ приготовляемыхъ имъ къ печати новыхъ книгъ въ семъ же родѣ. Нельзя не ожидать, что въ дальнѣйшихъ опытахъ онъ сдѣлается строже къ своимъ трудамъ, которые достойны всеобщаго одобренія. Только мы не совѣтуемъ г. Волжину перекладывать на простонародное нарѣчіе прекраснаго сочиненія дѣвицы Ишимовой: *Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей*. Подъ его перомъ совсѣмъ поблекнетъ этотъ прелестный цвѣтокъ современной сло-

весности нашей. Притомъ же мы знаемъ, что сочинительница желаетъ сама обработать свою книгу для простонароднаго чтенія.

Приключенія съ моими знакомыми. Повѣсть Ивана Ваненко. Въ двухъ частяхъ.

Въ книгѣ г. Ваненка есть истинная веселость, признакъ таланта къ комизму. Но съ шуткою надобно обращаться какъ можно осторожнѣе. Ею легче всего навести скуку, если не остановитесь во время. Веселость должна быть неистощима въ разнообразіи. Въ *Приключеніяхъ* много можно бы сократить, разсказать проще и ближе къ натурѣ. Но главное: книгѣ недостаетъ оригинальности; ея комизмъ еще не принялъ ни формъ самобытныхъ, ни самобытнаго характера.—Отдѣленіе новыхъ книгъ повѣствовательнаго содержанія, подобно отдѣленію сочиненій по хозяйству, бываетъ всегда самое обильное. Мы указали только на тѣ повѣсти и романы, которые можно не шутя разбирать.

Думки и пьсни та ще де-що, Амвросія Могилы. — Украинскія баллады Іереміи Галки. — Сова Чалый, драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ. Соч. Іереміи Галки.

Въ дополненіе обзора новыхъ сочиненій обращаемъ вниманіе читателей на три книги, изданныя на малороссійскомъ языкѣ. Онѣ своимъ внутреннимъ достоинствомъ не только равняются съ лучшими произведеніями собственно - нашей литературы, но и превосходятъ многія. Тѣмъ не менѣе не отказываемся мы отъ прежняго своего мнѣнія, что нарѣчіе, составляющее достояніе низшаго класса людей въ одной области государства, не признаемъ столь выгоднымъ орудіемъ для изображенія помысловъ и творческихъ думъ высоко - образованнаго человѣка, какъ языкъ, принадлежащій всему огромному его отечеству. Славянскія области, находящіяся посреди нѣмецкихъ или турецкихъ владѣній, поддерживаютъ литературу своихъ нарѣчій по естественной причинѣ: въ ихъ землѣ нѣтъ другого языка, понятнаго всѣмъ сословіямъ, кромѣ своего нарѣчія. Но кто же изъ грамотныхъ и даже неграмотныхъ Малороссіянъ не понимаетъ русской рѣчи? Другое дѣло сберечь остатки простонародной малороссійской литературы.

Это драгоцѣнные памятники исторіи. Въ этомъ случаѣ мы Русскіе дорожимъ и бѣлорусскими, польскими и чешскими письменами наравнѣ съ своими старинными сокровищами. Но странно было бы, еслибъ кто изъ насъ, оставивъ современное свое нарѣчіе, вздумалъ сочинять на русскомъ языкѣ XII или даже XVI столѣтія.

Телемакъ. Сочиненіе Фенелона. Новый переводъ Ѳедора Лубяновскаго. Двѣ части.

Въ книгѣ Фенелона, подобно какъ въ произведеніяхъ древне-классической литературы, нѣтъ фразы, даже нѣтъ слова, которое бы не составляло необходимаго звена золотой цѣпи рѣчей его. Можно говорить много противъ красокъ мѣстности, противъ изображеній нравовъ и другихъ условій времени; но сила краснорѣчія, основаннаго на ясности и строгомъ логическомъ теченіи мыслей, на точности выраженій, на гармоническомъ, неподражаемомъ слогѣ, всегда будетъ привлекать вниманіе знатоковъ къ этому памятнику литературы, незыблемому, прочному. Давно мы нуждались въ переводѣ, достойномъ этого творенія, въ переводѣ, который бы, подобно подлиннику; отлитъ былъ весь въ чистыя и вѣрныя формы языка точнаго и мужественно-краснорѣчиваго. Литераторъ опытный, долго изучавшій безсмертную книгу Фенелона, наконецъ ее представилъ намъ въ надлежащемъ видѣ на русскомъ языкѣ.

***

Читатели Современника лишились бы большого удовольствія, если бы редакція отложила до слѣдующей книжки познакомить ихъ съ прекраснымъ произведеніемъ русской литературы, *только что* появившимся въ печати—говоримъ о новомъ сочиненіи Ѳ. Н. Глинки: *Очерки Бородинскаго сраженія* (*Воспоминанія о 1812 годѣ*). Въ немъ «авторъ *Писемъ русскаго офицера*» откликнулся на призывъ къ торжеству, единственному въ военныхъ лѣтописяхъ, голосомъ умилительно-вдохновеннымъ и радостно-знакомымъ. Сочиненіе раздѣлено на двѣ части. Первая часть начинается обращеніемъ автора къ людямъ двѣнадцатаго года.

«Сколько храбрыхъ (говоритъ онъ), красовавшихся ранами двѣнадцатаго года, перешли на ту сторону жизни! И тебя не стало, нашъ Государь 12-го и 14-го годовъ — эпохъ сожженія *Москвы* и пощады *Парижа*! И ты, отслужа вѣрно и праведно своей Россіи 25 лѣтъ (урочный срокъ простого воина) со скипетромъ и шпагою, и ты отошелъ къ вѣнценоснымъ отцамъ своимъ. Мужественный, твердый, ты былъ неподвижнымъ столпомъ, на который оперлась уязвленная Россія. Помазаніе горѣло на главѣ твоей, судьбы Вышняго почивали надъ нею. И тебя не стало!» Воспоминанія тѣснятся къ душѣ сочинителя. Во многихъ мѣстахъ не только день за днемъ, онъ воскрешаетъ передъ вами часъ за часомъ. Въ первой части четырнадцать отдѣленій или главъ; во второй осьмнадцать. Чувство и воображеніе ярко свѣтятся на каждой страницѣ увлекательнаго, разнообразнаго и въ полномъ смыслѣ краснорѣчиваго его разсказа. Онъ художнически, во всемъ блескѣ и самобытности, вызываетъ передъ читателя каждое изъ тѣхъ знаменитыхъ лицъ, которыя живутъ въ памяти народа съ воспоминаніями о великомъ и славномъ событіи.

1840 [1]).

Объ обязанностяхъ христіанина.

Книга начинается *Введеніемъ*, заключающимъ въ себѣ — 1) Понятіе объ обязанностяхъ христіанина и раздѣленіе ихъ. 2) Отличительное свойство христіанскихъ дѣйствій. Сочиненіе раздѣлено на шесть главъ: I. Объ обязанностяхъ къ Богу. II. Объ обязанностяхъ христіанина къ самому себѣ. III. Въ отношеніи къ ближнимъ. IV. Въ состояніи домашнемъ. V. Въ состояніи гражданскомъ. VI. Въ состояніи церковномъ. Каждая глава, смотря по объему предмета, раздѣлена на нѣсколько параграфовъ. Эта книга, во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ цѣлое самое гармоническое. Авторъ ничего не пропустилъ, что́ суще-

---

[1]) *Современникъ*, т. XVII, стр. 57, 61—71, 76; т. XVIII, стр. 127, 132—135, 154; т. XIX, стр. 135—145, 158—162; т. XX, стр. 90—96.

ственно связывается съ предметомъ, имъ избраннымъ. Всѣ части его привелъ онъ въ твердую и легкую систему. Его изложеніе дышитъ сердечнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ мыслей, ясностію и точностію языка въ каждомъ выраженіи.

Обѣдъ, какаго не бывало. Сочин. Ѳ. Глинки.

Не безъ намѣренія мы говоримъ объ этой книжкѣ въ слѣдъ за сочиненіемъ, разсмотрѣннымъ выше. Она должна быть перечитываема для укрѣпленія нравственныхъ началъ въ сердцѣ. Прошедшаго октября, въ Москвѣ, открытъ домъ призрѣнія *просящихъ милостыню.* Авторъ присутствовалъ во время перваго ихъ обѣда. И не поэтическая душа разогрѣлась бы отъ подобнаго зрѣлища. Кто знакомъ съ сочиненіями Ѳ. Н. Глинки (изъ дѣйствительно Русскихъ вѣрно всѣ читали ихъ), тотъ можетъ вообразить, какъ подѣйствовала на него умилительная картина милосердія. Онъ увлекательно высказался въ своихъ начертаніяхъ физіономій, въ своихъ филантропическихъ разсказахъ и предположеніяхъ.

Новыя повѣсти Н. Ф. Павлова. Маскарадъ. Демонъ. Милліонъ.

Въ отдѣленіи романовъ, повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ въ послѣдніе три мѣсяца, мы не можемъ представить ничего замѣчательнѣе книги г. Павлова. Онъ писатель самый внимательный къ своему дѣлу, глубоко вникающій въ сущность предметовъ своихъ, изучающій всѣ подробности частной жизни, однимъ словомъ — онъ ни слова не говоритъ безотчетно. Читать его занимательно и даже поучительно, хотя не соглашаешься съ нимъ въ мысляхъ и чувствуешь утомленіе отъ его разсказовъ. Въ повѣстяхъ его надобно отличать достоинства *частей* отъ цѣнности *цѣлаго.* Каждая мысль его, сама по себѣ, замѣчательна, какъ свидѣтельство ума проницательнаго и дѣйствующаго. Каждое выраженіе у него запечатлѣно новостію и силой. Но всякое произведеніе изящнаго искуства оцѣнивается преимущественно по тому впечатлѣнію, которое сообщается душѣ созерца-

ніемъ цѣлаго. Главный характеръ созданія магически овладѣваетъ всѣмъ духовнымъ существомъ нашимъ и подчиняетъ насъ надъ всѣмъ господствующей красотѣ своей. Мы охотно остаемся въ состояніи этой усладительной неволи, потому что въ области покорившей насъ красоты ощущаемъ одну изъ тѣхъ благотворныхъ стихій, которыя питаютъ нравственное бытіе наше. Итакъ основа цѣлаго не должна зависѣть отъ прихоти художника: онъ творитъ ее въ живомъ сознаніи природы и человѣка; онъ проводитъ ее въ параллель съ тѣмъ, чтó общежитіе, мѣстность и эпоха создали передъ нимъ. Созданное художникомъ внѣ этой сферы не проникнетъ существа нашего и не сольется съ нимъ, потому что оно ему чуждо. Въ разсматриваемыхъ здѣсь повѣстяхъ моральныя задачи разрѣшены такъ своенравно, такъ несоотвѣтственно жизни, что самое поразительное въ нихъ не потрясаетъ души, потому что тутъ она себя не узнаетъ. Стремленіе къ новости идей и чувствованій, увлекшее сочинителя за предѣлы естественнаго, означилось даже на общемъ характерѣ языка его. Авторъ, повидимому, напередъ отвергнулъ все, что есть для писателей неизбѣжно-общаго въ выраженіяхъ. Онъ все превратилъ въ тяжелый трудъ и для себя и для читателя.

Стихотворенія Елизаветы Шаховой.

Явленіе чрезвычайно любопытное, а еще болѣе увлекающее душу надеждами. Автору теперь только 17 лѣтъ. Первые опыты дѣвицы Шаховой еще за два года передъ симъ были напечатаны. Удивительно не то, что она такъ рано начала писать стихи, и даже не то, что ея сочиненія обратили на себя вниманіе Россійской академіи; но кто сравнивалъ которые-нибудь изъ послѣднихъ опытовъ ея съ тѣмъ, что она писала за нѣсколько даже мѣсяцевъ, тотъ вѣрно пораженъ былъ ея успѣхами въ искуствѣ, требующемъ многосторонняго развитія духа. Почерпая содержаніе пьесъ преимущественно изъ собственныхъ чувствованій и обстоятельствъ своей жизни, она часто до такой доходитъ глубины истины, въ такой независимый и вѣрный образъ облекаетъ представленіе свое, что въ будущемъ предчувствуешь на ея

созданіяхъ совершенства изумительныя. Теперь ей недостаетъ только ровности въ исполненіи цѣлаго, безъ чего нѣтъ истинно-художническихъ произведеній. Впрочемъ это и не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Иногда самому одушевленному поэту, оставившему по себѣ множество стихотвореній, во всю жизнь не удавалось произвести ни одного изъ нихъ ровнаго, т. е. вездѣ одинаково выдержаннаго по идеямъ и ихъ изложенію. Оконченность во всѣхъ частяхъ доказываетъ не только поэтическое увлеченіе, но и совершенную зрѣлость таланта, до которой онъ часто совсѣмъ не достигаетъ. Если успѣхи дѣвицы Шаховой, столь замѣтные и равномѣрные, не будутъ остановлены какимъ-нибудь обстоятельствомъ, она нѣкогда, въ зрѣломъ возрастѣ своемъ, должна явиться поэтомъ со всѣми совершенствами художника; а такихъ поэтовъ, какъ у насъ, такъ и во всѣхъ литературахъ, было очень немного.

О этимологіи русскихъ глаголовъ. Разсужденіе старшаго учителя русскаго языка и литературы при Митавской губернской гимназіи. Константина Александрова.

Сочинитель, избравши для разсужденія на торжественномъ актѣ предметъ довольно сухой и тѣмъ болѣе трудный, что для многихъ изъ его слушателей языкъ нашъ почти еще иностранный, умѣлъ возбудить и поддержать любопытство ясностью и простотою своего изложенія. Лучшее, что можно пока принять за основу въ преподаваніи Русскаго языка, онъ все изъ нашихъ грамматикъ свелъ въ систему — и такимъ образомъ указалъ прямую и пріятную дорогу ищущимъ свѣта на этомъ поприщѣ.

Исторія Европейской Литературы XV и XVI столѣтій. Генриха Галлама. Переводъ съ англійскаго, Ѳ. Чижова. Ч. I.— Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михайла Деларю.—Іаковъ Катсъ, поэтъ, мыслитель и мужъ совѣта. Сочиненіе П. Корсакова.

Изъ приведенныхъ книгъ каждая въ своемъ родѣ достойна вниманія и особеннаго изученія. Превосходный курсъ Галлама

вводитъ насъ въ область литературы, еще не вполнѣ изслѣдованной въ Россіи. Переводъ его достоинъ подлинника. Труды гг. Деларю и Корсакова свидѣтельствуютъ не только о тонкомъ ихъ критическомъ чувствѣ, но и о поэтическомъ талантѣ. Отдавая всю справедливость успѣху ихъ въ предпріятіи общеполезномъ и требовавшемъ долговременнаго предварительнаго изученія, мы съ удовольствіемъ обращаемъ на эти книги вниманіе молодыхъ особенно литераторовъ, для которыхъ умный новый взглядъ есть драгоцѣнное открытіе.

Взглядъ на исторію Костромы, составленный трудами князя Александра Козловскаго.

Въ этой книгѣ хронологически приведены происшествія, въ которыхъ есть какое-нибудь отношеніе къ Костромѣ. Польза подобныхъ предпріятій очевидна. Общей исторіи государства должно предшествовать обработываніе матераловъ частныхъ. Надобно только, чтобы въ частныхъ исторіяхъ соединено было все, что отыскать можно въ разныхъ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ. Сочинитель исторіи Костромы видимо ограничился однимъ, а именно: сочиненіемъ Карамзина. Итакъ онъ избралъ путь совершенно противоположный тому, какой мы предполагаемъ для составленія подобныхъ книгъ: онъ изъ общей исторіи извлекъ частную.

Перенесеніе тѣла князя Багратіона на Бородинское поле. Соч. князя Николая Голицына.

Подробности, касающіяся до какого-либо историческаго обстоятельства, и для современниковъ занимательны, а для потомства драгоцѣнны. Сочинитель брошюры, о которой мы говоримъ, составилъ описаніе трогательнаго и въ высшей степени любопытнаго случая. Никто изъ Русскихъ безъ участія не прочтетъ, съ какимъ умиленіемъ провожаемъ былъ прахъ героя Бородина изъ сельской, мирной могилы къ подножію памятника дѣлъ великихъ и безсмертныхъ.

Запорожцы, поэма въ двухъ частяхъ, сочиненіе Д. Фонъ-Лизандера.

Намъ пріятно обратить вниманіе читателей на книгу, которая по многимъ отношеніямъ можетъ назваться теперь любопытнымъ явленіемъ. Авторъ, для осуществленія мечты своей, выбралъ краски историческія. Того и требуютъ изящныя искуства по современному о нихъ понятію. Все должно стремиться къ воплощенію истины. Авторъ поэмы «Запорожцы» изучилъ мѣстность и облекъ свои описанія въ ея истинныя красоты. Поэтическій языкъ его полонъ жизни, точности и музыки. Видно, что вкусъ его совершенствуется по хорошимъ образцамъ. Мы желаемъ только привлечь его участіе къ одному изъ важнѣйшихъ предметовъ въ художествахъ, который, какъ намъ показалось, онъ не довольно глубоко изучилъ. Разумѣемъ — внутреннюю жизнь эпохи. Въ этомъ предметѣ сливается все, что наиболѣе очаровываетъ читателя. Въ каждой эпохѣ есть у людей свой образъ мыслей, господствующія страсти, желанія, надежды, предпріятія, свой тонъ, языкъ и сила ощущеній. Мы увѣрены, что, избравъ новый предметъ для поэмы, авторъ предварительно тѣснѣе познакомится со всѣмъ, что составляетъ бытъ людей въ извѣстномъ мѣстѣ и эпохѣ, которую онъ долженъ будетъ изображать въ художественномъ отношеніи.

Мечты и звуки. Стихотворенія Н. Н.

Собраніе стихотвореній, занимательное не менѣе предыдущей поэмы. Здѣсь не только *мечты* и *звуки*, какъ выразился поэтъ, но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая въ себѣ почти одни лирическія стихотворенія, исполнена разнообразія. Въ каждой пьесѣ чувствуемъ созданіе мыслящаго ума или воображенія. Наша эпоха такъ скудна хорошими стихотвореніями, что на подобныя явленія смотришь съ особеннымъ удовольствіемъ. У г. Н. Н. замѣтна только нѣкоторая небрежность въ отдѣлкѣ стиховъ: есть неточность въ выраженіяхъ, не-

правильныя ударенія и другія мелочи, отъ которыхъ легко освободиться при малѣйшемъ вниманіи къ труду.

Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Картина-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Н. С. Соколова.—Три оригинальные водевиля: I. Новички въ любви; II. Его превосходительство, или средства нравиться; III. Такъ, да не такъ. Сочиненіе Н. А. Коровкина.—Секретарь въ сундукѣ, или ошибся въ расчетахъ. Водевиль-фарсъ въ двухъ дѣйствіяхъ. М. Р.—Сцены въ Москвѣ, въ 1812 году. Народное драматическое представленіе, сочиненное русскимъ инвалидомъ И. Скобелевымъ.

Изъ всѣхъ пьесъ, для театра написанныхъ и здѣсь исчисленныхъ, одна послѣдняя достигаетъ своей цѣли, т. е. вводитъ читателя или зрителя въ дѣйствительную жизнь той націи, посреди которой изображено дѣйствіе. Драматическое сочиненіе никогда не овладѣетъ нашею душою, если въ немъ мы не почувствуемъ языка, нравовъ и страстей, отличающихъ исключительно тѣ лица, которыя выведены на сцену. Наши драматическіе писатели по большой части изображаютъ въ пьесахъ своихъ не то, что характеризуетъ людей, избираемыхъ ими въ извѣстномъ дѣйствіи, но то, что сами они думаютъ или помнятъ изъ прочитаннаго. Мы остаемся въ прежнемъ убѣжденіи, что, не изучивъ народа и не усвоивъ его индивидуальности, невозможно и думать о прочномъ успѣхѣ драматическихъ сочиненій.

Очерки русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. Двѣ части.

Сочинитель перепечаталъ здѣсь свои разборы разныхъ книгъ, которыя, по обязанности журналиста, долженъ былъ разсматривать. Не имѣвши возможности слѣдовать въ трудахъ своихъ какой-нибудь системѣ, кромѣ порядка времени, какъ одна за другой появлялись книги въ печати, онъ и собранію своихъ критикъ не сообщилъ ничего систематическаго, такъ что книгу его можно справедливо назвать отдѣленіемъ какого-нибудь журнала. Воззрѣніе на предметы литературы и самый образъ выраженія мы-

слей заимствованы авторомъ изъ критическихъ статей новѣйшей французской школы. Поэтому онъ чаще и болѣе говоритъ о посторонних обстоятельствахъ, нежели о самомъ дѣлѣ. Въ книгѣ г. Полевого есть одна статья, которая въ первый разъ напечатана: «Нѣсколько словъ отъ сочинителя». Здѣсь онъ, въ подражаніе Ж. Ж. Руссо, вошелъ въ подробности о своихъ первыхъ годахъ жизни, вѣроятно предполагая тѣмъ облегчить трудъ будущему сочинителю его біографіи.

Чтенія о Русскомъ языкѣ, Николая Греча. Двѣ части.

О чтеніяхъ г. Греча уже упомянуто было въ *Современникѣ* [1]. Разсмотрѣвъ ихъ въ печати, мы остаемся при нашемъ мнѣніи, что они дѣйствительно полезны, какъ повтореніе уроковъ, занимавшихъ дни свѣтлой юности. Здѣсь все знакомо. Только нѣкоторыя упущенія автора изъ его прежнихъ изслѣдованій удивили насъ. Онъ мало упоминаетъ о русскихъ писателяхъ, исключительно извѣстныхъ прозаическими сочиненіями. При томъ же, послѣ четырехъ своихъ чтеній, въ слѣдующихъ одиннадцати онъ забываетъ главный предметъ, т. е. грамматику. Но въ его раздѣленіе поэзіи, которую назвать можно единственною цѣлію его чтеній, никакихъ перемѣнъ не внесено. Онъ въ пользу любимой системы своей пожертвовалъ даже историческимъ изложеніемъ нашей литературы, и разсматриваетъ писателей не хронологически, а внося ихъ въ слѣдующіе разряды стихотворства: 1) Народныя пѣсни, 2) Лирическая поэзія, 3) Легкія стихотворенія, 4) Трагедія и Комедія, 5) Эпопея, 6) Дидактическія стихотворенія, 7) Сказки и Басни — и 8) Романъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, кромѣ русскихъ сочинителей, разобраны иностранные, какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новыхъ. Впрочемъ г. Гречъ не довольно ясно показалъ, чѣмъ онъ побуждаемъ былъ къ этому при своихъ чтеніяхъ о русскомъ языкѣ. При объясненіи Басни, напримѣръ, говорится о *Локманѣ*, *Пильпаѣ*, *притчахъ Іудейскихъ;* а между лириками нѣтъ ни царя *Давида*, ни *Пиндара*, ни другихъ. Самыя

[1]) См. *Сочиненія* Плетнева, т. I, стр. 427.

исчисленія видовъ какой-нибудь поэзіи не довольно отчетисты. Между простонародными пѣснями названы: разбойничьи и сатирическія, а не сказано ничего ни о хороводныхъ, ни о свадебныхъ и проч. О буколической поэзіи даже не упоминается. Въ нашъ вѣкъ, когда явленія литературы принимаются за выраженіе господствующаго умонаправленія, сферы и вѣсу мыслей, смѣшно было бы возставать противъ неточности или неполноты классификаціи стихотворныхъ сочиненій. Справедливѣе можно было спросить: къ чему напоминать о ней, а еще болѣе, основывать на ней зданіе исторіи литературы, въ которой важны не разряды, а періоды. Періодъ въ исторіи есть законченное колѣно органическаго явленія, свободно движущійся членъ жизни, явное выраженіе особеннаго характера, связь и объясненіе предыдущаго съ послѣдующимъ, разгадка будущаго. Изъ такихъ періодовъ образуется истинная исторія — исторія политическая, исторія просвѣщенія, вѣры, законодательства, торговли, а еще лучше: полная исторія государства. Въ языкѣ и его произведеніяхъ отпечатлѣвается рѣзко и въ полнотѣ каждое колѣно, т. е. каждый періодъ жизни государства. Исторія литературы, излагаемая въ этомъ духѣ, достойна изученія мыслящихъ существъ: въ ея урокахъ живетъ вѣчная истина и созрѣваетъ государственная мудрость. Но если вамъ скажутъ: «Отъ Эпопеи перейдемъ къ Дидактическимъ стихотвореніямъ, подъ именемъ которыхъ разумѣются Посланія и Сатиры. Сочиненіемъ первыхъ занимались: Горацій, «Овидій, Буало, Попъ, Ломоносовъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ; а сочиненіемъ вторыхъ: Горацій, Ювеналъ, Персій, Кантемиръ, Сумароковъ, Фонвизинъ, Дмитріевъ, Милоновъ»; если вамъ прибавятъ, у кого изъ нихъ болѣе остроты или веселости, у кого языкъ правильнѣе или легче, то какимъ обогатится умъ вашъ пріобрѣтеніемъ? При этомъ поминаньи не припомнится ли вамъ покаянный стихъ поэта:

Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой
И празднословія не даждь душѣ моей!

Жизнь Вилльяма Шекспира, англійскаго поэта и актёра, съ мыслями и сужденіями объ этомъ великомъ человѣкѣ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Книжка эта есть шутка. Издатель ея, вѣроятно опечаленный распространеніемъ напыщенно-грубаго языка, котораго успѣхи такъ замѣтны во многихъ статьяхъ новѣйшаго произведенія, рѣшился прибѣгнуть къ ироніи — и для опыта своего избралъ имя великое, но чаще другихъ низводимое до смѣшного. Изъ разныхъ періодическихъ изданій онъ собралъ нѣсколько извѣстій о жизни Шекспира и излагаетъ обрѣтенное по образцу слѣдующихъ фразъ: «Трудно написать что-либо о малолѣтствѣ Шек-«спира, тѣмъ болѣе, что оно и въ исторіи закрыто густыми обла-«ками неизвѣстности. Преданіе говоритъ только, что Джонъ «Шекспиръ, отецъ Вилльяма, имѣлъ трехъ женъ и былъ весьма «богатъ дѣтьми. Это-то богатство и вмѣстѣ другія, тайныя для «насъ, причины заклеймили его печатью бѣдности... Шекспиръ «не могъ получить образованія, которое было необходимо для «развитія силъ его необыкновеннаго, духовнаго Я - -» и проч., и проч. Особенно тонко устремлена здѣсь иронія на послѣдній переводъ Гамлета. Выписавъ сужденія русскихъ критиковъ, которые доказали, что переводчикъ напрасно принимался за это созданіе Шекспира, не могши пользоваться подлинникомъ, или не желая озарить красотами его трудъ свой, издатель разсматриваемой брошюры восклицаетъ вдругъ: «Краса Россіи, философъ и литераторъ русскій (зачѣмъ же не историкъ? вѣрно затѣмъ, что тутъ ужъ не было бы тропа), нашъ родной поэтъ подарилъ насъ переводомъ Гамлета — и Россія пришла въ восхищеніе».

Исторія древней русской словесности. Сочиненіе Михаила Максимовича. Книга первая.

Здѣсь начало труда прекраснаго и общеполезнаго. Сочинитель входитъ въ самыя любопытныя разысканія относительно происхожденія разныхъ славянскихъ нарѣчій, а послѣ исчисляетъ

въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстные письменные памятники древней литературы нашей. Въ его филологическомъ изслѣдованіи есть самобытность, своеобразіе и доказательства, свидѣтельствующія о внимательномъ и долговременномъ его изученіи предмета. Только подобные труды и подвигаютъ науку къ ея окончательному совершенству. Самыя ошибки въ новомъ взглядѣ, неизбѣжныя въ предпріятіи многотрудномъ и медленно оканчивающемся, поучительны для преемниковъ. По крайней мѣрѣ это не обветшалыя фразы, не компиляція бездушная. Судя по началу исторіи г. Максимовича, мы увѣрены, что во второй книгѣ и послѣдующихъ онъ много замѣчательнаго и положительнаго внесетъ въ эту часть ученыхъ изслѣдованій.

Герой нашего времени. Сочиненіе М. Лермонтова. Въ двухъ частяхъ.

«Съ нѣкотораго времени вошли въ моду *историческіе романы*. Неугомонный родъ людей, который называется *авторами*, тревожитъ священный прахъ Нумъ, Авреліевъ, Альфредовъ, Карломановъ, и пользуясь изстари присвоеннымъ себѣ «правомъ (едва ли *правымъ*), вызываетъ древнихъ героевъ изъ «ихъ *тѣснаго домика* (какъ говоритъ Оссіанъ), чтобы они, вышедши на сцену, забавляли насъ своими разсказами. Прекрасная кукольная комедія! Одинъ встаетъ изъ гроба въ длинной «римской *тогѣ*, съ сѣдою головою; другой въ коротенькой гишпанской епанчѣ, съ черными усами — и каждый, протирая себѣ «глаза, начинаетъ свою повѣсть съ яицъ Леды. Только привыкнувъ къ глубокому могильному сну, они часто зѣваютъ, а съ «ними вмѣстѣ... и читатели сихъ историческихъ небылицъ. Я «никогда не былъ ревностнымъ послѣдователемъ модъ въ нарядахъ; не хочу слѣдовать и модамъ въ авторствѣ; не хочу будить «усопшихъ великановъ человѣчества; не люблю, чтобъ мои читатели зѣвали — и для того, вмѣсто *историческаго романа*, думаю «расказать *романическую исторію* одного моего пріятеля». Вотъ что, за сорокъ лѣтъ передъ симъ, написалъ Карамзинъ въ преди-

словіи къ повѣсти своей: «Рыцарь нашего времени». Вѣроятно то же думалъ и авторъ *Героя нашего времени*. Не безъ намѣренія сблизили мы два произведенія русской литературы, между которыми легло чуть не полстолѣтія. Каждое изъ нихъ ознаменовано печатью истиннаго таланта; каждое приняло на себя живыя, яркія краски эпохи ихъ созданія; каждому суждено прослушать въ молчаніи брюзгливыя выходки судей, которые, лишены будучи способности мыслить и чувствовать, утѣшаются неотъемлемымъ своимъ правомъ—побранивать все привлекательно-живое. Пусть ихъ хоть этотъ краснорѣчивый фактъ вразумитъ немного: Карамзинъ, котораго осуждали за *Рыцаря нашего времени*, написалъ послѣ *Исторію Государства Россійскаго*. У кого есть талантъ, тотъ лучше знаетъ, котда и что писать ему. Но васъ мучитъ успѣхъ произведенія легкаго, ничтожнаго (по вашему мнѣнію)? А развѣ оно не даетъ своего плода, сладкаго и полезнаго даже вамъ?

Пусть будетъ красою краса: не завидуй, что прелесть ей съ неба
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой!
Пусть будетъ блаженна, плѣняя: плѣняйся — тебѣ наслажденье!

Провинціальныя сцены. Сочиненіе автора Семейства Холмскихъ. Дѣйствіе происходитъ въ 1780-хъ годахъ. — Повѣсть и Быль. Я. Озерецковскаго.

Оба эти сочиненія мы относимъ къ числу пріятныхъ явленій въ литературѣ. Истины и жизни художнически схвачено довольно. Первое изъ нихъ, тамъ, откуда авторъ заимствовалъ свои краски, не можетъ не произвести эффекту.

Были и Повѣсти, разсказанныя Іосифомъ Грузиновымъ.— Вечернія бесѣды у барона К. Сочиненіе А. Маховицына.

О книгахъ, содержащихъ въ себѣ разсказы или бесѣды ложные, т. е. сочиненные на-удачу, безъ отношенія къ опредѣленно-

му мѣсту и времени, не обнаруживающіе въ авторѣ ни наблюдательности, ни живого представленія людей и пружинъ ихъ дѣятельности, о такихъ книгахъ можно сказать одно: изданіе опрятно и цѣна невысока.

Малороссійскіе повѣсти и разсказы. Хомы Купрыенка.— Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени, изданныя И. Боричевскимъ.

Въ первой книжкѣ, по-малороссійски написанной, собрано нѣсколько мѣстныхъ разсказовъ. Вѣрныя народныя черты характера или предразсудковъ всегда для литератора полезное пріобрѣтеніе — и потому намъ кажется, что нельзя не желать появленія подобныхъ книгъ. Вторая высшій представляетъ интересъ: она обнимаетъ гораздо обширнѣйшій горизонтъ. Здѣсь литературно-историческіе матеріалы заимствованы изъ преданій почти всего славянскаго міра. Разсматриваемую теперь книгу мы принимаемъ только за начало изданія обширнаго, и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія такъ любопытныхъ и поучительныхъ разсказовъ.

Очерки изъ портфеля ученика натурнаго класса. Тетрадь первая. Мѣщанинъ. Двѣ части.

Въ видѣ романа изложены здѣсь долговременныя и внимательныя наблюденія человѣка, который и глубоко чувствуетъ и обширно соображаетъ. Онъ не даромъ жилъ въ обществѣ и проходилъ по разнымъ рядамъ его. Плоды своей опытности и размышленій обращаетъ онъ преимущественно на то, чтобы наполнить душу читателя теплотою религіозныхъ ощущеній и возвратить его въ лоно семейнаго счастія. Эту книгу надобно читать медленно, часто возвращаться въ ней назадъ и вносить ея истины въ сокровищницы души не какъ пріобрѣтеніе суетности, но какъ животворное вещество. Удивительнѣе всего, что въ нашей литературѣ явилась теперь эта книга. Между всѣми произведеніями словесности, принадлежащими извѣстному времени, есть какое-нибудь соотношеніе. Но *Очерки*, разбираемые нами, стоятъ

отдѣльно. Изъ общественной жизни выбрала ихъ мысль, питавшаяся въ себѣ самой, движимая собственными побужденіями. Мы не изумились бы, если бы подобную книгу привезли намъ изъ Англіи, Германіи, Италіи, даже изъ Франціи. Тамъ встрѣчается умъ на всѣхъ путяхъ изслѣдованія. У насъ дарованія поочередно толпятся въ одну эпоху на опредѣленныхъ мѣстахъ. Даже мы желали бы видѣть *Очерки* на иностранномъ языкѣ, особенно на французскомъ. И въ Россіи прочитали бы ихъ съ большимъ вниманіемъ. Они вызвали-бы сужденія, согрѣтыя участіемъ и одушевленныя знаніемъ, сужденія лучшаго общества, можетъ-быть не безъ основанія охладѣвшаго къ отечественной словесности. Намъ жаль только, что авторъ *Очерковъ* принесъ лишнюю дань романической формѣ. Событія разсказа его до невѣроятности эффектны. Завязки и развязки придуманы съ такою заботливостію, будто бы книгѣ суждено играть роль дѣйствительнаго романа. Нѣтъ, она выше этого назначенія: ей бы надлежало и въ происшествіяхъ возвыситься до простоты.

* * *

Новые досуги Ѳедора Слѣпушкина. — Стихотворенія А. Папкевича. — Могила боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Сочиненіе Ивана Данкова. — Три пѣсни патріота.— Кобзарь. Т. Шевченка.

Между всѣми произведеніями поэзіи, появлявшимися въ эти три мѣсяца, одно послѣднее достойно вниманія. Оно писано по-малороссійски. Въ немъ собрано нѣсколько простонародныхъ лирическихъ изліяній души, живыхъ и счастливо переданныхъ авторомъ. Понимающіе малороссійскій языкъ прочтутъ это собраніе конечно съ удовольствіемъ и благодарностію.

Кіевлянинъ. Книга первая на 1840 годъ. Издалъ Михаилъ Максимовичъ.

Прежде всего надобно порадоваться, что *Кіевлянинъ* заговорилъ на обще-русскомъ языкѣ. Книга, появляющаяся въ свѣтъ на областномъ простонародномъ нарѣчіи, когда господ-

ствующій языкъ отрадно блещетъ и звучитъ для каждаго изъ читателей, всегда похожа на пародію или литературную шутку. Но странно, что *Кіевлянинъ*, желая знакомить русскую публику преимущественно съ югозападнымъ краемъ нашего отечества, какъ альманахъ обставляетъ историческія, топографическія и другія законныя свои статьи пришлыми стихотвореніями да разсказами. Не думаетъ ли онъ попасть на колею періодическихъ изданій? Тогда онъ поневолѣ уклонится отъ своей цѣли и потеряетъ всю занимательность спеціальнаго изданія. Исторія, статистика, географія, литература, нравы, повѣрья южной Россіи представляютъ издателю неистощимый запасъ для *Кіевлянина*. Мы ждемъ отъ него книгъ не на срокъ, а на славу.

Дневникъ отечественныхъ воспоминаній. Карманная книжка на 1840 годъ. Изданіе книгопродавца И. Теряева.

Издатель предполагаетъ составить двѣнадцать книжекъ, прибирая на каждое число мѣсяца нѣсколько достопамятныхъ событій, этотъ день ознаменовавшихъ въ какомъ бы то году ни было. Къ исполненію этого предпріятія множество препятствій. Если бы даже и не требовалось отъ книжки, похожей на игрушку, особенной полноты, вѣрности и соразмѣрности въ разсказахъ, надобно однако же придать ей какое-нибудь достоинство. Въ первой книжкѣ *Дневника* намъ встрѣчались однѣ выписки безъ малѣйшаго вниманія къ ихъ объему, вѣсу и изложенію.

Альманахъ на 1840 годъ. Н. Анордиста.

Такъ автору вздумалось назвать собраніе статеекъ своихъ въ прозѣ и стихахъ, которыя безопасно могли бы коротать вѣкъ свой и безъ печати.

Похвала глупости, сочиненіе Дезидерія Эразма Ротердамскаго, писанное на 300 лѣтъ передъ симъ. Переводъ съ латинскаго подлинника.

Остроумнѣйшій, ученѣйшій, самый дѣятельный человѣкъ на поприщѣ литературы и даже политики написалъ сатиру на нравы

своего вѣка, назвавъ ее *Похвалою глупости*. Сатира, точно такъ же, какъ и другое произведеніе литературы, основанное на красотѣ комической, занимательно особенно въ свою эпоху, на своемъ мѣстѣ и для современниковъ. Для насъ же любопытна не *Похвала глупости*, а Эразмъ Роттердамскій, его жизнь, объясняющая каждое изъ сочиненій его. Итакъ изданіе Эразмовой біографіи, взглядъ на его вѣкъ и на отношенія его къ тогдашнимъ дѣйствователямъ, переводъ всѣхъ его произведеній — вотъ что было бы услугою, вполнѣ соотвѣтствующею направленію нынѣшней литературы. Судя по тому, какъ хорошо переведено разбираемое нами сочиненіе, думаемъ, что переводчикъ издалъ его какъ опытъ, и что онъ раздѣляетъ наше мнѣніе на счетъ современныхъ требованій въ литературѣ.

Молодая Сибирячка. Истинное происшествіе. Перев. съ французскаго.—Разсказъ о томъ, какъ Іафетъ ищетъ отца. Соч. капитана Марріета. Переводъ съ англійскаго. — Герцогиня Лонгвиль. Эпизодъ изъ временъ Фронды. Соч. С. Феликса. Съ французскаго.—Рококо изъ 333 повѣстей, отрывковъ и разсказовъ. Перев. съ французскаго, А. Волкова.—Прекрасный молодой человѣкъ. Романъ Поль-де-Кока. Четыре части.

Выборъ книгъ, предназначенныхъ переводчиками для легкаго чтенія, нынѣшній разъ совсѣмъ не дуренъ. Оставляя Поль-де-Кока въ сторонѣ, какъ неизбѣжное зло нашего времени, можно найти въ прочихъ что-нибудь или занимательное, или оригинальное. *Рококо* предзнаменуетъ родъ сборника переводныхъ повѣстей. Странное обѣщаніе: выдать 333 разсказа! Простительно книгопродавцу объявлять о новой *дюжинѣ* или сотнѣ статеекъ, поступившихъ въ его лавку. Покамѣстъ *Рококо* содержитъ только два разсказа. *Марріетъ* и *Феликсъ*, каждый въ своемъ родѣ, положительно хороши — одинъ въ очеркахъ современныхъ англійскихъ характеровъ, другой въ сценахъ избранной имъ эпохи. Но вниманіе полное, участіе живое должна возбудить наша *Молодая Сибирячка*, это произведеніе, въ которомъ соединены про-

стота и грація древнихъ съ религіозностію и мечтательностію новѣйшихъ временъ. Графъ Местръ, сочинитель ея, безспорно принадлежитъ къ разряду первоклассныхъ писателей французскихъ. Жуковскій перевелъ изъ него столь извѣстные стихи: *Узникъ къ мотыльку*, а Баратынскій *Прокаженнаго города Аоста*. Сожалѣемъ, что переводчикъ *Сибирячки* не съ такою любовію обработалъ свой трудъ, съ какимъ искуствомъ сочинитель исполнилъ его. Но мы должны быть благодарны г. Попову уже и за то, что онъ познакомилъ русскую публику съ этимъ интереснымъ сюжетомъ въ его истинномъ видѣ и освободилъ воображеніе читателей своихъ отъ прикрасъ мелочныхъ и безполезныхъ, которыми обезобразила его прихоть другого автора, передѣлавшаго повѣсть графа Местра для сцены. Г. Поповъ, ревнуя ко благу отечественной словесности и вѣроятно—по молодости лѣтъ—надѣясь утонченнымъ оборотомъ призвать на прямой путь маститаго автора *театральной Сибирячки*, посвятилъ ему *Сибирячку истинную*.

Римскія элегіи, *сочиненіе Гёте* [1]).

Весело, славно живу я здѣсь, на классической почвѣ;
Утро проходитъ въ занятьяхъ: читая творенія древнихъ,
Умъ постигаетъ яснѣе вѣкъ и людей современныхъ;
Ночь посвящаю богу любови: пусть въ половину
Буду я только ученъ—да за это блаженъ я трикраты!
Впрочемъ учиться могу я и тутъ, какъ вездѣ, созерцая
Формы живыя лучшаго въ мірѣ созданья; въ ту пору
Глазомъ смотрю осязающимъ, зрящей рукой осязаю,
Тайну искуства, мраморъ и краски вполнѣ изучая.
Если жъ подруга уснетъ — я уношуся далеко,
Глядя на образъ прекрасной, гдѣ жизнь и покой сочетались:
Мысли одна за другою текутъ вереницей, и тщетно
Гаснетъ лампада. О други! и тутъ, несказанно добрая,

[1]) Переводъ А. Н. Струговщикова.

Нѣжнымъ дыханіемъ сердце она согрѣваетъ, надолго
Римскаго лика черты въ памяти мнѣ оставляя...

Мы представили нашимъ читателямъ переводъ V-й элегіи. Всѣхъ ихъ XX. По образцу, нами приведенному, до нѣкоторой степени можно судить о прелести оригинала и достоинствѣ перевода. Гёте писалъ это въ молодости, полный любви къ искуствамъ, въ восторгѣ отъ южной природы и подъ вліяніемъ юношескихъ страстей.

Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 іюля 1709.

Въ разрядѣ книгъ, которыя болѣе или менѣе уже и потому заслуживаютъ вниманіе, что пополняютъ свѣдѣнія о разныхъ эпохахъ исторіи, преимущественно отечественной, *Записки Желябужскаго* составляютъ драгоцѣнность для нашей литературы. Онѣ касаются до такого періода русской исторіи, который служитъ введеніемъ къ событіямъ великимъ и, съ нѣкоторой стороны, до сихъ поръ развивающимся въ гражданственности нашей. Но болѣе всего изумляютъ онѣ читателя наблюдательнымъ взглядомъ и многостороннимъ умомъ автора. Съ помощію подобныхъ Записокъ мы ближе и ближе начинаемъ видѣть и яснѣе понимать самобытную жизнь нашей старины.

Прочитавъ десять новыхъ романовъ, о которыхъ желали поговорить съ любителями этого занимательнаго рода сочиненій, мы съ сокрушеннымъ сердцемъ почувствовали, что объ нихъ сказать нечего. Можетъ-быть, по любопытному сцѣпленію происшествій (впрочемъ нисколько невѣроятныхъ), по движенію ума въ разговорахъ (часто однакоже разстраиваемыхъ вторженіемъ собственно авторскаго языка) и по искрамъ, сыплющимся въ темнотѣ, окружающей талантъ (великое дѣло — талантъ!), не мы одни отличимъ въ этомъ десяткѣ два произведенія, которыхъ заглавія:

Уголъ. Сочиненіе Александрова (Дуровой).—Генералъ Коломеросъ. Романъ, соч. А. Вельтмана. Въ двухъ частяхъ.

* * *

1841 [1].

Судъ въ Ревельскомъ Магистратѣ, романъ изъ исторіи Эстляндіи XVI столѣтія. Сочиненіе барона Өеодора Корфа. Двѣ части. — Собраніе сочиненій Основьяненка. Панъ Халявскій. Съ картинками. Двѣ части.

Для отдѣленія романовъ и повѣстей, о которыхъ, соотвѣтственно времени ихъ выхода, мы должны говорить непремѣнно въ нынѣшнемъ №. *Современника*, у насъ большой запасъ. Потому-то мы и спѣшимъ отличить отъ прочихъ два сочиненія сіи, ничѣмъ не похожія на своихъ современниковъ. Историческій романъ: *Судъ въ Ревельскомъ Магистратѣ*, какъ живая и яркая картина нравовъ, повѣрій, домашней жизни, отношеній между рыцарствомъ и горожанами Эстляндіи XVI столѣтія, въ высшей степени занимателенъ для читателей. Авторъ добросовѣстно изучилъ все, что необходимо было для художническаго исполненія романа, въ которомъ должна была отразиться, какъ въ чистомъ и вѣрномъ зеркалѣ, старина Ревеля. Характеръ таланта Барона Ѳ. Ѳ. Корфа уже отчасти извѣстенъ читателямъ нашимъ по отзывамъ, которые мы представляли, говоря о прежнихъ его сочиненіяхъ. Въ немъ прекрасно слиты противоположности трогательнаго и юмористическаго. Но здѣсь мы встрѣтили новыя черты. Умилительныя картины набожности въ чувствахъ и столь рѣдкая въ наше время простота изложенія придаютъ роману прелесть, которой бы мы напрасно стали искать въ другихъ сочиненіяхъ сего рода. Авторъ разсказываетъ такъ свободно, безъ притязаній на эффектность, что разсказъ его болѣе походитъ на бесѣду умнаго очевидца, нежели на отчетъ самодовольнаго педанта. Между тѣмъ занимательность, сама собою, такъ возрастаетъ по мѣрѣ чтенія, что при концѣ романа возникаютъ передъ вами въ гигантскомъ образѣ эти двѣ олицетворенныя и вѣчно борю-

---

[1]) *Современникъ* XXI, стр. 94—101, 114—118; XXII, 5—23; XXIII, 20—24, 32; XXIV, 103, 107, 128, 132.

щіяся силы государствъ въ среднихъ вѣкахъ: сословіе городскихъ общинъ и сословіе гордыхъ дворянъ—обитателей замковъ.

Панъ Халявскій извѣстенъ былъ публикѣ по двумъ отрывкамъ, прошлаго году напечатаннымъ въ *Отеч. Запискахъ*. Онъ между-тѣмъ въ полномъ составѣ своемъ есть большая повѣсть въ двухъ частяхъ. Издатели напечатали ее какъ первый томъ полнаго собранія сочиненій Основьяненки. Удобство и дешевизна пріобрѣтенія всѣхъ сочиненій самаго любимаго въ наше время автора безъ сомнѣнія распространятъ эти книги по всей Россіи. Нѣтъ нужды подписываться предварительно. Всякій за бездѣлицу покупаетъ тѣ томы, которые кому по вкусу. Веселость, острота, живыя шутки, неподражаемая вѣрность натурѣ въ каждой чертѣ характеровъ, въ каждомъ словѣ дѣйствующихъ лицъ такое производятъ обаяніе на читателя, что *Панъ Халявскій* перестаетъ теперь быть вымышленнымъ лицомъ: это живой герой, котораго подвиги, привычки, особенности, наружность, умственныя и моральныя качества внесены авторомъ въ наши представленія, въ наши мечты, въ разговоры, какъ нѣкогда миѳическіе образы Греціи, помощію безсмертныхъ созданій художниковъ и поэтовъ, слились съ ея историческими лицами.

Ольга. Бытъ русскихъ дворянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Сочиненіе автора Семейства Холмскихъ. Четыре части. — Ярчукъ, Собака-духовидецъ. Сочиненіе Александрова (Дуровой). Въ двухъ частяхъ. — Кладъ. Сочиненіе Александрова (Дуровой). — Сицкій, капитанъ фрегата. Сочиненіе Князя Н. Мышицкаго.

Въ означенныхъ нами четырехъ книгахъ есть достоинства положительныя: заманчивость происшествій, живость, даже оттѣнки характеровъ. Если бы съ такими достоинствами сочиненія сіи написаны были на французскомъ языкѣ, на этомъ благодатномъ нарѣчіи, все облагороживающемъ, все уравнивающемъ и не подчиняющемся никакимъ взысканіямъ, кромѣ неумолимой грамматики, ихъ читали бы съ полнымъ удовольствіемъ, повто-

ряя съ умиленіемъ: comme c'est bien ecrit! Но по-русски эта безцвѣтная прелесть ничего не значитъ. Мы сочувствуемъ одной неподдѣльной жизни. Не читать мы любимъ, а ощущать силу и точность каждаго выраженія, слѣдовать слухомъ, глазами и участіемъ за всѣми перемѣнами разсказа, за явленіемъ новыхъ лицъ, ихъ физіономіи, страстей, привычекъ, принадлежащихъ вѣку, мѣсту, званію, возрасту и проч. Съ такими ожиданіями конечно не многія мы сочиненія прочтемъ съ полнымъ удовольствіемъ — и похвалимъ не за языкъ, а за жизнь, за истину.

Стихотворенія М. Лермонтова.

Г. Лермонтовъ принадлежитъ къ небольшому числу современныхъ намъ поэтовъ, которые независимостію таланта и вѣрностію чувства умѣли защититься отъ вліянія страннаго и ошибочнаго вкуса, овладѣвшаго толпою писателей. Онъ, какъ истинный поэтъ, въ каждомъ предметѣ усматриваетъ новую сторону, чтобы въ изображеніи мысли чувствуемо было его созданіе. Языкъ совершенно повинуется требованіямъ воображенія его, глубокомыслія и мечтательности. Не всѣ его стихотворенія равно счастливо выдержаны и кончены; но то, что успѣлъ онъ проникнуть своимъ умомъ, уже отпечатлѣлось ясно и живо. Изданіе стихотвореній его возбуждаетъ много утѣшительнаго по двумъ особенно обстоятельствамъ: во-первыхъ, перебирая пьесы его, чувствуешь, какъ онъ замѣтно совершенствуется — доказательство, что поэзія составляетъ сущность его внутренней жизни; во-вторыхъ, онъ ни сколько не одностороненъ — преимущество, которымъ немногіе могутъ похвалиться. Если удастся ему замѣнить точными и простыми выраженіями нѣсколько фразъ иперболическихъ и не вполнѣ соотвѣтсвующихъ первоначальной мысли, онъ придастъ своей поэзіи новое и надежное совершенство.

Древнія Русскія стихотворенія, служащія въ дополненіе къ Киршѣ Данилову, собранныя М. Сухановымъ.

Собранія памятниковъ народной поэзіи, представляя самое живое и вѣрное дополненіе къ исторіи народнаго духа, всегда

будутъ принимаемы съ благодарностію, если только они извлечены изъ надлежащихъ источниковъ, а не перепечатаны, подобно безчисленному множеству пѣсенниковъ, съ изданій безграмотныхъ и искаженныхъ. Трудъ г. Суханова благонамѣренный и добросовѣстный. Его примѣръ достоинъ соревнованія.

Вѣтка Іереміи Галки.

Лирическія стихотворенія на Малороссійскомъ языкѣ. Нѣсколько разъ мы уже имѣли случай говорить, чтó думаемъ о новыхъ явленіяхъ литературы на провинціальномъ нарѣчіи: чѣмъ лучше они, тѣмъ болѣе возбуждаютъ сожалѣнія, потому-что не вступаютъ въ область національнаго достоянія.

Престарѣлая кокетка, или Мнимые женихи, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Т. Моствило-Головача. Съ портретомъ автора.

Въ этой комедіи столько же истинно-комическаго и вѣрнаго въ нравахъ, сколько и въ большей части нашихъ сочиненій сего рода. Въ наше время, кажется, уже нѣтъ нужды издавать ихъ отдѣльными брошюрами. Благодаря заботливости благоразумныхъ людей, которые съ сожалѣніемъ видѣли, что всѣ наши драматическія сочиненія въ отдѣльныхъ изданіяхъ погибаютъ, теперь выдумано для нихъ много періодическихъ сборниковъ, гдѣ безъ сомнѣнія нашла бы пристойное мѣсто и *Престарѣлая кокетка.*

Лирическій Пантеонъ. А. Ф.

Здѣсь собрано нѣсколько опытовъ въ переводахъ. Греческіе, латинскіе и нѣмецкіе лирики поочередно привлекали къ себѣ вниманіе переводчика. Трудъ его и полезенъ и утѣшителенъ, потому что, знакомя читателей съ великими поэтами, переводчикъ видимо одушевляется ими и стихамъ своимъ часто сообщаетъ ту простоту и грацію, которыя нынѣ такъ рѣдки у поэтовъ.

Одиссея Гомера. Переводъ съ греческаго, въ стихахъ, размѣромъ подлинника, съ примѣчаніями переводчика и съ рисунками Флаксмана. Часть I. Пѣснь I.

Прочитавъ предисловіе переводчика и переведенную имъ первую пѣснь Одиссеи, мы не могли не удивиться непростительной поспѣшности, съ которою онъ вздумалъ рѣшить важнѣйшіе вопросы въ литературѣ и совершить трудъ, требующій предварительнаго, долговременнаго изученія древности. «Въ настоящее время (говоритъ переводчикъ) стали смотрѣть у насъ на Гомера, какъ на что-то классическое, сухое, старое, несвойственное духу XIX вѣка». *Классическое* не значитъ *сухое*. Оно представляетъ только историческій отдѣлъ, ознаменованный особенностями жизни, вѣры, нравовъ, формъ языка и самыхъ формъ словесности. Подражанія можно назвать сухими, потому что въ нихъ усиливаются возсоздать жизнь, чуждую намъ, постигаемую одними соображеніями, не испытываемую чувствомъ. *Старое и несвойственное духу XIX вѣка*—въ этомъ всѣ убѣждены по объясненію вышеприведенному. «И это, разумѣется, произошло (продолжаетъ переводчикъ) отъ переводчиковъ, которые старались удержать внѣшнія формы Иліады». За это надобно благодарить переводчиковъ. Формы языка и словесности не произвольны, а тѣсно связаны съ духомъ древности. Ни живописцы, ни скульпторы не отступаютъ отъ этого правила. Да и самъ переводчикъ, конечно не безъ намѣренія, сказалъ, что онъ перевелъ Одиссею размѣромъ подлинника. «Гомеръ (говоритъ онъ далѣе) хотя и пережилъ тысячелѣтія, но всегда свѣжъ, бодръ и юнъ. Какъ же можно прекраснаго юношу одѣвать въ старческое рубище?» Благомыслящіе переводчики не въ рубище одѣвали его, а въ то платье, которое онъ носилъ сообразно съ своимъ вѣкомъ и мѣстностію. «Поэмы Гомера соотвѣтствуютъ вполнѣ романамъ нынѣшняго времени; въ нихъ также занимаетъ главное мѣсто любовь и разныя положенія человѣка въ жизни». Здѣсь истина перемѣшана съ понятіями не совсѣмъ вѣрными. Что *разныя положенія человѣка въ жизни*

составляютъ, составляли и будутъ составлять предметъ поэмъ и романовъ—въ этомъ никто не сомнѣвается; но жизнь, какъ сказано, не является вездѣ и всегда въ однихъ и тѣхъ же образахъ. Что касается до *любви*, будто она также преобладала въ сочиненіяхъ древнихъ, какъ преобладаетъ у новѣйшихъ — это несправедливо. Христіанская религія и нравы рыцарства возвели это прекрасное чувство на ту степень, на которой мы его увидѣли повсюду у новѣйшихъ народовъ. Древніе народы, которыхъ исторію удалось намъ изучить въ ихъ литературѣ, гораздо выше любви ставили патріотизмъ. Итакъ у насъ господствуетъ любовь къ лицамъ, а у нихъ преобладала любовь къ отечеству или къ одному политическому цѣлому. «Иліаду переводили у насъ: Гнѣдичъ, Жуковскій, Екимовъ, Костровъ и Мартыновъ». Странное сочетаніе именъ и трудовъ! Переводчикъ Одиссеи, съ новыми идеями, только и долженъ былъ заняться Гнѣдичемъ, литераторомъ, посвятившимъ Иліадѣ лучшіе годы жизни своей и кончившимъ свое предпріятіе. Онъ у насъ основатель системы, какъ должно переводить древнихъ. Жуковскій совершенно согласенъ былъ съ нимъ, отличаясь въ переведенныхъ имъ отрывкахъ одною мягкостію и сладкозвучіемъ гекзаметра — что было слѣдствіемъ не разномыслія его съ Гнѣдичемъ, а собственнаго его слога. «При переводѣ Одиссеи я старался удержать вездѣ мысли, духъ и выраженіе Гомера, и потому взялъ смѣлость ввести въ свой экзаметръ амфибрахій, который свойственнѣе русскому языку, и хотя вполнѣ удерживаетъ цезуру, но легче въ чтеніи, болѣе соединяя конецъ одной строки съ началомъ другой». Первая мысль очень похвальна; вторая объ *амфибрахіи* странна. Поэму, написанную однимъ размѣромъ, переводить разными, смотря гдѣ что выйдетъ, не согласно ни съ чѣмъ. Конечно еще легче, по мѣрѣ надобности, допускать и анапестъ, и ямбъ, и хорей; но гдѣ жъ будетъ единство созданія? гдѣ жъ *размѣръ подлинника*, обѣщанный въ заглавіи? Нѣтъ, мы не совѣтуемъ переводчику продолжать трудъ, если онъ останется при столь неясныхъ и даже невѣрныхъ мысляхъ на счетъ литературы. Гнѣдичъ прочи-

талъ все, что только когда-нибудь писано было объ Иліадѣ по-гречески, по-латыни, по-нѣмецки, по-французски, по-англійски и по ново-гречески. Онъ изучилъ древности, топографію, нуммизматику, костюмы, анатомію, образъ войны и правленія Грековъ, потому что въ Иліадѣ до всего этого дѣло касается. Гнѣдичъ рѣшился напечатать переводъ свой, свѣривъ его нѣсколько разъ съ подлинникомъ во всѣхъ отношеніяхъ—и напечаталъ его со всею исправностію, какъ книгу, которая, если не совершенствомъ его перевода, такъ именемъ Гомера, заслужила названіе *училища царей и народовъ*. Въ напечатанномъ листкѣ Одиссеи нѣтъ почти строчки, въ которой бы не осталось типографической ошибки. Мы совѣтуемъ переводчику Одиссеи, взявъ за образецъ Гнѣдича въ исполненіи столь важнаго предпріятія, уничтожить напечатанный листокъ, оставить мысль издавать тетрадями—и посвятить себя долгому, безмолвному труду, если онъ любитъ литературу и славу и если онъ желаетъ заслужить безсмертіе Гнѣдича, не двусмысленное, но утѣшительное и тѣмъ болѣе завидное, что съ его славою соединяются и слава Отечества, и слава того, кто удостоилъ поставить имя свое въ заглавіи Гнѣдичевой Иліады.

Стихотворенія графини Е. П. Растопчиной.

Въ концѣ прошлаго года контора привилегированной типографіи Фишера обѣщала издавать одно за другимъ сочиненія лучшихъ современныхъ писателей нашихъ. Начало сдѣлано было прекрасною повѣстію г. Основьяненка: *Панъ Халявскій*. Выборъ былъ самый счастливый, судя по главной цѣли, которую предположила себѣ контора при изданіи. Русскія книги вообще до такой степени дорого наконецъ продавались, что невозможно было ими пользоваться человѣку безъ хорошаго достатка. Чтобы распространить по всей Россіи лучшія книги и доставить способъ пріобрѣтать ихъ самымъ небогатымъ людямъ, надобно было продавать ихъ какъ можно дешевле — и, пользуясь внутреннимъ ихъ достоинствомъ, издержки изданія разлагать не по-прежнему на сотни экземпляровъ, а на тысячи. Сочиненія г. Основьяненка,

по оригинальности ихъ созданія, слога, по вѣрному взгляду автора на жизнь, людей, страсти, слабости, на все, что входитъ въ область художествъ, единодушно признаны у насъ замѣчательнѣйшими въ нынѣшнюю эпоху. Разсказываютъ однакоже, что какой-то критикъ пробовалъ обратить въ вину г. Основьяненкѣ именно его достоинства, какъ-то: самобытный слогъ, живость сценъ, яркія краски мѣстности и прочія совершенства, до которыхъ безъ истиннаго таланта ничѣмъ не достигнуть. Въ подобныхъ выходкахъ не бывало недостатка ни при одномъ великомъ писателѣ. Дѣло въ томъ, что предпріятіе конторы не только не оказалось малоуспѣшнымъ, но и поощрило ее къ дальнѣйшей дѣятельности. Нынѣ въ томъ же предположеніи напечатаны тамъ: *Стихотворенія* графини Е. Растопчиной.

Мы не удивляемся (какъ это часто теперь дѣлается), что въ *нашъ положительный вѣкъ* еще являются поэты. По нашему мнѣнію, во всѣ вѣка были и прозаики и поэты, и всегда ихъ будетъ довольно, чтобы приводить душу въ ея лучшее настроеніе. Мы только смотримъ на это собраніе Стихотвореній съ чувствомъ, которому трудно пріискать названіе. Тутъ заключены впечатлѣнія, ощущенія, думы, мечты, надежды, радости, утраты, все, чѣмъ жизнь такъ волнуется и чѣмъ она такъ очаровательна въ лучшіе наши годы — тутъ десять лѣтъ цвѣтущаго возраста женщины, тутъ исторія прекраснѣйшаго существа въ его прекраснѣйшую эпоху. Какъ не сказать, что это — явленіе, какого еще не бывало въ нашей литературѣ, — явленіе, на которое нельзя смотрѣть безъ полнаго участія, безъ особеннаго любопытства и неизъяснимаго удовольствія? Передъ нами открытъ непроницаемый лабиринтъ юнаго, пылкаго, трепещущаго сердца; мы видимъ всѣ его изгибы, всѣ уклоненія, весь путь, гдѣ десять лѣтъ играли, тревожились и бодрствовали умъ и воля поэта съ его дѣтства до нынѣшнихъ его блестящихъ дней юношества.

Въ другихъ поэтахъ ничего нѣтъ подобнаго тому, о которомъ мы говоримъ. Онъ все для себя создалъ самъ, или вѣрнѣе — природа вела его особеннымъ путемъ. Существо, повидимому при-

званное для разсѣянностей жизни, для удовольствій и блеску шумнаго свѣта, для упоенія и торжества въ лучшемъ кругу общества, это существо влечется неодолимою силою въ святилище души своей, сосредоточиваетъ тамъ игривые свои помыслы, раздробляетъ ихъ и преобразуетъ. Еще едва ли не для ребенка, жизнь получаетъ уже высокое для него значеніе. Женщина, не противорѣча радужнымъ мечтамъ души своей и голосу счастливо настроеннаго сердца, находитъ средство вполнѣ жить и посреди очарованія свѣтскихъ радостей и во глубинѣ душевнаго своего уединенія Для нея поэзія снимаетъ съ себя образъ искуства—и является какъ душистый цвѣтокъ каждаго понятія, каждаго сознанія, каждаго намѣренія и поступка. Всегда поэтъ и всегда человѣкъ, она не чуждается ничего земного и сочувствуетъ всему небесному. И въ то же время она нераздѣльна; она не колеблется, не теряетъ равновѣсія, не склоняется въ одну сторону и не дѣлаетъ усилія, чтобы возвратиться на другую: все въ жизни ея — чистая поэзія.

Теорія творческаго искуства, формы его и условія выраженій такъ же постигнуты ею, какъ самое искуство — сочувствіемъ и потребностію духа. Въ созданіяхъ талантовъ разныхъ вѣковъ и націй она обрѣла для души своей естественную, необходимую пищу, какъ всякое живое существо обрѣтаетъ ее въ дыханіи воздухомъ. Почерпаемое душою изъ этого источника соединивъ съ тѣмъ, что собственная жизнь внесла въ область ея поэзіи, она образовала такой оригинальный, чудно разнообразный, но строго-послѣдовательный рядъ поэтическихъ произведеній, что, всматриваясь въ нихъ, познаёшь полную исторію жизни, гдѣ ни одно обстоятельство не лишено поэтической замѣтки. Такимъ образомъ то, что доселѣ у другихъ было чисто искуствомъ, счастливымъ даромъ рѣшить нѣкоторыя опредѣленныя задачи, у нея сдѣлалось, такъ сказать, дыханіемъ бытія

Напечатано всѣхъ теперь стихотвореній 91. Подъ первымъ изъ нихъ поставлено 1829 г., а подъ послѣднимъ 1839. Кто лично знаетъ поэта, тотъ можетъ вообразить, какъ рано про-

будилась въ немъ поэтическая дѣятельность! Бывали примѣры, что подобное довременное развитіе скоро и прекращалось, свидѣтельствуя не о талантѣ, а о какой-то умственной раздражительности. Но здѣсь, разсматривая книгу, вы чувствуете сами, какъ увеличивается дѣятельность поэта, какъ укрѣпляются силы его таланта, какъ все въ немъ получаетъ зрѣлость и могущество. Надобно признаться, что изданіе сочиненій въ такомъ видѣ, въ какомъ напечатаны *Стихотворенія* графини Растопчиной, доставляетъ прекрасное средство къ изслѣдованіямъ самымъ разнообразнымъ касательно біографіи автора. Самые обильные годы произведеніями были 1839 и 1831: первому изъ нихъ мы обязаны 21 стихотвореніемъ, а послѣднему 17. Въ 1829 и 1834 написано менѣе, нежели въ другіе годы, а именно: 2 и 4. Ничего не желая приписать случаю въ явленіи, исполненномъ правильности и отчетливости, мы предоставляемъ самому автору изъяснить нѣкогда эти обстоятельства, невольно обратившія на себя наше вниманіе. Еще любопытнѣе остается для разрѣшенія вопросъ: почему 1831 и 1837 годы не ознаменованы ни однимъ стихотвореніемъ? Избытокъ ли поэтическихъ ощущеній, или проза жизни отклонили руку отъ ея привычки, столь неизмѣнной и столь заманчивой? 1830, 32, 35 и 38 годы почти равны драгоцѣнными замѣтками вдохновенія, которыхъ число въ каждый годъ простирается отъ 9 до 12. Въ этихъ статистическихъ изысканіяхъ всего любопытнѣе отмѣтить для біографіи, гдѣ написана большая часть стихотвореній. Главное число (37) принадлежитъ *Москвѣ*: тамъ авторъ началъ свое поэтическое поприще; тамъ, *новый житель міра*, онъ смотрѣлъ на все испытующимъ взоромъ, изображая раннія свои ощущенія. Возрастъ и мѣстопребываніе рѣзко означились во всемъ: въ выборѣ содержанія, въ степени изслѣдованія идей, въ характерѣ поэзіи. Мысль и воображеніе только скользятъ и играютъ на внѣшней сторонѣ предметовъ. Нѣтъ еще опытовъ, обогащающихъ душу степенными истинами и неизбѣжнымъ разочарованіемъ. Если элегическій тонъ и прокрадывается въ сердце—это болѣе естественное

предчувствіе таланта, нежели убѣжденіе души. Почти столько же стихотвореній (35) написано въ другомъ мѣстѣ и въ другомъ уже возрастѣ. Подъ ними подпись: *Село Анна* (Воронежской губерніи). Природа и жизнь съ красотами своими и тайнами возобладали уже вдохновеніемъ поэта. Онъ внимаетъ ихъ откровеніямъ. Картины занимательнѣе, краски ярче, мысли глубже и тонъ сильнѣе. Поэзія въ уединеніи становится единственною собесѣдницею, отраднымъ прибѣжищемъ души. Здѣсь возникаютъ снова и переработываются памятныя видѣнія, промелькнувшія надъ поэтомъ въ разсѣянной и безплодной жизни шумнаго свѣта. Подобнымъ образомъ въ его созданіяхъ отпечатлѣлись картины Кавказа, на который удалось ему полюбоваться. Убѣждаясь, сколько авторъ нашъ хранитъ въ душѣ сочувствія съ окружающими его предметами, и какъ онъ вѣренъ своему внутреннему состоянію, мы надѣемся доставить нашимъ читателямъ истинное удовольствіе, помѣстивъ здѣсь для повѣрки нѣкоторыя изъ стихотвореній [1]).

Представляя читателямъ нашимъ пьесы изъ разныхъ эпохъ, мы надѣялись оправдать замѣчанія свои относительно характера, объема, отдѣлки и другихъ особенностей поэзіи графини Растопчиной. Труднѣе всего въ ней подвести подъ общее заключеніе выборъ предметовъ, источникъ ея вдохновенныхъ думъ. Слѣянная съ жизнію, не отдѣляясь отъ нея для исполненія какихъ-нибудь условій искуства, здѣсь поэзія во всемъ есть власть духа надъ явленіями и вещественностію. Вотъ почему здѣсь изложеніе идей и самое ихъ соединеніе не напоминаетъ вамъ никого изъ нашихъ писателей: такъ оно самобытно и непредвидимо.

Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границею (данъ л'этранже). Соч. ***Мятлева.***

Въ одну пору съ разсматриваемымъ нами авторомъ явился другой, исполненный насмѣшливости, шутливости и остроты. Его

---

[1]) Пропускаемъ напечатанные за симъ стихотворенія: *Осеннія листы, Гдѣ мнѣ хорошо* и *Неоконченное шитье.*

таланту обширное поле представляли смѣшныя странности, привычки, черты нравовъ и обыкновеній, мнѣнія и тысяча другихъ оттѣнковъ нашего общества. Но онъ всю игру веселаго ума своего обратилъ преимущественно на двѣ слабыя стороны: на глупое пристрастіе къ французскому языку и невѣжественную прихоть — непремѣнно побывать за границею. Мы говоримъ о *Г-жѣ Курдюковой* И. П. Мятлева. Въ одномъ мѣстѣ героиня его прекрасно (разумѣется, тѣмъ языкомъ и въ томъ духѣ, которыми авторъ такъ счастливо изъ вымышленнаго лица возвелъ ее на степень историческаго) сама выражаетъ главную идею поэта:

Русскій право мнѣ досаденъ:
Онъ ловчѣй, виднѣе всѣхъ —
А стремится, какъ на-смѣхъ,
Походить на иностранца,
На Француза, Итальянца,
Англичанина *сюр-ту*:
Въ томъ находитъ красоту.
Очень часто я видала:
Тихій, скромненькій сначала —
Какъ побудетъ *а Франкфортъ*,
Ужъ не братъ ему и чортъ.
Точно будто нездорово
Вымолвить по-русски слово:
Же вё, дескать, *вольтиже*
Годикъ *сюръ лез-этранже*;
Же не вё па, же н-ире па;
Же не манжъ па де ла рѣпа,
Эт-сетра...

Первая изъ этихъ комическихъ болѣзней, т. е. галломанія, много уже разъ подвергалась ланцету эпиграммы, басни, сатиры и комедіи. Мы не думаемъ, чтобы самая колкая поэзія могла лѣчить людей отъ глупостей. Читатель или зритель, разбирая

рѣзкія черты выведеннаго авторомъ лица, никакъ въ душѣ своей не сознáется, что и онъ таковъ, если бы даже портретъ съ него списали. Тутъ всегда повторяется неподражаемое замѣчаніе Крылова:

«Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ киваетъ на Петра».

Итакъ, скажутъ намъ, всѣ эти великія созданія комиковъ, баснописцевъ, сатириковъ безполезны? Нѣтъ. Они столько же полезны, сколько и всякое явленіе въ нравственномъ мірѣ, ознаменованное истиною и творчествомъ. Они полезны, какъ глубокомысленная исторія, какъ трагедія, какъ всякое сочиненіе, исполненное человѣковѣдѣнія. Всѣ такія созданія постепенно пополняютъ философію, которая нѣкогда должна произнести намъ слово мудрости. Вотъ единственная, прямая, положительная польза всѣхъ произведеній изящныхъ искуствъ. Но эта польза, какъ само собою разумѣется, не можетъ быть достояніемъ тѣхъ лицъ, которыя такъ обогащаютъ собою сокровищницу Таліи. Между тѣмъ и сами художники и участники въ ихъ трудахъ, призванные природою, безпрестанно пользуются вдохновенными положеніями, картинами, чувствами, мыслями. Въ *Недорослѣ* Фонвизина Простакова восклицаетъ: «*Больна? Ахъ, она бестія! Больна! Какъ будто благородная!*» Кто изъ людей, понимающихъ прелесть искуства, когда-нибудь читалъ, слушалъ или даже вспоминалъ эту сцену безъ какаго-то восторга? А отчего? Оттого, что поэтъ, какъ Коломбъ, открылъ новую часть свѣта въ человѣческомъ сердцѣ. Прежде этой сцены, еще не домыслились мы, куда могутъ завлечь человѣка невѣжество и грубость. Слѣдовательно новыя, неизмѣнныя, плодотворныя истины, будутъ ли относиться онѣ къ изящному, высокому, граціозному, умилительному, или къ комическому, всегда должны быть принимаемы какъ пріобрѣтенія полезныя.

Поэтому и *Курдюкова*, если только она вполнѣ удовлетворяетъ художественнымъ требованіямъ, есть явленіе, достойное

вниманія, не какъ шутка, а какъ всякое произведеніе поэзіи. Мы замѣтили, что авторъ остановился съ одной стороны на такой странности, которая была уже предметомъ изслѣдованія нашихъ поэтовъ. Но, соединивъ съ нею слабость другую, онъ поставилъ себя въ положеніе очень выгодное, какъ художникъ. По формѣ своей, его сочиненіе входитъ въ разрядъ записокъ путешественника. Планъ ему даѐтъ сама Курдюкова, которая рѣшилась взглянуть на все любопытное въ Европѣ. Картины разнообразны. Безъ малѣйшаго усилія со стороны художника, онѣ мелькаютъ, смѣняютъ одна другую, завлекаютъ читателя, и такъ поддерживаютъ интересъ книги, что она читалась бы съ удовольствіемъ, если бы даже была и самая огромная. Въ изданной книгѣ двѣнадцать картинъ: *Отъѣздъ, Любекъ, Гамбургъ, Дилижансъ, Бременъ, Оснабрюкъ и Мюнстеръ, Колонь, Рейнъ, Франкфуртъ, Мангеймъ, Бадъ-Баденъ* и *Шварцвальдъ*. Видно, что это одно начало путешествія Курдюковой [1]).

Вся мелочь избалованной барыни, все невѣжество женщины, не жившей между порядочными людьми, вся спесь помѣщицы, грубый ея языкъ и глупыя французскія украшенія, которыми она пестритъ свою рѣчь — все это схвачено мастерски и ведено вѣрно. Мы только не желали бы встрѣчать отступленія отъ метра, избраннаго авторомъ. Конечно, въ устахъ Курдюковой чѣмъ чаще стихи бываютъ испорчены, тѣмъ они законнѣе принадлежатъ ей; но для сильнѣйшаго впечатлѣнія остроумныхъ и забавныхъ мыслей, замѣчаній и поговорокъ въ памяти и воображеніи читателей необходимѣе былъ бы стихъ правильный по метру. Тонъ и слогъ принадлежатъ Курдюковой и характеризируютъ ее, а метръ есть принадлежность искуства и не можетъ противорѣчить основнымъ его законамъ. Другое замѣчаніе наше относиться будетъ къ тѣмъ прелестнымъ чертамъ нѣкоторыхъ характеровъ людей, нѣкоторыхъ картинъ и вообще всего, что восхищало въ путешествіи лично автора: не напрасно ли онъ ихъ усту-

[1]) Пропускаемъ здѣсь довольно длинный разсказъ Курдюковой про «Бадъ-Баденъ».

пилъ Курдюковой? въ минуты этихъ заимствованій не перестаетъ ли она быть интересною въ томъ видѣ, въ какомъ должна оставаться Курдюкова? не наводитъ ли это на поэму какаго-то ошибочнаго цвѣту? [1]).

На сонъ грядущій. Отрывки изъ вседневной жизни. Графа В. Соллогуба.

Повѣсти графа В. А. Соллогуба, замѣчательное и — какъ первый опытъ молодого писателя — любопытное явленіе въ современной нашей литературѣ. Хорошія повѣсти едва ли не самый трудный родъ сочиненій, несмотря на то, что теперь всѣ почти начинаютъ съ него. Для повѣсти умной и занимательной надобно соединить всю прелесть поэзіи съ обдуманностію прозы. Вводите ли вы въ положеніе и страсть какого-нибудь лица, надобно вамъ развивать черты и другія особенности не по системѣ метафизика или натуралиста, а въ свободномъ одушевленіи художника, оттѣняя ихъ, группируя и размѣщая въ перспективѣ. Для самыхъ трудныхъ требованій чувства и вкуса никто вамъ не въ состояніи набросать даже приблизительныхъ намековъ, не только опредѣлительныхъ правилъ. Въ то же время, когда съ этой стороны все предоставлено внутреннему, врожденному, такъ сказать, чутью вашему, съ другой васъ преслѣдуютъ математическими, самыми холодными запросами — и если вы со всею отчетливостію не рѣшите ихъ, сочиненіе ваше по-справедливости подвергается осужденію. Докажите, что у васъ есть самый занимательный, даже совсѣмъ новый планъ; что герои ваши не говорятъ ни одного слова, не дѣлаютъ ни однаго шага безъ вашей предусмотрительности; что они скрываются или выходятъ, забавляютъ насъ или сердятъ въ слѣдствіе неотвратимыхъ обстоятельствъ жизни, вами созданныхъ, но никѣмъ не предугадываемыхъ.

Въ этомъ еще наименьшее затрудненіе. Нѣкоторое душевное участіе въ созданіи, нѣсколько опытности въ управленіи

[1]) По весьма понятной причинѣ, здѣсь опускается слишкомъ лестный для издателя сочиненій Плетнева отзывъ о русскомъ переводѣ поэмы Тегнéра: *Фритіофъ*. См. *Современникъ*, т. XXII, стр. 26, и т. XXIII, стр. 47.

внѣшними пружинами приблизятъ васъ къ цѣли. Но самому отрѣшиться отъ всего, что за другихъ говоришь, что чувствуешь за нихъ, чѣмъ живешь для нихъ—вотъ задача труднѣйшая. Всѣ требованія, налагаемыя искуствомъ на драматическаго писателя, и здѣсь законны. Драматическая часть повѣсти почти безпрестанно выходитъ передъ наблюдательное око читателя. Въ ней тайна удивительныхъ успѣховъ великаго повѣствователя. Другія формы утомительны, безжизненны. Да и для нихъ (наприм. для чистыхъ разсказовъ, или описаній) какой надобно заготовить запасъ знаній; какою надобно обладать проницательностію; какое обиліе должно быть въ краскахъ!

Отъ общаго перейдемъ къ частностямъ. Вы избираете для повѣсти одну эпоху, опредѣленное мѣсто и лица, къ нимъ прикованныя уже или историческимъ событіемъ, или неизмѣнными, каждому извѣстными нравами. Тутъ отъ вашихъ идеаловъ потребуютъ дѣйствительной жизни, жизни, которая не нами создается, а только воплощается, или, вѣрнѣе сказать возсозидается. Какая осмотрительность, какая отчетливость, какая истина должна являться въ самыхъ легкихъ очеркахъ вашего труда!

Указавъ нѣсколько сторонъ, представляющихъ сочинителю повѣстей поприще, столько же соблазнительное для славной побѣды, сколько и разочаровывающее безчисленностію усилій, не будемъ останавливаться на безконечномъ вычисленіи разныхъ видовъ повѣстей, которыя снова потребовали бы особенныхъ правилъ. Оживимъ наши соображенія нѣкоторыми сценами изъ прекраснаго сочиненія графа Соллогуба [1]).

Если молодой авторъ, начиная свое поприще, уже такъ вѣрно постигаетъ первыя совершенства разсказа и разговора — безыскуственность выраженій, смѣлую подвижность предметовъ, своеобразіе идей и мнѣній дѣйствующихъ лицъ, отстраненіе всего, чуждаго ихъ духу и настроенію; если авторъ уже теперь умѣлъ высвободить себя изъ-подъ тяжести современнаго слога, пре-

[1]) Здѣсь опускается обширный отрывокъ изъ повѣсти: *Большой свѣтъ*, именно разговоръ Наденьки съ нянюшкой.

обладающаго и у насъ и у другихъ европейскихъ народовъ: то можно до нѣкоторой степени опредѣлить, какъ счастливо и какъ надежно будетъ развиваться и совершенствоваться его талантъ. Мы убѣждены, что онъ, оставаясь неизмѣнно при нынѣшнемъ своемъ направленіи, въ состояніи будетъ изъ себя образовать писателя, столько же замѣчательнаго въ Россіи, какъ и въ Европѣ.

Всѣхъ повѣстей графа Соллогуба пять; онѣ называются: *Три жениха*, *Два студента*, *Серёжа*, *Исторія двухъ калошъ* и *Большой свѣтъ*. Не всѣ онѣ равнаго достоинства по объему и занимательности сценъ; но въ нихъ есть сторона, съ которой онѣ всѣ представляются наблюдателю равно любопытными и — какъ художественное произведеніе — равно совершенными: авторъ не теряется въ исчисленіи подробностей, не перемѣшиваетъ существеннаго съ мечтательнымъ, не вымышляетъ противорѣчащаго жизни, оставаясь въ ея очаровательной сферѣ. Его талантъ воспользовался тѣмъ, что́ сама жизнь ему доставила. Можетъ-быть, и чаще встрѣчалось бы въ нашей литературѣ это согласіе жизни съ созданіями фантазіи, необходимое условіе для успѣха каждаго писателя, если бы всѣ могли и умѣли изучать собственными ощущеніями то, чего нерѣдко сочинители должны доискиваться или въ книгахъ, или въ своихъ вымыслахъ.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя И. Сахаровымъ. Томъ первый.

Вотъ предпріятіе, котораго исполненіемъ могла бы заслужить всеобщую признательность и справедливую славу какая-нибудь академія, предпріятіе почти на цѣлую жизнь частнаго человѣка. Въ изданномъ теперь томѣ, который напечатанъ въ большую осьмушку мелкимъ шрифтомъ въ два столбца, содержится до 600 стран. Г. Сахаровъ приложилъ къ нему программу, изъ которой видно, что онъ такихъ томовъ напечатаетъ еще шесть. Сколько трудолюбія, терпѣнія, времени и разнообразія познаній надобно имѣть, чтобы обнять и привести въ исполненіе

мысль такого предпріятія! Семь томовъ *Сказаній Русскаго народа* подраздѣлены издателемъ, соотвѣтственно содержанію, на тридцать книгъ. Это библіотека народной литературы, т. е. полной жизни народа. Здѣсь чистые, драгоцѣнные источники народности Русской. Поэты и художники до сихъ поръ нуждались въ краскахъ и типахъ самобытной старинной жизни нашей: здѣсь ихъ воображенію предстанутъ въ полномъ свѣтѣ фигуры, картины, группы, цѣлыя галлереи изъ каждаго періода русской исторіи. Чтобы читатели наши могли составить какое-нибудь понятіе о важности труда г. Сахарова, мы приведемъ заглавія книгъ, имъ издаваемыхъ: 1. Русская народная литература. 2. Очерки семейной русской жизни. 3. Русскія народныя пѣсни. 4. Памятники древней русской литературы. 5. Старые словари русскаго языка. 6. Русскія народныя свадьбы. 7. Русская народная годовщина. 8. Путешествія русскихъ людей. 9. Русская народная демонологія. 10. Словари русскихъ областныхъ нарѣчій. 11. Русскія народныя охоты. 12. Сказанія о русскомъ народномъ врачеваніи. 13. Русская народная символика. 14. Лѣтопись русской библіографіи. 15. Русскія народныя повѣрья и примѣты. 16. Русскія народныя пословицы. 17. Лѣтопись древнихъ искуствъ и художествъ. 18. Лѣтопись славяно-русскихъ типографій. 19. Лѣтопись русской литературы. 20. Русскія народныя сказки. 21. Записки русскихъ людей. 22. Обозрѣніе древняго русскаго права. 23. Обозрѣніе русскихъ гербовъ и печатей. 24. Русскія народныя одежды. 25. Родословная книга русскихъ дворянскихъ родовъ. 26. Лѣтопись русской нуммизматики. 27. Образцы великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ нарѣчій. 28. Славянорусская миѳологія. 29. Русскіе разрядные списки. 30. Приложенія и указатели.

По частямъ нѣкоторые изъ означенныхъ матеріаловъ давно изданы. Иные изъ нихъ и самъ г. Сахаровъ напечаталъ отдѣльными книжками. Но и то будетъ съ его стороны неоцѣненною заслугою для отечественной исторіи, если онъ изъ разбросанныхъ пособій составитъ систематическій сборникъ, дополнитъ

его плодами собственныхъ пріобрѣтеній и разысканій — и укажетъ путь, по которому надобно итти, чтобы нѣкогда образовать всестороннюю исторію Россіи. Просматривая одни заглавія книгъ его, начинаешь постигать всю важность, всю великость идеи литературы. Она одна возсозидаетъ для потомства исчезнувшую жизнь предковъ. Тамъ не можетъ быть истинной исторіи, гдѣ первоначально по частямъ не обработали, не изучили, не привели въ точныя и положительныя истины всѣхъ отраслей литературы.

***

Въ числѣ современныхъ новостей русской литературы намъ встрѣтились три тетради, на которыхъ напечатано слѣдующее заглавіе: *Портретная и біографическая галлерея словесности, наукъ, художествъ и искуствъ въ Россіи.* При изданіяхъ этого рода невольно раждается вопросъ: біографіи ли вызвали художника заняться портретами, или для заготовленныхъ портретовъ приступлено было къ составленію біографій? Отъ рѣшенія вопроса зависитъ степень взыскательности литературной критики. Ежели по изданнымъ шести біографіямъ позволено уже составить заключеніе, то мы готовы литературную часть въ *Галлереѣ* не подвергать разбору наравнѣ съ другими произведеніями словесности, считая ее случайнымъ дополненіемъ къ предпріятію чисто художническому. Мы къ этому заключенію нѣсколько приготовлены были статьею *Отечественныхъ Записокъ* (№ 4, 1841), гдѣ указано, какими непростительными ошибками испещрена біографія А. С. Пушкина. Но еще болѣе убѣдились, что біографіи *Галлереи* приложены къ портретамъ только для нѣкотораго развлеченія глазъ, пробѣжавъ статью о Крыловѣ. Между разными о немъ анекдотами, расказанными невѣрно и потому ничего не доказывающими, вотъ для примѣра одинъ. «Невозможно», напечатано въ *Галлереѣ*, «представить себѣ человѣка скромнѣе и снисходительнѣе, при такой колоссальной славѣ, на такой высотѣ литературнаго величія. Но какъ истинный философъ, онъ (Крыловъ) цѣнитъ славу въ то, чего она стоитъ для мудраго, и,

чтобы показать ея практическую безполезность (NB: есть ли какой-нибудь смыслъ въ наборѣ этихъ словъ?), онъ послалъ однажды въ бумажную лавку, находившуюся противъ оконъ его квартиры, попросить листа бумаги — *для Крылова*, предсказавъ напередъ своимъ собесѣдникамъ, что за славу люди не дадутъ и листа бумагиб езъ денегъ; и предсказаніе сбылось». Что надобно вывести изъ этого разсказа? Не то ли, что слава даетъ право требовать безъ денегъ вещей, за которыя безъ славы платятъ наличными? И какое понятіе должны бы составить читатели о Крыловѣ, если бы онъ дѣйствительно, считая себя въ правѣ брать чужія вещи безъ денегъ, презиралъ людей единственно за то, что они не хотятъ ему платить *такой справедливой дани за его славу*? Вся эта безсмыслица вышла только отъ того, что сочинитель, не позаботясь узнать дѣла, какъ оно было, замѣняетъ факты своими вымыслами [1]).

Если *Галлерея* будетъ всѣ анекдоты о великихъ людяхъ сочинять по образцу приведеннаго нами изъ нея, можно вообразить, каковы выйдутъ литературные ея портреты!

Жизнь и похожденія Петра Степанова сына Столбникова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка. Часть первая.

Вотъ еще одинъ изъ томовъ *Собранія Сочиненій Г. Ѳ. Основьяненка*. Издатель любимаго публикою автора, г. Фишеръ, неослабно дѣйствуетъ въ прекрасномъ своемъ предпріятіи — доставить намъ за самую дешевую цѣну лучшія современныя новости русской литературы. Эта первая часть *Столбикова*, заключающая въ себѣ тридцать пять главъ самыхъ живыхъ, веселыхъ, трогательныхъ, словомъ—интереснѣйшихъ разсказовъ, продается по 75 к. серебромъ: новость, о которой и не думали прежде. Мы опасаемся, что г. Фишеру не наготовить довольно изданій, если онъ

[1]) Пропускаемъ анекдотъ приведенный здѣсь въ настоящемъ его видѣ, такъ какъ онъ уже разсказанъ почти тѣми же словами выше, на стр. 89.

останется неизмѣнно при подобномъ выборѣ сочинителей и нынѣшней своей цѣнѣ книгъ. Столбиковъ превосходитъ все, что мы читали до сихъ поръ изъ сочиненій Основьяненка. Вообразите себѣ лицо добродушное, игрушку судьбы, лишившей ребенка родителей въ первомъ его дѣтствѣ; сироту, подъ вліяніемъ пронырливаго опекуна, который воспитываетъ его съ тѣмъ, чтобы онъ никогда не могъ обойтись безъ его власти; человѣка, не получившаго ни характера, ни особеннаго ума отъ природы, ни свѣдѣній отъ ученія: онъ въ службѣ, въ обществѣ, дома, въ процессѣ, въ сватовствѣ, вездѣ рабъ обстоятельствъ; чистосердечно высказываетъ глупости свои, не подозрѣвая, что онъ уморительно смѣшонъ и жалокъ; въ то же время онъ со всѣмъ простодушіемъ даетъ ясное понятіе о людяхъ, посреди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ. Нѣтъ здѣсь ни высокопарности въ изложеніи, ни натяжекъ въ вымыслахъ. Разнообразіе изумительное, черты нравовъ самыя вѣрныя.

Любовь и честь, драма въ пяти дѣйствіяхъ, *Ивельева*.

Авторъ увлекся мыслію совершенно новою: вмѣсто обыкновенныхъ пружинъ, которыми движутся драматическія лица, вмѣсто страстей огненныхъ или запутанной интриги, онъ употребилъ магнетическое стремленіе. Есть ли истина въ его соображеніи? Конечно, трудно это опровергнуть, потому что существованіе силы животнаго магнетизма не подвержено сомнѣнію. Но въ искуствѣ, которое должно быть основано на ощущеніяхъ ясныхъ и всѣмъ понятныхъ, едва ли можно употребить съ успѣхомъ побужденія темныя и безотчетныя. Впрочемъ всякое покушеніе расширить кругъ искуства замѣчательно и не должно быть пренебрегаемо, особенно если въ немъ выражается полное сознаніе автора. Мы желали бы только въ этой драмѣ видѣть болѣе простоты дѣйствія и болѣе естественнаго движенія сценъ.

Памятникъ искуствъ. Восемь книжекъ.

Привилегированная типографія Е. Фишера издаетъ отдѣльными книжками гравюры любопытнѣйшихъ вещей, гдѣ бы онѣ

ни являлись въ наше время. При картинкахъ помѣщаются подробныя ихъ описанія съ объясненіями, какъ дѣлаются самыя вещи. Мы думаемъ, что для всѣхъ, принимающихъ участіе въ успѣхахъ искуствъ, а въ особенности для жителей не столичныхъ, это изданіе есть полезнѣйшее предпріятіе. Гравюры производятся лучшими художниками и столь мастерски оканчиваются, что у насъ въ этомъ родѣ ничего не было даже подобнаго, особенно въ такомъ большомъ количествѣ. Но важнѣйшая услуга типографіи передъ публикою состоитъ въ томъ, что эти драгоцѣнныя по отдѣлкѣ коллекціи гравюръ съ описаніями продаются (какъ и всѣ книги издаваемыя конторою сей типографіи) по самой дешевой цѣнѣ.

Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова, изданныя Сергѣемъ Глинкою. Часть I.

Главная мысль г. Глинки очень полезна для нашего времени. Онъ желаетъ обратить вниманіе современниковъ на писателей предшествовавшаго столѣтія. Это тѣмъ болѣе нужно, что жажда новизны совершенно отвлекаетъ насъ отъ изученія прежнихъ литераторовъ нашихъ. Конечно, въ нихъ есть многое, что теперь утратило цѣну. Но исторія всѣхъ отраслей гражданственности представляетъ подобную постепенность. Отъ недостатка свѣдѣній въ сихъ естественныхъ переходахъ рождается опрометчивость сужденій. Если бы г. Глинка, написавшій эту книгу въ видѣ опыта, избралъ планъ болѣе обширный и остался бы вѣренъ своему предначертанію, онъ оказалъ бы великую услугу русской литературѣ.

Сказка за сказкой. I. Сержантъ Иванъ Ивановичъ, или всѣ заодно. Историческій разсказъ Н. В. Кукольника. — Упырь. Сочиненіе Красногорскаго. — Ратиборъ Холмоградскій. Сочиненіе Александра Вельтмана.

Въ теченіе іюля, августа и сентября нынѣшняго года напечатано *шестнадцать* новыхъ сочиненій въ повѣствовательномъ родѣ. Отдѣляемъ отъ этого числа три, достойныя вниманія пуб-

лики, потому что въ нихъ есть литературныя достоинства: движеніе въ разсказѣ, занимательность происшествія, краски предметовъ и — важное преимущество — слогъ. Г. Кукольникъ и г. Вельтманъ давно знакомы любителямъ русской словесности. Что касается до г. Красногорскаго — это или въ первый разъ являющееся лицо, или псевдонимъ. Все равно, книга его ничего не теряетъ отъ этого обстоятельства. Она свидѣтельствуетъ, что обязана существованіемъ своимъ таланту, конечно своенравному въ направленіи дѣятельности, но живому и ярко обрисовывающему положенія и характеры дѣйствующихъ лицъ.

Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній, *собранныя Ѳ. Студитскимъ.*

Много разъ предпринимаемы были сборники простонародныхъ русскихъ пѣсень. Между ними нѣтъ однако ни одного полнаго и вѣрнаго. Причина очевидна: на необъятномъ пространствѣ Россіи въ каждомъ уголкѣ ея вы услышите или совсѣмъ новыя выраженія радости или грусти, или даже измѣненія въ тѣхъ, кои вамъ удавалось уже слышать. Надобно, чтобы изъ каждаго края туземцы и знатоки народности начали сносить въ общую массу эти частныя сокровища. Когда опытный глазъ пробѣжитъ со всѣмъ вниманіемъ по этимъ отдѣльнымъ сборникамъ, только тогда возможно будетъ общее изданіе русскихъ пѣсень. Г. Студитскій повидимому раздѣляетъ наше мнѣніе—и вотъ почему онъ собралъ пѣсни только одного края. Его собраніе очень замѣчательно и по новости представленныхъ имъ сокровищъ и по самому изданію.

Шекспиръ. Переводъ съ англійскаго. Н. Кетчера. Выпускъ 1, 2 и 3. Король Іоаннъ. Ричардъ II. Генрихъ IV.

Переводчикъ передаетъ намъ великаго поэта прозою, съ необыкновенною отчетливостію и вѣрно. Можно сказать многое противъ прозаическихъ переводовъ поэзіи; но когда дѣло идетъ о цѣломъ поэтическомъ мірѣ, тамъ должны умолкнуть всѣ толки. Переводъ г. Кетчера будетъ *введеніемъ* въ этотъ новый для насъ

міръ. Мы должны прежде буквально познакомиться съ Шекспиромъ. Изучивъ его лексикографически, мы перейдемъ къ возсозданію живыхъ его явленій, образовъ и дѣйствій. Надобно только желать, чтобы это благородное предпріятіе увѣнчалось концомъ.

1842 [1]).

Священная исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей. Соч. А. Ишимовой.

Образованіе дѣтей такъ важно въ системѣ государственнаго благоустройства, что люди, посвящающіе сему предмету таланты свои и свѣдѣнія, заслуживаютъ особенную благодарность націи. Ни въ одномъ государствѣ, гдѣ только есть исторія, не пропущены безъ вниманія имена людей, способствовавшихъ улучшенію воспитанія. Всѣ гражданскія доблести составляютъ плодъ тщательнаго и успѣшнаго образованія дѣтей. Сочинительница разсматриваемой нами книги постоянно дѣйствуетъ на этомъ благородномъ, прекрасномъ поприщѣ. Какъ счастливо, что любовь ея къ сочиненію книгъ для дѣтей соединяется съ истиннымъ дарованіемъ въ этомъ родѣ литературы. Многіе думаютъ, что для дѣтей писать легко. Они полагаютъ, что для успѣха въ этомъ родѣ достаточно ограничиваться предметами изъ дѣтской сферы, говорить о нихъ языкомъ шутливымъ и подъ каждый разсказъ подводить нравоученіе. Это ошибочное мнѣніе и производитъ пустоту, ничтожество и безвкусіе въ книгахъ, назначенныхъ для дѣтей. Нѣтъ, сочиненіе, служащее къ образованію самаго перваго возраста, должно быть проникнуто зрѣлымъ умомъ и истиннымъ чувствомъ правды, подобно какъ самый простой разговоръ нѣжно любящей и умно мыслящей матери всегда назидателенъ и глубокъ по своимъ послѣдствіямъ. Первые опыты въ литературѣ дѣвицы Ишимовой показали, до какой степени ея призваніе несомнѣнно и замѣчательно. Началомъ трудовъ ея,

[1]) *Современникъ*, XXV, 15, 20, 25—29, 41—43; XXVI, 28, 29; 39—44, 47—58; 70—73; XXVII, 71—136; XXVIII, 52—112.

которые впослѣдствіи единодушное заслужили одобреніе, была книга въ четырехъ частяхъ: *Семейные Вечера*. Сочинительница, еще не довѣряя собственному таланту, тогда избрала себѣ въ образецъ англійскую книгу, для дѣтскаго чтенія назначенную, которую она приспособила къ нашимъ нравамъ. Самый этотъ выборъ доказалъ ея разборчивый вкусъ и тонкій умъ. Нигдѣ нѣтъ столь вѣрно и отчетливо составленныхъ для дѣтей книгъ, какъ въ Англіи. Французскія сочиненія для дѣтей бываютъ двухъ родовъ: одни можно назвать ребяческими, отъ которыхъ дѣти скучаютъ; другія написаны для дѣтей, преждевременно созрѣвшихъ. Отъ чтенія послѣднихъ прививаются къ юному поколѣнію всѣ пріемы поверхностныхъ сужденій и смѣшной, неумѣстной важности, которою такъ рѣзко отличаются въ жизни воспитанные исключительно подъ вліяніемъ французскихъ уроковъ. *Семейные Вечера* представляютъ чтеніе самое разнообразное по предметамъ, самое занимательное по взгляду въ нихъ и самое полезное по урокамъ, отпечатлѣвающимся на сердцѣ. Другое сочиненіе дѣвицы Ишимовой названо: *Разсказы Старушки*, въ двухъ томахъ. Оно уже вполнѣ проникнуто было духомъ и жизнью русскою. Особенно читателей увлекали яркія, истинныя краски предметовъ. Этими разсказами сочинительница ввела свой кругъ читателей не только въ область красоты, поражающей чувства, но и коснулась міра фантастическаго, съ изумительнымъ мастерствомъ дѣйствуя на воображеніе. Приготовивъ такимъ образомъ дѣтей къ занятію, болѣе серьезному, она представила полную *Исторію Россіи*, полную во всѣхъ отношеніяхъ. Съ появленія въ исторіи Славянъ, она вела свои разсказы хронологически, ка́къ образовалось государство въ нашемъ отечествѣ, какія измѣненія происходили въ гражданскомъ его быту, какъ оно достигло нынѣшняго высокаго своего значенія и кончила умилительною, трогательною картиною послѣднихъ минутъ Александра Благословеннаго. Но важнѣе всего, что она, первая разработывая исторію не въ частности, а во всѣхъ ея періодахъ, первая вступивши въ ближайшія къ намъ эпохи, гдѣ каждый изъ современниковъ событій справедливо счи-

таетъ себя законнымъ судіею, совершила это трудное предпріятіе съ полнымъ успѣхомъ, не бывъ предшествуема ни однимъ отечественнымъ историкомъ. Въ древней исторіи нашей она съ необыкновенною ясностію изложила самый запутанный періодъ удѣловъ и междоусобій. Въ каждомъ изъ историческихъ дѣйствователей она отличила его характеристическія черты и выраженіе физіономіи, чего наиболѣе недоставало въ нашей исторической литературѣ. Всѣ событія до великаго преобразованія въ отечествѣ, совершеннаго Петромъ I, она сжала и такъ поставила ихъ передъ зрителемъ, какъ на картинѣ ставятся предметы не-перваго плана. Несомнѣннымъ доказательствомъ справедливости этого служатъ объемы разсказовъ. Съ появленія Славянъ въ исторіи до Петра I прошло около двѣнадцати столѣтій. Всѣ ихъ событія, принадлежащія Исторіи Россіи, разсказаны на 450 страницахъ. Послѣднее же время, отъ рожденія Петра I до насъ, заключающее полтора только столѣтія, заняли въ ея разсказахъ болѣе 700 страницъ[1]). Удивительнѣе всего, что чѣмъ она ближе поступала въ нашу эпоху, слѣдовательно чѣмъ въ затруднительнѣйшее положеніе приводили ее времена и лица, тѣмъ занимательнѣе становились ея разсказы. Пусть укажутъ намъ хоть одно, не только изъ русскихъ, но и изъ иностранныхъ сочиненій, въ которомъ бы Екатерина II, Александръ I, съ группами ихъ сподвижниковъ, и особенно императрица Марія Феодоровна, изображены были столь живыми, свѣжими и вѣрными красками.

Такимъ образомъ уже прежнія сочиненія дѣвицы Ишимовой составляли въ нѣкоторомъ смыслѣ библіотеку воспитанія, въ которой мы видѣли постепенность и полноту. Теперь она является съ новымъ сочиненіемъ, которое по важности пред-

[1]) Мы потому вошли въ подробности этого обстоятельства, что въ одномъ иностранномъ журналѣ (вѣроятно не читавъ Исторіи) поставляли въ вину сочинительницѣ, зачѣмъ она безъ различія смотрѣла на древнія времена и новыя. Тамъ же замѣчено, будто въ ея Исторіи не довольно рѣзкими особенностями обозначены характеры историческихъ лицъ, чтó напротивъ и отличаетъ ея сочиненіе отъ прочихъ въ этомъ родѣ.

мета своего достойно всеобщаго вниманія. Совершивъ такъ много для дѣтей во второмъ возрастѣ, сочинительница позаботилась о дѣтяхъ перваго возраста,—а это предпріятіе едва ли не самое трудное. Чтобы написать книгу, которую бы дитя, не умѣя еще само оставаться съ нею, въ состояніи было съ удовольствіемъ и пользою слушать изъ устъ своей матери, для этого надобно изучить склонности, языкъ и чудные переливы мыслей возраста, ежеминутно разрушающаго всѣ системы наблюдателей и, такъ сказать, ускользающаго отъ нашихъ наблюденій. И чтожъ? мы нашли, что сочинительница, въ этой области дѣятельности, столько же показала таланта, какъ и прежде. Ея разговоры, какъ бы подслушанные въ устахъ самихъ дѣйствующихъ лицъ, ведены прекрасно, съ интересомъ, безпрестанно возрастающимъ. Безъ малѣйшаго затрудненія печатлѣются событія въ памяти и сердцѣ дитяти. Умъ его работаетъ и удовлетворяется.

Русская Бесѣда, собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ, издаваемое въ пользу А. Смирдина. Томъ I.

Доброе намѣреніе, съ которымъ издается *Бесѣда*, возвышаетъ цѣну хорошихъ статей, находящихся здѣсь, и даже заставляетъ смотрѣть снисходительно на самыя худыя, безъ которыхъ не обходится подобное собраніе. Притомъ же изданія въ родѣ *Бесѣды*, не могутъ быть признаваемы *книгами* въ собственномъ смыслѣ. Вотъ двѣ законныя причины, по которымъ литературная критика была бы здѣсь неумѣстна. Несравненно любопытнѣе дознаться, можетъ ли *Бесѣда* достигнуть своей цѣли. Она предназначена для вспомоществованія: слѣдовательно должна быть раскуплена въ наибольшемъ числѣ экземпляровъ. Вѣрнѣйшее средство къ достиженію послѣдняго заключалось въ изданіи какого-нибудь творенія, которое бы по содержанію своему и изложенію оказалось необходимымъ для всякой библіотеки, частной и общественной. Конечно подобная книга не можетъ быть сочинена соединенными силами всѣхъ литераторовъ, столь разномыслящихъ и разнопишущихъ. Но люди, принявшіе на себя изданіе

Бесѣды, т. е. сборъ статей, денегъ и ихъ употребленіе, могли бы разнородныя литературныя сокровища, теперь ими собранныя, размѣстить по принадлежности въ журналахъ, съ платою отъ издателей, какъ обыкновенно это дѣлается, и на сумму, собранную такимъ оборотомъ, пріобрѣсти желаемую нами книгу, въ какомъ бы то ни было родѣ, лишь бы она составляла твореніе истиннаго таланта и возбуждала къ себѣ всеобщее стремленіе, бывъ предназначена не для минутнаго перелистыванія, а для чтенія постояннаго и всегда занимательнаго. Но *Бесѣда*—не *Сто* ли это *Литераторовъ?*...

Непостижимая. Владиміра Филимонова. Пять частей.

Авторъ «Непостижимой» въ предисловіи говоритъ о романѣ своемъ слѣдующее: «Безъ сомнѣнія, изложеніе составныхъ частей его могло быть художественнѣе; но созданіе цѣлаго не можетъ быть иначе, какъ оно есть: *въ немъ нѣтъ ничего произвольнаго*». Это весьма важное для насъ показаніе. Если самъ авторъ сознается, что *изложеніе составныхъ частей могло быть художественнѣе*; то мы не открытіе бы для него сдѣлали, вздумавъ доказывать, что части произведенія его менѣе совершенны, нежели идея цѣлаго. Онъ предупредилъ нашъ судъ. Неприлично было бы теперь его допрашивать: зачѣмъ же вы не довели исполненія идеи своей до совершенства въ частяхъ? Еще важнѣе другое откровеніе: *въ созданіи цѣлаго нѣтъ ничего произвольнаго*. Теперь у насъ нѣтъ уже права анализировать, до какой степени правдоподобна, или невѣроятна основная идея его романа? Развѣ, подражая Княжнина Чванкиной, мы воскликнемъ:

«Такъ чтожъ, что ты Честонъ? Хоть знаю, да не вѣрю».

Прочитавъ романъ прежде предисловія (какъ вѣрно не одни мы дѣлаемъ), мы убѣждены были, что никто бы не захотѣлъ вымышлять подобную исторію; что ея основаніе должно быть обрѣтено въ натурѣ. Отъ того и происходитъ, что, несмотря на недоконченность отдѣлки въ частяхъ, сколько здѣсь мѣстъ, отъ ко-

торыхъ не оторвешься, отъ которыхъ приходишь въ положеніе человѣка, разрывающагося отъ своей судьбы! Но сколько ни выигрываетъ авторъ страннымъ, ужасающимъ душу сцѣпленіемъ подобныхъ обстоятельствъ, мы не желаемъ повторенія ничего въ этомъ родѣ. Сочинитель, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ осужденіе въ одномъ: ему слѣдовало бы вѣрнѣе назвать романъ свой: «Непостижимый Германъ».

Стихотворенія И. Бочарова.

Если авторъ, издавшій въ первый разъ свои стихотворенія, только что начинаетъ поприще поэзіи, отъ него можно еще ожидать чего-нибудь болѣе совершеннаго; потому что здѣсь мы не встрѣтили ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, которые разочаровываютъ будущее читателя. Если же онъ этою книжкою оканчиваетъ свои опыты, то и останется при прежней неизвѣстности Для поэзіи, кромѣ отрицательныхъ достоинствъ, нужны положительныя: самобытность, энергія и краски.

Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктпетербургской Духовной академіи Карповымъ. Часть I.

Въ 1780 году священникъ *Іоаннъ Сидоровскій* и *Матвѣй Пахомовъ* перевели на русскій языкъ эту же книгу и напечатали ее подъ заглавіемъ: *Творенія велемудраго Платона.* Книгу ихъ, какъ рѣдкость, догадливые наши книгопродавцы, еще въ 1828 году, продавали по 50 р. Теперь вѣроятно уже и нѣтъ ея въ продажѣ. Изъ этого видно: 1) что въ старое наше время едва ли не живѣе теперешняго чувствовали потребность въ глубокомысленныхъ сочиненіяхъ, потому что тогда всѣ великіе писатели древности переданы были на русскій языкъ; 2) что переводчики тогдашніе считали знаменитыхъ мыслителей древности за какихъ-то неуклюжихъ людей, обезображивая ихъ характеръ эпитетами въ родѣ *велемудраго*; 3) что потребность въ книгахъ дѣльныхъ не прерывалась никогда. Итакъ можно съ увѣренностью сказать, что трудъ профессора Карпова ни въ какомъ отношеніи не тщет-

ный. А трудъ его заслуживаетъ полное вниманіе публики. Г. Карповъ не только перевелъ съ подлинника одно изъ самыхъ возвышенныхъ и блестящихъ твореній Греціи, но и сообщилъ ему живой колоритъ и поразительную индивидуальность подлинника. Руководителями переводчика въ исполненіи столь важнаго предпріятія были лучшіе нѣмецкіе писатели: Стефанъ, Астъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ. Все, чѣмъ только должно было воспользоваться добросовѣстному ученому въ дѣлѣ одной изъ первыхъ наукъ, все было принято въ разсмотрѣніе г. Карповымъ. Такъ нѣкогда подвизался незабвенный Гнѣдичъ, переводя Иліаду. Мы отъ души желаемъ, чтобы переводчикъ Платона не встрѣтилъ какихъ-нибудь препятствій на своемъ пути, и кончилъ бы трудъ свой такъ же хорошо, какъ началъ его.

Три повѣсти г-жи Ребо. Переводъ съ французскаго Александры Зражевской.

Легкая литература занимаетъ преимущественно вниманіе переводчицы повѣстей г-жи Ребо. Этотъ родъ свойственнѣе перу дамы, нежели мужчины. Есть оттѣнки выраженій, есть живость разговора, есть простота слога, до которыхъ мужчина не додумается и которыя между тѣмъ у дамы сами являются подъ перо. Вотъ почему и обрадовались мы, что пріятныя повѣсти г-жи Ребо передала намъ г-жа Зражевская, которой мы одолжены уже множествомъ счастливо исполненныхъ переводовъ въ этомъ же вкусѣ.

Пиратъ. Соч. Марріета. Переводъ съ англійскаго. Въ двухъ частяхъ.

Разнообразныя сцены жизни, особенно простой и слѣдовательно еще болѣе неистощимой въ видоизмѣненіяхъ, очень удачно выбраны авторомъ изъ современнаго общества. Читатель увлекается безпрерывно измѣняющимися положеніями лицъ и новостію характеровъ. Впрочемъ это не высокій родъ историческихъ романовъ, которые переживаютъ всѣ временныя требованія прихотливой публики. Переводчикъ ясно выражаетъ идеи автора и вѣренъ его гибкому слогу.

Наши, списанные съ натуры Русскими. Изданіе Я. Исакова.

Судя по заглавію и разнымъ украшеніямъ изданія, многіе подумали, что оно не болѣе, какъ подражаніе французскому: «Les Français peints par eux-mêmes». Но чтеніе статей скоро всѣхъ разувѣрило въ ошибочномъ заключеніи. *Наши*—не типы, всегда скучноватые, потому что описательная проза, довольствующаяся общими чертами, не оживленными дѣйствительностію характера или событія, вообще утомительна. *Наши* ѣдутъ своею дорогой. Въ нихъ чтó лицо, то повѣсть, иногда трогательная, иногда забавная, но ни сколько не относящаяся къ общему типу сословія, означенному въ заглавіи статьи. Можетъ-быть, это и промахъ сочинителей: только читатели отъ него въ выигрышѣ. Иначе пришлось бы имъ зѣвать надъ тяжеловатыми бездѣлками французской веселости. Напротивъ того, въ *Нашихъ*, нисколько не ознакомливаясь съ истиннымъ бытомъ *водовозовъ*, *барышень* и *армейскихъ офицеровъ*, вы досыта нагорюетесь отъ бѣды, приключившейся *Пантелеймону,* который, вмѣсто того, чтобы ѣздить за водою, потащилъ тяжелую связку дровъ и упалъ на скользкой лѣстницѣ; вы полюбите отъ души *Катерину Астафьевну*, ужъ немолодую дѣвушку, которая только и переѣзжаетъ затѣмъ изъ дому въ домъ, чтобы всѣмъ услуживать; вы наконецъ потѣшитесь, слушая о похожденіяхъ г. Бубликова, который такъ простъ, что самъ на себя насказываетъ преуморительныя небылицы. Въ типахъ сочинители не могли бы предаться этому индивидуальному интересу: они охолодили бы свои разсказы безцвѣтностію и безжизненностію родовыхъ качествъ. Мы удивляемся, что *Наши* пріостановились выходомъ обѣщанныхъ во множествѣ типовъ. Отъ чего же *Сто двадцать сказокъ* и *сказка за сказкой* издаются? Не выгоднѣе ли будетъ для издателя типы печатать подъ ихъ собственнымъ названіемъ, или соединить съ которымъ-нибудь изъ означенныхъ изданій: московскимъ, или санктпетербургскимъ? Очень много литература потеряетъ, если это предпріятіе не достигнетъ конца своего.

Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Ег. Ковалевскаго. Съ рисунками и картами.

Между владѣніями Турціи и Австріи находится уголокъ земли, заселенный славянскимъ племенемъ. Онъ содержитъ въ себѣ не съ большимъ сто двадцать тысячъ жителей, которые отличаются воинственнымъ характеромъ, будучи принуждены защищать независимость свою. Многія черты патріархальнаго быта отличаютъ эту область отъ прочихъ европейскихъ земель. Въ семейной жизни Черногорцы удивляютъ путешественника дикостью нравовъ своихъ. Разсматриваемая нами книжка посвящена изображенію этой малоизвѣстной земли. Въ подробностяхъ сочинителя очень много занимательнаго, что́ приписать надобно вѣрности и яркости красокъ, схваченныхъ авторомъ въ самой жизни изображаемыхъ имъ предметовъ.

Финляндія и Финляндцы. Соч. Ѳ. Дершау.

Авторъ начинаетъ предисловіе свое слѣдующими словами: «До сихъ поръ въ Россіи еще не было издано ни одного сочиненія о Финляндіи, которое бы дало о ней точное и ясное понятіе». Наши читатели никакъ не согласятся съ нимъ. Они вспомнятъ книгу, въ которой гораздо обстоятельнѣе изображена Финляндія, нежели это можно сдѣлать въ брошюрѣ [1]).

Сверхъ того *Современникъ,* съ самаго поступленія своего въ нынѣшнюю редакцію, почти ежегодно представлялъ статьи о Финляндіи, которыхъ занимательность содержанія и оразцовая отчетливость въ частяхъ давно возбудили въ читателяхъ, умѣющихъ цѣнить литературно-ученое дѣло, справедливое уваженіе къ ихъ автору. Книжка г. Дершау, раздѣлена на 12 главъ, заключающихъ въ себѣ, безъ строгой системы, коротенькія замѣтки о нѣсколькихъ городахъ и другихъ предметахъ, попадавшихся подъ перо автору. Нѣкорыя изъ этихъ главъ были напе-

---

[1]) Здѣсь разумѣется Статистическій очеркъ Великаго княжества Финляндіи, переводъ съ нѣмецкаго. Если не ошибаемся, это было сочиненіе профессора Рейна, переведенное его сослуживцемъ Соловьевымъ. *Я. Г.*

чатаны въ русскихъ газетахъ. Мы никакъ не отвергаемъ пользы подобныхъ описаній, но думаемъ, что для труда, который бы вполнѣ достоинъ былъ своего предмета, надобно обстоятельнѣе изучить поедметъ и глубже войти въ его сущность.

Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Сочиненіе Владиміра Строева. Двѣ части.—Римъ (Отрывокъ). Сочиненіе Н. Гоголя.

Мы сблизили эти два сочиненія не безъ причины: въ послѣднемъ тоже есть описаніе Парижа; оно занимаетъ 9 страницъ, Только странно, что на *девяти* страницахъ гораздо болѣе сказано, нежели на 437. Таково могущество великаго таланта. Вотъ почему иногда длинный и повидимому оживленный остроуміемъ и веселостію разсказъ говоруна слабѣйшее оставляетъ впечатлѣніе въ душѣ присутствующихъ, нежели одинъ безмолвный взглядъ мыслящаго человѣка. Часто даже въ шуткѣ геніальнаго писателя заключаетея большее число истинъ, нежели въ безконечномъ трактатѣ судьи-компилатора. Это чувствуешь невольно, освободясь отъ парижскихъ сценъ, тянущихся по двумъ томамъ, и встрѣтивъ въ другомъ сочиненіи четыре стиха Альфіери о Французахъ:

Tutto fanno, nulla sanno;
Tutto sanno, nulla fanno:
Giravolta son Francesi,
Più gli pesi, men ti danno.

Не думаемъ, чтобы читатели наши пожалѣли, если мы, освободивъ ихъ отъ душныхъ улицъ Парижа, выведемъ въ окрестности Рима и покажемъ имъ четыре картины въ томъ видѣ, какъ изобразилъ ихъ г. Гоголь. Передъ этой полнотою души, спокойствіемъ созерцанія, гармоніею предмстовъ и частей ихъ, передъ этимъ живописно-краснорѣчивымъ слогомъ, что значатъ всѣ усилія модной, звонкой, но мелочной и утомительной литературы?

«Прекрасны были эти нѣмыя, пустынныя римскія поля, усѣянныя останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокой-

ствомъ разстилавшіяся вокругъ, гдѣ пламенѣя сплошнымъ золотомъ отъ слившихся вмѣстѣ желтыхъ цвѣтовъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угля отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Они представляли *четыре* чудные вида на четыре стороны. Съ *одной* соединялись они прямо съ горизонтомъ одною рѣзкой ровною чертой; арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ бы наклеенными на блестающемъ серебряномъ небѣ. Съ *другой* надъ полями сіяли горы, не вырываясь порывисто и безобразно, какъ въ Тиролѣ или Швейцаріи, но — согласными плывучими линіями выгибаясь и склоняясь, озаренныя чудною ясностію воздуха— онѣ готовы были улетѣть въ небо. У подошвы ихъ неслася длинная аркада водопроводовъ подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась воздушнымъ продолженіемъ чуднаго зданія, и небо надъ ними было уже не серебряное, но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ *третьей*, эти поля увѣнчивались тоже горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами, и легкими уступами уходя въ даль. Въ чудную постоянность цвѣтовъ облекалъ ихъ тонкій голубой воздухъ; и сквозь это воздушно-голубое ихъ покрывало сіяли чуть примѣтные дома и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тронутые солнцемъ, гдѣ уходящіе въ свѣтлую мглу пылившихся вдали, чуть примѣтныхъ рощъ. Когда же обращался онъ (наблюдатель) вдругъ назадъ, тогда представлялась ему *четвертая* сторона вида: поля оканчивались самимъ Римомъ. Сіяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Іоанна и величественный куполъ Петра, выростающій выше и выше по мѣрѣ отдаленія отъ него и властительно остающійся наконецъ одинъ на всемъ полгоризонтѣ, когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще любилъ онъ оглянуть эти поля съ террасы которой-нибудь изъ виллъ Фраскати, или Альбано, въ часы захожденія солнца. Тогда они казались необозримымъ моремъ, сіявшимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы: отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала они еще казались зеленоватыми, и по нимъ еще виднѣлись тамъ и тамъ

разбросанныя гробницы и арки, потомъ они сквозили уже свѣтлой желтизною въ радужныхъ оттѣнкахъ свѣта, едва выказывая древнія остатки, и наконецъ становились пурпурнѣй и пурпурнѣй, поглощая въ себѣ и самый безмѣрный куполъ и сливаясь въ одинъ густой малиновый цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурнаго, такъ же какъ и они, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случалось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя подобно небу. Долго, полный невыразимаго восхищенія, стоялъ онъ передъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, позабывъ все, когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ, и еще быстрѣе потухали вмигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами подымались огнистыми фонтанами свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое насѣкомое, несущееся стоймя какъ человѣкъ, извѣстное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи. Тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже прохватывалъ его всего, и спѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки».

Два призрака. Романъ. Соч. Ѳ. Фанъ-Дима [1]*). Четыре части.*

Сочинитель, какъ можно заключить по многимъ мѣстамъ въ его книгѣ, не успѣлъ еще вполнѣ ознакомиться съ литературными идеями художнически; не отличаетъ общихъ и постоянныхъ истинъ искуства отъ мнѣній частныхъ, случайныхъ и поминутно измѣняющихся; онъ принимаетъ юношескія впечатлѣнія за убѣжденіе всемірное—и потому говоритъ такъ же простосердечно и странно, какъ не обжившійся въ свѣтѣ человѣкъ, желающій неопытность свою прикрыть твердостью голоса и рѣшительностію сужденій. Надобно думать, что со временемъ все перемѣнится въ г. Фанъ-Димѣ: и образъ мыслей, и господство теперешняго

[1]) Псевдонимъ г-жи Кологривовой, болѣе извѣстной переводомъ Дантова *Ада*. *Я. Г.*

вкуса, и видимо у другихъ заимствованный имъ языкъ. Замѣтно, что онъ преимущественно любитъ раздроблять и выяснять свои понятія. Это должно довести его наконецъ до основательнаго уразумѣнія чистыхъ началъ того прекраснаго искуства, которымъ онъ занимается съ любовію, не безъ таланта, но еще безъ строгой отчетливости. Самый романъ, т. е. развитіе частной жизни въ сценахъ, много принялъ въ себя недостатковъ отъ главнаго настроенія, которое мы замѣтили въ духѣ автора. Иначе, какъ объяснить страшную несоразмѣрность между дѣйствіемъ, внесеннымъ въ разсказъ, и длинотою этого разсказа? Какъ объяснить поминутно являющіяся цѣлыя страницы, написанныя изысканнымъ до невѣроятности языкомъ?

Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Русская быль временъ Екатерины II. Сочиненіе М. Загоскина. Въ четырехъ частяхъ.

Быль не романъ. Она не подлежитъ прихоти правилъ, установленныхъ теоріею искуства для произведеній, въ которыхъ и форма и содержаніе освящены вѣчными образцами. Вотъ почему нельзя строго взыскивать съ Кузьмы Петровича, что онъ столько поколѣній ввелъ въ свою сферу. Конечно, лучше бы изъ всего этого извлечь существенное для художническаго созданія, или разложить на нѣсколько особыхъ сочиненій. Но авторъ, оградивъ свое произведеніе отъ критики особенностію названія, исполнилъ дѣло, какъ ему захотѣлось. Направленіе тонъ, краски и языкъ выдержаны въ немъ совершенно согласно съ прежними его романами.

Автоматъ. Соч. И. Калашникова. Въ двухъ частяхъ.

Романъ повидимому сочиненъ для доказательства истины нѣкоторыхъ мнѣній автора, и потому недостаетъ въ немъ истины жизни. Поболѣе простоты въ дѣйствіяхъ, поменьше украшеній въ выраженіяхъ — и сочиненіе могло бы достигнуть даже предположенной авторомъ цѣли.

Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ, или какъ выдти въ люди. Сочиненіе Е. Г. Въ четырехъ частяхъ.

Выборъ героя для изображенія современныхъ нравовъ очень удаченъ. Теперь безпрестанно попадаются люди съ *высшими*, какъ привыкли они про себя говорить, взглядами. Но картины жизни и дѣйствій такого героя требовали кисти вѣрной, благородно-комической и опытной, чего мы не замѣтили въ романѣ Е. Г.

Стихотворенія Аполлона Майкова.

Вотъ книга, которую долго перечитывать будутъ всѣ чувствующіе поэзію и понимающіе глубокій ея смыслъ. Въ истинной поэзіи, въ какой бы формѣ ни явилась она, нѣтъ произведеній для минутнаго удовольствія: все въ ней значительно, полно и неизмѣнно хорошо. Стихотворенія г. Майкова представляютъ блестящій рядъ то сильно почувствованныхъ высокихъ мыслей, то ясно обдуманныхъ поэтическихъ очущеній. Онъ въ направленіи своемъ, въ идеяхъ, въ образахъ, раздробленіи понятій, въ украшеніяхъ языка — во всемъ идетъ независимо отъ современнаго поколѣнія молодыхъ поэтовъ. Для него міръ красоты, граціи, высокости цвѣтетъ еще въ томъ неизмѣнно-привлекательномъ видѣ, которымъ проникнуты были истинные поэты всѣхъ образованныхъ народовъ. Особенно, судя по вѣрности умопредставленій, сочувствуетъ онъ съ антологическими поэтами Греціи, какъ сочувствовалъ съ ними Дельвигъ, а судя по музыкальному, воздушно-прозрачному стиху, съ Батюшковымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ и А. Шенье. Не подумайте, что онъ подражаетъ имъ. Онъ только не рознитъ съ ихъ настроеніемъ. Мы увѣрены, что люди, по призванію отдавшіеся поэзіи, всегда и вездѣ будутъ въ гармоніи съ лучшими, истинными ея представителями. Мода господствуетъ только для мелкихъ дѣлъ и для мелкихъ умовъ. Все самобытное, возникнувшее независимо въ безсмертной душѣ, гдѣ бы оно ни отозвалось, вѣчно будетъ внятно, просто, истинно и прекрасно. У г. Майкова напечатано теперь 87 стихотворе-

ній. Кромѣ одного, всѣ они не большаго объема по количеству стиховъ, но нѣтъ между ними стихотвореній безъ значимости для художническаго чувства. Въ доказательство мы приводимъ одну изъ такихъ пьесъ, которая менѣе всего, судя по ея содержанію, могла быть назначаема въ представительницы книги—и увѣрены, что истинные цѣнители поэзіи раздѣлятъ наше мнѣніе объ ея авторѣ.

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно....
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ.
Не плющъ и не цвѣты віются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила.... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цалуешь звонко, нѣжно!

Повѣсти въ стихахъ, Елисаветы Шаховой. 1) Перстъ Божій. 2) Страшный Красавецъ. 3) Изгнанникъ и—Эпилогъ.

О стихотворческомъ талантѣ дѣвицы Шаховой мы уже высказали наше мнѣніе [1]). Съ тѣхъ поръ прошло ровно два года: періодъ, очень значительный для молодого таланта, если онъ дѣйствуетъ съ тою же энергіею, съ которою вышелъ въ первый

[1]) См. выше, стр. 286.

разъ на поприще. Между тѣмъ не рѣдко случается, что и по истеченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ талантъ не показываетъ новыхъ, замѣтныхъ шаговъ къ новымъ успѣхамъ въ искуствѣ. Чаще всего это бываетъ у насъ въ столицахъ, посреди развлеченій пріятныхъ, или заботъ скучныхъ. Въ изданныхъ теперь стихотвореніяхъ дѣвицы Шаховой пріятно замѣтить то, что она болѣе прежняго сосредоточиваетъ поэтическія свои мечты и осуществляетъ ихъ не отрывчато, а въ полномъ какомъ-нибудь дѣйствіи. И это уже успѣхъ. Но до сихъ поръ она не одолѣла трудностей въ языкѣ, который у опытныхъ поэтовъ получаетъ въ сліяніи не только фразъ, словъ, но и звуковъ особенно граціозную форму, выразительность, крѣпость и власть убѣжденія.

Меньшиковъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Нѣелова.

Авторъ заслужилъ уже и тѣмъ благодарность нашу, что предметомъ труда своего избралъ лицо изъ отечественной исторіи. Ничто такъ не благотворно для успѣховъ литературы, какъ обработка этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Въ драмѣ г. Нѣелова много занимательныхъ частностей, которыя говорятъ въ пользу его предпріятія. Конечно для исторической драмы всегда останется довольно другихъ воззрѣній, другихъ видовъ; но исполненіе благоразумное и съ участіемъ къ дѣлу уже существенная заслуга. Надобно думать, что другіе опыты автора, если онъ не охладѣетъ къ искуству, раскроютъ для него многое въ тайнахъ представленій историческихъ. Между тѣмъ появленіе Меньшикова мы должны причислить къ произведеніямъ самымъ пріятнымъ современной литературы русской.

Литературный кабинетъ. Труды артистовъ императорскихъ московскихъ театровъ (слѣдуетъ 23 имени). *Двѣ части.*

Пріятная новость: сценическіе артисты являются въ ряды литераторовъ. Мы увѣрены, что отъ взаимнаго сближенія обѣ стороны выиграютъ. Первый опытъ конечно ничего еще рѣшительнаго не вноситъ въ литературу. Но важенъ первый шагъ.

Три комедіи для дѣтей. Сочиненіе Анны Зонтагъ.

Немного у насъ писательницъ, которыя бы, въ своей сферѣ, такъ понимали и исполняли литературныя обязанности, какъ г-жа Зонтагъ. Ей одолжены дѣти почти цѣлою библіотекою для чтенія въ первомъ и второмъ возрастѣ. Новое сочиненіе ея отличается опять прекраснымъ содержаніемъ и — что всего важнѣе — живымъ, увлекательнымъ изложеніемъ, чего безъ рѣшительнаго таланта ничѣмъ не достигнешь. Книги подобнаго достоинства навсегда остаются украшеніемъ и неизмѣннымъ сокровищемъ всякой библіотеки. Нѣтъ нужды говорить, что въ каждомъ семействѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія новыхъ сочиненій такихъ писательницъ, каковы: г-жа Зонтагъ или дѣвица Ишимова.

Нравоучительныя повѣсти и притчи (избранныя изъ Круммахера).

Переводомъ ихъ литература наша обязана достопочтенному протоіерею В. Б. Бажанову, который посвятилъ свою книжку Е. И. В. государынѣ великой княжнѣ Маріи Михаиловнѣ. Ничего нельзя представить чище, граціознѣе и убѣдительнѣе этихъ повѣстей, этихъ душистыхъ цвѣтковъ, изъ которыхъ отъ каждаго вѣетъ благоуханіемъ нравственности и благочестія. Такъ надобно выбирать предметы для уроковъ нравоученія, такъ ихъ разсматривать и такъ о нихъ говорить. Переводчикъ вполнѣ оцѣнилъ прелесть оригинала и пересадилъ эти иноземные цвѣтки на русскую почту въ ихъ первоначальной красотѣ и свѣжести, не обронивъ и листка.

Оливеръ Твистъ. Романъ Диккенса. Переводъ съ англійскаго. А. Горкавенко.

Занимательность романовъ Диккенса основывается на вѣрномъ изображеніи обыкновеннаго быта и простыхъ нравовъ. Въ искуствѣ этотъ родъ не восходитъ до первостепенной красоты; но для него всегда много страстныхъ поклонниковъ. Диккенсъ не употребляетъ во зло естественнаго направленія таланта своего,

подобно нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ писателей французской школы — и потому дѣйствительно съ удовольствіемъ и даже съ пользою можно читать его. Русскій переводъ соотвѣтствуетъ достоинству подлинника.

Чудныя похожденія Петра Шлемиля. Сочиненіе Адельберта фонъ Шамиссо. Съ четвертаго изданія перевелъ Левъ Самойловъ. Съ шестью литографированными картинками.

Сказка Шамиссо, какъ доказывается многократными ея въ Германіи изданіями, пользуется большою народностію въ кругу нѣмецкихъ читателей. Самъ авторъ, изъ числа новѣйшихъ писателей, заслужилъ въ Германіи завидную извѣстность какъ поэтъ и какъ прозаикъ. Онъ вообще доступенъ читателямъ разнаго вкуса и образованія. У него много врожденнаго остроумія, много шутливости и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомыслія. Выборъ переводчика палъ счастливо, а трудъ исполненъ вполнѣ удачно.

Сочиненія Гёте. Выпускъ первый.

Величайшіе два генія Европы Шекспиръ и Гёте — въ одно время у насъ являются теперь въ русскомъ переводѣ. Достигнутъ ли конца эти два знаменитыя предпріятія—зависитъ преимущественно отъ публики. Впрочемъ и переводчики значительно могутъ сами содѣйствовать своему успѣху. Не говоря о достоинствѣ перевода (безъ чего странно было бы и начинать столь важное дѣло), нужно постоянство въ любви къ труду, послѣдовательность въ исполненіи и отстраненіе отъ высокаго занятія всѣхъ мелочей эгоизма, къ сожалѣнію столь обыкновенныхъ въ нашей современной литературѣ.

Денница ново-болгарскаго образованія. Сочиненіе Василія Априлова, изданное имъ на своемъ иждивеніи въ пользу Габровскаго училища. Часть первая.

Авторъ, въ предисловіи къ своему сочиненію, говоритъ: «Цѣль сочиненія, предлагаемаго мною благосклонному взору читателя, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать извѣстными начало и развитіе

вновь возникающей ново-болгарской образованности и познакомить Русскихъ съ тѣмъ изъ племенъ славянскихъ, которое еще издревле было съ ними въ ближайшемъ родствѣ, и которое теперь, говоря вообще, стало мало имъ извѣстно. Доселѣ вниманіе русскихъ ученыхъ обращено было преимущественно на Славянъ западныхъ, потому, можетъ-быть, что, живя среди образованнѣйшихъ племенъ Европы, племена эти выказывались наблюдателю сами собою, какъ бы противъ его собственной воли. Не то было съ Болгарами, народомъ, живущимъ въ отдаленіи отъ европейской цивилизаціи, у подошвъ обѣихъ сторонъ Балкана, въ странѣ, лишь недавно озаренной отблесками русскихъ штыковъ, народомъ, который страждетъ подъ всей тяжестью варварства, но который не менѣе всѣхъ прочихъ славянскихъ племенъ имѣетъ право на извѣстность. Русскіе лишь мало по малу узнавали Болгаръ, еще болѣе потому, что сіи послѣдніе, по необразованности своей, не умѣли дать имъ должнаго понятія о себѣ. Съ другой стороны, общежитіе ихъ съ народомъ христіанскимъ, столь же злополучнымъ и угнетеннымъ, не могло дать имъ ни малѣйшаго понятія о ихъ самобытности. Греки, если и успѣли въ чемъ-либо, если и получали возможность образовывать себя, то сіе дѣлалось собственно для нихъ самихъ. Они домогались національности. Сдѣлать что-либо для Болгаръ они не могли, а можетъ-быть и не хотѣли. Притомъ противоположность языка, нравовъ, обычаевъ и видовъ отдѣляла одинъ народъ отъ другого. Напротивъ, сами Болгаре, по природному чувству, склонны были простирать руку къ своимъ братьямъ, Славянамъ. Святая вѣра укрѣпляла ихъ въ сей надеждѣ на единокровныхъ, но отчасти сами они не умѣли воспользоваться симъ средствомъ, отчасти и сами единовѣрцы, къ сожалѣнію, мало обращали на нихъ вниманія. Впрочемъ, если разсмотрѣть внимательно историческія обстоятельства, то увидимъ, чтонитого, ни другого быть не могло. Молодому ученому русскому, *Венелину*, предоставлено было вывесть на сцену неизвѣстное задунайское племя Славянъ и познакомить съ нимъ единовѣрныхъ братьевъ. *Венелинымъ*

сдѣланъ первый шагъ, обѣщающій многое; но завѣтъ продолжать начатое болѣе всего лежитъ на сердцѣ самихъ Болгаръ. Они-то должны первѣе всего вытти на это поприще, хотя къ сожалѣнію должно сказать, что они спятъ крѣпкимъ сномъ. Если кое-гдѣ и покажется образованный болгаринъ, то онъ, получивъ воспитаніе между Греками, и напитавшись духомъ эллинизма, отступаетъ отъ своего рода и хочетъ слыть грекомъ, скрывая свое происхожденіе. Ихъ-то примѣру слѣдуютъ и разбогатѣвшіе купцы. Образованность и богатство, два пособія, могущія щедрою рукою питать народность, отъемлются нечувствительнымъ образомъ у народа, который, оставаясь въ темнотѣ и нищетѣ, томится въ невѣжествѣ. переходящемъ изъ рода въ родъ. Такимъ образомъ изъ самихъ же Болгаръ люди жалкіе, почитая за стыдъ именовать себя Болгарами и Славянами, были причиною того, что народность не развилась. Должно побѣдить сей предразсудокъ и искоренить зло. Да позволено же мнѣ будетъ дать тому первый примѣръ. Счастливъ буду я, если мои соотечественники поймутъ меня и возлюбятъ родное, національное. Тогда увидимъ мы Славянъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ географами и статистиками, по ошибкѣ и по невѣдѣнію Болгаръ, показаны жители другихъ племенъ. Сколь склонны Болгаре къ призванію образованности, покажетъ эта книга, описывающая слабымъ перомъ ихъ порывъ къ просвѣщенію національному. Желаніе мое не выказывать свою ученость и прослыть писателемъ—я не жажду сей славы. Желаніе мое, моя цѣль состоятъ въ томъ, чтобъ быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ, сдѣлать добро, поощрить ихъ на пути къ образованію. Скажу просто: Quid potui feci, faciant meliora potentes. Изъ этой книги Русскіе узнаютъ стремленіе Болгаръ къ образованію, а Болгаре воспослѣдуютъ примѣру прочихъ своихъ братьевъ, примѣру, столь похвальному и столь лестному для ихъ будощности». Все, что ни обѣщалъ авторъ въ предисловіи, наилучшимъ образомъ исполнено имъ въ самой книгѣ. Ея текстъ размѣщенъ въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ первомъ излагается хотя кратко, но удовлетворительно для связи съ главнымъ пред-

метомъ, политическая исторія народа болгарскаго. Самая любопытная часть въ этомъ отдѣленіи содержитъ ученыя разысканія автора касательно происхожденія первыхъ переводчиковъ Библіи на славянскій языкъ, а равно и догадки его о томъ нарѣчіи, на которое она была переведена. Для славянскихъ филологовъ тутъ много открывается новыхъ соображеній. Второе отдѣленіе, начинающееся изображеніемъ состоянія Болгаріи со временъ владычества въ ней Турокъ, преимущественно посвящено подробностямъ о распространеніи просвѣщенія въ Болгаріи. Эти подробности такъ занимательны, такъ отчетисты и представляютъ такія черты благодушія и искренности, чтобъ безъ сердечнаго участія нельзя читать ихъ. Вообще видно, что авторъ, исполненный патріотизма, остается вездѣ вѣренъ истинѣ. Въ доказательство приведемъ его слова о покойномъ султанѣ Мухмудѣ II: «Посредствомъ промысловъ и торговли съ Россіею, Австріею, Валахіею, Молдавіею, Анатоліею и Константинополемъ, торгующіе Болгаре получали разныя свѣдѣнія и образовали себя по возможности. Русская кампанія съ Турціею въ 1812 году придала имъ еще болѣе желанія къ образованію, а война 1829 года, усмиривъ духъ *Османовъ*, служила къ свободному развитію ихъ духовныхъ способностей. Но при всемъ томъ фанатическая ненависть Турковъ къ христіанамъ не уменьшилась бы, если бы покойный султанъ Махмудъ II не принялъ другой политики и не истребилъ бы неспокойныхъ и яростныхъ янычаръ. Хотя сей памятный и много сдѣлавшій для своихъ подданныхъ государь и не уравнилъ формальнымъ манифестомъ состояніе всѣхъ сословій и завѣщалъ такой подвигъ своему сыну и преемнику, нынѣ царствующему Абдулъ-Меджиду, но, по истребленіи янычаръ, онъ вводилъ уже европейскую цивилизацію и при всякомъ случаѣ изъяснялся, что никакой разницы не полагаетъ между своими османскими и другихъ исповѣданій подданными. Въ путешествіи своемъ, въ 1827 году, чрезъ Болгарію и Румелію, султанъ вездѣ принималъ турецкихъ и христіанскихъ депутатовъ съ равною снисходительностію. Онъ прямо объявлялъ имъ чрезъ своего переводчика, что

всѣхъ считаетъ равно своими дѣтьми и не полагаетъ никакого различія между ними. Онъ позволялъ народонаселенію выходить къ нему на встрѣчу и привѣтствовать его рѣчами. Бывшій при проѣздѣ султана (8 мая 1827) чрезъ Габрово, тогдашній учитель Габровской школы, Хажи Захарій Петровъ, вывелъ всѣхъ учениковъ предъ султаномъ, и самъ произнесъ ему слѣдующую рѣчь: «*О, сколько мы блаженны сегодня, провидѣвши нашего превеликаго и премилостиваго государя! Присоединитесь всѣ помолиться съ усердіемъ нашему Создателю, Богу, чтобы живъ былъ на многія лѣта нашъ пречестнѣйшій царь, султанъ Махмудъ! чтобы Богъ умножилъ его царство, превратилъ бы каждый день его жизни въ тысячу дней, и чтобы онъ во вѣки вѣковъ не утерялся; ибо отцы наши не видывали такого покоя, ни даже не слыхали, а мы, яко чада любезныя нашего честнѣйшаго царя, живемъ спокойно. Такъ и нашъ честнѣйшій царь, какъ солнце, сіяетъ по цѣлому свѣту, и есть отецъ каждому племени. Для того мы всѣ, твои подданные, молимся Богу, да даруетъ тебѣ живота побольше, и умножитъ царство твое, чтобы тебя отъ непріятелей освободить. Воистину, никто другой, кромѣ вашего превеличества, не можетъ принять правленія сего свѣта въ свою руку, чтобы управлять царствомъ. По симъ причинамъ мы много благодарны вашему величеству за пришествіе ваше въ наше время къ намъ, чтобы насъ подобно отцу усмотрѣть. Да не отъемлетъ Богъ десницу Свою отъ васъ, но да препроводитъ васъ спокойно до самой вашей столицы. Но и величество ваше да не отъемлетъ свою десницу отъ вашихъ вѣрноподданныхъ. Аминь*». Рѣчь сія выслушана была султаномъ благосклонно. Жители всѣхъ мѣстъ явно чувствовали измѣненіе въ прежнемъ порядкѣ дѣлъ. Всѣ издержки путешествія были уплачиваемы изъ султанской казны, а при отъѣздѣ изъ Габрова онъ оставилъ бѣднымъ милостыню въ 3,000 левовъ». Авторъ издалъ свою книгу въ пользу Габровскаго училища. Основаніе этого заведенія, которое и поддерживается отчасти ежегодными взносами автора, топографія мѣстечка Габрова, и множество другихъ подробностей о пред-

метахъ, еще такъ мало извѣстныхъ въ литературѣ и даже въ исторіи, до такой степени любопытны, что чтеніе *Денницы* всякому благомыслящему человѣку должно доставить большое удовольствіе. За текстомъ книги (историческою частію) слѣдуютъ примѣчанія, т. е. подробнѣйшіе разсказы о нѣкоторыхъ предметахъ, названныхъ въ текстѣ. Но какъ, по новости содержанія книги, самыя примѣчанія требовали новыхъ объясненій, указаній, цитатъ, и проч., то авторъ присоединилъ къ примѣчаніямъ еще и на нихъ примѣчанія. При концѣ книги находится очень полезная статья: *Указатель лицъ, географическихъ именъ и замѣчательныхъ предметовъ.*

Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы съ октября 1841 по апрѣль 1842 Л. Бранта. Изданіе книгопродавца Ю. Юнгмейстера.

Издатель этой брошюры, книгопродавецъ Ю. Юнгмейстеръ, напечатавъ очеркъ г. Бранта, оказалъ услугу нуждающимся въ руководствѣ при выборѣ новыхъ книгъ. Такъ нѣкогда, печатавъ на своемъ иждивеніи *Библіотеку для чтенія*, книгопродавецъ Смирдинъ поручалъ ея редакціи передавать читающей публикѣ разборы книгъ, которыя преимущественно продаются въ его лавкѣ. Заграничные книгопродавцы давно подобнымъ образомъ ведутъ свою торговлю: у всякаго изъ нихъ есть опытный рецензентъ для пользы общей и вмѣстѣ частной. Впрочемъ въ самомъ похвальномъ предпріятіи иногда невозможно избѣжать *неудобствъ,* по крайней мѣрѣ *наружныхъ.* Напримѣръ, и здѣсь. Библіографическіе отзывы, когда ихъ издаютъ сами книгопродавцы, теряютъ равновѣсіе между собою къ ущербу литературной гармоніи; потому что авторъ естественно увлекается въ подробности о сочиненіяхъ, которыя поступили въ преимущественное владѣніе его книгопродавца. Это у г. редактора *Библіотеки для чтенія* было замѣтно при объявленіяхъ о романахъ г. Зотова, хотя всѣ чувствовали, что въ нихъ не болѣе красотъ, какъ и въ романахъ прочихъ современныхъ повѣствователей. Другое неудобство то,

что въ книжкѣ, на которой крупными буквами въ заглавіи выпечатано: *изданной*, на прим., *г. Юнгмейстеромъ*, или *г. Смирдинымъ*, читатель встрѣчаетъ непремѣнно фразы въ родѣ слѣдующихъ (*Опытъ библ. обозрѣн.* стран. 13): «Молодой книгопродавецъ нашъ Ю. А. Юнгмейстеръ, въ продолженіе одного года снискавшій себѣ довѣріе и расположеніе публики, оказалъ ей большую услугу. Прибавьте къ этому неимовѣрно дешевую цѣну, назначенную издателемъ, и вы согласитесь съ нами, что полезное предпріятіе г. Юнгмейстера заслуживаетъ особенной благодарности; какъ русскій нѣмецъ, онъ ничего лучшаго не могъ придумать для своего книгопродавческаго дебюта». Надобно еще принять въ соображеніе, что г. Брантъ, не такъ давно начавъ заниматься разборомъ книгъ, не пріобрѣлъ столько навыка и развязности въ этомъ тонкомъ дѣлѣ, какъ рецензентъ *Библіотеки для чтенія*. И потому въ *Библіотекѣ для чтенія* еще замѣтнѣе было для читателей опытное краснорѣчіе въ пользу ея издателя. Но такъ какъ всѣ эти неудобства чувствительны только для небольшого числа въ публикѣ, то можно ихъ и допустить, если они выкупáются пользою рецензій для остальной части читателей. Дѣйствительно: *Опытъ библіографическаго обозрѣнія*, если гг. Брантъ и Юнгмейстеръ постоянно будутъ продолжать его, распространитъ по Россіи не менѣе свѣдѣній о новыхъ книгахъ, какъ распространила и *Библіотека для чтенія*.

Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ.

Здѣсь авторъ *Опыта библіографическаго обозрѣнія* помѣстилъ свои замѣчанія о разныхъ журналахъ нашихъ, преимущественно литературныхъ: итакъ можно сказать, что эта брошюра есть дополненіе къ вышеозначенному *Опыту*. Общее заключеніе статьи состоитъ въ томъ, что всѣ наши журналы *«очень и очень хороши»* (стран. 1). Мнѣніе свое авторъ подтверждаетъ слѣдующимъ силлогизмомъ: «Всякая статья, назначаемая для печатанія въ журналѣ, подвергается предварительно строгому суду редактора, а иногда передѣлкѣ, или, по крайней мѣрѣ, обработкѣ; а какъ почти

всѣ гг. редакторы періодическихъ изданій нашихъ люди умные, многосвѣдущіе, болѣе или менѣе, но замѣчательно даровитые: слѣдовательно и проч. (Тамъ же)». Столь серьёзный отзывъ г. Бранта о журналахъ не помѣшалъ ему украсить частныхъ его рецензій самыми веселыми и граціозными шутками касательно разныхъ предметовъ, чтó впрочемъ не противорѣчитъ его главному мнѣнію о журналахъ, а только оживляетъ сужденіе о нихъ. Вотъ образцы: *Игривая неправда* есть одно изъ отличительныхъ качествъ *Библіотеки для чтенія* (стран. III). *Антаръ* (повѣсть сочиненія г. Сенковскаго, заимствованная у какаго-то восточнаго писателя, какъ многіе подозрѣваютъ, по словамъ г. Бранта) *и Сенковскій никогда не являются воображенію отдѣльно* (стр. IV). Хотя гг. критики, помѣщающіе свои разборы въ *Отечественныхъ Запискахъ*, отличаются несомнѣнными дарованіями, большою начитанностію, разнообразными свѣдѣніями и любовію къ высшей истинѣ; но они, въ забаву черни, острятся надъ своими собратами, и такимъ образомъ унижаютъ всѣхъ пишущихъ, слѣдовательно и самихъ себя: а потому имъ совѣтуется оставить дурной тонъ и неприличное обращеніе съ авторами (стран. IV и V). *И. И. Панаевъ*, печатающій свои повѣсти въ *Отечественныхъ Запискахъ*, названъ «*злымъ и мѣткимъ сатирикомъ современнаго русскаго общества въ* нулевыхъ *его представителяхъ* (Тамъ же). Разсматривая журналъ: *Сынъ Отечества*, авторъ, между прочими хорошими его качествами, замѣчаетъ въ немъ много правды и *здраваго смысла* (стран. VI). Послѣ чего г. Брантъ вноситъ въ исторію литературы слѣдующій фактъ: «Вообще должно замѣтить, что года два уже большая часть журналовъ нашихъ сильно заговорили о добросовѣстности критики. Позволимъ себѣ намекнуть здѣсь, что этотъ благодѣтельный говоръ начался *именно* съ изданія вашимъ покорнѣйшимъ слугою брошюры: *Петербургскіе критики и русскіе писатели* и проч. (Тамъ же). О *Русскомъ Вѣстникѣ* полагается, что онъ *долженъ* быть хорошъ; въ біографію же г. Полевого прибавлена черта, упущенная и самимъ сочинителемъ *Исторіи Русскаго народа*, когда онъ, по случаю

изданія старыхъ критикъ своихъ, припечаталъ тамъ и свое жизнеописаніе. Эту черту подмѣтилъ г. Брантъ. Вотъ она: *Н. А. Полевой держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ всю русскую литературу* (стран. VI). Теперь остается нерѣшеннымъ, по какой причинѣ переcталъ онъ ее держать въ своихъ рукавицахъ: физическая или умственная невозможность воспрепятствовала? Про *Маякъ* сказано, что это журналъ исключительно *отечественный* (стран. VII). По нашему мнѣнію, *Отечественныя Записки* и *Сынъ Отечества* отечественнѣе *Маяка*. Разборъ *Москвитянина*, который признанъ *благонамѣреннымъ*, представилъ случай рецензенту замѣтить въ назиданіе г. Шевыреву, что Баронъ Брамбеусъ не подражаетъ Марлинскому, будучи опытомъ, разнообразными классическими познаніями и *талантомъ старѣе* его (стран. IX). Наконецъ похвалена газета гг. *Греча* и *Булгарина*: *Сѣверная Пчела*, которую г. Брантъ не въ осужденіе ея сравнилъ въ *ключницей* (стран. X).

Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Сочиненіе Н. Кукольника.

Если бы сочинитель въ первый разъ явился въ публику съ романомъ этого рода, мы были бы обязаны предложить здѣсь изъясненіе, отъ чего литература мало выигрываетъ отъ подобныхъ сочиненій, въ которыхъ нѣтъ ни исторической вѣрности эпохѣ, ни занимательности жизни частныхъ лицъ, ни художнической вообще истины, этого перваго основанія всѣхъ поэтическихъ произведеній. Но какъ авторъ многочисленными опытами своихъ созданій доказалъ уже несомнѣнно, что онъ другого взгляда на искуство не признаетъ или невластенъ побѣдить направленія, принятаго имъ однажды: то намъ и остается только разсматривать новое сочиненіе его съ его собственной точки зрѣнія. Какъ повѣствованіе, произвольно составленное сочинителемъ, книга его могла бы служить пріятнымъ препровожденіемъ времени, если бы не была обременена излишними описаніями, утомительно тянущимися разговорами и безполезными перерывами главной нити

разсказа. Въ безконечномъ ряду событій нѣтъ перспективы, которая бы давала чувствовать различіе между главными и побочными явленіями. Ни на одномъ характерѣ нѣтъ и подобія той дѣйствительности, которая возбуждаетъ участіе къ положенію лицъ даже вымышленныхъ. Языкъ—не тотъ разнообразный, который оттѣнками своими обозначаетъ различіе состояній, страстей и другихъ признаковъ недѣлимости, но какой-то выдуманный, двусторонній, то падающій въ искуственное просторѣчіе, то подымающійся до старопечатной велерѣчивости. И всѣ эти странныя ошибки въ художествѣ художникъ могъ бы устранить только сближеніемъ созданія съ внутреннею жизнію человѣка, которую *исторія* точно такъ же можетъ обнаружить, какъ и *современность*.

Солнечный лучъ. Происшествіе изъ временъ Екатерины II. Романъ въ пяти частяхъ. Сочиненіе И. Штевена.—Мать и дочь. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе Михайла Чернявскаго.

Оба эти романа не выходятъ изъ круга разсказовъ, назначаемыхъ для препровожденія времени. Всегда довольно читателей на нихъ. Художественныхъ сторонъ никто въ нихъ не отыскиваетъ. Происшествія завязываются, развязываются; эпизоды мелькаютъ и уносятся. Авторъ и читатели достигаютъ своей цѣли. Чегожъ болѣе и желать?

Сумерки. Сочиненіе Евгенія Баратынскаго.

Въ литературѣ есть имена, есть таланты, есть сочиненія, которые появленіемъ своимъ каждый разъ вносятъ въ душу читателя особый міръ идей, образовъ, ощущеній, и хотя на мгновеніе облекаютъ жизнь легкою, свѣтлою радостью. Это тѣ *немногіе* изъ художниковъ, которые, постигнувъ своѐ призваніе, ему одному оставались всегда вѣрны, любили искуство, потому что въ его только сферѣ чувствуешь дыханіе чистой красоты и высокой истины, не измѣняли вѣчнымъ законамъ творчества и, уклонившись въ обитель созерцательности и гармоніи, не узнали о суще-

твованіи измѣнчивыхъ приговоровъ толпы. При неожиданной стрѣчѣ съ собою, долго невиданный, каждый изъ этихъ *немноихъ* вызываетъ на уста ваши привѣтствіе поэта:

«Приди, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній!
Минувшею мнѣ жизнію повѣй!
Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!»

Къ числу поэтовъ, такъ дѣйствующихъ на образованнаго читателя, безспорно принадлежитъ *Евгеній Баратынскій*, писатель, ъ которомъ глубокая истина идеи всегда равна простотѣ и точости выраженія, писатель, столько же открывшій новыхъ возрѣній на жизнь, новыхъ картинъ, незамѣченныхъ до него оттѣновъ въ краскахъ элегическаго рода, сколько Крыловъ въ облати аполога. Прочитайте въ *Запискахъ Пушкина*, что онъ говоитъ о Баратынскомъ. Это приговоръ самаго безпристрастнаго, амаго свѣдущаго и самаго законнаго судьи. Давно мы разстаись съ поэтомъ. Онъ не могъ разлучиться съ поэзіею, которая киветъ въ душѣ его; но онъ не издавалъ ничего, кромѣ рѣдко поадавшихся въ *Современникъ* небольшихъ стихотвореній. Теперь нъ собралъ свои поэтическія замѣтки минутныхъ ощущеній и умъ—и напечаталъ ихъ особою книжкою, назвавъ ее. *Сумерки.* Всѣхъ стихотвореній *двадцать шесть* [1]).

Часы выздоровленія. Стихотворенія Александра Полежаева.

Немного истинно-поэтическихъ пьесъ находится и въ прежемъ собраніи сочиненій г. Полежаева, по крайней мѣрѣ конченыхъ такъ же, какъ они начаты. Онъ могъ бы сдѣлаться поэтомъ ъ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ искуство; онъ могъ бы живыя, оригинальныя и рѣзкія идеи выражать крѣпкимъ, точнымъ пропорціональнымъ стихомъ; но для такого художническаго

---

[1]) Въ заключеніе Плетневымъ приведено восемь строфъ изъ элегіи *Осень*, оторыя не считаемъ нужнымъ здѣсь перепечатывать.

успѣха необходимъ былъ и художнической трудъ, о которомъ авторъ и не помышлялъ, привыкнувъ смотрѣть на поэзію какъ на забаву или даже разгулье. Собранныя нынѣ изъ его прежде забытыхъ стихотвореній еще менѣе занимательны во всѣхъ отношеніяхъ.

Звѣздочка. Разныя сочиненія Ивана Ваненко. Двѣ части. — Комары. Всякая всячина. Ѳаддея Булгарина. Рой первый.

Не только у начинающихъ писать, но и у писателей, многое печатавшихъ, есть у насъ обыкновеніе, или, лучше сказать, родъ болѣзни, для которой не вдругъ пріищешь и имя. Это не то, что называютъ подражаніемъ, а какое-то видоизмѣненіе счастливой идеи другого автора. Оно съ нѣкотораго времени сдѣлалось единственнымъ вдохновеніемъ нашихъ многихъ писателей. Разсматриваемыя здѣсь двѣ книги служатъ тому доказательствомъ. Въ С.-Петербургѣ, съ начала нынѣшняго года издается журналъ: *Звѣздочка.* Всѣмъ уже извѣстно, съ какимъ восхищеніемъ публика принимаетъ одну книжку за другою этого прекраснаго изданія. Вотъ г. Ваненко, въ Москвѣ, собралъ разныя свои сочиненія, да и выдалъ ихъ подъ тѣмъ же названіемъ. Тутъ есть и стихи и проза. Но все это нисколько не блеститъ подобно *Звѣздочкѣ.* Въ Парижѣ издаются сатирическія статейки и называются: *Осы* (Les Guêpes). Г. Булгаринъ, въ С.-Петербургѣ, придумалъ напечатать свою, какъ откровенно признается самъ, *всякую всячину*, и назвалъ ее: *Комары*, а конецъ изъ всякой всячины: *Комарики* и *Комарьи Вѣсти.* Остроты въ этихъ сатирическихъ игрушкахъ до такой степени смягчены, что одинъ шутливый рецензентъ называетъ *Комаровъ* г. Булгарина *барашками.*

Дагеротипъ. Изданіе литературно-дагеротипныхъ произведеній. Первая и вторая тетради.

Издатели, повидимому, рѣшились образовать въ литературѣ новый родъ сочиненій, которыя бы являлись безъ красокъ, безъ участія таланта, безъ содѣйствія чувства и мысли. Это и будетъ

собраніе литературно-дагеротипное. Небольшой опытъ этого новаго рода публика получила въ двухъ тетрадяхъ. Мы представляемъ заглавія сто̀ль любопытныхъ статей и имена авторовъ, подъ нѣкоторыми изъ нихъ выставленныя. Тетрадь первая: 1. Дагеротипъ (Вступленіе, въ прозѣ), 2. Стихотвореніе г. Губера, 3. О Листѣ, г. Ноткина, 4. Три бамбоччіаты, г. Кукольника, 5. О собраніи оригинальныхъ эскизовъ первѣйшихъ мастеровъ, бывшемъ у покойнаго кн. А. И. Долгорукаго, 6. Сентъ-Медаръ (Анекдотъ) и 7. Астраханскія письма (Письмо первое). Тетрадь вторая: 1. Дагеротипъ (новое Вступленіе), 2. Мудрецъ Платонъ и ученикъ его Ктезиппъ, легенда Гёте, переводъ г. Струговщикова, 3. Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ, сочиненіе г. Полевого, 4 и 5. Двѣ статьи о музыкѣ, г. Ноткина, и 6. Астраха́нскія письма. Мы полагаемъ, что все это собраніе гораздо справедливѣе и точнѣе можно бы назвать такъ же, какъ г. Булгаринъ назвалъ своихъ *Комаровъ*, т. е. *всякая всячина*.

Созерцатель человѣческихъ знаній, или Энциклопедія наукъ, художествъ, искуствъ, промышленности, постановленій и проч. Михаила Павлова.

У автора этой книги намѣреніе прекрасное. Онъ желаетъ помѣстить постепенно въ своемъ изданіи изъясненіе самаго необходимаго, что̀ долженъ знать всякій человѣкъ, ищущій образованія, и часто по недостаточности лишенный къ тому способовъ. Въ напечатанной теперь книгѣ содержится *Космографія*. Въ слѣдующей за нею будетъ разсмотрѣнъ *человѣкъ* въ отношенія къ міру и подобнымъ себѣ, въ отношеніи къ гражданскимъ постановленіямъ и проч. Далѣе будутъ излагаемы всѣ отрасли знаній человѣческихъ, какъ плоды дѣятельности человѣка, предназначеннаго жить въ обществѣ. Соглашаясь съ авторомъ въ необходимости подобнаго сочиненія, особенно для бѣдныхъ людей, мы несогласны только въ томъ, чтобы подобную книгу можно было писать коё-какъ, не облегчая развитія истинъ точностію, правильностію и ясностію языка. Напротивъ: въ этой книгѣ, которая

должна заступить объясненіе преподавателей, все должно быть доведено до высочайшей степени простоты и истины. Но въ изданномъ томѣ языкъ нисколько не обработанъ, а предметы разсматриваются часто невѣрно. Мы совѣтуемъ автору каждую его статью предварительно прочитывать съ опытными и знающими это дѣло людьми.

Жизнь и поэзія Вильяма Шекспира. Романъ Кёнига. Переводъ съ нѣмецкаго. Четыре части.

Уже многіе изъ Русскихъ, знающіе по-нѣмецки, уважаютъ Кёнига. Онъ, можетъ-быть, первый иностранецъ, основательно изучившій литературу нашу и ея исторію. Германія съ благодарностію приняла книгу его: *Русскіе литературные очерки* (Litterarische Bilder aus Russland). Сочиненіе, о которомъ теперь мы должны говорить по случаю перевода его на русскій языкъ, свидѣтельствуетъ, что Кёнигъ глубоко изучаетъ всѣ предметы, за которые принимается какъ авторъ. Это и было причиною, что его *Русскіе литературные очерки* такъ изумили нашихъ читателей отчетливостію въ изслѣдованіи и вѣрностію обрисовки. Эта книга не только въ Германіи сдѣлалась руководствомъ для сужденій о литературѣ, у нихъ еще для многихъ новой, но и переведена была на другіе европейскіе языки, о чемъ въ *Современникѣ* упоминаемо уже было (томъ VIII, стр. 314). Новое сочиненіе Кёнига названо у него: Williams Dichten und Trachten. На нѣмецкомъ оно издано въ двухъ томахъ. Русскій переводчикъ, для удобства чтенія, раздѣлилъ его на четыре части. Этотъ романъ созданъ для живописнаго и вмѣстѣ драматическаго представленія эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ великій Шекспиръ. Слѣдовательно, автору надобно было подробно и близко ознакомиться со всѣми тогдашними историческими лицами Англіи, съ ея политическими и религіозными партіями, съ господствующими въ то время интересами народа и правителей, съ привычками частныхъ лицъ и ихъ обыкновеніями, съ городомъ и его нравами, однимъ словомъ: надобно было самому автору про-

жить нѣсколько лѣтъ какъ современнику Шекспира, чтобы наконецъ показать его нынѣшнимъ своимъ современникамъ. Кёнигъ точно такъ и сдѣлалъ. Его книга вводитъ васъ во всѣ любопытнѣйшія отношенія жителей тогдашняго Лондона и многихъ другихъ мѣстъ. Такъ надобно приготовляться къ сочиненію историческаго романа. Въ такомъ сочиненіи романъ самъ по себѣ уступаетъ уже преимущество жизни общей, жизни всего, что придаетъ краски исторіи, блескъ и силу поэзіи. Къ счастію, эта прекрасная книга нашла себѣ и переводчика отлично хорошаго. Такимъ образомъ можно сказать, что Кёнигъ теперь усвоенъ русской литературѣ вдвойнѣ: во 1-хъ тѣмъ, что́ онъ написалъ о ней по-нѣмецки, во 2-хъ тѣмъ, что́ переведено изъ него по-русски.

Маранны, историческая повѣсть Людвига Филипсона. Перевелъ съ нѣмецкаго Бернардъ Бертензонъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи при Фердинандѣ-Католикѣ. Событіе касается Евреевъ, по принужденію перемѣнившихъ вѣру свою и втайнѣ ее исповѣдующихъ. Хотя и Филипсона повѣсть историческая, но она ничтожна, потому что нѣтъ въ ней отраженія тогдашней жизни. Переводъ впрочемъ хорошъ, и слѣдовательно никакой вины не падаетъ на г. Бертензона, кромѣ неудачнаго выбора.

Петръ Великій, историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго П. Ободовскимъ, и положенная на музыку Л. Фуксомъ.

Это либретто, отъ которыхъ и требовать нельзя поэзіи во всемъ ея совершенствѣ. Здѣсь писатель подчиненъ волѣ, а часто и прихоти музыканта.

Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочиненіе Кампе. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинками, рисованными г. Тиммомъ и вырѣзанными на деревѣ барономъ Неттельгорстомъ. Въ двухъ частяхъ.

И выборъ сочиненія, и переводъ книги равно достойны похвалы. Нельзя не порадоваться, что для чтенія дѣтямъ это произ-

веденіе знаменитаго Кампе явилось въ хорошемъ русскомъ переводѣ. Безъ сомнѣнія, эта книга поступитъ въ ту маленькую библіотеку, какую для дѣтей едва можно составить у насъ, по причинѣ непростительнаго равнодушія хорошихъ писателей къ этому роду литературы. Мы дожили до того, что въ языкѣ нашемъ едва не образовались новые синонимы: *дѣтскій* и *ребяческій* — такъ много худыхъ книгъ издано для дѣтей.

Обзоръ мнѣній древнихъ: I. О смерти, удаленіи страха смерти и о жизни за гробомъ; II. О судьбѣ (*de Fato*). *III. О жертвоприношеніяхъ древнихъ Грековъ.*

Изученіе литературы какого-нибудь народа, или даже какого-нибудь столѣтія, есть обильнѣйшій источникъ самыхъ вѣрныхъ, самыхъ занимательныхъ и самыхъ полезныхъ истинъ. Исторія, первенствующая наука нашего вѣка, всѣ свои благотворныя откровенія почерпаетъ изъ сокровищницы литературы. Въ эпоху возрожденія наукъ въ Европѣ не безъ основанія филологія почитаема была краеугольнымъ камнемъ зданія истинной учености. У насъ въ Россіи первыми предметами образованія въ общественныхъ заведеніяхъ были также древніе языки. Не одни лица духовнаго званія — всѣ искавшіе основательныхъ свѣдѣній учились въ прежнее время по-гречески и по-латыни. Между-тѣмъ цѣль этого стремленія не была опредѣлена. Каждый пользовался пріобрѣтаемыми знаніями въ древней филологіи соотвѣтственно частному своему назначенію: одинъ употреблялъ ихъ для уразумѣнія дипломатическихъ актовъ, другой для сравненія переводовъ съ подлинниками, третій для оцѣнки красотъ древнихъ ораторовъ, поэтовъ, историковъ, и проч. Не настала еще эпоха, чтобы въ этихъ разнородныхъ явленіяхъ духа націи постигнуть ея жизнь, опредѣлить ея характеръ и внести въ ея исторію неопровержимые тезисы, по которымъ бы все въ ней явилось ясно, просто, связно и неизмѣнчиво. Можетъ-быть, въ отсутствіи столь естественной и нынѣ общей всѣмъ мысли заключается и странная судьба успѣховъ филологіи. Ихъ чувствовали,

а вліянія, подобнаго вліянію другихъ знаній, не сознавали. Не имъ приписывалось распространеніе благотворныхъ новыхъ истинъ гражданственности. Да и можно ли было отъ знанія однѣхъ тонкостей греческаго или латинскаго языка перейти мыслію къ водворенію въ націи новыхъ взглядовъ на законодательство, общежительность, промышленность, нравоученіе, воспитаніе и на тысячу другихъ столь же важныхъ предметовъ? Сами филологи не приводили раздробленныхъ своихъ свѣдѣній къ одному общему назначенію. Въ новѣйшее время этотъ предметъ изученія перемѣнилъ мелочной свой характеръ на помыслы серьёзные и государственные. Филологія сдѣлалась запасомъ свѣдѣній историческихъ, слѣдовательно свѣдѣній, необходимыхъ власти народодержавной, законодательной, вѣрохранительной, словомъ, дѣйствующей во благо общества. Еще нельзя сказать, чтобы русская литература много представляла опытовъ истиннаго настроенія филологическихъ разысканій. Но они ей, по крайней мѣрѣ, не чужды. Доказательство передъ нами, — книга, подавшая намъ поводъ сказать нѣсколько словъ вообще объ изученіи древнихъ языковъ. Сочинитель ея внимательно читалъ древнихъ — и рѣшился представить намъ, какъ плодъ своихъ соображеній, мнѣнія Гомера, Сократа, Платона, Пиндара, Аристотеля, Плутарха, Цицерона, Эпикура, Сенеки, Эпиктета и проч., мнѣнія, касающіяся вопросовъ важныхъ и для любознательности самыхъ занимательныхъ. Если бы каждый предметъ философіи или политики выясненъ былъ столь обстоятельно и на основаніи столь твердомъ и неподверженномъ сомнѣнію: то изученіе исторіи и ея принадлежностей давно было бы для насъ упрощено и облегчено. Эта книга конечно не болѣе какъ частица великато подвига, предлежащаго нашимъ филологамъ. Но когда начало такъ хорошо, его можно, по русской поговоркѣ, назвать *половиною дѣла.*

Записки Василія Александровича Нащокина.

Д. И. Языковъ, переводчикъ Шлёцерова Нестора и издатель множества другихъ книгъ, столь важныхъ въ ученой русской ли-

тературѣ по части критической исторіи, пріобрѣлъ новое право на благодарность соотечественниковъ, напечатавъ *Записки* Нащокина и обогативъ изданіе прекрасными примѣчаніями. Въ эту любопытную книгу вошло все, что только видѣлъ, слышалъ, читалъ или другимъ образомъ узнавалъ Нащокинъ со временъ Петра I до Екатерины II. Принявшись читать драгоцѣнную хронику, невозможно отъ нея оторваться. Передъ вами воскресаютъ и лица и дѣла, которыми занималась тогдашняя современность. Нащокинъ дорожилъ каждымъ любопытнымъ случаемъ, каждымъ извѣстіемъ, даже слухомъ. Оригинальный по своей безыскуственности языкъ его, короткія фразы, свойственныя разговорному слогу, равносильныя понятіямъ выраженія, не имѣющія ничего общаго съ длинными школьными періодами тогдашнихъ ученыхъ нашихъ писателей, переносятъ васъ прямо въ русское общество временъ императрицъ Анны и Елисаветы.

Записки Русскаго Путешественника. Голландія, Бельгія и Нижній Рейнъ. Князя Алексѣя Мещерскаго.

Описаніе путешествія есть такой родъ сочиненій, который можетъ доведенъ быть до высочайшей занимательности, или, напротивъ, превратиться въ самую скучную говорливость, чтобы не сказать болтовню. Успѣхъ зависитъ, кромѣ общихъ качествъ, всегда сообщающихъ цѣну произведенію таланта, отъ умѣнья выбрать свою сферу и быть въ ней независимымъ. Такъ поступилъ авторъ книги, о которой мы говоримъ. Его воззрѣнія обращены преимущественно на то, что въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ произвелъ человѣкъ въ качествѣ художника и въ качествѣ домостроителя. Зная обѣ части, авторъ вводитъ васъ въ кругъ избранныхъ предметовъ съ достоинствомъ и увѣренностію. Его сужденія и разсказы полны мыслей и вкуса. Это не выборъ изъ ветхихъ путеуказателей и послѣднихъ фразъ чичероне. Путешественникъ передаетъ то, что дѣйствительно онъ думалъ и чувствовалъ.

Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя души.

Въ отношеніи къ поэзіи и вообще къ искуствамъ, называемымъ изящными, эта брошюра содержитъ въ себѣ много новыхъ для нашей публики идей, много мыслей, по-видимому смѣлыхъ, но тѣмъ не менѣе выведенныхъ изъ сущности искуствъ. Мы сожалѣемъ, что авторъ бросилъ ихъ слегка, не развивши каждой и не давъ имъ системы. Если бы на своемъ основаніи вывелъ онъ зданіе цѣлой науки, мы увѣрены, что она подѣйствовала бы благотворнѣе на читателей. Гоголь именно потому и является у насъ чѣмъ-то загадочнымъ, что наука, объемлющая всѣ стороны искуства его, едва по частямъ промелькнула передъ нами. Оттого одни смотрятъ на Гоголя съ энтузіасмомъ, другіе хулятъ его до нельзя.

Жизнь и приключенія Робинсона Крузе, описанныя имъ самимъ. Соч. Д. Дефо. Новый переводъ съ англійскаго. П. А. Корсакова. Изданіе украшенное 200 рисунк. Гранвиля. Выпуски первый и второй.

Это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя могутъ назваться вѣчными. Мысль, ея развитіе, подробности разсказа, дѣйствующія лица, ихъ жизнь — все въ этой книгѣ носитъ на себѣ печать дѣятельности ума необыкновеннаго, геніальной простоты и самаго счастливаго воззрѣнія на предметы. Ее перевели на все языки — и, по мѣрѣ надобности очень естественной въ языкахъ живыхъ, подверженныхъ обновленіямъ — переводятъ снова, по крайней мѣрѣ разъ въ каждую четверть столѣтія. Подобно всѣмъ геніальнымъ твореніямъ, Робинзонъ породилъ цѣлую галлерею подражаній, то болѣе, то менѣе счастливыхъ, между тѣмъ неоспоримо доказывающихъ вѣчную и плодотворную истину первоначальной его идеи. Въ XXVII-мъ томѣ *Современника* (см. выше, стр. 356) мы говорили о прекрасной книгѣ Кампе, назначенной для чтенія дѣтямъ и по содержанію своему основанной на твореніи Дефо. Еще въ 1792 году у насъ былъ переведенъ и изданъ Ѳ. Печеринымъ «Новый Робинзонъ, служащій къ

увеселенію и наставленію дѣтей, соч. Кампе». Спустя двадцать семь лѣтъ ее напечатали вторымъ изданіемъ. Въ 1794 году явилась на русскомъ языкѣ книга: «Штейерскій Робинзонъ, или путешествія и особенныя достопамятныя приключенія Іосифа Миллера на Бразильскихъ берегахъ Америки, переводъ съ нѣмецкаго». Послѣ нея, черезъ два года, опять съ нѣмецкаго языка перевели и напечатали по-русски сочиненіе: «Робинзонъ Тексель, или странное приключеніе одного Голландца, отставшаго въ 1655 году отъ своихъ корабельныхъ товарищей и жившаго около 30 лѣтъ на дикомъ острову необитаемой Зюдландіи, писанное имъ самимъ, съ присовокупленіемъ трехъ трогательныхъ повѣстей». Наконецъ въ 1811 году еще явился переводъ съ нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Робинзонова колонія, продолженіе Кампева Робинзона, книга занимательная для дѣтей». Этотъ переводъ удостоился второго изданія въ 1814 году, но уже съ слѣдующимъ новымъ заглавіемъ: «Пріятная и полезная книга для дѣтей, или повѣствованіе о населеніи Робинзонова острова въ южной Америкѣ». Указанія наши на то, чтó въ русской литературѣ явилось въ слѣдствіе сочиненія Дефо, лучше всего свидѣтельствуютъ о всеобщности въ немъ интереса. Ежели у насъ, гдѣ вообще движимость самыхъ лучшихъ идей и участіе въ умственной дѣятельности не получили постояннаго ходу, ежели у насъ столько отзывовъ встрѣчается на одну тему, то какіе плоды она должна была принести въ западной Европѣ! Итакъ справедливость требуетъ, чтобы трудъ г. Корсакова былъ принятъ съ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ и книга сама по себѣ, и достоинство его перевода.

1843 [1].

Послѣдній Хеакъ. Поэма В. Зотова.

Посвятивъ свою поэму памяти Пушкина, Марлинскаго и Лермонтова, сочинитель высказалъ, хотя не прямо, но довольно ясно,

[1]) *Современникъ*, т. XXIX, стр. 120—125, 386—394, 402—410; XXX, 93—105, 112—117, 173—180. 184—198, 349—350; XXXI, 96—101, 106—109, 112—113, 209—215, 222; XXXII, 92.

свою идею о поэзіи. Для него все то поэзія, что выходитъ изъ естественныхъ границъ и поражаетъ преувеличенностію, даже при совершенномъ отсутствіи истины. Иначе, какъ можно на одну поставить линію три рода успѣховъ, не заключающихъ въ себѣ ничего общаго? Видно, что идею чистаго искуства авторъ *Хеака* не отдѣлилъ еще отъ призраковъ, принимающихъ образъ его. Пушкинъ и Марлинскій, два современные писателя, представляютъ двѣ противоположности во всемъ: въ воспріятіи образовъ и мыслей, въ краскахъ и характерѣ картинъ, во внутренней и внѣшней жизни дѣйствующихъ лицъ, словомъ: во всѣхъ отношеніяхъ искуства къ его источнику — природѣ. Пушкинъ еще въ дѣтствѣ былъ поэтъ, не по однимъ ощущеніямъ, но поэтъ, представившій много счастливыхъ опытовъ литературныхъ. Разсматривая первыя его произведенія, удивляешься, какъ въ то уже время онъ понималъ и чувствовалъ поэзію. Совершенствуя ее, въ отношеніи къ языку и истинѣ созданій, онъ возвелъ у насъ искуство на такую степень, на которой оно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ ума, озареннаго чистымъ свѣтомъ истины, и сердца, согрѣтаго чувствомъ. На этой степени нашелъ поэзію нашу Лермонтовъ — и прекрасно постигнулъ то, что́ сознавалъ и, такъ сказать, завѣщалъ великій его предшественникъ. Можетъ-быть, если бы судьба не лишила насъ преждевременно и этого счастливаго таланта, онъ внесъ бы въ область искуства, не изводя его изъ законнаго владѣнія, новый характеръ и собственное направленіе, неотъемлемыя черты самобытнаго дарованія; но Лермонтовъ только и остался при томъ, что послѣ Пушкина вѣрнѣе всѣхъ слѣдовалъ его идеѣ искуства. Марлинскій, напротивъ, началъ подражаніемъ ошибкамъ новѣйшаго вкуса въ англійской и французской литературѣ — и кончилъ собственнымъ нарушеніемъ первыхъ законовъ искуства: естественности и простоты. Его изысканный языкъ, неестественность въ положеніяхъ, страсть ко всему, что́, на подобіе искуственныхъ огней, вспыхиваетъ, мелькаетъ и производитъ минутный трескъ, обнаруживаетъ, что онъ никогда не чув-

ствовалъ истинной поэзіи и даже понималъ ее ложно. На его дорогу и теперь иногда сбиваются писатели безъ дарованій, безъ истиннаго чувства и не получившіе хорошаго вкуса. Эта самая коротенькая характеристика Пушкина, Марлинскаго и Лермонтова даетъ намъ право думать, что сочинитель разсматриваемой здѣсь поэмы не успѣлъ еще постигнуть надлежащимъ образомъ первоначальныхъ истинъ того искуства, которому, кажется, посвящаетъ себя. Дѣйствуя безъ надежной опоры, онъ идетъ, ежечасно подвергаясь ошибкамъ. Онъ смѣшиваетъ всѣ понятія, безотчетно попадаетъ во всѣ крайности и ищетъ совершенства на удачу, не выразумѣвъ и не опредѣливъ его въ сознаніи. Этимъ только изъяснить можно неровность его произведенія, составленнаго какъ будто не одною рукою.

Сплетни. Переписка жителя луны съ жителемъ земли, издаваемая дворяниномъ Кукарику. Тетради I и II. — Два Письма на луну.

Оба выписанныя нами названія относятся къ одному и тому же предпріятію. Кому-то вздумалось, подъ именемъ дворянина *Кукарику*, печатать все, что ему кажется остроумнымъ или смѣшнымъ. Но авторъ упустилъ изъ виду, что самое смѣшное становится утомительнымъ, когда не составляетъ полной картины, или не служитъ по крайней мѣрѣ приправою серьёзнаго.

Практическое руководство къ шведскому языку, изданное Яковомъ Лангеномъ.

Давно мы нуждаемся въ руководствѣ къ познанію языка, который и литературою своею и сосѣдствомъ народа, имъ говорящаго, для насъ составляетъ необходимый предметъ изученія. Всѣ жители городовъ Финляндіи, тамошнее дворянство, духовенство и множество цѣлыхъ областей говорятъ, пишутъ и читаютъ по-шведски. Мы до тѣхъ поръ не можемъ распространить между ними собственнаго языка, пока сами не будемъ судить о шведскомъ и его произведеніяхъ не по отзывамъ иностранцевъ, а

какъ непосредственные его знатоки. Издатель *Современника*, время отъ времени, представляетъ читателямъ своимъ указанія на шведскую литературу и умственную жизнь въ Финляндіи. Они могутъ судить, какой для насъ хранится интересъ въ этой новой сокровищницѣ духа, почти не раскрытой для Россіи. Вотъ почему на книгу г. Лангена мы желали обратить особенное вниманіе. Но она къ сожалѣнію такъ неотчетливо составлена, такъ не полна, что едва ли кому-нибудь послужитъ въ пользу.

Сельское чтеніе. Книжка, составленная изъ трудовъ А. Ѳ. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ѳ. Энгельке, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, и А. П. Заблоцкимъ. Съ картинками, рѣзанными на деревѣ, и чертежемъ Европы.

Уже нѣсколько разъ благонамѣренные сочинители начинали у насъ писать для простого народа. При императрицѣ Екатеринѣ II Фонвизинъ представилъ образецъ прекрасной проповѣди сельскаго священника. При государѣ Александрѣ Павловичѣ напечатана Ѳ. Н. Глинкою сказка въ стихахъ, очень удачно принаровленная къ понятіямъ простыхъ людей. Восхитительные переводы В. А. Жуковскаго изъ Гебеля тоже можно причислить къ опытамъ сельскаго чтенія. Не упоминая о множествѣ другихъ сочиненій въ этомъ родѣ, удачныхъ и заслуживающихъ, чтобы собрать ихъ въ одно изданіе для людей низшаго класса, замѣтимъ только, отчего этотъ родъ литературы до сихъ поръ не произвелъ своего благодѣтельнаго дѣйствія. На опыты сіи всѣ привыкли смотрѣть какъ на шутку или минутную прихоть. Сочинители сами, не только ихъ читатели, отдѣляютъ на подобные труды одни легкіе часы отдохновенія, занимаются ими какъ постороннимъ дѣломъ, не носятъ въ сердцѣ убѣжденія, что здѣсь есть также свое призваніе и что для удовлетворенія всѣмъ требованіямъ сельской литературы необходимо посвятить жизнь изученію всѣхъ предметовъ, нравовъ, языка, словомъ, обширнѣйшаго

круга сельскаго быта. Почти всѣ сочинители, соединившіе статьи свои въ изданной нынѣ книжкѣ, давно извѣстны какъ люди съ талантами, знаніями; они пріобрѣли много успѣховъ на поприщѣ такъ называемой серьёзной литературы. Нѣкоторые изъ нихъ удачно занимались еще сочиненіями для дѣтскаго чтенія, которое у насъ, подобно сельскому, не находитъ писателей, себя исключительно ему посвящающихъ. Отъ одной причины одинаковыя выходятъ и слѣдствія. На кого мы указать можемъ, кромѣ автора *Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей,* такъ удачно и такъ неутомимо теперь издающаго свою *Звѣздочку*, кто бы посвятилъ себя этому прекрасному роду сочиненій для дѣтей? И такъ до тѣхъ поръ, пока, вмѣсто множества лицъ, хоть два хоть одно не отдѣлится навсегда въ область занятій сельскою литературою, мы не распространимъ вліянія умственныхъ трудовъ на совершенствованіе понятій и сужденій людей простого класса. Нынѣшняя книжка, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ, останется, подобно предшествовавшимъ ей сочиненіямъ, попыткою и, подобно имъ, забудется. Посмотрите на нашу же Финляндію, какъ тамъ дѣйствуютъ для распространенія нравственности, религіозности и благого просвѣщенія по всему краю. Уже нѣсколько лѣтъ постоянно лучшими писателями издаются тамъ для народа и листки въ видѣ газетъ, и понятныя для нихъ нравоучительныя книжки, и учебники, и проповѣди. Ни время, ни труды, ни таланты не считаются потерянными въ этомъ патріотическомъ, истинно благородномъ и слѣдственно болѣе славномъ занятіи, нежели наши подражанія французскимъ романамъ и другія литературныя предпріятія. Дай Богъ, чтобы издатели *Сельскаго чтенія* не охладѣли къ этому труду, который они начали въ видѣ опыта, и чтобы сбылось не разъ, а повторялось по крайней мѣрѣ ежемѣсячно ихъ похвальное обѣщаніе: «А выразумѣешь все, тогда напечатаемъ другую такую книжку». Только мы не можемъ догадаться, кто же и какъ имъ скажетъ, что первая прочитана и выразумлена?

Историко-критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ. Ѳ. Л. Морошкина.

Сочинитель въ своей книгѣ разсматриваетъ преимущественно два главные предмета: Руссовъ въ нашемъ отечествѣ, и Руссовъ внѣ его предѣловъ. По его доказательствамъ Руссы, происходящіе отъ древнѣйшаго славянскаго народа, обитали не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитъ ихъ наша исторія подъ этимъ именемъ, но и во всѣхъ другихъ славянскихъ земляхъ, хотя историки и даютъ имъ иныя наименованія. Такимъ образомъ весь славянскій міръ совокупляется въ то имя, которое прежде признавалось заимствованнымъ отъ Норманновъ, призванныхъ новгородскими Славянами. Авторъ наибольшую часть своихъ доказательствъ столь новаго мнѣнія основалъ на этимологіи слова *русь* (роща, лѣсъ). По нашему мнѣнію, это болѣе остроумно, нежели убѣдительно. Этимологическія доказательства по большой части являются произвольными. Ничего нѣтъ легче, какъ играть смысломъ, отбрасывая или прибавляя буквы, смотря по надобности. Впрочемъ и выигрышъ отъ новой ипотезы мы не считаемъ большимъ. Разноименные Славяне, и не нося общаго имени Руси, всегда признаваемы были за единоплеменниковъ. Мы только пріобрѣтаемъ часть Норманновъ, называемыхъ доселѣ Варягами: они теперь являются славянскими Руссами.

Coup d'oeil historique sur le dernier quart de siècle de l'existence de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. Discours prononcé dans la séance solennelle de cette Académie tenue en l'honneur de son Président le $^{12}/_{24}$ Janvier 1843 par M. P. H. Fuss, secrétaire perpétuel.

С.-Петербургская Императорская Академія Наукъ, въ 12-й день января 1843, праздновала совершившееся двадцатипятилѣтіе президентства въ ней Сергія Семеновича Уварова. Эпоха важная для ученаго общества. Дѣйствовать четверть столѣтія по однимъ и тѣмъ же началамъ, равномѣрно стремиться къ высокой

цѣли, принимать и чувствовать внушенія, развивающіяся изъ единой прекрасной мысли, жить полною жизнію по законамъ органически исходящимъ, — немногимъ обществамъ дается въ удѣлъ подобное счастіе. Еще рѣже судьба позволяетъ одному и тому же лицу сохранить столько лѣтъ свое вліяніе на составъ представителей разныхъ отраслей наукъ. Это празднество должно оставить въ душѣ виновника его, на всю жизнь, неизгладимое и конечно самое сладостное впечатлѣніе. Вотъ обстоятельство, по которому произнесъ рѣчь свою П. Н. Фуссъ, непремѣнный секретарь Академіи. Случай, заставившій его бросить взглядъ на исторію Академіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, позволилъ ему исчислить только важнѣйшія событія и представить ихъ вкратцѣ, безъ особеннаго развитія; но истина и достоинство предметовъ увлекательнѣе всѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми авторъ могъ бы украсить свое сочиненіе. Онъ произнесъ его на языкѣ, который доставляетъ возможность всѣмъ ученымъ обществамъ Европы принять участіе въ торжествѣ нашей Академіи. Но мы тѣмъ не менѣе вносимъ его въ лѣтопись литературы русской, потому что въ немъ, кромѣ звуковъ, все русское: и мысли, и чувства, и факты, и дѣйствующія лица, и наконецъ самъ представитель Академіи. Не можемъ удержаться, чтобы не представить нашимъ читателямъ хотя заключенія этой рѣчи.

«Счастливымъ почитаю себя (говоритъ ораторъ, обращаясь къ г. президенту), что могу быть истолкователемъ чувствованій моихъ товарищей и выразить предъ вами общую нашу признательность и преданность, на которыя ваше отличное управленіе даетъ вамъ права самыя неоспоримыя. Еще задолго до возложенія на васъ званія президента, Академія избрала васъ въ свои почетные члены изъ уваженія къ вашимъ блестящимъ успѣхамъ на поприщѣ наукъ и литературы, успѣхамъ, которые въ другихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, доставили бы вамъ академическія кресла. Многіе изъ насъ еще вспоминаютъ съ гордостію то время, когда одна изъ первыхъ академій въ мірѣ, и безпорно та, которой одобренія наиболѣе ищутъ, Французскій Институтъ,

приняла васъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, въ число своихъ иностранныхъ общниковъ на мѣсто знаменитаго князя примаса Рейнской Конфедераціи и устранивъ двухъ знаменитыхъ совмѣстниковъ, *Герена* и *Сестини*. Изъ двѣнадцати президентовъ Академіи, вы одни могли съ честію носить званіе ученаго и помѣщали въ собраніи трудовъ нашихъ произведенія высокаго ученаго достоинства; и между тѣмъ, хотя вы въ особенности предавались занятіямъ одною отраслію человѣческихъ знаній, никогда ни малѣйшее пристрастіе не имѣло вліянія на дѣйствія ваши въ отношеніи къ представителямъ другихъ наукъ, вамъ менѣе извѣстныхъ. Высокое положеніе, доставляемое вамъ вашими качествами и общественными связями, довѣренность Монарха, которою вы имѣете счастіе пользоваться, конечно много способствовали достиженію счастливыхъ результатовъ, о которыхъ мы говорили: но мы убѣждены, что всего болѣе возвысило Академію и придало ей чувство собственнаго достоинства — нравственное вліяніе, которое вы всегда имѣли на это ученое сословіе, довѣренность, которую вы оказывали ему во всѣхъ случаяхъ, благородный образъ воззрѣнія на ваши сношенія съ обществомъ, въ которомъ вы предсѣдательствуете, сила, съ которою вы всегда защищали его права и преимущества, уваженіе, которое вы всегда оказывали къ свободѣ академическихъ совѣщаній. Кто изъ насъ забудетъ когда-либо трогательныя доказательства привязанности, которыми вы почтили насъ, когда Государю Императору благоугодно было облечь васъ въ высокое званіе, уже десять лѣтъ вами носимое [1])? И когда новыя и важныя обязанности сего званія потребовали всего вашего вниманія и, противъ воли вашей, не оставили вамъ болѣе времени для занятія дѣлами Академіи, вы назначили вмѣсто себя мужа

[1]) Вступивъ въ управленіе министерствомъ народ. просвѣщ., и обязанный по новому своему званію каждый понедѣльникъ присутствовать въ Государственномъ совѣтѣ (день назначенный регламентомъ Академіи Наукъ для ея конференцій), графъ Уваровъ, равномѣрно желая продолжать присутствовать въ собраніяхъ Академіи, предложилъ ей избрать другой день, что немедленно и послѣдовало.

испытаннаго, достойнаго дружбы, которую вы къ нему питаете, мужа, который ревностнымъ исполненіемъ вашихъ намѣреній, административными своими талантами и благородствомъ своихъ чувствованій, съ давняго времени уже пріобрѣлъ искреннее уваженіе и признательность всѣхъ насъ вообще и каждаго въ особенности. Примите же, господинъ президентъ, изъявленія благодарности, которую изъ глубины души приношу вамъ отъ имени всѣхъ моихъ товарищей».

Etudes de Philologie et de Critique par M. Ouvaroff, Président de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, Associé étranger de l'Institut de France, Académie des inscriptions et belles-lettres; Membre des Académies et Sociétés savantes de Goettingue, de Copenhague, de Rome, de Madrid, de Naples, de Washington, etc. etc.

Справедливо обвиняли современную литературу нашу въ томъ, что она лишена интереса серьёзныхъ идей, что она не вводитъ читателей въ соприкосновенность съ предметами высшаго размышленія, что ея объемъ представляетъ одну мелочность содержанія. Но это обвиненіе должно падать на большинство печатаемыхъ нынѣ сочиненій, а не на духовную вообще жизнь цѣлой націи, въ чемъ по-преимуществу надобно видѣть характеръ и цѣнность литературы какого-нибудь народа. Разсматриваемая нами здѣсь книга представляетъ цѣлый рядъ умственныхъ изслѣдованій, которыя выражаютъ настроеніе духовной жизни автора въ продолженіе тридцати лѣтъ. Ему такъ близки и знакомы всѣ вопросы, возникающіе въ самобытной душѣ и занимавшіе любознательность первыхъ умовъ Германіи, Англіи и Франціи, что ихъ рѣшеніе, сообщая русскому перу одну оригинальность свѣжей красоты и силы выраженій, не полагаетъ ни малѣйшаго разстоянія между писателемъ нашимъ и знаменитѣйшими мыслителями современной Европы. Между тѣмъ, всѣми прочими сторонами умственной дѣятельности своей авторъ непосредственно касался жизни русской, нашего общества и мужалъ подъ всѣми

впечатлѣніями родной страны. Ни переходъ въ другой возрастъ, ни труды при разнородныхъ обязанностяхъ, ни преемничество являвшихся въ столь значительный періодъ жизни новыхъ вкусовъ, понятій и увлеченій, ничто не оставило на книгѣ слѣдовъ занятія суетнаго, не освященнаго внутреннимъ убѣжденіемъ и призываемаго на помощь тщеславію или подобострастію. Всѣхъ напечатанныхъ здѣсь статей числомъ девять. Онѣ писаны въ разныя эпохи: *Projet d'une Académie Asiatique*, въ 1810 году; *Essai sur les Mystères d'Eleusis* въ 1812; *Nonnos von Panopolis, der Dichter*, и *Ueber das Vorhomerische Zeitalter*, въ 1817; *Examen critique de la fable d'Hercule*, въ 1818; *Mémoire sur les Tragiques Grecs*, въ 1824; *Notice sur Goethe*, въ 1833; *Vues générales sur la Philosophie de la Littérature*, въ 1840; *Le Prince de Ligne*, въ 1842. Сверхъ того въ книгѣ сей напечатана критическая статья графа Іосифа Местра, въ которой содержатся замѣчанія на проектъ Азіатической Академіи, проектъ, которымъ авторъ нашъ, тогда еще юноша, предупредилъ послѣдующія соображенія многихъ изъ европейскихъ правительствъ, что́ заставило Наполеона отдать приказаніе, чтобы о сочиненіи семъ приготовлено было для него обстоятельное донесеніе. Такимъ образомъ, судя по важности предметовъ изслѣдованія, по ученымъ и высшимъ на нихъ взглядамъ автора, по продолжительному и неизмѣнному его вниманію къ интересамъ общечеловѣческимъ, книга его является какъ оправданіе русской литературы, какъ вѣрное свидѣтельство, что намъ не чуждо благородное участіе въ возвышенномъ дѣлѣ мышленія, что мелочность и безвкусіе господствуютъ только въ низшихъ слояхъ писателей, надъ которыми дѣйствуютъ независимо умы истинныхъ представителей націи со стороны духовной ея жизни.

Письма съ дороги по Германіи, Швейцаріи и Италіи. Николая Греча. Три части.

Много разъ говорили мы въ *Современникѣ*, что легче всего составить книгу, заключающую въ себѣ описаніе путешествія,

и труднѣе всего сообщить подобной книгѣ истинное достоинство литературнаго или ученаго произведенія. Самый опытный, самый благонамѣренный писатель, не получившій того, что называется талантомъ, или не посвятившій себя какому-нибудь кругу положительныхъ знаній, принужденъ бываетъ, во время путешествія, гдѣ такъ поражаютъ его предметы, нанизывать впечатлѣнія и замѣчанія свои безжизненно, поверхностно и утомительно для читателей. Авторъ разсматриваемой нами книги совершенно раздѣляетъ наше мнѣніе и, отбросивъ мелочное самолюбіе, вотъ что говоритъ между прочимъ о своихъ письмахъ: «Отмѣчаю и пишу все, что мнѣ кажется и полезнымъ и любопытнымъ, предоставляя каждому читателю выбирать, что ему угодно или пріятно.— Для людей, читавшихъ на чужихъ языкахъ подобныя описанія изображаемыхъ мною странъ, въ очеркахъ моихъ будетъ мало новаго. — Срокъ пребыванія моего въ чужихъ краяхъ былъ очень ограниченъ, и потому, конечно, не могъ я избѣжать въ описаніи моемъ ошибокъ и невѣрностей. — Почтенная госпожа, мадамъ Курдюкова! дай мнѣ перышко изъ крылышекъ, которыя носили тебя по поднебесью, и игривыми своими стихами оживи мою скучную, вялую прозу».

Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ. Шесть частей. Сверхъ того приложенъ словарь малороссійскихъ словъ находящихся въ книгѣ, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ.

Давно уже извѣстно это шутливое созданіе малороссійской музы. Мы полагаемъ, что его не надобно называть Энеидою Виргилія, переложенною на малороссійскій языкъ, а шуточнымъ подражаніемъ Энеидѣ. Любители и знатоки языка малороссійскаго могутъ теперь наконецъ всѣ насладиться чтеніемъ книги, которая прежде ходила по рукамъ въ невѣрныхъ спискахъ.

Сочиненія Николая Гоголя. Въ четырехъ томахъ.

Прошло не болѣе восьми лѣтъ, какъ публикѣ представлены были въ первый разъ первые опыты сочиненій Гоголя. Она при-

няла ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и любопытствомъ, какія возбуждаетъ всегда истинный талантъ. Читатели не знали еще имени автора, которое и послѣ долго было тайною, но живо представляли воображенію прелестныя сцены, которыми сочинитель такъ очаровалъ ихъ. Съ появленіемъ *Современника* онъ принялъ въ немъ живое участіе. Смерть Пушкина была ударомъ для литературной его дѣятельности. Въ великомъ поэтѣ Гоголь утратилъ истиннаго своего судью, друга и вдохновителя. Никто не цѣнилъ его такъ строго и такъ вѣрно, какъ Пушкинъ. Вотъ его отзывъ о второмъ изданіи *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки:* «Читатели (говоритъ Пушкинъ) конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ *Вечеровъ на хуторѣ:* всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла всѣхъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ такое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ *Арабески*, гдѣ находится его *Невскій проспектъ*, самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился *Миргородъ*, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и *Старосвѣтскихъ помѣщиковъ,* эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и *Тараса Бульбу*, коего начало достойно Вальтеръ - Скотта (*Современ.*, Т. I).» Наконецъ долговременное молчаніе Гоголя прервано было въ прошедшемъ году поэмою его: *Мертвыя души*. Мы помѣстили уже подробный разборъ этого произведенія [1]). Теперь передъ нами Гоголь весь съ его неистощимымъ запасомъ истинно-художническаго юмора, глубокой за-

---

[1]) См. въ настоящемъ изд. т. I, стр. 476.

думчивости, рѣзкой насмѣшливости, живыхъ представленій, то возвышенно-умилительныхъ, то неподражаемо-комическихъ. Онъ повсюду полонъ истины, силы, разнообразія и увлекательности. Въ изданномъ нынѣ собраніи его сочиненій цѣлый томъ новыхъ пьесъ, которыя свидѣтельствуютъ, какъ этотъ великій талантъ расширяетъ передъ собою кругъ литературной дѣятельности. Пьеса: *Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи* одна вмѣщаетъ въ себѣ всѣ сокровища драмы, критики, характиристики и комисма. Все блещетъ идеями высокой наблюдательности, знаніемъ страстей и нравовъ, яркими красками и оригинальностію соображеній. Самое неутомимое вниманіе не можетъ поспѣвать за движеніемъ сценъ и явленіемъ характеровъ. Авторъ влечетъ васъ, самъ увлекаемый потокомъ новыхъ образовъ, положеній и чувствованій. Онъ менѣе всего думаетъ объ окончательной отдѣлкѣ языка; довольствуясь одною точностію выраженій безъ отношенія ихъ къ требованіямъ гармоніи и словосочиненія. Его надобно не читать, а играть или представлять, какъ онъ и самъ обходится съ своими пьесами. Въ нихъ такъ мало соблюдено условій, принятыхъ въ книжномъ языкѣ, что безъ сочувствія съ самимъ художествомъ не оцѣнишь автора, вышедшаго совершенно изъ формъ искуственности, еще странно смѣшиваемой нами съ тѣмъ, что называется изящнымъ искуствомъ.

Прогулки Русскаго въ Помпеи. Соч. Алексѣя Левшина члена разныхъ ученыхъ обществъ россійскихъ и иностранныхъ.

«При малѣйшемъ расположеніи къ мечтательности, посѣтитель безмолвныхъ улицъ и площадей Помпеи, видящій предъ собою такое полное и стройное соединеніе остатковъ другого міра, переносимый безпрестанно окружающими его предметами въ область фантазіи и миѳологіи, невольно можетъ забыться и почесть себя сошедшимъ въ царство мертвыхъ, или бдящимъ въ полуснѣ, какъ иногда бываетъ въ минуту просыпленія, послѣ долгаго и пріятнаго сновидѣнія, когда самъ себя вопрошаешь: во снѣ, или

наяву я все это видѣлъ? И мудрено ли впасть въ такое забвеніе, видя предъ собою остовъ города, какъ кажется, еще вчера кипѣвшаго жизнію! Правда, что въ немъ улицы пусты, верхніе этажи строеній разрушены; но это могло случиться на-дняхъ, и жители еще не успѣли возвратиться въ поврежденные домы свои. — Любезный читатель! Расположены ли вы и желаете ли предаваться энтузіасму при обозрѣніи остатковъ Помпеи, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они составляютъ предметъ, достойный вашего вниманія. Убѣжденные въ этой истинѣ, мы предприняли описаніе ихъ тѣмъ охотнѣе и усерднѣе, что не нашли на русскомъ языкѣ ни одного сочиненія, представляющаго полное понятіе о настоящемъ положеніи чудеснѣйшей и любопытнѣйшей изъ развалинъ всего извѣстнаго міра. Тѣ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые видѣли Помпеи, могутъ иногда заглянуть въ нашу книгу для справокъ и воспоминаній; а кто изъ Русскихъ не имѣлъ случая любоваться прекраснымъ небомъ южной Италіи, тому мы скромно предлагаемъ себя въ путеводители. — Въ расположеніи сочиненія нашего мы поставили себѣ правиломъ сдѣлать его доступнымъ для самаго большого числа читателей, знакомыхъ и незнакомыхъ съ древними языками, и потому не нашли нужнымъ непремѣнно затруднять ихъ подробнымъ разборомъ и толкованіемъ подлинныхъ надписей помпейскихъ. Съ другой стороны не почли себя въ правѣ вовсе лишить любителей палеографіи удовольствія читать въ подлинникахъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ любопытнѣйшіе письменные памятники древности, найденные въ Помпеи, равно какъ и мнѣніе объ нихъ ученыхъ толкователей. Мы отнесли ихъ къ концу книги, въ особую дополнительную главу; а въ текстѣ, для необходимой ясности, оставили только переводы, или извлеченія изъ нихъ, съ ссылками на подлинники. Говоря объ остаткахъ древней живописи, уцѣлѣвшихъ въ Помпеи, мы описывали каждую картину при обозрѣніи того дома, въ которомъ она найдена, несмотря на то, что почти всѣ лучшія картины перенесены теперь въ неаполитанскій музей, называемый Бурбонскимъ, и только самая малая ихъ часть

осталась на прежнихъ мѣстахъ. Почитаемъ нужнымъ предупредить о томъ читателя, въ избѣжаніе недоразумѣній. Бронзы, мраморы и всѣ вообще вещи, открытыя въ развалинахъ Помпеи, также соединены въ Бурбонскомъ музеѣ, богатѣйшемъ и — по разнообразію хранящихся въ немъ остатковъ древности — единственномъ учрежденіи въ своемъ родѣ; но мы, слѣдуя той же системѣ, говоримъ о всѣхъ вещахъ, въ него перенесенныхъ, какъ будто бы онѣ ожидаютъ читателя на мѣстахъ, гдѣ покоились съ I-го до XVIII-го столѣтія. Такой порядокъ въ изложеніи намъ показался лучше другого: отъ него общая картина Помпеи становится полнѣе, живѣе, справедливѣе». Мы передаемъ читателямъ *Современника* подлинныя слова автора изъ его предисловія, чтобы они могли убѣдиться, какъ справедливо замѣчаніе наше о безконечной разницѣ въ русской литературѣ между двумя сторонами нашихъ писателей (см. выше стр. 370). Одни погрязли въ ничтожествѣ ребяческихъ сужденій и меркантильныхъ предпріятій: въ слѣдствіе сего — ежедневные возгласы о самыхъ пустыхъ, самыхъ безвкусныхъ книжонкахъ и изданіяхъ выпусками, унизительныя подробности о личныхъ дрязгахъ, и проч. и проч. Все это не стыдятся называть литературною дѣятельностію. Между тѣмъ, въ то же время, благородная любовь къ высшимъ знаніямъ и общей пользѣ скромно идетъ своею дорогою, спокойно изучаетъ человѣка и природу въ ихъ исторіи, въ ихъ жизни — и наблюденія свои передаетъ небольшому кругу мыслящихъ читателей. Такъ поступилъ и авторъ разсматриваемой здѣсь книги, давно извѣстный любознательностію и свѣдѣніями своими. Онъ издалъ книгу, исполненную занимательности, учености ясной и разсказовъ увлекательныхъ, какъ по содержащимся въ нихъ подробностямъ, такъ и по способу ихъ изображенія. Самое изданіе представляетъ образецъ вкуса и умѣнья автора быть собесѣдникомъ самымъ пріятнымъ и самымъ наставительнымъ.

Исторія Суворова. 130 политипажей, гравированныхъ лучшими русскими и парижскими художниками по рисункамъ А. П. Брюлова, П. В. Басина, А. А. Коцебу, Т. Г. Шев-

ченка, Р. К. Жуковскаго и М. В. Маслова, съ приложеніемъ великолѣпнаго фронтисписа, плановъ главнѣйшихъ сраженій, портрета и fac-simile почерка Суворова. Текстъ Николая Полеваго. Выпускъ первый.

Отъ прекрасной книги г. Левшина съ грустію и соболѣзнованіемъ переходимъ къ явленію, на которомъ ярко отразились всѣ признаки мелочности литературы модной. Чего тутъ нѣтъ? Въ длинномъ заглавіи встрѣчаете вы и семь именъ, и 130 политипажей, и парижскихъ художниковъ, и великолѣпный фронтисписъ, и планы, и портретъ, и fac-simile, и выпуски, словомъ: всѣ приманки, которыми литературная промышленность ловитъ въ сѣти неопытныхъ покупателей. Какая комедія изъ исторіи Суворова! Къ подвигамъ величайшаго изъ нашихъ героевъ прилѣпляютъ текстъ, какъ къ безсмертному творенію музыки безсмысленное либретто! Зачѣмъ же называть это исторіею? Скажите просто: «вотъ картинки къ анекдотамъ изъ жизни Суворова, поясненныя словами такого-то». А исторія есть творческое воссозданіе жизни въ томъ образѣ, въ тѣхъ краскахъ, въ той дѣйствительности, которыми выразилась вся великая душа историческаго лица. Для составленія исторіи нужны не картинки, на щепкахъ нацарапанныя, не текстъ нанизанный на гнилую нитку изъ вырванныхъ коё-гдѣ страничекъ заброшенныхъ словарей, нѣтъ: нужно глубокомысліе, вдохновеніе таланта, равновѣсіе духа писателя съ духомъ героя, сокровенные, вѣрные, свѣжіе матеріалы и великое искуство изложенія, извѣстное только просвѣщенному историку, искуство изящное, къ возвышенію котораго единственно и должна стремиться литература, а не къ униженію его.

Нѣчто о Этимологіи и Эстетикѣ по отношенію къ исторіи и къ наукѣ древностей.

Авторъ брошюры коротко упомянулъ о важности такихъ предметовъ, которые достойны изслѣдованій самыхъ подробныхъ и глубокихъ, особенно въ наше время при распространяющейся

страсти къ историческимъ выводамъ изъ этимологическихъ догадокъ. Изъ новѣйшей литературы Европейцевъ можно выбрать цѣлые томы въ подтвержденіе того, какъ ошибочны бываютъ заключенія историковъ, когда они основываютъ ихъ на произвольныхъ этимологическихъ толкахъ.

Записки покойнаго Колечкина.

Это собраніе разсказовъ и описаній, изложенныхъ въ сатирическомъ духѣ. Авторъ, выводя на сцену вымышленныя лица, рисуетъ современныя странности, пороки и заблужденія. Въ его очеркахъ много вѣрнаго и слѣдовательно наставительнаго. Но касаясь предметовъ слишкомъ слегка, или выбирая ихъ изъ сферы тѣсной, куда рѣдко заглядываетъ большая часть читателей, сочинитель не производитъ впечатлѣнія рѣзкаго и сохраняющагося въ воображеніи, чего преимущественно требуется отъ художественныхъ созданій. Впрочемъ онъ подчиняется общему стремленію: теперь и вся наша литература (за немногими исключеніями) состоитъ изъ безцвѣтныхъ типовъ.

Библіотека для воспитанія. Часть I. Отдѣленіе второе.

Разсматривая это заглавіе, мы долго не понимали, какого рода изданіе печатается подъ именемъ *Библіотеки для воспитанія:* журналъ это, или книга въ собственномъ смыслѣ? Наконецъ, обернувъ книжку, увидѣли слѣдующее объясненіе: «Библіотека для воспитанія въ 1843 году будетъ выходить въ 6-ти томахъ.» Это ужъ верхъ загадочности. Если она дѣйствительно въ каждый разъ появленія своего должна по смыслу публикаціи выходить въ шести томахъ, отъ чего же съ перваго разу вышла только въ одномъ томикѣ? Если же во весь годъ напечатаютъ ея только шесть томовъ, зачѣмъ такъ и не сказать? Оставивъ разысканія наши касательно выхода книжекъ, мы занялись разборомъ пьесъ, помѣщенныхъ въ той, которая была передъ нами. Тутъ мы убѣдились, что вся безсмыслица публикаціи произошла отъ простой причины и очень обыкновенной теперь у насъ въ литера-

турѣ: это книгопродавческая спекуляція — слѣдственно изданіе не литературное. Въ видѣ *казоваго* конца помѣщена здѣсь на 13-ти страничкахъ пьеса г-жи Зонтагъ: *Сказка въ видѣ альманаха*, пьеса аллегорическая, изъ которой дѣтямъ ничего не понять; да если бы и растолковать имъ, то для ихъ возраста нѣтъ тутъ никакого пріобрѣтенія. Далѣе идутъ школьническіе переводы самыхъ пустыхъ давно-забытыхъ сказокъ: *Караванъ, повѣсть о калифѣ Аметѣ, о мертвецахъ мореплавателяхъ, объ отрубленной рукѣ, о спасеніи Фатьмы, похожденіе маленькаго Мука, о ложномъ принцѣ, разсказъ Орбасана.* Въ заключеніе помѣщенъ (вѣрно въ образецъ негодныхъ переводовъ) переводъ изъ Нибура о греческихъ герояхъ, гдѣ даже въ заглавіе вкралась безсмыслица: *Исторія* греческихъ героевъ, расказанная Нибуромъ *своему* сыну. Въ этихъ разсказахъ, вотъ напримѣръ какія любопытныя и приноровленныя къ дѣтскимъ понятіямъ изображенія представляются: «Инона, вторая жена Атамаса, была очень злая мачиха. Ей вздумалось принести въ жертву маленькаго Фрикса, ея пасынка. Когда его поднесли къ олтарю, то вдругъ явился прекрасный, большой овенъ: на немъ была золотая волна и онъ умѣлъ бѣгать по облакамъ. Богъ Гермесъ, который прислалъ этого овна, посадилъ на него Фрикса и сестру его Геллу, и велѣлъ имъ итти по воздуху въ страну, называемую Колхидою. Овенъ зналъ дорогу. Дѣти держались одною рукою крѣпко за рога его, а другою обнявшись другъ за друга *(вѣрно у нихъ обоихъ только и было двѣ руки)*. Но Гелла отняла руку и упала въ море. Фриксъ горько плакалъ о смерти бѣдной сестры своей, однако держался крѣпко, ѣхалъ далѣе и пріѣхалъ въ Колхиду. Тамъ принесъ онъ въ жертву овна (*изъ мщенія за сестру, или въ благодарность за услугу, ему оказанную?*), а золотое руно его прибилъ къ большому дубу.» И это взято изъ самаго перваго расказа. Нѣтъ ни объясненій, ни введенія. Назначивъ такія сказки *для чтенія самимъ дѣтямъ*, думалъ ли о чемъ-нибудь издатель? Если бы злоупотребленіе печати не касалось области воспитанія, мы не стали бы и говорить объ этой

книгѣ. Много подобныхъ ей ежедневно выходитъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ для забавы праздности и невѣжества. Но *книги для дѣтей* не должны быть выдаваемы единственно для видовъ коммерческихъ. Все доброе и похвальное по этой части заслуживаетъ общественную признательность; а все недостойное вниманія — общественное отверженіе.

Сельскія бесѣды для народнаго чтенія. Изданіе Е. Фишера. Десять тетрадокъ.

Планъ этого похвальнаго и у насъ столь необходимаго предпріятія есть слѣдующій. Въ *Сельскія бесѣды* входитъ три отдѣла: I. Ученіе основное; II. Хозяйство; III. Чтеніе. *Первый* отдѣлъ подраздѣляется на три предмета, которые суть: русская грамота, счисленіе и нравственность; во *второмъ* семь предметовъ: полеводство, огородничество, садоводство, лѣсоводство, домостроительство, уходъ за домашними животными и промыслы; въ *третьемъ* два предмета: природа съ ея произведеніями и были и небылицы въ разсказахъ легкихъ, занимательныхъ и поучительныхъ. Еще недавно, по случаю появленія другой книжки, составленной для простого класса читателей обществомъ отличныхъ авторовъ русскихъ, подъ названіемъ *Сельское чтеніе* (см. выше стр. 364), мы указали на причины, которыя препятствуютъ дѣйствительному успѣху подобныхъ въ Россіи предпріятій, и изъявили желаніе, чтобы эта отрасль литературы получила у насъ движеніе болѣе серьёзное и рѣшительное. Изданіе г. Фишера подаетъ намъ надежду, что мысль наша можетъ осуществиться. Насъ пугаетъ только выдача книжекъ неопредѣленными выпусками. Это самая фальшивая система въ отношеніи къ пользѣ читателей. Надобно или выдать цѣлую книгу по какому-нибудь предмету, или установить неизмѣнные сроки для сообщенія предназначаемыхъ статей. А выпуски, придуманные отчаяніемъ отъ безденежья и недостатка матеріаловъ, называемыхъ въ типографіи оригиналомъ, ни для кого, никогда, нигдѣ не превращаются въ полезное пріобрѣтеніе и подобно осеннимъ листь-

ямъ разлетаются, Богъ вѣсть куда, при своемъ отторженіи отъ стебля.

Супружеская истина, въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ.

Заглавіе этой книги отъ того потеряло смыслъ, что переводчику или заимствователю не заблагоразсудилось удержать при своемъ твореніи подлинное названіе книги, которою онъ скромно воспользовался. Книга эта называется: *Tableau de l'amour conjugal.* Но что значитъ *Супружеская истина?* Ежели издатель называетъ многозначительнымъ словомъ «истина» сборъ ничтожныхъ и устарѣлыхъ разсужденій о нѣкоторыхъ случаяхъ, относящихся до брачнаго состоянія, то злоупотребленіе слова здѣсь доведено до крайности. Не говоримъ уже о приложеніи истины къ физическому отношенію супруговъ: тутъ ровно ничего не выходитъ. Итакъ, чтобы возстановить достоинство его труда, мы совѣтуемъ автору приступить къ новому изданію, въ которомъ бы онъ удержалъ весь текстъ и смыслъ подлинника, такъ затемненнаго нынѣ.

Лейла или осада Гренады. Сочиненіе Э. Л. Больвера. Переводъ съ англійскаго Н. М. Двѣ части.

Искуство, въ своемъ истинномъ значеніи, не у однихъ насъ рѣдко является вполнѣ постигнутымъ и достойно исполненнымъ: прочіе Европейцы, особенно при нынѣшней неугомонной фабрикаціи книгъ, тоже унижаютъ его. Надобно получить отъ природы не одну силу таланта, но и достоинство характера и высокую любовь къ изящному, чтобы не увлечься потокомъ моды, суетности и корыстолюбія. Больверъ одаренъ многими качествами, изъ сліянія которыхъ образуется поэтической талантъ. Но и онъ не защищенъ отъ искушенія, которымъ преслѣдуетъ всѣхъ духъ времени. Вотъ передъ нами его романъ, нисколько не соотвѣтствующій идеѣ, какую долженъ былъ составить геніальный писатель о лицахъ, характерѣ и краскахъ времени, имъ избран-

наго для творенія. Ложныя представленія и жизнь, противорѣчащая исторіи, разрушаютъ всякое очарованіе. Мы не удивляемся, что этотъ романъ переведенъ на Русской языкъ. Если бы еще не далѣе простиралось наше суевѣрное поклоненіе именамъ, а не сущности искуства, мы не упали бы такъ глубоко въ смѣшное своими литературными заимствованіями.

О жизни и трудахъ Ф. Ф. Шармуа. Брошюра П. Савельева.

Слухъ о кончинѣ бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета и адъюнкта Академіи Наукъ *Франца Францовича Шармуа* заставилъ одного изъ молодыхъ нашихъ оріенталистовъ, живо чувствующаго горестную утрату для наукъ, взглянуть, хотя бѣгло на первый разъ, чѣмъ ознаменована была дѣятельность полезнаго для Россіи иностранца, такъ счастливо усыновленнаго ею. Если справедливо, что экспрофессоръ нашъ скончался въ прошломъ году (мы еще не встрѣтили рѣшительнаго подтвержденія этого слуха), то всей его жизни было 49 лѣтъ. Изъ нихъ 18 онъ посвятилъ Россіи. Его прибытіемъ сюда и слѣдовательно всею пользою, какую принесъ онъ намъ какъ профессоръ, какъ академикъ, какъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ литераторъ и наконецъ какъ наставникъ въ частныхъ домахъ, мы обязаны нынѣшнему министру просвѣщенія Сергію Семеновичу Уварову. Бывши попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ, предварительно изложивъ въ особомъ сочиненіи (см. выше стр. 369), до какой степени выгодно и даже необходимо для Россіи изученіе восточныхъ языковъ, употребилъ все свое вліяніе какъ непосредственный начальникъ Педагогическаго института (замѣнявшаго тогда нынѣшній С.-Петербургскій университетъ), чтобы въ немъ открыта была по этой части особая каѳедра, что и послѣдовало въ 1817 году. Еще и нынѣ мы живо помнимъ это незабвенное для наукъ событіе. Г. попечитель произнесъ тогда свою знаменитую рѣчь, въ которой краснорѣчиво изложилъ вліяніе Востока на цивилизацію

Европы. Профессоръ Шармуа, вызванный изъ Парижа для занятія каѳедры персидскаго языка, еще молодой человѣкъ 24 лѣтъ, скромный, но уже знатокъ своего дѣла и видимо исполненный таланта, прочиталъ тогда разсужденіе свое о свойствѣ, особенностяхъ и красотахъ персидской поэзіи. Эта ученая диссертація проникнута была свѣжестью, блескомъ и ароматомъ цвѣтовъ Востока. Онъ успѣлъ съ перваго раза привлечь къ себѣ всеобщую любовь, довѣренность и уваженіе къ своимъ свѣдѣніямъ, и показалъ образецъ, какъ надобно изучать литературу, эту сокровищницу богатствъ исторіи, политики, философіи и естествовѣдѣнія. Въ разсматриваемой нами брошюрѣ г. Савельева исчислены ученые труды Шармуа и всѣ должности, которыя на него были возлагаемы въ Россіи. Въ дополненіе надобно сказать, что, послѣ Шлёцера, едва ли былъ хоть одинъ ученый иностранецъ въ Россіи, который бы такъ неуклончиво, такъ добросовѣстно, такъ успѣшно и съ такою къ намъ любовію служилъ и работалъ въ новомъ своемъ отечествѣ, какъ Шармуа. Онъ въ первые же годы своего здѣсь пребыванія такъ счастливо овладѣлъ русскимъ языкомъ, что съ полною свободою говорилъ на немъ, читалъ все и могъ сочинять безъ малѣйшаго затрудненія. Правда, у него была необыкновенная способность къ изученію языковъ, что̀ облегчалось особенною методою, которую онъ для себя создалъ на подобные случаи. Удивительное прилежаніе и трудолюбіе еще болѣе давали ему средствъ успѣвать во всякомъ ученомъ предпріятіи. Для него не существовало такъ называемаго времени отдыха. Всѣ часы, свободные отъ должности, распредѣлены были на разныя безпрерывныя занятія. Лѣтомъ, послѣ обѣда, на дачѣ, когда все неодолимо влечетъ къ сладостному отдохновенію, онъ для прогулки не выходилъ иначе въ садъ, какъ съ кипою журналовъ и газетъ, которые ходя читалъ вслухъ, чтобы звуками своими защититься отъ малѣйшаго посторонняго развлеченія. Этимъ только и можно изъяснить обширность, разнообразіе и основательность его свѣдѣній. Но всего замѣчательнѣе была *скромность* его. Храня въ душѣ невольное сознаніе превосход-

ныхъ качествъ своихъ и умственнаго преобладанія надъ сверстниками, никогда, нигдѣ и ни изъ какихъ побужденій не выказывалъ онъ себя толпѣ, не унижалъ своихъ соперниковъ; даже завистниками и врагами своими ни разу не пожертвовалъ столь естественному чувству самолюбія. Онъ высоко сохранилъ достоинство души своей какъ писатель и какъ гражданинъ. Онъ говорилъ, что самый поверхностный оріенталистъ, для бо́льшаго числа людей и даже для ученыхъ по другимъ отраслямъ наукъ, столько же можетъ показаться необыкновеннымъ знатокомъ, какъ и онъ, потому что нигдѣ хвастовству и наглости такъ свободно не открыта дорога, какъ на поприщѣ мало-посѣщаемомъ—и потому онъ краснѣетъ при одной мысли заносчиваго состязанія, опасаясь подозрѣнія, что и онъ не изъ числа ли *привилегированныхъ шарлатановъ*. Науку онъ любилъ какъ святыню, которой служилъ для истины и общаго блага. Истина, прибавлялъ онъ, не вносится въ сердца насильно, а дѣйствуетъ на нихъ даже невидимо, какъ на землю солнце сквозь облака. Въ его душѣ и сердцѣ было что-то столь теплое, сто́ль вѣрное и столь неизмѣнно-чистое, что онъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и во всѣхъ сношеніяхъ съ другими во всю жизнь остался равно безъ упрека и въ равномъ спокойствіи. Еще въ дѣтствѣ, по желанію матери, онъ былъ обрученъ съ одною своею родственницею. Въ его первые годы пребыванія здѣсь обрученная оставалась во Франціи. Не только разлука, даже болѣзнь, измѣнившая совершенно физіономію будущей подруги его, нисколько не подѣйствовали на святое чувство его долга. Онъ прибылъ отсюда въ прежнее свое отечество, вступилъ въ назначенный ему бракъ и возвратился въ Санктпетербургъ съ супругою. Какъ бы для испытанія его твердости и великодушія, судьба подвергла его неожиданному бѣдствію: его супруга отъ болѣзни лишилась ума. Никто не слыхалъ его ропота или жалобъ въ эту эпоху. Онъ съ нѣжною заботливостію и трогательною любовію окружалъ несчастную всѣми своими попеченіями и всѣмъ своимъ вниманіемъ. Мы долго не кончили бы разсказа нашего объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, если бы

захотѣли передать читателямъ все, что знаемъ о немъ. Но и этотъ легкій очеркъ можетъ дать понатіе объ его характерѣ и направленіи ума.

Солдатскіе досуги Казака Владиміра Луганскаго.

Книжка эта написана тѣмъ остроумнымъ и бойкимъ перомъ, которое по-преимуществу любитъ простонародный русскій языкъ и употребляетъ его для сообщенія простымъ людямъ полезныхъ и назидательныхъ истинъ. Авторъ давно извѣстенъ публикѣ съ отлично-хорошей стороны подъ своимъ вымышленнымъ прозваніемъ. Его *Досуги* не что иное, какъ убѣдительныя и каждому русскому человѣку понятныя разсужденія, короткіе, но разительные разсказы и воспоминанія, особенно событій военныхъ. Читатели *Современника* еще въ 1841 году получили уже для себя цѣлую половину этихъ увлекательныхъ *Досуговъ* (Т. XXV). Теперь изданы они вполнѣ особою книжкой. Мы увѣрены, что въ библіотекѣ для простонароднаго чтенія одно изъ первыхъ мѣстъ займутъ сочиненія Луганскаго. Въ нихъ умъ, тонъ, краски и рѣчь схвачены прямо изъ русскаго быта.

Очерки московской жизни. П. Вистенгофа.

Московская жизнь представила автору гораздо болѣе смѣшныхъ сторонъ, нежели серьёзныхъ. Должно быть, таковъ его индивидуальный взглядъ на предметы. Такъ какъ *Очерки* не *исторія*, то нельзя и взыскивать съ сочинителя, зачѣмъ онъ увлекся одностороннностію. Существенное дѣло въ томъ, вѣрно ли изображена комическая сторона московской жизни? ея ли точно особенности поразили наблюдательный умъ автора? сообщилъ ли онъ своей картинѣ истину жизни и художественный интересъ? возвелъ ли онъ свое созданіе въ разрядъ сочиненій, никогда не теряющихъ цѣны по строгой оцѣнкѣ дѣйствительнаго комизма, полнотѣ группъ и поразительной движимости явленій? Если бы онъ все это исполнилъ, то книга его навсегда осталась бы драгоцѣннымъ оттискомъ одной стороны жизни Москвитянъ. Но въ его

картинѣ общія мѣста вытѣснили всю частность. Сословія московскія, ихъ нравы и прочія черты быта не поражаютъ читателя особенностями: онъ все это встрѣчалъ и въ Архангельскѣ и въ Астрахани. Надобно было вникнуть въ то, чего нигдѣ не найдешь, кромѣ Москвы.

Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издаваемыя М. Загоскинымъ. Выходъ первый.

Избравъ съ г. Вистенгофомъ одинъ и тотъ же предметъ для наблюденій, г. Бѣльскій нисколько не сходится съ товарищемъ своимъ въ воспріятіи впечатлѣній. Правда, ихъ сближаетъ отсутствіе дѣйствительно-московскихъ частностей, замѣненное указаніями на общія русскія черты. Но странно видѣть, какъ патріотизмъ г. Бѣльскаго умиляется тамъ, гдѣ тѣшится юморъ его сотрудника. Читая оба сочиненія вмѣстѣ, подумаешь, что въ жизни Москвичей нѣтъ пищи созерцанію серьёзному; а все, что поражаетъ художника, то забавляетъ его въ минуты смѣха и трогаетъ въ минуты всепрощенія. Это даетъ причины думать, что тотъ и другой сочинитель не изучили своего предмета какъ художники, а внесли въ свои творенія каждый собственную Москву, создавшуюся въ ихъ душѣ по прихоти собственнаго ихъ воображенія. Это обыкновенно случается съ тѣми живописцами, которые, какъ выражаются въ Германіи, слишкомъ субъективны.

Стихотворенія Е. Милькѣева.

Читателямъ нашимъ уже возвѣщено было о томъ, что книга, которой выписано здѣсь заглавіе, должна скоро вытти (*Современ.* Т. XXIX) [1]. И вотъ передъ нами собраніе стихотвореній поэта,

[1]) Тамъ, при одномъ изъ стихотвореній молодого поэта помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «*Евгеній Лукичъ Милькѣевъ* постоянно помѣщаетъ свои стихотворенія въ *Современникѣ* съ 1839 года. Его стихи, начинающіеся словами: *И какъ свѣтло*, были первые изъ напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ (XIV т., 178 стран.). Въ то же время подъ его пьесою мы замѣтили для читателей, что вмѣсто имени автора будемъ выставлять подъ его сочиненіями только буквы Э м - - въ. Между тѣмъ еще въ 1838 г. (См. томъ I настоящаго изд., стр. 407)

котораго по справедливости надобно назвать замѣчательнымъ между современными нашими талантами. Будучи всѣмъ обязанъ природному чувству и постоянному стремленію къ самосовершенствованію, онъ довелъ свое искуство до обработки прекрасной. Удивительнѣе всего, что въ эпоху паденія чистыхъ поэтическихъ формъ, не поддерживаемый строгостію науки, онъ, руководимый единственно музыкальнымъ слухомъ и внутреннимъ тактомъ, понялъ назначеніе поэтическихъ созданій и защитился отъ всѣхъ недостатковъ господствующаго теперь слога. Но это одни отрицательныя его достоинства. А онъ исполненъ и положительныхъ прекрасныхъ качествъ. Обдумывая самобытно предметы своей поэзіи и чувствуя сильно красоты природы и ея вліяніе на сердце, онъ исполненъ выразительности оригинальной; онъ владѣетъ самыми смѣлыми идеями и создалъ для ихъ оттѣнковъ множество счастливыхъ оборотовъ и выраженій. Ясность представленія образовъ и дѣйствій сообщила его языку необыкновенно чистую отдѣлку. Чтобы наши замѣчанія сдѣлались ощутительнѣе, мы выписываемъ изъ него стихотвореніе, подъ названіемъ: *Возрожденіе:*

Смѣна холоду крутому,
Смѣна мертвымъ, душнымъ льдамъ,
Сну болѣзненно-нѣмому,
Зимнимъ вихрямъ и снѣгамъ!
Міръ очнулся весь глубоко —
И прелестенъ, и богатъ,
Одѣвается широко
Въ новосвадебный нарядъ.

помѣстили мы любопытнѣйшія обстоятельства его біографіи. Нынѣ въ № 8 *Москвитянина* (1842) увидѣли мы перепечатанными сообщенныя нами тогда извѣстія и самое имя автора разоблаченнымъ по случаю изданія имъ полнаго собранія стихотвореній его. Этотъ случай заставилъ и насъ подъ стихотвореніемъ г. Милькѣева поставить его имя. Мы желаемъ, чтобы публика достойно оцѣнила этотъ талантъ, котораго открытіемъ она обязана первому изъ нынѣшнихъ поэтовъ русскихъ, В. А. Жуковскому». *П. Плетневъ.*

Вновь лѣса темны, пахучи,
Полны мракомъ и весной —
И свободны и могучи
Воды льются съ быстротой.
Воротилась тверди ясной
Золотая бирюза
И за тучей громогласно
Говорящая гроза.

Такъ являютъ дни и годы
Непрерывный переходъ:
То потускнетъ жизнь природы,
Одряхлѣетъ и замретъ;
То возстанетъ отъ паденья,
Вновь полна красы и нѣгъ...
Лишь одинъ ты возрожденья
Не извѣдалъ, человѣкъ!

Ты помазанникъ созданья,
Ты съ душою получилъ
Ключъ премудраго познанья,
Даръ святыхъ, высокихъ силъ.
Чтожъ ты юностью вѣнчальной
Вновь не блещешь, неба сынъ,
А къ развалинамъ печально
Переходишь отъ сѣдинъ?

Нѣтъ, не гибнешь ты... Хоть годы
Изотрутъ тебя во прахъ —
Все властитель ты природы,
Вѣчный въ царственныхъ правахъ;
Создаешь ты поколѣнья
Жизнью собственной — и вотъ
Бытія и возрожденья
Безконечный пиръ цвѣтетъ!

И увядшій невозвратно
Блескъ твоихъ весеннихъ дней
Въ роды мчится перекатно
Съ пыломъ воли и страстей.
И сынамъ твоимъ судьбами
Заповѣданъ тотъ же путь,
Такъ же въ нихъ реветь громами
Огнедышащая грудь!

Кто постигаетъ успѣхъ соединенія поэтической идеи съ достоинствомъ ея словесной формы, тотъ безъ сомнѣнія почувствуетъ, какъ не похожи эти стихи г. Милькѣева на ежедневно нынѣ появляющіяся рифмованныя строки безъ гармоніи, безъ ясности, лишенныя ровности фразъ и колеблющіяся въ своемъ невѣрномъ движеніи. Въ общемъ направленіи поэзіи г. Милькѣева выражается чувство благоговѣнія къ Создателю, любви и удивленія къ природѣ и ко всему прекрасному. Всѣ высокія истины, такъ счастливо изображенныя имъ, почерпнулъ онъ изъ собственнаго источника души — и вотъ какъ справедливо и убѣдительно о томъ говоритъ онъ:

Не опытъ смертному даруетъ
Блаженной мудрости удѣлъ,
И не сѣдины знаменуетъ
Краса высокихъ чувствъ и дѣлъ;
Нѣтъ, съ раннихъ лѣтъ намъ есть Учитель,
Его глаголъ непобѣдимъ:
Самъ дивный вѣетъ Вседержитель
На насъ дыханіемъ святымъ.

Собраніе стихотвореній изъ лучшихъ отечественныхъ писателей. Для дѣтскаго возраста.

У насъ очень немного хорошихъ пособій для дѣтей при обученіи ихъ русскому языку. Тѣмъ съ бóльшею благодарностію

надобно принимать все, что дѣлается добросовѣстно и съ благоразуміемъ. Выборъ стихотвореній для дѣтей особенно былъ необходимъ. Въ хорошихъ стихотворныхъ пьесахъ языкъ живѣе и увлекательнѣе, нежели въ прозаическихъ. Его формы, обороты и счастливыя выраженія глубоко печатлѣются въ умѣ и памяти юношества. Разсматриваемая нами книжка составлена осмотрительно и можетъ быть употребляема воспитателями съ пользою. Въ ней соблюдена постепенность идей и предметовъ. Издатели предполагаютъ напечатать въ этомъ же родѣ собраніе стихотвореній для второго возраста и даже для третьяго. Желаемъ, чтобы они сохранили въ слѣдующихъ частяхъ всѣ условія, которыхъ держались нынѣ.

Аристократка, быль недавнихъ временъ, разсказанная Л. Брантомъ.

Авторъ, увлекаемый модою, господствующею въ европейской литературѣ, остановился на томъ, что теперь называютъ *типъ* — и написалъ романъ на модную тему. Но онъ конечно упустилъ изъ виду, что всѣ типы, т. е. образы общіе, взятые изъ цѣлаго сословія, холодны и безцвѣтны для романа какъ для поэзіи, а типъ *аристократки* — самый неблагодарный, самый прозаической сюжетъ для художника. Ужели г. Бранту какъ поэту неизвѣстно, что чѣмъ индивидуальнѣе содержаніе, тѣмъ болѣе въ немъ красокъ? А что можетъ быть болѣе неопредѣленнаго, болѣе общаго, болѣе лишеннаго физіономіи, какъ аристократка? Это лицо высшаго сословія не одного Петербурга, но и Вѣны, и Рима, и Парижа, и Мадрита, и Лондона, и Стокгольма, и даже Гельсингфорса. Для этого лица повсюду одинъ языкъ, одни нравы, одни условія, одни даже страсти. Чѣмъ же оживить черты столь стершіяся, цвѣтъ, столь поблеклый, жизнь, столь изношенную? Слѣдствіемъ ошибочнаго выбора предмета было и исполненіе неудачное. Гдѣ аристократка вѣрна своей роли, тамъ она дѣйствуетъ безъ поэзіи; а гдѣ она предается жизни, которою по своей благосклонности надѣляетъ ее авторъ, тамъ она пере-

стаетъ быть аристократкою. Читатель тамъ и здѣсь въ проигрышѣ. Ему хочется заглянуть въ тайны *дѣйствительнаго* сердца и почерпнуть оттуда благодатной истины; а онъ заглядываетъ въ конфектное сердечко и вынимаетъ изъ него два французскіе стишка.

Полная Русская Хрестоматія, или образцы краснорѣчія и поэзіи, заимствованные изъ лучшихъ отечественныхъ писателей. Составилъ А. Галаховъ. Двѣ части.

Составленіе книги, которая бы заключала въ себѣ лучшіе отрывки лучшихъ писателей во всѣхъ родахъ, не легкое дѣло. Не говоримъ уже о томъ, всякому ли дано вѣрное чувство постигать истинно-прекрасное и отдѣлять его отъ кажущагося прекраснымъ. Мы соглашаемся, что, принимая на себя званіе судьи, человѣкъ не безъ сознанія берется за свое дѣло. Есть затрудненія въ этомъ исполненіи, менѣе существенныя, но почти непреодолимыя. Вопервыхъ отъ составителя хрестоматіи требуется, чтобы онъ, опредѣливъ объемъ времени, въ которомъ будетъ искать образцевъ своихъ и содержанія, соотвѣтствующаго идеѣ книги его, изучилъ *дѣйствительно всѣ* произведенія, изъ которыхъ обязывается составить выборъ. Все, что только вышло изъ типографскихъ станковъ въ этотъ періодъ и въ его категоріи, гдѣ бы оно напечатано ни было, отдѣльною ли издано книгою, или брошено въ летучую газету, скрѣплено ли подписью знаменитаго имени, или явилось съ загадочнымъ псевдонимомъ, даже безъ всякой отмѣтки, все должно быть прочитано, взвѣшено, отобрано и тщательно сохранено составителемъ хрестоматіи. Во-вторыхъ: заготовленные такимъ образомъ матеріалы (на что потребно много времени и *особенно* много труда постояннаго и добросовѣстнаго), передъ составленіемъ книги, должны быть строжайше сравнены какъ въ общемъ ихъ объемѣ, такъ и въ частномъ отношеніи каждой пьесы автора къ другимъ его однороднымъ пьесамъ. Надобно, чтобы книга въ сложности своей образовала собою цѣлое, дѣйствительно равноцѣнное въ частяхъ, сколько дозволяетъ зрѣ-

лость литературы, и чтобы каждый авторъ являлся въ ней только съ истинными своими совершенствами, до которыхъ удалось ему додуматься и дойти трудами. Видимо, что эта обязанность заставляетъ составителя хрестоматіи почти столько же работать надъ всякимъ избраннымъ лицомъ, сколько онъ прежде работалъ надъ всею своею литературою. Въ-третьихъ: признавая рѣшительную невозможность въ безошибочномъ исполненіи этихъ двухъ условій, связывающихъ одно лицо, сколько бы оно дѣятельно и всѣми воображаемыми пособіями снабжено ни было, мы думаемъ, что безъ участія самихъ сочинителей (по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ изучить еще не было времени) составитель не достигнетъ цѣли своей. Итакъ онъ долженъ искать ихъ участія, дорожа и собственною и ихъ репутаціею. До сихъ поръ никто не поступалъ по симъ правиламъ, хотя они необходимы. Сколько извѣстно по исторіи нашей литературы, первая у насъ хрестоматія явилась въ 1804 году. Ее напечаталъ учитель 1-го Кадетскаго корпуса Желѣзниковъ и назвалъ: *Сокращенная библіотека*. Вслѣдъ за нимъ два учителя нѣмецкой Петропавловской школы, П. Шлейснеръ и Н. Гречъ, издали тоже что-то въ родѣ хрестоматій: *Опытъ грамматическаго руководства въ переводахъ съ россійскаго языка на нѣмецкой и на французской* (3-іе изданіе въ 1824) и *Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ* (1812 г.). Самое сильное движеніе сборникамъ дано было въ Москвѣ, гдѣ Жуковскій издалъ: *Собраніе Русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ* (1810 г.). За симъ и въ С.-Петербургѣ явилось изданіе *Собранія образцовыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ* (1815—1817). Этою мыслію неутомимо пользовался покойный дерптскій экстр. профессоръ А. Воейковъ, печатавшій нѣсколько разъ въ видѣ продолженія: *Новое собраніе Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ* (1821—1824 г.). П. Никольскій составилъ изданіе въ подобномъ родѣ, подъ названіемъ: *Пантеонъ Русской поэзіи* (1814). Въ Харьковѣ А. Вербицкій напечаталъ: *Избранныя*

мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ (1822). Содержатели пансіона, Журданъ и Берарь, выдали собраніе прозаическихъ пьесъ, подъ названіемъ: *Постепенныя занятія переводами съ Русскаго языка на Французскій и Нѣмецкій.* Бывшій учителемъ въ одной изъ С.-П.-бургскихъ гимназій Пенинскій собралъ *двѣ хрестоматіи*: одну для *Церковно-Славянскаго и стариннаго Русскаго языка*, другую для *нынѣшняго Русскаго*. Не упоминаемъ о другихъ книгахъ въ этомъ же родѣ. Ихъ было очень много. Причиною — кажущаяся легкость предпріятія и исполненія. Такъ и все по большой части у насъ дѣлается въ литературѣ. Надобно, чтобы человѣкъ очень любилъ ея совершенствованіе, если, избравъ трудъ, онъ выполняетъ его по собственной идеѣ. Въ исчисленныхъ нами книгахъ все велось по предшествовавшимъ примѣрамъ. Что уже слишкомъ знакомо всѣмъ, что по времени и другимъ соображеніямъ пріятно значительному лицу, что входитъ въ частности отношеній собирателя, что ближе, или что случайно попалось на глаза, то и печаталось. Поэтому мы видѣли вездѣ такую пестроту, такую небрежность, такіе пропуски, что не стóитъ и входить въ разсмотрѣніе ихъ. Главная причина недостатковъ заключается въ *наружной* легкости исполненія и въ *существенныхъ* трудностяхъ, которыя мы обозначили выше, если составитель хочетъ сдѣлать что-нибудь *дѣйствительно полезное.* Возвращаясь къ книгѣ г. Галахова, мы отдаемъ ей справедливость въ томъ, что она полнѣе прежнихъ хрестоматій, что выборъ въ ней обдуманнѣе, словомъ, что она, по обыкновенному понятію, удовлетворяетъ требованіямъ своего назначенія. Но если мы станемъ разсматривать ее по теоріи, нами начертанной при началѣ сей статьи, то конечно и самъ составитель сознáется, что въ этомъ родѣ можно собрать книгу гораздо лучше. Мы готовы сослаться на всѣхъ авторовъ, которыхъ пьесы здѣсь помѣщены: сами они не всѣ избранныя составителемъ пьесы считаютъ своими лучшими — и не только сочинители, то же скажутъ даже и критики, достойные довѣренности. Въ различныхъ родахъ прозы и поэзіи много пропущено такого, что

должно бы попасть сюда и замѣнить напечатанное. Видно, что составитель слишкомъ довѣрялъ памяти своей и готовымъ сборникамъ, а самъ не принялъ труда изучить нашу литературу вообще и собранія сочиненій каждаго автора въ частности. Онъ даже съ такою поспѣшностію, безъ справокъ, вносилъ иныя пьесы, что подъ ними очутились чужія имена (стран. 309, Ч. II.). Не говоримъ о промахахъ противъ смысла, какъ наприм. на стран. 196, Ч. II: *но гдѣ мы*, вмѣсто: *но гдѣ вы?* Г. Галаховъ, изъясняя въ предисловіи своемъ, чтó значитъ хрестоматія, упомянулъ о сочиненіи Прокла, которое названо хрестоматіею же и содержитъ въ себѣ имена всѣхъ *циклическихъ* поэтовъ, съ показаніемъ, гдѣ и когда каждый изъ нихъ родился. И намъ бы пора обратиться къ этой идеѣ. Зачѣмъ, хотя передъ оглавленіемъ, не помѣстить объ умершихъ авторахъ, достойны ли они, по силѣ мышленія своего, чтобы изучать ихъ вполнѣ, велика ли сфера твореній ихъ въ области литературы, и сколько времени они жили? По крайней мѣрѣ, зачѣмъ не составленъ здѣсь для хрестоматіи алфавитный списокъ избранныхъ сочинителей, съ указаніемъ, что, гдѣ и въ какомъ родѣ взято изъ нихъ для книги? Что касается до раздѣленія произведеній по родамъ, г. Галаховъ объявилъ, что оно не ему принадлежитъ и онъ за него не отвѣчаетъ. Онъ говоритъ, что его главная забота была собрать образцы изящнаго современнаго языка. Долго мы будемъ ошибаться въ понятіяхъ нашихъ о своей литературѣ, если не пріучимся искать достоинства писателей не въ такъ называемой современности языка, а въ ихъ мыслительной силѣ, въ ихъ самобытности сужденій, въ ихъ гармоніи представленій съ языкомъ. Кто способенъ живо чувствовать и равносильно изображать свои идеи, тотъ навсегда останется образцомъ, хотя бы въ языкѣ и произошли послѣ него нѣкоторыя обновленія. Г. Галаховъ самъ чувствовалъ справедливость этой мысли: онъ, въ видѣ исключенія, допустилъ въ хрестоматію нѣсколько пьесъ, писанныхъ, какъ говорится, устарѣлымъ языкомъ. Мы желаемъ, чтобы онъ осуществилъ свою идею о хрестоматіи исторической. Его нынѣшняя книга полезна; но,

составивъ изъ образцовъ исторію словесности, онъ еще болѣе благодарности заслужитъ отъ всѣхъ, понимающихъ дѣло.

Подземные ключи. Изд. кн. Н. Мансыревъ.

Собраніе стихотвореній и статей въ прозѣ, нигдѣ еще до сихъ поръ не печатавшихся. Итакъ это родъ альманаха. Такъ какъ собраніе не представляетъ въ себѣ ничего характеристическаго, никакой художнической, или ученой цѣли; то мы и удивляемся, для чего бы сочинителямъ симъ не примкнуть къ фалангѣ *Ста Литераторовъ* точно въ такомъ же безхарактерномъ видѣ собирающихся? Но для нихъ здѣсь была бы выгода: потомство увидѣло бы портретъ каждаго изъ нихъ, fac-simile и даже картинку изъ которой-нибудь ихъ пьесы.

О реформѣ, какую произвелъ Сократъ въ философіи, ея причинахъ и слѣдствіяхъ. Разсужденіе студента Ришельевскаго лицея, Александра Великанова, удостоенное Совѣтомъ лицея награды золотою медалью.

Мы радуемся, что историческое изученіе пріобрѣтаетъ у насъ надлежащій свой характеръ. Изъ диссертаціи г. Великанова видно, что онъ понимаетъ, какъ надобно смотрѣть на философію. Подобные взгляды должны быть обращены и на всѣ отрасли умственной дѣятельности. Въ идеяхъ философа или другого ученаго надобно открывать тайны жизни того вѣка и народа, которымъ онъ принадлежалъ.

О постепенномъ развитіи идеи брака въ древнемъ мірѣ. Сочиненіе кандидата правъ Лаврентія Соколовскаго для полученія степени магистра правъ.

Предметъ, избранный сочинителемъ, очень важенъ не только въ отношеніи къ юриспруденціи, но и въ особенности къ исторіи гражданственности. Развитіе идеи брака есть развитіе совершенствованія людей въ обществѣ. Успѣхи этой идеи прямо указываютъ на успѣхи самосознанія людей. На русскомъ языкѣ такъ

мало источниковъ для обработыванія подобной темы, что автору естественно надобно было обратиться къ иностраннымъ литературамъ. На нѣмецкомъ языкѣ онъ болѣе всего нашелъ для себя пособій — и воспользовался ими тщательно. Преимущественно приноситъ ему честь обстоятельство, что онъ обратился къ такимъ авторамъ, которые заключенія свои вывели изъ подлинныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей. Ему принадлежитъ планъ, развитіе его и изложеніе. Принявши за основаніе столь распространенное уже по Германіи раздѣленіе человѣчества на міръ Восточный или Азіятскій и міръ Европейскій или Западный, онъ разсматриваетъ развитіе идеи брака въ Индіи, въ Китаѣ съ Японіею, въ Персіи и по восточному берегу Средиземнаго моря, у Евреевъ, въ Египтѣ, въ Греціи и наконецъ въ Римѣ. Самыя обильныя, самыя разнообразныя и слѣдовательно самыя удовлетворительныя данности представили ему узаконенія Евреевъ и Римлянъ. Такимъ образомъ и его развитіе здѣсь столько же заманчиво и наставительно, сколько въ другихъ мѣстахъ оно скудно и безцвѣтно. Впрочемъ, какъ историкъ, онъ не могъ не подчиниться состоянію самыхъ актовъ. Что касается до его изложенія, оно обнаруживаетъ нѣкоторую неопытность владѣть перомъ, что̀ понятно въ первомъ трудѣ юноши. Мы увѣрены, что, предавшись вполнѣ наукѣ и ея обработыванію, онъ достигнетъ зрѣлости во всемъ. Желаемъ только, чтобы наши молодые ученые являлись поклонниками науки не для дипломовъ, а изъ благороднаго стремленія къ самосовершенствованію.

Очерки русскихъ нравовъ, или лицевая сторона и изнанка человѣческаго рода. Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. Выпуски: I, II, III, IV, V и VI.

Безъ сомнѣнія, многіе слыхали, что Ѳаддей Булгаринъ нѣкогда началъ-было издавать книгу: *Россія*, сочиненіе, которое назначалъ онъ для всѣхъ состояній. Духъ времени увлекъ его за собой въ другую сторону. Онъ рѣшился продолжать *свою Россію*, но уже нескучною книгою, а въ видѣ собранія картинокъ, на ко-

торыя теперь вездѣ такая мода. При картинкахъ онъ прикладываетъ понемножку и своей прозы, которая по-обыкновенному скучновата. Въ заглавіи новаго его сочиненія не понравилось намъ какое-то отсутствіе логики: *Очерки* русскихъ *нравовъ* — это такъ; а послѣ: *лицевая сторона и изнанка* человѣческаго рода. Развѣ то, что поражаетъ наблюдателя въ *русскихъ* нравахъ, есть уже принадлежность и *всего рода человѣческаго*? Вотъ нѣкоторыя названія изъ любопытныхъ предметовъ, подмѣченныхъ авторомъ и вносимыхъ имъ въ *изображеніе рода человѣческаго*: Русская ресторація, Гостиный дворъ, Извощикъ-ночникъ и т. п. Странно, что значенія слова *ночникъ* до сихъ поръ не знаетъ нашъ писатель.

Описаніе турецкой войны въ царствованіе императора Александра, съ 1806 до 1812 года, по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ Военнаго Совѣта Михайловскимъ-Данилевскимъ. Съ картою театра войны и 30-ю планами. Двѣ части.

Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія не въ первый уже разъ доставляетъ намъ пріятный случай говорить объ историческихъ трудахъ его. Мы ему обязаны почти полною исторіею военныхъ подвиговъ Русскихъ въ блистательное царствованіе императора Александра I. Отдѣливъ для своихъ литературно-ученыхъ занятій важнѣйшую часть исторіи и предавшись изученію эпохи, столь обильной великими событіями, онъ по справедливости заслужилъ всеобщее вниманіе какъ гражданинъ и какъ писатель. Благоволеніе и довѣренность монарха, съ любовію отверзающаго всѣ пути къ истинной славѣ и чести націи, доставили автору возможность увѣнчать предпринятый имъ подвигъ достойнымъ образомъ. Въ его сочиненіяхъ соединяются качества, не часто встрѣчаемыя у историковъ. Бывши нѣкогда самъ дѣйствующимъ лицомъ на военномъ поприщѣ, обо всемъ говоритъ онъ съ убѣжденіемъ и отчетливостію знатока. Съ Высочайшаго разрѣшенія пользуясь изъ всѣхъ источниковъ даже сокровенными отъ друго-

го частнаго лица матеріалами, онъ раскрываетъ истину въ полнотѣ, съ малѣйшими подробностями. Образовавши свой слогъ постоянными трудами въ одномъ родѣ, сколько поучительномъ для мыслящаго человѣка, столько же и разнообразномъ для гибкаго таланта, онъ достигнулъ до многозначительной крѣпости и выразительности языка. Напечатанная имъ нынѣ книга, равно какъ и прежнія его сочиненія придаютъ современной литературѣ нашей особенный характеръ; а будущіе историки найдутъ въ нихъ драгоцѣнныя для себя пособія.

Исторія Петра Великаго. Сочиненіе Николая Полеваго. Четыре части.

Знакомые съ первымъ историческимъ сочиненіемъ г. Полевого, которое называется *Исторія Русскаго Народа* и которое столько лѣтъ, къ удивленію подписчиковъ, не подвигается впередъ, оттѣсняемое побочными изданіями автора, конечно замѣтили отличительныя черты историческихъ произведеній сего писателя. Онъ не берется за предметъ, который требуетъ изысканія и разработки матеріаловъ, предпочитая одно распространеніе или сокращеніе готоваго уже произведенія. Такъ трудъ Карамзина послужилъ для него воздѣланнымъ полемъ, по которому онъ прогуливался, декламируя фразы и заимствуя ихъ то изъ журнальныхъ статей, то изъ диссертацій, сочиняемыхъ для полученія какой-нибудь ученой степени. Слѣдствіемъ такой методы при составленіи учено-литературныхъ книгъ бываетъ, какъ извѣстно, эта непропорціональность частей, пестрота текста и совершенное отсутствіе органической жизни въ цѣломъ. Для доставленія наружной самобытности своему произведенію, которое часто ничего не содержитъ, кромѣ возраженій на другое, извѣстное всѣмъ сочиненіе, или перемѣщенія частей его въ новомъ видѣ, г. Полевой съ большою расточительностію вноситъ въ него такъ называемые высшіе взгляды [1]). Это не что иное, какъ *общія мѣста*,

[1]) О высшихъ его взглядахъ достопамятная статья помѣщена была барономъ Дельвигомъ въ *Литературной Газетѣ*, которую поэтъ нашъ издавалъ въ 1830 и 1831 годахъ. Смотр. *Лит. Газ.* Т. III, стр. 197, 198, 229 и 230. *П. П.*

высокопарно выраженныя, но ничего не стоющія, и пригодныя на всякую тему. Ихъ много и въ изданной нынѣ исторіи Петра Великаго. Они, безъ малѣйшей перемѣны (разумѣется, кромѣ собственныхъ именъ), пошли бы у г. Полевого въ дѣло, если бы ему вздумалось напечатать исторію Александра Великаго, Юлія Цезаря, Карла XII и проч. и проч. Но истинной исторіи здѣсь нѣтъ, да и быть не могло. Она требуетъ отъ автора собственнаго его глубокомыслія, проницательности государственнаго человѣка, геніальныхъ соображеній, созданія великой, живой и полной картины того общаго движенія и устройства, которое такъ естественно проистекало изъ дѣятельности Петра Великаго и которое способенъ чувствовать одинъ великій писатель. Для г. Полевого единственнымъ руководителемъ и вдохновителемъ былъ Голиковъ. Безъ всякаго внутренняго сцѣпленія онъ беретъ изъ него и повторяетъ анекдоты, какъ будто изъ этой перепечатки можетъ образоваться сама собою исторія. Такъ мы до сихъ поръ изучаемъ всѣхъ нашихъ великихъ людей: Суворова, Державина, Петра I-го, Ломоносова и др. Кромѣ анекдотовъ есть сухая выписка годовъ, когда, и учрежденій, какія послѣдовали при Петрѣ Великомъ. Но это опять не исторія, а сухая лѣтопись. Нѣтъ: вставьте эти части въ одну общую картину внутренняго устройства Россіи, ея преобразованнаго существованія, ея внезапнаго могущества! Для новости (слабая сторона нашего автора) г. Полевой усиливается помрачить славу Шереметева, подобно тому какъ это же онъ дѣлаетъ и съ Румянцовымъ. Но что значатъ эти суетныя усилія передъ признательностію самого Петра I, его современниковъ и потомства? Карла XII иначе не называетъ нашъ историкъ, какъ *безразсуднымъ*, а этотъ безрасудный цѣлыя девять лѣтъ приводилъ въ трепетъ Европу и по воинскимъ доблестямъ своимъ никому не уступаетъ изъ первыхъ героевъ въ исторіи. Недостаточное изученіе предметовъ и поспѣшность, съ которыми сочинитель дѣйствовалъ на избранномъ поприщѣ, вовлекли его во множество ошибокъ, даже тамъ, гдѣ требовалась только болѣе спокойная компиляція. Вотъ примѣры: На 272 стран.,

III ч., г. Полевой говоритъ: «Петръ называлъ Финляндію *маткой Швеціи*, изъ коей она (по смыслу выходитъ: Финляндія изъ Швеціи) довольствуется мукой, скотомъ и даже дровами». Можно ли историку такъ выражаться и влагать въ уста героя безсмыслицу? Петръ называлъ Финляндію *кормилицыной грудью* въ отношеніи къ Швеціи, потому что Финляндія дѣйствительно питала Швецію. На 141 стран., III ч., по словамъ автора «Петръ повелѣлъ Сенату, какъ можно исправнѣе собирать деньги, *понеже онѣ суть* артиллерія *войны*». Петръ называлъ деньги *артеріею*, а не *артиллеріею*. На 252 стран., II ч., сказано: «По случаю возмущенія Булавина, Петръ отправилъ на Донъ князя Василія Долгорукаго и отпустилъ съ нимъ юнаго царевича Алексѣя». Царевичъ въ это время оставленъ былъ въ Москвѣ, предсѣдательствуя въ главномъ Правительственномъ совѣтѣ. На 28 стран., II ч., говорится, что «подъ Нарвою Русскихъ было 45 т.»; а за десять страницъ передъ симъ сказано: 40 т. На 18 стран. II ч. повѣствуется, что «въ 1700 г., при осадѣ Нарвы, князь Я. Ѳ. Долгорукій былъ облеченъ правами главнокомандующаго». Въ то время, какъ извѣстно, генералъ-фельдмаршаломъ былъ Головинъ, а Долгорукій былъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ. По отъѣздѣ государя главное начальство ввѣрено герцогу ф. Крою. На 29 стран., I ч., авторъ говоритъ: «По Бахчисарайскому договору (1681 въ генварѣ) положено, что заднѣпровская область до польскихъ и турецкихъ границъ останется незаселенною и никому не принадлежащею. *Малороссія* такимъ образомъ была укрѣплена за Россіею со стороны Турковъ». Но малороссійскія земли по правую сторону Днѣпра (вся Подолія, значительная часть Кіевской области) не вошли въ составъ Россіи. На 30 стр., I ч., сказано, что «Кіевъ утвержденъ за Россіею при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ», а это было въ 1686 году въ правленіе Царевны Софіи, по Московскому договору. Не обременяя читателей дальнѣйшими указаніями на ошибки подобнаго рода, мы предоставляемъ судить каждому, можно ли теперь сказать намъ, что у насъ есть Исторія Петра Великаго?

Параша. Т. Л. Писано въ началѣ 1843 года [1]).

Ежели этотъ небольшой разсказъ есть первый опытъ поэта, то мы привѣтствуемъ его съ любовію и надеждою. Пусть читатель вообразитъ легчайшіе очерки, исполненные граціозныхъ движеній, намеки, понятные душѣ и удовлетворяющіе воображенію, звуки, не полные, не оканчивающіе начатой рѣчи, но прямо доходящіе до сердца, мельканіе тѣней, увлекающихъ за собою думы и желанія — все это чувствуешь, перечитывая *Парашу*. Въ содержаніи самомъ простомъ и безыскуственномъ нѣтъ ни завязки, ни эпизодовъ, ни рѣзкихъ характеровъ и противоположностей — а между тѣмъ все поэзія, все жизнь. Образованный въ лучшей школѣ стихотворнаго искуства (слѣдственно въ школѣ Пушкина), авторъ такъ свободенъ, такъ натураленъ, такъ независимъ и такъ неразлученъ всегда съ истиною, что его искуство превращается въ естественное его положеніе. Но онъ показалъ не болѣе, какъ опытъ во всемъ смыслѣ этого слова. Кажется, онъ хотѣлъ только пошутить надъ тѣми, которые *убѣждены*, что съ успѣхами положительныхъ знаній поэзія отъ насъ улетаетъ невозвратно — и онъ успѣлъ. Но онъ не долженъ удовольствоваться успѣхомъ своимъ. Ему надобно думать не о мнѣніи другихъ, а повиноваться своему призванію. Мы не находимъ лучшаго способа оправдать нашъ отзывъ, кромѣ выписки нѣсколькихъ мѣстъ изъ *Параши:*

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ;
Но не блестѣлъ онъ блескомъ торопливымъ:
То былъ онъ ясенъ, какъ весенній лучъ,
То холодомъ проникнутъ горделивымъ,
То чуть мерцалъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея задумчиво-спокойной
Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ

[1]) Сочиненіе, какъ извѣстно, И. С. Тургенева.

Возможность страсти горестной и знойной,
Залогъ души, любимой Божествомъ.

. . . .
. . . . Каждый день,
Я вамъ сказалъ, она въ саду скиталась.
Она любила гордый шумъ и тѣнь
Старинныхъ липъ — и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую лѣнь.
Такъ весело качалися березы,
Облитыя сверкающимъ лучемъ...
И по щекамъ ея катились слезы
Такъ медленно, Богъ вѣдаетъ — о чемъ...
То, подойдя къ убогому забору,
Она стояла по часамъ... и взору
Тогда давала волю... Но глядитъ
Бывало все на блѣдный рядъ ракитъ.
Тамъ черезъ ровный лугъ, отъ ихъ села
Верстахъ въ пяти, дорога шла большая
И какъ змѣя свивалась и ползла
И, дальній лѣсъ украдкой огибая,
Ея всю душу за собой влекла —
Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ
Земля чужая вдругъ являлась ей!..
И кто-то милый голосомъ призывнымъ
Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней;
Таинственной исполненные муки,
Надъ ней звеня носились эти звуки...
И вотъ искалъ ея молящій взоръ
Другихъ небесъ, высокихъ, пышныхъ горъ,
И тополей, и трепетныхъ оливъ...
Искалъ земли плѣнительной и дальной...
Вдругъ русской пѣсни грустный переливъ
Напомнитъ ей о родинѣ печальной;
Она стоитъ, головку наклонивъ,

И надъ собой дивится — и съ улыбкой
Себя бранитъ; и медленно домой
Пойдетъ вздохнувъ; разсѣянной рукой
Достанетъ книжку, развернетъ, закроетъ,
Любимый шепчетъ стихъ... а сердце ноетъ,
Лицо блѣднѣетъ... Въ этотъ чудный часъ
Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить васъ,
О барышня моя! Въ тѣни густой
Широкихъ липъ стоите вы безмолвно,
Вздыхаете; надъ вашей головой
Склонилась вѣтвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На васъ гляжу я: прелестью степною
Вы дышете — вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозою,
Какъ майская томительная ночь.

Испанскій театръ. Переводъ съ испанскаго К. Тимковскаго. Томъ I. Кальдеронъ.

Полный переводъ испанскаго театра можетъ составить эпоху, не только въ нашей, еще не богатой, литературѣ, но и вездѣ. Испанскіе драматическіе поэты оригинальнѣе всѣхъ европейскихъ поэтовъ. Они все образовали въ созданіяхъ своихъ самобытно, руководствуясь только жизнію и нравами націи своей. Отсюда происходитъ эта увлекательность ихъ красокъ, эта истина характеровъ и занимательность содержанія. Неистощимые въ разнообразіи дѣйствій и новости положеній, роскошные въ прелестяхъ описаній и оттѣнковъ страстей, которыя такъ живы и пламенны въ южномъ климатѣ, они вводятъ насъ въ новый міръ поэзіи восхитительной. Итакъ предпріятіе г. Тимковскаго самое счастливое. Оно обѣщаетъ нашей литературѣ благотворныя послѣдствія. Столько лѣтъ подчиняясь настроенію Французовъ, Нѣмцевъ и Англичанъ, мы сгладили всѣ формы, въ которыя от-

ливались наши идеи. Обновленіе необходимо во всемъ. Теперь намъ открываются новые источники, изъ которыхъ мы будемъ почерпать свѣжіе предметы искуства. Переводъ г. Тимковскаго, сколько можно судить по небольшому началу, соотвѣтствуетъ важности его предпріятія. Сохраняя чистоту русскаго языка, переводчикъ вѣрно передаетъ смыслъ подлинника, дополняя затруднительныя его мѣста необходимыми поясненіями. Мы убѣждены, что, преодолѣвая первыя трудности и, такъ сказать, влюбляясь въ прекрасный трудъ свой, онъ болѣе и болѣе станетъ вникать въ сущность работы, болѣе и болѣе начнетъ понимать, что въ литературѣ должны выражаться всѣ особенности жизни націи, религіозный ея характеръ, частности домашняго быта людей и самыя красоты природы физической. Все это должно сообщить его переводу не одну лексикографическую вѣрность, но и вѣрность тѣхъ ощущеній, которыми для зрителей сопровождаются слова драматическихъ авторовъ. У насъ много было переводчиковъ, какъ и вездѣ; а истинно-хорошъ только одинъ Жуковскій. Съ этого убѣжденія должны начинаться труды всякаго новаго переводчика, если онъ не жалкій ремесленникъ въ словесности.

О Россійскомъ Благородномъ собраніи въ Москвѣ. Н. Д. Горчакова.

Для дворянства первопрестольной нашей столицы и близкихъ къ ней мѣстъ Благородное собраніе представляетъ средоточіе лучшихъ удовольствій, которыхъ воспоминаніе нерѣдко остается на цѣлую жизнь неизгладимымъ. Благородное собраніе въ Москвѣ получило начало свое при императрицѣ Екатеринѣ II. Кромѣ обыкновенныхъ увеселеній, доставляемыхъ имъ дворянству, сколько разъ оно торжествовало событія, вошедшія въ нашу исторію! Здѣсь и понынѣ первый слышится голосъ перваго нашего сословія при общей радости Россіи. Можно вообразить, какую занимательность представитъ картина, въ которой художникъ совмѣститъ всѣ достопамятные случаи, касающіеся этого замѣчательнаго мѣста! Давно надобно было подумать о прекрасномъ пред-

пріятіи, которое нынѣ приведено въ исполненіе къ общему удовольствію. Все, что служитъ выраженіемъ общественной жизни, все должно вести свою исторію.

Дневникъ русскаго путешественника по Европѣ. Алексѣя Зилова. Двѣ части.

Частности автора, которыми онъ преимущественно занимался при составленіи *Дневника*, отняли много достоинства у книги, изданной для публики. Но богатство предметовъ и разнообразіе впечатлѣній, преслѣдовавшихъ путешественника, сами по себѣ такого свойства, что книга, и при недостаткахъ, общихъ сочиненіямъ сего рода, еще читается не безъ вниманія и любопытства. Разсматривая трудъ, который бы легко довести до вѣрнаго успѣха, если бы только вздумалось автору ограничиться изложеніемъ того, что онъ изучалъ дѣйствительно, мы всегда сожалѣемъ, что наши путешественники не посвящаютъ своего вниманія изслѣдованіямъ одного какого-нибудь предмета, а касаются слегка всего, что имъ встрѣтится.

Казаки. Повѣсть Александра Кузмича. Двѣ части.

Малороссійскіе нравы и эпоха полтавской битвы соблазнили автора. Онъ увлекся ими, вообразивши, что поэзія и занимательность непремѣнно послѣдуютъ за разсказомъ, въ которомъ представлено будетъ событіе изъ столь замѣчательнаго времени и посреди людей, полныхъ жизни и дѣятельности. Но въ созданіи поэтическомъ должна явиться отдѣльная, самобытная красота жизни, независимый міръ, въ которомъ, подъ вліяніемъ эпохи и мѣстности, дѣйствуютъ люди съ собственными характерами, съ собственными цѣлями, и повинуются собственнымъ страстямъ. Въ романѣ, разсматриваемомъ нами, ничего подобнаго мы не нашли. Въ немъ даже и красокъ нѣтъ, которыя бы обольщали читателя.

Плащъ Мефистофеля. Волшебно-фантастическій разсказъ.

Такъ какъ этотъ разсказъ не объявляетъ требованій на что-нибудь въ искуствѣ, а просто теряется въ волшебно-фантасти-

ческомъ мірѣ: то легко его и оставить тамъ безъ всякаго разбора, который бы впрочемъ ничего не доставилъ ни рецензенту, ни читателю.

Молодикъ, Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ.

По заглавію этой книги надобно догадываться, что издатель намѣренъ напечатать нѣсколько номеровъ *Молодика*. Итакъ это родъ журнала или альманаха. Но журналъ представляетъ равномѣрную и послѣдовательную картину умственной дѣятельности; альманахъ же ежегодную выставку, опредѣляющую успѣхи литературы. Цѣли *Молодика* мы не понимаемъ. Если бы въ немъ, по крайней мѣрѣ, соединены были статьи только украинскихъ литераторовъ: тогда бы видно было, что издатель желаетъ осуществить идею мѣстности. Между тѣмъ теперь тѣ же самые сочинители, которыхъ отрывки и статьи мелькаютъ передъ нами ежемѣсячно во всѣхъ журналахъ, тѣ же самые сочинители являются за рѣдкость и новость въ *Украинскомъ Молодикѣ*. Пусть бы связывало ихъ въ немъ единство предмета — его нѣтъ. Это случайное соединеніе людей, у которыхъ ничего нѣтъ общаго. Такого рода изданія были бы понятны въ литературѣ едва начинающейся, гдѣ драгоцѣнна всякая отпечатанная строчка. Но у насъ въ Россіи, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, есть для всякой части литературы ежемѣсячныя изданія. Кто же такъ мало цѣнитъ свое время и такъ не любитъ порядка въ занятіяхъ, что остановится на безхарактерномъ сборникѣ, чтобы пробѣжать отрывки прозы или стихотвореній, выпавшихъ изъ портфелей тѣхъ авторовъ, за которыми онъ постоянно слѣдитъ въ ихъ офиціальныхъ занятіяхъ? Ужели судьба *Русской Бесѣды* и подобныхъ ей сборниковъ не убѣдила издателя, что предпріятія такого рода ни къ чему болѣе не служатъ съ тѣхъ поръ какъ наша литература вошла въ формы правильныя и законныя?

Этимологическій Россійскій букварь, содержащій въ себѣ всѣ первообразныя слова русскаго языка, молитвы, басни, уроки для чтенія въ прозѣ и стихахъ. Составленный Яковомъ Гердомъ.

Букварь нельзя назвать этимологическимъ ни въ какомъ случаѣ. Можно въ одной книжкѣ съ букваремъ помѣстить правила этимологіи, или слова, отъ которыхъ произведены другія; но все же букварь не сдѣлается оттого этимологическимъ. Книжка, которую мы разсматриваемъ, кромѣ антилогическаго названія своего, содержитъ много несоотвѣтствующаго назначенію ея. Главное — въ ней нѣтъ русскаго языка, о которомъ главнѣйше идетъ рѣчь. Это сборъ фразъ, напечатанныхъ русскими буквами, но безъ русскаго смысла. Удивительно, что за составленіе первоначальной учебной книги берутся люди, не изучившіе того языка, на которомъ они хотятъ учить другихъ. Къ сожалѣнію, такова судьба большей части нашихъ учебниковъ первоначальныхъ. Знающіе и мыслящіе люди считаютъ подобный трудъ не стоющимъ ихъ вниманія. Между тѣмъ едва ли чѣмъ больше можно оказать людямъ существенной пользы, какъ изданіемъ истинно-хорошей первоначальной учебной книги. Она составляетъ вопіющую необходимость нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей. Это послѣднее обстоятельство понимаютъ очень многіе, особенно книгопродавцы. И потому почти ежемѣсячно издаются такого рода книги, какъ буквари. Но что въ нихъ толку? Пустыя перепечатки безсмысленныхъ первыхъ опытовъ. По убѣжденію смѣтливыхъ книгопродавцевъ берутся иногда за это дѣло и смышленые литераторы, но безъ малѣйшей любви къ существенному въ дѣлѣ; они набрасываютъ кое-что безъ собственной мысли, безъ убѣжденія въ истинѣ — и весь успѣхъ основываютъ частію на ловкости *моднаго книгопродавца*, частію на *старомъ имени* своемъ. Нѣтъ, не такъ должны быть составляемы даже буквари, потому что и они должны быть хороши. Добросовѣстный, свѣдущій и уважающій дѣло свое человѣкъ долженъ обработать такую книгу по собственному, лучшему плану: долженъ облегчить

это изученіе ясностію, простотою, даже пріятностію методы; долженъ соединить въ этой книгѣ все, что ближайшее и естественное имѣетъ отношеніе къ главному дѣлу. Подобно какъ неосновательно составляются у насъ хрестоматіи, букварн тоже издаются въ видѣ оскорбительныхъ компиляцій — и такимъ образомъ ими только удерживаются успѣхи полезнѣйшаго и всѣмъ необходимаго искусства, а не ускоряются въ обществѣ. То, что внесено въ *Этимологическій Букварь* подъ названіемъ *уроковъ для чтенія*, нисколько не обнаруживаетъ ни знанія, ни вкуса, ни даже труда издателя.

Исторія Фридриха Великаго. Съ 500 рисунками Менцеля.

На нѣмецкомъ языкѣ эту исторію сочинилъ Куглеръ. Онъ, подобно многимъ изъ нынѣшнихъ писателей, занялся трудомъ своимъ для изданія при немъ политипажей, приготовленныхъ Менцелемъ. Извѣстно, что у писателей сего разряда литературное достоинство книги въ сторонѣ. Тутъ идетъ дѣло объ удачномъ сбытѣ товара, на пріобрѣтеніе котораго кладется капиталъ. Русскіе давно привыкли ни въ чемъ не отставать отъ иностранцевъ. Не смѣемъ не желать успѣха предпріятію соотечественниковъ нашихъ, тѣмъ болѣе, что предметъ сочиненія и перевода заслуживаетъ самъ по себѣ всеобщее вниманіе и конечно когда-нибудь явится въ достойнѣйшемъ видѣ изъ-подъ пера историка геніальнаго. Надобно только переждать господство нынѣшней моды, столь унизительной для литературы.

Странствователь по сушѣ и морямъ [1]).

Ташкентъ, Хива и Бухара — вотъ предѣлы, въ которыхъ заключается описаніе событій автора. Онъ не подражаетъ путешественникамъ, которые заботятся, какъ бы поболѣе совмѣстить положительныхъ извѣстій въ своемъ сочиненіи. Его стихія —

[1]) Сочиненіе Ег. П. Ковалевскаго.

случайныя событія, которыя впрочемъ, дѣйствуя на воображеніе читателя, совершенно переносятъ его на сцену происшествій и тѣмъ знакомятъ вполнѣ съ жизнью обитателей описываемыхъ странъ. Мы увѣрены, что многіе изъ этой книги почерпнутъ болѣе для мысли, нежели изъ самыхъ подробныхъ топографій и статистическихъ таблицъ. Авторъ предполагаетъ издать и еще часть своихъ впечатлѣній. Читатели безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ примутъ продолженіе труда его.

1844 [1]).

Духовный подарокъ рекрутамъ, или Бесѣды полковаго священника, въ кругу воиновъ, о главныхъ ихъ обязанностяхъ.

Самыя убѣдительныя наставленія исходятъ изъ устъ человѣка, которому открыта наша душа и которому во всемъ вѣритъ наше сердце. И потому краснорѣчіе духовное есть *краснорѣчіе по-преимуществу*. Сколько блага можетъ произвести въ насъ духовный отецъ, если только вполнѣ употребитъ могущество, связанное съ его саномъ и долгомъ! Но краснорѣчіе духовное, подобно лицамъ, внимающимъ этимъ усладительнымъ бесѣдамъ, является въ неисчислимо-разнообразныхъ видахъ. Вся тайна оратора заключается въ гармоніи его мыслей и выраженій съ понятіями и языкомъ слушателей. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ перечитывали разсматриваемую теперь книгу, потому что ея авторъ проникнутъ убѣжденіемъ, до какой степени важно сближеніе ораторства съ слушателями. Въ продолженіе священнаго служенія своего безъ сомнѣнія онъ много посѣялъ спасительныхъ истинъ въ сердцахъ христолюбивыхъ воиновъ, съ которыми въ разныя эпохи и въ разныхъ мѣстахъ онъ бесѣдовалъ столь просто и вмѣстѣ столь увлекательно.

---

[1]) *Современникъ*, т. XXXIII, стр. 84—100, 213—233, 321—344; т. XXXIV, стр. 85—94, 164—172, 184—197, 284—302; т. XXXV, стр. 85—95, 204, 330—334; т. XXXVI, стр. 94—95, 219—229, 233—235, 336—348.

Демонъ стихотворства. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. В. Н...го.

Въ этой комедіи, при замѣтной легкости и игривости ея стиховъ, нѣтъ существеннаго достоинства, т. е. истины нравовъ. Дѣйствующія лица, съ ихъ понятіями и отношеніями къ обществу, не найдены въ самомъ обществѣ, а сочинены авторомъ и проникнуты вымышленными имъ интересами. Все обращается здѣсь около литературы, ея характера и критики. Не споримъ, что для нѣкоторыхъ лицъ это единственные предметы помышленій и дѣятельности. Но слишкомъ частный случай не сюжетъ для комедіи, движущейся и вполнѣ одушевляемой преобладающими наклонностями того общества, изъ котораго взяты дѣйствующія лица. Смѣшная сторона характера или жизни, поражающая насъ своею особенностію, вносится въ общую характеристику какъ эпизодъ, а не поддерживаетъ на себѣ всего зданія комедіи. На сцену смотрятъ какъ на отраженіе дѣйствительной жизни, какъ на яркую картину страстей или нравовъ нашихъ. Но много ли между нашими зрителями записныхъ литераторовъ, сочуствующихъ прихотямъ лицъ, выведенныхъ въ *Демонъ стихотворства?* Мы увѣрены, что авторъ съ бóльшимъ успѣхомъ предстанетъ передъ публику, если изобразитъ ей живо и вѣрно что-нибудь преобладающее въ ея комической сторонѣ нравовъ.

Описаніе войны Великаго Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ. Сочиненіе А. Черткова.

Разсматриваемое нами сочиненіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ историческихъ трудовъ, которые доставляютъ исторіи высокое достоинство. Подобныя критическія изслѣдованія очищаютъ ее отъ произвольныхъ толкованій и праздныхъ разсказовъ. Г. Чертковъ, избравши одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ нашей древней исторіи, прочиталъ все, что можно было найти о ней въ русскихъ и иностранныхъ писателяхъ. Соединивъ, для бóльшаго убѣжденія читателей, въ изданіи своемъ выписки изъ сихъ источ-

никовъ, онъ основалъ на нихъ свой разсказъ, вѣрный и обогащающій важными умозаключеніями внимательнаго наблюдателя. Мы теперь видимъ, какими побужденіями руководствовался Святославъ въ своемъ предпріятіи, на которое до сихъ поръ многіе смотрѣли какъ на прихоть славянскаго героизма. Изданіе г. Черткова самое роскошное. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ достоинству ученаго труда его. Собранные имъ рисунки изъ разныхъ старинныхъ рукописей и приложенные къ его книгѣ дополняютъ ясность взгляда на событіе, имъ изложенное съ такою занимательностію и отчетливостію.

Остромирово Евангеліе 1056—57 года. Съ приложеніемъ греческаго текста Евангелій и съ грамматическими объясненіями, изданное А. Востоковымъ.

Почти 800 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ рука новогородскаго переписчика передала пергамену священныя слова, явившіяся нынѣ въ печати. Ни одинъ изъ славянскихъ народовъ не можетъ похвалиться столь древнимъ памятникомъ письменности. Такимъ образомъ теперь одна русская словесность представляетъ ученому міру самыя вѣрныя данности касательно перваго характера славянскаго языка. Большое счастіе, что этотъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія достался въ руки одного изъ трудолюбивѣйшихъ и самыхъ свѣдущихъ литераторовъ по этой части. Ровно шесть лѣтъ посвятилъ А. Х. Востоковъ на обработку своего изданія. Нельзя безъ изумленія смотрѣть на искуство, съ какимъ онъ совершилъ свое предпріятіе, на терпѣніе, какимъ одарила его природа, и на обширныя знанія, которыя показалъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ книгѣ его содержится: 1. Весь текстъ Остромирова Евангелія (такъ называющагося по имени новогородскаго гражданина *Остромира,* для котораго предпринято было переписываніе его), при чемъ форма буквъ, ихъ разстановка и всѣ примѣчательности старинной письменности сохранены въ печати со всевозможною точностію; 2. Греческій текстъ Евангелія; 3. Пояснительныя примѣчанія, относящіяся и

къ переводу и къ подлиннику Евангелій; 4. Грамматическія правила, извлеченныя г. Востоковымъ изъ формъ и другихъ принадлежностей столь древняго славянскаго языка, сохраненныхъ въ этой драгоцѣнной рукописи; 5. Словоуказатель, т. е. алфавитный списокъ словъ, вошедшихъ въ рукопись, съ означеніемъ, какая это часть рѣчи, гдѣ она встрѣчена въ рукописи, въ какой грамматической формѣ употреблена, и чѣмъ разнится отъ такого же слова въ новѣйшемъ печатномъ Евангеліи; 6. Наконецъ роспись помѣщеннымъ въ Остромировомъ Евангеліи чтеніямъ по евангелистамъ съ указаніемъ на листы рукописи. Читатели наши, по одному этому оглавленію предметовъ въ книгѣ, могутъ судить, сколько неоцѣненныхъ филологическихъ сокровищъ въ ней заключено. Это памятникъ, которымъ издатель обезсмертилъ нашу эпоху.

Опытъ терминологическаго словаря сельскаго хозяйства, фабричности, промысловъ и быта народнаго. Составилъ В. Бурнашевъ. Томъ первый. А — Н.

Судя по вышедшему нынѣ первому тому этого словаря, нельзя не замѣтить, что сочинитель его не ясно понялъ предметъ, который захотѣлось ему обработать. Его намѣреніе состояло въ томъ, чтобы представить публикѣ удовлетворительное объясненіе словъ, употребляемыхъ простымъ русскимъ народомъ въ его хозяйствѣ, ремеслахъ и въ домашнемъ его быту. Этотъ одинъ объемъ такъ уже обширенъ, что требовалъ и знаній и трудовъ необыкновенныхъ. Для хорошаго выполненія подобной мысли нужно было не только участіе и содѣйствіе многихъ знатоковъ дѣла, но и самая тщательная повѣрка со стороны сочинителя. Между тѣмъ онъ вдался, сверхъ означеннаго предмета, въ толкованіе словъ, принадлежащихъ общему русскому словарю и частнымъ разнымъ наукамъ. Такимъ образомъ, вышедши изъ предписаннаго себѣ круга, онъ принялъ на себя трудъ неудобоисполнимый. Что касается до прямаго своего дѣла, онъ безъ разбора, безъ оцѣнки и безъ пополненій вставлялъ въ словарь матеріалы,

получая ихъ случайно, наудачу, отъ всякаго. Слѣдствіемъ столь неопредѣленнаго и легко принятаго исполненія вышло, что словарь его съ одной стороны обремененъ излишествомъ, а съ другой видимо неполонъ. Кромѣ этой существенной ошибки въ составѣ, словарь неудаченъ и со стороны объясненія словъ. Неточность, разнохарактерность, непропорціональность вредятъ сочиненію, въ которомъ главнѣйше требуется отчетливости въ каждомъ выраженіи, единства въ представленіяхъ и гармоніи въ частяхъ. Въ первомъ томѣ болѣе шестидесяти печатныхъ листовъ. Второй долженъ быть еще обширнѣе. А существенная потребность неудовлетворена. Этотъ опытъ долженъ наконецъ убѣдить сочинителя, что серьёзныя предпріятія требуютъ и серьёзнаго исполненія, полнаго вниманія къ дѣлу, долголѣтнихъ трудовъ, любви къ ученію и знанія правилъ высшей критики.

Семейство, или домашнія радости и огорченія. Романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ. Переводъ съ подлинника.

Изъ числа книгъ, назначаемыхъ для всеобщаго чтенія и вышедшихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, ни одна, безъ сомнѣнія, не доставитъ образованнымъ читателямъ столько истинно-благороднаго удовольствія и прямой пользы, какъ это сочиненіе, переведенное изъ писательницы, еще новой въ нашей литературѣ. Фредерикѣ Бремеръ, повидимому, предназначено возстановить господство чистаго вкуса въ эпоху конвульсивнаго состоянія западно-европейскихъ романистовъ. Она съ идеею изящнаго искуства связала тѣ предметы, тѣ картины и тѣ мысли, которые входили въ область литературы въ цвѣтущія времена ея. Романъ, какъ одна изъ лучшихъ рамъ для художническихъ созданій, воплощающихъ высокія, чистыя, трогательныя, граціозныя и нерѣдко забавныя сцены жизни, общества и человѣческаго сердца, романъ избранъ ею для прекрасныхъ ея чувствованій и помысловъ. Все въ немъ находитъ у нея законное мѣсто: она рисуетъ передъ вами то, о чемъ вы мечтали, чего вы желали, что испытали вы и къ чему будете назначены, если не совратитесь съ луч-

шаго своего пути. Но въ ея разсказахъ нѣтъ холодныхъ и усыпляющихъ эпизодовъ: все живо и увлекательно. Это одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній нашего Сѣвера. Въ американскихъ государствахъ бросили чтеніе всѣхъ пустыхъ романовъ, клевещущихъ на человѣка и общество; Фредерика Бремеръ сдѣлалась тамъ любимымъ авторомъ, котораго изучаютъ и которымъ восхищаются. Мы увѣрены, что и наша публика отличитъ *Семейство* отъ дюжинныхъ романовъ, еженедѣльно наводняющихъ книжныя лавки, тѣмъ болѣе, что переводъ Семейства такъ достоинъ подлинника. Русская переводчица, посвятившая себя полному изученію шведской литературы, умѣла сохранить всю грацію, весь колоритъ и самую музыку подлинника съ требованіями нашего языка, который подъ ея перомъ льется и звучитъ со всею непринужденностію. Мы нетерпѣливо отъ нея ожидаемъ новыхъ услугъ литературѣ нашей, такъ нуждающейся въ подобныхъ переводахъ.

Вильгельмъ Телль, драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шиллера. Переводъ Ѳ. Миллера.

Говоря о необходимыхъ условіяхъ для того, чтобы представить *совершенный* переводъ въ стихахъ, мы уже нѣсколько разъ высказывали мнѣніе наше, что «люди равной только силы и таланта могутъ переводить другъ друга.» Это болѣе всего доказывается тѣмъ, что, кромѣ русскихъ переводовъ Жуковскаго, ни въ одной литературѣ нѣтъ переводовъ, которые бы уважаемы были наравнѣ съ подлинниками. Первоклассные поэты, за исключеніемъ Жуковскаго, не посвящали себя этому труду, столь же неблагодарному, сколько и тяжелому. Не смыслъ одинъ и не размѣръ передать надобно, но очарованіе жизни, вдохновеніе, страсти, краски и всѣ явленія истинно-поэтическаго таланта. Разсматривая съ этой точки зрѣнія переводъ г. Миллера, мы не можемъ назвать его *совершенно* хорошимъ. Но, судя о трудѣ его, какъ обыкновенно судятъ о подобныхъ произведеніяхъ литературы, должны согласиться, что переводчикъ заслужилъ благо-

дарность публики близостью перевода (по смыслу и метру), хорошимъ языкомъ и нерѣдко стихами, исполненными поэзіи. Между тѣмъ, чтобы ощутительнѣе показать разницу между тѣмъ переводомъ, который называемъ мы *совершеннымъ*, и переводомъ, достойнымъ похвалы, предлагаемъ каждому взять *Іоанну д'Аркъ* и *Вильгельма Телля:* чтеніе той и другой пьесы покажетъ, гдѣ Шиллеръ вполнѣ является, и гдѣ онъ едва замѣтенъ. Изящныя искуства не терпятъ посредственности: они требуютъ не менѣе, какъ полной жизни съ ея теплотою, движеніемъ и органическимъ сліяніемъ всѣхъ частей.

Суворовъ. Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. 100 рисунковъ В. Тимма, гравированныхъ на деревѣ барономъ Клотомъ, барономъ Неттельгорстомъ и г. Лавіелемъ и Норре. Изданіе М. Ольхина. Выпускъ первый.

Величайшій геній военнаго искуства, оригинальнѣйшій человѣкъ по образу жизни, лучшій примѣръ благочестія, преданности государю и отечеству, герой, котораго имя живетъ и вѣчно будетъ жить въ устахъ цѣлаго народа, ужасъ враговъ Россіи и предметъ удивленія всѣхъ націй, словомъ — нашъ Суворовъ, въ литературѣ, какъ и въ преданіяхъ, мало по малу подвергается судьбѣ неразгаданнаго Фауста. О нихъ всѣ и разсказываютъ и пишутъ, кто что слыхалъ, кто какъ умѣетъ. Въ Германіи эти сказанія увѣнчаны были геніальнымъ созданіемъ Гёте и множествомъ другихъ произведеній, въ которыхъ Фаустъ является существомъ дѣйствительно высшаго разряда. Пускай же и у насъ въ Россіи всѣ пишутъ о Суворовѣ. Конечно не изъ такихъ книгъ, какую пока написалъ г. Булгаринъ, должна образоваться идея геніальнаго Суворова; по крайней мѣрѣ и эти преданія, какъ бы ни были ничтожно они связаны и изложены, будутъ составлять улучшеніе, необходимое для того, чтобы на готовой почвѣ нѣкогда русскій геніальный поэтъ или историкъ (они равны въ сущности) возрастилъ созданіе, достойное имени Суворова.

Галлерея портретовъ нынѣ царствующихъ особъ.

Кто добродушно повѣритъ заглавію этой книжки, тотъ попадетъ въ обманъ, равно какъ и тотъ, кто придастъ ему метафорическій смыслъ. Ни художественныхъ, ни литературныхъ портретовъ тутъ нѣтъ, а есть имена съ цифрами. Послѣднія простираются даже на самыя владѣнія государей, и это украшено громкимъ названіемъ *Галлереи!*

Жизнь, какъ она есть. Записки неизвѣстнаго, изданныя Л. Брантомъ. Три части.

Новая мистификація: въ заглавіи обѣщано, что читатель найдетъ въ книгѣ жизнь, какъ она есть; а наповѣрку ея-то и нѣтъ тамъ. Напротивъ: въ книгѣ представлено сочиненіе автора о жизни. Конечно, ничего нѣтъ труднѣе, какъ убѣдить кого-нибудь въ художественной истинѣ, если онъ и чувствуетъ и воображаетъ подъ вліяніемъ ложныхъ началъ, не пріучась прислушиваться къ внутреннему голосу, къ потребностямъ неизбалованнаго, простого вкуса. Ужасно подумать, до чего доводятъ насъ ложные образцы и ложное ученіе самозванцевъ-художниковъ! Особенно молодому автору, безъ сильнаго противодѣйствія собственной натуры, трудно не увлечься за толпою шумною и многочисленною. Чтеніе, вмѣсто развитія дарованій и обогащенія души знаніями, напояетъ умъ и вкусъ превратными понятіями и потребностями. И вотъ цѣлое поколѣніе, почти вся литература принимаетъ краски, образы, звуки, выраженіе, страсти, языкъ, жизнь не въ дѣйствительномъ ихъ видѣ, не такъ, какъ бы могъ каждый изучить ихъ, еслибъ довѣрчиво и съ любовію къ нимъ обратился самъ, а какъ приняли передавать ихъ люди, соблазнившіеся въ искуствѣ единственно новостію и утвердившіеся во мнѣніи другихъ давностію господства. Такъ случается видѣть, что въ продолженіе многихъ лѣтъ на театрѣ господствуетъ самая смѣшная манерность въ голосѣ, въ дикціи, въ жестахъ, въ походкѣ. Ее могъ усилить въ первыхъ товарищахъ своихъ по ис-

кусству одинъ актеръ — и длинное поколѣніе новыхъ талантовъ, образующееся посредствомъ наглядки въ раннемъ отрочествѣ, машинально слѣдуетъ господствующему вкусу, пока, на другой сценѣ, спасшейся отъ ослѣпленія неприкосновенностію къ зараженной дурными привычками, не образуется все совершенно въ иномъ видѣ и мало по малу не распространится оттуда это отрадное преобразованіе на сцену, подражавшую ложнымъ образцамъ. Впрочемъ, можетъ-быть, излишняя снисходительность заставляетъ насъ такъ извинять все смѣшное и ошибочное въ большей части произведеній современной литературы. Есть же дѣйствователи и внѣ этого круга. Человѣкъ, съ истиннымъ призваніемъ къ искуству, съ истиннымъ дарованіемъ къ творчеству, по инстинкту, отворотится отъ этой круговой чаши, изъ которой упиваются самозванцы-литераторы, самозванцы-художники и самозванцы-критики. Невольно вспомнишь золотыя слова Жуковскаго: «Мнѣ весело лепетать по-русски за простодушнымъ грекомъ *(Гомеромъ)*, подлаживаться подъ его свѣтлую, патріархальную простоту, и — видя въ этомъ чисто-поэтическомъ потокѣ чистое отраженіе первобытной природы — забывать тѣ *уродливыя гримасы, которыми искажаютъ ея лицо современные самозванцы-поэты* (*Современника* т. XXXII, стран. 226).» Но и его голосъ подобенъ теперь голосу въ пустынѣ. Авторъ книги, нами разсматриваемой, какъ видно по самому заглавію его сочиненія, желалъ попасть на дорогу той *истины*, о которой мы не перестаемъ твердить нашимъ писателямъ. Только всеобщее увлеченіе и имъ такъ уже овладѣло, что онъ воображаетъ истину въ самомъ неистинномъ видѣ. Не говоримъ уже о многосложной исторіи, какъ ему *будто бы* достался романъ. Это обыкновенная уловка людей, нейдущихъ къ цѣли прямо и просто: это походка нашего вѣка, который лучше любитъ подскакивать и кривляться, нежели итти натуральнымъ шагомъ. Какое сплетеніе обстоятельствъ! Сколько пружинъ, ни къ чему не служащихъ! Что за черты въ характерахъ! Что за изысканность во всякой малости ежедневной жизни! Сколько умничанья тамъ, гдѣ бы довольно было про-

стого отвѣта! Какія натянутыя положенія! Нѣтъ конца многословію кудрявому, книжному, печатному, театральному — тогда, когда въ природѣ всѣ мы привыкли къ простотѣ и искренности. А въ слѣдствіе такой вычурной методы въ созданіи, самый языкъ превратился въ монотонное, газетное, лощеное разглагольствованіе. Ни слова отъ души или отъ чувства. Всѣ осыпаютъ другъ друга конфектными любезностями или остротами. Всѣ подняты на эстраду, или стали на ходули. Никому не хочется остаться у себя, собою. Но читатели наши несправедливо подумаютъ, если исчисленныя нами ошибки искуства припишутъ исключительно автору книги, нами разбираемой. Онъ сдѣлалъ то же, что мы почти ежедневно видимъ въ нашей литературѣ и даже во многихъ писателяхъ иностранныхъ. При отсутствіи истинныхъ талантовъ всегда бываетъ увлеченіе по какой-нибудь одной ошибочной идеѣ. Ученику страшно не дѣлать такъ, какъ всѣ товарищи дѣлаютъ. Между тѣмъ, справедливость требуетъ замѣтить что авторъ *Жизни* показалъ уже шагъ къ лучшему, сравнительно съ прежними его сочиненіями. Видно, что онъ любитъ искуство. Мы увѣрены, что онъ пойдетъ далѣе — и нѣкогда самъ выскажетъ, какъ удалось ему вытти на прямую дорогу.

Всеобщій географическій и статистическій Словарь. Составилъ кн. С. П. Гагаринъ. Три части.

Считаемъ за излишнее распространяться о пользѣ книги, безъ которой почти невозможно приступить къ какому бы то ни было чтенію. Мы особенно обрадованы тѣмъ въ этой книгѣ, что авторъ ея понялъ главнѣйшую принадлежность своего труда. У насъ до сихъ поръ въ словаряхъ не понимали, что значитъ соразмѣрность частей и матеріаловъ. Посмотрите на любой словарь: какъ въ немъ растягиваютъ статьи, лишь только попадутся матеріалы, не разсуждая, у мѣста ли они въ книгѣ, назначаемой для справокъ и въ которую должны войти столь разнообразные предметы. У сочинителя разсматриваемой нами книги всему назначенъ самый благоразумный размѣръ. Это доставило ему воз-

можность не пропустить ни одного изъ важнѣйшихъ предметовъ и не вывести сочиненія изъ законныхъ его предѣловъ. Мы увѣрены, что изданіе его сдѣлается потребностію каждаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что пропорціональность и отчетливый трудъ еще не вошли у насъ въ обыкновенныя качества сочиненій какого бы то ни было рода.

Введеніе въ грамматику русскаго языка. Тетрадь I. [1]).

Мы сожалѣемъ, что сочинитель ограничился въ трудѣ своемъ пока однимъ *Введеніемъ*, сожалѣемъ тѣмъ болѣе, что оно показываетъ въ немъ не компилатора, а человѣка мыслящаго. Хорошая русская грамматика намъ болѣе нужна, нежели философія грамматики. Какъ ни отчетливо онъ ведетъ развитіе началъ для составленія самой науки, мы все еще безъ грамматики русскаго языка. Главное: у насъ нѣтъ законовъ для спряженій глаголовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія труда его и надѣемся, что онъ столько же покажетъ самобытности и вѣрности въ развитіи науки, сколько показалъ ихъ во Введеніи къ ней.

Разсмотрѣніе господствующихъ системъ въ спряженіяхъ русскихъ глаголовъ, и опытъ — какимъ образомъ можно бы упростить этотъ предметъ. Разсужденіе студента врачебныхъ наукъ при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ, Карла Яухци, удостоенное философскимъ факультетомъ серебряной медали.

Кромѣ предисловія и вступленія, авторъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи шесть главъ: 1) о спряженіяхъ русскихъ глаголовъ по Грамматикѣ Греча, 2) о томъ же — Востокова, 3) его собственное понятіе о глаголѣ и общихъ его свойствахъ, 4) тоже — о залогѣ, видѣ и наклоненіи, 5) о видахъ русскихъ глаголовъ, и 6) о спряженіяхъ. Авторъ, разсматривая мнѣнія своихъ предшественниковъ, не опредѣляетъ съ точностію, почему ихъ система спряженій глаголовъ должна быть отвергнута. Вѣроятно онъ не могъ этого произнести, потому что понадобилось бы замѣнить ее новою, болѣе твердою, болѣе простою, короче — болѣе

[1]) Сочиненіе Будрина.

истинною. Приводя собственныя соображенія по этой части, онъ видимо сливаетъ разныя части предшествовавшихъ системъ въ новую, которая естественно остается опять и слишкомъ сложною и слишкомъ зыблющеюся. Странно было бы отъ него требовать удовлетворительнаго рѣшенія въ такихъ вопросахъ, которыхъ не могли рѣшить люди, всю жизнь занимавшіеся этимъ предметомъ. Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ свелъ подъ одинъ взглядъ мнѣнія, разсѣянныя по книгамъ, изданнымъ въ разное время и людьми, съ разныхъ точекъ смотрѣвшими на предметъ. У него приведено многое, кромѣ Греча и Востокова, изъ Мартынова, Лангеншельда и Павскаго. Опытъ его заставляетъ думать, что мы не далеко отъ эпохи, въ которую будетъ снятъ покровъ съ нашей Изиды. Между тѣмъ, справедливость требуетъ, чтобы мы поблагодарили молодого автора за совѣстливый и умный трудъ въ дѣлѣ, которое для него, судя по избранному имъ факультету, совершенно чуждое.

Лекціи астрономіи, читанныя г. капитанъ-лейтенантомъ Зеленымъ публично въ залѣ Морскаго кадетскаго корпуса. Лекціи I, II и III.

Послѣ публичныхъ лекцій знаменитаго Струве, начатыхъ прошедшею зимою и кончившихся нынѣшнею, началъ читать объ астрономіи же свои лекціи ученикъ его, г. Зеленый, бывшій преподавателемъ этой науки и въ здѣшнемъ университетѣ. Много было слушательницъ и слушателей у г. Струве; но ихъ еще болѣе явилось къ г. Зеленому. Причина очевидная: одинъ читалъ на иностранномъ языкѣ, другой читаетъ на отечественномъ. Вотъ одно изъ самыхъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, какъ быстро разливаются знанія, когда ихъ органомъ становится родной языкъ. Если бы всѣ наши ученые согласились пожертвовать удобствомъ пріобрѣтать заграничную извѣстность и поставили бы выше этой обольстительной мечты общественную пользу своего отечества, давно бы у насъ разлиты были по разнымъ сословіямъ тѣ познанія, которыя теперь остаются только въ одномъ классѣ. Акаде-

мія наукъ существуетъ болѣе столѣтія. Ея слава равна славѣ многихъ европейскихъ ученыхъ обществъ. Но у насъ еще не всѣ сословія воспользовались разливаемымъ ею свѣтомъ наукъ. Благополучно царствующій Государь Императоръ положилъ незыблемое основаніе къ довершенію этого славнаго предначертанія Петра Великаго, соединивъ Русскую Академію съ Академіею Наукъ. Напечатанныя лекціи г. Зеленаго не только не уменьшаютъ цѣны изустныхъ его чтеній, но справедливо упрочиваютъ ее. Перечитывая ихъ, увѣряешься еще болѣе въ полнотѣ знаній, основательности ихъ, умѣньи вести дѣло систематически и выбирать предметы сколько полезные для общаго свѣдѣнія, столько же и занимательные. Лекціи г. Зеленаго предназначены для всей публики, а не для одного класса ученыхъ, и названы *популярными.* Слѣдственно самый языкъ ихъ долженъ быть упрощенъ и по мѣрѣ возможности освобожденъ отъ излишества учено-техническихъ выраженій. Нельзя однакоже думать, что это исполненіе всегда совмѣстно съ желаніемъ. Есть во всякой наукѣ неизбѣжная ея терминологія. И это можетъ подать поводъ къ замѣчаніямъ противъ языка г. Зеленаго. При томъ же такъ еще мало у насъ работали надъ очищеніемъ и упрощеніемъ ученаго языка, что неудивительно, если г. Зеленый не въ состояніи вдругъ сообщить ему окончательной отдѣлки. Мы увѣрены, что онъ же самъ, при новыхъ ученыхъ трудахъ своихъ, приметъ много перемѣнъ и покажетъ образецъ другого языка въ изложеніи своего предмета. Самая метода изустнаго разсказа требуетъ у насъ совершенствованія. Она не довольно низведена съ каѳедры въ общественный кругъ и утомляетъ слухъ однообразною своею торжественностію. Въ этомъ отношеніи иностранцы могутъ и должны быть для насъ образцами.

Молодикъ, на 1844 годъ, Украинскій литературный сборникъ, издаваемый Н. Бецкимъ.

Удивительно перемѣнилось это изданіе: начавшись по образцу всѣхъ русскихъ сборниковъ, безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ и

съ неопредѣленною цѣлію, кромѣ накопленія цифръ въ библіографіи, *Молодикъ* съ нынѣшняго года является прекрасною книгою. Разсматривая ее, вы пріятно поражены колоритомъ ея, характеромъ и въ особенности цѣлію, которая приноситъ несомнѣнную честь и издателю и харьковскому губернскому предводителю дворянства кн. В. П. Голицыну. Съ нынѣшняго года въ *Молодикѣ* помѣщается только то, что прямо относится къ Малороссіи. Это сообщаетъ книгѣ интересныя краски мѣстности. Въ ней участвуютъ преимущественно литераторы, изучавшіе и изучающіе исторію, топографію и литературу того края, отъ чего сборникъ пріобрѣтаетъ характеръ книги спеціальной. Наконецъ весь сборъ отъ изданія, печатаемаго на иждивеніи кн. В. П. Голицына, обращается въ пользу харьковскаго дѣтскато пріюта. Послѣднее обстоятельство возвышаетъ достоинство книги, и безъ того уже получившей особенную литературную значительность. Мы увѣрены, что съ новой своей эпохи *Молодикъ* сдѣлается всеобщею книгою. Ея чтеніе въ высшей степени занимательно, а назначеніе отрадно для всякаго.

Наль и Дамаянти, индѣйская повѣсть, В. А. Жуковскаго. Съ рисунками, которые, по распоряженію автора, выполнены г. Майделемъ.

На русскомъ языкѣ еще очень мало сочиненій объ индѣйской поэзіи. Западные европейскіе ученые древнѣйшему ея времени даютъ названіе *періода Ведъ*, которыя представляютъ отрывки молитвъ и предписаній. *Веды* можно считать источникомъ индѣйской религіи. Второй періодъ этой поэзіи начинается съ появленія двухъ эпическихъ поэмъ: *Рамаяны* и *Магабараты*, на которыхъ утвердилась индѣйская миѳологія. *Магабарата* состоитъ изъ 18 книгъ; въ нихъ 100,000 стиховъ. Менѣе четвертой доли посвящено главному предмету, т. е. воплощенію ихъ *Вишну*, подъ видомъ *Кришны*. Все прочее состоитъ изъ эпизодовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, подъ названіемъ: *Наль* и *Дамаянти*, два раза переведенъ былъ на нѣмецкій языкъ: *Боппомъ и Рюккертомъ*.

Переводъ *Рюккерта,* исполненный необыкновеннаго поэтическаго достоинства, плѣнилъ нашего поэта, и Жуковскій переложилъ его на Русскій языкъ стихами. Но можно ли выразить жалкимъ словомъ: *переводъ* — эту свободу, самобытность, жизнь, яркость красокъ и очарованіе звуковъ, которыми въ каждомъ русскомъ стихѣ Жуковскаго поражаетъ и восхищаетъ васъ новое его *созданіе!* Мы не перемѣнимъ этого выраженія, говоря о *переводѣ* Жуковскаго. Онъ пересоздаетъ твореніе того автора, котораго переводитъ. Не подумайте, что пересозданіемъ онъ измѣняетъ что-нибудь въ подлинникѣ. Нѣтъ — онъ изъ него все вноситъ въ свое обновленное твореніе: самую строгую близость смысла, всѣ картины, грацію и движеніе каждой части. А въ то же время его произведеніе ничѣмъ не напоминаетъ того, что называется *переводомъ.* Это новая, юная, цвѣтущая, свободная жизнь, явленіе, все получившее отъ вдохновенія нашего поэта. Удивительнѣе всего, что Жуковскому такъ же легко было совмѣстить въ душѣ своей характеръ и красоты жизни индѣйской, какъ онъ прежде совмѣщалъ въ ней характеръ и красоты жизни рыцарской эпохи и такого множества другихъ. Это нельзя иначе изъяснить, какъ высшею силою воображенія, которое, обнимая столь разнородные предметы, прикасается къ нимъ со всѣмъ трепетомъ, со всею дѣйствительностію бытія. Какъ восхитителенъ, какъ поражаетъ душу новостію и волшебною странностію жизни этотъ вызванный къ намъ чудный міръ Индіи, ея природа, ея вѣрованія, ея нравы, ея страсти, ея увлеченія и вся глубина души человѣческой подъ тайными для насъ впечатлѣніями! Появленіе одного такого созданія животворитъ сердце, умирающее отъ бездушной существенности. И при этихъ яркоблестящихъ феноменахъ есть *слѣпцы,* которые усиливаются насъ увѣрить, что *поэзія* не вѣчное достояніе человѣчества, что она легкокрылая гостья юношескаго возраста государствъ, а не сущность духа нашего. Для слѣпыхъ конечно нѣтъ красокъ, а для глухихъ нѣтъ звуковъ. Но постигающіе что-нибудь въ законахъ безсмертной частицы нашей вѣруютъ, что поэзія не подчинена случайнымъ обстоятель-

ствамъ жизни; что она всегда останется съ человѣкомъ избраннымъ; что могутъ измѣняться формы ея и даже черты характера — а сущность ея вѣчно одна и та же, и она вѣчно сопровождать будетъ человѣка въ его земномъ странствованіи. Изданіе новой поэмы Жуковскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннему ея достоинству и даже характеру. Оно роскошно и украшено рисунками оригинальными какъ природа Индіи.

Ключь или алфавитный указатель къ Исторіи государства Россійскаго, Н. М. Карамзина, составленный и нынѣ дополненный, исправленный и приспособленный къ пятому ея изданію П. Строевымъ, и двадцать четыре составленныя Карамзинымъ и Строевымъ Родословныя таблицы князей россійскихъ. Изданіе И. Эйнерлинга.

Твореніе Карамзина служитъ для всѣхъ Русскихъ, и даже для иностранцевъ, изучающихъ литературу и исторію нашу, не только прекраснѣйшею и полезнѣйшею книгою для чтенія, но и постояннымъ, почти единственнымъ прибѣжищемъ, когда надобно бываетъ получить вѣрныя справки по какой бы то ни было части историческаго вѣдѣнія касательно Россіи. Безъ алфавитнаго указателя на всѣ предметы, находящіеся въ книгѣ, невозможно ею пользоваться такъ, какъ требуетъ того нужда. Извѣстный нашъ археологъ П. М. Строевъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ жизни своей на то, чтобы, во всякомъ случаѣ, твореніе Карамзина рѣшило вопросы и сомнѣнія любителей отечественной исторіи. Неутомимость, ревность труда и ничѣмъ неохлаждающаяся любовь къ знаніямъ однѣ могли поддержать ученаго въ предпріятіи столь тягостномъ, хотя и важномъ. Совершивъ это великое дѣло для науки, г. Строевъ положилъ такимъ образомъ основаніе словарей историческаго, генеалогическаго, географическаго и другихъ вовсе еще не находящихся въ нашей литературѣ. Надобно особенно радоваться, что его трудъ примѣненъ къ самому лучшему по исправности и полнотѣ изданію Карамзина, съ такимъ успѣхомъ совершенному г. Эйнерлингомъ. Собственно говоря, въ раз-

сматриваемой нами книгѣ уже три отдѣльные словаря: I, именъ лицъ, упоминаемыхъ въ исторіи, II, названій географическихъ и III, предметовъ примѣчательныхъ, вошедшихъ въ текстъ Карамзина. Все достоинство трудовъ этого рода заключается въ дѣйствительной полнотѣ собранія словъ и въ вѣрности указаній. Та и другая сторона *Ключа* доведены до изумительной исправности. Изданіе этой новой книги точно въ томъ же видѣ, въ какомъ г. Эйнерлингъ напечаталъ и самую Исторію Карамзина. Она въ нынѣшнемъ своемъ видѣ представляетъ окончательное совершенство — и мы не думаемъ, чтобъ кто-нибудь изъ просвѣщенныхъ людей могъ обойтися безъ нея, когда сверхъ того и по самой цѣнѣ она доступнѣе всѣхъ у насъ книгъ.

Русскіе древніе памятники. 35 четвертокъ, въ числѣ которыхъ 8 приложеній снимковъ, сдѣланныхъ Тромонинымъ съ старопечатныхъ книгъ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ И. П. Сахаровъ издалъ *первый* выпускъ трехъ разнородныхъ памятниковъ нашей старины. Онъ составилъ во-первыхъ: *Лѣтопись русской литературы* съ XI по XVIII вѣкъ; во-вторыхъ: *Описаніе русскихъ библіотекъ* (въ этотъ выпускъ взята одна библіотека Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря), и въ-третьихъ: *Лѣтопись русскаго книгопечатанія*, гдѣ разсказано только о типографіи Иверскаго монастыря. Для заготовленія матеріаловъ, которыми нѣкогда долженъ будетъ пользоваться сочинитель Исторіи русской литературы, ничего нельзя придумать лучше предпріятія г. Сахарова. Оно вноситъ свѣтъ туда, гдѣ до сихъ поръ мы ничего не видѣли. До него одинъ только незабвенный Сопиковъ разработывалъ этотъ темный рудникъ. Книга Сопикова, подъ названіемъ: *Опытъ русской библіографіи*, содержитъ прекрасныя начала всего, что теперь продолжаетъ воздѣлывать г. Сахаровъ. Итакъ нельзя его не поблагодарить за трудъ тяжелый и безплодный въ теперешнюю эпоху. Но его слава ожидаетъ впереди, когда, отъ забавъ литературныхъ, другое, болѣе серьёзное поколѣніе перейдетъ къ

дѣлу, болѣе достойному просвѣщеннаго вѣка. Переходы эти вездѣ были одинаковы. Посмотрите на нынѣшнихъ французскихъ литераторовъ: какъ они принялись за старыхъ своихъ писателей! Безпрестанно являются изданія съ подробнѣйшими объясненіями библіографическими, грамматическими и проч. и проч. Насъ одно удивляетъ въ трудахъ почтеннаго И. П. Сахарова. Онъ безпрестанно перемѣняетъ планы своихъ предпріятій, точно такъ же, какъ и форматы своихъ изданій. Всѣхъ ихъ уже столько вышло, что для обозрѣнія ихъ скоро понадобится особая библіографія. Насъ ничто такъ не радовало, какъ одна его программа (1841 года), въ которой онъ такъ полно и такъ серьёзно изложилъ расписаніе всѣхъ будущихъ трудовъ своихъ. Тогда же, въ задатокъ исполненія обѣщаній, напечаталъ онъ и первый томъ сборника подъ названіемъ: «Сказанія Русскаго Народа». Мы были восхищены этимъ истинно-патріотическимъ предпріятіемъ и торжественно выразили нашу благодарность труженику (см. выше стр. 318). Мы очень хорошо помнимъ, что онъ обѣщалъ издать, сверхъ отпечатаннаго I-го тома, еще шесть таковыхъ же. Онъ тогда же расписалъ, что весь его трудъ раздѣленъ будетъ въ этихъ семи томахъ (судя по первому, они вышли бы очень огромны) на 30 книгъ. Вотъ четвертый годъ мы ожидаемъ исполненія. Онъ въ это время издавалъ кое-что, но все не то, что намъ обѣщано. Теперь наконецъ онъ печатаетъ отдѣльно и въ новомъ форматѣ— чтожъ бы вы думали? то, что входило по его же программѣ въ знаменитыя *Сказанія Русскаю Народа*, и что тамъ отмѣчено цифрами: 18 и 19. Не можемъ понять, зачѣмъ онъ разлюбилъ первый свой трудъ? Въ ожиданіи, что онъ самъ изъяснитъ намъ эту литературную загадку, взглянемъ на то, что содержится въ изданныхъ имъ теперь квартантахъ, впрочемъ очень тоненькихъ. Въ *Лѣтописи Русской Литературы* отъ XI до XVIII вѣка помѣщены: 1. Рукописныя библіографическія сочиненія; 2. Библіографическія описанія книгъ, отдѣльно изданныя; 3. Библіографическія сочиненія, помѣщенныя въ журналахъ; 4. Библіографическія сочиненія, помѣщенныя въ отдѣльно-изданныхъ книгахъ; 5. Объ

исторіи Русской библіографіи. Нельзя не согласиться, что это все обработано и въ системѣ и съ полнотою. Любопытно знать, достанетъ ли у г. Сахарова терпѣнія, чтобы во *второмъ* выпускѣ обработать *также* эту часть въ XVIII и XIX ст. Наша литература до XVIII вѣка походила на узенькій мелкій ручеекъ. Но послѣ она обратилась въ такой разливъ, что развѣ только съ Волгою сравнить ее можно. Мы уже сказали, что *описаніе русскихъ библіотекъ* ограничивается одною: Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря. Г. Сахаровъ въ свою роспись внесъ только находящіяся въ ней славяно-русскія рукописи, раздѣливъ ихъ на три разряда: писанныя на *пергаминѣ,* на *хлопчатой* и *простой* бумагѣ. Въ первомъ и второмъ нѣтъ подраздѣленія, потому что ихъ немного: на пергаминѣ 33, и на хлопчатой бумагѣ 6. Въ послѣднемъ разрядѣ: а. Служебныя книги, б. Богословіе, в. Толкованіе на священное писаніе, г. Поученія святыхъ отцевъ, д. Житія святыхъ, е. Синодики, ж. Политическія сочиненія, з. Каноническія постановленія, и. Историческія сочиненія, і. Географическія сочиненія, к. Философическія сочиненія, и л. Сборники. *Лѣтопись русскаго книгопечатанія*, ограничивающаяся въ нынѣшнемъ выпускѣ типографіею Иверскаго монастыря, содержитъ разсмотрѣніе только трехъ книгъ, которыя, по разысканіямъ г. Сахарова, однѣ не подлежатъ сомнѣнію, что дѣйствительно здѣсь онѣ были напечатаны, а именно: а. Мысленный рай, б. Брашно духовное, и в. Списокъ съ жалованной грамоты царя Алексѣя Михайловича Иверскому монастырю. Итакъ въ изданіи г. Сахарова одни начала, конечно прекрасныя, но заставляющія ожидать нескораго окончанія, если *прочіе выпуски* пойдутъ равномѣрно съ первымъ.

Лѣтопись Русской Нумизматики. Отдѣленіе первое. Съ изображеніями древнихъ русскихъ монетъ на 12 таблицахъ.

Лѣтописью Русской Нумизматики мы обязаны тому же И. П. Сахарову, котораго Древніе Русскіе Памятники кончили только разсматривать. Подобно первому, и это сочиненіе входило

въ планъ его огромнаго сборника: «Сказанія Русскаго Народа». Оно, по первоначальному расположенію этого собранія, должно было составить 26-ю книгу. Еще разъ утѣшимся надеждою, что авторъ самъ изъяснитъ намъ, зачѣмъ первое прекрасное его предначертаніе измѣняется — и книги выходятъ безъ порядка, въ новыхъ форматахъ и гибельными для всякаго серьёзнаго предпріятія выпусками. Тетрадь Русской Нумизматики очень любопытна и стоила автору необыкновенныхъ трудовъ. Онъ внесъ въ нее слѣдующіе предметы: 1. Нумизматическія собранія въ Россіи, 2. Открытія кладовъ съ монетами въ Русской землѣ, 3. Мнѣніе о нумизматической оцѣнкѣ, 4. Роспись старымъ русскимъ монетамъ. Въ этой росписи слѣдуютъ: монеты великихъ княженій Кіевскаго, Владимірскаго, Рязанскаго, Тверского, Смоленскаго и Московскаго; потомъ монеты удѣльныхъ княженій Серпуховского и Боровскаго, Можайскаго и Бѣлозерскаго. Безъ указанія г. Сахарова можно ли было предположить, что у насъ въ Россіи существуетъ объявленныхъ уже 82 нумизматическихъ кабинета, не упоминая о тѣхъ, которые у многихъ изъ частныхъ любителей нумизматики остаются никому не открытыми? Всѣхъ кладовъ съ монетами найдено 33. Однихъ древнихъ рублей, что въ слиткахъ, получено изъ этихъ кладовъ 661. Роспись старыхъ русскихъ монетъ снабжена подробнымъ описаніемъ изображеній, на нихъ находящихся. Это любопытнѣйшая часть изданія г. Сахарова. Приложенія, гдѣ въ порядкѣ слѣдуютъ самыя изображенія всѣхъ упомянутыхъ монетъ, чрезвычайно хорошо отработаны. Словомъ: давно не бывало у насъ книги, столь важной для Исторіи, столь полезной для всякаго изъ Русскихъ и столь трудной для изданія.

Нѣчто о русскомъ слогѣ, для программы къ годичному испытанію въ Аренбургскомъ уѣздномъ дворянскомъ училищѣ, 20 и 21 декабря 1843 года. Разсужденіе учителя высшихъ классовъ русскаго языка, Николая Варадинова.

Авторъ предположилъ (стран. 3) «изучить въ самихъ источникахъ Русское слово, отъ великой эпохи преобразованія нашей

родины, по возможности, до текущаго времени». Надобно полагать, что разсматриваемое Разсужденіе его было плодомъ того изученія, на которое онъ посвятилъ себя. Но удивительно, что авторъ, послѣ труда важнаго, каково изслѣдованіе источниковъ, не образовалъ въ себѣ нисколько того, что желаетъ распространить между другими. Онъ заботится о хорошемъ языкѣ и слогѣ, а самъ безпрестанно пишетъ такъ: «Какъ Гёте, создавъ своего *Фауста*, сдѣлался писателемъ міровымъ, такъ Гавріилъ Романовичь, многими одами, сталъ Баяномъ Европы и Азіи, словно предсказывая собою полсвѣтное значеніе отечества: въ немъ думы Запада изукрашены Восточною роскошью» (стран. 9). Или: «Нелединскій, Мерзляковъ и Дельвигъ имѣли неоспоримое вліяніе на нашу поэзію, очищая языкъ отъ примѣси заморской и открывая путь къ сокровищницѣ просторѣчія» (стран. 8). Или: «Казакъ Луганскій придаетъ особенный блескъ народнымъ словооборотамъ, краснорѣчиво доказывая, что мы должны черпать изъ этого родника, искать значенія выраженій въ пословицахъ, радѣть о семъ необработанномъ, пренебреженномъ доселѣ сокровищѣ» (стр. 10). Или: «Для басни существуютъ только извѣстные періоды въ каждой литературѣ; они совпадаютъ съ живыми воспоминаніями о простотѣ патріархальнаго быта: пока народъ сохраняетъ прародительскую, еще неискаженную извѣстными условіями рѣчь, до тѣхъ поръ басня возможна» (стр. 8). Выписки эти ясно убѣждаютъ насъ, что авторъ преимущественно читалъ только нѣкоторые наши журналы: это ихъ слогъ и языкъ. Въ слѣдствіе невѣрныхъ началъ, онъ и судитъ неосновательно. Наприм., ему хотѣлось ощутительно доказать, какъ онъ постигаетъ оттѣнки слога. Для этого онъ произноситъ свой приговоръ о нѣкоторыхъ современникахъ. И что же? Осуждая безъ сознанія то, что въ нихъ дѣйствительно дурно, онъ самъ себѣ противорѣчитъ, указывая въ нихъ же на такія качества, которыя невозможны при первыхъ ихъ недостаткахъ. «Булгаринъ (говоритъ онъ), который подвинулъ значительно повѣствовательную нашу словесность, и Гречъ, по справедливости научившій насъ правильно писать, не пока-

зали особенныхъ сторонъ слога. Даже Полевой, чье имя произносится съ любовію, разнообразный Полевой, надъ повѣстями коего не одинъ плакалъ, изъ критикъ коего не одинъ научился, въ быляхъ котораго разлита чисто русская стихія, а въ *Аббадонѣ* живая могучая поэзія, имѣютъ мало оттѣнковъ новаго способа выражаться по-русски». Что за смѣсь противорѣчій! Люди, не достигнувшіе совершенства въ языкѣ и слогѣ, производятъ чудеса въ словесности! Не таковы бываютъ сужденія и приговоры, возникающіе въ собственной душѣ писателя, если онъ дѣйствительно изучитъ науку или искуство.

Книга для переводовъ съ русскаго на нѣмецкій, французскій и англійскій языки.

Подъ этимъ названіемъ напечатано собраніе отрывковъ и нѣсколько цѣльныхъ сочиненій разныхъ русскихъ авторовъ. Первая половина книги содержитъ выборъ пьесъ въ прозѣ, а вторая въ стихахъ. Изъ семидесяти писателей издатели заимствовали текстъ собранія своего. Въ предисловіи они говорятъ, что прозаическія статьи *расположены у нихъ въ наивозможной постепенной послѣдовательности отъ легчайшаго къ труднѣйшему.* Обстоятельство это такъ недоказательно для нихъ самихъ, не только для ихъ читателей, что подобныя объясненія мы относимъ къ числу форменныхъ отговорокъ, а не дѣйствительныхъ истинъ. Въ самомъ дѣлѣ: почему, наприм., для начала опытовъ въ переводахъ издатели предпочли изъ г. Полеваго: «*Замѣчательныя слова Петра Великаго*», а для окончанія понадобилась изъ него же: «*Ѣзда на вольныхъ?*» Разница только въ объемѣ: одинъ отрывокъ покороче, другой подлиннѣе. Но они изъ послѣдняго могли бы взять начальныя только фразы, а къ первому приставить продолженіе — и тогда, безъ малѣйшаго нарушенія ихъ постепенности, все пошло бы въ такомъ же порядкѣ, какой сохраненъ и теперь. Почему изъ Ломоносова только его ода, выбранная изъ Іова, хороша для перевода, а все прочее неудобопереводимо? Почему у Фонвизина, кромѣ одного отрывка изъ *Недоросля*, нѣтъ

переводимыхъ сочиненій, а у Гоголя ихъ множество? Недоумѣнія въ этомъ родѣ безчисленны. Дѣло въ томъ, что наши авторы неизучены. Никто не опредѣлилъ ихъ въ отношеніи къ языку. Большая между тѣмъ разница *писать* и писать. Тредьяковскіе, Ломоносовы, Карамзины, Шишковы, Полевые, Жуковскіе, Пушкины, Кукольники — всѣ *писали*, *пишутъ* и *будутъ писать*, да не по однимъ и тѣмъ же началамъ, или справедливѣе: у однихъ есть начала, а у другихъ только перья. По нашему мнѣнію, для первыхъ опытовъ въ переводахъ надобно бы выбрать пьесы изъ авторовъ, которые литературою занимались какъ классическіе художники, т. е. постигавшіе всѣ требованія языка и слога. Таковъ у насъ между другими былъ М. Н. Муравьевъ. Но его-то и забыли издатели книги, а вспомнили Полежаева. Для окончательныхъ трудовъ въ переводахъ можно брать примѣры изъ писателей, которые, не представляя отчетливости и правильности классической въ искуствѣ, поражаютъ силою созданій своихъ. Таковъ Гоголь. При размѣщеніи, основанномъ на подобныхъ соображеніяхъ, мы готовы признать полезною учебную книгу для переводовъ. А въ нынѣшнемъ видѣ она не что иное, какъ новая хрестоматія, изданная ни хуже, ни лучше предшественницъ своихъ.

Руководство къ изученію русской словесности, приспособленное къ прозаическимъ сочиненіямъ, составленное Алексѣемъ Донскимъ.

Всѣ правила, помѣщенныя здѣсь, преимущественно касаются механической стороны искуства. Въ дѣлѣ литературномъ механизмъ не много помогаетъ совершенству сочиненія. Въ реторикѣ надобно отдѣлить формы сочиненій отъ ихъ содержанія. Въ содержаніи должно особо разсматривать во-первыхъ принадлежащее исключительно предмету и во-вторыхъ зависящее отъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится авторъ. Безъ систематическаго воззрѣнія на всѣ стороны искуства, въ реторикѣ будетъ царствовать хаосъ. Она до сихъ поръ у насъ не очищена отъ частныхъ замѣчаній, внесенныхъ въ нее древними, которые

впрочемъ не безъ основанія такъ поступали, образуя своими правилами единственно оратора, а не литератора или писателя, къ чему стремятся новѣйшіе реторы.

Земледѣліе въ Китаѣ съ семидесятью-двумя чертежами разныхъ земледѣльческихъ орудій.

Для ума любознательнаго нельзя представить ничего занимательнѣе этой книги. Все въ ней новость, поражающая своею особенностью и влекущая къ размышленію. Что это за нація Китай? Тамъ буква сжала все, отъ религіозной мысли до поклона встрѣчному. Изображеніе началъ, которыми обязаны руководствоваться Китайцы въ земледѣліи, доказываетъ изумительное вниманіе правительства къ этой важной отрасли народной промышленности. Само собой разумѣется, что въ другой землѣ, у другого народа, ничто не можетъ быть примѣнено изъ началъ китайскихъ. Но изученіе ихъ, какъ явленія въ человѣчествѣ, завлекательно. Европейцы слишкомъ были односторонни въ своихъ умозаключеніяхъ, долго не обращая вниманія на разнообразныя учрежденія народовъ въ другихъ частяхъ свѣта. Русскіе не могутъ быть не признательны къ ученымъ трудамъ отца Іакинѳа за множество любопытныхъ свѣдѣній, которыя онъ передалъ имъ изъ самаго источника.

Тысяча и одна минута. Собраніе русскихъ сказокъ, писанныхъ Иваномъ Ваненко. Четыре книги.

Г. Ваненко собралъ множество русскихъ простонародныхъ сказокъ и изложилъ ихъ языкомъ, приближающимся къ подлинной рѣчи нашихъ простолюдиновъ. У него уже довольно навыка въ этомъ очень нелегкомъ дѣлѣ. Мы увѣрены, что публика его очень благодарна ему будетъ за этотъ трудъ.

Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею, дан-л'этранже.

Въ 1841 году, въ первый разъ, мы привѣтствовали появленіе этой описательной поэмы, исполненной остроумія, неподдѣль-

ной веселости, благородной шутливости и лучшаго тона насмѣшливости (см. выше стр. 312). Нынѣ, при появленіи второй части поэмы, вмѣсто веселаго привѣтствія, мы несемъ кипарисный вѣнокъ на свѣжую еще могилу всѣми любимаго поэта. Онъ быстро исчезъ изъ нашего круга. Но память о немъ никогда не померкнетъ между нами. Мы его любили какъ товарища, какъ поэта и какъ человѣка. Его появленіе вводило радость въ общество; его умъ оживлялъ бесѣду; его разговоръ прогонялъ скуку. Поэзія была для него ароматомъ жизни. Онъ вдыхалъ его въ себя для оживленія своихъ радостей. Художникъ по сердцу, онъ изъ него извлекалъ всѣ основанія своего искуства. Веселость его была неподдѣльная; слогъ его былъ созданіемъ его. Вторая часть *Курдюковой* ознаменована тѣмъ же мастерствомъ, тою же оригинальностію и тѣмъ же неистощимымъ юморомъ, какъ и первая. Сценою служитъ Швейцарія. Подробности разсказа собраны въ Базелѣ, Бернѣ, Лозаннѣ и Женевѣ. А сколько еще впереди ожидало насъ изъ этого путешествія?...

Амарантосъ, или Розы возрожденной Эллады. Произведенія народной поэзіи нынѣшнихъ Эллиновъ, собранныя, переведенныя и изданныя съ подлинникомъ, предисловіемъ, филологическими и историческими замѣчаніями, Георгіемъ Эвлампіосомъ.

Не только любители греческой словесности, но и всѣ вообще литераторы должны быть признательны г. Эвлампіосу за изданіе народныхъ пѣсенъ новѣйшихъ Грековъ. Это сокровище, до сихъ поръ почти неизвѣстное другимъ Европейцамъ. Только образованный и трудолюбивый Эллинъ могъ съ такою исправностію собрать пѣсни, живущія въ устахъ греческаго народа. Извѣстное и всѣми уважаемое изданіе Форіэля, какъ неоспоримо доказалъ нынѣ нашъ переводчикъ, очень несовершенно и неполно. Это впрочемъ понятно. Мы, читая изданія русскихъ народныхъ пѣсенъ, чувствуемъ, какъ эти драгоцѣнныя произведенія чувства и воображенія націи искажаются въ печати при малѣйшей невни-

мательности издателей. Не только фразы и стихи, но и цѣлыя строфы переносятся изъ одной пѣсни въ другую. Долго надобно прислушиваться къ пѣнію простого народа и собрать много экземпляровъ текста на одну и ту же пѣсню, чтобы наконецъ добраться до истинной редакціи ея. На русскомъ языкѣ первый опытъ изданія греческихъ пѣсенъ принадлежитъ Гнѣдичу. Въ 1825 году онъ напечаталъ Клефтическія пѣсни съ подлинникомъ и прекраснымъ введеніемъ. Онъ вошелъ въ изслѣдованія самыя любопытныя, особенно сравнивая народныя пѣсни Грековъ съ русскими. Въ нашей литературѣ немного книгъ, которыя бы изданы были съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ эта книга Гнѣдича. Переводъ его пѣсенъ греческихъ увлекательно хорошъ. Это впрочемъ неудивительно: Гнѣдичъ, какъ знатокъ греческаго языка и (особенно важное обстоятельство!) какъ поэтъ, передалъ не слова и не смыслъ ихъ просто, а самую поэзію смысла и словъ, жизнь, силу и краски лирисма. Г. Эвлампіосъ обнялъ другіе виды народныхъ греческихъ пѣсенъ, нежели Гнѣдичъ. Кромѣ Клефтическихъ, тамъ есть мирологи, свадебныя, хороводныя, любовныя пѣсни и т. п. Ихъ-то преимущественно собралъ нынѣшній переводчикъ ихъ. Это для насъ и прекрасно. Теперь, изучивъ двѣ книги, мы вполнѣ узнаемъ народную греческую поэзію. Притомъ же соперничество съ Гнѣдичемъ было бы невыгодно для г. Эвлампіоса, какъ иностранца. Онъ благоразумно ограничился прозаическимъ переводомъ своего собранія, въ которомъ особенно любопытна греческая простонародная сказка: *О безсмертной водѣ*. Подобно Гнѣдичу, нынѣшній переводчикъ приложилъ къ своему труду прекрасное введеніе, которое также отличается особеннымъ взглядомъ отъ введенія Гнѣдича. Не анализируя пѣсенъ со стороны эстетической, онъ ихъ объясняетъ разсказами о мѣстности, нравахъ и другихъ частностяхъ народа. Итакъ опять для полноты идеи надобно читателю соединить обѣ книги. Мы увѣрены, что любознательные люди теперь непремѣнно поспѣшатъ запастись столь полезными изданіями. Книга г. Эвлампіоса удостоилась Демидовской преміи.

Паденіе Пскова. Историческая характеристика, читанная въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ Н. Савельевымъ.

Псковская лѣтопись, сличенная авторомъ съ другими источниками, служила ему основаніемъ при составленіи этой исторической брошюры. Трудъ столько же полезный, сколько и отвѣчающій современному направленію литературы нашей. Авторъ, пользуясь разными открытіями по части отечественной исторіи, послѣдовавшими въ нашу эпоху, вноситъ ихъ въ свой разсказъ, и такимъ образомъ его статья со временемъ послужитъ въ пользу русскому историку. Въ его взглядѣ на изображаемое событіе, къ счастію, нѣтъ произвольныхъ и безполезныхъ сужденій: онъ держится основной мысли лѣтописца, который въ заключеніи своего труда выражается ясно: «Отцовъ и братій нашихъ, и матерей и сестеръ развели по городамъ, гдѣ не бывали ни дѣды, ни прадѣды. А все зло на насъ отъ самоволія и непокоренія другъ другу: голова не вѣдаетъ, что языкъ говоритъ; своего дома не умѣемъ строить, а городами повелѣвать хотимъ». Отдавая справедливость труду сочинителя въ томъ объемѣ, какъ онъ его совершилъ, мы, не менѣе того, остаемся въ убѣжденіи, что для пользы нашей исторіи нужнѣе изученіе внутренней жизни древней Россіи, нежели самыя щегольскія характеристики эффектныхъ ея моментовъ. Все, что можетъ внести новый фактъ, новую даже черту изъ народнаго быта исчезнувшихъ временъ въ сокровищницу отечественной исторіи, полезнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ описаній эпохъ давно извѣстныхъ. Въ книгѣ, обнимающей цѣлый рядъ событій изъ какого-нибудь періода, съ удовольствіемъ и не безплодно остановишься на мастерской страницѣ великаго писателя, который съ понятнымъ одушевленіемъ и по несомнѣнному призванію предается художнической работѣ. Но въ занятіяхъ, требующихъ однѣхъ справокъ, выписокъ и отчета, предпочтительнѣе ясность, точность и простота языка, нежели громкія фразы. Въ послѣднемъ отношеніи авторъ разсматривае-

мой брошюры не безъ упрека. Онъ, наприм., пишетъ такъ: «Было и минуло золотое время вольныхъ городовъ русскихъ. Начались крамолы, а между тѣмъ крѣпла и высилась Москва, сто лѣтъ управляемая однoю твердою политикою, и все преклонилось передъ великимъ Іоанномъ III. Русскія земли быстро сосредоточились около Московскаго государства. Псковъ примкнулъ къ нему, хотя и сохранилъ наружный видъ прежней свободы; Новгородъ палъ, и навсегда». Или такъ: «Такъ совершились судьбы древняго Пскова, родины Ольгиной, младшаго брата Новугороду великому, участника славной Ганзы.... Отнялась тогда слава Пскова: было плѣненье не иновѣрными, но единовѣрными». Подобный тонъ и слогъ умѣста были въ Исторіи Карамзина; потому-что къ нимъ естественно приводили автора впечатлѣнія и порождаемыя ими идеи. Здѣсь же, гдѣ часто недостаетъ необходимыхъ фактовъ, онъ неумѣстенъ. Сочинитель брошюры, наприм., въ числѣ причинъ неудовольствія в. кн. Василія Іоанновича на Псковитянъ приводитъ ихъ постоянную привязанность къ племяннику его Димитрію Іоанновичу, который нѣкогда былъ объявленъ наслѣдникомъ Московскаго престола. «Уничтожая безъ пощады все (говоритъ авторъ), что напоминало о прежнемъ разновластіи, Василій Іоанновичъ положилъ въ умѣ своемъ привесть Псковъ въ совершенную зависимость, лишить всѣхъ древнихъ правъ и уравнять со всѣми областями Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что не забыта была и привязанность, оказанная Псковомъ несчастному Димитрію Іоанновичу...» Вмѣсто округленія періодовъ, авторъ болѣе въ обязанности былъ разыскать, на чемъ основывалась эта странная оппозиція Псковитянъ волѣ самодержца, особенно въ эпоху, когда Пскову совершенно было равно видѣть на Московскомъ престолѣ Димитрія или Василія. Изображеніе всѣхъ историческихъ явленій тогда только и привлекаетъ къ себѣ полное вниманіе наше, когда ему предшествуетъ развитіе причинъ, ихъ образующихъ.

Исторія Кіевской Академіи. Сочиненіе воспитанника ея, іеромонаха Макарія Булгакова.

Для исторіи просвѣщенія въ Россіи эта книга представляетъ драгоцѣнные матеріалы. Кіевская духовная Академія принадлежитъ къ древнѣйшимъ у насъ учрежденіямъ, изъ которыхъ распространялась образованность сперва по всѣмъ сословіямъ, а напослѣдокъ исключительно по духовенству Малороссійскаго края. До сихъ поръ не было сочиненія, которое бы вполнѣ и такъ занимательно представляло успѣхи и вліяніе Кіевской Академіи на умственную жизнь Россіи. Авторъ съ необыкновенною любознательностію и терпѣніемъ собралъ все, что касается до его предмета. Онъ успѣлъ придать своему сочиненію столько достоинствъ системою, взглядомъ и самымъ изложеніемъ, что оно должно остаться въ разрядѣ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ нашей современной литературы. Въ одномъ только несогласны мы съ сочинителемъ. Его четыре періода Исторіи, уподобляемые четыремъ возрастамъ человѣка: младенчеству, отрочеству, юношеству и мужеству, не во всѣхъ отношеніяхъ вѣрны, а притомъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, необходимо потребуютъ измѣненія въ названіяхъ. Характеристику періодовъ надобно извлекать изъ сущности событій, а не изъ остроумныхъ уподобленій. Впрочемъ факты, имъ собранные, никогда не потеряютъ цѣны, если бы другой сочинитель и размѣстилъ ихъ въ новые періоды съ другими наименованіями.

О еврейскихъ праздникахъ. Магистра іеромонаха Іоасафа.

Еще добросовѣстный трудъ по части исторической литературы. Въ судьбахъ еврейскаго народа и въ его нынѣшнемъ состояніи столько замѣчательнаго, новаго, сравнительно съ другими народами, и оригинальнаго по всѣмъ отношеніямъ, что чтеніе книги, обнимающей эти предметы, поучительно для всякаго образованнаго человѣка. Надобно признаться, что мы слишкомъ поверхностно судимъ объ этой націи, считая излишнимъ дѣлать об-

стоятельное изученіе ея внутренней жизни. Конечно авторъ сочиненія, нами разсматриваемаго, коснулся слегка до многихъ предметовъ; но онъ можетъ возбудить вниманіе и тѣмъ заставитъ насъ дополнить кругъ нашихъ знаній.

Первое двадцатипятилѣтіе Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Историческая Записка, и проч.

Въ нынѣшнемъ году 8-го февраля исполнилось двадцать пять лѣтъ существованію С.-Петербургскаго университета. Въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ университетъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался уставомъ бывшаго Главнаго Педагогическаго института, сображаясь въ послѣдніе три года еще съ особой инструкціею, данною директору и ректору Казанскаго университета. Въ послѣдовавшія за тѣмъ восемь лѣтъ онъ пользовался уставомъ, начертаннымъ для Московскаго университета. Наконецъ общій нынѣшній уставъ россійскихъ университетовъ, получившій полное свое дѣйствіе за девять передъ симъ лѣтъ, способствовалъ ко многимъ улучшеніямъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, только-что началось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія преобразованіе прежняго устава, такъ что ближайшія къ намъ двѣнадцать лѣтъ ознаменованы въ исторіи университета особенно блестящимъ характеромъ. На основаніи этого различія, въ разсматриваемой нами книгѣ исторія С.-Петербургскаго университета раздѣлена на три періода. Въ каждомъ изъ нихъ показано состояніе административно-ученой части и всѣхъ прочихъ предметовъ, входящихъ въ кругъ университетскаго вѣдѣнія. Наиболѣе любопытно слѣдовать за развитіемъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ, образованіемъ новыхъ каѳедръ, за успѣхами всѣхъ лицъ ученаго университетскаго сословія и за постепеннымъ умноженіемъ числа слушателей, изъ которыхъ поименованы многіе, оправдавшіе труды преподавателей собственными учеными и литературными трудами. Университеты повсюду представляютъ централизацію умственной дѣятельности. Ихъ вліяніе на развитіе образованности всѣхъ классовъ народа несомнѣнно.

Итакъ исторія каждаго университета есть занимательнѣйшая часть общаго хода просвѣщенія въ государствѣ. Въ Россіи С.-Петербургскій университетъ моложе прочихъ. Но и онъ, какъ видно изъ его исторіи, совершилъ многое, предлежащее его назначенію. Около 2,500 человѣкъ получили въ немъ окончательное свое образованіе. Въ первые три года, по открытіи его, число своекоштныхъ студентовъ не превышало 25; на казенномъ содержаніи тогда было 100 человѣкъ. Нынѣ для учительскихъ должностей по округу на иждивеніи правительства содержится въ немъ едва ли и 20 человѣкъ, а число всѣхъ слушающихъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ приближается уже къ 600. Мы не находимъ ничего, что бы нужно было прибавить къ этому факту для удостовѣренія, какъ быстро совершенствованіе университета.

Памяти графа Александра Сергѣевича Строганова. Составилъ Н. Колмаковъ.

Въ XXXI т. *Современника* (см. томъ I настоящаго изданія) говоря о незабвенномъ графѣ А. С. Строгановѣ, мы упомянули, какъ трудно у насъ составлять подробныя біографіи самыхъ знаменитыхъ лицъ. Разсматриваемая здѣсь брошюра подтверждаетъ слова наши. Кромѣ послужныхъ списковъ и изустныхъ, по большой части сомнительныхъ, а если и вѣрныхъ, такъ безцвѣтныхъ преданій, для подобнаго предпріятія совсѣмъ нѣтъ источниковъ, которыми бы могъ воспользоваться писатель. Поэтому ни удивляться, ни обвинять нельзя автора, что онъ не оживилъ своего произведенія столько, сколько желалъ бы изъ насъ каждый, въ заглавіи книги видя имя, столь драгоцѣнное всѣмъ образованнымъ людямъ въ Россіи.

Путевыя записки зайца. Сочиненіе Е. Гребенки.

Въ то время, какъ мы снова перечитывали *Записки сумасшедшаго*, это мастерское, оригинальное, глубокосоображенное и подъконецъ трогательное созданіе Гоголя, намъ подали книжку, подъ

заглавіемъ: *Записки зайца.* Насъ еще занимала капризная идея автора *Записокъ сумасшедшаго* — идея корреспонденціи собаченокъ. Взглянувъ на новую книжку, мы уже съ меньшимъ удивленіемъ думали о странностяхъ сочинителей. Видно, что они люди не обыкновенные — и такъ пусть дѣйствуютъ по-своему. Въ шуткѣ Гоголя есть что-то болѣе ироническаго; что-то смѣшитъ васъ и наполняетъ негодованіемъ; вы забавляетесь, но въ то же время и съ неизъяснимымъ участіемъ слѣдуете за развитіемъ идеи. Какъ достигаютъ до этого — не беремся объяснить. И въ шуткѣ г. Гребенки очень много остроты и неподдѣльной веселости, которая займетъ читателя. Прекрасныя картинки дополняютъ интересъ текста.

Антологія изъ Жанъ-Поля Рихтера, съ портретомъ и facsimile автора.

Книга, которой заглавіе здѣсь выписано, должна преимущественно обратить на себя вниманіе образованныхъ читателей, понимающихъ достоинство истиннаго таланта. Посреди современныхъ сочиненій, наполненныхъ клеветою на человѣческое сердце, книга Жанъ-Поля представляетъ явленіе отрадное и успокоительное. Она животворитъ умъ и сердце читателя, наполняя ихъ столь вѣрными и съ душою нашей согласными истинами, что ея чтеніе можно сравнить только съ дѣйствительною жизнію, освященною размышленіемъ, чувствованіемъ блага и сладостнымъ внутреннимъ миромъ. Для читателей *Современника* многое уже знакомо изъ этой книги. Мы нѣкогда предложили имъ полную біографію Жанъ-Поля (*Совр.* т. X.); послѣ привели изъ него самыя занимательныя мысли, отдѣльно имъ изложенныя (т. XII.); наконецъ мы разсмотрѣли критически духъ, направленіе, сферу и художническія совершенства этого автора, подтвердивъ наше мнѣніе указаніемъ на лучшія мѣста разныхъ сочиненій (т. XIV). Вышедшая нынѣ книга, изданная, какъ видно изъ предисловія, жаркимъ почитателемъ Жанъ-Полева генія и обработанная съ любовію къ дѣлу и съ знаніемъ его, не только не противорѣчитъ

нашему прежнему убѣжденію, но и поддерживаетъ его. Мы отъ полноты души желаемъ, чтобы люди, признающіе чтеніе книгъ за одно изъ благороднѣйшихъ занятій, предались изученію Жанъ-Поля. Онъ возвратитъ ихъ къ тѣмъ истинно-человѣческимъ ощущеніямъ, къ тѣмъ чистымъ помысламъ, съ которыми усиливается разлучить насъ мелкое племя людей, избравшихъ своею цѣлію одну извѣстность, самую постыдную и унизительную, потому что она основана на лжи и клеветѣ. Нѣкогда одинъ изъ чуствительнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ писателей, въ минутномъ разочарованіи и ипохондріи, сочинилъ разсужденіе, опровергая пользу наукъ. Его успѣхъ и слава соблазнили уже нѣсколько молодыхъ людей — и вотъ возстали нынѣ передъ нами враждующіе противъ всего, что по несомнѣнности и святости своей никогда не требовало себѣ не только защиты, даже хвалы. Самыя безсмысленныя и грубыя изъ ихъ мнѣній нашли отголосокъ въ толпѣ невѣжественныхъ подражателей, для которыхъ только то и истинно, только то и занимательно, что щекочетъ дремлющую ихъ душу. Въ такую эпоху Жанъ-Поль является у насъ спасительно. Его мощный геній, воспитанный созерцаніемъ вселенной, общества людей, человѣка въ частности, и исполненный вѣдѣнія во всемъ, что благость Божія открываетъ душѣ смиренномудраго, прямо ведетъ человѣка къ источнику жизни, полной счастія и благоволенія.

Парижскія тайны. Романъ Эжена Сю. Перевелъ В. Строевъ. Два тома; восемь частей.

Съ тѣхъ поръ, какъ пишутся романы, они все еще бываютъ пока двухъ только родовъ: *похожіе на жизнь* съ ея страстями, то благородными, то низкими, съ ея совершенствами и недостатками, съ добродѣтелями и пороками, словомъ: со всѣми явленіями поэзіи, когда человѣкъ, не переставая быть человѣкомъ, то приближается къ свѣтлому сонму ангеловъ, то падаетъ въ мрачную пропасть демоновъ — и *похожіе на грезы безпокойнаго сна* съ ихъ несообразностями, то ужасающими насъ, то доводящими до

апатіи, съ ихъ неестественными событіями, чуждыми воображенію человѣка бодрствующаго, не входящими въ сердце и самое порочное и самое чистое, словомъ: со всѣми нелѣпостями, свидѣтельствующими, что здравый смыслъ тогда не дѣйствуетъ. Эти два рода романовъ различаются всегда не только характеромъ соображаемости авторовъ, но и основною ихъ идеею, движеніемъ частей, ихъ пропорціями, красками и языкомъ. Первые, подобно явленіямъ природы, во всемъ согласны съ законами естественности: обдуманы совершенно, приведены въ законную форму, оживлены до того, что читая сочувствуешь каждому слову, полны того разнообразія, которое въ жизни поражаетъ насъ на каждомъ шагу, просты какъ все истинное, такъ что забываешь трудъ воображенія, понятны и доступны сердцу, которое трепещетъ отъ умиленія, или отъ довѣренности къ самому вымыслу. Вторые романы во всемъ переполнены: въ нихъ столько или ужасовъ, или сладости, что въ обоихъ случаяхъ равно поспѣшаешь только узнать развязку, для которой и жертвуешь временемъ, видимо его теряя безъ сочувствія; но эти созданія бодрственныхъ сновидѣній опутаны такою мелкою сѣтью завязокъ, эпизодовъ, отступленій и прочихъ хитростей прельщенія, что праздное любопытство всегда готово наполнять ими пустоту своего времени. Въ каждомъ изъ этихъ главныхъ двухъ родовъ есть безчисленное множество подраздѣленій, по которымъ даются особыя названія романамъ. Исчислять ихъ здѣсь было бы и не у мѣста и безполезно. Талантъ автора, господствующій вкусъ народа, посреди котораго онъ родился, общее направленіе искуства, въ эпоху его преобладающее, и безчисленное множество другихъ обстоятельствъ сообщаютъ романамъ рѣзкія особенности. Между-тѣмъ замѣчательно, что всѣ великіе писатели романовъ, какъ ни были они разновидны въ слѣдствіе приведенныхъ нами причинъ, всегда сходились въ тѣхъ общихъ чертахъ, которыя мы означили въ романахъ перваго рода. Сервантесъ, Ричардсонъ, Руссо, Гёте, Вальтеръ - Скоттъ никогда не прибѣгали въ романахъ къ неестественному и усиленному для произведенія особеннаго дѣй-

ствія на читателей. Каждый изъ нихъ внесъ въ поэтическую жизнь героевъ своихъ однѣ рѣзкія, но со всею вѣрностію схваченныя черты той эпохи, когда они жили, и той страны, гдѣ дѣйствовали. А то, что только человѣчески-возможно или человѣчески-прекрасно, вездѣ служило у нихъ основою романа.

Въ «Парижскихъ тайнахъ» все сдвинуто долой съ этой вѣчной основы изящныхъ искуствъ. Заблужденія, пороки, страсти — тамъ все какъ грезы, безплодно раздирающія сердце страждущаго горячкою. Если бы авторъ съ сознаніемъ истины произнесъ десятую долю того, что вошло въ его романъ, и на другой день проснулся бы безъ ужаса, безъ омерзенія къ человѣчеству; то это значило бы, что онъ автоматъ. Одной сцены на островѣ, между матерью, сыномъ и дочерью, достаточно для того, чтобы или убѣдиться, что весь романъ есть бредъ, или умереть отъ ужаса, сознавши въ немъ истину. Подобныя событія не въ романъ идутъ, а въ страшное слѣдственное дѣло. И это сплетеніе гнусностей, омрачающихъ человѣчество, авторъ поддерживаетъ фокусами обманщиковъ, забавляющихся надъ чернію. Всѣ невѣроятности разрѣшаетъ онъ какимъ-то всемогуществомъ лица, ничѣмъ не привязаннаго ни къ сценѣ, ни къ прочимъ актерамъ. По неслыханному успѣху этого произведенія можно судить, какія остаются средства таланту къ его славѣ, если онъ эту славу предпочитаетъ чистой любви къ чистому искуству! Впрочемъ мы еще не рѣшили, кто здѣсь заслужилъ болѣе удивленія, писатель ли, который вышелъ въ такомъ нарядѣ передъ зрителей, или общество, которое побѣжало смотрѣть его.

Мы не находимъ въ переводѣ множества явленій, такъ отвратительно украшающихъ оригиналъ. Это уменьшаетъ то, что надобно чувствовать къ литературнымъ трудамъ сего рода. Всего горестнѣе думать, что эти спекуляціи корыстолюбія и разврата прикрываются видами нравственно-политическихъ цѣлей, что въ юномъ поколѣніи цѣлая толпа слабоумныхъ готова вѣрить подобнымъ выходкамъ тонкаго злодѣйства.

Гамлетъ. Трагедія В. Шекспира. Переводъ А. Кронеберга.

Въ судьбѣ Гамлета столько заключается драматическаго, что сочинители и переводчики трагедій всего охотнѣе принимаются за этотъ предметъ. Если переглядѣть только русской литературы лѣтописи, то сколько въ нихъ мы встрѣтимъ Гамлетовъ! *Творецъ Россійскаго театра* (говоря языкомъ XVIII вѣка), Александръ Сумароковъ не пропустилъ безъ вниманія сюжета, столь счастливаго и богатаго. Какъ ревностный поклонникъ учителей своихъ, французскихъ трагиковъ, онъ не *унизился* до того, чтобы о Гамлетѣ посовѣтоваться съ Шекспиромъ. Онъ создалъ своего. Это любопытное теперь произведеніе было напечатано 1748 года. Степанъ Висковатовъ, писатель нашего столѣтія, не достигнувшій извѣстности А. Сумарокова, принялся между прочимъ также за Гамлета. Но онъ былъ скромнѣе предшественника своего. Не добравшись до оригинальной драмы Шекспира, онъ удовольствовался передѣлкою Дюси и представилъ публикѣ изъ нея свою передѣлку. Это уже менѣе любопытное для насъ сочиненіе напечатано было въ 1811 году. Послѣ первыхъ двухъ нападеній русскихъ литераторовъ на судьбу Гамлета, она привлекла къ себѣ живое участіе молодого человѣка, который любилъ и теперь еще любитъ литературу для литературы, т. е. искуство для искуства, безъ чего нѣтъ ни совершенства, ни славы. Это былъ М. П. Вронченко. Онъ, можно сказать, съ благоговѣніемъ началъ трудиться надъ переводомъ на русскій языкъ великаго творенія Шекспира, и въ 1828 году представилъ его на судъ публики. Не читавшіе подлинника только теперь постигнули, что такое Гамлетъ и его судьба. Въ переводѣ г. Вронченка сохранены всѣ оттѣнки идей и самыхъ стиховъ Шекспира. Но такъ какъ *дива нѣтъ, къ которому бъ не приглядѣлся свѣтъ*; то и образцовый этотъ переводъ не остановилъ спекуляцій на имя Гамлета. Николай Полевой рѣшился обновить попытку, заимствовавъ идеи у Александра Сумарокова и Степана Висковатова и сливъ ихъ въ одну собственную.

Вышелъ такой Гамлетъ, который приноровленъ къ публикѣ какъ у Дюси, между-тѣмъ смотритъ на всѣхъ такъ, какъ бы онъ былъ Шекспировскій, а стихами говоритъ все Сумароковскими. Тисненію преданъ въ 1837 г. Наконецъ теперь опять нашелся охранитель чести Шекспира — и снова передалъ намъ его твореніе въ томъ истинномъ видѣ, который одинъ навсегда останется образцомъ чистой концепціи Гамлета. У г. Кронеберга, по нашему мнѣнію, менѣе сжатости и силы въ стихахъ, нежели у г. Врончепка, изумительно побѣдившаго всѣ трудности, представляемыя различіемъ языковъ, изъ которыхъ одинъ (англійскій) образованъ преимущественно изъ словъ односложныхъ, а другой (русскій) изъ многосложныхъ. Но эта самая побѣда и должна была сообщить русскимъ стихамъ нѣкоторую жесткость, тогда какъ легкія уклоненія отъ буквальности позволили г. Кронебергу округлить форму его стиховъ.

Опытъ нидерландской антологіи. П. Корсакова.

Это послѣдній трудъ почтеннаго переводчика, предпринятый имъ для пользы русской литературы, которую онъ любилъ истинно и постоянно. Мы обязаны покойному П. А. Корсакову знакомствомъ съ голландскою литературой, никѣмъ еще у насъ не изученной — и эта одна заслуга уже даетъ ему право на почетное мѣсто въ ряду современныхъ писателей нашихъ. Между тѣмъ успѣлъ онъ совершить много и другихъ замѣчательныхъ предпріятій. Онъ передалъ намъ съ подлинника того Робинзона, который для всѣхъ націй остался неподражаемымъ совершенствомъ простоты, истины и занимательности въ повѣствовательномъ родѣ для дѣтскаго чтенія. Не упоминаемъ о прочихъ литературныхъ трудахъ г. Корсакова. Нидерландская антологія очень разнообразна и своею оригинальностію привлекаетъ къ себѣ полное вниманіе любознательнаго читателя.

Стихотворенія Елизаветы Улыбышевой.

Разсматриваемая нами теперь книга издана на французскомъ языкѣ. Собственное ея заглавіе вполнѣ слѣдующее: «Pensées et

Soucis, suivis de la Sylphide-Poëte. Poésies par Mademoiselle Elise d'Oulibicheff, Auteur de l'ouvrage: Etincelles et Cendres. Précédées d'une critique de M. de Senkovsky (Rédacteur de la Библіотека для чтенія) et d'un éloge de M. de Kraevsky (Rédacteur des Отечественныя Записки) sur l'ouvrage Etincelles et Cendres, avec les réponses, en vers et en prose, de l'auteur aux deux journalistes.» Мы сочли не чуждымъ для себя дѣломъ упомянуть о сочиненіи, написанномъ и напечатанномъ въ Россіи, притомъ же нашею соотечественницею, хоть и на иностранномъ языкѣ. Ея талантъ есть наше достояніе; ея поэзія будетъ занимать, можетъ-быть, еще бо́льшее число Русскихъ, нежели иные стихи, изданные на отечественномъ языкѣ. Сверхъ того пріемъ, оказанный русскими журналистами соотечественницѣ, пишущей по-французски, и впечатлѣніе, произведенное на нее нашею критикою, доставляютъ намъ случай сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ той и другой стороны.

Въ 1842 году г-жа Улыбышева издала первое собраніе своихъ стихотвореній, назвавъ ихъ: «Etincelles et Cendres». Разборчивые читатели нашли въ нихъ много прекрасныхъ движеній души, игривый умъ, грацію и тѣ пріятные обороты рѣчи, которые такъ свойственны языку, уже обработанному и утвержденному классическими писателями. Журнальной критикѣ оставалось, если она любитъ подробности, войти въ разсмотрѣніе каждой пьесы, или указать на замѣчательнѣйшія изъ нихъ, составить общую характеристику автора, найти особенности въ его поэтическомъ талантѣ, въ его духѣ, направленіи, краскахъ, языкѣ и проч. и проч. Это все было бы столько же занимательно для публики, сколько полезно и для сочинительницы. Читатели журналовъ, пробѣгая подобные разборы книгъ, сами соображаютъ по своимъ понятіямъ, какія изъ вновь-вышедшихъ сочиненій могутъ удовлетворить ихъ вкусу и какія имъ не нужны. Авторъ, приступая къ сочиненію, пишетъ въ томъ или другомъ родѣ, на томъ или другомъ языкѣ, не будучи обязанъ отвѣчать, зачѣмъ вздумалось ему сочинить, наприм. не комедію, а повѣсть,

или, вмѣсто русскаго языка, употребить французскій. Если случается иногда намъ читать въ журналахъ запросы, совершенно не относящіеся къ дѣлу и не связанные съ сущностію искуства, и съ другой стороны если находятся въ предисловіяхъ къ книгамъ отчеты, ни для кого не нужные, никѣмъ не требуемые— все это обнаруживаетъ одну неопредѣленность или, точнѣе сказать, незнаніе отношеній двухъ сторонъ.

При появленіи нынѣшнихъ стихотвореній г-жи Улыбышевой всего болѣе удивило насъ ошибочное ея понятіе о журналистахъ. Ужели автору: «Pensées et Soucis» неизвѣстно, что журналъ не есть собраніе собственныхъ сочиненій редактора его? Журналистъ иногда въ годъ строки не напишетъ въ своемъ изданіи: онъ соображаетъ только, какъ составить книжку изъ матеріаловъ, получаемыхъ имъ отъ другихъ. Бываютъ обстоятельства, которыя заставляютъ его помѣщать и то, что мѣстами противорѣчитъ его личному убѣжденію. На какомъ же основаніи г-жа Улыбышева съ такою увѣренностію ссылается на личныя мнѣнія приводимыхъ ею издателей, когда ни одинъ изъ нихъ не отмѣтилъ своимъ именемъ журнальнаго отзыва объ ея стихотвореніяхъ? Лучшій отвѣтъ на журнальныя выходки, по нашему мнѣнію, состоитъ въ новомъ трудѣ, который бы служилъ доказательствомъ, что авторъ пишетъ по призванію, по любви къ благородному искуству, и убѣжденъ въ своихъ началахъ, освященныхъ его дарованіемъ и размышленіемъ. Тратить плоды таланта на мелочные споры, никѣмъ не разбираемые, значитъ не уважать своего назначенія. Такимъ образомъ г-жа Улыбышева, въ нынѣшнемъ собраніи стихотвореній своихъ, отступивъ отъ нашего правила, принуждена была болѣе двухъ третей своей книги наполнить пьесами, совершенно не гармонирующими съ ея истиннымъ, прекраснымъ настроеніемъ души. Оттого публика лишилась удовольствія, какое доставили бы ей новыя произведенія г-жи Улыбышевой, а сочинительница сошла въ ряды особеннаго класса людей, въ которомъ еще не являлось ни одного истиннаго литератора. Карамзинъ во всю жизнь ни строчкой не

отвѣчалъ своимъ критикамъ, хоть ихъ у него было болѣе, нежели у кого другого. Оно естественно: кто избралъ благородное поприще дѣятельности, тому некогда блуждать по всѣмъ распутіямъ. Какъ сильно проникнутъ былъ Пушкинъ этою истиною, когда онъ говорилъ поэту:

«Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ».

Тѣ читатели, которыхъ сочувствіемъ и безмолвнымъ одобреніемъ заранѣе утѣшается авторъ въ минуты своего труда, не изъ журнальныхъ отзывовъ почерпаютъ свои убѣжденія. А гдѣ же, какъ не въ ихъ совокупности, и заключена публика, та, для которой подъемлется всякій трудъ ума и дарованія?

О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія. [1]).

Изъ всѣхъ обязанностей, возлагаемыхъ на человѣка семействомъ, гражданственностію и даже человѣчествомъ, самая близкая къ разумной его природѣ, самая естественная по его врожденнымъ чувствованіямъ и конечно одна изъ самыхъ важныхъ по неизбѣжнымъ за нею слѣдствіямъ, есть обязанность — воспитывать дѣтей. Никогда не будетъ излишнимъ ни одно покушеніе мыслящаго человѣка къ совершенствованію этого святого дѣла. Но если опыты, чтеніе, соображенія и особенный природный даръ помогутъ человѣку дойти до началъ истинныхъ въ столь многостороннемъ и затруднительномъ предметѣ, какъ благоразумныя правила воспитанія; то ихъ надобно принять съ полною благодарностью. Въ этомъ чувствѣ — мы увѣрены — никто не откажетъ сочинителю разсматриваемой нами книги, кто только бу-

[1]) Архіеп. могил. Евсевія.

детъ читать ее съ должнымъ вниманіемъ. Она такъ умно сображена; ея основаніе такъ твердо; въ нее введены съ такою полнотою всѣ взгляды на существенныя стороны воспитанія; авторъ проникнутъ такимъ чистымъ духомъ ученія вообще, нравственности и религіи — что нельзя не пожелать распространенія книги его между всѣми особами, образующими и воспитывающими дѣтей. Русская литература менѣе прочихъ представляетъ руководства на этомъ поприщѣ. Тѣмъ съ живѣйшею признательностію надобно принять это замѣчательное сочиненіе. Правда, оно поминутно вызываетъ читателя на собственное его размышленіе — слѣдовательно, имъ способны воспользоваться только люди, уже приготовленные къ такому занятію сколько хорошимъ ученіемъ, столько же и отличными способностями; но безъ этихъ залоговъ кто же въ-правѣ и посвятить себя должности, требующей дарованій и познанія необыкновеннаго? Въ предлагаемой нами книгѣ все идетъ систематически. Авторъ указываетъ на главную цѣль земной жизни, на средства достигнуть ея; разбираетъ природу человѣка со стороны его способностей умственныхъ и нравственныхъ; разсматриваетъ общее ученіе о воспитаніи и прилагаетъ его къ выполненію въ частности; наконецъ вводитъ читателя въ подробности о каждомъ предметѣ обученія. Его изслѣдованія не представляютъ тѣхъ холодныхъ и безсвязныхъ повтореній давно всѣмъ извѣстнаго, чѣмъ обыкновенно компиляторы наполняютъ подобныя книги: нѣтъ, онъ извлекъ каждое положеніе свое изъ главнаго начала, т. е. стремленія къ соединенію съ Богомъ, и потому слилъ всѣ части сочиненія въ одинъ полный образъ и согрѣлъ ихъ собственнымъ чувствомъ любви и благоволенія къ человѣчеству.

Стосемилѣтній старецъ въ Петербургѣ. Записки о жизни В. Р. Щегловскаго.

Записки о частной жизни, если онѣ ведены съ искренностію и умомъ, представляютъ собою самый увлекательный родъ чтенія. Ихъ занимательность можно сравнить только съ очарова-

ніемъ, какое намъ доставляетъ драматическое сочиненіе, написанное человѣкомъ съ большимъ дарованіемъ и разыгрываемое на сценѣ лучшими актёрами. Жизнь дѣйствительная, не сочиненная, полная движенія и теплоты, всегда останется для воображенія, сердца и ума чѣмъ-то болѣе заманчивымъ, болѣе родственнымъ, нежели всѣ другіе предметы, обработываемые въ изящныхъ искуствахъ. Вотъ почему Записки объ историческихъ лицахъ всегда возбуждали въ читателяхъ такое сочувствіе. То, что разсказано о жизни В. Р. Щегловскаго, заманчиво по особеннымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его до старости столь глубокой. Чтобы съ участіемъ вслушаться въ разсказъ объ этомъ старцѣ, довольно узнать, что онъ пятьдесятъ лѣтъ оставался въ Сибири, бывъ сосланъ туда по немилости Потемкина.

Тризна. Т. Шевченка. На память 9-го ноября 1843 года.

Г. Шевченко пользуется у всѣхъ, знающихъ малороссійское нарѣчіе, необыкновенною славою. Его стихи знаетъ вся Украйна и наслаждается ихъ чтеніемъ точно такъ же, какъ Великороссія стихами Пушкина. Есть даже такіе усердные поклонники таланта г. Шевченка, что они ставятъ его малороссійскую поэзію выше поэзіи Пушкина. Но вотъ странность: г. Шевченко написалъ нынѣ русскіе стихи — и въ нихъ самые Малороссіяне не нашли и признака того таланта, которымъ восхищались прежде. Это заставляетъ насъ думать, что одна часть поэтическихъ концепцій каждаго стихотворца лежитъ во глубинѣ души автора, а другая въ языкѣ, на которомъ онъ пишетъ.

Для избранныхъ. Стихотворенія Варвары Анненковой.

Судя по заглавію, мы подумали-было, что это собраніе въ родѣ издававшихся нѣкогда прелестныхъ стихотвореній: «*Для немногихъ.*» Но прочитавъ книжку, убѣдились, что заглавіе—

дѣло произвольное. Авторъ стихотвореній «Для избранныхъ» не безъ таланта; ему недостаетъ только того, что нынѣ впрочемъ и рѣдко встрѣчается у нашихъ поэтовъ — истины чувствованій и точности выраженій. Новая школа стремится за предѣлы дѣйствительныхъ ощущеній сердца, вымышляя положенія и чувствованія эффектныя, что естественно побуждаетъ ее къ образованію выраженій, столь же ложныхъ и изысканныхъ, какъ и самыя ея идеи. Неудивительно, что въ книжкѣ «Для избранныхъ» все это рѣзко отразилось: авторъ ея, отвергнувъ простоту, естественность и жизнь, видимо увлеченъ ложнымъ блескомъ иперболисма въ поэзіи.

Алфавитный указатель къ Отечественнымъ Запискамъ 1839, 840, 41, 42 и 3 годовъ.

Подъ первою нумераціею страницъ означены писатели, книги и статьи русскіе, а подъ второю иностранные, которыхъ имена и названія встрѣчаются въ первыхъ пяти годахъ *Отечественныхъ Записокъ*, послѣ того, какъ онѣ отъ покойнаго П. П. Свиньина перешли въ завѣдываніе нынѣшней ихъ редакціи. Еще полезнѣе былъ бы этотъ указатель, если бы онъ содержалъ въ себѣ названія статей съ именами писателей, участвовавшихъ въ изданіи съ его основанія, тѣмъ болѣе, что при г. Свиньинѣ въ *Отечественныхъ Запискахъ* помѣщались любопытныя разысканія касательно этнографіи, топографіи, археологіи и исторіи Россіи. При совершеніи нынѣшняго труда своего редакція значительно облегчила бы его исполненіе, если бы алфавитный реестръ писателей напечатала въ указателѣ отдѣльно отъ названій ихъ сочиненій, которыя ничего бы не стоило пронумеровать. Тогда, хоть бы десять цифръ понадобилось помѣстить подлѣ имени автора, онѣ заняли бы несравненно менѣе мѣста, нежели теперь полное заглавіе сочиненія, встрѣчающееся въ разныхъ мѣстахъ указателя по нѣскольку разъ. Наприм. на 21 страницѣ напечатано: *Гуляевъ, Ст. Сибирскія круговыя пѣсни*; на 75 страницѣ еще:

Пѣсни, Сибирскія круговыя, Гуляева; на 83 страницѣ опять: *Сибирскія круговыя пѣсни, Гуляева.* Или: на страницѣ 27 напечатано: *Ждановъ, Мих. Путевыя Записки по Россіи;* на 33 страницѣ еще: *Записки, Путевыя, по Россіи, Михаила Жданова;* на 74 страницѣ опять: *Путевыя Записки по Россіи Михаила Жданова.* По нашему мнѣнію, самое исчисленіе названій сочиненій надобно бы размѣстить въ двухъ отдѣльныхъ реестрахъ: въ одномъ списокъ тѣхъ, которыя составляютъ дѣйствительное содержаніе сборника; а въ другомъ только упоминаемыя въ немъ при разборахъ или объявленіяхъ. Все это для читателей облегчило бы способъ вполнѣ пользоваться указателемъ.

Юмористическій альбомъ, содержащій въ себѣ разныя любопытныя вещи, собранныя въ 2182 году, въ городѣ Якутскѣ, студентами тамошняго университета, изъ новѣйшихъ газетъ и журналовъ, съ политипажами, заимствованными изъ древнихъ книгъ. Компактное изданіе Петра Машкова.

Заглавіе этой брошюры гораздо забавнѣе, нежели тѣ (какъ выражается авторъ) *вещи*, которыя въ ней содержатся. Это произошло отъ того, что мысль заглавія не новость: она сто разъ встрѣчалась у разныхъ писателей русскихъ и иностранныхъ. Что касается до *вещей*, надъ выборомъ ихъ издатель долженъ былъ самъ потрудиться, и оттого онѣ оказались нисколько не юмористическими въ истинномъ значеніи этого слова. Юморъ есть одно изъ блистательнѣйшихъ качествъ комисма. Природа надѣляетъ имъ немногихъ. При высочайшемъ расположеніи духа къ благороднымъ, острымъ, рѣзкимъ и оригинальнымъ шуткамъ, надобно для юмора хранить въ душѣ непритворную чувствительность, какою наприм. одаренъ былъ отъ природы Стернъ. Одно желаніе осмѣивать то, что не нравится намъ, можетъ смѣхъ другихъ обратить на самого дѣйствователя.

Безсмертные на большой дорогѣ къ потомству, или великіе производители французской литературы. Литографированныя изображенія съ текстомъ.

Безсмертные на дорогѣ къ потомству, или великіе драматическіе артисты. Каррикатурныя изображенія съ текстомъ.

Каррикатурное составляетъ въ нашу эпоху отличительную черту во всемъ — даже въ литературной промышленности. Ежедневно чѣмъ-нибудь это подтверждается. Но вотъ одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ. Современные литераторы и драматическіе артисты Франціи являются тамъ въ каррикатурныхъ изображеніяхъ. Тамъ это и понятно и забавно. Русская промышленность, вмѣсто того, чтобы воспользоваться готовою идеею и обратить шутку на свои сюжеты, снимаетъ копіи съ готовыхъ каррикатуръ, но такъ, что оригиналы подлѣ нихъ становятся чѣмъ-то почти серьёзнымъ. Къ довершенію успѣха въ каррикатурности она выдаетъ за текстъ безграмотныя подписи подъ безобразными копіями. Все это сколько-нибудь извинительно, если знаешь, что трудится такъ безграмотный книгопродавецъ. Но что сказать, когда въ новыхъ произведеніяхъ достопочтенныхъ гг. литераторовъ отзывается что-то въ родѣ этой же спекуляціи?

Политическая и военная жизнь Наполеона. Сочиненіе генераль-адъютанта барона Жомини, переведенное съ французскаго Н. Линдфорсомъ, съ приложеніемъ 45 листовъ картъ и плановъ сраженій и особаго къ нимъ описанія. Изданіе третіе, исправленное. Часть I.

Сочиненія барона Жомини, касательно правилъ и дѣйствій военныхъ, составляютъ въ наше время нѣкоторымъ образомъ библіотеку для человѣка, изучающаго эту важную часть высшихъ знаній гражданскихъ. Политическая и военная жизнь Наполеона объемлетъ все, что такъ серьёзно и поучительно входитъ въ исторію новѣйшихъ временъ. Государственные люди, великіе мысли-

тели науки и всѣ лица, движимыя благородною любознательностію въ своихъ занятіяхъ, жадно и не безплодно погружаются въ глубокія изслѣдованія такихъ писателей, каковъ баронъ Жомини, и такихъ историческихъ дѣйствователей, каковъ Наполеонъ. Итакъ не удивительно, что книга, сколь ни велико отъ нея разстояніе до такъ называемаго легкаго чтенія, и у насъ въ переводѣ является уже третьимъ изданіемъ. Если бы многочисленные переводчики наши всѣ были такъ благоразумны въ выборѣ книгъ, надъ которыми трудятся, и всѣ такъ хорошо владѣли отечественнымъ языкомъ и тѣмъ, съ котораго переводятъ, какъ г. Линдфорсъ, то ихъ соединенные труды благотворно подѣйствовали бы на успѣхи русской литературы и совершенствованіе языка нашего.

Литературный вечеръ.

Преждевременная кончина В. В. Пассека, литератора трудолюбиваго, образованнаго, благороднаго, который особенно извѣстенъ прекраснымъ изданіемъ книги: *Очерки Россіи*, соединила московскихъ его товарищей на пріятное дѣло благотворительности: они составили и напечатали въ пользу семейства покойника разсматриваемую здѣсь книгу. Участниками въ ней были: Н. Горчаковъ, И. М. Снегиревъ, А. Вельтманъ, М. Н. Загоскинъ, г. Энгельманъ, М. Н. Макаровъ, Н. Огаревъ, С. П. Шевыревъ, Н. М. Языковъ, г-жи Павлова и Бакунина, гг. Сатинъ, Полонскій и Подолинскій, Ѳ. Н. Глинка и И. Бороздна. Пріятное разнообразіе составляетъ отличительный характеръ этого новаго сборника. Литераторы, сообщившіе въ него свои сочиненія, такъ уже извѣстны у насъ своими талантами, что никто не обманется въ надеждѣ, если, съ прекраснымъ побужденіемъ участвовать въ добромъ дѣлѣ, будетъ ожидать съ покупкою книги и занимательнаго для себя чтенія. Между пьесами поименованныхъ нами писателей помѣщена небольшая статья и покойнаго В. В. Пассека, подъ названіемъ: *Странное желаніе*. Есть еще неконченная имъ статья: *Малороссійская свадьба*. Послѣдняя особенно

любопытна, какъ подробное изображеніе всѣхъ обрядовъ у Малороссіянъ при свадьбахъ. Это остатокъ сочиненій, которыя преимущественно любилъ обработывать В. В. Пассекъ и которымъ онъ умѣлъ сообщать истинное достоинство литературное и ученое. Посвятивъ свои знанія и любовь этимъ патріотическимъ занятіямъ, не увлекаясь господствующею нынѣ и гибельною для талантовъ модою переходить безпрестанно отъ одного рода сочиненій къ другому (болѣе прибыточному), В. В. Пассекъ представилъ собою образецъ литератора въ истинно-достойномъ его значеніи.

О преподаваніи отечественнаго языка. Сочиненіе Ѳедора Буслаева, старшаго учителя 3-й московской реальной гимназіи. Двѣ части.

Опыты преподаванія отечественнаго языка. Сочиненіе Ѳедора Буслаева, старшаго учителя 3-й московской реальной гимназіи.

Такъ какъ вторая книжка есть маленькая часть, взятая изъ перваго сочиненія, то для насъ достаточно будетъ поговорить объ одномъ первомъ. Оно, по многимъ отношеніямъ, замѣчательно и совершенно выходитъ изъ ряду бывшихъ въ этомъ родѣ сочиненій. Въ предисловіи, между прочимъ, авторъ пишетъ: «Раздѣляю свое сочиненіе на двѣ части: въ первой метода преподаванія, во второй самый предметъ. Учитель долженъ не только знать свой предметъ, но и умѣть передать, что́ знаетъ; о знаніи во второй части, объ умѣніи въ первой. Долженъ смотрѣть на науку и глубже и дальше того, сколько сообщаетъ ученикамъ: путь къ дальнѣйшему изученію во второй части; мѣра, сколько сообщить ученикамъ — въ первой.» Строго судя, мы бы могли сказать автору, что естественнѣе показать прежде сущность науки и ея содержаніе, а послѣ уже замѣтить, сколько и какъ брать въ преподаваніи изъ представленныхъ сокровищъ. Но дѣло въ томъ, что сочинитель, повидимому, нисхожденіе отъ цѣлаго къ частямъ вездѣ предпочитаетъ восхожденію отъ частей къ цѣлому. По его убѣжденію, наприм., изученіе языка и его теоріи должно начи-

наться съ разбора полнаго сочиненія и переходить къ отдѣльнымъ предложеніямъ, а отсюда къ его членамъ и наконецъ къ частямъ рѣчи порознь. Такимъ образомъ и въ сочиненіи своемъ онъ первоначально обнимаетъ разные взгляды на излагаемый имъ предметъ, сравниваетъ извѣстнѣйшія методы обученія грамматикѣ, реторикѣ, піитикѣ, исторіи литературы и проч., а потомъ уже приступаетъ къ теоріи русскаго языка. «Все грамматическое ученіе дотжно быть основано на чтеніи писателя. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы дѣти ясно понимали прочитанное и умѣли правильно выражаться словесно и письменно» (говоритъ авторъ въ заключеніи разбора своего разныхъ системъ грамматики. I. 88.) «Лучшее и вѣрнѣйшее, что можемъ извлечь изъ различныхъ педагогическихъ мнѣній о преподаваніи словесности въ гимназіяхъ, есть то, что надобно читать писателей. Чтеніе есть основа теоретическому знанію и практическимъ упражненіямъ» (прибавляетъ онъ послѣ взгляда своего на множество мнѣній касательно преподаванія реторики и піитики. I. 119). Мы совершенно раздѣляемъ его мнѣніе въ этомъ отношеніи. Одно только условіе признаемъ за необходимое: для преподаванія отечественнаго языка путемъ практическимъ надобно приготовить цѣлую генерацію учителей. Иначе эта метода не достигнетъ главной цѣли — утвержденія знаній относительно къ отечественному языку. Самъ сочинитель разсматриваемыхъ книгъ не твердо еще идетъ по тому пути, который онъ предлагаетъ другимъ. Въ первой части сочиненія своего, изложивъ сущность разныхъ педагогическихъ партій, онъ говоритъ сперва о грамматикѣ, потомъ о реторикѣ и піитикѣ, наконецъ о чтеніи, письменныхъ упражненіяхъ и исторіи литературы. Все это можно бы лучше пройти обратнымъ путемъ, такъ, что грамматика, отвлеченнѣйшая изъ всѣхъ наукъ словесности, служила бы заключеніемъ этой части его курса. То же можно замѣтить и о второй части, гдѣ авторъ, какъ и предшественники его, начинаетъ со звуковъ, отъ нихъ переходитъ къ теоріи образованія словъ, разсматриваетъ всѣ части рѣчи въ обыкновенномъ порядкѣ; послѣ занимается объясне-

ніемъ ономатики или словопроизводства и оканчиваетъ свой курсъ бѣглымъ, но у насъ еще совершенно новымъ и слѣдовательно чрезвычайно полезнымъ взглядомъ на языкъ народный и архаизмы (старинныя слова), присоединяя въ нѣкоторомъ смыслѣ и исторію того и другого предмета. Въ заключеніе онъ представляетъ нѣсколько образцовъ провинціализмовъ Вологодской, Архангельской, Ярославской, Костромской, Тверской, Владимірской, Тульской и Рязанской губерній, также Сибири, Малороссіи, окрестностей Полоцка, Смоленска, по Волхову и другихъ. Исчисленіе предметовъ, столь разнообразныхъ и въ первый разъ приведенныхъ какъ бы уже въ систему, должно убѣдить каждаго благомыслящаго читателя, до какой степени сочинитель вывелъ свой трудъ изъ старинныхъ границъ. Кромѣ филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка, изданныхъ протоіереемъ Павскимъ, много способствовавшихъ къ предпріятію и совершенію разсматриваемой нами книги, мы не знаемъ другой, которая бы такъ обогащена была серьёзными и полезными данностями касательно русской словесности, какъ сочиненіе г. Буслаева. Особенно большую пользу оно доставляетъ изслѣдователю разныхъ эпохъ русскаго языка, потому что авторъ, внимательно перечитавшій замѣчательнѣйшія изъ старинныхъ сочиненій нашихъ, отмѣтилъ каждое выраженіе въ нихъ, какое только можно было взять въ доказательство какой-нибудь филологической истины. Правда, что въ книгѣ г. Буслаева, при методѣ, по наружности строгой, именно нѣтъ никакой методы; но частныхъ указаній столько, что они выкупаютъ этотъ странный безпорядокъ сочиненія, приготовленнаго какъ бы въ руководство преподавателямъ.

Стефанъ Яворскій и Өеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Разсужденіе, писанное на степень магистра философскаго факультета I-го отдѣленія кандидатомъ Московскаго университета Юріемъ Самаринымъ.

Въ сочиненіяхъ, касающихся до литературы, всего полезнѣе воззрѣніе критико-историческое. И какъ пріятно видѣть, что моло-

дые наши ученые посвящають первые труды свои предметамъ отечественнымъ. Въ новомъ предпріятіи самыя уклоненія отъ строгой истины, почти неизбѣжныя, извинительны. Такъ напримѣръ, для сужденія вполнѣ удовлетворительнаго о столь многозначительныхъ лицахъ, каковы Яворскій и Прокоповичъ, и о памятникахъ ораторскаго ихъ искуства, недостаточно приложить къ нимъ только формулы теоріи, особенно проникнутой иностраннымъ духомъ, который воспитался образцами, по всему для насъ чуждыми. Надобно обнять со всѣхъ сторонъ состояніе умственной жизни въ избранную эпоху, элементы тогдашняго языка и господствовавшія идеи объ искуствѣ. Конечно, несправедливо было бы требовать отъ автора магистерской диссертаціи приготовленій долговременныхъ и не облегченныхъ разысканіями предшественниковъ. Онъ уже довольно принесъ пользы современной литературѣ и тѣмъ, что выборъ его наведетъ на эту дорогу дѣйствователей послѣдующихъ. Тогда соединенными силами разработана будетъ съ надлежащей точки зрѣнія эпоха великихъ дѣлъ и великихъ людей, о которыхъ нынѣ мы говоримъ пока, мысля по заимствованнымъ формуламъ.

Годъ въ чужихъ краяхъ (1839). Дорожный дневникъ М. Погодина. 4 части.

Читателямъ журнала *Москвитянинъ* многое уже извѣстно изъ помѣщеннаго въ книгѣ г. Погодина. Какъ редакторъ, онъ внесъ предварительно въ свое изданіе замѣчательнѣйшіе изъ отрывковъ путешествія своего. Привыкнувъ къ разсказамъ систематическимъ и по большой части велерѣчивымъ, которыми путешественники запасаются изъ готовыхъ уже трудовъ предшественниковъ, многіе конечно не оцѣнятъ надлежащимъ образомъ книги г. Погодина. Въ ней, какъ въ путевомъ движеніи самого автора, все бросается въ глаза, поражаетъ вниманіе, печатлѣется въ памяти и остается въ душѣ, прикоснувшись къ ней дѣйствительно живымъ образомъ. Эта сила разнородныхъ очерковъ и истина мелькающихъ ощущеній до такой

степени новы въ книжномъ языкѣ, что читатель приходитъ въ недоумѣніе, самъ ли онъ все это видѣлъ, или только сочинитель вызвалъ передъ него такую пестроту и разноголосицу. Въ дневникѣ, гдѣ съ этой точки брошенъ взглядъ на безконечную цѣпь явленій нравственныхъ, физическихъ, политическихъ, художественныхъ, литературныхъ, домашнихъ, публичныхъ, ученыхъ, пріятельскихъ, дипломатическихъ, въ этомъ дневникѣ должны были столкнуться всѣ характеры языка, стиля, красокъ и вкуса. Можетъ-быть, немногіе почувствовали, что это совершенно новый родъ въ литературѣ, не только въ нашей, но и вообще въ европейской. Ничто не даетъ столько средствъ къ нападеніямъ на автора, какъ это уклоненіе отъ колеи, которой всѣ привыкли держаться и которая дѣйствительно одна только и поддерживаетъ бездушный автоматъ, по ней механически движущійся. Чтобы выйти изъ заблужденія при спорахъ, возникающихъ отъ появленія книгъ, столь несогласно обнимающихъ одинъ и тотъ же предметъ, довольно слѣдовать за ощущеніями въ себѣ, рождающимися во время чтенія. Все, написанное по формѣ и по требованіямъ безталантныхъ судей, усыпляетъ читателя и тяготитъ его вниманіе. Но разсказъ, рвущійся съ языка въ минуты сердечнаго трепета, влечетъ и волнуетъ читателя, несмотря ни на какія уклоненія отъ условій эстетики. Мы увѣрены, что книгу г. Погодина прочтутъ всѣ и всю, несмотря на ея тонъ странно-оригинальный.

Казанскіе Татары, въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Соч. Д. С. С. *Фукса.*

Мы всегда отдаемъ предпочтеніе спеціальнымъ трудамъ ученаго передъ универсальными компиляціями. Совершенство достигается только точностію, ясностію и полнотою изученія, въ какомъ бы родѣ это ни было. Г. Фуксъ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, какъ онъ разсказываетъ, постоянно обработывалъ избранный имъ предметъ, т. е. составленіе наилучшей этнографіи Казанскихъ Татаръ. И теперь ему удалось привести къ окончанію

многолѣтній трудъ. Можно безъ преувеличенія сказать о немъ, что это образцовое произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Прочитавъ его книгу, вы такъ ознакомитесь съ описываемымъ народомъ, что живо представлять будете все любопытное въ гражданскомъ, семейномъ и нравственномъ быту этого племени, столько вѣковъ сохраняющаго во всемъ особенности свои посреди господствующаго, многочисленнаго народа Русскаго, гдѣ оно представляетъ едва замѣтную частицу населенія.

Семена Порошина записки, служащія къ исторіи Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника престолу Россійскаго.

Появленіе этой книги, естественно, возбуждаетъ всеобщее любопытство. Читатели становятся участниками въ интереснѣйшихъ событіяхъ 1764 и 1765 годовъ. Они живо чувствуютъ, что передъ ними не холодное сочиненіе, для котораго матеріалы сохранились въ сбивчивыхъ преданіяхъ, или выбраны изъ разныхъ книгъ. Нѣтъ: это самая жизнь, со всѣмъ своимъ трепетомъ, теплотою и яркостію. Это ежедневная съ собою бесѣда умнаго, тонкаго, образованнаго наблюдателя, который не позволилъ ускользнуть ни одному сердечному движенію окружающихъ его, не допустилъ остыть ни одному чувству, не забылъ ни одного замѣчательго слова, излетѣвшанаго изъ устъ обожаемаго имъ воспитанника. Семенъ Алексѣевичъ Порошинъ получилъ образованіе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. По врожденной склонности къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ, еще бывши ученикомъ, онъ участвовалъ въ издававшемся тогда у насъ журналѣ: *Ежемѣсячныя сочиненія*. Двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, по выходѣ изъ корпуса, состоялъ флигель-адъютантомъ при Императорѣ Петрѣ III. Съ 1762, онъ опредѣленъ былъ кавалеромъ къ Наслѣднику престола Великому Князю Павлу Петровичу. Въ это время, въ теченіе года и четырехъ мѣсяцевъ (съ 20 сентября 1764 по 13 января 1766), онъ велъ ежедневныя записки, до

сихъ поръ хранившіяся у его наслѣдниковъ, какъ семейная драгоцѣнность. Изданіемъ ихъ мы обязаны внуку его, профессору С.-Петербургскаго университета Виктору Степановичу Порошину, который, въ предисловіи къ нимъ, сообщилъ нѣсколько біографическихъ извѣстій объ авторѣ и собственныя свои мысли о воспитаніи вообще и въ особенности о воспитаніи особъ, предназначенныхъ Провидѣніемъ къ престолу. Какое счастіе, что рукопись столь занимательная перешла по наслѣдству къ человѣку, умѣвшему оцѣнить ее и представить ее публикѣ въ достойномъ ея видѣ.

Путешествіе по землямъ западныхъ и южныхъ Славянъ. В. Панова. I. Которскій округъ въ Далмаціи.

Русскіе путешественники, посѣщавшіе земли западныхъ Славянъ, воспоминаютъ о нихъ съ любовію и умиленіемъ. Это очень естественно: тамъ они во всемъ находятъ много нашего народнаго. Г. Пановъ, проникнутый чувствомъ состраданія къ единовѣрцамъ, нуждающимся даже въ церковныхъ книгахъ и утваряхъ, описаніе своего путешествія издаетъ выпусками, назначая выручку за нихъ для покупки вышеозначенныхъ предметовъ Славянамъ въ Далмаціи и Герцеговинѣ. Мы увѣрены, что благомыслящіе читатели достойно оцѣнятъ его трудъ, представляющій сочиненіе любопытное по множеству и вѣрности фактовъ, и въ то же время удовлетворяющее потребности русскаго сердца, всегда готоваго къ благотворительности.

Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Н. Глинки. Соч. Б. Ѳедорова.

«Утѣшительно, говоритъ авторъ, обозрѣть поприще дѣятельности человѣка, котораго жизнь, можно сказать, проникнута вдохновеніемъ любви къ отечеству, а сочиненія были выраженіемъ этого священнаго чувства». Слова прекрасныя въ отношеніи къ автору и еще болѣе въ отношеніи къ тому, о комъ здѣсь говорится. С. Н. Глинка, въ продоженіе пятидесятилѣтней лите-

ратурной своей жизни, ни разу не измѣнилъ высокому стремленію своему — возбуждать въ читателяхъ любовь къ отечеству. Г. Ѳедоровъ, въ обозрѣніи своемъ, раздѣлилъ всѣ сочиненія С. Н. Глинки на шесть отдѣловъ: 1. Отечественную исторію; 2. Жизнеописанія и анекдоты; 3. Всеобщую исторію и топографію; 4. Воспитаніе; 5. Стихотворенія; 6. Театръ, и 7. Смѣсь. Какъ бы ни были неравны въ литературномъ отношеніи столь разнообразныя произведенія одного писателя; но единство въ ихъ направленіи составляетъ неотъемлемое ихъ достоинство; а число ихъ изумительно: доселѣ напечатано всѣхъ сочиненій г. Глинки пятьдесятъ четыре.

25 стихотвореній А. С. Хомякова.

Авторъ небольшого собранія стихотвореній, нынѣ напечатанныхъ, давно извѣстенъ публикѣ: его пьесы всегда служили украшеніемъ тѣхъ журналовъ, въ которыхъ онъ помѣщалъ ихъ. А. С. Хомяковъ, въ нашу эпоху, принадлежитъ къ маленькому числу тѣхъ русскихъ поэтовъ, которые удержали при изящномъ искуствѣ высокое его назначеніе — вдохновенную мысль или чувство и все достоинство ихъ изображенія. Онъ поэтъ по преимуществу лирическій — и обладающее имъ одушевленіе животворится святымъ пламенемъ любви къ родинѣ. Онъ сочувствуетъ ей и отвѣчаетъ ея доблестнымъ помысламъ. Во всемъ, до чего ни касается его дума, онъ открываетъ таинственную судьбу отечества. Это святое, неизмѣнно-горящее чувство переливается изъ поэзіи его въ душу читателя, такъ что, посреди писателей, пресмыкающихся подъ ярмомъ эгоизма, корыстолюбія и унизительнаго раболѣпства передъ отвратительною ново-европейскою школою клеветниковъ и торгашей, онъ является очистителемъ молодого поколѣнія.

Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго. Три части.

Князь В. Ѳ. Одоевскій, въ наше время, есть самый многосторонній и самый разнообразный писатель въ Россіи. Его ум-

ственная дѣятельность свободно и съ любовію обращается къ каждому предмету наукъ, искуствъ, гражданственности, даже ремеслъ. Знаніе иностранныхъ языковъ, врожденная любознательность, способность къ наблюденіямъ, разнородное чтеніе такъ обогатили его умъ положительными свѣдѣніями, что сочиненія его представляютъ явленіе, достойное всеобщаго вниманія и даже изученія. Авторъ облекъ ихъ большею частію въ форму повѣстей и разсказовъ, оставивъ только нѣкоторыя въ разговорномъ видѣ. Литературѣ нашей преимущественно недоставало сочиненій, которыя бы, питая любознательность, развивали въ читателяхъ этотъ философическій духъ воззрѣнія на предметы, повсюду замѣчаемый въ сочиненіяхъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Для него человѣкъ, жизнь, страсти, нравы, вкусъ, занятія, добродѣтели, пороки, ученье, большой свѣтъ, чернь, литераторы, словомъ — все, съ чѣмъ только можетъ человѣкъ столкнуться въ обществѣ, все обращалось въ тему изслѣдованія. Душа его, такъ сказать, растворена любовію къ общему благу, къ просвѣщенію, къ нравственности и религіозности. Онъ, въ своемъ филантропическомъ расположеніи духа, обнимаетъ безчисленное множество обстоятельствъ въ жизни, самыхъ мелкихъ, едва замѣтныхъ для другого, но важныхъ по ихъ слѣдствіямъ. Есть особенное чистосердечіе, особенная искренность, съ которою входитъ онъ въ изъясненіе интересовъ общечеловѣческихъ. Создавши множество своеобразныхъ формъ изложенія истинъ, онъ обнаружилъ въ себѣ писателя независимаго и оригинальнаго. Вся первая часть его сочиненій, названная имъ *Русскія Ночи*, выражаетъ современное стремленіе духа удовлетворительно рѣшить важнѣйшіе вопросы въ природѣ и въ гражданственности. Съ запасомъ разностороннихъ знаній, почерпнутыхъ изъ философіи, естествовѣдѣнія и политики разныхъ эпохъ и лицъ, онъ своими проблеммами безпрестанно возбуждаетъ дѣятельность ума въ читателѣ, что̀ неоспоримо составляетъ важную заслугу въ авторѣ. Повѣсти, разсказы и описанія въ другихъ двухъ томахъ ознаменованы также относительными достоинствами, особенно по общему ихъ

направленію. Чѣмъ выше стремленіе духа и чѣмъ ближе мы къ созерцанію вѣчныхъ истинъ, тѣмъ чаще является потребность въ утонченности выраженій, въ оттѣнкахъ самыхъ легкихъ и часто совершенно новыхъ терминахъ, или слишкомъ въ смѣломъ сочетаніи прежнихъ. Только долговременная опытность и нѣкотораго рода вдохновеніе, въ подобныхъ обстоятельствахъ, охраняютъ писателя отъ легкихъ ошибокъ или неточности. Итакъ очень естественно, что въ разсматриваемыхъ нами сочиненіяхъ не только способъ изложенія, но и самыя идеи могутъ быть представлены критикою не съ выгодной для нихъ стороны. Мы однакоже думаемъ, что, посвятивъ много лѣтъ жизни размышленію, авторъ найдетъ лучшее удовлетвореніе за трудъ въ собственномъ сознаніи несомнѣннаго добра, которое приносятъ обществу любовь къ истинѣ и ея распространеніе. Ему всѣхъ знакомѣе пути, избираемые современною критикою для достиженія цѣлей, недостойныхъ призванія литератора, потому что едва ли не первый изъ нашихъ писателей онъ серьезно наложилъ руку на дѣйствія промышленниковъ этого разбора, напечатавъ слѣдующее: «Журналистъ до истощенія силъ увѣряетъ въ своемъ безпристрастіи; но всѣ читатели очень хорошо знаютъ, что во вчерашнемъ засѣданіи *акціонерской компаніи* журналу опредѣлено быть того мнѣнія, а не другого» (I, 320).

Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Томъ I. Тетрадь I. Новгородская губернія.

Сочинитель *Описанія Петербурга* г. Пушкаревъ и сотрудникъ его по новому предпріятію г. Гедеоновъ составили планъ обширнаго труда, который, по ихъ предварительному расчисленію, долженъ будетъ представить публикѣ осьмнадцать томовъ *Описанія Россіи*. Дѣло серьезное, важное и при надлежащемъ исполненіи чрезвычайно полезное. По нашему убѣжденію, для совершенія подобнаго труда необходимы долголѣтнія, многосложныя, добросовѣстныя ученыя приготовленія. Безъ наличныхъ,

свѣренныхъ и уравновѣшенныхъ матеріаловъ непремѣнно и съ этою книгою то же послѣдуетъ, что еще не такъ давно произошло съ русскимъ Энцеклопедическимъ Лексикономъ, т. е. непропорціональныя, разнохарактерныя и часто противорѣчащія одна другой части остановятъ движеніе цѣлаго. Мы полагаемъ, что, вмѣсто выпусковъ или тетрадей, *Описаніе Россіи* должно бы явиться вдругъ полное. Оно составило бы для потомства драгоцѣнную картину опредѣленной эпохи. Теперь же между первыми и послѣдними выпусками этого долголѣтняго труда исчезнетъ самое единство времени, не только содержанія и красокъ. Самое же невыгодное впечатлѣніе на читателя производитъ въ первой тетради *Описанія Россіи* отсутствіе всякой критики матеріаловъ. Исторія не отдѣлена въ нихъ отъ преданій; офиціальныя данныя наравнѣ поставлены съ показаніями частными; показанія точныя, повѣренныя на самыхъ мѣстахъ, сведены въ одинъ разрядъ съ разсказами компиляторовъ, которыхъ нигдѣ столько нѣтъ, какъ въ области исторіи, географіи и статистики. Издатели *Описанія Россіи* безъ сомнѣнія замѣтили это и сами, по крайней мѣрѣ по цифрамъ, выставленнымъ у нихъ для опредѣленія числа жителей въ Новгородской губерніи и пространства земли, ими занимаемой.

Правила высшаго краснорѣчія. Сочиненіе Михаила Сперанскаго.

Вотъ книга, за пятьдесятъ лѣтъ сочиненная до появленія своего въ печати. Явленіе любопытное для литературы, когда представимъ себѣ, кто былъ ея сочинитель, и какія идеи преобладали въ концѣ прошедшаго столѣтія касательно изящныхъ искуствъ. Автору тогда было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ. Онъ преподавалъ свои лекціи словесности въ томъ же духовномъ училищѣ, въ которомъ самъ только-что кончилъ курсъ наукъ. Въ сферѣ его мыслей и соображеній все должно было согласоваться съ назначеніемъ слушателей его. Совершенство или красота изящнаго произведенія, по всеобщей тогдашней теоріи, достигалась

такъ называвшимся идеаломъ, образомъ, болѣе произвольнымъ, нежели постигнутымъ въ созданіяхъ природы, образомъ безхарактернымъ и безцвѣтнымъ, потому что онъ былъ общимъ типомъ красоты, сочиненнымъ, отвлеченнымъ и не утвержденнымъ на истинѣ времени и мѣста, красокъ и жизни. Столько было непреодолимыхъ, повидимому, препятствій, чтобы сочинитель не перешелъ за черту формальности и ограничился общими мѣстами въ своей теоріи. Но въ геніальномъ авторѣ, по тайному инстинкту, мелькала уже лучшая идея искуства. Безъ яснаго и опредѣленнаго образа, онъ предчувствовалъ прекрасное, заключенное въ сердцѣ человѣка и отвѣчающей ему природѣ. Такимъ образомъ безсознательно, но всегда вѣрно, указывалъ онъ на глубину души, на движенія сердца, на дѣятельность духа какъ на лучшіе источники краснорѣчія. Онъ только не могъ оторваться отъ древне-классическаго настроенія духа и явленій древней гражданственности, несогласной съ современною. Вникая въ сущность его ученія, чувствуешь, что оно выведено изъ его личнаго убѣжденія — и въ то же время облечено въ чужія формы и устремлено къ потерявшейся цѣли. Можетъ-быть, нигдѣ такъ не выразился истинный образъ мышленія автора, какъ въ этомъ юношескомъ его трудѣ — и потому нельзя не признать книги его самымъ замѣчательнымъ дополненіемъ къ характеристикѣ ея сочинителя.

56 стихотвореній Н. М. Языкова.

За девять лѣтъ передъ симъ издано было собраніе стихотвореній Н. М. Языкова. Нѣтъ надобности возобновлять разсказъ, съ какимъ тогда восторгомъ, общимъ и полнымъ, приняты были первенцы музы юной, живой, ясной и плѣнительной. Всѣ чувствовали, что въ этой поэзіи выразился самобытный, твердый талантъ со всѣми художническими принадлежностями: энергіею, красками и вдохновеніемъ. Поэтъ былъ еще только юноша; но свѣтлый и богатый твердыми истинами умъ его такъ же изумительно рѣшилъ глубокіе вопросы жизни, какъ полное веселости сердце его живо играло при видѣ легкихъ наслажденій. Отъ ху-

дожниковъ, во всѣхъ искуствахъ, съ благодарностію и любовію принимаютъ созданія, ознаменованныя волей и силой вдохновенія, чѣмъ бы оно ни выразилось. Жаръ его есть очистительное пламя, изъ котораго все выходитъ истинно-прекраснымъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ его присутствія, никакими усиліями соображенія и искуства не создашь ничего, питающаго и обогащающаго душу. Вотъ почему Языковъ, слегка только прикоснувшійся къ струнамъ вдохновенной лиры своей, увлекъ за собою всѣхъ, тогда какъ много серьёзныхъ стихотворцевъ, и прежде и послѣ него, прошли никѣмъ не замѣченные. Обстоятельства жизни отвлекли нашего поэта отъ сладкихъ раннихъ его трудовъ. Изрѣдка только являлись въ журналахъ его новыя пьесы. Теперь онѣ собраны. Къ нимъ прибавлено нѣсколько изъ прежнихъ. Не зная личныхъ побужденій автора, на чемъ онъ основалъ такого рода особенное изданіе, мы тѣмъ не менѣе радуемся, что прибавилась еще книжка къ разряду *немногихъ*, украшающихъ библіотеку любителей вдохновенной поэзіи.

Гаммы. Стихотворенія Я. П. Полонскаго.

Скромное названіе, придуманное стихотворцемъ для первыхъ опытовъ его таланта, вполнѣ выражаетъ нынѣшній характеръ стихотвореній его. Если онъ любитъ искуство для искуства, если совершенствованіе поэтическихъ наитій и выраженія ихъ составляетъ непобѣдимую потребность его; то онъ пойметъ, вѣроятно даже понимаетъ и теперь, на что ему остается обратить преимущественно вниманіе. Онъ проникнутъ еще только поэтическими звуками. Предшествовавшіе ему великіе таланты обаяли слухъ его. Отъ зародыша самой неопредѣленной мысли онъ обращается въ эолову арфу и расточаетъ мелодическіе стихи, которые наконецъ истощаются, не представивъ собою ни полнаго образа, ни оконченной картины, ни замкнутой мысли. Дѣйствительно, лучшее названіе для такихъ опытовъ: *Гаммы*. Въ стремленіи къ новымъ созданіямъ поэтъ больше всего долженъ помнить о немощи нынѣшней эпохи — довольствоваться кудреватыми, пыш-

ными (хоть и безтолковыми) фразами вмѣсто идей, сознаваемыхъ собственною душою и ясныхъ для каждаго изъ постороннихъ. Геніальные поэты, тѣ, которые сохранили цѣну свою посреди всѣхъ превратностей вкуса и теорій, ни одного стиха не бросали на авось и ни одной пьесы не представляли публикѣ, не храня въ душѣ убѣжденія, что новое созданіе вполнѣ выражаетъ ихъ опредѣленную мысль. Ежели въ «Гаммахъ» частехонько попадаются высокопарные, но никакой точной мысли не заключащіе стихи въ родѣ слѣдующихъ:

«Пускай разрушенъ прежній храмъ,
О чемъ жалѣть, когда построенъ
Другой — не на холмѣ гробовъ,
Не изъ разбросанныхъ обломковъ
Той ветхой хижины отцовъ,
Гдѣ стало тѣсно для потомковъ?»

(Дѣмонъ.)

то сочинитель конечно понимаетъ, что это просто слѣдствіе чтенія безсмысленныхъ статей, а не сочувствіе съ Байрономъ или Пушкинымъ. Особенно странно въ общемъ составѣ *Гаммъ* какое-то безотчетное желаніе безъ оглядки бѣжать все вдаль — и тѣмъ менѣе заслуживающее одобренія, что оно нигдѣ не выражено стихами ясными, а все запутанно-загадочными, на прим.

«Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ,
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло,
О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.
. . . .
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна,
Иди впередъ и *невозвратно*.»

Мы увѣрены, что авторъ самъ, сравнивъ впечатлѣнія, остающіяся отъ чтенія его пьесъ, съ впечатлѣніями, оставляемыми въ душѣ лучшими нашими поэтами, соберетъ свои легкіе и живые звуки въ созданіяхъ, полныхъ истины, ясности и жизни.

Русская слава. Стихотворенія Виссаріона Бѣлопашенцова.

Никто такъ сильно, какъ г. Бѣлопашенцовъ, не опровергъ мнѣнія людей, безсознательно разглагольствующихъ о поэзіи, будто для ея совершенства и *современнаго* достоинства только и достаточно *современнаго направленія идей*. Съ намѣреніемъ или по инстинкту, неизвѣстно, онъ облекъ въ свою поэзію интереснѣйшіе сюжеты, какіе только могутъ воспламенить русскаго поэта съ современнымъ (т. е. историческимъ) настроеніемъ духа. Его патріотически-воспламенившемуся воображенію предстали: Суворовъ и Наполеонъ, Кутузовъ, Новгородъ, Герой Новгорода, Русскій громъ, Русскій булатъ, Памятникъ, Бородинская годовщина, Воспоминанія о Бородинской битвѣ, Пѣсня на выступленіе съ полей Бородинскихъ, Бородинская грусть, и проч. т. п. Это ужъ не то, что Заря, Луна, Дѣва, Чаша, Поцѣлуй и другіе мелкіе предметы, такъ часто встрѣчающіеся у Гёте, Жуковскаго, Шиллера, Пушкина, Ан. Шенье, Баратынскаго, Байрона, Языкова и подобныхъ имъ. Чѣмъ же кончилась трескотня высокихъ сюжетовъ при отсутствіи таланта и вдохновенія? Тѣмъ, что ни серьёзными идеями (содержаніемъ — основою всего), ни современностію (соприкосновеніемъ къ настоящему поколѣнію), ни значительностія занятія, соотвѣтствующею XIX (не юношескому) вѣку, никто, вѣроятно даже и самъ г. Бѣлопашенцовъ и его вдохновитель-критикъ, никто не плѣнился — и книжка заброшена, Богъ знаетъ, куда, вмѣстѣ съ высокопарными разглагольствіями о сущности поэзіи.

Утро послѣ бала Фамусова, или все старые знакомцы. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Въ видѣ пятаго акта комедіи Грибоѣдова: *Горе отъ ума*, неизвѣстный сочинитель издалъ свою комедію-шутку — и очень

удачно выдержалъ ее. Своею шуткою онъ многихъ заставитъ задуматься. Если бы, напримѣръ, кому-нибудь вздумалось прибавить главу къ *Онѣгину*, или даже маленькой разсказъ къ *Нулину*, и шутка оказалась бы до такой степени достойною предыдущаго, что вы не пожалѣли бы о судьбѣ пьесъ Пушкина и нисколько не разсердились бы на смѣльчака-автора, не выходитъ ли изъ этого чего-нибудь въ родѣ слѣдующихъ заключеній: 1) или новый авторъ своимъ талантомъ не отсталъ отъ стараго; 2) или, въ противномъ случаѣ, безусловно признанное нами за высшую красоту требуетъ пересмотра?

Инстинктъ животныхъ, или письма двухъ подругъ о натуральной исторіи и нѣкоторыхъ феноменахъ природы. Сочиненіе Надежды Мердеръ. Четыре части.

Для внимательнаго наблюдателя всего печальнѣе судьба русскаго языка. Его всѣ Русскіе любятъ; даже иностранцы превозносятъ его — и между тѣмъ никто не считаетъ обязанностію узнать его правильно, понять его свойства, выучиться ему такъ, какъ выучиваются другимъ языкамъ, и овладѣть имъ для письменнаго употребленія по крайней мѣрѣ такъ, какъ всѣ пишутъ по-французски, если ужъ когда-нибудь занимались французскимъ языкомъ. Ежемѣсячно мы даемъ отчетъ о вновь выходящихъ русскихъ книгахъ. Ихъ много, даже слишкомъ много. Но что главное поражаетъ въ этой безчисленности? Убѣжденіе, что грамотность на Руси явленіе рѣдкое. Сколько людей съ талантами! Сколько людей съ познаніями, людей образованныхъ, должностнымъ образомъ ученыхъ — а большая ихъ часть пишетъ какъ бы понаслышкѣ, безотчетно, кое-какъ. Оправдываются тѣмъ, что нѣтъ еще твердыхъ правилъ для русскаго языка. Это самая безсмысленная фраза. У насъ есть нѣсколько отличій, особенностей у нѣкоторыхъ журналистовъ и газетчиковъ въ правописаніи. Оно основано или на строгомъ словопроизводствѣ, или на выговорѣ, или вмѣстѣ на томъ и другомъ. Но правила словосочиненія, управленія и согласованія словъ такъ же у насъ ясны

и непреложны, какъ и во всѣхъ языкахъ. Дѣло въ томъ, что нѣтъ у многихъ никакого навыка и вмѣстѣ никакой заботливости хорошо писать по-русски. Вотъ доказательство — книга, разсматриваемая нами. По своему содержанію и назначенію, она принадлежитъ къ полезнѣйшимъ предпріятіямъ. Но каково исполненіе? Въ каждой фразѣ попадаются оскорбительныя ошибки то противъ склоненій, то противъ спряженій, то противъ словосочиненія и правописанія. Здѣсь не то правописаніе, которое обдуманно отклоняется отъ принятаго другими, но правописаніе всѣхъ людей, никогда не думавшихъ объ этомъ предметѣ. Тутъ часто нарѣчія перемѣняютъ окончаніе свое по падежамъ; дѣепричастія относятся къ такимъ глаголамъ, которые по смыслу противорѣчатъ имъ; существительныя женскія склоняются по образцу мужескихъ; прилагательныя съ своими существительными поставлены въ разныхъ числахъ и родахъ; первая половина фразы не соглашена со второю. Ужели для избѣжанія подобныхъ ошибокъ нѣтъ у насъ правилъ ни въ одной грамматикѣ?

Фаустъ, трагедія соч. Гёте. Переводъ первой и изложеніе второй части. М. Вронченко.

Всѣ образованные люди въ Россіи знаютъ давно, какими совершенствами замѣчательны литературные труды М. П. Вронченка. Съ 1828 года это имя привлекаетъ къ себѣ вниманіе людей мыслящихъ и понимающихъ поэзію какъ одно изъ высочайшихъ искуствъ, въ которомъ талантъ и глубокомысліе являются равно въ блестящемъ видѣ. Г. Вронченко не принадлежитъ къ разряду тѣхъ эфемерныхъ писателей нынѣшней эпохи, которые довольствуются минутнымъ успѣхомъ, легкомысленно бросаясь на каждое новое предпріятіе безъ любви къ труду и даже безъ уваженія къ искуству. Онъ посвятилъ свой талантъ переводамъ геніальныхъ созданій. Такъ онъ изучилъ и усвоилъ русской литературѣ, какъ ея прочное достояніе, два творенія великаго Шекспира: Гамлета и Макбета. Теперь онъ совершилъ новый подвигъ переводомъ глубокомысленной драмы Гёте: *Фаустъ*. Здѣсь

представлялись ему трудности неимовѣрныя — разнообразіе идей, характеровъ, положеній, дѣйствій, языка, даже размѣра стиховъ, не говоря о разныхъ цѣляхъ автора, внесшаго въ свое созданіе намеки на современныя лица, событія и другія мѣстныя частности. Переводчикъ нашъ такъ внимательно вошелъ во всѣ оттѣнки оригинала, такъ взвѣсилъ каждое его слово, что во время перевода могъ владѣть идеями Гёте какъ собственными. Это и доставило труду его, повидимому, противоположныя, а между тѣмъ самыя необходимыя качества: близость къ подлиннику въ каждомъ переведенномъ стихѣ, близость не только логическую, но и почти буквальную, и свободу въ отношеніи къ русскому языку. Прежніе переводчики у насъ ограничивались только первою частію Фауста, конечно лучшею. Между тѣмъ полная идея Гёте развита окончательно въ его трудѣ цѣломъ. Г. Вронченко, справедливо замѣчая, что вторая часть Фауста, сравнительно съ первою, до излишества многословна, нашелъ возможность выразить мысли, заключающіяся въ рѣчи каждаго лица, съ такою убавкою словъ, что пьеса въ цѣломъ сдѣлалась короче подлинника почти вчетверо. Равнымъ образомъ существенною заслугою переводчика нашей литературѣ мы признаемъ самостоятельный и безпристрастный взглядъ его на сущность творенія Гёте. Извѣстно, что въ Германіи, а по духу подражательности и у насъ, многіе, особенно юные, литераторы приписывали каждой шуткѣ, каждому капризу поэта такое значеніе, какое не приходило ему и въ голову по собственному его сознанію. Г. Вронченко исторически, эстетически и логически доказалъ, что въ Фаустѣ гораздо все проще, нежели хотятъ представить критики. Такимъ образомъ этотъ переводъ и приложенія къ нему составляютъ не только драгоцѣнное вообще пріобрѣтеніе для русской литературы, но и важную моральную силу, противоборствующую въ нашу странную эпоху многочисленнымъ образцамъ испорченнаго языка, дурного вкуса, ложнаго направленія и легкомысленной критики.

1845. [1]

Повѣсть о великой битвѣ Бородинской, бывшей 26 августа 1812 года.

Сочинитель повѣсти разсказомъ своимъ, вѣроятно, надѣялся распространить между простымъ народомъ извѣстіе о происшествіи, давно со всѣми подробностями сохраняющемся въ памяти, умѣ и воображеніи образованныхъ людей. Для этого, какъ вѣрное, по его мнѣнію, средство, избраны имъ простонародный тонъ, нѣсколько-старинный языкъ и самое заглавіе. Но краски давнопрошедшаго времени такъ же чужды современному намъ простому народу, какъ и людямъ образованнымъ. Предметъ, или содержаніе повѣсти носитъ въ себѣ самомъ, т. е. въ натурѣ своей, всѣ принадлежности, обработываемыя искуствомъ. О событіи новѣйшемъ писать для простого народа надобно въ его нынѣшнемъ тонѣ, нынѣшнимъ языкомъ, чтó все конечно далеко ушло отъ XII вѣка. Это смѣшеніе эпохъ и языка противорѣчитъ здравому смыслу, не говоря о другихъ требованіяхъ литературы, будетъ ли оно допущено въ низшій разрядъ словесныхъ произведеній, или въ высшій. Одна пародія поддерживается такого рода умышленными шутками.

О жизни генералъ-маіора Вольховскаго. Харьковъ.

Эта небольшая біографія содержитъ одно простое исчисленіе прекрасныхъ дѣлъ человѣка, по многимъ отношеніямъ незабвеннаго. Генералъ Вольховскій получилъ воспитаніе въ царскосельскомъ лицеѣ и вышелъ оттуда на службу вмѣстѣ съ Пушкинымъ, барономъ Дельвигомъ и нѣкоторыми другими лицами, которыя пріобрѣли всеобщую извѣстность. Въ этомъ первомъ выпускѣ онъ былъ первый между товарищами какъ по успѣхамъ въ на-

[1]) *Современникъ.* Т. XXXVII, стр. 81—83, 88—90, 95—96, 304—308, 310, 314—318, 324—327; XXXVIII, стр. 88—92, 95—100, 104, 377—382, 384—386, 388—390, 397—399; XXXIX, стр. 93—98, 202—206, 307; XL, стр. 90—93, 100—106.

укахъ, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Во всю жизнь, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не отступалъ онъ отъ тѣхъ правилъ, съ которыми вышелъ изъ лицея. Сочинитель біографіи ведетъ читателя отъ первой эпохи въ жизни Вольховскаго до самой его кончины — и вы съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ видите передъ собою лицо кроткаго христіанина по душѣ, образованнѣйшаго человѣка по уму, строгаго стоика по жизни.

Самопожертвованіе. Романъ М. Воскресенскаго. Четыре части.

Люди, ищущіе въ чтеніи книгъ развлеченія, средства сбыть съ рукъ несносное время, примутся конечно съ обыкновеннымъ своимъ удовольствіемъ за эту литературную новость — и останутся очень довольны, что въ ихъ крайности послана имъ нежданая помощь. Но для знатоковъ искуства, для взыскательныхъ судей произведеній таланта тутъ ничего нѣтъ, кромѣ ежедневной, скучной затѣи писателя, не за дорогую цѣну сбывающаго посильные труды свои. Кажется, въ такихъ обстоятельствахъ мы находимъ болѣе удовлетворенныхъ, нежели требующихъ. Итакъ, по большинству голосовъ, это все очень хорошо.

Герои преферанса, или душа общества. Оригинальная комедія-водевиль въ трехъ картинахъ. Сочиненіе актера П. И. Григорьева 1-го.

Лучшею похвалой сочиненію служитъ то, что оно привлекаетъ въ театръ почти весь городъ. Это еще доказываетъ и другую истину: какъ легко замѣчается публикою самый легкій шагъ къ истинному призванію комедіи, которая должна всѣ красоты свои почерпать изъ современныхъ нравовъ, не воображаемыхъ авторомъ, а дѣйствительныхъ. Мы конечно не помѣщаемъ страсти къ преферансу въ число коренныхъ слабостей русскаго общества: это временная болѣзнь. Но и она, единственно потому, что не вымышлена, а схвачена въ свою пору и на своемъ мѣстѣ, расше-

велила любопытство и даже довела зрителей до энтузіазма. Что жъ бы могло послѣдовать, если бы благородная комедія явилась на сценѣ со всѣми своими красотами національными?

Полный самоучитель, или легчайшій способъ научиться россійскому языку.

Авторъ вѣроятно не знаетъ, что есть русскій языкъ, а россійскаго нѣтъ. Но по предлагаемому имъ способу нельзя выучиться и русскому языку, не только россійскому; а убѣдительнѣйшее доказательство нашего мнѣнія заключено въ его самой книгѣ. Вѣрно, прежде, нежели рѣшился открыть тайну эту другимъ, авторъ самъ покушался воспользоваться ею; однако же попытка осталась безуспѣшною.

Импровизаторъ, или молодость и мечты итальянскаго поэта. Романъ датскаго писателя Андерсена. Переводъ съ шведскаго.

Римъ, Неаполь, Венеція и нѣсколько другихъ исторически-замѣчательныхъ мѣстъ — вотъ сцена, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Главные герои романа: бѣдный молодой человѣкъ Антоніо, получившій образованіе по милости одного вельможи, римскій молодой дворянинъ Бернардо и пѣвица Анунціата. Есть еще нѣсколько эпизодическихъ лицъ. Но все это одна форма, легкая цѣпь для соединенія удивительно-вѣрно схваченныхъ картинъ, въ которыхъ соединено все лучшее въ природѣ и художествахъ Италіи. Никогда, можетъ быть, не была еще она такъ живо, такъ ново, такъ занимательно и вмѣстѣ просто изображена, какъ у Андерсена. Это безъ сомнѣнія оттого, что онъ не только поэтъ, но и художникъ въ душѣ, что онъ изучилъ страну не изъ книгъ, а собственнымъ созерцаніемъ, что онъ принесъ туда въ душѣ всю счастливую воспріемлемость просто прекраснаго человѣка и вмѣстѣ ученаго, что онъ полюбилъ Италію — и слѣдственно говорилъ о ней въ полнотѣ чувства. Переводомъ романа мы обязаны тому же мастерскому перу дамы, которая въ прошломъ году перево-

домъ *Семейства* изъ Фредерики Бремеръ, шведской писательницы, возбудила столь общій энтузіазмъ къ рѣдкому и особенно въ нашу эпоху счастливому таланту сѣверной романистки. Говорить о гибкости и точности языка, о вѣрности перевода въ идеяхъ, тонѣ и краскахъ, о самостоятельности слога переводчицы значило бы передавать снова нашимъ читателямъ то, что сами они лучше насъ почувствовали во время чтенія этихъ двухъ переводовъ. Мы не можемъ не радоваться, что для чистыхъ удовольствій семейнаго круга, для образца мыслей и описаній возрастающему поколѣнію обоего пола, для утѣшенія мыслящихъ людей, разочаровавшихся переводами романовъ *неистовой школы*, обстоятельства намъ представили средство сообщить публикѣ помощію *Современника* эти драгоцѣнности, защищающія нашу эпоху отъ множества справедливыхъ противъ нея обвиненій.

Стихіи человѣческой рѣчи, или теорія органическихъ звуковъ Физіологическое изслѣдованіе Самуила Барана.

Разложеніе рѣчи нашей на первоначальные звуки — составляетъ главную задачу брошюры. Авторъ успѣшно занялся дѣломъ, которое, какъ видно, изъ числа его любимыхъ. Результаты подобныхъ изслѣдованій еще впереди. По мѣрѣ ближайшаго знакомства съ элементами рѣчи мы подвигаемся къ уразумѣнію законовъ, на которыхъ основана ея система, такъ что науку языковъ, называемую грамматикою, только и можно вообразить достигшею несомнѣннаго, полнаго своего развитія при несомнѣнныхъ успѣхахъ физіологіи языка.

Разговоръ. Стихотвореніе Ив. Тургенева (*Т. Л.*).

Вмѣсто предисловія къ *Разговору* авторъ помѣстилъ слѣдующіе шестнадцать прекрасныхъ стиховъ:

Одинъ, передъ нѣмымъ и сумрачнымъ дворцомъ,
Бродилъ я вечеромъ, исполненный раздумья;
Блестящій пиръ утихъ; дремало все кругомъ —

И замеръ громкій смѣхъ веселаго безумья.
Среди таинственной, великой тишины
Березы гибкія шептали боязливо,
И каменные львы глядѣлись молчаливо
Въ стальное зеркало темнѣющей волны.

И спящій міръ дышалъ безсмертной красотой...
Но глазъ не подымалъ и проходилъ я мимо;
О жизни думалъ я, объ истинѣ святой,
О всемъ, что на землѣ навѣкъ неразрѣшимо.
Я небо вопрошалъ... и тяжко было мнѣ—
И вся душа моя пресытилась тоскою...
А звѣзды вѣчныя спокойной чередою
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ.

Какое глубокое начало, и какъ многообъятенъ взглядъ поэта! Не говоримъ о прелести и гармоніи стиховъ, о чисто-эстетическомъ настроеніи души автора, о торжественно-спокойномъ тонѣ, о мечтательности истинно-сердечной: все это невольно поражаетъ читателя само собою. Сколько мастерства въ сближеніи самыхъ разнородныхъ предметовъ, такъ сильно чарующихъ умъ, повсюду и все вопрошающій! Эта воцарившаяся тишина послѣ блестящаго пира; эта природа, дышащая безсмертной красотою; эта дума о томъ, что здѣсь неразрѣшимо; эти вѣчныя звѣзды, торжественно несущіяся въ вышинѣ — все невольно погружаетъ васъ въ какое-то величественное созерцаніе. Нѣкогда о сочинителѣ *Разговора* сказали мы: «Пусть читатель вообразитъ легчайшіе очерки, исполненные граціозныхъ движеній, намеки, понятные душѣ и удовлетворяющіе воображенію, звуки, не полные, не оканчивающіе начатой рѣчи, но прямо доходящіе до сердца, мельканіе тѣней, увлекающихъ за собою думы и желанія — все это чувствуешь, перечитывая стихи его (см. выше стр. 400)». И теперь мы испытали то же при чтеніи этихъ шестнадцати его стиховъ. Что касается до самаго *Разговора*, онъ не произвелъ на насъ подобнаго

впечатлѣнія. Стихи и въ немъ граціозно-легки, живы, музыкальны; но въ рѣчахъ старика и юноши, разговаривающихъ о любви, недостаетъ истины, полноты и убѣдительности. Метафизическое содержаніе *Разговора*, не основаннаго на дѣйствительности, отняло у автора то незыблемое основаніе, на которомъ только одномъ и тверда поэзія. Вмѣсто природы и жизни, онъ искуственно вдохновляется какою-то антитезою, имъ самимъ не почувствованною, а придуманною, сочиненною; оттого и мысли его сбивчивы, не полновѣсны, часто ложны; а въ краскахъ совершенно нѣтъ ни живости, ни вѣрности.

Чурова долина, или сонъ на яву. Волшебная опера въ трехъ дѣйствіяхъ, съ превращеніями, хорами и балетами. Соч. князя А. А. Шаховскаго. Музыка А. Н. Верстовскаго.

Никто не ожидаетъ поэзіи отъ волшебной оперы съ превращеніями, хорами и балетами. Все очарованіе ея зависитъ отъ музыки и мимики. Князь А. А. Шаховской, какъ знатокъ театра, въ этомъ давно убѣжденъ — и потому не заботится о стихахъ и другихъ литературныхъ принадлежностяхъ. Онъ большой мастеръ заставлять зрителей безъ скуки смотрѣть на самыя скучныя для читателя сочиненія. Такова и *Чурова долина.*

Новороссійскій календарь на 1845 годъ, издаваемый отъ Ришельевскаго лицея.

Можетъ быть, немногимъ извѣстно, что первая мысль, первый планъ и первое исполненіе касательно «Новороссійскаго календаря», являющагося нынѣ ежегодно, принадлежатъ покойному Д. М. Княжевичу, бывшему попечителю Одесскаго учебнаго округа. Испросивъ согласіе мѣстнаго начальства, онъ упрочилъ изданіе этой необходимой для туземцевъ книги, какъ неприкосновенный капиталъ, въ пользу бѣднѣйшихъ изъ воспитанниковъ Одесскаго лицея. Календарь Новороссійскій справедливѣе назвать должно систематическимъ, полнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно приготовленнымъ собраніемъ современныхъ ма-

теріаловъ для исторіи, статистики, топографіи и географіи Новороссійскаго края. Въ четырехъ особо размѣщенныхъ отдѣленіяхъ книги можно найти отвѣтъ на всякій вопросъ, какой бы вы ни задали себѣ относительно тамошняго края, государственный ли вы человѣкъ, или негоціантъ, ученый ли, или ремесленникъ. Книга эта сообщаетъ Новороссіи столь выразительную и мыслящую физіономію, что прочія области имперіи, гдѣ нѣтъ подобнаго очертанія, не могутъ ей не завидовать. Впрочемъ мы увѣрены, что этотъ прекрасный примѣръ скоро увлечетъ за собою и другія мѣста.

Хронологическое обозрѣніе Русской исторіи, по методѣ А. Язвинскаго. Съ портретами, рисованными Тимомъ и гравированными Нетельгорстомъ.

Извѣстно, что по методѣ г. Язвинскаго можно выучиться не собственно-называемой исторіи, этой наукѣ размышленія и созерцанія духовной жизни человѣчества, или его представителей, а только числамъ и именамъ, на которыя дѣйствительный историкъ наводитъ краски, вдыхая въ нихъ жизнь, движеніе и жаръ. При всемъ томъ невозможно обойтися и безъ осязанія, такъ сказать, скелета исторіи. Навыкъ опредѣлять съ легкостію точные годы событій и сводить безчисленное множество историческихъ лицъ въ современныя группы удивительно облегчаетъ изученіе настоящей исторіи. Только, по нашему мнѣнію, лучше оканчивать курсъ исторіи хронологическимъ обозрѣніемъ, нежели начинать. Числа и имена, еще не связанныя съ интересомъ событій, рождаютъ отвращеніе къ самой наукѣ, тогда какъ они же, получивъ для ума и воображенія значительность, доставляютъ имъ и работу и удовольствіе при самыхъ сухихъ обозрѣніяхъ.

Исторія города Углича, сочиненная угличскаго уѣзднаго училища учителемъ историческихъ наукъ Ѳедоромъ Киссель.

Если судить объ этой книгѣ, какъ о современномъ произведеніи литературы, то она покажется странною. Авторъ отсталъ

отъ вѣка и языкомъ и идеями. Но, принимая въ соображеніе одни историческіе факты, собранные сочинителемъ, и въ строгой послѣдовательности изложенныя событія касательно того города, въ которомъ онъ живетъ, нельзя не поблагодарить его за трудъ. Надобно признаться, что внѣ столицъ ученые наши совсѣмъ не трудятся для литературы. Между тѣмъ все отечественное — спеціальная исторія, частности филологическія, естественныя произведенія, успѣхи гражданственности, промышленности и торговли, топографія и множество подобныхъ тому предметовъ — только тогда и представятъ надлежащій матеріалъ для науки или словесности, когда оно будетъ обработано добросовѣстно и на мѣстѣ. Такимъ образомъ и г. Киссель трудился не безполезно, хотя могъ бы онъ и постараться сообщить изложенію своему болѣе отдѣлки.

Тайна жизни. Сочиненіе П. Машкова.

Сочиненіе, напечатанное подъ именемъ *Тайны жизни*, относится къ разряду романовъ. По крайней мѣрѣ это не ужасный романъ. Жаль только, что онъ и не занимателенъ. Въ немъ описанія мѣстъ, лицъ, характеровъ и разсказъ дѣйствій подведены подъ одну краску, которая показываетъ, что у автора скудно работаетъ воображеніе. Ничто здѣсь не почувствовано; ничѣмъ авторъ самъ не былъ увлеченъ: онъ спокойно сочинялъ — и сочинилъ.

Принцесса Брамбилла. Фантастическая повѣсть Э. Ѳ. А. Гофмана. Съ политипажными рисунками.

Нельзя не сожалѣть, когда великаго писателя переводятъ безъ уваженія къ его генію. Гофманъ представляетъ собою изумительное явленіе глубокомыслія, чуднаго юмора и оригинальной поэзіи. Все это нераздѣльно имъ внесено въ каждое его твореніе. Но что въ немъ видитъ читатель или переводчикъ дюжинный? слова, иногда смѣшныя, а чаще непонятныя, завязку и раз-

вязку, удовлетворяющую ребяческое любопытство. Такъ понятое и передается такъ. Что же геніальнаго найдетъ тутъ иностранный читатель? Ничего.

Спящая красавица. Съ французскаго. Украшена 16 картинами.

Сказка очень давно извѣстна всѣмъ, особенно въ русской литературѣ, гдѣ она красуется очаровательными стихами Жуковскаго. Новому ея переводчику, видно, неизвѣстно было это обстоятельство: иначе зачѣмъ бы еще разъ переводить дурною прозою то, что уже есть въ прекрасныхъ стихахъ?

Курсъ миѳологіи для руководства въ учебныхъ заведеніяхъ обоего пола. Составленъ по курсамъ г. Ноэля, Шапсаля, аббата Готье и проч.

Еще книга, изданная на русскомъ и французскомъ языкахъ. Если изъ миѳологіи достаточно знать, какое лицо въ какой было должности у языческихъ Грековъ и Римлянъ, то конечно и этотъ курсъ можно пустить въ дѣло. Но пора бы изъ науки о миѳологическихъ сказаніяхъ составить что-нибудь связное, строго-историческое и проникнутое единствомъ мысли, облеченной то въ аллегорію, то въ эмблематическія картины. Самая исторія нѣкогда представляла собою сборъ несвязныхъ анекдотовъ и повѣстей. Изъ нея теперь образовали органическое цѣлое, очистивъ отъ постороннихъ веществъ: такъ надобно поступить и съ миѳологіею.

Rome. 1843. (Réimprimé sur l'édition de Paris).

Въ XXIX т. *Современника* [1]) изложено было мнѣніе, съ какой стороны надобно смотрѣть на литературно-ученые труды автора, котораго новое произведеніе передъ нами. Въ 1843 году посѣтивъ Римъ, онъ изобразилъ впечатлѣнія, сохранившіяся въ душѣ его отъ созерцанія того, что тысячелѣтія оставили по себѣ въ

---

[1]) См. выше стр 369; рѣчь идетъ о сочиненіяхъ графа С. С. Уварова.

память столицѣ міра и изящества. Если бы можно было собрать на разныхъ языкахъ всѣ книги, въ которыхъ содержатся описанія Рима, онѣ составили бы цѣлую бибіотеку. Но такова неистощимость духа, что каждое новое произведеніе истиннаго таланта вноситъ въ область воззрѣнія новыя идеи и красоты, до которыхъ никто еще не прикасался. Это безконечное въ литературѣ возникновеніе жизни и ея совершенствъ громко и убѣдительно оправдала книжка, нами разсматриваемая. Предоставляя читателямъ самимъ вполнѣ вкусить эстетическое наслажденіе, мы только приведемъ здѣсь изъ нея небольшой отрывокъ для доказательства, какая выражается энергія въ духовной воспріимчивости человѣка, выходящаго на авторское поприще съ талантомъ, глубомысліемъ и наукою. «Изъ всѣхъ наслажденій, Римомъ представляемыхъ любителю искуствъ (говоритъ авторъ на 18 стран.), по моему чувству, самое утонченное, самое новое есть посѣщеніе Ватикана при факелахъ. За эту ночь, проведенную посреди древняго міра, за *Ватиканскую ночь*, не дорого заплатить даже усиліями и лишеніями цѣлыхъ годовъ. При самомъ приближеніи ко дворцу, какимъ-то торжественнымъ впечатлѣніемъ проникается сердце: надъ нами темно-синее небо Италіи и блескъ звѣздъ, отражающійся какъ на куполѣ св. Петра, такъ и въ восхитительныхъ фонтанахъ, съ шумомъ подымающихся и падающихъ цѣлыя столѣтія; у самаго портика папская стража, или лучше, стража Микель-Анджело, которая, съ факелами въ рукахъ, встрѣчаетъ иностранца и провожаетъ въ галлереи; тамъ, избранники древняго міра, вызванные посреди ночного мрака и, такъ сказать, насильно являющіеся жадному взору непосвященнаго — все въ этомъ помѣщеніи какъ-то волнуетъ душу и почти умиляетъ ее. Мраморъ представляется во сто разъ прекраснѣе, очарованіе живѣе, эффектъ восхитительнѣе, нежели при дневномъ свѣтѣ; мысли вполнѣ устремляются къ этому волшебному зрѣлищу; ничто не развлекаетъ ихъ, развѣ только чуть слышно лепечущій бельведерскій фонтанъ, или лучъ мѣсяца, неожиданно проскользнувшій межъ колоннъ и какъ будто любующійся тоже на это

ночное празднество. Медленно двигаясь по Ватикану, ни я, ни сопровождавшіе меня три спутника не выговорили другъ другу почти ни единаго слова; въ самомъ дѣлѣ, какъ-то страшно смутить неизъяснимое очарованіе, окружающее васъ. Удивительное искуство, съ какимъ ставятъ факелы, ихъ сіяніе, мастерски рассчитанное, и умѣнье по волѣ разнообразить точки зрѣнія придаютъ статуямъ какое-то оживленіе, котораго и описать нельзя; повидимому, онѣ пробудились ото сна, и какая-то стыдливость облекаетъ эти божественныя формы, открытыя для взора въ самыхъ сокровенныхъ ихъ изгибахъ. Не только артистическое чувство возникаетъ въ душѣ съ неожиданною силою, всѣ впечатлѣнія жизни, всѣ помыслы мужества и бѣглыя мечты юности воскресаютъ мгновенно. Передъ этой волшебной толпою, воображеніе, увлекаясь незамѣтно, кажется, узнаетъ прозрачныя черты, неопредѣленный образъ милыхъ существъ, таинственный голосъ нѣжнѣйшихъ сочувствій сердца; невольно глаза наполняются слезами, и никто не покидаетъ этого мѣста, не благословляя судьбы, которая для избранныхъ душъ уберегла ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе, полное вознагражденіе за всѣ непріятности дальняго странствованія, можетъ-быть даже за нѣкоторую часть разочарованій прошлой жизни». Вотъ какимъ образомъ авторъ, характеризуя величіе и прелесть зрѣлища, изъ глубины души своей вызываетъ къ его восполненію тѣ многозначительныя идеи, которыя, и послѣ тысячи другихъ описаній Рима, сообщили его новому произведенію свѣжесть предмета, занимательность воззрѣнія и очарованіе красокъ.

Очеркъ теоріи изящной словесности. Михайла Чистякова. 1843 [1]).

Основныя понятія этой теоріи очень вѣрны. Они заимствованы изъ созерцанія образцовъ, дѣйствительно художественныхъ по ихъ природѣ и возсозданію. Между тѣмъ бываютъ теоріи произвольныя и даже основанныя на ложныхъ началахъ. Вникая

[1]) *Современникъ*, т. XXIX, стр. 250—259.

въ это странное явленіе, что свѣтъ и тьма, истина и ложь, красота дѣйствительная и поддѣльная могутъ существовать въ одно и то же время, невольно усомнишься, полезна ли какая бы то ни было теорія изящной словесности. Ежели ложная теорія не вредитъ созданіямъ истиннаго таланта, а истинная теорія не спасаетъ ложный талантъ отъ паденія; то очевидно, что успѣхи изящныхъ искуствъ только и совмѣстны съ появленіемъ истинныхъ талантовъ, а всѣ теоріи остаются безъ малѣйшаго вліянія на совершенствованіе того, что онѣ хотятъ усовершенствовать. Это одно препровожденіе времени, достойное ув женія въ отношеніи къ трудящимся, если они, какъ авторъ разбираемой нами теоріи, трудятся, мысля здраво; жалкое — если ошибаются. Мы находимъ, что изданная теперь книжка болѣе соотвѣтствовала бы предполагаемой авторомъ цѣли, если бы она, какъ руководство, разложена была на параграфы, чтó необходимо для учениковъ.

Божественная Комедія Данте Алигіери. Адъ. Съ очерками Флаксмана и итальянскимъ текстомъ. Переводъ съ итальянскаго Ѳ. Фанъ-Дима. Введеніе и Біографія Данте Д. Струкова. Изданіе Е. Фишера. Выпускъ первый.

Эпоха, въ которую на русскій языкъ переводятся вдругъ Данте, Шекспиръ, и Гэте, безъ преувеличенія можетъ назваться замѣчательнѣйшею въ литературѣ. Мы завоевываемъ въ одно время три міра поэзіи. Каждый изъ нихъ представляетъ полноту и совершенство искуства по идеямъ, краскамъ и жизни. Все, что католическое настроеніе съ самымъ глубокимъ познаніемъ древнихъ писателей внушило величайшему генію; все, что страсти, исторія, нравы вѣка и обширнѣйшія свѣдѣнія могли пробудить въ самой дѣятельной душѣ поэта, все запечатлѣно въ поэмѣ Данта. И это созданіе мы получимъ въ строжайшемъ, почти подстрочномъ переводѣ. Такъ и надобно начинать знакомство съ вѣковыми писателями. Только изучивъ ихъ буквально и вникнувъ въ глубину ихъ каждаго выраженія, каждаго понятія, можно будетъ нѣкогда думать о соперничествѣ съ ними, т. е. о переводѣ сти-

хами. Но переводъ, о которомъ мы теперь извѣщаемъ читателей, издается выпусками. Вотъ что всегда грустно встрѣчать! Не понимаемъ, для чего это дѣлается. Ни одно почти предпріятіе въ этомъ видѣ у насъ не удалось. За первыми живыми впечатлѣніями, обыкновенно, и со стороны читателей и со стороны издателей, слѣдуетъ какое-то охлажденіе — и часто дѣло не доходитъ до своей половины. Ужели такъ будетъ и съ Данте? Но его обѣщаютъ выдать вполнѣ въ шесть выпусковъ, къ концу іюня нынѣшняго года. А какъ бы радостно было получить вдругъ книгу Данте! Всевластная мода царствуетъ наконецъ повсюду, даже въ независимой области мышленія.

Аладинъ, или волшебная лампа. Драматическая сказка Эленшлегера. Вольный переводъ. В. Дерикера. Часть первая. — Старкотеръ. Скандинавская драма, въ пяти актахъ Эленшлегера. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Дерикеръ.

Обѣ пьесы переведены стихами. Переводчикъ, хорошо постигая смыслъ автора и употребляя всѣ усилія сохранить требованія русскаго стиха, видимо находится въ борьбѣ, что невольно заставляетъ его уступать мѣстами подлиннику, мѣстами языку, на который онъ переводитъ. Надобно когда-нибудь убѣдиться, что переводы въ стихахъ, такіе, которые бы равнялись достоинствомъ своимъ подлиннику, возможны только при равныхъ талантахъ переводчика и оригинальнаго поэта. Безъ этого условія всѣ труды можно считать не достигающими никакой цѣли. Мы или не чувствуемъ прелести поэзіи, или теряемъ лучшія ея краски. Для вѣрнаго успѣха остается работа скромная, но не безполезная: переводы прозою, переводы исправные, добросовѣстные. Эленшлегеръ, родоначальникъ поэтовъ, обратившихся къ Скандинавскому міру, стóитъ чтобы ему одному посвятить нѣсколько лѣтъ. Онъ для насъ еще рудникъ нетронутый. Теперь ему шестдесятъ три года. Данія гордится имъ, какъ лучшимъ своимъ украшеніемъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія путешествуя по Европѣ, онъ въ Германіи, во Франціи и Италіи былъ предметомъ внима-

нія замѣчательнѣйшихъ умовъ и снискалъ дружбу первыхъ представителей европейской литературы. Въ его талантѣ соединены самобытность и многосторонность. Не подчиняясь никакому вліянію, онъ развиваетъ идеи изъ предметовъ подъ собственнымъ настроеніемъ, сохраняя повсюду натуральныя краски, которыхъ истину онъ постигаетъ своимъ поэтическимъ чувствомъ. Съ дѣтства увлекаемый направленіемъ драматическимъ, онъ до такой степени усовершенствовалъ это самоотреченіе или отстраненіе собственныхъ личныхъ ощущеній въ картинахъ міра внѣшняго, что для него нѣтъ страны или вѣка преимущественно любимыхъ, гдѣ бы онъ исключительно успѣшнѣе дѣйствовалъ: онъ какой-то чудный космополитъ поэзіи, умѣющій вездѣ обрѣсти вѣрный пріютъ родины. Къ такимъ счастливымъ особенностямъ присоединяется въ немъ непостижимая способность все обработывать почти мгновенно. Его творенія возникаютъ такъ быстро, какъ будто онъ ихъ находитъ готовыми. Безъ сомнѣнія, послѣднее обстоятельство не можетъ быть не чувствуемо въ обработкѣ его стиховъ, которые вездѣ для окончательнаго совершенства своего требуютъ труда и терпѣнія. Но сей недостатокъ уже останется какъ бы естественною чертою въ его характеристикѣ. Пусть переводчикъ, уловивши физіономію даже этого недостатка, отразитъ все въ своемъ переводѣ. Тогда мы вполнѣ поймемъ, что за поэтъ Эленшлегеръ. Теперь мы только добираемся мѣстами до смысла нѣкоторыхъ его отрывковъ.

Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера. Книга первая.

Европа завалена журналами, въ которыхъ редакторы воюютъ противъ поэзіи. И въ Россіи, гдѣ *подражать* часто почитаютъ за обязанность, не безъ такихъ же рыцарей. Это временное уклоненіе отъ истины неудивительно. Новость какой бы то ни было мысли, самой смѣшной, легко увлекаетъ толпу писателей. Тѣмъ не менѣе истина непобѣдима, потому-что ея основа въ сердцѣ человѣка. Напрасны всѣ усилія изгнать ее оттуда: она будетъ тамъ

жить, пока съ лица земли не исчезнетъ человѣкъ. Страненъ вопросъ: «къ чему поэзія?» Развѣ мы ее выдумали? Она составляетъ такую же потребность духа нашего, какъ любовь, какъ добродѣтель, какъ всякое изъ чистыхъ движеній сердца. Обстоятельства могутъ иногда настроить насъ превратно, но никогда насъ не пересоздадутъ. Напрасно мы будемъ разыскивать, въ чемъ сущность поэзіи, гдѣ область ея господства, какую цѣль назначить ей надобно. Все будутъ только слова — а дѣло ни измѣниться, ни исчезнуть отъ нихъ не можетъ. Природа продолжаетъ творить все по-своему, какъ бы мы ни изъясняли ее превратно. Созданія Гэте и Шиллера, въ эпоху враждебныхъ противъ поэзіи толковъ, еще находятъ своихъ поклонниковъ, избранныхъ, для которыхъ поэзія не бредъ, не запоздалость, не мечта, а голосъ небесной истины. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ перелистывали книгу г. Струговщикова, съ любовію предавшагося изученію великихъ поэтовъ Германіи. Въ самомъ его стремленіи есть залогъ прекраснаго. Сочувствіе съ истиннымъ талантомъ обнаруживаетъ уже талантъ. Но эпоха, столь неблагопріятствующая поэзіи, замѣтно подѣйствовала и на труды г. Струговщикова. По видимому, онъ занимался поэзіею безъ полной увѣренности въ высокомъ значеніи этого труда. Онъ не принесъ ему въ жертву всѣхъ усилій, необходимыхъ для совершенства въ искуствѣ. На произведеніяхъ его остались слѣды недоконченности или небрежности, разительно отличающей нынѣшнюю школу нашихъ поэтовъ отъ предшествовавшей. Идея великаго поэта обыкновенно проникаетъ все его стихотвореніе и подчиняетъ своей власти душу читателя. Части ея образуются гармонически и плѣняютъ насъ пропорціональностію своею. Для всякой мысли есть особая форма, краска и звуки. Ни одно слово не брошено случайно, безъ цѣли, безъ значенія. Прочитавъ такое стихотвореніе, усвояешь его и стремишься къ осуществленію его идеи. Напрасно усиливались мы вынести въ душѣ что-нибудь изъ чтенія стихотвореній г. Струговщикова. Какая-то неопредѣленность, какая-то неясность мыслей, разстроенныя части, лишенныя необходимыхъ

своихъ принадлежностей —красокъ и óбразовъ, неточность выраженій и изысканность въ языкѣ — вотъ что замѣчаешь съ огорченіемъ въ его подражаніяхъ. Если бы онъ убѣжденъ былъ въ высокомъ достоинствѣ поэзіи какъ значительнѣйшаго изъ искуствъ, онъ своими усиліями побѣдилъ бы всѣ затрудненія, и его стихи дѣйствительно представили бы возсозданіе великихъ твореній. Это все яснѣе покажется читателю, когда мы приведемъ здѣсь хоть одну пьесу г. Струговщикова и сравнимъ ее съ какимъ-нибудь другимъ переводомъ, удержавшимъ въ себѣ красоты подлинника.

СЛУГА - УБІЙЦА.

Завиденъ слугѣ *господинъ*;
Слугою убитъ Паладинъ.
Онъ мертваго латы надѣлъ
И въ нихъ на коня его сѣлъ.
Убійца къ рѣкѣ подъѣзжалъ,
Гдѣ трупъ подъ волною лежалъ.
И *на мостъ убійца спѣшитъ,*
Но конь *неподвиженъ стоитъ*
Коню онъ *терзаетъ бока*,
Конь сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ *вплавь, но выходитъ изъ силъ*,
И панцырь его утопилъ.

Каждое изъ отмѣченныхъ здѣсь словъ должно считать недоконченностію обработки. Не говорятъ по-русски: *мнѣ завиденъ кто нибудь*; можно сказать: *мнѣ завиденъ жребій его*. Далѣе: какъ трупъ убитаго очутился въ той рѣкѣ, къ которой еще только подъѣзжалъ убійца? И что значитъ: *лежать подъ волною*? Волна бѣжитъ, а не остается на одномъ мѣстѣ. Потомъ: убійца спѣшитъ на мостъ, а конь остается неподвиженъ, Слѣдовательно — или ѣздокъ оставилъ коня, или коню нельзя было сбросить его въ рѣку, когда оба они остались передъ мостомъ. Выраженіе: *терзаетъ бока* несвойственно духу нашей рѣчи въ подобномъ описа-

ніи, да оно и не точно; говорится: *всадникъ бьетъ по бокамъ*, или *колетъ ихъ шпорами*. Наконецъ: *онъ вплавь*, безъ глагола ничего не значитъ; и выраженіе: *выходитъ изъ силъ* вяло здѣсь для описываемаго живаго дѣйствія. Ежели въ 12 стихахъ оставлено столько небрежностей, можно по этому судить, какого достоинства въ отношеніи къ языку будетъ цѣлая книга. За двадцать пять лѣтъ не было этого у хорошихъ писателей. Они въ поэзіи дорожили всѣмъ: силою мысли, живостію картины, точностію выраженія, потому что *совершенство искуства* не допускаетъ ничего слабаго, или недоконченнаго. Лѣтъ за двадцать-пять это же стихотвореніе переведено было вотъ какъ (по закону *прогресса* теперь слѣдовало бы перевести его еще лучше):

Измѣной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.
Свершилось убійство ночною порой —
И трупъ поглощонъ былъ глубокой рѣкой.
И шпоры и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.
Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ:
Но панцырь тяжелый его утопилъ [1]).

Инквизиція, Сочиненіе Галлуа. Перевелъ съ французскаго В. Модестовъ. Въ двухъ томахъ.

Сю выдумываетъ ужасы, чтобы дремлющему воображенію читателей сообщить какое-нибудь движеніе. Трудъ жалкій и вредный: онъ притупляетъ и остатокъ способностей къ дѣятельности, а съ другой стороны вноситъ въ архивы дѣлъ о человѣчествѣ

[1]) См. у Жуковскаго балладу *Мщеніе* подъ 1816 годомъ.

самые несправедливые, самые злобные доносы. Если уже дѣйствительная настала потребность въ искуственныхъ потрясеніяхъ внутреннихъ чувствъ, мы предлагаемъ другое средство, правда также сильное, но полезное: читайте исторію Инквизиціи. Тутъ являются уже во всемъ ужасѣ гибельныя слѣдствія невѣжественнаго фанатисма. Отъ этихъ картинъ съ какою отрадою обратится сердце къ христіанству чистому и возвышенному! Переводъ разсматриваемой нами книги точно можно принять за противоядіе въ нашу жалкую эпоху литературныхъ требованій.

Исторія Консульства и Имперіи, соч. Тьера бывшаго президента совѣта министровъ, члена палаты депутатовъ и французской академіи. Перевелъ съ французскаго И. Д—ъ. Части I, II и III.

Жалко видѣть въ дюжинномъ переводѣ знаменитое сочиненіе одного изъ блистательнѣйшихъ писателей Франціи. Но такова нынѣ участь великихъ твореній: фабриканты книгъ, что прежде было благороднымъ обществомъ литераторовъ, поспѣшаютъ только перегнать соперниковъ, не умѣя достойно оцѣнить произведеніе таланта, а еще менѣе передать его въ переводѣ, достойномъ подлинника. Все пишется и печатается какъ газетная статья на одинъ день.

Біографія Александры Михайловны Каратыгиной. Сочиненіе В. В. В.

Несомнѣнный талантъ г-жи Каратыгиной давно приготовилъ ей мѣсто въ исторіи русскаго театра. Комедія, въ истинномъ своемъ значеніи, обязана у насъ г-жѣ Каратыгиной не только замѣчательными успѣхами нѣкоторыхъ ролей, но и вообще ясною идеею о достоинствѣ и силѣ высшей красоты комической. Такимъ образомъ имя этой артистки и заслуги ея на сценическомъ поприщѣ не должны были оставаться безъ исторической гласности. Но авторъ біографіи смѣшалъ свою прямую обязанность съ услугою, которой мы ожидаемъ отъ біографа въ будущемъ. Теперь,

при жизни лица, избираемаго темою литературной брошюры, странно разсказывать частные случаи жизни, не относящіеся къ искуству. Въ послѣдствіи времени, конечно, все войдетъ въ подобную біографію какъ дополненіе взгляда на талантъ. Въ настоящую же эпоху достаточно было эстетическаго отчета о началѣ, развитіи и послѣднемъ достиженіи его блистательныхъ успѣховъ. Не разграничивши въ предпріятіи своемъ принадлежащаго ему законно отъ неумѣстныхъ излишковъ, авторъ естественно впалъ въ забавныя, чтобы не сказать смѣшныя, мелочи — и тѣмъ, вмѣсто возвышенія заслугъ таланта, поставилъ все въ ложное положеніе.

Прокопій Ляпуновъ, или междуцарствіе въ Россіи, продолженіе князя Скопина-Шуйскаго, сочиненіе того же автора. Четыре части.

Въ изящныхъ искуствахъ историческая основа такъ же вѣрно и прямо поддерживаетъ каждое произведеніе, какъ сама натура, или истина. Сочиненный характеръ, вымышленное событіе или дѣйствіе, придуманная сцена — не возбуждаютъ ни сочувствія, ни участія — и, мелькая передъ глазами, пропадаютъ навсегда какъ китайскія тѣни. Въ комедіяхъ, повѣстяхъ и даже сказкахъ должна быть тоже истина или натура: это разсѣянныя черты жизни, мѣтко схваченныя для составленія одной картины и возведенныя талантомъ въ несомнѣнную дѣйствительность. Природа, влагая въ душу художника призваніе къ творческому труду его, обогащающему зрителей или читателей откровеніями человѣковѣдѣнія, такъ вѣрно сама указываетъ истинный ему путь, что великіе поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ строго всегда держались истины, почерпая ее либо въ исторической, либо въ современной жизни, либо въ народныхъ преданіяхъ, не исключая и миѳическихъ. Писатели, принимающіеся за работу безъ сочувствія съ дѣйствительно-изящнымъ, обыкновенно предпочитаютъ этой натурѣ или истинѣ совокупность вымысловъ, дѣтски плѣняясь ихъ пестротою, несбыточностію и многосложною запутанностію.

Ежели, поэтому, критика, для охраненія изящныхъ искуствъ отъ упадка или униженія, вообще должна желать, чтобы писатели и художники останавливались на предметахъ преимущественно историческихъ, то еще настоятельнѣе она обязана дѣйствовать въ такомъ же направленіи, когда рѣчь касается русской словесности. У насъ исторія, современная характеристика и преданія народныя требуютъ гораздо болѣе обработки, разысканій и повѣрки, нежели у другихъ европейскихъ народовъ, гдѣ почти до всего не разъ уже прикасалась рука ученаго или художника. Слѣдовательно авторъ *Скопина-Шуйскаго* и *Прокопія Ляпунова* вдвойнѣ пріобрѣтаетъ уваженіе въ литературномъ мірѣ, поддерживая историческими романами своими законное достоинство произведеній изящныхъ искуствъ вообще и споспѣшествуя русской словесности въ успѣхахъ на пути, требующемъ преимущественнаго участія талантовъ. Въ прошломъ десятилѣтіи нашлось нѣсколько критиковъ, которые, опасаясь что поэзія, въ соединеніи съ исторіею, повредитъ истинѣ, возставали противъ историческихъ романовъ; но тогда же критикъ съ высшимъ умомъ (Вильменъ) произнесъ, что «исторія безъ поэзіи не въ состояніи вѣрно изобразить истины». И въ самомъ дѣлѣ, что за истина въ разсказѣ, лишенномъ жизни, т. е. теплоты, красокъ и движенія — этихъ первыхъ условій поэзіи? Во всѣхъ явленіяхъ гражданственности и въ самыхъ отдѣльныхъ чертахъ частной дѣятельности нѣтъ ни одного мертваго событія: каждое вызвано къ бытію силой воли, чувства или страсти. Если мы вполнѣ понимаемъ идею *жизни*, надобно тотъ же характеръ сообщить и *слову*, возсозидающему ее. Совокупность этихъ эстетическихъ началъ указываетъ критикѣ на тѣ стороны, съ которыхъ надобно смотрѣть на сочиненіе и на тѣ совершенства, которыхъ отъ него надобно ей требовать. *Прокопій Ляпуновъ* вѣренъ эпохѣ своей не только прозаически, но большею частію и поэтически (что труднѣе для автора и важнѣе для читателей). Нельзя не подивиться терпѣнію, съ какимъ собраны матеріалы для этой художнической работы. Чего не нашлось въ письменныхъ памятникахъ,

то дополнено наблюденіями надъ памятниками древностей, надъ языкомъ и нравами, привычками и самою жизнію сословій, почти ни въ чемъ не отдалившихся отъ предковъ. Заслуга неоцѣненная для ученыхъ, посвящающихъ часто многіе годы разысканіямъ по этой части. Употреблено ли все изъ найденныхъ матеріаловъ какъ самое необходимое, какъ существенно-вяжущееся къ цѣлому? Есть излишества въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, есть расточительность, по крайней мѣрѣ, такъ сказать, роскошь въ составленіи разговоровъ и группъ. Для красоты, или художнической истины иногда необходимѣе оставить читателя въ ожиданіи, нежели въ пресыщеніи. Что сказать о движеніи главнаго дѣйствія? Съ этой стороны требованія очень разнородны, смотря по тому, кто для чего читаетъ историческіе романы. Ежели вы, принимаясь за нихъ, готовитесь переселиться воображеніемъ въ разсматриваніе прошедшаго и возстановить передъ собою явленія его жизни; то дѣйствіе въ *Прокопіи Ляпуновѣ* покажется вамъ движущимся быстро и занимательно: оно проведено по галлереѣ картинъ, написанныхъ свѣжими и вѣрными красками. Но, любопытствуя ознакомиться единственно съ новымъ разсказомъ, съ эпизодами, съ препятствіями въ исполненіи желаній героевъ, и наконецъ съ развязкою повѣтствованія, вѣроятно, вы не такъ быстро пронесетесь, какъ желали бы, принуждены будучи останавливаться вездѣ, гдѣ только отъ автора требовалъ кисти интересъ поэтическій. При томъ же *Прокопій Ляпуновъ*, какъ прежде и *Скопинъ-Шуйскій*, призванъ авторомъ на служеніе не праздной какой-нибудь страсти романическаго героя, а патріотическимъ идеямъ и чувствованіямъ, преобладавшимъ въ героическихъ душахъ представителей описываемой эпохи. Наконецъ, книга, разсматриваемая нами, можетъ быть вполнѣ оцѣнена только людьми, которые, знаніемъ отечественнаго языка, народной жизни, русскаго духонаправленія, знаніемъ всѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ частностей Россіи, предотвратили отъ себя предубѣжденія, господствующія въ умахъ, мыслящихъ по указаніямъ иноземцевъ.

Двѣ судьбы, быль. *Аполлона Майкова*.

Почти три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ явилось собраніе стихотвореній поэта (см. выше стр. 338), котораго новое произведніе теперь мы разсматриваемъ. Въ то время сказали мы, что «его стихотворенія представляютъ блестящій рядъ то сильно почувствованныхъ высокихъ мыслей, то ясно обдуманныхъ поэтическихъ ощущеній. Онъ въ направленіи своемъ, идеяхъ и образахъ, въ раздробленіи понятій, въ украшеніи языка — во всемъ идетъ независимо отъ современнаго поколѣнія молодыхъ поэтовъ». Этотъ характеръ вообще сохраненъ и въ произведеніи новомъ. Особенно поражаетъ читателя свѣжесть и яркость красокъ Италіи: видно, что поэтъ каждую черту для своихъ картинъ бралъ съ натуры и рисовалъ подъ силою неостывшихъ впечатлѣній. Это доставило его поэмѣ достоинство, которое никогда не потеряетъ цѣны. Но такъ какъ *Двѣ судьбы* — сочиненіе уже не лирическое, а говоря по-нѣмецки, объективное — требовали отъ автора рѣшительнаго отчужденія его собственныхъ интересовъ и духонастроенія; то и критика не можетъ здѣсь довольствоваться тѣми только совершенствами, которыя внушили ей столько участія къ первымъ произведеніямъ г. Майкова. Здѣсь все зависитъ отъ поэтически-вѣрнаго и поразительно-глубокаго взгляда на характерныя черты обоихъ лицъ, какъ представителей двухъ странъ: Россіи и Италіи. Между-тѣмъ, какъ ни игривы, какъ ни остроумны и часто даже какъ ни правдоподобны поэтическіе намеки и очерки того и другого предмета, нельзя не чувствовать, что тутъ недостаетъ полноты идеи и назыблемости истины. Есть много живыхъ указаній на то, чѣмъ поэтъ самъ пораженъ былъ дѣйствительно; но рядомъ же есть и произволъ кисти, вымыселъ воображенія. Занимательность не сосредоточена ни на комъ и не возрастаетъ по мѣрѣ того какъ драма развертывается. За то каждая часть ея, представляющая отступленіе, въ которомъ такъ оригинально высказывается субъективность поэта, очаровательно хороша. По

всему видно, что не сюжетъ поэмы преобладалъ въ душѣ автора, а движенія собственнаго его сердца, крики ощущеній посреди красотъ и чудесъ Италіи. Тѣмъ не менѣе, мы радостно привѣтствуемъ появленіе новаго стихотворенія г. Майкова. Оно служитъ для него переходомъ къ тому роду искуства, въ которомъ его гибкій, свободный талантъ выразится независимѣе и плодотворнѣе.

Краткое начертаніе всеобщей исторіи для первоначальныхъ училищъ. Составилъ С. Смарагдовъ.

Руководства по части древней, средней и новой исторіи, изданныя г. Смарагдовымъ, пріобрѣли вообще хорошіе отзывы людей, понимающихъ это дѣло. Нынѣ сочинитель составилъ сокращеніе прежнихъ своихъ сочиненій, назначивъ его для первоначальныхъ училищъ. Отдавая справедливость выбору происшествій и направленію въ ихъ объясненіи, мы не можемъ согласиться только въ томъ, чтобы начинающіе должны были приступать къ изученію исторіи по одной методѣ съ тѣми, которые болѣе ихъ способны разсуждать и соображать. Если бы г. Смарагдовъ въ начальномъ своемъ курсѣ изложилъ исторію этнографически, то курсъ ея вышелъ бы во всѣхъ отношеніяхъ ученіемъ занимательнымъ. Теперь она, до чрезвычайности сокращенная, безпрестанно прерывается по методѣ синхронистической, такъ-что каждый отдѣлъ ея походитъ на отрывокъ указателя именъ и годовъ. Умъ едва ли что сохранитъ для себя изъ этой смѣси.

Русскіе полководцы, или жизнь и подвиги россійскихъ полководцевъ, отъ временъ императора Петра Великаго до царствованія императора Николая I. Изданіе Константина Жернакова. Жизнеописанія составлены Николаемъ Полевымъ.

Въ этой книгѣ, сверхъ біографіи Петра Великаго, помѣщено одиннадцать жизнеописаній, а именно: Шереметева, Меншикова, Миниха, Румянцова-Задунайскаго, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникскаго, Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, Бар-

клая-де-Толли, Витгейнштейна, Дибича-Забалканскаго и Паскевича-Эриванскаго-Варшавскаго. Имена такихъ героевъ и подвиги ихъ, во всякомъ разсказѣ, не могутъ не возбуждать полнаго участія къ сочиненію, имъ посвященному. Главнымъ пособіемъ при составленіи біографій служили сочинителю формуляры и историческіе труды Д. Н. Бантыша-Каменскаго. Слѣдовательно можно поручиться за вѣрность разсказовъ. Одно обстоятельство непріятно поражаетъ читателя — монотонія во всемъ: въ выраженіяхъ языка, въ оборотахъ рѣчи, въ украшеніяхъ слога, въ краскахъ, въ планѣ, даже въ приговорахъ и сужденіяхъ, такъ что, прочитавъ одну біографію, читатель, перемѣнивъ имена мѣстъ, лицъ и числа годовъ и мѣсяцевъ, напередъ уже знаетъ все послѣдующее. Это произошло отъ того, что сочинителю вздумалось въ каждой біографіи не выходить изъ границы одного и того же содержанія въ одномъ и томъ же порядкѣ. Сперва онъ помѣщаетъ полный формуляръ съ росписью всѣхъ дѣтей героя и съ указаніемъ, кто на комъ женатъ, или кто за кѣмъ замужемъ, также, сколько велико движимое и недвижимое имѣніе его; затѣмъ подробное описаніе герба; послѣ приводятся названія книгъ, въ которыхъ говорится объ этомъ героѣ; наконецъ коротенькій разсказъ, чему его учили въ дѣтствѣ, какова была его наружность и другія частности, служащія вмѣсто характеристики. Ясно, что ни одинъ герой не одушевилъ сочинителя до такой степени, чтобы біографія образовалась по идеѣ историческаго лица. Всѣ они какъ бы одно мыслили, одно чувствовали, и будто бы ничего не было отличительнаго ни въ характерѣ, ни въ жизни стольких людей. Другое обстоятельство, столь же непріятно бросающееся въ глаза читателю, заключается въ видимой поспѣшности, въ странной небрежности, съ которою написано все сочиненіе. Не говоря уже о совершенномъ отсутствіи *слога*, который дается въ удѣлъ только человѣку съ талантомъ, здѣсь никакой нѣтъ обработки фразъ. Почти всѣ онѣ иначе не начинаются, какъ длиннымъ рядомъ причастій и дѣепричастій, дополняющихъ безконечный періодъ и послѣ помѣщенія глагола, какъ наприм.:

«*Подкрѣпляемый* Англіею, *думая,* что Турція отвлечетъ Россію, и кромѣ того мало *уважая громадныя силы* русскаго государства, не *боясь* Швеціи и Франціи, не *видя* противъ себя великихъ полководцевъ, *увѣренный въ свое счастіе, надѣясь,* что побѣда рѣшитъ дѣло и разрушитъ союзъ, Фридрихъ самъ *открылъ войну,* не *страшась* грозившей отвсюду бѣды (стрн. 120)». Ошибки противъ языка—въ родѣ: *увѣренный въ свое счастіе,* или: *Екатерина казалась незамѣчавшею оскорбленнаго самолюбія своего стараго полководца* (137 стран.), или: *Екатерина сохранила до кончины своей особенный почетъ славѣ и имени Румянцова* (стран. 141); или: *недостатки его* (Румянцова) *составляли медленность въ исполненіи, нерѣшительность въ планахъ, опасеніе за славу свою, доходившее до излишенства* (тамъ же) — эти пятна современныхъ сочиненій, приготовляемыхъ на срокъ по заказамъ издателей, отнимаютъ много цѣны у книги. Надобно къ тому прибавить, что едва ли явилялось въ этомъ родѣ сочиненіе, которое бы написано было столь неумѣренно надутымъ языкомъ, какъ разсматриваемыя здѣсь біографіи. «Среди волненій по кончинѣ его (Петра I), среди крамолъ междоусобія, при недостаткѣ дарованій и воли, при ошибочной внѣшней политикѣ (82 стран.), не только уцѣлѣла Россія, но вѣрно шла по тому пути, по коему назначилъ ее итти Петръ Великій, куда двинула Россію всесильная воля его. Къ твореніямъ генія всегда прибавляется временное, преходящее—дань слабости человѣческой. Проходятъ годы, и временное исчезаетъ, преходящее уничтожается, и твореніе генія остается только съ тѣмъ, что безсмертнаго вложилъ въ него геній. Такъ съ могущаго дуба ежегодно падаютъ листья, когда глава его гордо высится къ небесамъ, и вѣками считаетъ вѣкъ свой». Развѣ такія мысли, развѣ такія сравненія, развѣ такое убранство понятій называются краснорѣчіемъ исторіи? Нѣтъ. Великіе люди земли русской ожидаютъ еще своего біографа. Если для исторіи самой Россіи уже былъ Карамзинъ, почему не надѣяться, что и для знаменитыхъ соотечественниковъ нашихъ явится достойный ихъ историкъ? Ему каждый герой нашъ внушитъ особое созданіе,

какъ самъ онъ былъ лицомъ своеобразно возникнувшимъ и изъ собственнаго генія развившимъ рядъ своихъ дѣяній.

Русское Чтеніе. Отечественные историческіе памятники XVIII и XIX столѣтія, издаваемые Сергѣемъ Глинкою. Часть I.

«На прощаньи съ жизнію (говоритъ С. Н. Глинка) предлагаю новый трудъ, можетъ-быть слабый, но съ тою же цѣлію, чтобы оживлять доблести отечественныя и доставлять что-нибудь полезное для всѣхъ сословій общественныхъ. Жизнь отечественная — жизнь нераздѣльная отъ палатъ до хижинъ. Соединеніе мыслей, думъ и сердецъ подкрѣпляетъ и сохраняетъ эту жизнь, даруемую намъ Богомъ подъ тѣмъ небосклономъ, гдѣ была колыбель наша, гдѣ прахъ нашихъ отцовъ, и гдѣ мы въ свой урочный часъ сойдемъ въ могилу. Но любовь къ родинѣ, любовь къ отечеству, не исключаетъ общей любви къ человѣчеству, завѣщанной Христомъ Спасителемъ. Гдѣ встрѣтимъ страдальца, тамъ видимъ въ немъ ближняго и брата: и счастлива та рука, которая приподнимаетъ на тернистомъ пути жизни. Небо видѣло: это было лучшею мнѣ отрадой. Кто стоитъ у могилы, тотъ не лжетъ. Померкаетъ мое зрѣніе, но не душа. А душа моя желаетъ: *да блогоденствуетъ все человѣчество на ряду съ нашимъ отечествомъ!* Съ этимъ желаніемъ жилъ — и съ нимъ умру». За этими строками, которыхъ конечно никто не прочтетъ безъ участія, слѣдуютъ четыре любопытныхъ разсказа, составляющіе первую часть *Русскаго Чтенія:* I. Исторія зерцала Петра Великаго и любовь его къ правдѣ; II. Петръ Первый и историкъ Татищевъ, астраханскій губернаторъ; III. Походъ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго въ Черногорію (*Отрывокъ изъ собственноручныхъ его записокъ*), и IV. Чесменскій бой, *описанный княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ.* Каждая изъ помѣщенныхъ здѣсь статей, какъ дополненіе къ исторіи нашей, можетъ назваться драгоцѣнною. Мы сожалѣемъ, что издатель не представилъ общаго плана, которому онъ намѣренъ слѣдовать въ дальнѣйшихъ

трудахъ своихъ. Впрочемъ если *Русское Чтеніе* будетъ и просто сборникомъ историческихъ отмѣтокъ, оно тѣмъ не менѣе принесетъ пользы собирателямъ частныхъ извѣстій относительно Россіи.

Стихотворенія Эдуарда Губера.

Всѣхъ стихотвореній пятдесятъ-одно. Они писаны въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ и относятся преимущественно къ такъ называемому элегическому роду. На нихъ одинъ колоритъ стихотворческой печали. Обстоятельства ли жизни настроили такъ сочинителя, или чтеніе меланхолическихъ поэтовъ — рѣшить это мудрено. Довольно замѣтить, что повтореніе однѣхъ и тѣхъ же идей, однѣхъ и тѣхъ же картинъ, однихъ и тѣхъ же ощущеній утомляетъ читателя. Самобытная поэзія, какъ жизнь, разнообразнѣе. Ея внушенія обильнѣе воззрѣніями, которыя всѣхъ занимаютъ и въ которыхъ всегда есть что-то знакомое каждому, не выдуманное и остающееся въ душѣ читателя урокомъ или предметомъ размышленія. Но здѣсь, въ собраніи неестественныхъ иперболъ, чувствуешь что-то неправдоподобное, утомительное и отчасти маскарадное. Самый языкъ принялъ эти же черты идей, картинъ и чувствованій. Мы увѣрены, что сочинитель, съ такимъ постоянствомъ и любовію преданный благороднѣйшему изъ искуствъ, современемъ перемѣнитъ направленіе духа другихъ стихотвореній своихъ и тѣмъ избавитъ новые свои труды отъ всего усиленнаго въ изобрѣтеніи, въ изложеніи и въ краскахъ. Мы предоставляемъ читателю самому убѣдиться въ истинѣ замѣчаній нашихъ, помѣщая здѣсь одно изъ разбираемыхъ нами стихотвореній:

ПЕРЕПУТІЕ.

Испытанъ раннею тоскою
Въ горнилѣ пламенной борьбы,
Стою нетвердою стопою
На перепутіи судьбы.

Куда пойду? За ложной славой
Какъ прежде увлекусь ли вновь?
Иль снова спутницей лукавой
Предстанетъ грѣшная любовь?
И снова ль въ омутѣ волненій,
Въ цѣпяхъ разврата и страстей,
Погрязну жертвою сомнѣній
И неизвѣданныхъ скорбей?
Нѣтъ, не хочу стопой усталой
Начать изрытаго пути;
Не мнѣ дорогою бывалой
За ложнымъ счастіемъ итти.
Назадъ, къ обители смиренной
Безпечной юности моей,
Гдѣ въ тишинѣ уединенной,
Я жилъ, не вѣдая скорбей!
Туда, гдѣ дѣтскою молитвой
Я тихо къ Богу прибѣгалъ,
Гдѣ жребій міра грозной битвой
Моей души не возмущалъ!
Тамъ успокоюсь отъ волненій,
Отъ разрушительныхъ страстей
И отъ томительныхъ сомнѣній
Безумной юности моей.

Ученіе о жизни вообще и о жизни человѣка въ особенности, какъ такомъ предметѣ, на которомъ утверждается врачебная наука. Опытъ сближенія медицинскихъ понятій о человѣкѣ съ внушеніями святой вѣры и здравой философіи. Сочиненіе Ивана Зацепина. Часть I.

Хотя всѣ науки можно представить въ видѣ одного воззрѣнія на вселенную и Творца ея, и хотя даже трудно вполнѣ постигнуть одну безъ содѣйствія другихъ; однако дальнѣйшее со-

вершенствованіе ихъ требуетъ спеціальнаго изученія каждой. Вотъ почему, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ еще не обработаны частныя изслѣдованія, надобно желать, чтобы медицина, философія и богословіе излагаемы были въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Можетъ-быть, и у насъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, понадобится это высшее совокупленіе знаній въ одинъ заключительный трудъ; но теперь онъ поведетъ только къ поверхностнымъ взглядамъ, которые по несчастію замѣтны во многихъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ трудовъ.

Типы современныхъ нравовъ, представленные въ иллюстрированныхъ повѣстяхъ и разсказахъ, издаваемыхъ подъ редакціею Николая Кирилова.

Типъ, составляющій эту книжку, называется *Тертый калачъ; сцены изъ провинціальной жизни.* Ничего нѣтъ холоднѣе, бездушнѣе, а слѣдовательно и скучнѣе въ литературныхъ сочиненіяхъ, какъ типы, т. е. наборъ разнородныхъ чертъ изъ множества характеровъ для составленія лица небывалаго, представляющаго собою отвлеченное понятіе, или цѣлое сословіе. Тутъ нѣтъ жизни, тутъ нѣтъ никакой истины: и характеры, и краски ихъ, и положенія лицъ, и дѣйствія ихъ, и страсти — все холодное сочиненіе, утомительная выдумка, мертвая природа.

О пьянствѣ въ Россіи и о средствахъ къ истребленію его. Соч. екатеринославскаго помѣщика А. Г.

Книга состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ *первомъ* собраны свѣдѣнія о распространеніи въ Россіи употребленія хлѣбнаго вина (часть историческая) и статистическія показанія о потребленіи вина въ нынѣшнее время; въ *другомъ* отдѣленіи предложены средства къ истребленію пьянства, которое, по мнѣнію сочинителя, должно будетъ уменьшиться, если вмѣсто хлѣбнаго вина введено будетъ въ большее употребленіе пиво. Въ высшей степени занимательна въ книгѣ часть *статистическая.* Она представляетъ все дѣло въ ясности, ужасающей наблюдателя. Если бы

можно было каждому человѣку, въ минуты его спокойнаго размышленія, представить эти цифры, конечно никто не отошелъ бы отъ нихъ безъ глубокой мысли о гнусномъ порокѣ, до такой степени распространившемся. Это душевное убѣжденіе если бы можно было распространить его, по нашему мнѣнію, лучшее средство начать врачеваніе порока.

Лондонскія тайны. Романъ Френсисса Троллопа. Переводъ П. Фурмана. Картинки сочинены и литографированы художникомъ Е. Ковригинымъ. Пять томовъ.

Никогда подражаніе не было такъ смѣшно, какъ въ нынѣшнее время. Оно обращено не только на повтореніе идей и описаній, но даже именъ и заглавій. Этимъ ребяческимъ способомъ расчитывая достигнуть главной цѣли своей, т. е. денегъ, мелкіе писатели обнаруживаютъ, какъ невысоко думаютъ они объ умѣ и вкусѣ тѣхъ, для кого трудятся. «Парижскія тайны» породили длинную генерацію тайнъ всевозможныхъ наименованій. Получивши готовую форму, расположеніе, содержаніе и столько красокъ, проворное деньголюбіе (нельзя же назвать этого трудолюбіемъ) бросилось за перья и наводняетъ Европу новыми своими произведеніями. А въ Европѣ, къ счастію, только и живутъ для новаго, какъ бы оно ни было плохо. И мы европейцы: поспѣшимъ не пропустить ни одной изъ модныхъ тайнъ. Благодаря столь живому участію въ ничтожныхъ явленіяхъ заграничной литературы, всѣ теперь могутъ просвѣтиться и подробно узнать, чтó *міроваго* происходитъ въ лондонскихъ тавернахъ и закоулкахъ. Напримѣръ, прилично ли европейцу XIX вѣка остаться безъ свѣдѣнія о томъ, какъ бранили трактирную служанку хозяйка ея и одинъ изъ посѣтителей таверны? «Вотъ что значитъ накормить (I; 5, 6), принять въ домъ нищую», сказала мистриссъ Бӭрнетъ. «Она отучитъ отъ моего заведенія всѣхъ посѣтителей... потому что не слушается ихъ. Вотъ благодарность! — Мистриссъ Бӭрнетъ! прервалъ капитанъ: оставьте эту бѣдную дѣвчонку... чортъ съ ней! Дайте-ка мнѣ лучше... гроггу...—Хозяйка повиновалась,

но, обиженная грубымъ заступничествомъ капитана, со злостью поднесла кулакъ подъ носъ Сузанны» и проч.

Картины изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ музыкантовъ. Переводъ съ французскаго. Подъ редакціею Михаила Чистякова. Съ 6-ю картинками.

Что значитъ *переводить подъ чужою редакціею?* Это занятіе совершенно новое въ литературѣ. Ежели словомъ *редакція* выражается здѣсь исправленіе, очистка дурного перевода — въ такомъ случаѣ было бы справедливѣе и точнѣе сказано: переводъ такого-то съ поправками такого-то. Между-тѣмъ выборъ подлинника заслуживалъ, чтобы и самъ поправщикъ непосредственно потрудился надъ его переводомъ.

О лубочныхъ картинахъ русскаго народа. Соч. И. Снегирева. Моск.

По мнѣнію г. Снегирева, всѣ лубочныя картины по содержанію своему раздѣляются на четыре вида. На однѣхъ картинкахъ представлены предметы религіозные, на другихъ нравственные, на третьихъ символико - поэтическіе, а на четвертыхъ историческіе. Эта классификація не много вводитъ насъ въ надлежащее изученіе такого явленія, которое, въ отношеніи къ характеристикѣ русскаго простого народа, очень важно. Надобно составить сводъ простонародныхъ сказаній не только русскихъ, но и иностранныхъ, особенно тѣхъ народовъ, съ которыми изстари мы были въ сношеніяхъ, чтобы опредѣлить, до какой степени фантазія нашего простонародья состоитъ въ подчиненности фантазіи чужеземной. Образцомъ разысканія въ этомъ родѣ *Современникъ* представилъ уже статью: *О Бовѣ Королевичѣ* (т. XXI, стран. 86—113.

Новыя стихотворенія Н. Языкова.

Въ XXXVI томѣ *Современника* говорено было о характерѣ и поэтическихъ совершенствахъ произведеній Н. М.

Языкова по случаю напечатанныхъ тогда особо 56 его стихотвореній. Теперь вышло новое собраніе, состоящее изъ 62 его пьесъ. Нельзя не радоваться, что послѣ долгаго молчанія опять между нами раздаются эти сладостные звуки и оживляютъ каждое сердце, чувствующее силу, прелесть и высокій смыслъ истинной поэзіи. Новое собраніе разнообразнѣе прежнихъ: оно приняло въ себя живыя, глубокія и свѣжія напечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ поэта отъ дальнихъ и долгихъ его путешествій за границею. До сихъ поръ преобладающій въ Н. М. Языковѣ характеръ былъ лирическій. Здѣсь мы встрѣчаемъ опыты его въ драматическомъ родѣ. Они ясно свидѣтельствуютъ, какъ вѣрно постигаетъ поэтъ художническія условія новаго для него рода, и какъ счастливо онъ исполняетъ ихъ. Будемъ надѣяться, что со временемъ это поприще ему понравится—и мы получимъ отъ нашего игриваго, то меланхолическаго, то страстнаго поэта глубоко-соображенныя и величественною простотой ознаменованныя драмы.

Сочиненія Константина Масальскаго. Пять частей.

Здѣсь собрано все, что въ продолженіе многихъ лѣтъ написано было авторомъ и издавалось отдѣльно или въ журналахъ. Г. Масальскій, подобно гг. Загоскину и Лажечникову, старался обработать преимущественно историческій романъ по формѣ, заимствованной у Вальтеръ - Скотта всѣми современными намъ писателями въ Европѣ. Но г. Масальскому менѣе другихъ удалось достигнуть успѣха. У него недостаетъ главнаго—поэзіи, безъ которой историческій романъ всегда похожъ на выписки изъ дѣловыхъ бумагъ и лѣтописей. Наполняя сцены своего романа дѣйствительно историческими подробностями, г. Масальской не вноситъ въ нихъ главныхъ условій жизни—вѣрности положеній, голоса страстей, твердости переходовъ, и, по различію лицъ, движущагося разговора. Оттого читатель утомляется и не дѣлитъ ничего съ присутствующими. Другія отрасли словесности, до которыхъ г. Масальской также охотно прикасался, еще менѣе удались ему. Между прочимъ онъ много написалъ стиховъ. Но къ

чему перепечатывать ихъ снова въ полномъ собраніи, если ни на одной своей пьесѣ и самъ онъ не умилялся и не отдыхалъ сердцемъ?

Вчера и сегодня. Литературный сборникъ, составленный гр. В. А. Соллогубомъ, изданный А. Смирдинымъ.

Названіе этой книги, самое ея содержаніе и цѣль изданія напомнили намъ прекратившійся нынѣ сборникъ, который съ 1841 года нѣсколько времени печаталъ типографщикъ Фишеръ подъ названіемъ *Памятника искуствъ.* Тамъ прибавлялось литературное отдѣленіе, которое называлось; *Старина и новизна.* Въ немъ печатались статейки, изъ новыхъ и изъ давнихъ временъ, попадавшіяся подъ руку издателю. Конечно лучше когда-нибудь и даже какъ-нибудь напечатать хорошее, нежели утратить и лишить его извѣстности въ публикѣ. Въ новой книжкѣ, по литературному достоинству, первое мѣсто занимаетъ разсказъ въ стихахъ В. А. Жуковскаго, называющійся: *Капитанъ Боппъ.* Какъ матерьялъ для исторіи литературы русской, очень важна статья: *Гаврила Петровичъ Каменевъ.* Это письма автора *Громвала*, хранившіяся у одного изъ друзей его и заключающія между прочимъ разсказъ о знакомствѣ Каменева съ Карамзинымъ въ 1800 г.

Реэстръ русскимъ книгамъ, географическимъ атласамъ, картамъ и планамъ, продающимся у почетнаго гражданина Ильи Глазунова, и проч.

Послѣ *Росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ Библіотеки Александра Смирдина, систематическимъ порядкомъ расположенной*, вышедшей въ 1828 году, не было у насъ хорошаго пособія по части библіографіи. Это важный недостатокъ въ литературѣ. Изданіе Смирдина, составленное покойнымъ Анастасевичемъ представляетъ чистую копію книжныхъ каталоговъ французскаго библіомана Брюнэ. По этой системѣ роспись раздѣляется на три части: въ первой алфавитный указатель сочинителей, которыхъ книги вошли въ реэстръ; во второй самыя книги, располо-

женныя по родамъ сочиненій, а въ третьей онѣ же, но по алфавиту. Такимъ образомъ невозможно здѣсь не найти того, что нужно. Такъ какъ русская библіотека Смирдина была полнѣйшею изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, то и роспись его была лучшимъ руководствомъ для библіографическихъ разысканій. Реестръ Глазунова содержитъ одну послѣднюю часть по системѣ Брюнэ. При томъ же въ немъ только 6,951 названіе, тогда какъ у Смирдина, съ двумя его прибавленіями, было 20,036 названій. Мы очень сожалѣемъ, что никто изъ нынѣшнихъ книгопродавцевъ не воспользуется всѣми предшествовавшими пособіями по части библіографіи и не издастъ новаго каталога по системѣ Брюнэ. Въ этомъ вопіющая нужда самой торговли книгами.

Зюлейка, повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Варвары Лизо...бъ.

Это стихотвореніе навѣяно на душу сочинительницы чтеніемъ прекрасныхъ произведеній въ томъ же родѣ, въ которомъ и она рѣшилась испытать силы таланта своего. Явленіе самое естественное и повторяющееся не въ одной русской литературѣ, но и повсюду, гдѣ только читаютъ и пишутъ. Ничего нельзя сказать въ осужденіе сочинительницы. Она робко, но довольно вѣрно передала намъ отголоски того, что такъ сладостно звучало въ ея душѣ. Теперь для нея одно важно: поэзію надобно полюбить какъ сокровище души. Внимательнымъ изученіемъ совершенствъ ея надобно дойти до убѣжденія, достанетъ ли у сочинительницы силы посвятить поэзіи цѣлую жизнь. Самолюбіе, наклонность къ литературному развлеченію, угодничество модѣ и прочія мелочныя соображенія не станутъ ли дѣйствовать на душу, когда ей предназначено будетъ дѣйствовать только въ мірѣ поэзіи, т. е. высокости, чистоты, истины и граціи?

Сказка о царевичѣ Емельянѣ Емельяновичѣ, сынѣ Емелюшки. Въ стихахъ. Сочиненіе штабсъ-капитана Телегина.

Вѣроятно, и этимъ произведеніемъ наша литература обязана тому, что авторъ любитъ читать народныя сказки. Жаль только,

что онъ отступилъ во всемъ отъ образцовъ своихъ. Онъ придалъ героямъ и картинамъ своимъ ошибочныя краски, неестественный языкъ, чѣмъ и отнялъ всякое достоинство отъ своего труда.

Сочиненія штабсъ-капитана Телегина, или отрывки изъ моего журнала. Двѣ части.

Привычка вести журналъ самая похвальная. Это вѣрнѣйшій способъ ежедневно совершенствоваться во всемъ. Но сочинитель разсматриваемыхъ нами отрывковъ не строгъ въ выборѣ предметовъ для своего журнала. Онъ наполняетъ его не столько поучительными фактами, какъ слабыми опытами пера своего. Такого рода собраніе хорошо только для того, чтобы болѣе и болѣе убѣждаться въ необходимости отложить подалѣе перо и приняться за что-нибудь другое.

Избранныя мѣста изъ поэмъ: Владиміръ Великій, соч. Стагнеліуса, и Фритіофъ-сага, соч. Тегнера. Съ шведскаго И. Ш—ій.

Надобно думать, что здѣсь представлены только опыты изученія шведскаго языка. Иначе трудно понять, для чего напечатаны отрывки, и притомъ изъ поэтовъ, такъ разительно отстоящихъ одинъ отъ другого. Во всякомъ случаѣ мы остаемся при томъ мнѣніи, что переводъ въ прозѣ стихотворенія, исполненнаго истинной поэзіи, не вводитъ читателя въ точное уразумѣніе красотъ подлинника. *Фритіофъ* весь переведенъ на русскій языкъ прекрасными стихами. Новому переводчику надобно было представить эту поэму еще въ лучшихъ стихахъ (если онъ въ силахъ), или заняться однимъ Стагнеліусомъ, чтобы въ его трудѣ была по крайней мѣрѣ новость содержанія. Если показалось ему, что Гротъ, переводя *Фритіофа*, жертвовалъ оборотамъ русскихъ стиховъ точностію или силою подлинника; то онъ вѣроятно недостаточно сравнивалъ шведскіе стихи съ переводомъ предшественника своего, который точнѣе и выразительнѣе его передалъ намъ блестящія красоты Тегнера. Мы приведемъ хоть нѣсколько стиховъ

Грота, равно какъ и прозу новаго перевода въ тѣхъ же мѣстахъ, чтобы читатели сами почувствовали истину словъ нашихъ.

«Что мнѣ Сѣверъ? Что мнѣ народъ, который содрагается и блѣднѣетъ при одномъ словѣ жрецовъ своихъ, который жаждетъ схватить нечестивыми руками святилище моего сердца, цвѣтъ бытія моего? Клянусь самою Фреею, онъ не успѣетъ въ томъ. Одинъ презрѣнный рабъ прикованъ къ глыбѣ той земли, на которой родился онъ; а я — хочу быть свободнымъ, какъ вѣтеръ горъ. Горсть земли съ могильнаго холма отца моего и съ кургана Белы можетъ помѣститься на палубѣ; вотъ все, что намъ дорого въ нашей родинѣ. Любезная Ингеборгъ! есть другое солнце, кромѣ того, которое блѣднѣетъ надъ снѣжными горами Швеціи; есть небо прекраснѣе здѣшняго; есть другія звѣзды, взирающія въ священномъ мерцаніи на вѣрную чету въ лавровыхъ рощахъ, при сумракѣ благоговѣйной лѣтней ночи. Торстенъ Викенсонъ, отецъ мой, странствовалъ далеко. Часто, при блескѣ огня, пылавшаго на очагѣ въ долгіе осенніе вечера, онъ мнѣ расказывалъ о моряхъ Греціи, объ островахъ и рощахъ зеленѣющихъ на кристальной поверхности моря. Тамъ нѣкогда обиталъ народъ могущественный, великіе боги его жили въ мра-

«Что Сѣверъ мнѣ? Что для меня народъ,
Блѣднѣющій при голосѣ жрецовъ
И дерзко посягающій на право
Владѣть святыней сердца моего?
Клянуся Фреей, не успѣютъ въ томъ.
Презрѣнный рабъ къ клочку земли прикованъ,
Гдѣ родился; а я хочу быть воленъ,
Какъ горный вѣтръ. Двѣ горсти праха съ холмовъ
И Торстена и Бела умѣстятся
На кораблѣ: вотъ все, что мы отсюда
Возьмемъ съ собой; иного намъ не нужно.
Не правда ль, другъ мой, тускло блещетъ солнце
Надъ снѣговыми нашими горами?
Но есть другое небо, есть края,
Гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ лѣтней ночью звѣзды
Божественно-сіяющія смотрятъ
На встрѣчу любящихъ въ лавровой рощѣ.
Отецъ мой Торстенъ плавалъ далеко,
Нося войну: зимою въ долгій вечеръ
Онъ предъ огнемъ разсказывалъ мнѣ часто
О морѣ Греческомъ, объ островахъ
И рощахъ посреди прозрачныхъ водъ.
Тамъ сильное цвѣло когда-то племя
И жили боги въ мраморныхъ божницахъ;
Но ужъ давно покинуты тѣ храмы;
Травой покрылися вкругъ нихъ тропинки;
Печальный мохъ растетъ на письменахъ,
Вѣщающихъ о славѣ древнихъ лѣтъ,
И величаво-стройные столпы
Обвиты пышной зеленью Полудня.
Въ краю томъ жатва всходитъ безъ посѣва,
Земля все нужное сама рождаетъ;
Деревья носятъ яблоки златыя,
И лозы гнетъ пурпурный виноградъ,
Роскошно-круглый какъ твои уста.
Тамъ на волнахъ свой Сѣверъ мы устроимъ;
Пріютнѣй, краше здѣшняго онъ будетъ.

морныхъ храмахъ. Теперь храмы сіи оставлены; пустынная дорога къ нимъ заросла травою — и мохъ поросъ на чертахъ, вѣщающихъ о мудрости временъ протекшихъ; тамъ зеленѣютъ тонкія пальмы, обвитыя лозами роскошнаго юга; тамъ земля сама приноситъ смертному все необходимое; тамъ межъ листовъ рдѣютъ золотыя яблоки, на каждой вѣтви виситъ румяный виноградъ и зрѣетъ роскошно какъ уста твои. Тамъ, Ингеборгъ, на волнахъ, мы составимъ свой Сѣверъ, прекраснѣе здѣшняго; вѣрною любовію населимъ опустѣлые своды храмовъ и земнымъ счастіемъ восхитимъ забытыхъ боговъ. Мореходецъ, съ покойными парусами, ибо бури не бываетъ тамъ, пронесется мимо нашего острова, весело посмотритъ съ румяныхъ волнъ на зеленѣющій берегъ — и на прагѣ храма увидитъ новую Фрею. Онъ станетъ плѣняться золотыми ея локонами, развѣвающимися вѣтромъ, станетъ удивляться голубымъ очамъ ея, яснымъ какъ южное небо».

Тамъ капища пустыя мы наполнимъ
Своей любовію; боговъ забытыхъ
Возвеселимъ блаженствомъ человѣка.
Когда жъ пловецъ, вѣтрила опустивъ
(Тотъ край не знаетъ бурь), пройдетъ случайно
Предъ островкомъ, порой зари вечерней,
И ясный взоръ съ румяныхъ водъ подыметъ
На берегъ нашъ — вдругъ на порогѣ храма
Онъ новую увидитъ Фрею (тамъ
Богиню Афродитою зовутъ);
И будетъ онъ дивиться золотымъ
Ея кудрямъ, раскинутымъ по вѣтру,
Ея очамъ, какъ небо Юга свѣтлымъ».

Въ стихахъ несравненно болѣе не только поэзіи подлинника, но и сжатости, выразительности и даже ясности [1]).

[1]) Далѣе Плетневъ приводитъ такимъ же образомъ еще одинъ отрывокъ изъ той же пѣсни, который считаю излишнимъ перепечатывать.

Не любо не слушай, лгать не мѣшай. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинками. Двѣ части.

Фантастическія сказки тогда только достойны вниманія, когда ими вѣрно выражается сфера воображенія, характеръ его дѣятельности и эстетическое чувство народа или поэта; когда сверхъ того онѣ видимо носятъ на себѣ особенности того языка, который какъ колоритъ, указываетъ произведенію надлежащее мѣсто въ ряду прочихъ. Ничего нѣтъ подобнаго въ сказкахъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго. Это пустое многорѣчіе не только безъ поэзіи, но и безъ цѣли.

Омирова Ватрахоміомахія, или война лягушекъ и мышей, переложенная въ стихи штабсъ-капитаномъ Телегинымъ.

Если бы мы не замѣтили, что нынѣшній переводъ *Ватрахоміомахіи* ни что иное, какъ забава, шутка; то естественно были бы мы обязаны войти хотя въ нѣкоторое изслѣдованіе, правъ ли переводчикъ, рѣшительно приписывая это сочиненіе Гомеру, и нѣтъ ли еще основательныхъ причинъ сомнѣваться въ существованіи Гомера, какъ творца поэмъ, его именемъ украшающихся. Но переводчикъ съ первыхъ стиховъ своихъ принялъ такой тонъ, что можно о переводѣ его и совсѣмъ не говорить какъ о явленіи, возбуждающемъ литературныя изслѣдованія.

Нравоученія въ лицахъ. Бабушкины сказки, составленныя Аббатомъ Савиньи, Леономъ Гериномъ, Ортеромъ Фурнье, Л. Мишелланомъ, Августомъ Овіалемъ и г-жею Евгеніей Фоа, съ сорока литографированными картинками. Переводъ съ французскаго. Изданіе В. Логинова.

Нравоученія, представляемыя въ лицахъ, предполагаютъ, что читатели встрѣчаютъ уже, или по крайней мѣрѣ должны встрѣтить образцы, послужившіе подлинниками для картинъ, составленныхъ въ ихъ назиданіе. Въ такомъ отношеніи къ Бабушкинымъ сказкамъ и состоятъ дѣти, воспитываемыя во Франціи, гдѣ

сочинители нравоученій въ лицахъ, нашли для нихъ столько поучительныхъ образцовъ посреди тамошняго общества. Но каково будетъ изумленіе дѣтей, которыя воспитывается въ Россіи, когда имъ придется искать въ нашемъ обществѣ примѣненія всего, что заставятъ прочитать ихъ въ этой книгѣ и запомнить изъ нея?

Лафатеръ и Галль. Сочиненіе С. Куторги.

Есть имена, которыхъ рѣдко не зналъ бы кто. Въ этомъ числѣ надобно помѣстить Лафатера и Галля. Но самая извѣстность часто мѣшаетъ обстоятельнѣе изслѣдовать, какою дѣятельностію такіе люди достигли до того, что всѣ о нихъ знаютъ. Профессоръ С. Куторга принялъ на себя трудъ изложить главнѣйшія черты ученой жизни Лафатера и Галля. Онъ умѣлъ въ сочиненіи своемъ соединить воззрѣніе ученое съ изложеніемъ общепонятнымъ. Прочитавъ его, каждый будетъ въ состояніи судить, въ какой мѣрѣ правдоподобны предположенія обоихъ естествоиспытателей и какую пользу пріобрѣла наука отъ распространенія ихъ мнѣній. «Лафатеръ», говоритъ авторъ, «надѣленъ былъ отъ природы рѣдкимъ даромъ наблюденія, остротою ума и чрезмѣрно живымъ воображеніемъ; но онъ вовсе не зналъ ни анатоміи, ни физіологіи человѣка, а потому судилъ о физіономіяхъ по одной наглядкѣ, не отдавая себѣ никакого отчета, или, какъ обыкновенно говорятъ, инстинктивно. Все, что онъ ни говорилъ, все, что ни писалъ, было безотчетно, безъ систематическаго выраженія его индивидуальности, его собственнаго темнаго чувства». Между тѣмъ сочинитель не вполнѣ отнимаетъ у него истину представленій, замѣчая, что «значенія, которыя Лафатеръ приписываетъ различнымъ частямъ лица, вообще справедливы». О Галлѣ г. Куторга говоритъ, что «ученіе его принесло человѣчеству большую пользу. Оно глубоко заронило мысль, что мозгъ есть матерьяльный органъ процесса нашего мышленія; что таланты свои приносимъ мы въ міръ вмѣстѣ съ зачатіемъ и рожденіемъ нашимъ, и что отъ насъ и отъ общества, въ которомъ мы живемъ, зависитъ только — дать ли этимъ природнымъ талантамъ

матерьялъ для упражненія, или нѣтъ». По нашему мнѣнію, едва ли согласны будутъ всѣ съ выводомъ, столь безусловнымъ, касательно неразрѣшимаго вопроса объ отношеніи духовныхъ силъ человѣка къ его тѣлесному составу.

Коварство. Сочиненіе М. Чернявскаго. Въ двухъ частяхъ.

Сочинитель подчинился преобладающему нынѣ стремленію въ литературѣ, которая романъ поставила основою дѣятельности своей. И онъ, какъ умѣлъ, написалъ романъ. Кто чтенія книгъ не избралъ средствомъ раздѣлываться какъ-нибудь съ докучливымъ временемъ, тотъ безъ сомнѣнія не станетъ читать *Коварства*, потому что этотъ романъ такъ же лишенъ художнической истины и всякаго литературнаго достоинства, какъ и прочіе романы безвкусной *неистовой школы*. Но, судя по тому, что для кого же нибудь сочиняются безпрестанно и безпрестанно переводятся такія книги, мы увѣрены что и *Коварство* найдетъ своихъ *по-читателей*.

Башня Веселуха, или Смоленскъ и жители его шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сочиненіе смоленскаго старожила Ѳ. ф. Э.

Достоинство этого романа заключается въ описаніи нравовъ, которое хорошо ведено, и въ занимательности происшествія, правдоподобно выдуманнаго. И то равнымъ образомъ должно признать достоинствомъ, что сочинитель не вдался въ изображеніе безвкусныхъ сценъ и дикихъ характеровъ, чѣмъ любятъ щеголять модные нынѣшніе романисты, особенно французы.

Три сказки и одна побасёнка, пересказанныя Михайломъ Максимовичемъ.

Названія повѣстей слѣдующія: I. Марко Богатый, II. Снѣгурка, III. Веселыя Злыдни и IV. Мужикъ и Смерть. Это полуаллегорическіе, полуфантастическіе нравоучительные разсказы, очень полезные для чтенія простого народа. Въ нихъ и содержаніе и языкъ хорошо примѣнены къ понятіямъ низшаго класса

читателей. У автора есть талантъ рисовать положенія и характеры вѣрными красками.

Евгенія, или избалованное дитя. Повѣсть для дѣтей.

Надобно сожалѣть, что за сочиненіе повѣстей для дѣтей принимаются люди безъ дарованій не только къ этому роду разсказовъ, но и вообще къ литературѣ. Въ книгахъ, назначаемыхъ для дѣтей, необходимы художественныя красоты, какъ и въ книгахъ для взрослыхъ. Чѣмъ можетъ быть увлеченъ или занятъ умъ дитяти въ *Евгеніи*, разсказѣ неодушевленномъ и тянущемся? А въ дополненіе къ этому въ немъ попадаются безпрестанно и ошибки противъ языка.

Образцовый письмовникъ, или хрестоматія писемъ содержащая въ себѣ письма на разные случаи жизни общественной. Въ трехъ отдѣленіяхъ, съ присовокупленіемъ формы необходимыхъ и судебныхъ коммерческихъ письменныхъ сношеній.

Вмѣсто того, чтобы издавать письма, гораздо полезнѣе и согласнѣе съ современными объ этомъ предметѣ понятіями было бы напечатать общія замѣчанія о тонѣ писемъ и приложить формы, какъ въ нихъ, смотря по лицамъ и разнымъ отличіямъ ихъ, правильно составляется начало или обращеніе, окончаніе и надпись. Это по крайней мѣрѣ примѣнимо и всѣми принято въ извѣстныхъ образцахъ. Но кто же вздумаетъ изъ чужого письма что-нибудь заимствовать для своего? Ужели издатель не вѣритъ еще, что *Кургановскія* времена прошли давно?

О существѣ, характерѣ и необходимости религіи. Сочиненіе доктора философіи Вольфа. Переводъ съ нѣмецкаго, Моисея Лихтенштейна.

Не часто библіографу представляется случай говорить о переводахъ книгъ столь высокаго достоинства, какъ сочиненіе Вольфа. Лѣтописи современной литературы наполняются титулами французскихъ романовъ, которые не только выходятъ отдѣльно,

но и вставляются въ журналы, захватывая въ нихъ и ученое отдѣленіе, и литературное, и хозяйственное, и отдѣленіе смѣси, и приклеиваясь даже на затылкѣ парижскихъ модъ. Итакъ нельзя не благодарить г. Лихтенштейна во-первыхъ за выборъ труда, во-вторыхъ за исполненіе. Въ мысляхъ автора есть убѣжденіе сердечное, которое проникаетъ и въ душу читателя. Такія книги составляютъ сокровище для ума, который ищетъ успокоенія.

Отелло, Венеціанскій Мавръ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шекспира. Перевелъ съ англійскаго В. Лазаревскій.

Трудно перевести равносильно и обыкновенное стихотвореніе. Мысль, ея форма и краски разрушаются на другомъ языкѣ. Если же, при большомъ усиліи, и удается переводчику перенести ихъ, то исчезаетъ блескъ жизни — величайшее совершенство въ каждомъ произведеніи изящнаго искуства. Какимъ же надобно обладать талантомъ, чтобы достойнымъ образомъ усвоить другому языку твореніе Шекспира, у котораго нѣтъ сцены, нѣтъ монолога, нѣтъ слова безъ прелести жизни со всѣмъ ея движеніемъ и игрою! Новый переводъ *Отелло* представляетъ какъ бы словесный разсказъ мимическаго и вмѣстѣ музыкальнаго изображенія страстей. Можно все понять, упомнить и даже представить; но какъ вы почувствуете въ сердце то, чѣмъ оно волнуется отъ дѣйствительной поэзіи Шекспира?

1846 [1]).

Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть первая.

Передъ предисловіемъ къ своей книгѣ сочинитель сказалъ: «Посвящаю доброй женѣ моей, милымъ дѣтямъ моимъ и друзьямъ» Въ предисловіи же между прочимъ онъ говоритъ: «Талантъ безъ

[1]) *Современникъ*, т. XLI, стр. 134 — 140, 146, 267, 272—274; 384, 396; XLII, стр. 94—105, 211—229, 349, 361—364; XLIII, 121—127, 230—244, 344—347; XLIV, 94—114, 207—213, 325—350.

сердца — машина!» И далѣе: «Итакъ, почтенные мои читатели, вѣрьте мнѣ, что все сказанное въ моихъ воспоминаніяхъ сущая истина. Никто еще не уличилъ меня во лжи, и я ненавижу ложь, какъ чуму, а лжецовъ избѣгаю, какъ зачумленныхъ». Въ другомъ мѣстѣ: «Предварительно скажу, что я никогда не хвасталъ ничьею дружбой и никакими связями, никогда этимъ не гордился и не буду хвастать и гордиться. Никогда въ жизни я ничего не искалъ, никому и никогда не навязывался, не обивалъ ничьихъ пороговъ, и не задыхался въ атмосферѣ переднихъ». Еще тамъ же говорится: «Много испыталъ я горя, и только подъ моимъ семейнымъ кровомъ находилъ истинную радость и счастіе, и наконецъ дожилъ до того, что могу сказать въ глаза зависти и литературной враждѣ, что всѣ грамотные люди въ Россіи знаютъ о моемъ существованіи. Много сказано (испугавшись прибавляетъ сочинитель)—но это сущая правда». Отрывки, приведенные здѣсь, достаточно свидѣтельствуютъ, въ какой степени сочинитель пристрастенъ къ уклоненіямъ отъ главнаго предмета. Конечно, эта словоохотливость есть также какъ бы характеристическая черта его (если не воспоминаніе, то родъ предчувствія); но она чувствительно вредитъ достоинству книги, заставляя читателя думать, что можетъ-быть и занимательнѣйшіе изъ разсказовъ вошли въ нее по неодолимой наклонности сочинителя къ говорливости. Ежели закрадется въ сердце читателя подобное предубѣжденіе, то цѣна книги значительно понизится въ его понятіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ не доставится публикѣ и той пользы, которая безъ сомнѣнія была первымъ побужденіемъ сочинителя къ изданію новаго труда его. Выборъ содержанія и современенъ и счастливъ. Что занимательнѣе *Записокъ* человѣка, который самъ говоритъ о себѣ: «Почти двадцать пять лѣтъ сряду я прожилъ, такъ сказать, всенародно, говоря съ публикою ежедневно о всемъ близкомъ ей; десять лѣтъ, безъ малаго, не сходилъ съ коня, въ битвахъ и бивачномъ дыму, пройдя, съ оружіемъ въ рукахъ, всю Европу, отъ Торнео до Лиссабона, проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ, въ тридцать градусовъ стужи или

зноя, и отдыхая въ палатахъ вельможъ, въ домахъ гражданъ и въ убогихъ хижинахъ; жилъ въ чудную эпоху, видѣлъ вблизи героевъ, зналъ много людей необыкновенныхъ, присматривался къ кипѣнію различныхъ страстей — и, кажется, узналъ людей». *Записки* такого человѣка, котораго выше не выдумаешь и въ повѣствованіи про сказочнаго Наполеона, должны найти читателей повсюду. Кромѣ вышеозначенныхъ совершенствъ, мы ничего не нашли новаго въ книгѣ какъ явленіи художественномъ и даже какъ явленіи литературномъ.

Историческій очеркъ Сербскаго государства до конца XV столѣтія. С. Палаузова.

Спеціальный историческій трудъ г. Палаузова, въ наше время, достоинъ особеннаго вниманія. Мы живемъ въ эпоху разработки историческаго значенія каждаго изъ славянскихъ племенъ. Въ книгѣ, разсматриваемой нами, изложена, правда коротко, но занимательно исторія Сербскаго народа. Онъ между Славянами занимаетъ очень примѣчательное мѣсто и политически и по отношенію къ славянской литературѣ. Мы увѣрены, что сочинитель, посвятившій труды свои столь важной отрасли всеобщей исторіи, не ограничится только этою книгою и представитъ намъ разысканія свои касательно прочихъ славянскихъ народовъ.

Римъ и Италія, среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ историческомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Соч. князя А. Волконскаго, члена Римской Аркадской Академіи. Въ 2-хъ частяхъ.

Этою книгой литература наша соприкасается къ литературѣ западной Европы. Изслѣдованія автора могутъ привлечь къ его труду вниманіе ученыхъ каждой націи. Онъ избралъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ европейской любознательности. Посвятивъ нѣсколько лѣтъ изученію источниковъ, на которыхъ должно быть утверждено всякое историческое изслѣдованіе, сочинитель представилъ намъ книгу—не компиляцію, а плодъ осно-

вательныхъ собственныхъ его занятій. Сколько занимательности въ этомъ сочиненіи! Оно непосредственно принадлежитъ нашему времени, потому что знакомитъ съ Римомъ христіанскимъ. Цѣнность достоинства содержанія возвышается еще талантомъ, который художническими совершенствами, красками и слогомъ сообщаетъ сочиненію особенную прелесть. Вотъ чтеніе, которымъ должны заняться люди, ищущіе въ книгахъ пищи, благотворной для ихъ умственныхъ силъ и потребностей дѣятельнаго духа.

Петербургскія вершины, описанныя Я. Бутковымъ. Книга первая.

Жаль, что въ этой книжкѣ осталась ошибочка въ заглавіи. Слово *вершина* нейдетъ ни къ городу, ни къ дому, а употребляется только, когда идетъ рѣчь о деревьяхъ и другихъ остроконечныхъ предметахъ. Въ сочинителѣ книги виденъ талантъ нравоописателя. Онъ умѣетъ схватывать дѣйствительныя, характеристическія черты избираемыхъ имъ предметовъ. Еще занимательнѣе сдѣлаются разсказы его, если онъ *неподвижную* описательную прозу оживитъ событіями и тѣмъ сообщитъ болѣе разнообразія и выразительности своимъ литературнымъ картинамъ.

Воля за гробомъ. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. Ипполита Александрова. — Новая школа мужей. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. Соч. Р. Зотова.

Драма возбуждаетъ смѣхъ, а отъ комедіи навертываются слезы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не смѣяться, когда дѣйствіе противорѣчитъ естественному смыслу; и какъ не плакать, когда благонамѣренность поступковъ не производитъ никакого нравственнаго впечатлѣнія и даже отталкиваетъ отъ хорошаго?

Букеты, или Петербургское цвѣтобѣсіе. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Соч. гр. В. А. Соллогуба.

Въ шуткѣ гр. Соллогуба мы нашли болѣе сценической красоты, нежели въ драмѣ и комедіи гг. Александрова и Зотова,

сложенныхъ вмѣстѣ. Отъ *Букетовъ* чувствуешь запахъ таланта и вкуса. Тутъ есть веселость и игра ума. Тутъ есть знаніе людей и нравовъ эпохи. Мы не противорѣчимъ общему приговору, что безъ Гоголя вѣроятно *Букеты* поднесены бы были публикѣ въ иномъ видѣ, съ другими фразами, и даже при другихъ шуткахъ; но и теперь все же не безъ достоинства они, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что напоминаютъ собою справедливо любимую нынѣ школу.

Карманная библіотека. Графъ Монте-Кристо, романъ Александра Дюма. Полный переводъ В. Строева. Часть первая, вторая и третья. — Карманная биліотека. Три мушкатера. Романъ Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Часть I.

Не неудачно попался издателямъ эпитетъ къ библіотекѣ: *карманная*. Дѣйствительно, у нея нѣтъ другого стремленія, какъ въ карманы покупщиковъ. Посмотрите, съ какою поспѣшностію литературные ремесленники переводятъ каждый вновь появляющійся въ Парижѣ романъ. Они *переводятъ*, принимая это слово въ обоихъ его значеніяхъ. Между тѣмъ у издателей вѣрно есть для этихъ переводовъ и особые значки, совсѣмъ непонятные публикѣ. Въ одномъ мѣстѣ говорится: *полный* переводъ такого-то. Въ другомъ *просто:* переводъ. Кому любопытны подобные оттѣнки? Ежели находятся читатели для такихъ подрядныхъ переводовъ; то имъ все равно, какъ и кто бы ни переводилъ.

Графъ Монте-Кристо. Романъ Александра Дюма. Выпускъ 1, 2 и 3. — Экономическая библіотека. Три мушкатера. Романъ Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Часть первая.

Вмѣсто *карманной* вотъ и *экономическая* библіотека. Это названіе менѣе удачно, потому что изыскапно и темно. Можно подумать, что тутъ собраны статьи изъ извѣстнаго *Эконома*. Но такъ какъ содержаніе библіотекъ *карманной* и *экономической* одно и тоже; такъ какъ въ ихъ стремленіи разности не видно — а ужъ о литературныхъ здѣсь совершенствахъ и говорить нѣтъ

надобности: то ясно, что для читателей все равно — за ту, или за другую платя — брать изъ *кармана* деньги. Итакъ всѣ эти предпріятія чисто-карманныя, а не экономическія.

Повѣсть. Сочиненіе Ал. Пл.

Это *оригинальное* сочиненіе доказываетъ, съ какою пользою дамы наши такъ внимательно читаютъ повѣсти и романы современныхъ французскихъ писателей и писательницъ. Въ розовомъ воображеніи прекраснаго пола только и мелькаютъ теперь герои въ родѣ «Солнцева (героя повѣсти)». Не ищите тутъ описанія господствующихъ понятій, привычекъ, нравовъ и дѣйствительныхъ страстей. Такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ въ подлинныхъ сочиненіяхъ, то откуда же это явится въ подражаніяхъ?

Невскій альманахъ на 1846 годъ.

«Половина, выручаемой продажею этой книжки, суммы—обращается въ пользу воспитанниковъ Николаевской школы, при домѣ Призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С.-Петербургѣ; другая половина составитъ пособіе одному обѣднѣвшему семейству». Вотъ что между прочимъ сказано на оберткѣ книжки. Она, по этому обстоятельству, не подлежитъ обыкновенной критикѣ. Но если бы кому вздумалось и разбирать ее, даже строго; то издатель равнодушно долженъ принять всякое покушеніе на честь изданія, за двадцать лѣтъ тому назадъ воспѣтаго Пушкинымъ въ извѣстныхъ стихахъ, исполненныхъ граціи и остроумія — тѣмъ болѣе, что, и при перемѣнѣ именъ участниковъ въ *Невскомъ альманахѣ*, о немъ опять можно сказать съ поэтомъ:

«Примите Невскій альманахъ;
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ.
Вы тутъ найдете Полевого,
Василья Пушкина, ...кова,

К..., дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра? дымъ и прахъ!
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ».

Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Нѣкоторыя статьи иллюстрированы. В. Г. Бѣлинскій, Ѳ. М. Достоевскій, Искандеръ (псевдонимъ), А. И. Кронебергъ, А. И. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, кн. В. Ѳ. Одоевскій, И. И. Панаевъ, гр. В. А. Соллогубъ, И. С. Тургеневъ.

Характеръ этой книги нисколько не составляетъ уже новости въ Россіи. Со временъ *Полярной Звѣзды* и *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* до *Новоселья*, *Русской Бесѣды* и *Утренней Зари* довольно являлось у насъ сборниковъ. Да и журналы наши (исключая спеціальные и оффиціальные) такіе же сборники, какъ и *Петербургскій* Въ этихъ изданіяхъ не найдешь единства мысли, не отыщешь цѣли. Сборникъ, въ видѣ журнала, по крайней мѣрѣ вводитъ насъ въ опредѣленную эпоху, и для историка останется однимъ изъ указателей тогдашней литературной дѣятельности. Но сборникъ, выходящій въ неопредѣленное время, случайно, не относящійся къ одному роду знаній, есть явленіе въ родѣ дефекта какого-нибудь журнала, безъ первыхъ и послѣдующихъ его книжекъ. Но такъ какъ много читателей, для которыхъ начало и конецъ изданія не составляютъ необходимой его принадлежности: то и *Петербургскій Сборникъ* можно радушно привѣтствовать, тѣмъ болѣе что, по выписаннымъ уже нами именамъ участниковъ въ немъ, видно, какъ онъ долженъ быть занимателенъ. Читатели *Современника*, въ разное время, при разныхъ обстоятельствахъ, хорошо ознакомлены съ талантами, духомъ, слогомъ и

прочими литературными особенностями почти всѣхъ лицъ, названныхъ въ заглавіи. Одно между ними является въ печати въ первый разъ: это Ѳ. М. Достоевскій. Его статья называется: *Бѣдные люди, романъ.* Она занимаетъ 166 страницъ — очень значительную часть всей книги. Въ этомъ романѣ два элемента поэзіи: серьезный и комическій. Первый гораздо болѣе второго носитъ на себѣ той художнической истины, которая такъ высоко цѣнится въ произведеніяхъ таланта. Комическое же здѣсь какъ-то изысканно и составляетъ замѣтное подражаніе тону, краскамъ и даже языку Гоголя и Квитки. Мѣста, гдѣ авторъ говоритъ серьезно, восхитительны, наприм. «Описаніе осенняго вечера и озера» на стр. 121—124. Намъ особенно понравились, какъ чисто-романическое, «Записки бѣдной дѣвушки», разсказывающей сперва о своемъ дѣтствѣ, и послѣ о первой любви своей (отъ 24 стран. до 58). Авторъ такъ хорошо постигнулъ свой предметъ, создалъ столь независимо положенія и характеры лицъ, выраженіямъ ихъ сообщилъ такую вѣрность, естественность и оригинальность, наконецъ разсказъ свой велъ съ такимъ мастерскимъ искуствомъ, усиливая интересъ и кончивъ его самымъ трогательнымъ образомъ, что никто не усомнится въ его неподдѣльномъ, прекрасномъ талантѣ. Другія части этого же романа не произвели на насъ столь пріятнаго дѣйствія. Намъ даже показалось, когда мы проходили длинный рядъ этихъ шуточныхъ сценъ, картинъ и прочихъ украшеній, этихъ каррикатуръ, не безъ претензіи на характеръ трогательнаго, намъ показалось, что г. Достоевскій все это вызвалъ къ жизни усиленно, теоретически, безъ сердечнаго раздѣленія описанныхъ ощущеній.

Юмористическіе разсказы нашего времени, издаваемые Абракадаброю. Съ политипажами.

Это три главы одного разсказа, названнаго сочинителемъ: «Занимательныя похожденія помощника столоначальника Феклиста Парамоновича Вертихвостова». Первая глава содержитъ разсказъ: «Вотъ тебѣ и Марья Петровна»; вторая: «Счастье отъ со-

бачки»; третья: «Коммиссіонеръ частныхъ порученій». Можно съ удовольствіемъ прочитать всѣ эти разсказы, кто любитъ тонъ новѣйшей школы нашей въ литературѣ, потому-что они написаны пріятнымъ и правильнымъ языкомъ, не лишены занимательности вымысла, и даже проведено по нимъ нѣсколько красокъ. Мы только жалѣемъ, что страсть къ подражанію наводитъ однообразіе на литературу нашу и — вмѣсто того, чтобы развертывать новые таланты — сжимаетъ ихъ въ толпѣ уже многочисленной.

Новый Емеля, или превращенія. А. Вельтмана. Въ четырехъ частяхъ.

Г. Вельтманъ — по-преимуществу русскій романистъ. Болѣе другихъ писателей онъ знакомъ съ народнымъ языкомъ, съ поговорками и нравами простаго народа. Всѣмъ этимъ онъ умѣетъ пользоваться для составленія сценъ живыхъ и вѣрныхъ. Одно препятствуетъ полному успѣху романовъ г. Вельтмана: они безъ общей занимательности въ цѣломъ. Это жизнь неровная, взятая отрывками — и потому не оставляющая въ читателѣ глубокаго впечатлѣнія. Въ соображеніи событій г. Вельтманъ позволяетъ себѣ столь невѣроятные вымыслы, что участіе, изрѣдка возбуждаемое къ дѣйствующимъ лицамъ, незамѣтно исчезаетъ.

Энеиды Виргилія пѣсни I, II и III. Посвящено О. Н. Перевелъ I. Ш.

Ежели это опытъ, предпринятый съ какою-нибудь специальною цѣлію, то безъ сомнѣнія весь трудъ и кончится на трехъ пѣсняхъ — и литература ничего не выиграетъ отъ появленія ихъ въ печати. Но ежели переводчикъ намѣренъ издавать выпусками всю поэму, въ такомъ случаѣ онъ сдѣлается предметомъ особеннаго вниманія критики. Перевести Виргилія значитъ завоевать цѣлое царство. Но можно ли перевести его достойно, не получивъ таланта, по крайней мѣрѣ близкаго къ его таланту, если ужъ не равнаго? По образцу, представленному намъ на первый

разъ, мы не ожидаемъ дѣйствительнаго завоеванія: много трудностей осталось непреодолѣнными; есть мѣста ослабленныя, ложно понятыя и даже пропущенныя безъ перевода. Съ великими писателями не позволено такъ обходиться. Ихъ надобно прежде всего изучить въ совершенствѣ. Такъ переведена у насъ Иліада Гнѣдичемъ.

Переводы Александра Струговщикова. Книга первая статей въ прозѣ.

Въ XL т. *Современника* [1]), говоря о стихотворныхъ переводахъ г. Струговщикова, мы показали достоинство литературныхъ трудовъ его и ихъ недостаки. Переводы его въ прозѣ представляютъ явленіе болѣе замѣчательное. Онъ остался у прежняго источника своихъ вдохновеній — литературы нѣмецкой. Это уже много говоритъ въ похвалу его; это значитъ, что не случайно напалъ онъ на нее, а чувствуетъ сродство между своими ощущеніями и красотами германскихъ поэтовъ. Изъ переведенныхъ имъ пьесъ въ прозѣ напечатаны четыре: 1) Признанія прекрасной души, соч. Гёте; 2) Боги, герои и Виландъ, сатира Гёте; 3) Петергофскія картины, и 4) Случай изъ жизни Гёте. Въ переводахъ счастливо удержанъ господствующій тонъ подлинниковъ — первая и важнѣйшая заслуга переводчика. Его языкъ свободенъ и разнообразенъ какъ предметы разсказа. Мысли удержаны во всей точности. Конечно проза переводится легче стиховъ. Но не хотѣлось бы намъ думать, что переводчикъ прежде пожалѣлъ труда и усилій. Полюбивъ художнически подлинникъ, и работать надъ нимъ надобно художнически, т. е. со всею страстію и стремленіемъ къ совершенству. Такъ какъ обѣ книжки г. Струговщикова отмѣчены словомъ *первая*, то мы остаемся въ увѣренности встрѣтить при *вторыхъ* плоды несомнѣнной оконченности въ его отдѣлкѣ столь счастливо избираемыхъ подлинниковъ.

---

[1]) См. выше, стр. 485.

Стихотворенія 1845 года Я. П. Полонскаго.

Въ 1844 году явились въ первый разъ стихотворные опыты поэта, нынѣ прибавившаго къ нимъ новое собраніе. Неизмѣнно держась истины, въ то время указали мы со всѣмъ безпристрастіемъ на его хорошія стороны и на то, чтó нашли ошибочнымъ [1]). Истинный талантъ, какъ сама природа, не останавливается въ своей производительности. Въ его новыхъ созданіяхъ является болѣе и разнообразія и силы. Это мы почувствовали, перечитывая новыя стихотворенія г. Полонскаго. Ихъ числомъ двадцать два. Почти всѣ они относятся къ тому роду поэзіи, который называется элегическимъ. Выражая міръ души своей, поэтъ находитъ его и въ предметахъ внѣшнихъ. Отсюда нѣкоторое однообразіе въ описаніяхъ чувствъ и картинъ природы. Есть двѣ пьесы и чисто объективныя, гдѣ мысли, ощущенія и принадлежности внѣшнія взяты изъ судьбы постороннихъ лицъ. На эти пьесы мы особенно желаемъ обратить вниманіе автора. Онѣ заставляютъ насъ думать, что талантъ его способенъ расширить область дѣятельности своей. *Взятіе Мемфиса* и преимущественно *Факиръ и ключъ* обнаруживаютъ самобытную художническую кисть. Въ составѣ языка г. Полонскаго выказывается много независимаго отъ прежнихъ въ нашей поэзіи образцовъ, чтó равнымъ образомъ говоритъ въ его пользу. Мы встрѣтили только двѣ пьесы: *Историку* и *Юноша и вѣкъ*, въ которыхъ остались недостатки его первыхъ стихотвореній, т. е. неясность идей и изысканность выраженій. Можетъ-быть, это произошло въ нихъ и отъ того, что обѣ пьесы напечатаны съ значительнымъ числомъ пропусковъ. Желая подтвердить все сказанное нами о поэтѣ, мы помѣщаемъ здѣсь одну изъ пьесъ его: *Утро*.

Вверхъ, по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ, туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ.

---

[1]) См. выше, стр. 466.

Онъ какъ дымъ уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя,
И разсѣяваясь.

Лучь зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце,
Разгораясь, блещетъ.

И сіяетъ утро,
Утро молодое.
Ты ли это, небо
Грустное, ночное!

Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ!
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ!

О, въ отвѣтъ природѣ,
Улыбнись, отвѣка
Обреченный скорби,
Геній человѣка!

Улыбнись природѣ!
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью —
Есть конецъ страданью!

Epines et Lauriers, suivis du Juif errant, de la Nonne sanglante, et de quelques essais de vers russes. Poésies par M-lle Elise d'Oulibicheff, auteur de Pensées et soucis et d'Etincelles et cendres.

«Лучшій отвѣтъ на журнальныя выходки, по нашему мнѣнію, состоитъ въ новомъ трудѣ, который бы служилъ доказательствомъ,

что авторъ пишетъ по призванію, по любви къ благородному искуству, и убѣжденъ въ своихъ началахъ, освященныхъ его дарованіемъ и размышленіемъ. Тратить плоды таланта на мелочные споры, никѣмъ не разбираемые, значитъ не уважать своего назначенія. Тѣ читатели, которыхъ сочувствіемъ и безмолвнымъ одобреніемъ заранѣе утѣшается авторъ въ минуты труда своего, не изъ журнальныхъ отзывовъ почерпаютъ свои убѣжденія. А гдѣ же, какъ не въ ихъ совокупности, и заключена публика, та, для которой подъемлется всякій трудъ ума и дарованія?» Вотъ что между прочимъ сказали мы въ *Современникѣ* [1]), разсматривая въ первый разъ собраніе сочиненій *Е. Д. Улыбышевой*, названное ею: Pensées et soucis. Это сказано было потому, что въ собраніи стихотвореній, изъ которыхъ многія обнаруживаютъ несомнѣнный талантъ автора, мы встрѣтили выписки изъ журналовъ самыхъ непоэтическихъ, изъявленія имъ благодарности, антикритику и множество статей *во вкусѣ нынѣшней полемики*. Въ новомъ собраніи то же достоинство стихотвореній и то же уклоненіе отъ прямого пути литературнаго, т. е. новыя выписки, новые отвѣты и проч. Можетъ-быть, у автора есть неизвѣстныя намъ побужденія, по которымъ онъ дѣйствуетъ такъ несогласно съ нашимъ образомъ мыслей. Не можемъ однако не желать, чтобы этотъ періодъ его полемической поэзіи кончился поскорѣе, потому что мы привыкли наслаждаться только поэзіею ароматическою.

Стихотворенія фонъ-Лизандера.

Характеръ и сфера поэзіи г. Лизандера отчасти знакомы читателямъ нашего журнала. Въ XXII, XXIII и XXV томѣ его мы помѣстили нѣсколько стихотвореній, изъ полнаго собранія которыхъ нынѣ вышла разсматриваемая нами книга. Авторъ, по силѣ чувствованій, по новости картинъ и нѣкоторой даже смѣлости идей, заслуживаетъ вниманія. Замѣтно, что его поэзія не навѣяна ему чтеніемъ другихъ поэтовъ: она возникла и воспита-

---

[1]) См. выше, стр. 444.

лась въ его собственномъ сердцѣ. Но онъ (что́ и естественно въ первый періодъ авторства) не отдѣлилъ отъ чистыхъ поэтическихъ началъ той примѣси обыкновенныхъ мыслей, которая затемняетъ блескъ истинной поэзіи. Онъ не вполнѣ дошелъ до стиха, такъ сказать, металлическаго, который не боится времени.

Мысли о воспитаніи. А. Афонасьева.

Въ основаніи главной идеи сочинителя, что «успѣхамъ нравственно-религіознаго у насъ воспитанія много вредитъ еще сохраняющееся въ школахъ пристрастіе къ высокопарнымъ разсказамъ о доблестяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ», есть сторона и справедливая. Но мы желали бы видѣть подобную идею развитою обширнѣе и глубже, а равно и самое измѣненіе ея представленнымъ въ системѣ. Образованному человѣку стыдно не знать древней исторіи: но въ то же время ему надобно чувствовать и различіе между знаніями обще-человѣческими и знаніями частно-гражданскими.

Норманскій періодъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи. Михаила Погодина. Изданы Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Труды г. Погодина по части обработыванія матеріаловъ русской исторіи представляютъ рядъ систематическихъ разысканій, основанныхъ на обширномъ изученіи всѣхъ источниковъ. Въ новомъ сочиненіи своемъ онъ предварительно разсматриваетъ мнѣнія предшественниковъ своихъ о призваніи Варяго-руссовъ Новгородцами и проходитъ норманскій періодъ исторіи нашей прагматически. Не однѣ войны и пріобрѣтенія земель разсматриваетъ онъ въ своемъ сочиненіи: онъ представляетъ картину гражданственности тогдашней Россіи, описываетъ древніе обычаи, обряды, образованность, успѣхи знаній, торговлю и введеніе христіанства. Въ подробностяхъ его объ этихъ важныхъ предметахъ много любопытнаго, даже новаго. Слогъ автора извѣстенъ: онъ

отрывистъ, сжатъ, хотя не всегда ровенъ, но постоянно согрѣтъ чувствомъ и часто поражаетъ силою.

О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ него, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. Историческое изслѣдованіе дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ И. Бѣляева, изданное на иждивеніи Общества.

Занимательный отдѣлъ отечественной исторіи, которому авторъ посвятилъ труды свои, заслуживаетъ, чтобы на него обращено было вниманіе ученыхъ не въ одинъ короткій періодъ, какъ здѣсь, но и въ продолженіе всего существованія Россіи, по крайней мѣрѣ, съ эпохи ея единодержавія. Мы впрочемъ всегда радуемся, встрѣчая изслѣдованія, обособленныя и временемъ и мѣстомъ и предметомъ. Общая исторія никакимъ образомъ не можетъ достигнуть полнаго своего развитія безъ предварительныхъ частныхъ разысканій. Въ книгѣ г. Бѣляева многое разрѣшено удовлетворительно, особенно, что касается до содержанія, состава и вооруженія войска въ описываемую имъ эпоху. Но въ тѣхъ частяхъ, которыя требовали подробностей дальнѣйшихъ, онъ оставилъ еще много мѣста для новыхъ изыскателей.

Воспоминанія о Н. И. Хмѣльницкомъ Егора Аладьина.

До комедій Хмѣльницкаго на театрѣ нашемъ не слыхивали живыхъ, игривыхъ, легкихъ стиховъ. Хмѣльницкій въ драматической поэзіи то же сдѣлалъ, что Дмитріевъ въ легкихъ стихотворныхъ родахъ. Это заслуга незабвенная. Оба названные нами поэта воспитались на французской поэзіи. Но это не отнимаетъ у нихъ достоинства, какъ у писателей обработанныхъ и привлекшихъ къ чтенію всѣ классы людей любознательныхъ. Воспоминанія г-на Аладьина о Хмѣльницкомъ представляютъ пока часть матеріала для біографіи поэта; но сама она должна быть написана и полнѣе и многостороннѣе.

Исторія русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичныя лекціи Степана Шевырева, профессора Московскаго университета. Томъ первый. Часть первая.

Въ первой части *Исторіи русской словесности* профессора Шевырева мы нашли прекрасное начало труда, многозначительнаго для науки и отечества. Въ лоно науки онъ вноситъ свѣтлыя истины, порождаемыя только дарованіемъ. Отечеству онъ указываетъ на нравственныя силы его, которыя таятся въ его внутреннемъ организмѣ и отвѣчаютъ внѣшней его колоссальности. Незыблемыя начала, принятыя профессоромъ за основаніе ученія его; логически строгая послѣдовательность въ развитіи явленій; совокупность вполнѣ изученныхъ фактовъ, осязательно свидѣтельствующихъ о справедливости каждой его мысли, какъ бы она ни показалась съ перваго раза слишкомъ новою, или даже смѣлою; слогъ, въ которомъ живо изображаются душа и сердце, проникнутыя любовію къ искуству и истинѣ; наконецъ языкъ, столь же ясный, чистый и правильный, сколько простой и всякому понятный — вотъ главнѣйшія достоинства этого сочиненія. Въ немъ не преобладаютъ теоретическія, обыкновенно произвольныя воззрѣнія; однакоже и самые разборы упоминаемыхъ сочиненій не сведены какъ необработанный матеріалъ. Мысли, предшествующія изложенію фактовъ, или выводимыя изъ нихъ, въ этомъ сочиненіи подобны органическимъ нитямъ, по которымъ природа развертываетъ разсматриваемыя нами внѣшнія части прозябенія. Элементъ историческій здѣсь преобладаетъ; но онъ прекрасно вставленъ въ философическія рамы. «Курсъ этотъ (говоритъ авторъ) преимущественно посвященъ исторіи древней русской словесности: впрочемъ послѣднія десять лекцій имѣютъ предметомъ ново-европейскій періодъ, начиная съ пѣсенъ русскаго народа, поставленныхъ на переходѣ отъ древняго къ новому». Въ напечатанной теперь книгѣ помѣщено только пять лекцій. Первая представляетъ идеи автора объ избранномъ имъ предметѣ и быстрый взглядъ на общность его чтеній. Во второй

разсматривается устный языкъ русскій въ трехъ отношеніяхъ: всемірномъ, племенномъ и домашнемъ. Третія лекція посвящена письменному русскому языку, гдѣ съ необыкновенною занимательностію авторъ говоритъ о жизни и трудахъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Въ четвертой и пятой лекціяхъ содержатся разборы древнѣйшихъ памятниковъ нашей литературы. Съ ними соединяетъ авторъ взглядъ свой на русскую жизнь, частную и общественную, на успѣхи наши въ гражданственности, на повѣрья и преданія народныя. Нѣкоторые памятники литературы обнародованы здѣсь въ первый разъ. При каждой лекціи помѣщены любопытнѣйшія выписки и замѣчанія, доказывающія, сколько пріуготовительныхъ трудовъ предпринято профессоромъ, чтобы составить эти лекціи. Авторъ вообще избралъ систему, такъ сказать, примирительную, являясь съ мнѣніями своими въ нынѣшнюю эпоху, когда у насъ одни писатели, увлекаемые ошибочнымъ патріотизмомъ, не хотятъ изучать ничего иностраннаго, а другіе, напыщенные знаніемъ не больше какъ иностранной терминологіи, презираютъ все отечественное. Прокладывая совершенно новый путь въ наукѣ, которая образуется сцѣпленіемъ умственныхъ явленій столь же многочисленныхъ, какъ и разнородныхъ, авторъ, не предаваясь безплоднымъ и произвольнымъ умозрѣніямъ, не можетъ изъ своей науки составить вдругъ одно цѣлое, однородное и въ частяхъ равномѣрное. Притомъ же и предметы его изслѣдованій такъ еще малоизвѣстны у насъ, что его указанія на нихъ часто остаются безъ впечатлѣній для многихъ читателей. Вотъ причины, отъ которыхъ можетъ произойти, что не всѣ будутъ въ состояніи отдать полную справедливость труду профессора. Но онъ не могъ же каждый разсматриваемый предметъ обнять во всѣхъ его подробностяхъ: это потребовало бы составленія не книги, а цѣлой библіотеки.

Первое Апрѣля. Комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій, анекдотовъ и пуфовъ.

Въ началѣ нынѣшняго года уже вышло что-то въ родѣ *Пер-*

ваго Апрѣля, т. е. тоже альманахъ, составленный изъ разныхъ статей въ прозѣ и стихахъ, и гдѣ нѣкоторыя статьи были иллюстрированы. Мы познакомили нашихъ читателей съ этимъ собраніемъ литературныхъ новостей [1]). Чтобы не распространяться безполезно о содержаніи тонѣ, краскахъ и прочихъ достоинствахъ новой книги, мы только напомнимъ читателямъ *Колыбельную пѣсню* — пародію пѣсни Лермонтова, напечатанную въ прежнемъ сборникѣ. Это сочиненіе составляетъ какъ бы образецъ, по которому выработаны всѣ пьесы въ сборникѣ новомъ. Конечно нельзя спорить о вкусахъ, и мудрено кого-нибудь спросить, зачѣмъ онъ пишетъ въ этомъ родѣ; но мы желали бы знать, для кого все это печатается? Ужели есть жалкіе читатели, которымъ понравится собраніе столь грязныхъ и отвратительныхъ изчадій праздности? Это послѣдняя ступень, до которой могла упасть въ литературѣ шутка, если только не преступленіе называть шуткою то, чего нельзя назвать публично собственнымъ его именемъ.

Лексиконъ философскихъ предметовъ, составленный Александромъ Галичемъ. Томъ первый.

Нельзя позабыть, что г. Галичь вмѣстѣ съ г. Велланскимъ первые внесли въ наше отечество начала новѣйшей германской философіи. Много издано разныхъ книгъ г. Галичемъ, въ которыхъ болѣе или менѣе развиты идеи на основаніи этой науки. Нынѣ онъ приступилъ къ труду, столь обширному, что едва ли достаточно силъ одного человѣка для окончанія его. Составить лексиконъ философскихъ предметовъ, т. е. предметовъ, которые могутъ подлежать изслѣдованіямъ науки, называемой философіею, значитъ представить объясненіе каждаго понятія въ языкѣ на основаніи ученія, принимаемаго авторомъ за истинное. Такимъ образомъ лексиконъ философскихъ предметовъ тоже будетъ значить, что лексиконъ языка. Съ потребностію общества и съ пользою самой науки согласнѣе было бы предложить объясненіе однихъ

[1]) См. выше, стр. 519.

техническихъ словъ, принадлежащихъ философіи. Съ помощію подобной книги сдѣлалось бы легко читать всякое философское сочиненіе. Что касается до воспріятія читателемъ одной или другой философіи — это будетъ зависѣть отъ гармоніи душевныхъ его стремленій съ началами того или другого философа. Въ нынѣшнемъ видѣ лексиконъ г. Галича, гдѣ столько лишнихъ опредѣлено предметовъ, хотя нѣтъ и очень многаго, что́ можно разсматривать въ философіи, представляетъ что-то неопредѣленное и странное. Содержаніе его, ошибочно очерченное, сдѣлалось причиною и такихъ объясненій, которыя недостойны ни философіи, ни имени г. Галича. Мы ожидаемъ, что, обсудивъ это дѣло строже, въ слѣдующихъ томахъ онъ постепенно будетъ сближаться съ дѣйствительнымъ своимъ предметомъ и обработаетъ его строже.

Брынскій лѣсъ. Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго. Сочиненіе М. Загоскина. Двѣ части.

Постоянство, участіе и видимое умѣнье, съ какими авторъ *Юрія Милославскаго* обработываетъ въ каждомъ изъ новыхъ своихъ произведеній предметы русской жизни въ различныя эпохи, справедливо привлекаютъ къ нему общее вниманіе и предпочтеніе предъ его сверстниками. Онъ долженъ быть названъ попреимуществу писателемъ народнымъ: болѣе всѣхъ вникаетъ онъ въ характеристическія черты разныхъ сословій; ревностнѣе другихъ отстаиваетъ онъ отъ забвенія или пренебреженія все наше отечественное, давно былое, преданное однимъ воспоминаніямъ; никто внимательнѣе его не вслушивается въ незатѣйливую, но выразительную и сильную рѣчь простого народа; онъ вѣрный живописецъ пріемовъ, положеній и привычекъ самобытнаго русскаго человѣка, откуда бы ни вздумалось ему вывести его на зрѣлище. Поэтому и читаютъ Загоскина въ Россіи всѣ, кто только не скучаетъ сидѣть за русскою книгою. Мы указали на тѣ черты его искуства, которыя всякаго поражаютъ въ сочиненіяхъ его, гдѣ и что ни открыли бы вы изъ нихъ. Все это перенесъ онъ и въ свой нынѣшній романъ. Выборъ былъ едва ли не

счастливѣе всего, до сихъ поръ имъ написаннаго. Эпоха въ концѣ XVII столѣтія наиболѣе благопріятствуетъ поэзіи романа. Тутъ и физіономіи лицъ обнаруживаются значительнѣе, и страсти высказываются опредѣленнѣе; въ отношеніяхъ поднимается болѣе разнообразія и силы. Такимъ образомъ предпріятіе автора, разбирая его съ *общей* точки критики, исполнено безукоризненно. Но есть въ искуствѣ *частныя* требованія, возникающія непосредственно изъ того предмета, который избранъ для обработыванія. Нельзя, наприм., тѣми же красками, съ одинаковымъ освѣщеніемъ, въ одномъ и томъ же тонѣ изобразить, положимъ, русскую жизнь въ первое и въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка, а еще менѣе въ концѣ XVIII, или въ началѣ XIX столѣтія. Такъ называемый типъ общества и его представителей иногда въ четверть вѣка совсѣмъ сглаживается, уступая мѣсто новому. У разсматриваемаго нами автора, въ этомъ отношеніи, чувствуешь недоконченность. Или онъ подчиненъ ошибочной собственной теоріи, или въ его талантѣ есть непреодолимая монотонія. Онъ не воспроизводитъ къ художнической жизни того, что поэтическаго промелькнуло въ опредѣленную историческую эпоху, а все выноситъ на свѣтъ изъ одного міра души своей, гдѣ естественно нѣтъ столько разнообразія, сколько видимъ его въ дѣйствительной жизни. Недостатокъ полнаго воспріятія историческихъ явленій, какъ единственнаго матеріала для историческихъ романовъ, влечетъ за собою и недостатки литературные — ошибочные характеры, невѣроятное въ ихъ дѣйствіяхъ, соображеніяхъ и даже разговорахъ, словомъ, ложно понимаемыя всѣ принадлежности хорошаго сочиненія. Не говоримъ здѣсь о требованіяхъ дальнѣйшихъ, наприм., чтобы авторъ въ каждомъ новомъ романѣ старался, сравнительно съ прежнимъ, перемѣнить все въ планѣ разсказа, въ выборѣ дѣйствій, въ побужденіяхъ предпріятій, въ пропорціяхъ частей сочиненія и такъ далѣе. Это роскошь, для удовлетворенія которой надобно получить отъ природы богатство производительныхъ силъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы причисляемъ *Брынскій лѣсъ* къ разряду такихъ явленій въ лите-

ратурѣ, которыя общими красотами справедливо восхищаютъ читателей, особенно ищущихъ въ чтеніи только пріятнаго занятія; но частнымъ требованіямъ искуства, въ которомъ художники какъ въ природѣ ищутъ творчества, обновляющаго ихъ душу и новою истиною разрѣшающаго какой-нибудь вопросъ вѣка, сочиненіе не отвѣчаетъ.

Марѳа Васильевна, третья супруга Іоанна Грознаго. Историческій романъ XVI вѣка въ двухъ частяхъ. Соч. В. Ѳ. Потапова.

Послѣ того, что изложили мы объ историческихъ романахъ, говоря о новомъ произведеніи г. Загоскина, никакой нѣтъ надобности вновь объяснять, отчего романъ г. Потапова никуда не годится. Такія сочиненія и ремесломъ назвать совѣстно, не только искуствомъ. Есть въ литературѣ истины, для объясненія которыхъ критикъ, только начавши съ азбуки, дойдетъ когда-нибудь до своей цѣли. Читатели безъ сомнѣнія освободятъ насъ отъ этого странствованія.

Историческій указатель Санктпетербурга. Составленъ и изданъ Иваномъ Пушкаревымъ. Съ приложеніемъ медалей и 31 раскрашеннаго рисунка достопримѣчательнѣйшихъ памятниковъ и зданій въ С.-Петербугѣ.

Поспѣшность и небрежность въ изданіи книгъ, требующихъ для себя хорошей системы, множества справокъ, выписокъ и даже разсказа, достойнаго предметовъ, отнимаютъ у нихъ всю цѣну, какъ бы ни казались они занимательными по заглавію. Это особенно чувствуешь, разсматривая множество книгъ, печатаемыхъ авторомъ *Историческаго указателя*. Мы ужъ не требуемъ отъ подобной компиляціи достоинствъ литературныхъ. Но полнота, порядокъ и истина необходимы даже въ прейскурантѣ.

Живописные виды московскихъ монастырей, съ историческимъ и современнымъ описаніемъ всего замѣчательнаго въ каждомъ. С. Любецкаго.

Читая эту книжку, болѣе и болѣе убѣждаешься, что для писателей нашихъ нѣтъ *златой средины* ни въ языкѣ, ни въ его

украшеніяхъ. Одни впадаютъ въ противорѣчіе и сухость; другіе, Богъ знаетъ куда заносятся въ велерѣчіи и идеалахъ. Никому не дается описаніе живое, но вѣрное, простое, но привлекательное, дѣйствительное, но яркое. Въ *Живописныхъ видахъ* ничего не увидишь, а слышишь трескотню троповъ и фигуръ.

Стихотворенія Аполлона Григорьева.

Сочинитель такъ много читалъ хорошо выработанныхъ стиховъ, что слухъ его привыкъ къ музыкальнымъ звукамъ и доставилъ ему возможность написать нѣсколько собственныхъ гармоническихъ стиховъ. Эта механическая часть искуства конечно не совсѣмъ легка — и ежели бы съ нею соединились прочія принадлежности поэзіи, то стихотворенія г. Григорьева заняли бы въ литературѣ не послѣднее мѣсто. Но онъ не проникъ въ тайны поэтическаго творчества, которое совсѣмъ не требуетъ столько усилій и затѣйливости, сколько у него на каждомъ шагу. Естественное, простое, чистое — все это кажется ему прозаическимъ и слабымъ. Оттого онъ и выдумываетъ изысканное, мудреное, разительное. На него сильно подѣйствовалъ современный иперболическій языкъ. Его громкими терминами онъ наполняетъ фразы, не замѣчая что, при переводѣ ихъ на языкъ истины, почти не останется въ стихѣ никакой мысли. Судя по счастливой способности автора къ подражанію, мы увѣрены, что если онъ со всѣмъ вниманіемъ примется за изученіе лучшихъ образцовъ, то черезъ нѣсколько времени у него явится столько же стихотвореній, сколько онъ издалъ ихъ нынѣ, но они будутъ несравненно ближе къ дѣйствительному совершенству искуства.

Голосъ въ защиту русскаго языка, Сочиненіе Д.

Отвѣтъ на статью Отечественныхъ Записокъ: Голосъ въ защиту отъ Голоса въ защиту русскаго языка. Сочиненіе Д.

Вотъ двѣ книжки, написанныя въ опроверженіе мнѣнія *Отечественныхъ Записокъ,* будто на французскомъ языкѣ даже русскій писатель легче, удобнѣе, пріятнѣе и лучше можетъ выражать свои мысли и чувствованія, нежели на отечественномъ язы-

къ нашемъ. Это ложное мнѣніе конечно смѣшно, но высказано оно въ *Отечественныхъ Запискахъ* еще забавнѣе, такъ что для потѣхи и повторить его не лишнее дѣло. «Писать по-русски письма (говоритъ журналистъ, или кто изъ его сотрудниковъ) — просто мученіе: фраза выходитъ тяжела, пахнетъ грамматикою и семинаріею, обороты неуклюжи. Пишете, мараете — и кончите тѣмъ, что сразу напишете по-французски — и выйдетъ хорошо. Говорить по-русски, не вмѣшивая фразъ и словъ французскихъ — очень трудно. Наши литераторы и такъ называемые патріоты упрекаютъ высшее общество въ равнодушіи и даже презрѣніи къ русскому языку и русской литературѣ, въ пристрастіи и даже страсти къ французскому языку и французской литературѣ: обвиненіе несправедливое и *въ высшей степени мѣщанское!*» Авторъ книжекъ, которыхъ заглавіе мы выписали, очень основательно, очень остроумно и со всею ясностію доказалъ *Отечественнымъ Запискамъ*, что онѣ ошибаются непростительно, отзываясь такъ о русскомъ языкѣ. Дѣло между спорящими сторонами надобно считать конченнымъ въ пользу языка отечественнаго. Но мы удивляемся, какъ можно входить въ споръ, когда слышишь столь явную, столь очевидную неправду! При подобномъ спорѣ кажущаяся выгода всегда на сторонѣ того, кто произнесъ нелѣпость. Читатель, слушатель или зритель такія выходки принимаетъ просто за шутку или за плоскую остроту. Но тотъ, кто опровергаетъ ихъ, невольно сообщаетъ имъ значительность, возвышаетъ ихъ до степени истинъ, хоть и сомнительныхъ, но заслуживающихъ изслѣдованія. Сколько понадобилось бы сочинить книгъ, если бы дѣйствительно необходимо было опровергать безсмысленныя мнѣнія, разсыпавшіяся по журналамъ, основаннымъ на ученіи *Московскаго Телеграфа*.

О духовномъ образованіи земледѣльческаго класса въ Россіи. Соч. Дм. Д.

Нельзя не замѣтить, что филантропическая идея о образованіи людей низшаго класса у насъ болѣе и болѣе развивается. Это

очень естественно: чѣмъ просвѣщеннѣе становится высшій рядъ общества, тѣмъ чаще изъ него всматриваются въ положеніе тѣхъ, которые судьбою поставлены внизу. Но мы предпочли бы умную, хорошую книгу для чтенія самой блестящей теоріи. Сочинитель разсматриваемой нами брошюры обѣщаетъ изданіе желаемаго нами практическаго труда. Все заставляетъ насъ думать, что и въ этомъ предпріятіи онъ не останется безъ успѣха: у него воззрѣніе на избранный предметъ ясно и правильно, сужденія неодносторонни и истинны, а изложеніе чисто и хорошо.

Векфильдскій священникъ. Романъ Оливера Гольдсмита. Перевелъ съ англійскаго Яковъ Гердъ. Изданіе, украшенное 187-ю политипажами.

Помните ли вы разсказъ Гэте о первомъ чтеніи книги: *Векфильдскій священникъ*, происходившемъ у Гердера вскорѣ послѣ появленія ея въ Германіи? У такихъ людей, каковы были Гердеръ, Виландъ, Гэте, Шиллеръ и имъ подобные, эти мгновенія становятся эпохами жизни, потому что умъ и сердце великихъ художниковъ литературы открываютъ въ созданіяхъ другихъ геніальныхъ людей новые для себя пути мышленія, истины и счастія. Въ самомъ дѣлѣ, Гольдсмиту удалось указать въ искуствѣ новую сторону красоты. Онъ вышелъ изъ общаго круга, въ которомъ тѣснились до него писатели. Искуство съ его старинной эстрады онъ свелъ внизъ, ничѣмъ однакоже не унизивъ его, а только приблизивъ къ человѣку. Гольдсмитъ почувствовалъ, что въ картинахъ, въ ихъ краскахъ, въ тонѣ ихъ, въ характерахъ изображаемыхъ лицъ и ихъ постановкѣ умъ и сердце плѣняются трепетомъ жизни, теплотою дѣйствительности, движеніемъ бытія, художническою истиною, сильнѣе поражающею чувства и воображеніе, нежели всѣ прикрасы, выдумываемыя сочинителями. Онъ остановилъ вниманіе свое на семействѣ, въ судьбѣ котораго нѣтъ никакихъ чудныхъ или необыкновенныхъ событій. Все идетъ такъ естественно, просто и вѣрно, какъ истинная жизнь. Эту картину дѣйствительности онъ слегка покрылъ лакомъ природной

своей шутливости, остроты и даже нѣкоторой насмѣшливости. Произведеніе поразило всѣхъ новостію своею и возбудило общее сочувствіе къ себѣ самою простотою, неразлучною спутницей истины. Вотъ почему Гэте съ товарищами своей молодости такъ помнилъ во всю жизнь о первомъ чтеніи этой книги. Она тогда же сдѣлалась достояніемъ всѣхъ народовъ Европы. И у насъ, еще въ 1786 г., перевелъ ее съ французскаго языка на русскій *Николай Страховъ.* Какъ ни мало знакомитъ этотъ переводъ читателя съ красотами подлинника, но онъ много говоритъ въ пользу *прошлаго* времени. Тогдашніе литературные труды добросовѣстнѣе были нынѣшнихъ. Они представляютъ въ произведеніяхъ своихъ что-то цѣнное и честное. Нельзя не порадоваться, что нынѣ наконецъ признательный иностранецъ, въ благодарность Россіи за ея гостепріимство, выучившись основательно языку ея, представилъ намъ самый вѣрный переводъ этого превосходнаго творенія. Мы не говоримъ, чтобы въ этомъ переводѣ нельзя было не замѣтить пера *чужого;* но легкія ошибки противъ правильности и чистоты языка совершенно искуплены буквальною близостью къ подлиннику, чтó очень важно въ трудѣ, который посвященъ столь знаменитому созданію.

Мысли о существѣ и значеніи чиновническаго быта. Соч. Эрнста Рейнталя, дерптскаго окружнаго начальника управленія государственныхъ имуществъ въ Лифляндіи, члена Ученаго Эстскаго общества и Лифляндскаго къ поощренію сельскаго хозяйства и ремеслъ. Перевелъ съ нѣмецкаго О. Мазингъ.

Вотъ явленіе, которое теперь показалось очень кстати въ нашей литературѣ. Чиновники, неизвѣстно чѣмъ, вооружили противъ себя многихъ писателей русскихъ. Эта бѣда начало свое получила отъ прекрасныхъ сценъ Гоголя. Стадо подражателей бросилось за нимъ. Г. Рейнталь систематически и убѣдительно доказываетъ, что люди, называемые чиновниками, не такъ безполезны и ничтожны, какъ многіе думаютъ. Одинъ только недостатокъ мы находимъ въ этомъ произведеніи: оно слишкомъ

серьезно беретъ всѣ стороны жизни людей, которые не лишены и комической красоты. Но послѣднее обстоятельство конечно не входило въ планъ сочиненія г. Рейнталя. Переводъ книги хорошъ и вѣренъ.

Дѣтская азбука, гражданская и церковная, съ примѣрами постепеннаго чтенія и молитвами. Составлена для сельскихъ школъ Дм. Д.

Руководство къ обученію дѣтей чтенію по дѣтской азбукѣ, составленной для сельскихъ школъ. Соч. Дм. Д.

Мы уже говорили въ *Современникѣ* [1]) о книжкѣ автора брошюръ, которыхъ заглавія здѣсь выписаны. Прежняя книжка его называется: *О духовномъ образованіи земледѣльческаго класса въ Россіи.* Въ нашемъ о ней отзывѣ между прочимъ было сказано: «Мы предпочли бы умную, хорошую книгу для чтенія самой блестящей теоріи. Сочинитель разсматриваемой нами брошюры обѣщаетъ изданіе желаемаго нами практическаго труда. Все заставляетъ насъ думать, что и въ этомъ предпріятіи онъ не останется безъ успѣха: у него воззрѣніе на избранный предметъ ясно и правильно, сужденія не односторонни и истинны, а изложеніе чисто и хорошо». Теперь отчасти онъ оправдалъ наше ожиданіе. Обѣ книжки составляютъ необходимое начало къ тому, чтобы успѣшно двинулось первоначальное образованіе земледѣльческаго класса. Метода его азбуки и особое руководство, какъ ею пользоваться, чрезвычайно просты, легки и удобопонятны. Мы увѣрены, что съ ихъ помощію грамотность быстро можетъ развиваться. Но авторъ уже по самому успѣху въ первомъ своемъ предпріятіи обязанъ продолжать этотъ общеполезный трудъ. Теперь нужны книги для чтенія, столь же хорошо приноровленныя къ понятіямъ земледѣльцевъ, какъ и тѣ книжки, по которымъ они читать учатся. Это будетъ одна изъ величайшихъ услугъ и просвѣщенію и народу.

---

[1]) Т. XLIII, стр. 353.

О художествѣ и ремеслахъ. Разсужденіе Корнилія Тромонина.

Мы не согласны съ главною мыслію автора, будто ремесло требуетъ одинаковыхъ для себя принадлежностей съ искуствомъ. Одно состоитъ въ зависимости отъ нужды и употребленія вещей въ общежитіи; другое свободно возсозидаетъ природу и проникаетъ только въ духъ ея твореній. Конечно и ремесло требуетъ ума, вкуса и красоты, какъ и искуство; но послѣднее больше входитъ въ идею жизни и ея выраженіе, а первое только въ удобство вещи и примѣненіе ея къ жизни.

Краледворская рукопись. Собраніе древнихъ чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ. Перевелъ Н. Бергъ.

Краледворская рукопись, въ 1817 году, найдена Ганкою въ склепѣ церкви города Кралеве-Двора. Ея почеркъ заставилъ думать Добровскаго, что она писана въ концѣ XIII, или въ началѣ XIV ст. Ганка въ первый разъ напечаталъ ее въ Прагѣ 1819 года, присоединивъ къ ней свое переложеніе на чешскій языкъ и стихотворный нѣмецкій переводъ г. Свободы. Съ этого времени Германія, Англія, Франція и прочія образованныя государства Европы обратили вниманіе на Краледворскую рукопись. Она сообщила особенное значеніе Чешскому народу, показавши въ какой степени онъ былъ прежде значителенъ и какъ умѣлъ сохранять историческіе подвиги. Въ 1820 году, въ *Извѣстіяхъ Императорской Россійской Академіи*, А. С. Шишковъ напечаталъ текстъ Краледворской рукописи и переводъ ея на русскій языкъ. Нынѣ является она по-русски въ стихотворномъ переводѣ, замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Читатели *Современника* уже знакомы съ именемъ и талантомъ Н. В. Берга. Онъ совершилъ прекрасное предпріятіе свое съ полнымъ успѣхомъ. Изучивъ не только языкъ и особенности подлинника, но самый духъ вѣка, характеръ тогдашнихъ нравовъ, и вникнувъ глубоко въ общія черты жизни и рѣчи Славянъ, г. Бергъ передалъ по-русски чешскіе стихи вѣрно, чисто, свободно, и ни въ чемъ не погрѣшилъ ни противъ по-

длинника, ни противъ русскаго языка. Это впрочемъ могъ бы совершить и другой трудолюбивый переводчикъ. Важнѣйшее дѣло заключалось въ сохраненіи поэтическихъ красотъ, которыя не подчиняются переводчику, если онъ отъ природы не получилъ самъ поэтическаго таланта, счастливой воспріемлемости къ постиженію особенностей поэзіи на другомъ языкѣ, и силы воспроизводить ихъ на другомъ безъ нарушенія законовъ филологіи и эстетики. Г. Бергъ вышелъ съ полною побѣдою изъ этихъ трудностей и тѣмъ доказалъ, что поэтическое призваніе его несомнѣнно. Въ дополненіе къ тому, что читателямъ нашимъ сообщили мы прежде въ переводахъ г. Берга изъ Краледворской рукописи, приведемъ здѣсь одну изъ лирико-эпическихъ пьесъ:

ОЛЕНЬ.

Скачетъ олень по долинамъ,
Прыгаетъ онъ по горамъ,
Носитъ по цѣлому краю,
Носитъ крутые рога.
Рѣжетъ крутыми рогами
Сучья въ дремучемъ лѣсу;
По лѣсу летмя летаетъ,
Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.

Хаживалъ мóлодецъ въ горы,
Доломъ широкимъ на брань;
Тяжкія нашивалъ стрѣлы,
Вражію мочь поражалъ.
Добраго мóлодца нѣту!
Лютый нагрянулъ злодѣй,
Злобой глаза распалились,
Молотъ желѣзный сверкнулъ
Юношу въ перси ударилъ —
Всплакались темны лѣса —

Вышла изъ мóлодца, вышла,
Душенька вышла душа!
Горломъ пошла лебединымъ,
Въ алы порхнула уста.

Вотъ онъ лежитъ; за душою
Точится теплая кровь;
Кровь молодецкую тихо
Пьетъ мать сырая земля.
Сердце у дѣвицы каждой
Стонетъ и больно болитъ.

Юноша въ хладную землю,
Въ хладную землю зарытъ;
Дубъ на немъ выросъ, дубочекъ,
Вѣтви пустилъ широко.

Ходитъ олень круторогій,
Скачетъ на прыткихъ ногахъ,
Щиплетъ зеленые листья
Онъ на дубу молодомъ.

Быстрые кречеты вьются,
Изъ лѣсу къ дубу летятъ,
Голосомъ жалкимъ кричатъ:
«Молодца врагъ погубилъ!»
Горькими плачутъ слезами
Красныя дѣвы по немъ.

Registre alphabétique des noms des auteurs dont les pièces sont insérées dans les différents recueils publiés par l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg, depuis sa fondation jusqu' à l'an 1846.

Появленіе въ печати этого труда облегчаетъ способы пользоваться долголѣтними и многочисленными изданіями Академіи

Наукъ, гдѣ соединено столько ученыхъ сокровищъ. Составитель алфавитнаго списка академиковъ и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ наполненіи академическихъ актовъ, предварительно, въ хронологическомъ порядкѣ, означилъ всѣ книги, подъ какими названіями, на какомъ языкѣ и въ которомъ году Санктпетербургская Академія Наукъ ихъ печатала. Мы только нигдѣ не замѣтили указанія на годичные отчеты II Отдѣленія Академіи, печатающіеся ежегодно со времени образованія его. По этому обстоятельству вышелъ небольшой пропускъ какъ въ именахъ авторовъ, такъ и въ указаніи на труды ихъ. Особенно жаль, что при этомъ пропускѣ утратилась возможность справляться съ біографіями тѣхъ лицъ, которыхъ ученыя заслуги изображаемы были въ упомянутыхъ отчетахъ. Но какъ многосложное предпріятіе не можетъ быть безошибочно совершено съ перваго раза, то и эта книжка, при второмъ ея изданіи, легко пополнится. И въ нынѣшнемъ своемъ видѣ она является уже какъ образецъ тщательности и умѣнья, съ какими авторъ занимался своимъ дѣломъ.

Стихотворенія Юліи Жадовской.

Въ явленіи таланта есть что-то неразгаданное. Онъ видимо освобожденъ природою отъ многихъ повинностей, лежащихъ на обыкновенномъ человѣкѣ. Никому не дается безъ труда никакое знаніе. Талантъ приноситъ въ себѣ множество свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ постепенно и требующихъ усилія для расширенія ихъ. Онъ, можетъ быть и безсознательно, высказываетъ довременно то, до чего другихъ доводятъ опыты и изслѣдованія. Такъ показалось намъ, когда мы читали стихотворенія г-жи Жадовской. Нѣкоторая неисправность въ выраженіяхъ, въ стихосложеніи и другихъ принадлежностяхъ поэзіи заставляетъ насъ думать, что сочинительница не тратила много времени на ученое постиженіе того искуства, къ которому влекло ее призваніе. Между тѣмъ сколько достоинствъ открыть можно, вникая въ ея произведенія! Предметы, такъ сказать, исчерпанные поэзіею, для нея не остались безъ новости содержанія, безъ занимательности идей, безъ

музыки стиха. Все это почерпнула она въ простой, чистой любви своей къ искуству. Ее не увлекла въ черное жерло свое модная школа писателей, которые логическій, ясный и выразительный русскій языкъ обратили въ какое-то тарабарское нарѣчіе. Человѣкъ, вышедшій въ чистотѣ изъ этого одного искушенія, совершилъ подвигъ. Самое настроеніе поэзіи сочинительницы обнаруживаетъ самобытность ея таланта. Она выразила стихами внутренній міръ свой, міръ женщины, чувствующей, мечтающей, любящей, надѣющейся и вѣрующей. Между этимъ элегическимъ міромъ и красотою природы всегда существовала гармоническая связь. Вотъ и все, что льется изъ прекрасной души новой писательницы нашей. Но вслушайтесь, какъ это высказано:

«Куда сложить тяжелый грузъ души?
Кому повѣдать скорбь, гнетущую мнѣ сердце?
Вокругъ меня людей знакомыхъ много,
И многіе меня бы стали слушать:
Но гдѣ найду я теплое участье?
Гдѣ душу обрѣту, съ сочувствіемъ отраднымъ,
Которая со мной всѣ радости и горе
Понять и раздѣлить могла бы непритворно?
Кому я укажу на это небо,
Покрытое блестящими звѣздами?
Мнѣ скажутъ равнодушно: хорошо —
И не поймутъ души моей волненья!
Да, не поймутъ, какъ всю меня проникла
Непостижимая и тайная отрада,
Какъ съ каждыя блестящія звѣзды
Потокомъ огненнымъ въ меня струятся чувства,
Какъ мой языкъ съ невольнымъ увлеченьемъ
Тревожныя лепечетъ рѣчи,
И слезы медленно изъ глазъ моихъ катятся...
И если бъ кто увидѣлъ эти слезы —
Съ какой улыбкою взглянулъ бы тотъ на нихъ,

Съ какой холодностью бъ спросилъ: о чемъ я плачу?
Потомъ, съ насмѣшкою невыносимо-глупой,
Меня бы онъ мечтательницей назвалъ!..
Кто жъ объяснитъ души моей волненье?»

Не подумайте, что она всегда повторяетъ одно и то же. Самое счастливое изображеніе чувствованій и красотъ природы становится утомительнымъ, когда мысли перестаютъ сообщать картинамъ особенность характера и новость взглядовъ. Мы приводимъ другое стихотвореніе, столь же художнически обработанное, какъ и первое, но исполненное другихъ воззрѣній: это — *Двѣ сестры.*

«Одна была жива, рѣзва, безпечна,
На розовыхъ устахъ съ улыбкой вѣчной
И съ живостью пріятной въ разговорѣ;
Въ ея разсѣянномъ, блестящемъ взорѣ
Слеза и горесть выражались рѣдко;
Въ осьмнадцать лѣтъ она была кокетка—
И взоръ уже приманивать умѣла
Атласнымъ плечикомъ и ручкой бѣлой.
По членамъ пробѣгалъ невольный трепетъ
У ней при звукахъ вальса иль кадрили;
И лесть мущинъ, притворно-нѣжный лепетъ
Порою ей до сердца доходили,
Хоть имъ она не вѣрила, и ловко
Качала, мило такъ своей головкой.
Не отягчаясь грустной, тяжкой думой,
На жизнь она глядѣла не угрюмо,
А весело; и въ розовомъ все цвѣтѣ
Ей представлялось. Такъ на бѣломъ свѣтѣ
Живется хорошо! — — Сестра другая...
Она была мила, прекрасна тоже
И только годомъ съ небольшимъ моложе;
Прекрасна — да: всякъ, на нее взирая,

Мечтамъ предаться былъ готовъ невольно,
А сердцу сладко дѣлалось и больно...
И мнилось, что съ небесною улыбкой
На землю ангелъ залетѣлъ ошибкой!
Она тиха, стройна и граціозна;
Ея движенья важны и серьёзны;
Рѣчь кроткая, взоръ скромный и печальный,
А голосъ сладостный и музыкальный.
Ей локоны густые осѣняли
Лицо; уста порою выражали
Иронію и грусть; она любила,
Когда тоска ей душу тяготила,
Одна остаться, погрузиться въ думы;
Съ отрадою она внимала шуму
Густыхъ деревъ и птицъ весеннихъ пѣнью;
Въ волнахъ любила неба отраженье;
Невольную слезу и трепетъ груди
Она всегда старалась скрыть... и люди
Ея не понимали! И случалось,
Когда о лучшемъ въ жизни ей мечталось,
Свою головку оперши на руки,
Она въ душѣ вдругъ обрѣтала звуки
Чудесные; ихъ выразить желала,
Но, посмотрѣвъ вокругъ, вздыхала и молчала».

Прочитавши такіе стихи, никто не усомнится, чтобы у автора не было въ душѣ прекрасныхъ матерьяловъ для созданія поэмы. Сочинительница совершенно овладѣла тѣмъ стихомъ, который необходимъ для разсказа свободнаго, яснаго и вмѣстѣ поэтическаго. Даже было бы жалко, если бы, послѣ первыхъ опытовъ, не пошла она далѣе. Элегическихъ изображеній для нея уже довольно. Полноты жизни, богатства характеровъ, болѣе рѣшительнаго направленія поэзіи — вотъ чего желаемъ мы отъ автора.

Но для выполненія подобныхъ условій недостаточно формъ только лирическихъ. И сочинительница доказала уже, что постиженіе сокровеннаго въ жизни людей для нея доступно. Она часто въ немногихъ стихахъ выражаетъ очень многое, какъ наприм. въ слѣдующихъ:

«Чудесно что-то бываетъ порою со мной:
Въ душѣ нѣтъ ни горя, ни счастья, ни даже любви;
Безъ чувствъ равнодушно гляжу я на міръ и людей,
И кажется міръ мнѣ пустыннымъ и мрачнымъ и скучнымъ,
А люди какими-то куклами... я же сама —
Ничтожнымъ кажусь я созданьемъ безъ воли и силы;
И если бы, мнится, въ эти минуты явилась
Мнѣ грозная смерть, со всѣмъ своимъ страннымъ величьемъ —
Она бъ не смутила меня, и я бъ тихо главу
Склонила въ надеждѣ покой обрѣсти и забвенье».

Сборникъ историческихъ и статистичесхъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. Томъ I. Изданіе Д. В.

Въ книгѣ всѣхъ шестнадцать статей. Нѣкоторыя изъ нихъ оригинальныя; другія или заимствованы сокращенно изъ иностранныхъ писателей, или переведены вполнѣ. Подъ статьями слѣдующія имена означены: А. Хомяковъ, К. Кавелинъ, А. Поповъ, Т. Грановскій, К. Коссовичъ, И. М. Снегиревъ и С. Соловьевъ. Составъ книги, независимо отъ прекраснаго выбора статей, замѣчателенъ по единству мысли, господствующему въ *Сборникѣ*. Участники въ немъ обратили все вниманіе свое на доставленіе читателю положительныхъ свѣдѣній касательно исторіи, статистики и юриспруденціи Славянъ. Наша эпоха, когда ученые стремятся утвердить сужденія свои о народахъ на изслѣдованіи внутренней ихъ жизни, вызвала и Русскихъ къ этому роду дѣятельности. Счастіе, что за дѣло взялись люди съ талантами, съ знаніями и съ многостороннею образованностію. Ихъ

труды положатъ твердое начало благородному соперничеству славянъ съ народами западной Европы. Безъ пробужденія этой мысли надолго осталась бы всемірная исторія неполною, односторооннею и ложно объясняемою. Надобно, чтобы каждое племя, изучивши свои историческіе памятники, внесло въ науку точные свои выводы и доставило бы тѣмъ всеобщему суду возможность наконецъ постигнуть человѣчество въ истинномъ его значеніи и достоинствѣ. Невѣжды и кривотолки стараются унизить подвигъ общества московскихъ литераторовъ, увѣряя публику, что издатели *Сборника* — раскольники, гасильщики просвѣщенія, отказывающіеся отъ благъ европейской образованности. Нѣтъ: одно недоброжелательство и безсмысленное упорство могутъ изъяснять такъ дѣло благородное, чистое и обильное благотворными послѣдствіями. Ученые Европейцы будутъ безпристрастнѣе и благороднѣе. *Сборникъ*, какъ спеціальная книга, навсегда останется для Славянъ и не-Славянъ источникомъ любопытнѣйшихъ свѣдѣній о племени, столь же многолюдномъ и столь же достойномъ общаго изученія, какъ остальная часть Европы. Данныя по части исторіи, статистики и юриспруденціи принадлежатъ не исключительно тому только народу, посреди котораго явились ученые, ихъ собравшіе, но всѣмъ жрецамъ науки, обработываемой совокупно всѣми эпохами и всѣми вѣками. Мы не сомнѣваемся, что со-временемъ возникнутъ и особенности въ области наукъ относительно того или другого народа, который глубже въ нихъ вникаетъ и поведетъ ихъ далѣе. Кто не согласится, что должна же какая-нибудь вѣтвь изученія процвѣсти и въ славянскомъ племени? Но мы по-дѣтски разсуждали бы, если бы, желая того какъ патріоты и вообще какъ честные граждане, ничего не вносили изъ внутренней жизни нашей въ массу общечеловѣческихъ свѣдѣній. Это нашъ долгъ и по отношенію къ самимъ намъ и по отношенію къ прочимъ народамъ, которые совѣстливо исполняютъ то же самое. Кто воображаетъ, что уже достаточно пробавляться приготовляемымъ для насъ въ западной Европѣ; тотъ близорукъ и даже слѣпъ. Способы изученія Славянъ — въ ихъ рукахъ, а не

у иностранцевъ. Не говоря о знаніи народнаго быта, оттѣнковъ его характера, домашней жизни, преданій, повѣрій, одинъ *языкъ* составляетъ уже такой предметъ, въ которомъ заключены важнѣйшія тайны народовѣдѣнія. Кто же, кромѣ самихъ насъ, надежно вступить въ этотъ лабиринтъ изслѣдованій? Итакъ издатели *Сборника* заслужили признательность и Славянъ и не-Славянъ, положивъ начало изученію, для всѣхъ важному, даже необходимому, судя по господству историческаго направленія въ ученомъ мірѣ Европы. Стремленіе издателей *Сборника* — утвердить за Славянами самостоятельность науки — естественно связывается съ ихъ патріотическимъ трудомъ и давно составляетъ цѣль всѣхъ высоко-образованныхъ людей, преданныхъ душою и сердцемъ отечеству своему и постигнувшихъ благія послѣдствія для науки вообще, когда она въ своемъ развѣтвленіи равномѣрно обработываема будетъ въ каждомъ племени человѣчества.

Московскій литературный и ученый Сборникъ.

Въ нынѣшнемъ году это выходитъ уже второй литературный сборникъ. Мы произнесли наше мнѣніе о первомъ [1]). То былъ *Петербургскій Сборникъ*, которому достоинство и характеръ сообщили писатели, пожелавшіе видѣть издателемъ своимъ Н. Некрасова. На заглавіи *Московскаго Сборника* не означено имени издателя; но изъ участниковъ въ немъ встрѣчается много тѣхъ же лицъ, которыя нами поименованы въ разборѣ *Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи*. Такимъ образомъ *Московскій Сборникъ*, естественно, какъ литературное чтеніе, не ограничившись единствомъ предмета, удержалъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое единство направленія. И здѣсь многое устремлено къ тому, чтобы выяснить идею славянской самобытности, или хоть вызвать славянское племя къ умственной дѣятельности независимо отъ ученыхъ трудовъ западной Европы. Читатели наши замѣтили выше, въ какой мѣрѣ и по какимъ побужденіямъ мы гармонируемъ съ этимъ направленіемъ. Много

[1]) См. выше, стр. 519.

уже и единствомъ мысли (чего не было въ *Петербургскомъ*) выигрываетъ передъ нимъ *Московскій Сборникъ*. Но еще важнѣе то, что почти каждая пьеса его ознаменована печатію или истины, или таланта, или глубокаго знанія. Его справедливѣе бы назвать не сборникомъ, а избранникомъ. Прочитывая одну за другою пьесы его, убѣждаешься, что онѣ были строго обсуживаемы и взвѣшиваемы, прежде нежели опредѣлено было принять ихъ въ книгу. Статьи ученыя, статьи чисто-литературныя и всѣ стихотворенія, здѣсь помѣщенныя, сохранятъ свое достоинство и тогда, когда книга эта перестанетъ привлекать къ себѣ вниманіе свѣтскихъ людей какъ новость. Мы никогда не были защитниками изданія литературныхъ сборниковъ и даже не придаемъ имъ названія книгъ въ строгомъ смыслѣ. Всѣ они похожи на *Сто литераторовъ*, изобрѣтенныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ. Ни время, ни мѣсто, ни предметъ, ни характеръ—словомъ, ничто не возводитъ въ идею книги этого собранія буквъ и строкъ. Но изъ *Московскаго Сборника* всякій читатель, смотря по тому, какой родъ литературы любитъ онъ исключительно, можетъ взять на свою долю, или хоть удержать въ своей памяти что-нибудь окончательно-хорошее. Конечно, нельзя не желать, чтобы осуществилась мысль издателя *Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи* — мысль о соединеніи однородныхъ изслѣдованій въ одно изданіе, безъ примѣси чуждаго ему. И особенно въ Москвѣ, гдѣ уже явился образецъ подобнаго изданія, можно привести эту мысль въ исполненіе и по другимъ отраслямъ вѣдѣнія. Тамъ не одни должностные литераторы и ученые; тамъ много лицъ, посвятившихъ музамъ свободную жизнь свою. Они, изъ сердца Россіи, обязаны дать примѣръ и въ этомъ дѣлѣ.

Священныя пѣснопѣнія древняго Сіона, или стихотворное переложеніе псалмовъ, составляющихъ Псалтирь.

Новое переложеніе псалтири въ русскіе стихи остается тѣмъ же, чѣмъ всегда была эта работа: можно изъ любопытства пробѣжать два-три стихотворенія; можно по любознательности и

сравнить ихъ съ подлинникомъ; но никогда ни для кого переложеніе не замѣнитъ сильнаго, выразительнаго церковно-славянскаго текста. Если бы удалось ученому, въ полной мѣрѣ знатоку языковъ еврейскаго и русскаго, воспроизвести достойнымъ образомъ красоты перваго на отечественномъ языкѣ — это другое дѣло: тогда бы мы услышали въ нашихъ родныхъ звукахъ всю гармонію и постигнули ясно всю высокость царственнаго пѣснопѣвца. Но стопы, рифмы, сочетаніе, пресѣченіе — это узы, въ которыхъ нерѣдко бываетъ тяжело и великому поэту. А каково же въ нихъ стихотворцу обыкновенному?

Троянъ и Ангелица. Повѣсть, разсказанная Свѣтлой Денницей Ясному Мѣсяцу. А. Вельтмана.

Много странностей и прежде являлось въ сочиненіяхъ автора сказки, нами разсматриваемой. Его воображеніе не осматривается, куда несется. Онъ надѣется, что выпутается изъ всякой бѣды. Въ нынѣшнее время предалось оно полету самому отчаянному. Имъ владѣла картина влюбленныхъ, изъ которыхъ герой таетъ въ буквальномъ смыслѣ какъ воскъ отъ солнечныхъ лучей, а героиня, прижимаясь къ нему, горитъ отъ жара, въ немъ дѣйствующаго. Если бы авторъ основалъ подобный разсказъ на какомъ-нибудь народномъ преданіи — мы еще могли бы съ участіемъ слѣдовать за нимъ. Но это плодъ одного стремленія къ оригинальности вымысла — и оттого читатель остается равнодушенъ къ дѣйствующимъ лицамъ. Еще сильнѣе высказалась его оригинальность въ размѣрѣ стиховъ, какими написано стихотвореніе. Мы беремъ ихъ полдюжины, не размѣщая по строчкамъ каждый стихъ, а только означая ихъ цифрами. Пусть читатели сами полюбуются, что это за размѣръ. «1. Подошли — и объялъ всѣхъ невольный ужасъ: 2. нѣтъ ни на Троянѣ, ни на юной дѣвѣ, 3. какъ на привидѣньяхъ, образа и лика. 4. Но чуткое сердце матери узнало, 5. кровь свою родную въ юношѣ и дѣвѣ. 6. Сынъ мой! Ангелица! — и смолкнулъ $^{1}/_{2}$7 голосъ Николіи».

Моя — или ничья! Или клятва двухъ преступниковъ. Повѣсть (1769—1772). Соч. Ѳ. Г. Двѣ части.

Повѣсть, разсказанную г-номъ Г., назвать можно результатомъ всѣхъ современныхъ намъ романовъ, переводимыхъ съ французскаго языка для провинціальной публики и, какъ видно, читаемыхъ усердно авторомъ въ журналахъ нашихъ. Безвкусныя подробности, неприличныя картины и нескончаемое пустословіе преслѣдуютъ читателя съ начала до конца книги. Надобно пользоваться особеннымъ излишествомъ празднаго времени и привычки къ его тратѣ, чтобы, не говоримъ съ удовольствіемъ, а даже равнодушно терять часы на подобное чтеніе.

Исторія Русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичныя лекціи Степана Шевырева, профессора Московскаго университета. Томъ первый. Часть вторая.

Въ какой степени вообще значительно и достойно вниманія сочиненіе г. Шевырева, особенно въ нашу эпоху, когда вся почти литература обратилась въ журнальныя статьи — мы уже изложили это читателямъ нашимъ (См. выше, стр. 528). Нельзя не радоваться, что изданіе прекраснаго труда не останавливается. Отъ воззрѣній общихъ профессоръ переходитъ къ изысканіямъ частнымъ — и его лекціи становятся болѣе и болѣе занимательными, по мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ многозначительную идею духовной жизни Россіи. Въ напечатанныхъ теперь пяти лекціяхъ авторъ разсмотрѣлъ характеръ и ходъ умственной дѣятельности нашей въ XI и XII столѣтіяхъ. Лѣтописи, проповѣди, путешествія, записки, поученія, памятники литературы свѣтской, какъ наприм. Слово о полку Игоревѣ — все разсмотрѣно съ необыкновенною основательностію, подробно; все изучено въ самыхъ источникахъ и освѣщено новыми воззрѣніями. Сочинитель нашелъ средство облекать въ занимательнѣйшіе разсказы изученіе предметовъ, повидимому сухихъ и до сихъ поръ остававшихся въ области древностей. Онъ умѣетъ связывать чисто-литературныя явленія съ явленіями гражданственности. Такимъ обра-

зомъ его исторія пріобрѣтаетъ достоинство науки соціальной, внося въ политическую исторію указанія на дѣйствительныя причины характера событій. Этотъ способъ преподаванія литературы выводитъ ее изъ той жалкой сферы, въ которой она заключена была ограниченными умами. Выразумѣть мысль эпохи въ памятникахъ ея слова — не значитъ ли это доставить несомнѣнное бытіе всѣмъ явленіямъ міра гражданскаго, и внести въ науку народоправленія незыблемое правило для будущаго?[1]) Собственно-ученая критика автора обработана художнически. Обильныя знанія свои онъ мастерски вноситъ въ картину, оживляетъ ее теплотою собственнаго чувства и доставляетъ ей занимательность, ощутительную для каждаго. Важнѣйшее достоинство лекцій профессора Шевырева заключается въ томъ, что онъ говоритъ обо всемъ по собственному убѣжденію въ дѣлѣ. Всѣ разсматриваемые имъ памятники онъ изучилъ въ подлинникахъ. Это сближеніе ученаго съ лицами, ихъ жизнію и сочиненіями ихъ обратили проницательный умъ его на новые вопросы, до которыхъ не доходили его предшественники. Въ каждой изъ лекцій есть свѣжесть, самобытность и истина. Мы предоставляемъ читателямъ нашимъ вникнуть, наприм., въ объемъ, связь, полноту и важность лекціи, которая посвящена Слову о полку Игоревѣ. Заключимъ: ежели профессоръ составитъ въ этомъ видѣ полный курсъ своей науки, то книга его возвратитъ русской литературѣ то достоинство, котораго лишили ее самозванцы-критики.

Изслѣдованіе о Реторикѣ въ ея наукообразномъ содержаніи и въ отношеніяхъ, какія имѣетъ она въ общей теоріи слова и къ логикѣ. Сочиненіе Константина Зеленецкаго.

Сочиненіе г. Зеленецкаго состоитъ изъ пяти отдѣловъ, которые названы: 1) реторика у древнихъ; 2) состояніе реторики въ наше время; 3) наука о словѣ, а съ нею и реторика въ своихъ ос-

[1]) Здѣсь пропускаются двѣ довольно длинныя выписки изъ книги Шевырева: объ общихъ чертахъ русскаго образованія въ XI вѣкѣ и о заслугахъ Шлёцера.

нованіяхъ и общихъ отношеніяхъ къ логикѣ; 4) наукообразный составъ и содержаніе реторики; 5) о реторикѣ въ педагогическомъ отношеніи. Изслѣдованіемъ своего предмета авторъ желалъ высказать собственныя идеи о наукѣ, преподаваемой большею частію схоластически. Книгу, нами разсматриваемую, надобно признать руководствомъ для учителей, а не для учениковъ. Въ ней указаны части науки, ихъ порядокъ, сущность каждой, и выведены причины, по которымъ зданіе должно быть построено такъ, а не иначе. Подробное же изложеніе реторики въ новомъ ея видѣ не входило въ планъ сочиненія, которое явилось какъ бы критическою программою науки. Этотъ трудъ не такъ маловаженъ, какъ можетъ показаться съ перваго на него взгляда. Онъ требовалъ внимательнаго изученія теоріи древнихъ и новыхъ писателей по этой части; онъ требовалъ собственныхъ соображеній и выводовъ автора. Надобно отдать справедливость г. Зеленецкому въ томъ, что онъ совѣстливо исполнилъ принятую на себя обязанность. Его указаніями на недостаточность, сбивчивость и безочетливость ученія предшественниковъ его могутъ воспользоваться мыслящіе читатели. Такого рода заслуга не должна быть предана забвенію. Положительная часть книги, гдѣ авторъ развиваетъ основанія реторики, не менѣе замѣчательна. Онъ въ догматическомъ дѣлѣ сохраняетъ строгій порядокъ и утверждаетъ свои положенія на доказательствахъ прочныхъ. Такимъ образомъ, какъ педагогическій писатель, онъ правъ и передъ публикою и передъ своею совѣстію. Въ частныхъ замѣчаніяхъ автора есть идеи, съ которыми вѣроятно не всѣ будутъ согласны. Изобразивши состояніе реторики въ прежнее время, онъ говоритъ: «Слѣдствія этого по-истинѣ плачевнаго состоянія реторики были тѣ, что отроки, которыхъ не угнетала школьная ферула, не легко освоялись съ нашей наукою и вообще не любили ея» (стран. 9). По смыслу приведенныхъ словъ можно думать, будто авторъ вѣритъ, что, для возбужденія въ отрокахъ сближенія съ реторикой и утвержденія къ ней любви ихъ, дѣйствительно необходима школьная ферула. Извѣстно, напротивъ, что не только школь-

ная ферула, да и просто языкъ школьный отталкиваетъ отроковъ отъ науки и зараждаетъ къ ней отвращеніе. Можетъ быть, схоластическія формы реторики, въ которыхъ предлагали ее, и варварская для насъ терминологія, которую мы безсознательно въ ней приняли отъ древнихъ, всего болѣе останавливали успѣхи этой науки. Ее надобно упросить въ начальномъ преподаваніи и сблизить съ дѣйствительною жизнію въ преподаваніи окончательномъ. Вмѣсто того, чтобы отдѣлять ее отъ науки мысли и слова, полезнѣе было бы слить ее съ нею въ преподаваніи, какъ все это слито самою природою. Нѣтъ идеи въ душѣ безъ присутствія слова; слѣдовательно и говорить о нихъ можно вмѣстѣ. Совершенство каждой рѣчи опредѣляется полнымъ ея согласіемъ съ требованіями жизни. Выходитъ, что наука краснорѣчія есть наука пониманія жизни. Самъ г. Зеленецкій сказалъ: «У насъ и внѣ реторики воспитались превосходные прозаики. Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ были далеки отъ Бургія» (стран. 9). Такъ; но имъ близки были правила другой реторики; ихъ идеи, а поэтому и слова, сообразовались съ законами мышленія и съ требованіями жизни. Талантъ не дается наукою, но совершенствуется здравыми ея внушеніями. Авторъ говоритъ: «Въ хладнокровномъ дѣлѣ логическаго построенія рѣчи реторика еще могла служить своими указаніями и наставленіями; но въ дѣлѣ вкуса, изящнаго творчества, въ дѣлѣ свободныхъ полетовъ фантазіи и движеній чувства она безсильна» (стран. 96). Если же въ составъ ея ввести одно прямо относящееся къ дѣятельности духа и къ явленіямъ жизни; то и вліяніе ея окажется обширнѣе и прочнѣе. Г. Зеленецкій, при всемъ желаніи своемъ вывести науку на прямой ея путь, не освободилъ ея отъ стараго языка и не расширилъ предѣловъ ея. Можетъ быть, онъ займется, на основаніи своего нынѣшняго сжатаго изслѣдованія, подробнымъ изложеніемъ правилъ реторики; тогда ему будетъ самый благопріятный случай упросить науку и сблизить ея требованія съ явленіями дѣйствительной жизни.

Опытъ руководства въ изученіи русскаго слова. Составленъ Ст. Лебедевымъ. Часть I.

Сочинитель *Опыта* начинаетъ свою книгу слѣдующимъ объясненіемъ: «Въ предлагаемомъ руководствѣ я счелъ за необходимое, для пищи соображенію, изложить причины и основанія существованія того или другого термина (названія), тѣхъ или другихъ правилъ или выводовъ, которые безъ нихъ, въ голомъ видѣ, всегда казались въ подобныхъ учебникахъ и, конечно, не перестанутъ казаться скользкими, неудобовразумительными, и оттого, нерѣдко, долго не приживаются въ головахъ молодого учащагося люда, несмотря, иногда, на усердіе его выдолбить ихъ и зазубрить. Поэтому употребленъ въ печати двоякій шрифтъ: крупнымъ отпечатана большая часть тѣхъ статей, которыя, какъ основныя, могутъ быть въ первыхъ пріемахъ за дѣло пройдены изучающимъ этотъ предметъ даже въ низшихъ классахъ училищъ, а мелкій употребленъ для тѣхъ, которыя содержатъ дополненія и объясненія желающимъ пользоваться этою книгою при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ предметомъ». Ежели бы кто вздумалъ опредѣлить достоинство книги по приведенному нами изъ нея отрывку, тотъ не безъ основанія заключилъ бы, что ея изложеніе многословно и нѣсколько запутанно, что своимъ тономъ она отступаетъ отъ учебниковъ, пользующихся извѣстностію, и что въ нее введены излишнія изъясненія. Но все это въ самомъ развитіи науки становится менѣе и менѣе замѣтнымъ, и видимо произошло отъ непривычки сочинителя къ авторскому искуству, которое пріобрѣтается долговременною опытностію. Книга его, обогащенная множествомъ новѣйшихъ улучшеній въ русской грамматикѣ, представляетъ руководство полезное, особенно когда она будетъ объясняема наставникомъ, не отставшимъ отъ нашего вѣка. Въ теоріи спряженій сочинитель не упустилъ изъ виду указанія протоіерея Павскаго на степени глаголовъ. Мы не видимъ только большой надобности въ перемѣнѣ терминологіи, чтó сочинитель допускаетъ мѣстами въ своемъ курсѣ. Онъ вооружается противъ неточности старыхъ названій. Но ихъ никто и не прини-

маетъ за опредѣленія понятій, ими выражаемыхъ, а просто за названія, утвержденныя употребленіемъ. Ежели мы теперь примемся за очистку всѣхъ словъ, сообразно съ значеніемъ предметовъ и правилами филологіи; то понадобится переформовать весь языкъ.

Стихотворенія А. Плещеева, 1845—1846.

Каждый разъ, когда, отдѣлясь отъ толпы, выходитъ передъ вами человѣкъ съ дарованіемъ, не чувствуете ли вы, что собственная судьба ваша будто улучшается, что на поприще жизни нашей кто-то будто бросилъ ароматный цвѣтокъ, что въ ваши занятія внесено что-то живительное — и вы безмолвно радуетесь будто встрѣчѣ съ другомъ? Въ нынѣшнюю эпоху охлажденія къ совершенствованію изящныхъ искуствъ вообще и въ особенности поэзіи, еще радостнѣе намъ было встрѣтить появленіе стихотвореній А. Плещеева, котораго дарованіе такъ видимо, такъ счастливо отдѣлилось отъ нашихъ современныхъ стихотворцевъ, погнавшихся за вычурнымъ слогомъ и уродливо-эффектными картинами. Поэтъ напечаталъ пока только 46 небольшихъ стихотвореній. Изъ нихъ многія переведены имъ изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Всего любопытнѣе и замѣчательнѣе отдѣлъ пьесъ, переведенныхъ имъ изъ Гейне, котораго у насъ вообще знаютъ мало. «Переводя стихотворенія Гейне, говоритъ г. Плещеевъ, я старался сдѣлать изъ него выборъ по возможности *разнообразный*, чтобы показать со всѣхъ сторонъ прихотливый и своенравный талантъ нѣмецкаго поэта. Гуморъ и мечтательность, грусть и насмѣшка, романтизмъ и дѣйствительность идутъ здѣсь рука объ руку. Въ Германіи пѣсни Гейне сдѣлались народными; отзывы французской критики доставили имъ прочную извѣстность во Франціи. И у насъ переведены нѣкоторыя пьесы Гейне, правда, весьма немногія, однообразныя, и оттого, можетъ быть, не возбудившія сочувствія къ поэту. Оцѣнить предлагаемые переводы есть дѣло критики; но я осмѣливаюсь взять на себя отвѣтственность только за вѣрность ихъ подлиннику».

Въ этихъ немногихъ словахъ мы находимъ гораздо болѣе такту, ума и вкуса, нежели въ иной длинной критикѣ. Видно, что поэтъ полюбилъ свое искуство не случайно и не изъ расчета. Онъ пріютился съ нимъ, какъ съ своею судьбою, подъ сѣнь того забытаго нынѣ убѣжища, гдѣ нѣкогда обитала муза нашихъ истинныхъ поэтовъ. Уединеніе, трудъ и любовь къ простотѣ и природѣ— вотъ жребій подобныхъ людей. Въ стихахъ г. Плещеева находишь столько искренности чувства, столько безыскуственности и точности выраженій, столько мягкости и въ то же время упругости звуковъ, столько сердечной мечтательности, меланхоліи и въ то же время естественности образовъ, дѣйствій и положеній, что вѣришь каждому изъ его поэтическихъ сказаній, сочувствуешь его признаніямъ, любишь его надежды и братски дѣлишь его судьбу. Удивительнѣе всего, что при общемъ, какъ бы ровномъ тонѣ его поэзіи, которой очеркъ мы набросали выше, перечитывая книжку, переходишь съ каждою новой пьесой къ новымъ ощущеніямъ, какъ это случается во время прогулки въ сельскихъ поляхъ и рощахъ. Мы приведемъ для образца хоть одно его стихотвореніе.

1.

«Къ чему мечтать о томъ, что *послѣ* будетъ съ нами,
О томъ, чего уму постигнуть не дано...
Хоть часто терніи здѣсь смѣшаны съ цвѣтами,
Но все жъ земную жизнь безславить вамъ грѣшно.
Отраднаго и въ ней, повѣрьте, много, много...
Смотрите: громъ затихъ, и ясенъ сводъ небесъ...
И тучки прочь бѣгутъ лазурною дорогой,
И шепчетъ, имъ во слѣдъ, привѣтъ прощальный лѣсъ.
Смотрите: какъ луга вокругъ благоухаютъ,
Упитана дождемъ зеленая трава,
И легкій вѣтерокъ съ волной рѣки играетъ,
И рожь златистая колышется едва...
Прекрасенъ этотъ міръ! — — —

2.

Да! этотъ міръ хорошъ; но право наслаждаться
Даровано ли всѣмъ могучею судьбой?..
Здѣсь узники, вдали отъ родины, томятся;
Тамъ въ рубищѣ бѣднякъ съ протянутой рукой.
Тотъ солнечныхъ лучей напрасно ищетъ взоромъ—
Не заглянутъ они въ окно тюрьмы его...
Другой на небеса глядитъ съ нѣмымъ укоромъ:
Отъ зноя отдохнуть нѣтъ крова у него!
Не для него красы улыбка молодая;
Его трудовъ — другимъ всегда назначенъ плодъ;
Подъ тяжкимъ бременемъ нужды изнемогая,
Прекраснымъ этотъ міръ бѣднякъ не назоветъ!..
Но предъ лицомъ Творца равны его созданья —
И *тамъ* найдетъ бѣднякъ за муки воздаянья!

3.

«Да! вѣрю, вѣрю я, что всѣ предъ Нимъ равны...
Но люди не для мукъ — для счастья рождены!
И сами создали себѣ они мученья,
Забывъ, что́ на крестѣ Господь имъ завѣщалъ.....
. . . .
. . . .
. . . .

Исторія Христіанства въ Россіи, до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ Исторію Русской церкви. Соч. архимандрита Макарія, инспектора и профессора въ Санктпетербургской Духовной Академіи.

Появленіе этой книги дополняетъ важный недостатокъ въ нашей духовной литературѣ. У насъ всѣ привыкли смотрѣть на періодъ до в. кн. Владиміра, какъ на время общаго язычества въ Россіи. Ученый изыскатель названнаго нами сочиненія вно-

ситъ въ исторію множество неопровержимыхъ, любопытнѣйшихъ доказательствъ, что христіанство существовало до этой эпохи, не только у иноплеменныхъ намъ народовъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, но и собственно у Русскихъ. Это различіе между народами послужило для него поводомъ къ раздѣленію сочиненія его на двѣ части. Такимъ образомъ передъ нами раскрывается самая занимательная картина древности, гдѣ мы знакомимся со всѣми многоразличными обитателями отечества нашего и съ первымъ ихъ просвѣщеніемъ вѣрою Христа Спасителя. Много надобно было искать и изучать источниковъ, чтобы столь новый и вмѣстѣ столь важный разрѣшить вопросъ. Въ числѣ разысканій, относящихся прямо къ предмету, избранному авторомъ, есть и такія, которыя разливаютъ свѣтъ не только на исторію христіанства въ Россіи, но и на исторію распространенія въ ней образованности, а слѣдовательно и ея литературы. Такъ мы находимъ здѣсь изслѣдованія о переводѣ св. писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Сочинитель совершилъ предпринятый трудъ съ полнымъ успѣхомъ. Какъ не пожелать, чтобы онъ не отклонилъ отъ себя и продолженія *Исторіи Христіанства въ Россіи*?

Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія. Соч. А. Вейдемейера. Изданіе И. Эйнерлинга.

Пособіемъ къ изученію исторіи наиболѣе служатъ сборники отдѣльныхъ разсказовъ, относящихся къ какой-нибудь эпохѣ. Въ подробностяхъ своихъ эти повѣствованія могутъ доходить до увлекательной занимательности современныхъ записокъ, а свободнымъ выборомъ предметовъ защищаются отъ хронологической сухости, почти неизбѣжной въ собственно-называемой исторіи. Конечно, недостаточно свѣдѣній, почерпаемыхъ въ подобныхъ разсказахъ, для полнаго уразумѣнія того періода, который критически обнять надобно. Но безъ ихъ помощи много остается безцвѣтнымъ и даже безжизненнымъ. Разсматривая съ этой точки

зрѣнія книгу г. Вейдемейера, мы находимъ ее, подобно прежнимъ сочиненіямъ того же автора о Россіи, изданнымъ въ 1831 и 1835 годахъ, очень полезною и достойною вниманія публики. Вѣкъ Екатерины II, въ русской исторіи, навсегда останется не только замѣчательнѣйшимъ для насъ временемъ, но и основнымъ для изученія гражданственности Россіи. Начало благодѣтельныхъ преобразованій въ отечествѣ нашемъ положено Петромъ I, а приведеніе ихъ въ полную и систематическую стройность, водвореніе повсемѣстнаго порядка, благосостоянія, правосудія, безопасности, образованности и гражданскихъ нравовъ — все это было созданіемъ Екатерины II. Итакъ, сколько бы ни являлось новыхъ книгъ, которыхъ сочинители дополняютъ свѣдѣнія наши о времени, столь назидательномъ для потомства, мы не можемъ не принять ихъ безъ благодарности. Есть однакоже недостатокъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, который какъ анахронизмъ непріятно бросается въ глаза читателю, и отъ котораго давно уже пора освободиться русскимъ писателямъ. Мы разумѣемъ небрежность, неправильность въ языкѣ, необработанность оборотовъ его и видимое оскорбленіе законовъ прекрасной рѣчи русской. *Современникъ*, во все время существованія своего, постоянно обращалъ вниманіе писателей на это странное явленіе. Нигдѣ не пишутъ такъ небрежно и ошибочно, какъ у насъ. Большая часть сочинителей думаетъ, что навыкомъ вполнѣ замѣняется изученіе правилъ. Однакоже несчастные опыты должны когда-нибудь ихъ разувѣрить въ этомъ.

Стихотворенія В. Аскоченскаго.

Книга содержитъ въ себѣ 56 мелкихъ стихотвореній. Они по содержанію своему такъ разнородны, что трудно отыскать между ними какое-нибудь единство. Начавши съ предметовъ религіозныхъ, сочинитель перешелъ наконецъ и къ юмористическимъ. Если бы это собраніе ознаменовано было силою таланта, рѣшительнымъ направленіемъ поэзіи, оригинальнымъ слогомъ, собственнымъ характеромъ сочинителя и художническимъ языкомъ—

оно привлекло бы къ себѣ читателей самымъ разнообразіемъ своимъ. Къ сожалѣнію, въ стихахъ г. Аскоченскаго нѣтъ ни одного изъ тѣхъ признаковъ, которыми истинная поэзія отличается отъ бездарныхъ писаній. Это самый обыкновенный опытъ человѣка, прочитавшаго нѣсколько хорошихъ стихотвореній и воображающаго, что на подобные труды можно всякому рѣшиться. Всматриваясь въ подражанія г. Аскоченскаго, убѣждаешься, что и въ выборѣ образцовъ онъ смѣшиваетъ хорошее съ ошибочнымъ. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ его безвкусіе дошло до неприличія. Вотъ, напримѣръ, какимъ вдохновеніемъ нашъ поэтъ одолженъ былъ чтенію всякаго вздору. Пьеса его называется *Пьяница*. Къ ней взятъ слѣдующій эпиграфъ: «Чувствуя, чѣмъ бы онъ могъ быть, и зная, что никогда ничѣмъ быть не можетъ, Глазовъ почиталъ себя счастливымъ тогда только, когда могъ забыть свое положеніе и впасть въ состояніе безсмысленнаго животнаго. Булгаринъ».

Стихи начинаются такъ:

«Бродя по комнатѣ неровною походкой,
Въ рукѣ трепещущей держалъ стаканъ онъ съ водкой;
И красные глаза, налитые виномъ,
Горѣли у него горячечнымъ огнемъ;
И непріятно дикъ былъ голосъ его хрипкій,
[illegible]хлое лицо кривлялося улыбкой.
Остановился онъ, и залпомъ проглотилъ
Вонючее вино и солью закусилъ.
Отплюнувъ въ сторону, поникъ онъ головою» — — —
и проч.

Явтухъ Горемыка, или Наслѣдство и проклятіе. Малороссійская опера въ четырехъ отдѣлахъ. Н. Д. Таганрогъ.

Несообразность нѣкоторыхъ обстоятельствъ повѣсти обнаруживаетъ въ авторѣ оперы писателя еще неопытнаго; но драматическое движеніе всей пьесы, яркость красокъ и мѣстами вѣрно

выраженный голосъ сердца ясно говорятъ въ пользу несомнѣннаго его таланта. Видно, что авторъ внимательно изучалъ простонародный малороссійскій бытъ. Всѣ сцены, основанныя въ этой сферѣ, исполнены у него истины и прелести. Но тамъ, гдѣ онъ удаляется отъ родного элемента, онъ впадаетъ въ несообразности и въ подражаніе Гоголю. Впрочемъ, судя по драматической живописи нѣкоторыхъ мѣстъ его пьесы, можно смѣло надѣяться, что онъ и въ явленіяхъ не малороссійской жизни сумѣетъ современемъ отыскать характеристическія черты и облечетъ свои представленія въ поэтическую одежду. Въ разсматриваемой нами оперѣ передъ глаза читателя выступаютъ два быта, почти исключительно господствующіе въ Малороссіи. Одинъ — бытъ простолюдиновъ, развившійся естественнымъ образомъ изъ элементовъ страны. Другой — бытъ очиновленныхъ панковъ, образовавшійся подъ инымъ вліяніемъ и отрозненный отъ перваго. Въ первомъ вы видите полноту нравовъ, чувствъ, обычаевъ, находите мѣстную пѣсенность и собственный, цѣльный языкъ. Во второмъ, вмѣсто характеристическихъ нравовъ, вы паходите безхарактерность, вмѣсто обилія семейныхъ и общественныхъ чувствъ — сухой и мелочной эгоизмъ, вмѣсто обычаевъ страны — правила, какъ угождать высшимъ и прижимать низшихъ, вмѣсто мѣстной пѣсенности—безвкусный наборъ театральныхъ куплетовъ и романсовъ, вмѣсто языка — странную смѣсь русскихъ и малороссійскихъ словъ. Чтó изсушило такъ эту вѣтвь украинскаго народонаселенія? Это вопросъ историческій. Авторъ *Явтуха Горемыки* представилъ предметы такъ, какъ они есть — и пьеса его пробуждаетъ въ душѣ самое горестное чувство.

Военное обозрѣніе похода Россійскихъ войскъ въ Европейской Турціи, въ 1829 году. Соч. полковника генеральнаго штаба А. Веригина.

Мы постоянно держались въ своемъ журналѣ того мнѣнія, что совершенствованіе отечественной исторіи должно начаться спеціальною разработкою событій. Теперь наступила эпоха, въ

которую эта истина принята большинствомъ русскихъ писателей. Каждый годъ выходитъ въ свѣтъ нѣсколько книгъ, посвященныхъ изложенію отдѣльныхъ происшествій русской исторіи. И другое наше мнѣніе видимо осуществляется: исторіею военныхъ дѣйствій должны первоначально заниматься люди, на практикѣ изучившіе войну и всѣ ея принадлежности. Писатель, кабинетнымъ образомъ знакомящійся съ ея движеніями, не въ силахъ сообщить сочиненію своему всей яркости красокъ и точности описаній. Книга г. Веригина, въ томъ и другомъ отношеніи, обращаетъ на себя особенное вниманіе. И то уже важно, что она первое полное сочиненіе о войнѣ Русскихъ съ Турками въ 1828 и 1829 г. Книга г. Лукьяновича, о которой въ свое время говорено въ изданіи нашемъ, остановилась на первой половинѣ событій. Правда, что г. Веригинъ не вошелъ въ подробное изложеніе кампаніи, но онъ достаточно указалъ на порядокъ главнѣйшихъ случаевъ. Для обработки этого происшествія въ прагматической исторіи онъ свелъ въ одно цѣлое необходимые матерьялы. Отчетливость и ясность его разсказовъ заключаютъ въ себѣ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что онъ призванный судія въ дѣлѣ.

Керченскія древности. О Пантикапейской катакомбѣ, украшенной фресками.

Древности какой-нибудь страны составляютъ важное дополненіе и объясненіе ея исторіи. Ихъ изслѣдованіе требуетъ предварительныхъ знаній. Въ Россіи Крымъ особенно богатъ древностями, какъ страна, въ которой съ незапамятныхъ временъ поочередно обитали народы, занимавшіеся торговлею, искуствами и науками. Замѣчательнѣйшіе тамъ памятники принадлежатъ періоду владычества Грековъ. Нынѣшняя Керчь (древняя Пантикапея) особенно богата историческими памятниками, что и подало поводъ учредить тамъ музеумъ. Директоръ его, г. Ашикъ, ревностно занимается изысканіями. Еще въ 1834 году, раскапывая курганы, онъ замѣтилъ, что у ихъ подошвы попадается впадина, замѣтная по влажной землѣ и зелени, болѣе яркой, нежели въ

прочихъ мѣстахъ. Это заставило его раскапывать замѣченныя впадины, что̀ и довело до открытія древнихъ катакомбъ. Продолжая свои разысканія, онъ въ 1841 году нашелъ катакомбу, которой стѣны покрыты были живописью. Стиль ея и содержаніе показываютъ, что все это уцѣлѣло отъ временъ владычества здѣсь Грековъ. Г. Ашикъ составилъ обстоятельное описаніе своихъ открытій, приложивъ къ нему рисунки найденныхъ имъ изображеній. Такимъ образомъ теперь не одна Италія своими древностями можетъ привлекать ученыхъ и художниковъ. Наше отечество можетъ равно доставить пищу ихъ любознательности.

Слово о полку Игоря. Перевелъ Д. Минаевъ.

После переводовъ *Слова о полку Игоря* прозою и стихами, послѣ объясненій, написанныхъ на него въ такомъ количествѣ, одно могло бы привлечь читателей къ новому труду, посвященному опять этому же *Слову:* новый взглядъ на него со стороны филологической и исторической. Достигнуть этого можно совершеннымъ отчужденіемъ отъ себя всѣхъ мнѣній предшественниковъ, которыя обыкновенно вводятъ насъ въ старыя ошибки, и дѣйствительнымъ, яснымъ уразумѣніемъ какъ законовъ южныхъ нарѣчій славянскаго языка, такъ и частностей жизни народовъ, сходившихся между собою на югѣ нынѣшней Россіи. Новый переводчикъ *Слова о полку Игоря* пошелъ дорогою давно избитою. Онъ даже не подорожилъ и тою степенью въ вѣрности переложенія, какой достигли его предшественники. Ему только захотѣлось представить намъ нѣсколько собственныхъ стиховъ, посреди которыхъ мелькали бы выраженія и обороты древняго пѣвца. Правда, что въ этомъ собраніи встрѣчаются мѣстами стихи звучные и счастливые; но тутъ не отыщешь и тѣни *Слова о полку Игоря.* Намъ кажется, г. Минаевъ лучше бы поступилъ, если бы онъ, проникнувшись духомъ древнихъ пѣснопѣній русскихъ, написалъ книжку собственныхъ стихотвореній, ограничивъ себя заимствованіемъ предметовъ и красокъ и не называя подобнаго труда переводомъ Слова о полку Игоря, или чего-нибудь другого.

Картина, или похожденія двухъ человѣчковъ. Шутка. Соч. В. П. Алферьева. Часть первая и вторая.

Авторъ вздумалъ пошутить, вообразивъ, что это легче всего. Книжка его доказала противное. Въ его шуткѣ нѣтъ ничего забавнаго, а скучнаго такъ много, какъ въ самомъ серьезномъ произведеніи безталантливаго автора.

Комнатка съ хозяйскими дровами. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. Татаринова.

Намъ всего болѣе нравится утвердившееся у современныхъ писателей обыкновеніе предупреждать читателя или зрителя характеристическимъ наименованіемъ выдаваемой пьесы. Если ужъ самъ авторъ назвалъ ее *шуткою* — вы обязаны заранѣе улыбаться. Затѣмъ, что бы ни послѣдовало—все равно: вамъ весело было минуту—и цѣль достигнута. Другихъ впечатлѣній напрасно и ожидать отъ этихъ эфемерныхъ плодовъ пера, которому незнакомы ни острота, ни истинная веселость, ни нравы общества.

Дѣдушка Назаръ Андреевичъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Скриба. Передѣланный съ французскаго П. С. Ѳедоровымъ.

Лучше всего производится у насъ передѣлка театральныхъ пьесъ съ иностраннаго на русскій языкъ. Если бы добросовѣстность не принуждала передѣлывателей объявлять объ ихъ заимствованіи, никто не вздумалъ бы и подозрѣвать ихъ въ этомъ. Въ подлинникѣ, какъ наприм. у Скриба, пьеса дѣйствуетъ на читателя или зрителя очень пріятно, забавляетъ его игривостію ума и граціею куплетовъ. Передѣлка же вышла точно новое оригинальное сочиненіе: ни одной чертой не напоминаетъ оно своего законнаго происхожденія.

Дугласъ Черный. Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

Сочинитель, печатая эту пьесу, поступилъ какъ герой. Въ предисловіи къ ней онъ откровенно объявляетъ, что драма его, во время ея представленій здѣсь въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ,

принята была публикою безъ малѣйшаго участія. Въ слѣдствіе того онъ и рѣшился напечатать ее. Пусть, подумалъ онъ, къ испытанному равнодушію присоединится новое.

Путешествіе Апраксинскаго купца и благополучное возвращеніе. Фарсъ-водевиль въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. П. Г.

Опекуны. Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, Е. Дементьева.

Обращаемъ вниманіе читателей на обѣ пьесы вмѣстѣ: онѣ заимствованы, сколько у сочинителей достало на то искуства, изъ современнаго русскаго быта. Еще примѣчательнѣе, что въ этихъ двухъ пьесахъ заключенъ полный кругъ общества нашего — отъ апраксинскаго купца до предводителя дворянства. Недостаетъ только дѣйствительности физіономій и этого склада, которымъ русскій умъ и истинно-русская рѣчь отличаются отъ иноплеменнаго сгиба. За успѣхъ мудрено и взяться: ужъ довольно добраго намѣренія.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Поэма Н. Гоголя. Изданіе второе.

Текстъ поэмы отпечатанъ безъ измѣненія. Но при этомъ изданіи авторъ приложилъ родъ предисловія, подъ названіемъ: *Къ читателю отъ сочинителя.* Оно можетъ наконецъ вразумить многихъ, какая была цѣль автора при сочиненіи книги. Онъ заботится единственно о томъ, чтобы ни одна изъ его картинъ не осталась непровѣренною по наблюденіямъ ближайшимъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ СОВРЕМЕННИКА.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости.

Пушкинъ.

Прошло девять лѣтъ съ той поры, какъ я приступилъ къ изданію *Современника*. Профессорская должность моя особенно побудила меня къ тому. Въ исполненіе обязанности своей—добросовѣтно и съ пользою дѣйствовать на молодое поколѣніе развитіемъ науки — я желалъ вдругъ заниматься и въ кабинетѣ, и на каѳедрѣ, и передъ судомъ публики. Во мнѣ есть убѣжденіе, что ученый тогда только вполнѣ отвѣчаетъ призванію своему, когда обработываемою имъ наукою непосредственно споспѣшествуетъ благу общественной жизни. Для профессора словесности литературный журналъ представляетъ прекрасное открытое поприще, на которомъ онъ является передъ своими современниками какъ критикъ, какъ историкъ и какъ теоретикъ. Каждая истина, произнесенная имъ всенародно, обращается въ общее достояніе. Въ кабинетѣ онъ внимательнѣе къ своему дѣлу, работая для свѣта, а на каѳедрѣ слово его значительнѣе, получивши вѣсъ отъ приговора публики.

Постиженіе истины и чувствованіе прекраснаго достаются намъ въ удѣлъ, подобно прочимъ способностямъ души, какъ даръ природы. Но развиваютъ ихъ воспитаніе, ученіе, чтеніе и особенно общество, посреди котораго намъ жить суждено. Такъ нравственное чувство, называемое совѣстію, принимаетъ разно-

образные оттѣнки, соотвѣтственно силѣ и характеру впечатлѣній, посреди которыхъ оно поставлено обстоятельствами, его воспитывающими. Слѣдовательно въ одной и той же литературѣ, объ одномъ и томъ же произведеніи ума или таланта, могутъ являться сужденія и приговоры, очень несходные между собою. Это разногласіе, довольно естественное, часто приписывается духу партіи, пристрастію и другимъ подобнымъ тому причинамъ. По моему мнѣнію, защищеніе какой-нибудь литературной партіи, пристрастіе къ нѣкоторымъ писателямъ выражаетъ собою сферу ума и степень вкуса. Большое надобно самоотверженіе, большое презрѣніе собственнаго достоинства и чести, чтобы гласно защищать безъ убѣжденія неправое дѣло, дурное сочиненіе называть хорошимъ. Выборъ партіи опредѣляетъ уже меня самаго. Что ни произнесъ я въ *Современникѣ*, все остается моимъ убѣжденіемъ и зависѣло отъ началъ моего сужденія и вкуса. Мнѣ извѣстно, какъ и всякому, что въ дѣлѣ словесности очень немного правилъ общихъ и неизмѣнныхъ. Какъ и другіе, я чувствую, что великое и прекрасное въ искуствахъ не подчиняется предварительнымъ условіямъ. Старое не потому часто хорошо, что за нимъ право давности; равно и новое не отъ того иногда худо, что непохоже на старое. Напротивъ: въ созданіяхъ искуствъ прежде всего нравится намъ свѣжесть, самобытность, новизна. Но все, какъ въ созданіяхъ природы, должно быть полнымъ жизни, жизни истинной, поражающей насъ своимъ организмомъ, красками, свѣтомъ и теплотою. Природа, истина и жизнь — для меня, въ отношеніи къ произведеніямъ искуствъ, однозначащія слова. Художникъ есть воспроизводитель того, чѣмъ поражаетъ его природа. И изъ старыхъ, и изъ новыхъ писателей много было лжецовъ и клеветниковъ на природу. Не сливаясь своею безчувственной или холодной душою съ гармоніей міра, они прикидывались вдохновенными, а между тѣмъ въ ледяномъ безчеловѣчіи только выдумывали, *сочиняли* характеры, страсти и положенія, которые внезапнымъ явленіемъ своимъ могутъ подѣйствовать развѣ на человѣка полусоннаго физически, или нравственно. По моимъ

идеямъ успѣхи искуства ни замкнуться, ни остановиться не могутъ, потому что ряды явленій духа въ образахъ чувственныхъ, подобно формамъ жизни, безконечны и неостановимы.

Съ такими убѣжденіями я не могъ опасаться, что отстану отъ идей вѣка. Принадлежа обществу и жизни по неизмѣннымъ требованіямъ моего духа, я чувствовалъ себя *современникомъ* литературныхъ своихъ собратій не по одному названію моего журнала. Но часто не былъ я современникомъ въ характерѣ, въ духѣ, въ формахъ, въ тонѣ и выраженіяхъ нынѣшней критики. Это составляетъ особенность моей личности. Мнѣ кажется, для истины довольно одного появленія, чтобы ее приняли. Противное ей также отвергнуто будетъ здравомыслящимъ человѣкомъ, когда ему спокойно укажутъ на то. Наборъ восклицаній одобрительныхъ, или унижающихъ произведеніе, язвительное преслѣдованіе ошибокъ, неистовый гнѣвъ на неудачное оправданіе, самолюбивое торжество побѣды, залпъ насмѣшекъ на противника— эти современныя черты журнальной критики я почитаю недостойными литератора, унижающими его какъ человѣка и какъ представителя образованной части въ гражданскомъ обществѣ. Доказательства могутъ сдѣлаться убѣдительными безъ иперболъ, при одномъ ясномъ и точномъ ихъ развитіи. Отъ одушевленія и шутки велико еще пространство до изступленія и брани.

Въ нашу эпоху журналы сдѣлались исключительнымъ чтеніемъ публики. Ими удовлетворяетъ она двумъ своимъ потребностямъ: знакомится съ новостями въ области наукъ и словесности, и въ то же время наполняетъ досуги тѣмъ чтеніемъ, которое необходимо для самого полуобразованнаго человѣка. Если бы журналисты, радѣя о благѣ общемъ, заботливо избирали статьи для чтенія, они могли бы теперь оказать обществу великія услуги. Отбрасывая все безвкусное, грязное и пустое, они незамѣтно ознакомили бы публику съ тѣмъ, чтó приноситъ пользу уму, сердцу и вкусу. Въ томъ собственно и назначеніе писателя. Онъ не долженъ подслушивать, чего требуютъ, а наклонять умы къ сторонѣ добра и чистоты. Я помѣстилъ въ *Современникъ* два

романа: *Семейство* — Фредерики Бремеръ, и *Импровизатора* — Андерсена: оба они остаются самымъ занимательнымъ и вмѣстѣ самымъ поучительнымъ чтеніемъ для читателей всѣхъ сословій. Въ отношеніи къ романамъ новой французской школы я оставался потому только современникомъ, что постоянно указывалъ на ихъ безвкусіе и отсутствіе въ нихъ всякой художнической истины. Присматриваясь ко множеству появляющихся нынѣ романовъ русскихъ и другихъ произведеній *такъ называемой* изящной словесности, кто теперь не чувствуетъ, куда завело насъ это чтеніе, съ такою быстротой распространяемое по провинціямъ въ школьническихъ переводахъ? Какія формы, какія краски принялъ у насъ этотъ русскій языкъ, которымъ еще недавно мы услаждались какъ музыкою, какъ живописью?

Нарушеніе правильности, ясности и чистоты языка у насъ вообще самое обыкновенное дѣло. Записные литераторы часто составляютъ фразы, видимо не соотвѣтствующія духу русскаго языка. О самоучкахъ въ литературѣ нашей и говорить нечего. Рѣдко попадется ихъ издѣлія книга, которая бы не содержала безсмыслицы въ самомъ заглавіи своемъ. Посреди этого хаоса безграмотности, какъ не думать, что трудишься не напрасно, когда снабжаешь читателей образчиками по крайней мѣрѣ логической и грамматической правильности? Тамъ, гдѣ отечественному языку всѣ учатся основательно, смѣшно было бы и упоминать о подобной заслугѣ журнала. А мы и до того не дошли еще. Я могу надѣятся, что 36 томовъ *Современника*, изданнаго тщательно, съ полнымъ вниманіемъ къ изложенію мыслей, не безъ пользы для этого дѣла останутся въ рукахъ молодыхъ людей. Моими постоянными сотрудниками были не подрядныя лица, а писатели, которыхъ знанія, вкусъ и таланты всѣмъ извѣстны. Оттого ихъ было немного, и отъ того журналъ не вошелъ въ категорію *толстыхъ*. Имъ обязанъ я, что мнѣ легко было трудиться. Періодъ моего *Современника* составляетъ въ жизни моей время, о которомъ я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе. Не участвуя въ шумныхъ распряхъ, издалека доходившихъ до меня,

я занимался только общимъ дѣломъ — развитіемъ идеи словесности въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаю ее. Это цвѣтъ умственной жизни. Благоуханіемъ своимъ онъ оживворяетъ силы духа. Онъ приноситъ наконецъ плоды, которыми питаются всѣ науки. Безъ цвѣтущей словесности ни въ чемъ нѣтъ жизни. Общество вяло и холодно. Ученые едва сами себя понимаютъ. Воспитаніе безъ способовъ и успѣховъ. Кто жъ будетъ равнодушенъ къ дѣлу, въ которомъ сознаетъ столько важности и пользы?

Но журналисту часто представляется возможность дѣйствовать во благо другихъ не однимъ открытымъ способомъ, не одними приговорами, печатающимися въ изданіи. Съ нимъ безпрестанно входятъ въ сношеніе люди, вовсе ему неизвѣстные, однако же знающіе его и ввѣряющіе ему первые опыты умственныхъ трудовъ своихъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ потаенно способствуетъ образованію новыхъ писателей съ тѣмъ или другимъ направленіемъ. Полагаясь на его вкусъ, вѣрятъ и одобренію его и осужденію. Нечаянно встрѣтить талантъ, который, за недостаткомъ правильнаго развитія, сбился съ прямой дороги, открыть существо, страстно преданное искуству, но гибнувшее отъ заразы дурныхъ примѣровъ и ложныхъ мыслей, снять съ ихъ глазъ пелену обмана или невѣжества — для теплой души много отраднаго въ подобныхъ случаяхъ. У меня сохраняются письма, то начертанныя поспѣшною рукою юноши, то вылившіяся изъ полнаго сердца женщины: въ нихъ лучшая исторія современной литературы нашей. Тутъ читаешь неподдѣльные разсказы вліянія на общество этой школы романистовъ, которые вмѣсто чернилъ обмакивали свои перья въ крѣпкіе напитки. Не было мнѣ надобности ни передъ кѣмъ притворствовать. Я прямодушно высказывалъ истину, какъ ее понимаю. Удалось ли мнѣ остановить лишній пріемъ зелья — покажетъ время. Тѣ, которые обращались ко мнѣ съ первыми опытами, конечно явятся когда-нибудь въ свѣтѣ какъ опытные писатели. Въ ихъ рукахъ остается и приговоръ мнѣ — довольно ли искренно я прощаюсь здѣсь съ моимъ читателемъ.

Приводя себѣ на память все лучшее, чѣмъ я столько вре-

мени пользовался за постоянною своею работой, не скажу однакоже, что не рѣшился бы разстаться съ нею безъ важныхъ обстоятельствъ, лично меня касающихся. Нѣтъ: я только нашелъ много значенія въ слѣдующихъ словахъ одного человѣка, который ихъ помѣстилъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 24 сентября нынѣшняго года: «Нужно иногда обновлять свою жизнь существенными перемѣнами — иначе ржавѣетъ». Переходъ къ занятіямъ несрочнымъ, въ другомъ объемѣ, чуждымъ столкновенія съ ежедневными новостями, несомнѣнно принесетъ мнѣ и новый интересъ и новое удовольствіе. Передаю редакцію *Современника* сослуживцу моему и товарищу по каѳедрѣ, профессору А. В. Никитенко. Довольно этого ручательства, чтобы я былъ покоенъ за будущую судьбу изданія моего. «Мы (кстати повторю здѣсь) одно любимъ, одного желаемъ».

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ДОПОЛНЕНІЯ, ПРИМѢЧАНІЯ И ПОПРАВКИ.

Томъ II.

Стран.

4. Дама, помѣстившая въ *Звѣздочкѣ* біографію Крылова, была г-жа Карлгофъ, впослѣдствіи Драшусова.

12. Мы узнаемъ изъ собственныхъ словъ Плетнева, что его привезли въ Пбургъ въ 1811 году; слѣдовательно онъ поступилъ въ Педагогическій институтъ уже 18-и или 19-илѣтнимъ юношей (род. въ 1792).

21. Разсказъ, о которомъ упоминается въ самомъ низу страницы, напечатанъ въ этой же статьѣ на стр. 89.

31. Эта біографія Крылова отпечатана и отдѣльною брошюрою въ 12-ую д. л. Спб. 1859. CXXI стр. Въ концѣ прибавлено свѣдѣніе о памятникѣ Крылову.

49. Товарищъ Крылова былъ именно *Рахманиновъ*, а не «Рахмановъ», какъ онъ ошибочно названъ въ статьѣ Плетнева. Поправка сдѣлана издателемъ.

79. Второе изданіе басенъ Крылова вышло въ 1815 г.; въ 1816 же появилось уже третье.

86. Упомянутый здѣсь переводчикъ Телемака былъ Ѳ. П. Лубяновскій. Его переводъ былъ издаваемъ имъ нѣсколько разъ. См. Геннади *Справочный словарь о русскихъ писателяхъ*, т. II.

110. Душеприказчикомъ Крылова былъ старинный пріятель его Я. И. Ростовцовъ.

Стран.

198. Журналистъ, твердившій во всеуслышаніе, что въ Россіи явился геній поэзіи, равный Гэте, — былъ Сенковскій, который превознесъ Кукольника по поводу появленія его драматической фантазіи *Торквато Тассо* (1833 г.).

281. Повѣсть Основяненка (псевдонимъ Квитка) «Дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро» была напечатана въ XIV-мъ томѣ *Современника*.

293. Подъ словами: «Краса Россіи» и проч. надо разумѣть Полевого.

305. Начальныя буквы имени при заглавіи: «Лирическій Пантеонъ» означаютъ г. Фета (А. А. Шеншина).

311. Здѣсь въ означеніе годовъ, къ которымъ относится большее или меньшее число стихотвореній гр. Ростопчиной, очевидно вкралась ошибка: иначе пришлось бы допустить въ словахъ автора противорѣчіе.

318. При рецензіи *Сказаній Русскаго народа*, изданныхъ Сахаровымъ, слѣдовало прибавить ссылку на стр. 240 этого тома.

329. Къ словамъ: «Но *Бесѣда* — не *Сто* ли это *литераторовъ*? не излишне было бы также прибавить ссылку: «См. выше стр. 272».

385. Свѣдѣнія о немъ С. И. Пономаревъ дополняетъ слѣдующими указаніями: *Отеч. Зап*. 1861, № 11, Смѣсь, стр. 2—4;— *соч. Бѣлинскаго*, т. VII, стр. 308—320; — Посланіе къ Милькѣеву въ *Стихотвореніяхъ Хомякова*, стр. 59, и посланіе Павловой въ ея сочиненіяхъ (т. III). Стихотворенія Милькѣева напечатаны въ Москвѣ 1843 г.

392. Довольно строгій отзывъ о первомъ изданіи Хрестоматіи А. Д. Галахова, конечно, былъ бы измѣненъ, еслибъ рецензенту пришлось говорить о позднѣйшихъ изданіяхъ той же книги, въ которыхъ составитель, болѣе и болѣе соединяя въ себѣ условій для успѣшнаго выполненія избранной имъ задачи, постепенно совершенствовалъ свой трудъ, то устраняя изъ него излишнее, то дополняя его новыми образцами. Кромѣ

Стран.

того г. Галаховъ не только послѣдовалъ совѣту своего критика сообщить свѣдѣнія о писателяхъ, изъ которыхъ что-либо заимствовано; но сдѣлалъ гораздо болѣе: сперва приложилъ къ своей Хрестоматіи цѣлый томъ біографическихъ и литературныхъ примѣчаній, а впослѣдствіи развилъ эти прибавленія въ полную исторію русской литературы.

429. «Книга для переводовъ» издана бывшимъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета С. И. Барановскимъ и г. Ѳ. Студитскимъ.

431. «Земледѣліе въ Китаѣ» — трудъ извѣстнаго въ свое время архимандрита Іакинѳа Бичурина, долго жившаго въ Пекинѣ.

432. Авторомъ «Исторіи Кіевской Академіи» былъ знаменитый впослѣдствіи митрополитъ Московскій и членъ Академіи Наукъ Макарій.

453. Отзывъ Плетнева объ «*Очеркахъ Россіи*», изданныхъ Пассекомъ, см. въ этомъ же томѣ, стр. 258.

489. Подпись В. В. В. означаетъ В. М. Строева.

502. Первый отзывъ о стихотвореніяхъ Языкова напечатанъ выше, на стр. 465.

508. Послѣ словъ, которыми оканчивается перепечатанная здѣсь часть рецензіи перевода поэмы «Фритіофъ», Плетневъ продолжаетъ: «Вотъ еще одно мѣсто, гдѣ, какъ и во всей поэмѣ, переведенной стихами, подлинникъ (переданъ) вѣрнѣе, нежели въ прозѣ:

«О Фритьофъ. Фритьофъ! такъ ли разлучимся»....

За этою выпискою, кончающеюся стихомъ:

«Въ моихъ глазахъ твой образъ принимало»

слѣдуетъ окончаніе статьи:

«Заключимъ наше сравненіе еще однимъ отрывкомъ:

«Въ ночь прошлую (та ночь была ужасна)» и т. д.

50 стиховъ, изъ которыхъ приводимъ три послѣдніе:

«Я не украду имени его

Стран.

Изъ пѣсень скальдовъ; я не дамъ погаснуть
Всходящей славѣ моего героя».

«Въ прозѣ это мѣсто такъ переведено: «Я не похищу имени моего Фритгіофа изъ пѣсней скальдовъ, не омрачу славы героя моего еще въ утренней зарѣ ея». (См. *Совр.* т. XL, стр. 100—105.

511. По указанію Геннади, начальныя буквы имени автора *Башни Веселухи* означаютъ Ѳедора Андреевича Эттингера.

518. Въ приведенномъ тутъ посланіи Пушкина, въ первый разъ напечатанномъ въ *Невскомъ Альманахѣ* на 1826 годъ, стихи 3-й и 4-й надобно читать:

«Василья Пушкина, Маркова;
Княжевичь, дальній вамъ родня.

См. въ 8-мъ изданіи соч. Пушкина т. II, стр. 35 и 385.

521. Энеида Виргилія, въ полномъ переводѣ I. Шершеневича, напечатана въ Варшавѣ въ 1867 году. Передъ тѣмъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, она явилась въ *Современникѣ*.

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ II.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
41	сн. 9	окрытъ	открытъ
45	сн. 13	отъ	онъ
73	св. 9	вооображеньемъ	изображеньемъ
102	св. 14	Лейте	Лейтесь
—	св. 21	многосленнымъ	многочисленнымъ
160	сн. 13	изданій	созданій
172	сн. 15	къ	въ
181	сн. 16	для	до
222	сн. 11	окрытіемъ	открытіемъ
345	св. 11	чтобъ	что
554	сн. 2	упросить	упростить
560	св. 14	не принять	принять

Сверхъ того на отр. 567 при заглавіи: „Къ читателю Современника" пропущено означеніе года: 1846.

761130